

Форум

новейшей восточноевропейской
истории и культуры

Forum für osteuropäische
Ideen- und Zeitgeschichte

№ 1, 2014

Форум

новейшей восточноевропейской
истории и культуры

Русское издание

№ 1, 2014

Редакция:

Леонид *Люкс* (главный редактор)
Николаус *Лобковиц*
Алексей *Рыбаков* (Алексей *Макушинский*)
Андреас *Умланд*
Антонина *Зыкова*
Антон *Шеховцов*

Форум

новейшей восточноевропейской
истории и культуры

Русское издание

№ 1, 2014

Редакция:

Леонид *Люкс* (*главный редактор*)

Николаус *Лобковиц*

Алексей *Рыбаков* (Алексей Макушинский),

Андреас *Умланд*, Антонина *Зыкова*

Антон *Шеховцов*

Адрес редакции:

Zentralinstitut für Mittel- und Osteuropastudien

Katholische Universität Eichstätt-Ingolstadt

Ostenstraße 27

D-85072 Eichstätt

E-Mail: zimos@ku-eichstaett.de

Ведущие мыслители философско-
религиозного ренессанса начала XX
века в России. Им посвящена наша
рубрика «Русские европейцы»

Wiki-Commons

Группа основателей будущего «Союза освобождения» в
1902 г. в Германии: Пётр Струве, Нина Струве, Василий
Богучарский, Николай Бердяев и Семён Франк (внизу).

Графическая обработка:

Кьяра Саволделли

Содержание

I. Контекст, развитие и значение Евромайдана: краткие наблюдения и толкования (2)

I.1 Политические и социологические аспекты украинской революции 2013-2014 гг.

Юрий Мацневский

Сила народа или сила власти: сравнение кризиса 2004-го и 2014-го годов в Украине 7

Ольга Чупыра

Гражданский протест – Версия 2.0: Майдан 2013-2014 как катализатор украинского патриотизма 17

Алексей Шестаковский

Радикализованные европейцы? Ценности Евромайдана и перспектива развития общества 24

Андреас Умланд, Антон Шеховцов

Украинские правые радикалы, евроинтеграция и неонацистская угроза: сравнительные наблюдения о сегодняшнем украинском политическом ультранационализме 50

Дарья Малютина

Евромайдан в Лондоне: развитие транснационального протеста 58

I.2 Последствия и импликации украинской революции 2013-2014 гг.

Максим Гацков

Евромайдан как кризис легитимности и будущие вызовы украинскому обществу 69

Максим Яковлев

«Антимайдан» после Евромайдана в социальных сетях: образ врага и опасения жителей востока Украины 78

Леонид Люкс

Дугин или Путин? Две стратегии «неоимперского реванша»
и украинский кризис 94

Винфрид Шнайдер-Детерс

Доктрина Путина – конец европейской безопасности 98

II. Русские европейцы (2)

Владимир Кантор

Философия Владимира Соловьева как камертон миропонимания
Семёна Франка 115

Леонид Люкс

Русский государственный Петр Струве 124

III. Постсоветское пространство

Доннака О Бахойн, Абель Полесе

«Rocking the Vote»: Новые формы организации молодежи в пост-
коммунистическом пространстве 145

Андрей Макарычев, Анастасия Степанович

Деполитизация советского опыта: культура, спорт,
кино и ... прагматизм? 165

Ханс-Иоахим Шпангер

Не-Священный союз. Путин и ценности 181

IV. Страницы новейшей истории

Анатолий Сметанников

Модернизация и консерватизм в пореформенной России 203

Борис Хавкин

Русский Фронт Первой мировой войны (1914-1915 годы) 215

Ольга Кучеренко

Между молотом и наковальней: борьба за молодое поколение на оккупированных территориях Советского Союза 234

Глеб Ципурский

Уличный мир и молодые хулиганы в пост-сталинском Советском Союзе 242

Нурия Кутнаева

Балканская зона, свободная от ядерного оружия: история и перспективы 256

Дмитрий Ковпак

Советский историк и зарубежная наука: Александр Львович Шапиро и западные историки-русисты 274

V. Дискуссия о тоталитаризме

Леонид Люкс

Реакция Коминтерна на возникновение и приход к власти итальянского фашизма (1920-1923) 297

Роджер Гриффин

Фашизм до и после Второй Мировой войны: историческая роль, идеологические установки, политическое значение 341

VI. Религиоведение

Константин Антонов

Этос отечественного религиоведения 1920х-1980х годов: опыт Реконструкции 355

VII. История литературы

Виктория Шмидт

От виктимизированного свидетеля к свидетельствующей жертве: Арношт Лустиг и Богумил Грабал – два полюса чешской литературы о войне 373

Елена Сивуда

Федор Достоевский и Генрих Белль: герои, темы, мотивы 392

VIII. Эссе

Андреас Умланд

Как Путину удалось перехитрить Запад и заставить его признать
российскую аннексию Крыма 401

Фабриан Буркхардт

Освещение кризиса в Украине в немецких ток-шоу 404

Коротко об авторах 418

I. Контекст, развитие и значение Евромайдана: краткие наблюдения и толкования (2)

I.1 Политические и социологические аспекты украинской революции 2013-2014 гг.

Юрий Мациевский

Сила народа или сила власти: сравнение кризиса 2004-го и 2014 годов в Украине¹

Масштабные политические кризисы появляются в Украине примерно раз в десять лет, причем их интенсивность и острота только возрастают. Однако, если кризисы 1994 и 2004 гг. влекли за собой «мягкую» смену власти, то кризис конца 2013 – начала 2014 г. – нет. До сих пор выборы, какие бы не были несовершенные, являлись важным институциональным механизмом как преодоления кризисов, так и смены власти в Украине. Но само отсутствие выборов еще не дает полного ответа на вопрос, почему В. Янукович мог так долго оставаться у власти, а Л. Кучма – нет.

В этой статье на основе сравнения двух кризисных эпизодов 2004 и 2013-2014 гг. я попытаюсь выявить факторы, повлиявшие на длительную борьбу режима за свое выживание в 2014 г., но приведшие к его быстрому падению в 2004 г. Сначала посмотрим, что о выживании автократов нам говорит теория, затем сравним события 2004 и 2014 гг. по нескольким параметрам, а в конце рассмотрим международный контекст украинского кризиса и сформулируем несколько обобщений.

Теория

В научной литературе существует несколько объяснений, которые могут пролить свет на поставленную проблему. Например, Генри Хейл (Henry Hale) утверждает,

¹ Первая версия статьи появилась на украинском языке в журнале *Економічний часопис ХХІ* (2014. № 1-2).

что падение авторитарных правителей на постсоветском пространстве обусловлено «кризисом преемственности» (succession crisis)². Проблема возникает тогда, когда властные элиты перестают воспринимать президента как «патрона», способного продлить свое пребывание у власти или предложить достойного преемника. Наиболее уязвимым глава государства становится в период избирательного цикла. Тогда окружение начинает искать нового «патрона», который и приходит к власти.

Теория динамики гибридных режимов С. Левитски и Л. Вэя предлагает структурное объяснение причин выживания недемократических лидеров. Теория, в частности, говорит, что в условиях среднего или значительного организационного потенциала власти и среднего западного демократического давления гибридные режимы остаются нестабильными, но выживают³. По моим подсчетам, организационный потенциал власти во время президентства В. Януковича вырос и находился на уровне выше среднего, а западное демократическое давление оставалось на уровне ниже среднего⁴. В 2004 г. организационный потенциал власти был ниже, а западное влияние – выше, чем в 2013 г., что вместе с массовыми протестами привело к смене власти. В 2013 г. у Запада была возможность усилить свое давление на президента и его окружение с помощью механизма персональных санкций, но США и ЕС слишком долго медлили с их применением. Причины такой нерешительности будут объяснены далее.

Некоторые авторы – Барбара Геддес⁵, Андреас Шедлер⁶, Майкл Макфол⁷ – обращают внимание на такие факторы выживания режима, как «вертикальные угрозы», «горизонтальные угрозы» и наличие или отсутствие выборов. Теперь посмотрим, как приведенные выше переменные ведут себя в нынешней ситуации.

Анализ

В целом политический кризис 2004 г., так же, как и 2013-2014 гг., хорошо объясняет актероцентричная теория Г. Хейла. Перед Януковичем, в отличие от Кучмы, не стояла проблема продления полномочий или поиска преемника. Кризис 2013 г., в отличие от кризиса 2004 г., произошел не в конце, а в середине первого срока

² Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol. 58. № 1. P. 133-165.

³ Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes After the Cold War. Cambridge, 2010. P. 23-24.

⁴ Мацієвський Ю. Україна після Вільнюса: як виживатиме режим // Критика. 2013. Число 7-8. С. 6-9.

⁵ Geddes B. What Do We Know About Democratization after Twenty Years // Annual Review of Political Science. 1999. Vol. 2. P. 115-144.

⁶ Shedler A. The New Institutionalism in the Study of Authoritarian Regimes // CIDE. 2009. № 215. <http://libriaciide.com/librospdf/DTEP-215.pdf>. Последнее посещение. 14 февраля 2014.

⁷ McFaul M. Transitions from Post-Communism // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16. № 3. P. 5-19.

президентства В. Януковича. Несмотря ни на противостояние внутри властной группировки («Семьи» – с одной стороны, и групп Р. Ахметова и Д. Фирташа – С. Лёвочкина – с другой), ни на массовые протесты, в восприятии правящей элиты Янукович оставался полноправным «патроном», по крайней мере, до третьей неудачной попытки силового разгона Майдана (19-20 февраля 2014 г.). Лишь после этого часть окружения президента, в первую очередь фракция Партии регионов в парламенте, почувствовав серьезную внутреннюю (революция) и внешнюю (санкции) опасность, преопределила падение Януковича. Из этого следует, что протесты, которые приходятся на середину срока президентских полномочий, являются менее угрожающими, чем те, которые приходятся на конец каденции.

«Вертикальные угрозы» – это единство и организованность оппозиции и массовая мобилизация снизу. В 2004 г. оппозиция действовала более слаженно, а главное – имела единого лидера, выступавшего оппонентом действующей власти. В 2013-2014 гг. оппозиция действовала неэффективно (не имела ни плана выхода из кризиса, ни плана отстранения Януковича от власти), то есть не наладила альтернативной координации и не смогла сохранить внутреннее единство. В 2013-2014 гг. роль двигателя протестов выполнял Майдан, что наиболее отчетливо проявилось 21 февраля 2014 г., когда протестующие отказались принять очередной компромисс с Януковичем и выдвинули требование о немедленной отставке президента.

Способность людей массово выйти на улицу в 2013 г., как и в 2004 г., не была учтена ни социологами, ни оппозицией, ни властью. Однако если в 2004 г. оппозиция и гражданские организации заранее готовились к протестам, то в 2013 г. первая вспышка массовых протестных акций произошла спонтанно. Если бы власть не применила силу в ночь с 30 ноября на 1 декабря, то неизвестно, способен ли был Майдан мобилизовать такое количество людей и был бы ли протест таким длительным. Итак, массовая мобилизация 2013 г., в отличие от 2004 г., не была обусловлена ни расколом элит (аргумент П. Д'Аниери⁸), ни «украденными» выборами, ни ухудшением материального положения граждан. Народный протест стал следствием «украденных ожиданий», то есть влияния постматериальных факторов, что позволяет пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды на причины массовой мобилизации.

«Горизонтальные угрозы» – это раскол в окружении действующего президента и переход силовых структур на сторону оппозиции. Для выживания автократов горизонтальные угрозы считаются более важными, чем вертикальные. При условии массовых протестов снизу способность автократа оставаться у власти во многом зависит от позиции окружения и силовых структур – полиции, армии, органов безопасности. Важными составляющими успеха «оранжевой револю-

⁸ D'Anieri P. Explaining the Success and Failure of Post-Communist Revolutions // Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol. 39. № 3. P. 331-350.

ции» были три фактора: а) раскол в окружении президента Л. Кучмы, в частности, переход мэра Киева А. Омельченко и «олигархов» на сторону оппозиции; б) отказ части руководства СБУ, армии и милиции силой подавлять протесты; в) распад пропрезидентского большинства в парламенте. В 2013 г. оппозиция оказалась неспособной предложить условия, на которых олигархи, «силовики» и часть фракции Партии регионов (ПР) в парламенте, а также зависящие от нее внефракционные депутаты, смогли бы перейти на ее сторону. Ожидаемого «бунта олигархов»⁹, как и массового выхода депутатов из фракции ПР в парламенте, не произошло, до провала третьей попытки силовой «зачистки» Майдана.

Дополнительными факторами длительной устойчивости трех ключевых столбов власти следует считать отсутствие единого оппозиционного лидера и угрозу наказания со стороны «патрона». Ни Майдан, ни оппозиция не выдвинули единого харизматического лидера, который мог бы дать надежные гарантии безопасности «олигархам», силовикам и провластным депутатам для перехода на сторону оппозиции. С другой стороны, запугивание депутатов из фракции ПР, о чем сообщали бывшие ее члены¹⁰, длительное время сдерживало раскол фракции. Иными словами, пока цена перехода на сторону оппозиции казалась выше, чем цена выхода из патронажной сети президента В. Януковича, до тех пор устойчивость трех столбов власти оставалась высокой. К тому же у В. Януковича была партия, которая буквально до раскола доминировала в парламенте и которая до сих пор контролирует большинство областных и районных советов на Востоке Украины. У Л. Кучмы, напротив, не было собственной парламентской партии и он опирался на несколько олигархических кланов. Раскол в окружении президента Л. Кучмы и невмешательство «силовиков» в протесты подтолкнули депутатов парламента к принятию решения о признании второго тура президентских выборов недействительным и последующем реформировании большинства, что открыло путь к политическому компромиссу. Таким образом целостность фракции ПР в парламенте, лояльность олигархов и «силовиков» более длительное время обеспечивали В. Януковичу основу для сохранения власти.

Наконец, третье условие – выборы. С одной стороны, «украденные» выборы облегчают мобилизацию, а с другой – дают возможность разрешить кризис. «Украденные» выборы стали поводом к массовым акциям протеста в 2004 г., а решение Верховного суда о повторном голосовании второго тура президентских выборов, которое приняли оба кандидата, позволило преодолеть кризис мирным путем. В 2013 г. протесты вспыхнули после решения правительства Н. Азарова

⁹ Скок А. Бунт олигархов // Завтра. 18 декабря 2013. <http://www.zavtra.ru/content/view/bunt-oligarhov/>. Последнее посещение 14.02.2014.

¹⁰ См. Регионал Марков: Фракция Партии регионов держится лишь на страхе // Лига. 12 сентября 2013. http://news.liga.net/video/politics/898867/regional_markov_fraktsiya_partii_regionov_derzhitsya_lich_na_strakhe.htm. Последнее посещение 15.02.2014. Богословська: Из Партії регіонів хочуть вийти 60 людей, але їм погрожують // TVI. 21 декабря 2013. http://tvi.ua/new/2013/12/21/bohoslovska_iz_partiyi_rehioniv_khochut_vyyuty_60_lyudey_ale_yim_pohrozhuuyut. Последнее посещение 15.02.2014.

приостановить подготовку к подписанию Соглашения об Ассоциации (СА) с ЕС. Это решение, как и попытка силового разгона Майдана, спровоцировали кризис, но отсутствие выборов и полная зависимость судебной власти от администрации президента не позволили разрешить его политическим путем. Если в обществе не хватает институциональных механизмов проявления гражданского недовольства, то накопленное напряжение, как и протекание конфликтов, может приобрести насильственные формы. Именно это произошло 19 января и 19-20 февраля 2014 г., когда протестующие прибегли к актам политического насилия. Однако следует понимать, что до тех пор, пока власть не начала системный террор¹¹ против участников протестов и не прибегла к применению огнестрельного оружия, протест происходил в мирной форме.

Международный контекст украинского кризиса

Почему Запад так долго не решался применить санкции к руководству Украины? Этот вопрос уже оброс большим количеством спекуляций, начиная с нежелания Запада портить отношения с Россией и заканчивая выработкой якобы «геополитического консенсуса» относительно того, в чьей зоне ответственности должна находиться Украина. Окончательный ответ мы вряд ли услышим из уст западных политиков или дипломатов. Однако если взглянуть на все предыдущие действия США и ЕС в отношении Украины, то ситуация выглядит таким образом: а) в ЕС действительно не было плана «Б» на случай срыва СА с Украиной, б) у ЕС нет четкой стратегии в отношении России, а США долгое время ограничивались лишь заявлениями. При президентстве Б. Обамы Украина, по словам бывшего посла США в Украине С. Пайфера, «едва заметна на американском радаре», а в ЕС хотя и разочарованы неподписанием СА, однако не спешили радикально менять политику «вовлечения» (engagement) на политику изоляции. Последнее проявилось в уверениях о том, что двери для Украины остаются открытыми. Наконец, Запад тоже оказался застигнутым врасплох кризисом в Украине. В этих условиях ни в Брюсселе, ни в Вашингтоне не хотели ухудшать и без того шаткое положение Украины. Другими словами, Запад предпочитал эволюционный вариант развития событий, а не революционный. Следует понимать то, что такие действия Запада были продиктованы не столько заботой или безразличием к судьбе украинцев, сколько заботой о собственной безопасности. Введение санкций изменило бы баланс сил в Украине – ослабило бы власть Януковича и усилило положение оппозиции. Это, в свою очередь, могло бы побудить Януковича, а с ним и Путина, к радикальным действиям и возможной потере контроля над ситуацией. Смещение Януковича путем погружения в хаос 45 миллионной стра-

¹¹ Обоснование тезиса о системном терроре власти против демонстрантов представил Сергей Дацюк. См. Терор в Україні та його перспективи // Українська правда. 23 января 2014. <http://blogs.pravda.com.ua/authors/datsuk/52e0d98694129/>. Последнее посещение 13.04.2014.

ны, которая имеет общую границу с ЕС, в то время представлялось наименее ответственным шагом Запада. В сложившихся условиях сначала заместитель госсекретаря США В. Нуланд, а впоследствии сенаторы К. Мерфи и Дж. Маккейн четко определили границы, которые Януковичу нельзя переступать. Некоторое время казалось, что президент их услышал. Но в этот период произошли события, которые привели не к политическому компромиссу, а к революции.

Находясь под влиянием В. Путина, Янукович допустил стратегическую ошибку, отдав приказ на проведение «антитеррористической операции» в центре Киева. После расстрела более 90 людей последствий испугались не митингующие на Майдане, а ближайшее окружение Януковича. 19 февраля сначала семь депутатов-мажоритарщиков заявили о переходе на сторону народа, а позже о выходе из фракции ПР заявили еще одиннадцать депутатов. Более двадцати депутатов из ПР просто покинули пределы страны. В тот же день США ввели визовые санкции против двадцати украинских чиновников. Янукович пытался спасти свое положение, вступив в переговоры с оппозицией при посредничестве европейских дипломатов. Фактический коллапс наступил 20-21 февраля. В то время как президент пытался продлить свои дни у власти, соотношение сил в Верховной Раде было уже не в пользу президента. 21 февраля Рада остановила проведение антитеррористической операции, что позволило вернуть спецподразделения Министерства внутренних дел в места постоянной дислокации, приняла решение о возвращении к Конституции 2004 г. и отстранила министра внутренних дел В. Захарченко от исполнения обязанностей. В тот же день сначала представитель РФ на переговорах В. Лукин отказался подписать достигнутое соглашение, а после требования Майдана об отставке Янукович бежал из Киева. Таким образом, у Януковича не осталось рычагов влияния на ситуацию. Заявлением о своей отставке он мог бы спасти целостность страны, но так и не сделал этого.

Однако вернемся к вопросу о санкциях. Почему же США и ЕС так долго о них говорили, но не спешили применять? Здесь, по крайней мере, есть несколько причин. Первая: на Западе бытует убеждение, что «вовлечения», то есть постоянные контакты даже с диктатором, являются более эффективным механизмом контроля, чем «изоляция». Вторая: считается, что не сами санкции, а угроза их применения является более действенным инструментом влияния. Третья: в отношениях с Януковичем, а после аннексии Крыма и с Путиным, ЕС использует консервативный сценарий, то есть прилагает усилия, чтобы остановить кризис, а не менять баланс сил в пользу одной стороны. Эти действия ЕС, прежде всего, обусловлены заботой о собственной безопасности, традиционной ориентацией на Россию и, что не менее важно, использованием денег украинских олигархов для поддержки своей экономики. Только Канада, которая имеет меньше геополитических амбиций и не требует тесного взаимодействия с Россией, вела себя более решительно и последовательно. Если бы Янукович удержался у власти и даже выиграл досрочные выборы, то Запад, по моему убеждению, и дальше бы со-

трудничал с «законно избранным президентом», лишь бы не проливалась кровь, и выборы не были бы откровенно «украдены».

Интересы Кремля

Подписав в Москве несколько соглашений, Виктор Янукович, со своей стороны, пытался переложить на президента России проблемы своего пребывания у власти. Что требовал Путин в обмен на скидку на газ и \$15 млрд. кредита – неизвестно, но мы знаем, что после предоставления этого займа Россия контролирует почти 50% внешнего долга Украины¹². Пока стратегические интересы В. Путина и В. Януковича совпадали, украинский президент мог рассчитывать на поддержку Кремля. Но убедившись, что В. Янукович не способен «навести порядок» в Украине, В. Путин запустил план дезинтеграции страны.

Введя в игру Кремль, Янукович усилил свои позиции перед «мягким» Западом, но ослабил их, как и положение всей страны, перед «жестким» Путиным. Для последнего остановка курса Украины на сближение с ЕС являлась лишь тактическим шагом для получения полного контроля над Украиной. Собственно, Янукович мог бы оставаться инструментом в руках Путина еще, по крайней мере, до 2015 г., если бы события на Майдане не вышли из под контроля. Выбор в пользу Путина не решил вопрос личной безопасности Януковича, но поставил под угрозу целостность и суверенитет государства. Потеря Украиной Крыма и угроза раскола страны являются результатом стратегических просчетов Януковича на посту президента.

Почему Янукович все-таки потерял власть?

Устранение Януковича от власти обусловлено несколькими факторами:

1) режим проиграл информационную войну. В течение всего периода политического кризиса в Украине действовали как минимум три ТВ-канала и два интернет-канала, которые вели прямую трансляцию с Майдана. С помощью мобильной связи и интернета поддерживалась постоянная коммуникация между митингующими;

2) после принятия 16 января 2014 «законов о диктатуре» 11 областей Украины фактически вышли из-под контроля центральной власти. В стране возникла ситуация «множественного суверенитета» (термин Ч. Тилли), что является очевидным признаком революции;

¹² Екс-міністр фінансів: Янукович дозволив Путіну контролювати половину зовнішнього боргу України // Тиждень. 19 декабря 2013. <http://tyzhden.ua/News/97138>. Последнее посещение 13.04.2014.

3) пока три ключевые столба власти оставались устойчивыми, Майдан не представлял угрозы для режима. Властная вертикаль пошатнулась после провала третьей попытки силового разгона Майдана 19-20 февраля 2014 г. Сначала ново-назначенный председатель Киевской городской государственной администрации, член Партии регионов В. Макеенко заявил о поддержке киевлян, потом «посыпалась» фракция ПР в парламенте, что дало возможность создать новое парламентское большинство и принять ряд важных решений;

4) несмотря на очередную смену руководства Вооруженных сил Украины существовала постоянная опасность того, что офицеры не выполнят приказ. Армия так и не была вовлечена в конфликт, а спецподразделения «Беркута» и внутренних войск оказались менее мотивированы, чем защитники Майдана;

5) наконец, сила духа людей оказалась сильнее, чем весь аппарат безопасности режима и поддержка Путина. Это «упрямство в истине» сыграло решающую роль в победе Майдана.

Краткий итог дискуссии представлен в таблице.

Сравнение кризиса 2004 и 2013-2014 гг. в Украине

Фактор	Кризис 2004	Кризис 2013-2014
Повод	«Украденные» выборы	Решение правительства приостановить процесс подготовки к подписанию Соглашения об ассоциации с ЕС
Мобилизация	Организованная оппозицией, молодежными общественными организациями; политизирована	Спонтанная; неполитическая / впоследствии политизирована
Реакция власти	Ненасильственная	Насильственная
Участники	В основном средний класс	Изначально студенты; далее различные слои населения
Правящая элита	Разъединенная	Целостная
Оппозиционная элита	Целостная	Разъединенная («трехглавая»)
Харизматический конкурент	Был	Не было
Продолжительность	17 суток (от 22.11.2004 до 08.12.2014)	90 суток (с 22.11.13 до 22.02.2014 - наиболее длительный за всю историю независимой Украины)
Решение	Институционализирован путем международного посредничества и политического компромисса	Решен через реформирование парламента и самоотстранение руководства страны от власти
Посткризисная ситуация	Смена власти, но сохранение режима	Смена власти с перспективой изменения режима

Источник: собственная разработка автора

Уроки для Запада

Западная политика «вовлечения» и «выдвижения условий» в обмен на подписание СА с Януковичем потерпела поражение. После начала протестов Запад допустил, по крайней мере, три новых ошибки. Во-первых, непоследовательность в вопросе применения санкций позволила Януковичу еще в течение трех месяцев оставаться у власти. ЕС и США считали, что угрозы санкций будут более действенными, чем сами санкции. Подобная позиция оказалась ошибочной. Если бы Соединенные Штаты и Евросоюз начали расследование финансовых злоупотреблений «Семьи» в своих странах еще в начале кризиса, то это, вероятно, подтолкнуло бы олигархов перейти на сторону оппозиции и избежать кровопролития. В отличие от 2004 г. Ринат Ахметов до сих пор занимает выжидательную позицию, чем фактически способствует сепаратистам на востоке Украины. Во-вторых, США и ЕС на словах поддерживали народ Украины, а на самом деле пытались не нарушить геополитического равновесия с Россией, где Украине, с Соглашением или без него, была бы отведена роль буфера. Несмотря на многочисленные призывы экспертов и интеллектуалов начать действовать, европейские политики не решились противостоять Путину. Этот нравственный релятивизм еврократов стоил Украине потери части территории, более сотни погибших и несколько сотен искалеченных жизней.

Введение третьего этапа санкций в отношении России не повлияет на действия Путина на востоке Украины, в Молдове и возможно других странах. Проблема Украины в том, что с победой Евромайдана страна оказалась в геополитической ловушке. Сохранение Януковича у власти могло бы стать гарантией целостности страны, на что, по-видимому, рассчитывал и Запад, и Россия, в то время как победа революции в Киеве оказалась неожиданной для Запада и неприемлемой для Путина. Избрав свободу, украинцы бросили вызов Путину, а ценой своих жизней защищали не только свою страну, но и во многом Европу. Кто знает, смогут ли они удержать то, что осталось, но для большинства из них дороги назад уже нет. От того, какие уроки Запад извлечет из украинского кризиса, будет зависеть не только безопасность и единство ЕС, но и судьбы демократии далеко за его пределами.

Выводы

1. Массовая мобилизация (протестные акции) является необходимым, но недостаточным условием смены режима. Организационный потенциал власти в 2014 г. оказался выше, чем в 2004 г., что привело к наиболее длительному кризису в истории независимой Украины. Перед Януковичем не стояла проблема ни формального продления полномочий, ни поиска преемника, которая стояла перед Л.

Кучмой в 2004 г. Властная вертикаль дала трещину только после третьей неудачной попытки силового разгона Майдана. В результате Янукович потерял имидж дееспособного патрона, и властная вертикаль «рассыпалась» буквально за сутки.

2. В момент, когда события в Киеве вышли из под контроля, кризис перешел в революцию. Из одиннадцати аналитически отобранных признаков/условий революции в 2004 г. присутствовали лишь три, в то время как в 2014 г. их есть уже семь (международное давление, экономический упадок, развал государства, конфликт между элитами, массовая мобилизация, «множественный суверенитет» и насилие), а два другие (смена политического режима и смена социальной структуры) потенциально возможны¹³. Хотя о таких событиях, как революция, легче судить по последствиям, а не по факту, уже сейчас можно говорить о том, что в Украине произошла политическая революция. Вместе с тем, шансов на то, что она перерастет в социальную революцию, становится все меньше.

3. Возвращение к Конституции 2004 г., принятие стабилизационного пакета законов и проведение досрочных президентских и парламентских выборов могли бы постепенно вывести страну из кризиса, если бы не вмешательство России. От того, сможет ли украинский народ извлечь уроки из предыдущих ошибок и не допустить распада страны, будет зависеть, какие оценки украинского кризиса и революции войдут в учебники истории.

¹³ См. Мацієвський Ю. Чи була революція: події 2004 і 2014pp у порівняльній перспективі // Zaxid.net. 31 марта 2014. http://zaxid.net/home/showSingleNews.do?chi_bula_revolyutsiya_podiyi_2004_i_2014_rokiv_u_porivnyalniy_perspektivi&objectId=1305638. Последнее посещение 13.04.2014.

Чупыра, Ольга

Гражданский протест. Версия 2.0 Майдан 2013-2014 как катализатор русскоязычного украинского патриотизма

На майдані коло церкви революція іде...
(Павло Тичина)

«Майдан» в украинском историко-культурном контексте – это не только площадь, часть урбанистического ландшафта, а обозначение места, где зачастую происходили или же обсуждались общественно важные события. Слово майдан, вероятно, имеет иранское происхождение, и было, по одной из версий, позаимствовано при тюркском посредничестве, по другой – осталось в наследие от ираноязычных скифо-сарматских предков, о чем свидетельствует наличие в Украине более 30 населенных пунктов с таким названием.

В историческом сознании украинцев понятие майдана как центра общественной жизни неразрывно связано с казачеством: как площадь – он был местом реализации самоуправления, а фактически – одной из форм общественной самоорганизации Запорожской Сечи и Гетманщины. В новейшей истории это слово стало не только символом революции, но и обозначением новой формы самоорганизации гражданского общества.

Последствия «Оранжевой революции» сложно назвать однозначными, но, пожалуй, самым важным, если не единственно важным достижением этого масштабного акта гражданского неповиновения стало приобретение гражданским обществом определенной дееспособности. Нельзя утверждать, что Майдан 2004 года положил начало формированию гражданского общества, как и нельзя отождествлять одно с другим. Конечно же, элементы, из которых состоит гражданское общество, существовали и прежде, но в условиях постсоветской и новоиспеченной коррумпированной бюрократии влияние их было либо незначительным, либо локальным. Майдан стал новой формой проявления гражданского общества, оказавшись, условно говоря, в непосредственной близости от политической власти и в центре внимания всего общества.

Причины краха «Оранжевой революции» были многократно проанализированы и не требуют детального рассмотрения, достаточно подчеркнуть лишь самую важную из них – произошла фактически смена одной политической силы другой, без изменения самой сути и системы власти, которая осталась такой же коррумпированной.

Изначальный взрыв искренней гражданской активности во время революции был мимолетным и имплодировал спустя несколько месяцев после проведения третьего тура выборов. Активисты Майдана, как и большинство украинского населения, стали пассивными наблюдателями, маскирующими собственную политическую апатию еженедельным просмотром политических ток-шоу. На протяжении последних нескольких лет Украину с «завидной» постоянностью потрясали серьезные политические кризисы, но в общественном сознании сформировался консенсус о том, что еще один, новый Майдан, невозможен, хотя бы потому, что таковой является стихийным проявлением протестных настроений в обществе и искусственно организовать его невозможно. Ярким примером тому стала попытка организации «антиоранжевого майдана» из сторонников «Партии Регионов» и социалистов во время политического кризиса 2007 года, когда удалось добиться внешнего сходства, но абсолютно отсутствовало «майданное» смысловое наполнение и соответствующее влияние.

Майдан 2013-2014 года существенно отличается от первого, это все еще по сути стихийное, но уже осознанное общественное движение, отрезвленное опытом первого поражения, закаленное долгим периодом политических разочарований и накопившее за последние годы критическую массу негодования и даже агрессии по отношению к властным структурам, а соответственно – неготовое идти на компромисс. Тем не менее акции протеста полтора месяца протекали в мирном русле, с центральной сцены Майдана протестующих призывали не поддаваться на провокации и не применять насилие.

Следует особо подчеркнуть мирный характер протестов. Именно немотивированное применение силы со стороны бойцов Беркута во время ночного разгона остатков студенческого «Евромайдана» вызвало общественное возмущение и по сути спровоцировало новый Майдан¹. Случайно или неслучайно (это дает повод формулировать несколько конспирологических версий событий) это совпало с анонсированным загодя митингом оппозиции. Возмущенная масса людей, собравшаяся на площади Майдан Незалежности, несмотря на высокий градус протестных настроений, не откликнулась на провокации столкновений, которые были организованы близ Администрации Президента. Стихийную эскалацию насилия удалось предотвратить именно благодаря лидерам оппозиции и удавалось сдерживать даже после нескольких попыток власти силой разогнать Майдан. Уже первые дни организованного протеста продемонстрировали осознанность необходимости сохранения мирного, ненасильственного характера Майдана. Именно после попытки силового разгона мирного Майдана начали формироваться сотни Самообороны, вооруженные фанерными щитами и палками. В ход эти щиты пошли только через месяц во время противостояния на Грушевского. А оружие у Самообороны появилось только после снайперского расстрела майдановцев на Институтской. Но это уже начало другой истории.

¹ В СМИ его по инерции продолжали называть «Евромайданом», хотя в обществе эта фаза протеста получила название «Революция Достоинства».

Другой важной особенностью Майдана 2013-2014 года, которую следует особо выделить, было отсутствие педалирования языковых и в целом этнических противоречий. Общая аура Майдана была, конечно же, в большинстве своих проявлений украинской с этнокультурной точки зрения, поскольку она родная для большинства населения Украины, но она не носила националистического характера (в этницистском понимании термина). В этой связи можно говорить об отсутствии ксенофобских настроений у той части общества, которая активно поддерживала или разделила идеалы Майдана.

С другой стороны, у определенной части населения до сих пор преобладает особо стойкая форма иррациональной украинофобии советского типа. Характерной ее особенностью в историческом контексте стало систематическое приравнивание всего украинского к «петлюровскому» – контрреволюционному. Эта традиция была заложена еще во время гражданской войны и в период социалистического строительства 20-30-х годов. Так в начале 20 годов была изложена теория «борьбы двух культур» второго секретаря ЦК КП(б)У Д. Лебеда про революционно пролетарский характер российской культуры и мелкобуржуазный, контрреволюционный – украинской.

Но проблема не только в тяжелом наследии советской идеологии, а скорее в целенаправленном продолжении ее традиций. Сегодня вместо «петлюровский» активно и безапелляционно используется идеологема «бандеровский», что в сознании реципиента непосредственно коррелирует с такими отрицательно-заряженными ярлыками, как предатель, изменник Родины, коллаборационист, и что еще более важно, фашист.

Российские и пророссийские средства массовой информации подхватили эту риторику и ежедневно подкрепляют ее все новыми «фактами» и изобличающими репортажами. И зерно это падает на плодородную почву. Немалая часть населения регионов, которые граничат с Россией, вот уже два десятилетия продолжает быть частью информационного пространства России. Ситуация абсурдна, каждый вечер миллионы украинцев смотрят российские новости и политические ток-шоу, чтобы узнать, что происходит у них на родине. Неизбежным результатом подобного неконтролируемого доминирования российских СМИ на территории Украины стало не одно поколение граждан Украины, которые ассоциируют себя с российской, а не украинской политической нацией. Усугубляется ситуация также советской, и по форме, и по содержанию (достаточно вспомнить коллективное письмо деятелей культуры России в поддержку позиции Президента по Украине и Крыму), пропагандой советских же ценностей и сопутствующим возвышением традиций имперского самодержавия.

Избирательная кампания 2004 года привела к поляризации и разделению Украины на прозападную и пророссийскую, но что более важно – на украинско- и русскоязычную. Жителей западных регионов Украины обвиняли в нежелании быть толерантными и услышать оппонентов, а те, в свою очередь, обвиняли чуть ли не всех русскоговорящих жителей Востока в украинофобии. Украинское общество и

политикум казались не способными выработать компромисс, не говоря уже об адекватной государственной политике, способной объединить или хотя бы сблизить идейных оппонентов. Ориентация русскоязычного электората на сближение с Россией стала еще одним камнем преткновения, что впоследствии вылилось в достаточно масштабную дискуссию о том, можно ли вообще считать русскоязычное население патриотами Украины. Особенно активно эта тема обсуждалась в многочисленных интернет форумах в 2006-2008 годах, а также на фоне принятия Закона Кивалова-Колесниченко о «региональных языках» в 2012.

Для более радикально настроенных, тех, кого в российских СМИ принято называть украинскими националистами, характерно было утверждать, что русскоязычные граждане Украины не могут быть ее патриотами, так как, разговаривая на русском, они проявляют неуважение к стране, в которой живут. Знание и использование украинского языка было для многих критерием инклюзивности, ведь именно язык традиционно считается источником единства украинской нации. Характерным было также утверждение о том, что в условиях, когда Украина противостоит культурно-информационной экспансии России, разговаривая на русском, украинцы, тем самым, создают пятую колонну, поскольку русскоговорящие – безоговорочно пророссийски настроены. Яблоком раздора была и политика России по защите интересов русскоязычного населения Украины, ведь украиноязычные патриоты расценивают ее как прямое вторжение России во внутренние дела Украины. Кремль, в свою очередь, осознанно избрал именно такую формулировку, поскольку защищать интересы этнических россиян в Украине не столь благодарное задание, их по данным последней переписи населения всего около 17%, а вот русскоговорящих – почти половина населения, а это куда более масштабная платформа.

Интересно, что именно на фоне этой дискуссии в социальных сетях начали появляться достаточно многочисленные группы, участники которых характеризовали себя как русскоязычных украинских патриотов или даже националистов, что на сегодняшний день переросло в полноценное общественное движение – Русскоговорящие украинские националисты (РУН). Интересно, что, по утверждениям членов движения, они называют себя националистами не в последнюю очередь потому, что сознательных украинских патриотов с Юго-Востока называют так по инерции.

События на Майдане и массовые протесты в регионах, заставили украинское общество переоценить ситуацию. На майданы страны массово вышло русскоговорящее население², которое поддержало европейский выбор Украины и выразило свой протест против коррумпированного режима. В тоже время протесты на

² На вопрос о языке общения четверть респондентов с Майдана ответила, что на русском, и около 20%, что на обоих языках (русском и украинском). Опрос активистов Майдана проводился в декабре и в феврале Фондом «Демократические инициативы имени Илька Кучерива» совместно с Киевским международным институтом социологии. С результатами опросов можно ознакомиться на сайте Фонда www.dif.org.ua.

Майдане сопровождалась не только высоким уровнем гражданской активности, но и интенсивными культурными событиями и интернет-активностью: стартовали многочисленные художественные проекты и акции как на самом Майдане, так и в социальных сетях, был запущен проект «Художественная Сотня», объединивший художников со всей Украины, авторитетные деятели общества и культуры проводили разнообразные лекции в рамках проекта «Открытый университет Майдана». Майдан стал уникальной стартовой экспериментальной площадкой для нового массового культурного направления, получившего в обществе широкий резонанс.

Многие из упомянутых проектов проявляли четкие признаки русскоязычной и в то же время украинской гражданско-политической идентичности. Сформировалась российско-культурная часть украинской политической нации, которая себя таковой осознает и противопоставляет себя российской политической нации. Даже в быту многие носители русской культуры впервые осознали себя патриотами Украины.

Проявление патриотизма русскоязычного населения было настолько масштабным и очевидным, что идея присвоения русскому языку официального статуса потеряла для активистов Майдана, и в целом для украинского общества, характер жупела антиукраинства. Именно поэтому инициатива представителей партии «Свобода» относительно отмены действующего закона о принципах языковой политики (закон Колисниченко-Кивалова), как, впрочем, и некоторые другие одиозные инициативы, была воспринята украинским обществом как провокация или как минимум как политическая близорукость. Хотя Верховная Рада проголосовала за постановление об отмене закона, этот документ так и не был подписан исполняющим обязанности президента. Спорный, да и на самом деле непродуманный закон продолжает действовать, по крайней мере, до тех пор, пока не будет разработана новая его версия. Но даже если бы закон о региональных языках и отменили бы, не произошло бы ничего из ряда вон выходящего, так как и до 2012 года русский язык в Украине никто не дискриминировал.

Активная гражданская позиция русскоязычного населения Украины, которую они проявили на Майдане и в регионах, дает надежду на то, что именно русскоязычные патриоты Украины рано или поздно смогут стать той силой, которая сумеет объединить страну вокруг европейских ценностей.

Показательно в этом контексте и то, как невероятно быстро в большинстве своем русскоязычный Киев³, как, впрочем, и люди, приехавшие на Майдан из

³ Показательна позиция, которую заняли киевляне, ведь после первой попытки разгона Майдана именно киевляне каждый вечер массово выходили на улицы и оставались там до утра, чтобы предотвратить вторую попытку внутренних войск и Беркута взять ситуацию под свой контроль. В первые несколько ночей, когда противостояние на Грушевского и на Институтской только начиналось и носило совсем еще стихийный характер, на Майдане скандировали «Киев, вставай», а активисты на Грушевского снимали на камеры смартфонов, как все большее количество киевлян собиралось за спинами тех, кто решился на силовое противостояние. Люди

разных областей Украины, принял лозунги, характерные для украинской национально-освободительной традиции, берущей свое начало в борьбе украинских повстанцев южной Украины (Холодноярская республика) начала 1920-х годов против советской власти. Именно там родился лозунг «Воля Украины или смерть» и боевой клич «Слава Украине!» с отзывом «Украине слава!».

Происхождение и значения этих лозунгов активно обсуждается как в украинскоязычном, так и в русскоязычном интернете. Достаточно часто можно встретить ссылку на отрывок из историко-документального романа Ю. Горлиса-Горского «Холодный Яр» где описано, что у повстанцев было принято здороваться «Слава Украине» и отвечать «Украине Слава». В последствии этот лозунг был интерпретирован борцами против польской оккупации Западной Украины (Галичина и Волынь были аннексированы Польшей по условиям Рижского договора, подписанного РСФСР и Польшей в 1921 году), где отзыв был изменен на «Героям слава!».

Свидетельствует ли использование лозунга «Слава Украине! Героям слава!» о том, что майдановцы игнорируют настроения граждан восточной и южной Украины, навязывая им свое видение исторического прошлого? Нет. Готовность принять этот лозунг не из-за, а вопреки историческому контексту свидетельствует о рождении в Украине качественно нового зрелого гражданского общества. Этот лозунг не делит на тех, кто поддерживает ОУН/УПА и на тех, кто считает их коллаборационистами и предателями, на Майдане он приобрел совершенно новое значение. Именно этот лозунг стал для протестующих объединяющим, своеобразным паролем, который позволял подчеркнуть единство протестующих. Именно поэтому во время так называемого «Марша мира», митинга в Москве против политики Путина и войны в Крыму, на который собралось по разным оценкам не менее 50 тысяч человек, москвичи также скандировали «Слава Украине! Героям Слава!» – из солидарности, а не как проявление симпатии к «бандеровской» идеологии. Кстати, в ответ на внешние претензии к якобы неполиткорректной сути этого лозунга активисты Майдана предложили новый: «Наша земля! – Наши герои!».

В свою очередь, настроения протестующих наиболее точно, пожалуй, описывает еще один лозунг, который можно было прочесть на баннерах Майдана: «Рабов не пускают в рай». И хотя Майдан изначально собрался из-за отказа Януковича подписать договор об ассоциации с ЕС, требование евроинтеграции уже через несколько недель стало второстепенным, на первый план вышли требования об отставке президента и о смене режима. В то же время Майдан стал для активистов катализатором личной «Революции Совесть», или как ее окрестили журналисты – «Революции Достоинства». Поэтому активисты так часто скандировали «Ганьба!» (Позор) в адрес между прочим не только действующей власти, но и

просто стояли рядом, возможно, не решаясь принять непосредственное участие в боях, но тем не менее чувствуя, что обязаны поддержать морально.

в адрес представителей оппозиции, когда те намекнули на готовность пойти с властью на компромисс.

Завершая тему лозунгов, которые звучали на Майдане, хочется вспомнить еще один. Мы все хорошо знаем поговорку «Моя хата с краю – ничего не знаю», которую некоторые считают одной из наиболее ярких характеристик украинского менталитета. Действительно ли фраза «ничего не знаю» означает «разбирайтесь сами» и описывает амбивалентный нигилизм украинцев? В социальных сетях и форумах активно обсуждается альтернативная версия. Утверждается, что данная поговорка берет свое начало, как ни банально это звучит, во времена казачины и звучала в оригинале так: «Моя хата с краю – первым врага встречаю», ведь тот, у кого дом стоял на окраине, первым должен был заметить приближение врага и предупредить об этом других.

Предполагается также, что фраза была видоизменена в 20-30 годы 20-го века, когда большевики закрепляли контроль над украинскими селами и на расспросы агентуры НКВД про односельчан отвечали, что дом стоит на окраине и поэтому они не в курсе событий и других жителей села тоже плохо знают. Это, конечно, лишь еще одно историко-мировоззренческое объяснение, возможно домысел или попытка выдать желаемое за действительное, ведь установить истинное происхождение поговорки трудно, если не невозможно. Тем не менее, на Майдане эта поговорка звучала именно в казацкой версии и стала символом активной гражданской позиции протестующих.

Главной идеей Майдана не была этнонациональная идея утверждения украинской идентичности («украинским» Майдан был лишь по символике), но гражданская – радикальная смена всей продажной политической системы, уничтожение ее атрибутов: коррупции, мафиозной спайки органов власти и криминалитета, продажных судей и силовиков, которые покрывают нарушителей закона и нарушают его сами.

Причиной Майдана 2013-2014 года стало неожиданно вырвавшееся на поверхность общественного сознания почти осязаемое понимание того, что больше терпеть или игнорировать мафиозного типа клептократический режим Януковича, который в рекордно короткие строки настроил против себя практически все слои населения почти всех регионов страны и, что характерно, даже тех, кто особенно пылко поддерживал избрание его президентом, просто нельзя.

Остается только надеяться, что заплатив за перемены цену в более ста жизней, свидетели и участники неожиданной метаморфозы украинского общества больше не допустят отката к прежней системе. Однако последовавшие за тем события, которые не являются предметом статьи, могут свидетельствовать, что очевидную тенденцию к утверждению новой политической украинской нации пытаются разрушить кровавым раздором сепаратизма и террора.

Алексей Шестаковский

Радикализованные европейцы? Ценности участников Евромайдана и перспективы развития общества¹

Беспрецедентно многочисленные протесты миллионов граждан Украины, происходившие с 21 ноября 2013 г. по 22 февраля 2014 г., весь мир увидел под именем Евромайдана.

Он начинался как мирная реакция на отказ правительства подписать Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом, но очень скоро перерос в борьбу против режима Виктора Януковича. В результате отчаянного противостояния (приведшего к неслыханному для постсоветской Украины количеству жертв) Янукович и его правительство были свергнуты. Новая власть (в основном, бывшая оппозиция) продолжила евроинтеграционный курс и начала экономические и политические реформы. Однако вслед за этим Украина подверглась агрессии со стороны России на фоне чрезвычайно обострившихся внутренних проблем, что поставило под угрозу не только обретенный шанс на развитие, но и украинскую государственность как таковую.

Один из вопросов, который возник у наблюдателей такого упорного и массового стремления в Европу – насколько украинцы действительно являются европейцами, а не просто хотят безвизового режима и ожидают, что от Ассоциации с Евросоюзом уровень жизни в стране быстро поднимется.

Сформулированный по-другому вопрос состоит в том, насколько участникам протестов на самом деле были близки европейские ценности. В данной статье мы пытаемся дать ответ на этот вопрос с помощью анализа данных опроса участников начального этапа Евромайдана и их сравнения с аналогичными результатами для всей Украины и стран Европы.

Мы также обсуждаем связанные вопросы социальной базы европейских ценностей в Украине и их распространенности среди граждан Украины в целом. Эти вопросы важны, поскольку связаны с оценкой успешности дальнейшего развития украинского общества.

¹ Автор выражает глубокое уважение и благодарность всем коллегам, организовавшим сбор и первичный анализ данных, в частности, Надежде Линцовой, Марте Наумовой и Дмитрию Карпенко. Максим Руднев высказал ценные замечания к одному из первых вариантов текста. Естественно, за любые ошибки и неточности данной статьи они не несут никакой ответственности. Текст был написан в рамках индивидуального гранта программы «Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)» Европейского гуманитарного университета и является предварительным. Окончательный вариант статьи будет опубликован в ближайшем номере журнала *Перекрестки*.

Теория ценностей Шалом Шварца

Шалом Шварц разработал один из самых известных и общепринятых подходов к кросс-культурному изучению ценностей. Согласно этому подходу, ценности можно определить как убеждения о том, что важно. Они сводятся к желаемым, надситуативным целям, которые служат ведущими принципами в человеческой жизни². Другими словами, ценности – это типы осознаваемых мотиваций высшего порядка.

Они следуют из универсальных потребностей человеческого существования: индивидуальных биологических нужд, необходимости скоординированного социального взаимодействия и выживания и благополучия человеческих групп³. Поэтому ценности и их общая структура должны наблюдаться во всех культурах, и их должно быть возможным сравнивать.

Благодаря абстрактному характеру, ценности не привязаны жестко к конкретным объектам, действиям или ситуациям. Скорее, они выступают общими критериями их оценки⁴. В этом их отличие от установок и убеждений по узким вопросам общественной жизни. Стоит сказать, что ценности связаны с поведением, но не всегда эта связь является определяющей. Влияние ценностей опосредуется ситуацией, социальными нормами и тем, насколько мотивы осознаются⁵.

Кроме того, ценности отличаются по важности. Значение имеет не столько абсолютная выраженность ценности, сколько относительная, на фоне важности прочих ценностей. Она тем сильнее мотивирует к действию, чем более высокую важность занимает в их иерархии.

После многолетних исследований (по меньшей мере, с 1987 года⁶) в разных странах и контекстах Шварц и его коллеги выделили набор из десяти базовых ценностей (ценностных типов), в разной степени присущих людям практически любых культур. Структурируются ценности довольно оригинально – в виде круга, что отражает одну из ключевых идей теории о непрерывности мотивационного континуума (рис. 1)⁷. Чем ближе в нем друг к другу находятся ценности, тем сильнее соответствующие мотивы согласовываются. Если ценности находятся на противоположных сторонах – они связаны обратным образом, другими словами, конфликтуют. Краткое описание ценностей изложено в табл. 1⁸.

² Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. Vol. 25. № 1. P. 1-65.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Bardi A., Schwartz S.H. Values and behavior: Strength and structure of relations // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol. 29. № 10. P. 1207-1220.

⁶ Schwartz S., Bilsky W. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 53. № 3. P. 550-562.

⁷ Schwartz S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2012. Vol. 2. № 1.

⁸ Более подробное описание можно найти в работах В. Магуна и Р. Руднева (Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности населения Украины: сравнение с 23 другими европейскими

Десять ценностей условно объединяются в четыре ценностных ориентации более высокого порядка⁹, которые, в свою очередь, образуют два ценностных измерения: Сохранение – Открытость изменениям и Самоутверждение – Забота о людях и природе. Чем более приоритетны ценности одной группы, тем менее важны другие. К примеру, чем важнее для меня изменения и создание нового, тем меньше я ценю сохранение старого. Если я хочу стать сильнее лично, меня меньше будет волновать судьба других.

Рисунок 1. Взаимосвязь между десятью основными ценностями в «ценностном круге» Ш. Шварца. Источник: Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности населения Украины: сравнение с 23 другими европейскими странами. Статья первая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. Т. 89. № 3. С. 25.

странами. Статья первая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. Т. 89. № 3. С. 21-34) или самого Ш. Шварца (Schwartz S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2. № 1).

⁹ Гедонизм, согласно наблюдаемым связям, может быть отнесен как к ориентации на самоутверждение, так и на открытость к изменениям (чаще).

Таблица 1.

Содержание 10 ценностей согласно методике Ш. Шварца и их группировка

Ценностные изменения	Ценностные ориентации II порядка	Ценности	Описание ценности
От сохранения к открытости к изменениям ----- От самоутверждения к заботе о людях и природе	Сохранение	Безопасность	Безопасность и стабильность общества, отношений и себя
		Конформность	Сдерживание действий и намерений, которые могут быть осуждены или повредят другим
		Традиция	Уважение и принятие обычаев и идей, идущих от традиционной культуры и религии
	Открытость к изменениям	Самостоятельность	Независимость суждений и принятия решений, творчество, познание
		Риск-Новизна ¹⁰	Увлеченность, новизна, острота ощущений, жизнь с вызовами и сложными задачами
		Гедонизм	Собственное наслаждение и чувственное удовлетворение
	Самоутверждение	Достижение	Личный успех с помощью собственных способностей, в соответствии с социальными стандартами
		Власть-Богатство	Статус, престиж, доминирование над людьми и ресурсами
		Выход за пределы своего «Я»	Благожелательность
	Универсализм		Признание, толерантность и защита благополучия всех людей и окружающей среды

Заметим, что деление на десять типов ценностей довольно условно¹¹, на практике число наблюдаемых ценностей в пределах круга может отличаться. Так, существуют варианты выделения 19¹² и 7¹³ ценностей. Разное число секторов зависит от числа вопросов в конкретном варианте методики, статистической обоснованности объединения этих вопросов в переменные и от смысла, который исследователи вкладывают в группировку ценностей.

Ценностные приоритеты украинцев согласно методологии Шварца становились предметом исследования в 2007 году. Оказалось, что у жителей Украины

¹⁰ Буквальный перевод – Стимуляция (Stimulation).

¹¹ Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Demirutku K. Refining the theory of basic individual values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103. № 4. P. 663-688.

¹² Ibid. Cieciuch J., Davidov E., Vecchione M., Beierlein C., Schwartz S.H. The Cross-National Invariance Properties of a New Scale to Measure 19 Basic Human Values A Test Across Eight Countries // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2014. Vol. 45. № 5. P. 764-776.

¹³ Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. Bringing values back in the adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries // Public Opinion Quarterly. 2008. Vol. 72. № 3. P. 420-445. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Культура как фактор общественного прогресса. М., 2009.

ценности Сохранения были более выражены, чем в большинстве других европейских стран, с ценностями Открытости к изменениям ситуация была прямо противоположной¹⁴. Кроме того, Благожелательность среди жителей Украины была выражена меньше, а Власть-Богатство больше, чем во многих странах Европы¹⁵. Жители западной Украины выделялись большими значениями Открытости к изменениям, однако наиболее консервативными оказались жители центральных областей; сравнение же макрорегионов по отдельным ценностям давало менее однозначную картину¹⁶.

Данные и методы

Чтобы сравнить участников Евромайдана с гражданами всей Украины и европейских стран, на Евромайдане был проведен опрос. Его результаты сравнивались с Европейским социальным исследованием (European Social Survey, далее – ESS).

Опрос Евромайдана

Его участники были опрошены инициативной группой социологов и студентов социологических факультетов 7–8 декабря 2013 года. Выборка составила 443 респондента возрастом от 17 лет на майданах Киева (357 человек) и Львова (86 человек). Метод опроса – личное интервью *face-to-face*. Общая теоретическая погрешность выборки с доверительной вероятностью 0,95 не превышает 4,8%.

Методика отбора респондентов была маршрутной и имитировала случайный отбор. Площади Киева и Львова, где проходили демонстрации, были разбиты на маршруты, охватывавшие всю их территорию. Интервьюеры получили задание опрашивать каждого двадцатого (во Львове – каждого десятого) участника. Стоит отметить, что согласно отчетам интервьюеров, отказов от участия практически не было, от дополнительных желающих не было отбоя. Это весьма отличается от практики обычных опросов общественного мнения (не только в Украине) с их уже традиционно высоким процентом отказов.

В пользу репрезентативности выборки свидетельствует тот факт, что ее социально-демографические характеристики схожи с таковыми в исследовании «Майдан–2013» Фонда «Демократические инициативы» и Киевского междуна-

¹⁴ Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности населения Украины: сравнение с 23 другими европейскими странами. Статья первая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. Т. 89. № 3. С. 21-34.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности населения Украины: сравнение с 23 другими европейскими странами. Статья вторая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. Т. 90. № 4. С. 39-52.

родного института социологии (КМИС)¹⁷. Они проводили свой опрос в те же дни, их выборка была больше и была построена независимо.

Для измерения ценностей использовалась методика, взятая непосредственно из опросника ESS (см. ниже) для Украины. Дополнительно было задано несколько вопросов социально-демографического плана и для оценки опрошенными сущности Евромайдана. Респонденты могли выбирать украинский либо русский вариант опросника.

Контекст опроса и репрезентативность

Для понимания представительности исследования следует иметь в виду, что дни, когда проводился опрос, можно считать своеобразным пиком мирных демонстраций Евромайдана. По всей видимости, митинги 8 декабря стали самыми массовыми. В Киеве прошел Марш миллиона, на который собралось, по разным оценкам, от 100 тыс. до 1 млн. участников¹⁸. Так много демонстрантов одновременно в столице больше не собиралось. В других областных центрах также прошли многотысячные собрания (особенно на западе страны).

С другой стороны, на демонстрациях все еще массово преобладали миролюбивые настроения. Страна была растревожена разгоном Майдана и избиением студентов в ночь на 30 ноября 2013 г., однако большинство считало, что на власть нужно воздействовать исключительно ненасильственными методами сопротивления¹⁹. Уже имела место попытка штурма Администрации Президента на улице Банковой 1 декабря 2013 года, как и захват Киевской городской государственной администрации на Крещатике радикалами. Вечером 8 декабря был снесен памятник Ленину у Бессарабского рынка. Однако все эти акции не получили массового одобрения на Евромайдане, не были санкционированы или одобрены большинством его лидеров. Уже 19 января 2014 года, когда начались события на ул. Грушевского, ситуация была прямо противоположной²⁰.

¹⁷ Майдан-2013: хто стоїть, чому і за що? // Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва». 10 декабря 2013. <http://dif.org.ua/ua/events/gvkr1gkaeths.htm>. Последнее посещение 22 апреля 2014.

¹⁸ Марш миллиона: на Майдан вышло рекордное количество протестующих // Ліга.Новости. 8 декабря 2013. http://news.liga.net/news/politics/938536-marsh_milliona_na_maydan_vyshlo_rekordnoe_kolichestvo_protestayushchikh.htm. Последнее посещение 13 апреля 2014; Марш мільйонів. ОНЛАЙН // Українська правда. 8 грудня 2013. <http://www.pravda.com.ua/articles/2013/12/8/7005244/>. Последнее посещение 13 апреля 2014. Учитывая имеющиеся фото- и видеоматериалы, официальные заявления МВД о том, что на митинг собралось не более 50 тысяч человек (см. Міліція нарахувала на Майдані лише 50 тисяч // Українська правда. 8 грудня 2013. <http://www.pravda.com.ua/news/2013/12/8/7005417/>. Последнее посещение 13 апреля 2014), не выдерживают никакой критики.

¹⁹ Например, согласно исследованию «Майдан–2013», только 14% опрошенных на Майдане были готовы участвовать в захвате зданий, только 15% – в создании независимых от власти вооруженных отрядов.

²⁰ Отметим, что в рамках статьи нас интересует именно факт отсутствия массовой поддержки насильственных действий по отношению к представителям власти и правительственным зданиям на момент опроса. В этом смысле не имеет значения, был ли штурм Администрации

Таким образом, мы полагаем, что опрошенные более-менее представляют широкий круг сторонников Евромайдана на его начальном мирном этапе – во всяком случае, тех, кто добрался до площадей Киева и Львова. Безусловно, в этой выборке был существенный сдвиг в сторону жителей западных областей, обусловленный как составом Евромайдана в принципе, так и тем, что каждый пятый респондент был опрошен во Львове.

Европейское социальное исследование

ESS – крупный академический проект сравнительного изучения европейских обществ (в нем также участвуют Турция и Израиль), существующий с 2001 года. Украина в нем участвует с 2004 года.

В рамках ESS каждые два года проводится волна общенациональных опросов. К методологии организации и проведения опросов и составлению анкет предъявляются, пожалуй, самые жесткие требования среди подобных проектов, чтобы сделать данные по разным странам максимально сопоставимыми. Объем эффективной выборки в каждой стране составляет не менее 1500 респондентов. Таким образом, теоретическая погрешность для каждой страны не должна превышать 2,6% с доверительной вероятностью 0,95. Данные исследования доступны через Интернет²¹.

Для наших целей был взят массив пятой волны ESS²², которая прошла в 2010–2011 годах. Хотя для многих стран уже доступны данные шестой волны, мы отложили сравнения с ними до момента, когда будут доступны данные для Украины. В то же время в исследованиях однозначно указывается, что на уровне обществ ценности изменяются очень медленно²³, поэтому временной лаг в 2–3 года можно считать допустимым.

Данные пятой волны были доступны для 27 стран. Для упрощенного сравнения мы разбили их на четыре категории. К западной Европе были отнесены Бельгия, Швейцария, Германия, Франция, Великобритания, Ирландия, Нидерланды. К скандинавским странам – Дания, Финляндия, Норвегия и Швеция. К южной Европе – Кипр, Испания, Греция, Португалия. Группа постсоциалистических стран объединила Болгарию, Чехию, Эстонию, Хорватию, Венгрию, Польшу, РФ, Словению и Словакию. При этом данные для каждой страны перевешивались таким образом, чтобы составлять долю, пропорциональную доле ее

Президента проплаченной провокацией, спонтанным действием радикалов или промежуточным вариантом.

²¹ Более подробное описание проекта и сами данные можно найти на сайте European Social Survey по адресу <http://www.europeansocialsurvey.org/>. Последнее посещение 28 апреля 2014.

²² Данные были скачаны с http://www.europeansocialsurvey.org/download.html?file=ESS5e03_1&y=2010. Последнее посещение 12 февраля 2014.

²³ Schwartz S.H. A theory of cultural value orientations: Explication and applications // *Comparative Sociology*. 2006. Vol. 5. № 2-3. P. 137-182. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.

населения среди стран той или иной группы. Украина анализировалась отдельно²⁴.

Методика измерения и расчет ценностных индексов

Ключевым инструментом был так называемый Портретный ценностный опросник (Portrait Values Questionnaire), модификация методики Шварца, которая используется в ESS.

Респондентам предлагался 21 «портрет» некоего индивида. По поводу каждого из них опрошенные должны были по 6-бальной шкале указать, насколько они на него похожи, от 1 («очень похож на меня») до 6 («совсем не похож на меня»). Примеры характеристик: «Для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности»; «Для него важно самостоятельно принимать решения о том, что делать. Ему нравится быть свободным и независимым»²⁵.

Расчет ценностных индексов происходил одним из рекомендованных Ш. Шварцем способов²⁶. Абсолютные индексы для каждой из 10 ценностей, описанных выше, вычислялись как среднее арифметическое из оценок соответствующих портретных характеристик – по 2 на каждую ценность (3 для Универсализма).

Далее вычислялись относительные индексы. Дело в том, что разные респонденты склонны определенным образом отвечать на подобные батареи однотипных вопросов, например, чаще позитивно или негативно, более или менее категорично²⁷. Подобный «стиль ответов» никак не связан с ценностными предпочтениями. Кроме того, как мы указывали, мотивирует не столько ценность сама по себе, сколько ее выраженность в общей иерархии ценностей. Относительные индексы нужны, чтобы учесть эти особенности. Для этого вычислялось среднее арифметическое для всех 21 характеристик для каждого опрошенного. Потом этот показатель вычитался из каждого ценностного индекса.

В дальнейших расчетах использовались только 10 относительных ценностных индексов. Они показывают, каким ценностям при прочих равных должно отдаваться предпочтение.

²⁴ Кроме того, мы исключили из анализа Израиль.

²⁵ Полный набор вопросов не приведен для экономии места. Желающие могут найти русский либо украинский вариант анкеты тут: <http://www.europeansocialsurvey.org/data/country.html?c=ukraine>. Последнее посещение 28 апреля 2014. Методика Ш. Шварца находится в вопросах GF1 и GF2.

²⁶ Schwartz S. Computing Scores for the 10 Human values // European Social Survey. http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS1_human_values_scale.pdf. Последнее посещение 28 апреля 2014.

²⁷ Welkenhuysen-Gybels J., Billiet J., Cambré B. Adjustment for acquiescence in the assessment of the construct equivalence of Likert-type score items // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2003. Vol. 34. № 6. P. 702-722.

Два ценностных измерения высшего порядка вычислялись так. Из среднего арифметического ценностей Открытости к изменениям (Самостоятельности, Риска-Новизны и Гедонизма) вычиталось среднее ценностей Сохранения (Конформности, Традиции и Безопасности). Таким образом, получалось измерение, большие значения на котором говорили о предпочтении открытости к изменениям, а меньшие – о предпочтении сохранения порядка вещей.

Так же из среднего для ценностей Выхода за пределы своего «Я» (Благожелательности и Универсализма) вычиталось среднее для Самоутверждения (Власти-Богатства и Достижения). Большим значениям на этом измерении соответствовало большая вероятность предпочесть самоутверждению заботу о других людях и природе.

Прочие источники данных

При сравнительном анализе распределения участников Евромайдана и всего населения Украины по полу, возрасту и проживанию в селе/городе мы дополнительно пользовались данными Государственной службы статистики Украины. Поскольку нам была нужна информация не для всех жителей, а для населения возрастом от 17 лет, мы не могли воспользоваться самыми последними данными. Нужные показатели мы рассчитывали на основе данных на 1 января 2013 г.²⁸

К сожалению, настолько же свежие данные по уровню образования в Госслужбе статистики отсутствуют, а занятость населения учитывается ею по-другому. Для оценки этих показателей мы прибегли к данным мониторинга Института социологии НАН Украины (ИС НАНУ) «Украинское общество». Данный опрос проводится каждые два года по репрезентативной выборке для взрослого населения Украины возрастом от 18 лет. Мы использовали результаты последнего доступного опроса, который проходил в апреле 2012 года²⁹. Выборка, репрезентативная для всего взрослого населения Украины, составила 1791 опрошенных. Теоретическая погрешность выборки не превышает 2,4% с вероятностью 0,95.

Если варианты ответов мониторинга и опроса на Евромайдане относительно структуры образования совпадали, то ответы относительно положения на рынке труда пришлось укрупнить. Респондентов мониторинга спрашивали: «Какой статус занятости Вы имеете на работе?». Те, кто выбрали варианты «работодатель» и «самозанятый», были отнесены к категории «индивидуальный бизнес/частный предприниматель». Категории наемных работников и не работающих были оставлены без изменений. Доля этих категорий в выборке вычислялась без учета затруднившихся с ответом, которых набралось 5%.

²⁸ Розподіл постійного населення України за статтю та віком станом на 1 січня 2013 року: Статистичний Збірник. К., 2013.

²⁹ Українське суспільство 1992–2012. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. В. Ворони, М. Шульги. К., 2012.

При использовании данных, собранных несколько раньше массовых протестов, мы исходили из того, что нужные нам показатели структуры населения изменяются очень медленно, и этой разницей можно пренебречь.

Результаты

Социально-демографическая структура Евромайдана

На наш взгляд, продуктивнее указывать не сами по себе характеристики участников Евромайдана, а в сравнении со структурой всего населения Украины. Это позволит ярче показать специфику протестного движения.

Почти все собравшихся на протесты в Киеве и Львове – горожане³⁰, причем, киевлян среди них половина (рис. 2). Большинство (хотя и не всех) остальных горожан следует считать жителями западной Украины. Во-первых, 44% не-киевских горожан были опрошены во Львове, во-вторых, удельный вес приезжих из западных областей в Киеве тоже был высок³¹.

Среди участников Евромайдана несколько большей была доля мужчин (54%), в то время как среди всего населения их 46%³². На Майдане было заметно больше молодежи, особенно участников до 25 лет (рис. 3).

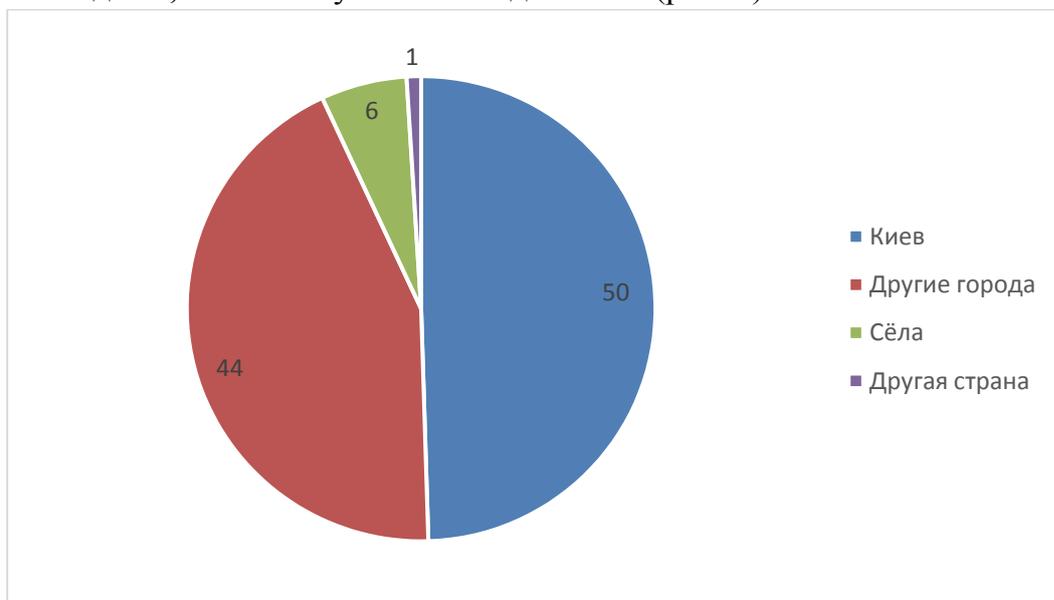

Рисунок 2. Распределение опрошенных на Евромайдане по поселенческой структуре, 7–8 декабря 2013 г., %

³⁰ Заметим, что в общей структуре населения Украины горожане по данным Госслужбы статистики на 1 января 2013 г. составляли 68,6% населения от 17 лет и старше (Розподіл постійного населення України за статтю та віком станом на 1 січня 2013 року).

³¹ Майдан-2013: хто стоїть, чому і за що?

³² Розподіл постійного населення України за статтю та віком станом на 1 січня 2013 року.

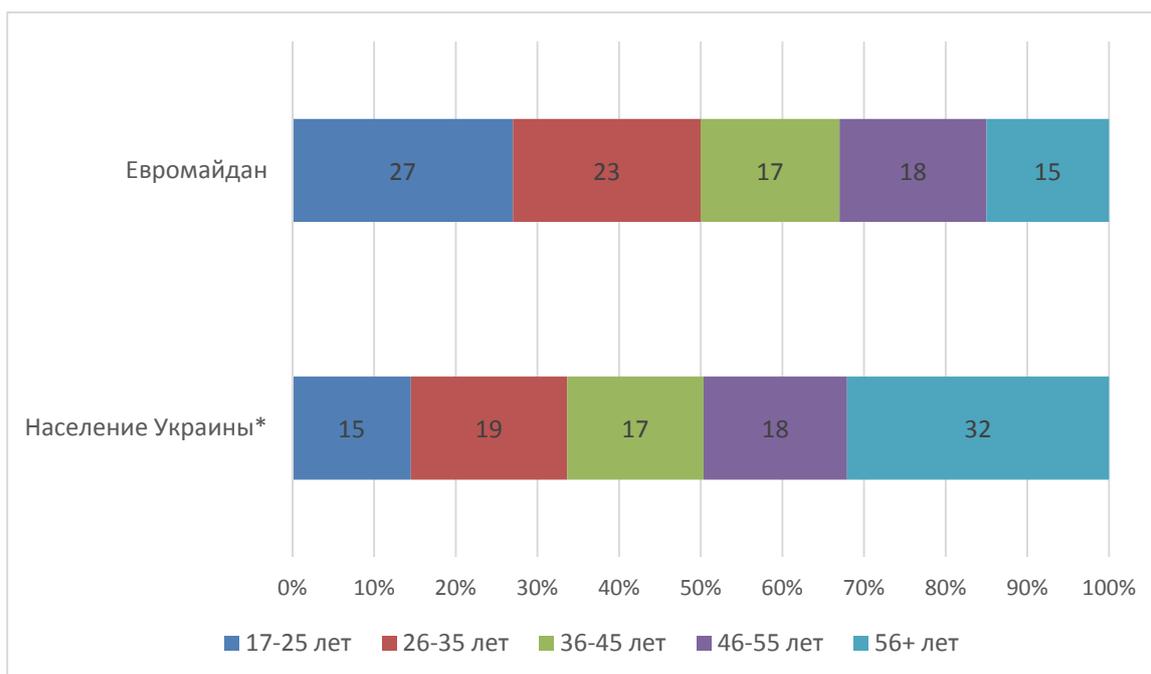

Рисунок 3. Сравнение возрастной структуры опрошенных на Евромайдане и всего населения Украины, %

*Расчитано по источнику: Розподіл постійного населення України за статтю та віком станом на 1 січня 2013 року.

Пожалуй, самыми разительными оказались различия в уровне образования. Среди опрошенных протестующих 67% имели законченное высшее образование, тогда как среди всего взрослого населения они составляют примерно 13% (рис. 4).

Сравнение структуры занятости показывает, что на Евромайдане было заметно больше экономически активного и предприимчивого населения. Удельный вес мелких бизнесменов и частных предпринимателей был больше, чем среди всего населения, доля наемных работников была сравнимой (рис. 5).

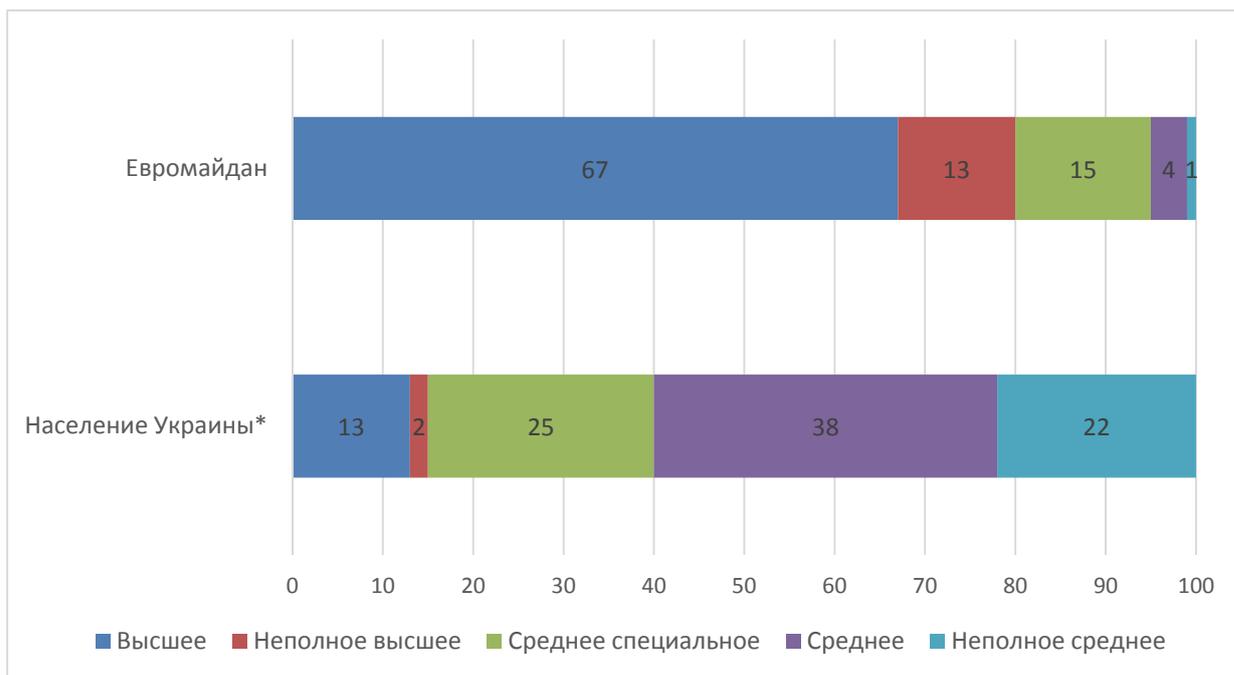

Рисунок 4. Сравнение структуры опрошенных на Евромайдане (7–8 декабря 2013 г.) и всего населения Украины по уровню образования, %

* Рассчитано по источнику: Українське суспільство 1992–2012.

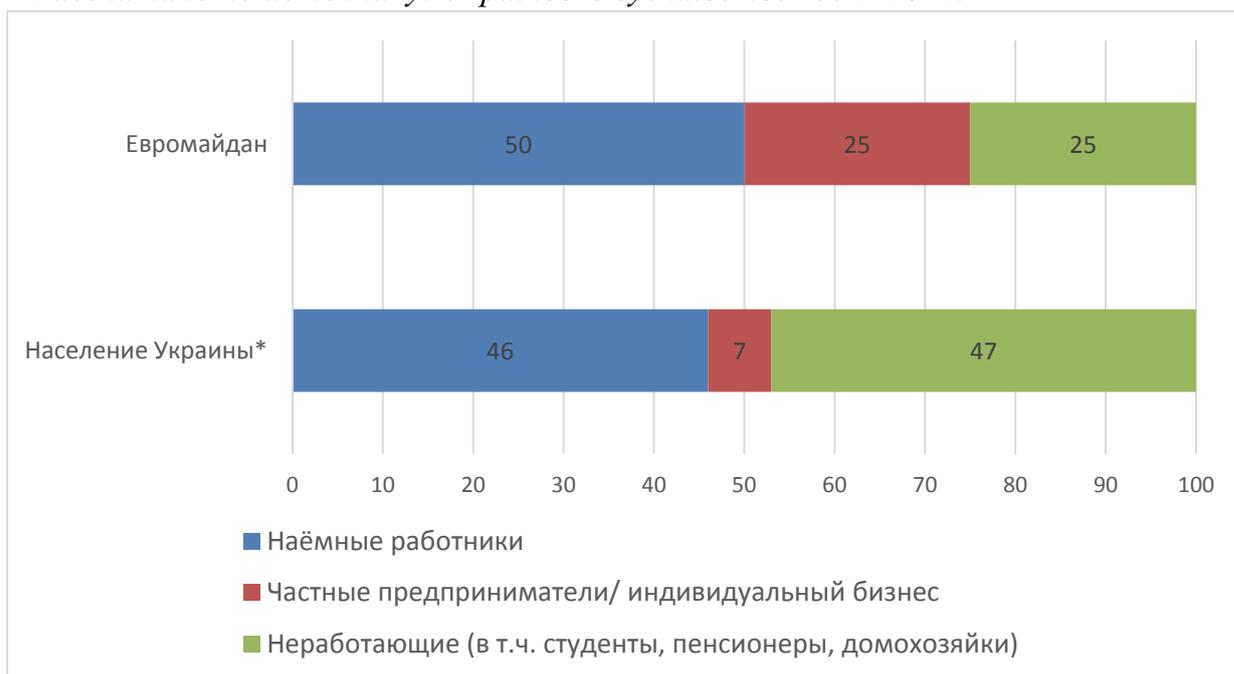

Рисунок 5. Сравнение структуры занятости опрошенных на Евромайдане (7–8 декабря 2013 г.) и всего населения Украины, %

* Рассчитано по источнику Українське суспільство 1992–2012.

Говоря о неработающем населении стоит учесть не только то, что оно было намного меньше представлено на Евромайдане. Следует полагать, что из этих 25% существенную часть составляли студенты. Об этом говорит и возрастная струк-

тура участников, и данные опроса «Майдан–2013», на который мы ссылались выше.

В целом, среди участников Евромайдана были сверхпредставлены городские средние слои: экономически активные, образованные, довольно молодые и инициативные. Из них не состояли все участники поголовно, однако их роль явно была существенна. Помимо того, результаты показывают необоснованность суждений о том, что на Евромайдан вышли преимущественно западноукраинские безработные либо незанятые студенты.

Восприятие Евромайдана

Нелишне обратить внимание на мнения о Евромайдане самих участников.

Для подавляющего большинства опрошенных Евромайдан – гражданское сопротивление властям и проявление воли неравнодушных граждан (рис. 6). Самыми популярными мотивами поддержки Евромайдана были стремление победить коррумпированный политический режим и радикально изменить систему власти, а также подписание Соглашения об ассоциации с ЕС (рис. 7).

Большинство опрошенных сказал, что они вышли на Евромайдан, чтобы высказать свою гражданскую позицию (68%) и поддержать митингующих (60%), а также оказать им конкретную помощь, например, едой, деньгами, медикаментами (29%).

Предсказуемо, что почти все респонденты поддерживали Евромайдан либо полностью (89%), либо в большей мере (9%).

Рисунок 6. Ответы опрошенных на Евромайдане на вопрос «Евромайдан – это...?», 7–8 декабря 2013 г., %

Можно было выбирать несколько вариантов ответа.

Рисунок 7. Ответы опрошенных на Евромайдане на вопрос о том, почему они поддерживают Евромайдан, 7–8 декабря 2013 г., %

Можно было выбирать несколько вариантов ответа.

Ответы еще раз свидетельствуют, что протест был добровольным всплеском гражданской активности, прежде всего, в попытке изменить коррумпированный политический режим в Украине, но также и добиться ассоциации с ЕС.

Ценностные профили и их сравнение

Среди участников Евромайдана самыми выраженными оказались ценности Заботы о людях и природе, Самостоятельность и Безопасность (рис. 8). Самый низкий приоритет имели Власть-Богатство, Гедонизм и Конформность. То есть, для большинства участников Евромайдана действительно благо для всех было ценнее, чем для себя лично, и для его достижения они были склонны идти на неудобства и издержки.

На рис. 9-10 приведены наглядные графики относительной важности ценностей для участников Евромайдана, граждан Украины и стран Европы. Значения индексов и статистическая значимость отличий от показателей Евромайдана приведены в Приложении 1.

Безопасность довольно важна для протестующих, однако намного меньше, чем для жителей большинства стран, особенно Украины (рис. 9). Ближе всего участники протеста находятся к гражданам западной Европы. Ценность Традиции отрицательна, и в этом отношении Евромайдан близок обществам Скандинавии. Беспрецедентно низкой оказалась ценность Конформности, аналогов которой не оказалось. Для населения Украины в целом ценность Конформности, скорее, позитивна.

Ценности открытости к изменениям, напротив, были весьма выражены. Индикатор самостоятельности был самым высоким среди участников Евромайдана. Статистически значимых отличий не было только по сравнению со странами северной Европы. Ценность Риска-Новизны, опять-таки, не имела аналогов. Значение ее показателя было отрицательным, однако, существенно большим, чем для Украины или любой другой группы стран. Следовательно, среди участников протеста доля людей, для которых Риск-Новизна были достаточно важны, была выше, чем среди граждан любой страны в целом.

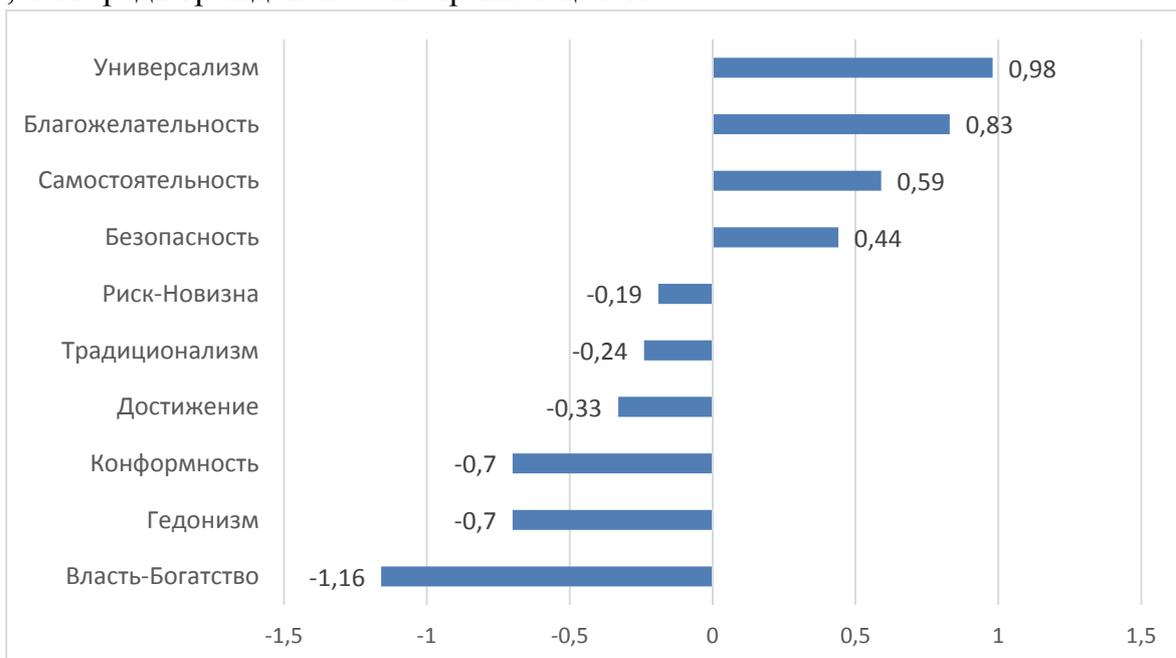

Рисунок 8. Средние показатели относительной важности ценностей по Шварцу среди участников Евромайдана, 7–8 декабря 2013 г., баллы.

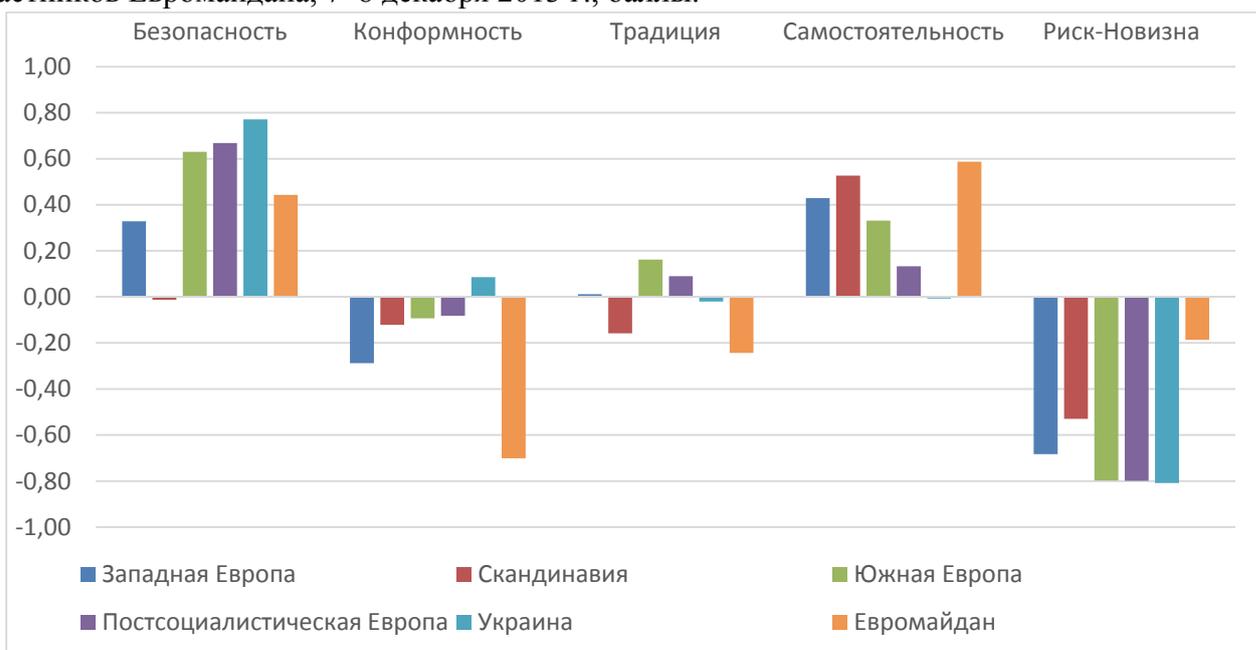

Рисунок 9. Относительная важность ценностей по Шварцу для участников Евромайдана, жителей Украины и европейских стран, баллы.

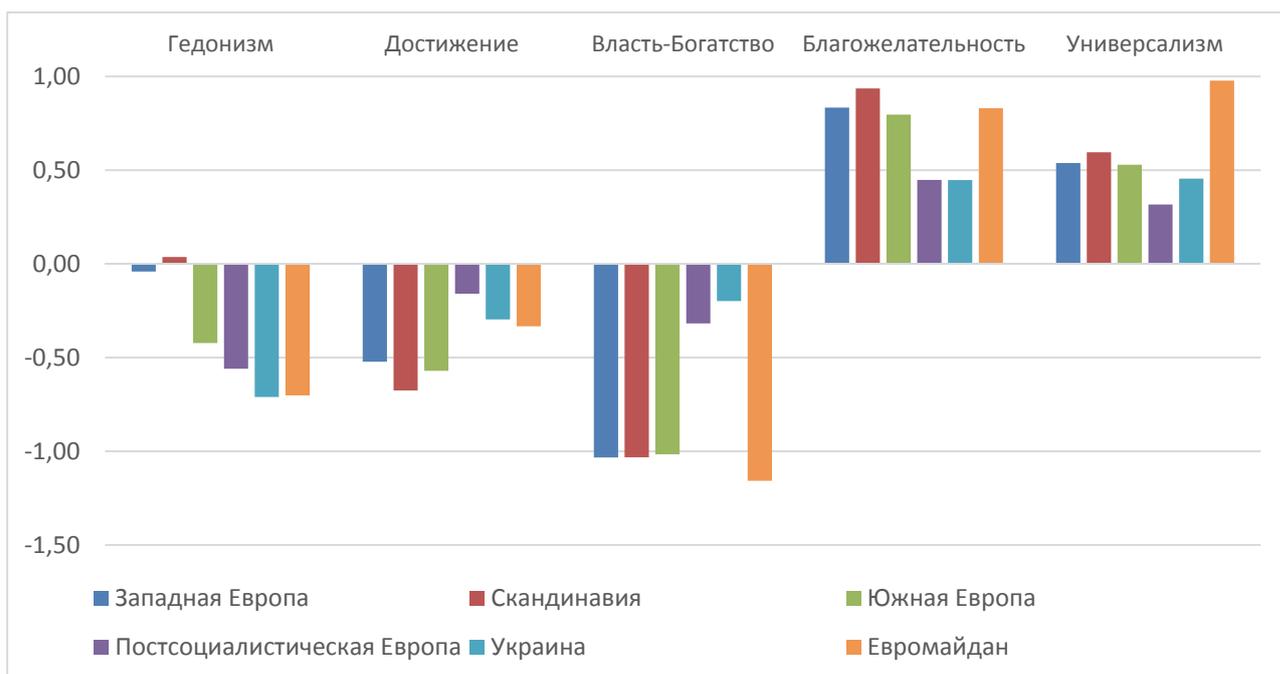

Рисунок 10. Относительная важность ценностей по Шварцу для участников Евромай- дана, жителей Украины и европейских стран (продолжение), баллы.

Любопытна ситуация с ценностями, связанными с самоутверждением (рис. 10). Низкая важность Гедонизма на Евромайдане практически не отличается от такой для жителей Украины и постсоциалистических стран. Ценность Достижения также в среднем отрицательна и выражена так же, как и для всей Украины. Однако показатели Власти-Богатства чрезвычайно низки, и в этом Евромайдан ближе ко всем европейским странам, кроме постсоциалистических и Украины.

Показатели ценностей заботы об окружении опять ставят Евромайдан ближе к жителям Европы, чем Украины (рис. 10). Уровень Благожелательности статистически неотличим от всех стран, кроме постсоциалистических и Украины. Ценность Универсализма превышает показатели для всех страновых категорий.

Мы также сравнили относительную выраженность ценностей для Евромай- дана и отдельно взятых стран³³. Общая картина осталась примерно такой же, хоть и несколько более неоднозначной. Связано это с тем, что показатели отдельных стран могли статистически не отличаться от Евромайдана, тогда как категории, куда страны входили, имели отличающиеся индексы. Например, это касалось отдельных постсоциалистических стран, несколько чаще других – Эстонии и Чехии. Впрочем, страны северной и западной Европы тоже не всегда были одинаковы в плане наличия или отсутствия статистически значимых отличий ценностных показателей. Самой противоречивой оказалась ситуация с ценностью Достижения. Хотя все группы стран отличались от Евромайдана по этому показателю, по отдельности многие страны имели схожие показатели. Универсализм на

³³ Соответствующие диаграммы не приводятся из соображений экономии места. Однако они могут быть предоставлены по запросу непосредственно автором.

Евромайдане был выражен сильнее, чем в любой стране. Но показатель Риска-Новизны статистически не отличался от Финляндии, а Конформности (точнее, ее неважности) – от Швейцарии. В целом, чаще всего отсутствовали статистически значимые отличия от Евромайдана у Финляндии: в шести из десяти случаев. В пяти случаях значимых отличий не было у Норвегии и Германии.

Наконец, мы попытались разместить отдельные европейские страны, Украину и Евромайдан в пространстве двух ценностных измерений более высокого порядка: Сохранения – Открытости к изменениям и Самоутверждения – Заботы о людях и природе (рис. 11). Евромайдан и вся Украина оказались в противоположных углах импровизированной карты ценностей. Ближайшими соседями Евромайдана оказались Дания и Франция, чуть дальше – Швеция, Финляндия и Швейцария. Тогда как ближайшими к Украине были Словакия и Болгария, в меньшей мере – Польша, Россия и Хорватия.

Обсуждение

Результаты, на наш взгляд, убедительно показывают: по своим ценностям участники начального этапа Евромайдана были достаточно близки к средним жителям европейских стран, намного ближе, чем к среднему жителю Украины. Схожесть с западной Европой и Скандинавией обусловлена прежде всего большой важностью ценностей Открытости к изменениям (прежде всего, Самостоятельности) и Благожелательности и неважностью Власти-Богатства и Традиции.

Главный нюанс состоял в очень низкой важности ценностей, связанных с личным успехом и устроенностью. Если низкая ценность Гедонизма и Достижения для Евромайдана такая же, как и для Украины, то аномально низкая Конформность и высокие Риск-Новизна и Универсализм почти не имели аналогов.

Радикализованные европейцы – такова, на наш взгляд, краткая и адекватная характеристика сторонников Евромайдана. Для большинства из них общее благо было намного ценнее, чем власть, достижения и комфорт лично для себя, и за это они были готовы бороться и идти на риск.

Еще раз подчеркнем, что речь идет именно об участниках первого этапа Евромайдана. Мы не распространяем эти результаты на постоянных жителей Майдана в зимние месяцы, участников боев на ул. Грушевского, а также на представителей отдельных групп протестующих, в частности, парамилитарных. Эти группы имели свою специфику, кроме того, протестующие на Майдане радикализировались вместе с усилением противостояния³⁴. Их ценностные приоритеты заслуживали отдельного изучения, хотя вполне возможно, что и для них были более характерны «европейские», чем «украинские» ценностные профили.

³⁴ Від Майдану-табору до Майдану-січі: що змінилося? // Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва». 6 февраля 2014. <http://dif.org.ua/ua/events/vid-ma-zminilosj.htm>. Последнее посещение 22 апреля 2014.

Нужно учитывать, что мы сравнивали протестующих со средними гражданами европейских стран, поэтому такие показатели Конформности и Риска-Новизны понятны. Разумно предположить, что люди, выходящие на протест с реальной вероятностью пострадать за это, в среднем менее конформны и более рискованны.

Более пристальный взгляд на социальную базу Евромайдана дополнительно убеждает, что общий вектор его устремлений был направлен к экономическому и политическому устройству, в целом характерному для стран западной и северной Европы.

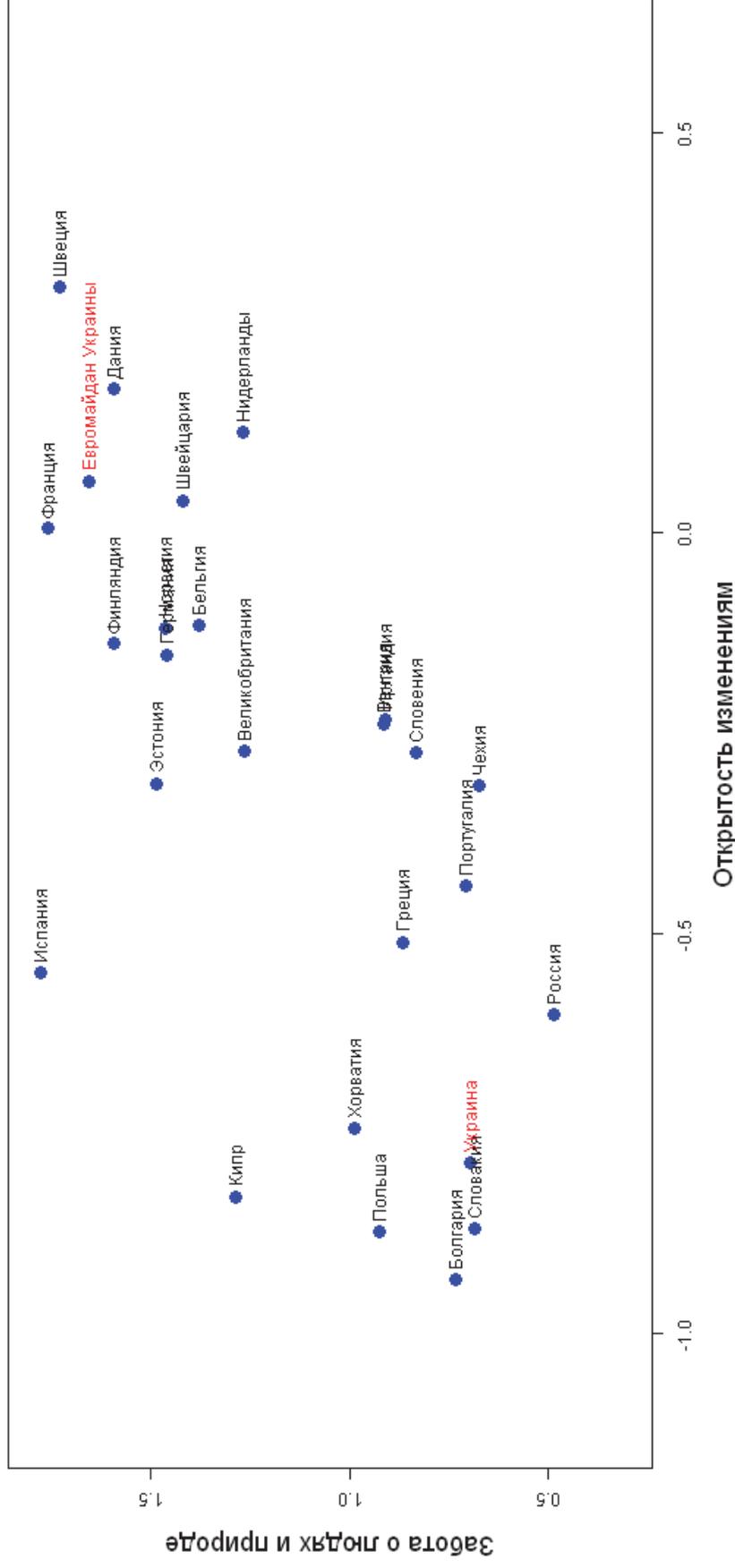

Рисунок 11. Евромайдан, Украина и европейские страны в пространстве двух ценностных измерений, баллы

Евромайдан, как мы показали, во многом состоял из представителей средних городских слоев, образованных, предприимчивых молодых и по факту социально активных. Не будет преувеличением назвать их мотором зимних протестов.

Нельзя не заметить, что именно на эти социальные группы возлагалась особая надежда на экономический прорыв. Тезис о том, что успешная экономика в Украине должна базироваться на знаниях и инновациях, высоком человеческом капитале, наукоемких производствах и продукции с высокой добавленной стоимостью, стал общим местом и в публицистике, и в академических текстах. Известно, что подобные производства, как правило, не окупаются быстро, поэтому особо требуют защищенных прав собственности, инвестиций и возможности долгосрочного планирования. Практически необсуждаемой стала и рекомендация всячески способствовать развитию мелкого и среднего предпринимательства. Эти идеи были прописаны даже в объемном послании Президента Украины, составленном для В. Януковича Национальным институтом стратегических исследований³⁵.

Однако требуемые экономические, правовые, политические изменения серьезно ограничили бы власть и возможность бесконтрольно обогащаться для Януковича и его «Семьи». Поэтому при сохранении его режима они были невозможны. Наоборот, плохой инвестиционный климат, тотальная коррупция, рейдерство успешных предприятий, подконтрольные фискально-контролирующие органы делали невозможным развитие постиндустриального сектора экономики. Мелкий бизнес душился налогами, проверками и чрезмерной забюрократизированностью.

Пользуясь терминологией выдающейся работы Д. Асемоглу и Дж. Робинсона³⁶, дальнейшее развитие требовало перехода от извлекающих (extractive) экономических и политических институтов к инклюзивным (inclusive). То есть, от ситуации, когда богатство общества в конечном счете зависит от извлечения и перераспределения ренты под контролем и в интересах узкой элитной группы, к созданию стимулов и возможностей для творчества, предпринимательской инициативы и широкого политического участия³⁷.

Запрос на смену режима Януковича, таким образом, был сильнее всего у наиболее креативных и предприимчивых средних слоев, которым прочили роль локомотивов экономического развития. В большой степени Евромайдан можно считать именно их восстанием. Они требовали новых правил игры, воплощение которых они видели в первую очередь в европейских обществах. В этом смысле было естественным соединением требований евроинтеграции и кардинального изменения коррумпированной политической системы.

³⁵ Модернізація України – наш стратегічний вибір: Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України. К., 2011. – 432 с.

³⁶ Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. L., 2013.

³⁷ Ibid.

Однако насколько распространилась в Украине такая близость европейским ценностям?

Мы не можем ответить, какая доля украинских граждан стала радикализированными европейцами. В то же время есть основания утверждать, что Евромайдан стал результатом не резкого ценностного сдвига с 2011 г., а мобилизации тех, кто разделял соответствующие ценности, но которые не составляли большинства.

Во-первых, как мы уже упоминали выше, кардинальные изменения ценностей на уровне обществ маловероятны за пару лет, а Украине были присущи одни из самых высоких в Европе показатели ценностей Сохранения. Кроме того, рассчитанный нами тренд изменения ценностей населения Украины за предшествующие шесть лет (см. Приложение 2) не дает повода предполагать, что общество находилось в точке крутого ценностного поворота.

Во-вторых, социальная база участников слишком специфична и довольно узка, чтобы представлять все общество. Силу связи между ней и ценностями в Украине еще следует оценить. Но уже сейчас представляется вероятным, что связь существенна.

Поэтому, говоря о перспективах дальнейшего развития Украины, построения конкурентоспособной экономики и эффективной демократии, нужно это учитывать. Хотя социальные слои, о которых мы говорим, имеют самый сильный запрос на соответствующие реформы, они могут оказаться недостаточно мощными.

Другими словами, победа социальных сил, стоявших за Евромайданом, дала шанс реформировать экономику и политическое управление и выйти на траекторию стабильной современной модернизации всех общественных отношений. Однако этот шанс пока что остается призрачным. Дело не только в том, что идущая необъявленная война со стороны России, катастрофическое состояние экономики и полный развал управляемости страной (итог не Майдана, но всех предыдущих лет) могут легко растоптать этот шанс. Остаются сомнения в том, что радикальные европейцы составляют достаточно большую часть украинского общества, чтобы добиться необходимых изменений и организовать их – тем более, в такой сверхсложной исторической обстановке. Во всяком случае, вряд ли их столько, чтобы стать решающим фактором, который сможет контролировать политические элиты и проводимые реформы.

Ограничения исследования

Принципиальный вопрос – насколько мы можем сопоставлять результаты кросс-национального измерения ценностей? За ценностными индексами может стоять разное понимание сути ценностей и даже разная их структура, о чем говорят результаты относительно недавних межстрановых сравнений с применением новых

методов статистического моделирования³⁸. То есть, наши обобщенные всеевропейские сравнения могут далеко не всегда оказываться корректными. Мы планируем проверку эквивалентности ценностных конструктов с помощью моделирования структурными уравнениями и возможный пересмотр выводов в ближайших публикациях.

Другой вопрос – как абстрактные ценности по Шварцу соотносятся с тем, что вкладывается в понятие европейских ценностей, а также с перспективами социального развития? Нам неизвестны исследования соотношения списка европейских ценностей и ценностей по Шварцу. Проследить связь ценностей по Шварцу, измеряемых на индивидуальном уровне, с экономической и политической модернизацией весьма сложно. Прямо их увязать невозможно, поскольку индивид не имеет темпов роста ВВП и степени демократичности режима.

Исследования в западной Германии и Италии показывают значимую связь Универсализма, Благожелательности и Самостоятельности с более эгалитарными политическими ориентациями; также интерес к политике и активизм позитивно связаны с Универсализмом и Благожелательностью, и негативно – с ценностями сохранения³⁹. Впрочем, ценности объясняли только малую часть политических ориентаций.

Другой способ связать ценности граждан и предрасположенность к современному развитию – через так называемые ценности самовыражения, выделенные Р. Инглхартом и его коллегами⁴⁰. Они убедительно показывают, что массовое распространение этих ценностей обусловлено переходом к постиндустриальной экономике и в свою очередь делает очень вероятным переход к демократии либо ее дальнейшее укрепление⁴¹. Исследования в целом показывают, что с ценностями самовыражения положительно коррелируют Самостоятельность и Универсализм, а отрицательно – Конформность, Безопасность и Власть-Богатство, образуя альтернативное измерение Роста – Покровительства на «круге Шварца»⁴². В то же время полного соответствия между этими ценностями нет, а сами исследования темы единичны.

³⁸ Davidov E. A Cross-Country and Cross-Time Comparison of the Human Values Measurements with the Second Round of the European Social Survey // *Survey Research Methods*. 2008. Vol. 2. № 1. P. 33-46. Руднев М.Г. Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран // *Социология*: 4М. 2013. № 37. С. 7-38.

³⁹ Datler G., Jagodzinski W., Schmidt P. Two theories on the test bench: Internal and external validity of the theories of Ronald Inglehart and Shalom Schwartz // *Social Science Research*. 2013. Vol. 42. № 3. P. 906-925. Caprara G.V., Schwartz S., Capanna C., Vecchione M., Barbaranelli C. Personality and politics: Values, traits, and political choice // *Political Psychology*. 2006. Vol. 27 № 1. P. 1-28.

⁴⁰ Inglehart R., Baker W. E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. № 1. P. 19-51.

⁴¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.

⁴² Обзор работ на эту тему и собственный анализ см. в Dobewall H., Rudnev M. Common and Unique Features of Schwartz's and Inglehart's Value Theories at the Country and Individual Levels // *Cross-Cultural Research*. 2014. Vol. 48. № 1. P. 45-77.

В целом, общие соображения и имеющаяся литература подсказывают, что ценностные ориентации Евромайдана должны предполагать, что его участники имеют благоприятные установки для участия в демократизации и необходимых экономических реформах. Однако необходимы более убедительные эмпирические свидетельства.

Третий сюжет, требующий отдельного исследования – каким было соотношение и взаимосвязь действительных европейских ценностей, националистических сантиментов и так называемого мифа о Европе среди мотиваций участников Евромайдана.

Роль по-разному понимаемого национализма на Майдане была велика. Вообще, по нашему мнению, одним из самых занимательных феноменов сознания Евромайдана было то, как, в сущности, либеральные требования без этнических маркеров быстро встали на националистические рельсы. Национализация либерального дискурса ощущалась, пожалуй, каждым. Самым ярким ее свидетельством стало приветствие «Слава Украине – Героям Слава», раньше ассоциировавшееся исключительно с радикальными украинскими националистами 30-х – 50-х годов прошлого века⁴³.

Миф о Европе описывает, в частности, А. Портнов, говоря об идеализированном понимании Европы как гомогенного «пространства верховенства права, социальной справедливости, свободы передвижения и самовыражения», которое «значительно превосходит не только содержание неподписанного Украиной Соглашения об ассоциации, но и актуальное состояние Европейского Союза»⁴⁴.

Каким же было место европейских ценностей на этом фоне? Вопрос также важен для понимания перспектив дальнейшего развития Украины, которое будет зависеть от каждодневных практик, связанных скорее с убеждениями, чем с мифами и исторической памятью. С другой стороны, какой-нибудь современный извод гражданского национализма сможет компенсировать нехватку ценностей самовыражения.

Выводы

В данной статье мы сравнили ценности участников начального этапа Евромайдана и жителей европейских стран, измеренные по методологии Шварца. Участников Евромайдана вполне можно характеризовать как радикализованных европейцев.

⁴³ При такой постановке вопроса, безусловно, стоит вести речь и о параллельной либерализации националистического дискурса, примером чего может быть произошедшая реконтекстуализация того же приветствия.

⁴⁴ Портнов А. Украинская «Еврореволюция»: хронология и интерпретации // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. 2013. № 2. С. 47-48.

Результаты убедительно показали, что в отношении ценностей Евромайдан был намного ближе к странам западной и северной Европы (таким как Финляндия, Норвегия, Германия, Дания, Франция, Швейцария), чем к Украине в целом. Схожесть выражалась прежде всего в большей важности самостоятельности и благожелательности, в меньшей – безопасности, традиции и личной влиятельности.

С другой стороны, показатели ценностей, связанных со всеобщим благом и готовностью рисковать, были так высоки, а с конформностью – так низки как почти ни в одной другой стране. В то же время, по уровню неважности гедонизма и личных достижений Евромайдан не отличался от Украины и ряда постсоциалистических стран.

Исследование также подтвердило, что на Евромайдане был большой удельный вес городских образованных средних слоев, относительно молодых, с существенной долей предпринимателей. Главным образом участники состояли из жителей Киева и городов западной Украины. Практически все они рассматривали Евромайдан как борьбу граждан против коррумпированного режима за радикальное изменение системы власти и подписание Соглашения об Ассоциации с ЕС.

С одной стороны, это свидетельствует, что Евромайдан во многом был инициирован социальными группами украинцев, которых можно назвать потенциальными локомотивами социетального развития, запрос которых на экономические и политические реформы наиболее силен.

С другой стороны, их количество в Украине может оказаться все еще недостаточным, чтобы предопределить проведение и успех необходимых изменений в обществе. Тем более, в сложившихся архисложных внутри- и внешнеполитических условиях.

Данную работу стоит считать скорее предварительной разведкой о «европейскости» ценностей участников Евромайдана и связанных с этим перспектив развития Украины. В дальнейшем следует сравнить данные по Евромайдану с более недавней волной опроса жителей Украины и европейских стран; прояснить связь между ценностями, социально-демографической структурой и активностью на Евромайдане.

Принципиально важным было бы уточнить пределы сравнимости ценностей Евромайдана и отдельных стран, а также характер связей между ценностями, измеренными по методологии Ш. Шварца, и социальными изменениями. Отдельный сюжет, заслуживающий изучения – место европейских ценностей среди вызвавших Евромайдан мотиваций, в частности, по сравнению с националистическими сантиментами и мифом о Европе.

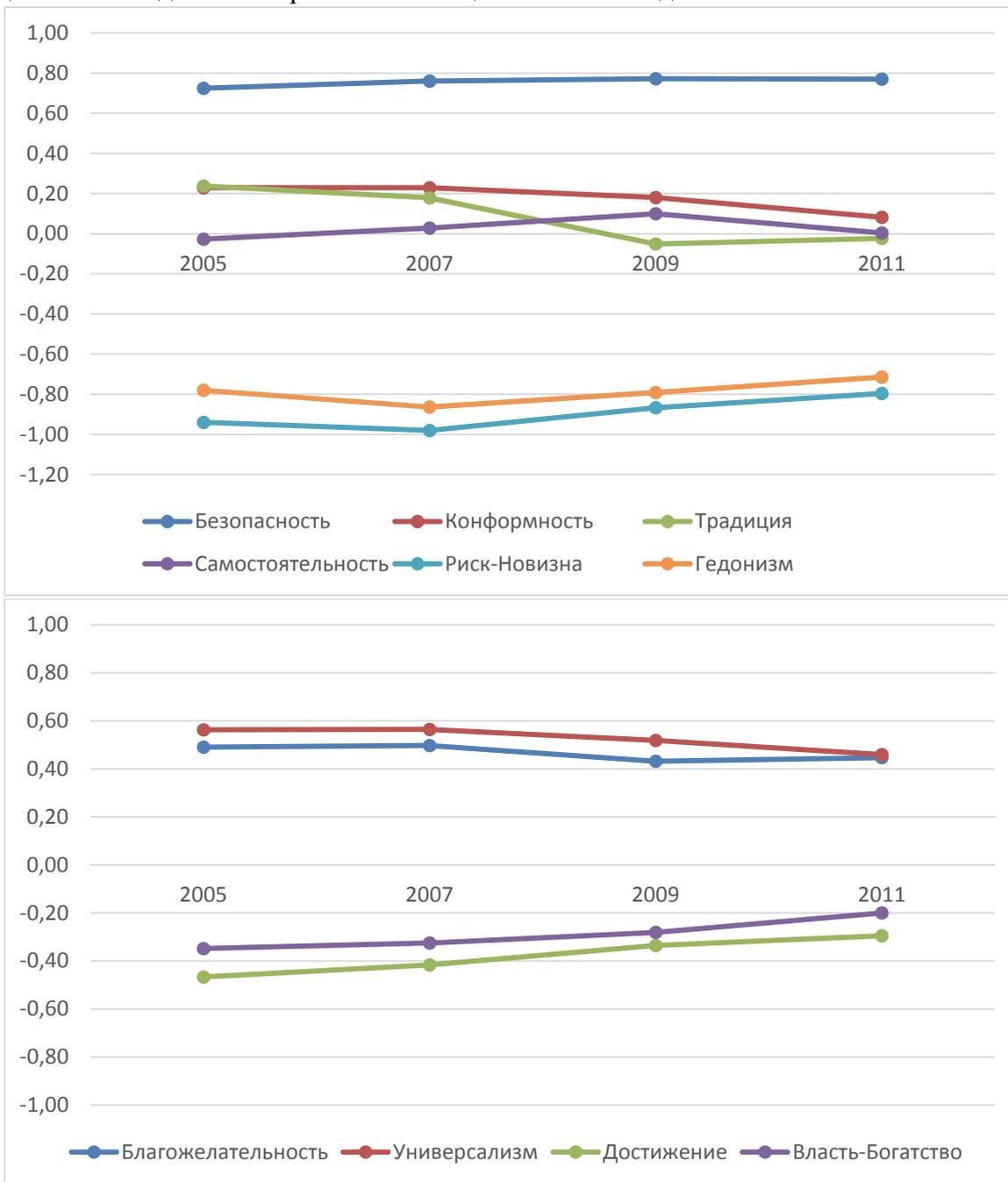
Приложение 1. Средние значения 10 ценностных индексов для участников Евромайда-на, жителей Украины в целом и европейских стран.

	Западная Европа	Скандинавия	Южная Европа	Постсоциалистическая Европа	Украина	Евромай-дан
Безопасность	0.33	-0.01*	0.63*	0.67*	0.77*	0.44
Конформность	-0.29*	-0.12*	-0.09*	-0.08*	0.09*	-0.70
Традиция	0.01*	-0.16	0.16*	0.09*	-0.02*	-0.24
Самостоятельность	0.43*	0.53	0.33*	0.13*	-0.01*	0.59
Риск-Новизна	-0.68*	-0.53*	-0.80*	-0.80*	-0.81*	-0.19
Гедонизм	-0.04*	0.04*	-0.42*	-0.56	-0.71	-0.70
Достижение	-0.52*	-0.68*	-0.57*	-0.16*	-0.30	-0.33
Власть-Богатство	-1.03	-1.03	-1.02	-0.32*	-0.20*	-1.16
Благожелательность	0.83	0.94	0.80	0.45*	0.45*	0.83
Универсализм	0.54	0.60	0.53	0.32	0.46	0.98

*Значение ценностного индекса статистически значимо отличается от соответствующего индекса для участников Евромайда на уровне $p=0,05$. Значимость оценивалась с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), по критерию Т3 Даннета.

Группировка стран по категориям следующая: Западная Европа – Бельгия, Швейцария, Германия, Франция, Великобритания, Ирландия, Нидерланды. Скандинавия – Дания, Финляндия, Норвегия и Швеция. Южная Европа – Кипр, Испания, Греция, Португалия. Постсоциалистические страны - Болгария, Чехия, Эстония, Хорватия, Венгрия, Польша, РФ, Словения и Словакия.

Приложение 2. Динамика изменений важности 10 ценностей в Украине в 2005–2011 годах согласно данным Европейского социального исследования

Источник данных: European Social Survey (<http://www.europeansocialsurvey.org/>). Расчеты автора.

Андреас Умланд, Антон Шеховцов

Украинские правые радикалы, евроинтеграция и неонацистская угроза: сравнительные наблюдения о сегодняшнем украинском политическом ультраправизме¹

В прошлом году Украина начала свое третье постсоветское антиавторитарное восстание — Евромайдан, который последовал за кампанией 2000-2001 «Украина без Кучмы!» и Оранжевой революцией в 2004 г. Во многих отношениях Евромайдан продолжил и завершил две первые продемократические массовые акции гражданского неповиновения. В ноябре 2013 г. несколько тысяч киевских интеллектуалов и студентов со всей Украины собрались в центре Киева в знак протеста против решения администрации Виктора Януковича отказаться от предстоящего заключения обширного Соглашения об ассоциации с ЕС. Изначально относительно небольшой пикет позднее превратился в массовое движение, к которому подключились миллионы украинцев по всей стране. Когда правительство попыталось силой распустить протест, переворот перерос в насильственное восстание, в ходе которого погибли десятки людей, а тысячи получили отчасти тяжелые ранения. В течение последующих трех месяцев демонстрации и столкновения на киевском Майдане Незалежности (Площади Независимости) и в других городах Украины превратились в полномасштабную социально-политическую революцию.

Политическая поляризация и ультраправые

Одновременно с тем, как протесты Евромайдана становились все более ожесточенными, в них начали все сильнее выделяться два ультраправых движения. Более известным из них является парламентская партия Всеукраинское объединение «Свобода», которое сотрудничает с некоторыми еще более радикальными маргинальными внепарламентскими группами, такими как С14 и Украинская повстанческая армия (УПА) — явная ссылка на историческую УПА 1940-1950-х гг. Во время Евромайдана «Свобода» и ее партнеры в большинстве базировались в оккупированном здании Киевской городской государственной администрации. Хотя «Свобода» является ультранационалистической партией и позиционирует себя как особенно непримиримая сила, партия как организация редко принимала участие в силовых столкновениях со спецподразделениями украинской милиции. Зато лидер «Свободы» Олег Тягнибок, кото-

¹ Ранее опубликовано на сайте «Polit.ru» (21 мая 2014).

рый уже был участником как «Революции на граните» 1990 г., так и «Оранжевой революции» 2004 г., стал одним из самых частых и эффективных ораторов Майдана 2013-2014 гг.

Второе ультраправое движение, заметно представленное на Евромайдане – малоизученная организация, которая называет себя «Правым Сектором». Несмотря на то, что в конце января 2014 г. группировка насчитывала – как сообщил нам один из ее лидеров – лишь около 300 членов, уже тогда начинал возникать миф о том, что «Правый Сектор» был ядром насильственного сопротивления внутри всего антиправительственного движения. Во время протестов этой изначально крайне незначительной внепарламентской структуре было позволено разместить свою штаб-квартиру на пятом этаже здания профсоюзов на киевском Майдане Незалежности.

На момент своего основания в конце ноября 2013 г. «Правый Сектор» представлял собой всего лишь альянс нескольких внепарламентских мини-организаций. Эти частично ультра-консервативные, частично неонацистские экстремистские группы объединились в первые дни протестов на Евромайдане, чтобы силовыми методами бороться с режимом Януковича. В марте 2014 г. эта коалиция стала политической партией путем переименования одного из своих членов – уже ранее зарегистрированной Украинской национальной ассамблеи (УНА) – в «Правый Сектор». В качестве партии «Правый сектор» стремится к парламентской политике, однако в настоящее время он не имеет достаточной поддержки для преодоления 5%-го электорального барьера для прохождения в парламент.

В то время как «Свобода» уже на протяжении последних двух лет является явным сторонником европейской интеграции Украины, различные группировки в составе «Правого Сектора» рассматривают ЕС по-разному, в большинстве своем – скептически или даже враждебно. Тем не менее, несмотря на свои идеологические разногласия, все различные группы, фракции и подгруппы, ассоциирующиеся со «Свободой» и «Правым Сектором», были более или менее активны в насильственных и ненасильственных акциях Евромайдана в 2013-2014 гг. Им даже удалось в значительной степени сформировать международный имидж проевропейских акций, несмотря на то, что совокупный президентский рейтинг лидеров «Свободы» и «Правого Сектора» - Олега Тягнибока и Дмитрия Яроша соответственно – составляет менее 4%.

Члены «Правого Сектора» и другие ультра-националистические активисты составили лишь малую часть от общих сил Самообороны Евромайдана – десятки самых разных «сотен», которые совместно оказывали насильственное сопротивление все более жестоким попыткам Януковича разогнать протестующих. Тем не менее, именно правые радикалы в первую очередь были показаны и сейчас активно обсуждаются в массивной международной информационной кампании Кремля против нового правительства Киева. Чиновники России, ее ведущие дипломаты, псевдо-журналисты и западные лоббисты широко используют гиперболы, полуправдивые сообщения, утки и паникерские сообщения в отношении радикальных правых Украины для того, чтобы дискредитировать проевропейскую революцию в Украине как, по крайней мере, частично «фашистскую».

Причастность двух ультраправых движений к демократическим, проевропейским акциям протеста в Украине действительно является неким парадоксом. Во-первых, их поддержка противоречит политическому мировоззрению ультранационалистов в том смысле, что ценности, цели и принципы ЕС являются, по сути, антинационалистическими. Во-вторых, двойственная или даже положительная позиция украинских ультранационалистов по отношению к ЕС и НАТО заметно отличает их от типичного поведения аналогичных партий в ЕС, не говоря уже о России. Большинство европейских ультраправых, как правило, занимает выражено антиамериканскую, а также более или менее антиевросоюзную позицию. За последнее десятилетие только одна из крупных европейских ультраправых партий была относительно положительно настроена в отношении ЕС: греческий Народный православный призыв, который был представлен в греческом парламенте в 2007-2012 гг., хотя и подвергал резкой критике ряд основополагающих принципов ЕС, но, тем не менее, открыто поддерживал членство Греции в ЕС.

Антиимперский импульс украинского национализма

Наиболее очевидным объяснением активного участия украинских крайне правых в Евромайдане является его первоочередная цель, а именно выход Украины из сферы влияния Москвы — главное требование всех украинских националистов, будь то умеренных или радикальных. Подписание Соглашения об ассоциации с ЕС большинством украинских лидеров, но также и многими политиками в Брюсселе, Вашингтоне и Москве, понимается как часть «игры с нулевой суммой» между Западом и Россией: чем больше Украина интегрируется в Евросоюз, тем меньше она будет частью неоиimperского ареала Кремля. Именно по этой причине значительная часть украинских ультраправых – видимо, в той или иной мере, вынуждено – поддерживает подписание Украиной Соглашения об ассоциации с ЕС. Сближение Киева с Брюсселем предполагает недвусмысленный шаг в сторону разрыва с Москвой и выхода Украины из сферы влияния Кремля. Евроинтеграция, таким образом, является важным инструментом для перехода к независимому развитию украинской нации — в каком бы ни было направлении.

Антиимперская, национально-освободительная направленность украинских крайне правых групп приближает их к большинству других украинских партий, которые намного более однозначно проевропейски ориентированы, нежели «Свобода» и «Правый Сектор». Правда, социальный консерватизм, культурный расизм, гетеросексизм, популистский этно-центризм, скрытый антисемитизм и т.д. – иными словами ценности, свойственные доктринам других европейских праворадикальных партий – являются отличительной чертой украинских ультранационалистов в контексте партийного ландшафта Украины. Тем не менее, национально-освободительная цель крайне правых Украины стала общественно значимой и политически весомой причиной их присоединения к протестам Евромайдана. Поддержка евроинтеграции стала в первую

очередь характерной для официальной риторики партии «Свобода» Тягнибока. В меньшей степени она свойственна некоторым группировкам внутри «Правого Сектора», таким как «Тризуб им. С. Бандеры» и УНА.

Антиимперский уклон национал-экстремистов был менее заметен в идеологических нарративах некоторых миниатюрных нефашистских группировок, таких как военизированное крыло «Свободы» С14 или бывших или ныне действующих организационных элементов «Правого Сектора» – «Патриот Украины» / Социал-национальная ассамблея и «Белый Молот». Эти и другие открыто неонацистские элементы украинских ультраправых, включая последние группы, как правило, занимают четко анти-евросоюзную позицию. Они составляют, однако, лишь относительно маргинальные части в составе более крупных политических движений, в которые они входят, т.е. в «Свободе» и «Правом Секторе». Названные неонацистские мини-группы в значительной степени неизвестны украинской общественности, не говоря уже о наблюдателях за пределами Украины.

Относительная слабость украинского радикального расизма

Периферийным характером неонацизма в украинском ультраправом движении можно частично объяснить и низкую степень ксенофобского насилия в Украине. Это утверждение противоречит популярной за пределами Украины точке зрения, особенно среди европейских публицистов левого крыла и политиков, об Украине как о рассаднике воинствующего ультранационализма. Такое ложное предубеждение привело, среди прочего, к странной истерике в средствах массовой информации Западной Европы в преддверии чемпионата Европы по футболу 2012 г., проводившегося в Украине и Польше. Особенно в британской «желтой прессе», но также и в некоторых немецких левых изданиях публиковались предвзятые статьи и репортажи о вероятном неонацистском насилии над небелыми футбольными болельщиками, желавшими посетить футбольные матчи в Харькове, Донецке, Львове и Киеве. Однако ни одного значительного расистского инцидента в течение всего чемпионата в Украине не произошло. Практически все насильственные акции подобного рода во время Евро-2012 произошли в Польше.

Какие-либо жертвы насилия со стороны правых радикалов в период насильственного гражданского противостояния в Киеве в январе-феврале и «гибридной войны» между украинским правительством и поддерживаемыми Россией сепаратистами на юго-востоке Украины в марте-мае 2014 г., с нашей точки зрения, трудно сравнивать с пострадавшим от ксенофобского насилия в «мирные» времена. Большинство жертв расистского насилия, отмеченные в сравнительных исследованиях ксенофобии, (а) является вообще не или только легко вооруженными и (б) погибает не в условиях стычек с применением огнестрельного оружия. Скорее, они умирают в результате целенаправленных нападения или спонтанных драк на почве расизма и в контексте «обычной» ежедневной жизни – не редко – без всякого применения огнестрельного

оружия с какой-либо стороны. Хотя мы не исключаем жертв применения оружия против людей правыми радикалами во время полувоенных конфликтов в Украине 2014 г.; такие убийства, совершенные в условиях более глобальных вооруженных противостояний, имеют другой статус, чем расистские преступления, совершенные в стабильных обществах.

По статистике преступлений на почве ненависти, предоставленной отделом по мониторингу ксенофобии Евро-Азиатского еврейского конгресса, в 2012-2013 гг. около 40 человек пострадали от расистских нападений в Украине. Последний случай, когда человек был убит в Украине на почве этнической ненависти в «мирных» условиях, произошел в 2010 г. Для сравнения, по данным лондонского Института расовых отношений, в Великобритании – стране, население которой всего на одну четверть больше, чем украинское (63 и 46 млн. соответственно) – в среднем в результате расистских нападений погибают четыре человека в год. В других странах Западной и Восточной Европы также существует статистика преступлений на почве ненависти, приближающаяся скорее к британским, чем к украинским цифрам «мирного» времени. На сегодняшний день самое большое количество насильственных преступлений на почве ненависти в Европе, как в абсолютных, так и в относительных величинах, совершается ежегодно неонацистскими скинхедами и расистами в России. В последней оценке не учитываются возможные убийства, совершенные российскими правыми радикалами в контексте их участия в квази-военных столкновениях на Северном Кавказе или Восточной и Южной Украине.

Взлет партийно-политического ультранационализма в Украине

В течение первых 20 лет независимости Украины ультраправые этно-центристы характеризовались удивительной электоральной и парламентской незначительностью. Только в 2012 г., когда «Свобода» получила 10,44% голосов поддержки избирателей в пропорциональной части парламентских выборов, правый радикализм стал фактором в украинской политике – и то только относительно значимым. Поскольку «Свобода» была менее успешной на одновременных выборах в одномандатных округах, партия Тягнибока вошла в Верховную Раду Украины лишь с 37 депутатами из общих 450 депутатов парламента.

Длительная партийно-политическая импотенция украинских ультра-националистов была парадоксальной в двух отношениях. Во-первых, она была удивительной в контексте значительных успехов на выборах крайне правых партий как центрально- и южно-восточно-европейских соседей Украины (например, Словакии, Румынии, Венгрии, Сербии), так и России или Западной Европы. Во-вторых, она была неожиданной на фоне великих постсоветских потрясений, которые в середине 1990-х привели в Украине к одному из самых глубоких социально-экономических закатов в истории какой-либо страны Европы. Ни мега-кризис 1990-х, ни резкий упадок украинской про-

мышленности вследствие мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. не сделали правых экстремистов привлекательными для украинских избирателей.

Какие тогда обстоятельства привели к неожиданному результату «Свободы» в более чем 10% голосов на выборах 2012 г.? По результатам наших исследований, вступление «Свободы» в украинский парламент лишь отчасти свидетельствует о повороте украинского общества к ультраправым доктринам. Скорее причиной удивительного успеха «Свободы» на выборах была, в определенном смысле, неидеологическая, протестная реакция многих украинцев на явно непатриотичную, антиукраинскую и пророссийскую политику бывшего президента Виктора Януковича, его Партии регионов и ее младшего партнера по коалиции — ностальгирующей по советским временам Коммунистической партии Украины. Этот выбор был на тот момент также ответом на вопиющую нехватку дисциплины в двух главных демократических фракциях Верховной Рады. В 2010-2012 гг. целый ряд депутатов, избранных в 2007 г. по спискам альянса Виктора Ющенко «Наша Украина – Народная самооборона» и партии «Батькивщина» Юлии Тимошенко, оказались «тушками», т.е. перебежали в про-правительственную коалицию Партии регионов и КПУ.

На этом специфическом фоне, по нашим оценкам, до 50% избирателей «Свободы» в 2012 г., вероятно, проголосовали за эту партию по той причине, что увидели в ней наиболее радикальную и дисциплинированную оппозицию режиму Януковича, а не вследствие поддержки этно-центристской и гомофобской программы «свободовцев». Скорее заметный риторический радикализм «Свободы» и имидж относительно последовательной политической силы, а отнюдь не праворадикальная позиция партии, привлекли многих национально сознательных и демократически настроенных, в том числе даже анти-националистических украинских избирателей. Ультранационализм «Свободы» был, по-видимому, интерпретирован этими избирателями в национально-освободительных, а не расистских или ксенофобских категориях. В любом случае, по крайней мере, в отношении партийной дисциплины «Свобода» не предала свой не-националистический электорат: ни один из депутатов парламента от «Свободы» не перешел на какую-либо другую сторону – как это сделал целый ряд других депутатов в парламенте Украины за последние годы.

Насколько сильным будет украинский партийный ультранационализм?

Вышеприведенными причинами взлета «Свобода» и Правого Сектора в 2012-2014 г. также может быть объяснен и сложный вызов для их развития в будущем. Период высокой поляризации украинской внутренней политики предыдущих лет завершился: Евромайдан одержал победу, а Янукович и некоторые из его ближайших соратников покинули страну. Тем самым, для многих избирателей их бывшие причины поддержки дисциплинированных экстремистов «Свободы» могут потерять свою актуальность. Для умеренной части ее бывшего электората идеология «Свободы» скорее проблема-

тична, чем привлекательна. Тем самым, они теперь могут решить проголосовать за другую партию с менее одиозными взглядами.

Для радикально настроенных избирателей же может обнаружиться другая проблема, а именно определенное несоответствие между непримиримой предвыборной риторикой «Свободы» и ее фактической деятельностью впоследствии. Как в парламенте с 2012 г., так и на улицах во времена Евромайдана «Свобода» на практике оказалась относительно мягким политическим игроком, что представляло некоторый контраст с ее саморепрезентацией. Конечно, ее депутаты инициировали ряд скандалов и приняли участие в нескольких драках в Верховной Раде. Кроме того, ряд «свободовцев» погиб или был ранен во время стычек со спецподразделениями в Киеве до отстранения Януковича. Однако «Свобода» как организация была не в состоянии или же не желала выступать в качестве последовательной радикальной силы, как она когда-то обещала. Видимо, по этим и некоторым другим причинам можно было наблюдать за постепенной потерей электоральной поддержки «Свободы», выявленной в социологических исследованиях последних двух лет.

По результатам опроса общественного мнения, проведенного Киевским международным институтом социологии в середине марта 2014 г., 2,5% потенциальных избирателей поддержали бы Тягнибока, и 0,9% проголосовали бы за лидера Правого Сектора Яроша на досрочных президентских выборах. Согласно другому недавнему опросу, «Свободу» как политическую партию на досрочных парламентских выборах поддержали бы 5,2% избирателей, тем самым обеспечивая вхождение партии в парламент. Но эта цифра составляет лишь около половины от избирательной поддержки, которую партия получила на выборах в Верховную Раду в 2012 г. Ее сегодняшний электорат, как представляется, состоит в основном из «ядерных» избирателей – с одной стороны, этноцентристских ультранационалистов со всей Украины и, с другой стороны, умеренно националистически настроенных жителей Галиции, где «Свобода» многими воспринимается как мейнстримная партия.

Существует еще один явный новый вызов и фактор риска для крайне правых Украины: на следующих парламентских выборах «Свобода» будет вынуждена конкурировать за ультранационалистический электорат с уже широко известным новым игроком на своем поле, т.е. с «Правым Сектором». Очевидно, что ряд бывших или потенциальных избирателей «Свободы» уйдет к «Правому Сектору». Предположительно, это ослабит крайне правых в парламенте в том случае, если Правый Сектор не перешагнет 5%-ный барьер.

Более того, если нынешний электоральный барьер по пропорциональному принципу останется неизменным, правые радикалы Украины, в целом, могут пострадать от ситуации, которая уже возникала и в других европейских странах в прошлом. Допустим, радикалы имеют потенциал в целом получить 8% голосов на парламентских выборах и на этой базе вместе с возможными одномандатниками сформировать значимую фракцию. Тем не менее, может сложиться ситуация, при которой ни одна радикальная партия не войдет в Верховную Раду, если голоса разделятся неудачно между,

скажем, двумя партиями: одна получит, например, 4,5%, а другая – 3,5%. Тем самым, ни та, ни другая не окажется в парламенте.

Пока Партия регионов остается такой же фрагментированной и дезориентированной, как в настоящее время, «Свобода» лишена бывшего основного источника своей негативной мобилизации. Для компенсации этой потери руководству «Свободы» придется найти другие источники привлечения не-экстремистских избирателей, к примеру, делая заметный вклад в защиту Украины против продолжающейся российской агрессии в Южной и Восточной Украине. Если «Свобода» не сможет найти подобные или альтернативные причины, которые послужат доводом украинским умеренным избирателям голосовать за «Свободу», а «Правому Сектору» удастся переманить некоторых избирателей Тягнибока, украинские крайние правые могут быть вынуждены вернуться к внепарламентским окраинам украинской политической жизни.

Дарья Малютина

Евромайдан в Лондоне: развитие транснационального протеста¹

Масштабные социально-политические потрясения последних лет, основанные на акциях гражданского сопротивления – к примеру, Арабская весна как серия демонстраций, столкновений и переворотов, начавшаяся в 2010 г., или волна протестов 2011-2013 гг. в России, вызванная сфальсифицированными выборами в Государственную Думу и впоследствии выборами президента – имели одну важную общую черту. Участие в протестной активности соответствующих сообществ мигрантов, проживающих в странах Запада, говорит об увеличении возможностей для транснационализма, в частности, в виде включенности мигрантов как политических акторов в жизнь стран происхождения. Хотя участие членов диаспоры в политической жизни страны, как и транснациональная активность в целом, не является исключительно современным явлением, именно быстрое развитие коммуникационных технологий и интенсификация потоков информации, идей, капитала и людей через границы придает специфику транснационализму сегодняшнего дня.

Евромайдан как проявление гражданского активизма в Украине, который начался в ноябре 2013 г. с протестов против отказа правительства от подписания договора об ассоциации с ЕС и развился в демократическую революцию против коррупции власти и притеснения прав и свобод, затем перейдя в противостояние последовавшей за этим российской интервенции, буквально с первых дней получил поддержку украинских сообществ во многих странах. Наиболее выраженная поддержка была характерна для стран с достаточно крупными, мобилизованными и исторически закрепленными сообществами украинцев: Великобритании, США, Канады, Германии, Франции, Польши. Именно в городах этих стран украинские протестующие и сочувствующие им наиболее быстро и активно обозначили свою позицию через участие в акциях и социальных медиа. В то же время, акции протеста разворачивались по всему миру, от Восточной и Западной Европы до Северной и Южной Америки и Австралии; от стран, в которых украинская миграция уходит корнями в конец 19-го века и получила новые волны в 20-м веке (Канада, Аргентина, Великобритания), до тех, в которые наиболее массовая ми-

¹ Автор выражает признательность украинцам в Лондоне, общение с которыми на митингах и вне них предоставило значительную часть эмпирического материала для этого эссе, в особенности Олесе Хромейчук за помощь в знакомстве с «украинским Лондоном». Автор также выражает благодарность Антону Шеховцову за комментарии к этому тексту.

грация начала возникать после распада Советского Союза (Португалия, Испания).

В этом эссе рассматривается транснациональная деятельность одного из наиболее активных украинских сообществ, направленная на поддержку протестов в Украине. Украинское сообщество Великобритании, включающее в себя как относительно недавних мигрантов, так и потомков украинцев – участников предыдущих волн, хотя и не является самым большим по сравнению с диаспорами Канады или США, но оно проявило высокую степень вовлеченности в политические события в Украине и довольно быстро стало одной из самых мобилизованных, развивающихся и активно действующих групп. Ее активность была в основном сосредоточена в Лондоне как в городе с наибольшей концентрацией украинских мигрантов и организаций, а также предоставляющем наибольшее количество возможностей для политической деятельности, лоббирования и развития связей. В этом эссе я кратко рассмотрю динамику протестной деятельности украинского сообщества в Лондоне с ноября 2013 г. до конца весны 2014 г. Эмпирический материал для этой работы был собран методом этнографии и анализа социальных медиа (Фейсбук).

Перед тем, как приступить к анализу, следует обратиться к ключевому вопросу, определяющему актуальность данного эссе. Почему важен анализ транснациональной деятельности мигрантов в подобных ситуациях? Действительно, с одной стороны, критика теорий транснационализма указывает на то, что сам феномен взаимодействия через границы и одновременного участия в жизни двух или более сообществ, городов или стран, далеко не нов; участие диаспор в политических процессах страны происхождения, в частности, имеет долгую историю. Кроме того, исследователи отмечают, что зачастую политическая активность мигрантов носит ситуативный характер и имеет относительно малый масштаб; «слабые связи», объединяющие участников протеста через географические границы и социальные классы, могут быть неспособны создать тесно сплоченное движение и часто распадаются – так же быстро, как и возникают².

Однако деятельность таких акторов, как мигранты и их сообщества, является важным элементом транснационального гражданского общества и источником мягкой силы, способной оказать влияние на локальные, национальные и международные события³. Исследователи отмечают, что мигранты имеют возможность влиять на процессы демократизации домашней политики, используя опыт более демократических режимов стран проживания, через участие в электоральных

² См. Guarnizo L., Portes A., Haller W. Assimilation and Transnationalism. Determinants of Transnational Political Action among Contemporary Migrants // *American Journal of Sociology*. 2003. Vol. 108. № 6. P. 1211-1248; Tarrow S. *The new transnational activism*. N.Y., 2005; Waldinger R. Between «Here» and «There»: Immigrant Cross-Border Activities and Loyalties // *International Migration Review*. 2008. Vol. 42. № 1. P. 3-29.

³ См. Kapur D. *Diaspora, Development, and Democracy: The Domestic Impact of International Migration from India*. Princeton, NJ, 2010.

процессах и гражданскую активность⁴. Помимо финансовой поддержки (например, пересылки заработков в страну происхождения), мигранты могут содействовать распространению идей через границы. Использование каналов коммуникации на глобальном уровне развивает возможности транслирования информации о состоянии политической ситуации дома в западные сообщества и наоборот. Кроме того, мигранты могут действовать на локальном уровне в местах своего проживания, а также пытаться оказать влияние на международную политику путем лоббирования международных организаций и политических институтов. Таким образом, мигранты в странах с устоявшейся традицией иммиграции, сформированными сообществами и функционирующими организациями, сохраняющие связь с политической, экономической и культурной жизнью страны происхождения, имеют возможность оказывать влияние на ее локальную политику, в то время как относительно молодые сообщества мигрантов, судя по практике последних лет, тоже начинают активно включаться в эти процессы⁵. Способам включения в транснациональные формы протеста на примере Евромайдана как одного из наиболее значимых политических событий этого века и посвящено данное эссе.

Украинское сообщество в Лондоне⁶ начало свою протестную деятельность в поддержку Евромайдана буквально с самого начала волнений в Украине. По мере

⁴ См. Bauböck R. Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism // *International Migration Review*. 2003. Vol. 37. № 3. P. 700-723; Burgess K. Unpacking the Diaspora Channel in New Democracies: When Do Migrants Act Politically Back Home? // *Studies in Comparative International Development*. 2014. Vol. 49. № 1. P. 13-43.

⁵ В качестве примера можно привести волну протестной активности российских мигрантов в Лондоне в 2010-2013 г., вызванную фальсификацией результатов думских и президентских выборов в 2011 и 2012, а также притеснением прав человека и ростом коррупции и авторитаризма в России. Российские мигранты представляют собой довольно разобщенную и диверсифицированную группу, начавшую увеличиваться быстрыми темпами недавно, с конца 1990-х – начала 2000-х, но все еще количественно небольшую. Тем не менее, годы, на которые пришел пик протестной активности в самой России, сопровождались довольно ощутимой вспышкой активизма в Лондоне (которая, впрочем, практически сошла на нет к 2013 г.).

⁶ Украинская диаспора в Великобритании уходит корнями в конец 19-го – начало 20-го века, когда небольшая группа украинцев осела в районе Манчестера. Современная популяция сформировалась в основном на базе двух миграционных волн. Первой из них была волна после Второй мировой войны, которая включала в себя перемещенных лиц и бывших военнопленных из лагерей в Австрии, Германии и Италии, завербованных по программе *European Volunteer Worker*. Эти украинцы в основном происходили из Западной Украины. Именно они заложили основы современной инфраструктуры украинской диаспоры. Постсоветская волна была более разнообразна и включала в себя мигрантов из разных областей Украины. Хотя среди недавних мигрантов много нелегальных, есть также и профессионалы, средний класс и студенты. Исследователи отмечают некоторую разобщенность между этими волнами (см. Kubal A., Bawell O., de Haas H. *The Evolution of Ukrainian Migration to the UK. Scoping Study Report* // THEMIS. 2011; Kubal A., Dekker R. Contextualizing immigrant inter-wave dynamics and the consequences for migration processes. *Ukrainians in the United Kingdom and the Netherlands* // *IMI Working Papers Series*. 2011. № 49). Точных данных о размере украинской диаспоры в Великобритании нет, отчасти из-за значительной нерегулярной миграции в последние годы. Опрос *Annual Population Survey* оценивает число лиц украинской национальности примерно в 12000 в 2012 г., а число родившихся в Украине в 22000 (*Underlying Datasheets for Population by Country of Birth and Nationality Tables, January 2012 to December 2012* // ONS).

того, как развивались события и нарастала напряженность, развивалась и деятельность мигрантов, находившаяся в зависимости от происходящего в Украине. Первые протесты происходили на площади напротив Парламента и возле статуи Св. Владимира у здания Украинского Института в Лондоне. Участники приходили с флагами и плакатами, активисты и представители культурных организаций произносили речи⁷.

Преобладала национальная символика, которая в основном была представлена флагами (желто-голубой флаг Украины и красно-черный флаг Украинской повстанческой армии (УПА)), ленточками, венками на некоторых женщинах. В самом начале была также заметна символика Евросоюза на флажках и плакатах, но по мере эскалации протеста основной фокус постепенно смещался: лозунг «Україна це Європа!» («Украина – это Европа!») стал менее актуальным, уступив место лозунгу «Банду геть!» («Банду вон!»), а также другим лозунгам против правительства и Януковича, с последующим нарастанием антироссийской и антипутинской тем («Putin, hands off Ukraine!»). Лозунг «Слава Україні! - Героям Слава!» был наиболее распространенным, иногда за ним следовали также «Слава нації! - Смерть ворогам!» и «Україна понад усе!»⁸. Кроме того, использовались прочие типичные для Евромайдана лозунги («Разом і до кінця», «Разом і до перемоги», «Ганьба!» и пр.)⁹ на украинском, а также подготовленные к локальной специфике лозунги на английском («Impeach Yanukovich!», «Oligarchs out!», «UK, help Ukraine!», «Putin, out of Ukraine!» и пр.)¹⁰. Кроме того, в начале и конце

<http://www.ons.gov.uk/ons/rel/migration1/population-by-country-of-birth-and-nationality/2012/population-by-country-of-birth-and-nationality-datasheets-january-2012-to-december-2012.xls>. Последнее посещение 13 апреля 2014). Кубал и Деккер приводят оценки от 15000 до 30000 (см. Kubal, Dekker. Contextualizing immigrant inter-wave dynamics P. 12). Перепись населения 2011 г. указывает, что в Лондоне 2912 человек считают украинский своим первым языком, а в Англии и Уэльсе таковых 6758 (2011 Census: QS204EW Main language (detailed), local authorities in England and Wales // ONS. <https://docs.google.com/spreadsheet/ccc?key=0AonYZs4MzIzbdEIMMURtZU9keEo4amUyNWZ5YVg5YVE#gid=1>. Последнее посещение 1 июля 2013), однако в действительности цифры, вероятно, значительно выше.

⁷ Протест сформировался и развивался по большей части как социальное движение «снизу» (grassroots). В то же время многие местные украинские организации и их представители (например, Ассоциация украинцев в Великобритании, Украинский институт в Лондоне) поддержали протест – в отличие от украинского посольства, представители которого в лучшем случае уклонялись от диалога с активистами и не выражали поддержки (по крайней мере до смены власти в Украине).

⁸ «Слава Україні! - Героям Слава!» («Слава Украине - Героям слава!») – лозунг, использовавшийся как приветствие со времен УПА, преимущественно распространенный в Западной и Центральной Украине. Во времена Евромайдана приобрел большую популярность, и, как утверждают некоторые исследователи (в частности, Антон Шеховцов), во многом утратил имеющиеся негативные коннотации. «Слава нації! Смерть ворогам!» («Слава нации - смерть врагам!») является более одиозным и радикальным, так же как «Україна понад усе!» («Украина превыше всего!») – прямая калька с немецкого лозунга «Deutschland, Deutschland über alles».

⁹ «Вместе и до конца», «Вместе и до победы», «Позор!».

¹⁰ «Импичмент Януковичу», «Олигархи, вон», «Соединенное Королевство, помощи Украине», «Путин, вон из Украины».

каждого митинга исполнялся гимн Украины, иногда некоторые патриотические песни (например, духовный гимн «Молитва за Украину»).

Март 2014 г., протест напротив российского посольства после начала российской интервенции в Крыму. Некоторые надписи на плакатах: «Путин – подумай!», «НАТО, останови Путина в Украине», «Путин, вон!», «ФИФА, останови Путина».

Российское посольство было, пожалуй, одним из самых «популярных» мест для протеста, особенно с момента введения российских войск на территорию Украины и начала аннексии Крыма. Кроме того, мигранты собирались напротив украинского посольства, протестуя против видимого отсутствия поддержки со стороны украинских дипломатов (по крайней мере, до смены власти в Украине), а также возле американского посольства, требуя санкций после начала российской интервенции. Украинское сообщество также постоянно пыталось повлиять на британский политический истеблишмент, в частности, по вопросам санкций в отношении России, а также украинских олигархов. Регулярные митинги проводились напротив резиденции британского премьер-министра Дэвида Камерона на Даунинг стрит 10. Начиная с 2 марта 2014 г. там же обосновались украинцы и поддерживающие их в рамках круглосуточного посменного дежурства, которое продолжалось более трех месяцев. Об этом месте протеста активисты говорили как о местном Майдане. Украинцы также занимались написанием писем с просьбой поддержки местным депутатам (некоторые из которых действительно

поддержали протест – по крайней мере, на словах), а также собрали более 6500 подписей под петицией, переданной Камерону¹¹.

Январь 2014 г. Протест на Даунинг стрит. На другой стороне улицы передают петицию Дэвиду Камерону.

Еще одним объектом для протеста были олигархи. Если зимой действия протестующих в основном были нацелены на украинских олигархов Рината Ахметова и Дмитрия Фирташа, то весной их внимание также распространилось на россиян Алишера Усманова и Романа Абрамовича¹². Так, несколько митингов было проведено возле здания в престижном районе Найтсбридж, в котором расположена квартира Ахметова. Протест против Фирташа состоялся возле Лондонской фондовой биржи, торги на которой Фирташ торжественно открыл в октябре 2013 г. Украинцы стремились, во-первых, обратить внимание международного сообще-

¹¹ Петиция включала в себя требования введения санкций в адрес украинских чиновников, прямо или косвенно ответственных за насилие в Украине, и украинских олигархов, имеющих активы в Великобритании. В документе упоминалась просьба к Евросоюзу о поддержке гражданских движений и институтов в Украине. Кроме этого, петиция призывала остановить интервенцию России, поддержать протест против ее агрессивной внешней политики и бойкотировать предстоящие Олимпийские игры в Сочи.

¹² Ринат Ахметов – крупнейший олигарх Украины, финансист, во времена Януковича неофициальный глава находившейся у власти Партии регионов. Дмитрий Фирташ – один из богатейших бизнесменов Украины, тоже контролировавший часть депутатов-«регионалов». Алишер Усманов и Роман Абрамович – российские олигархи, оба входят в десятку богатейших людей Великобритании.

ства на роль олигархов в поддержке режима Януковича, а во-вторых, надеялись убедить самих олигархов использовать свое влияние для изменения хода событий в Украине. Связи олигархов с финансовым миром Лондона (впрочем, как и с некоторыми парламентариями, поддержавшими протест) не раз подчеркивались и критиковались¹³.

Автомайдан, мобильный вид протеста, начался в Лондоне в январе 2014 г. Около двух десятков автомобилей, украшенных украинскими флагами и плакатами, сигналив, проезжали по центру города (в том числе, мимо российского и украинского посольств и квартиры Ахметова), обращая на себя внимание прохожих и протестующих на Даунинг стрит.

Российские бизнес-предприятия (ВТБ банк, Газпром) тоже стали объектом внимания. Помимо этого, в рамках международной кампании #boycottrussian украинцы призывали к бойкоту российских товаров и сервисов. Отчасти в рамках этой кампании проходили протесты против российского дирижера Валерия Гергиева, сторонника Путина и поддержавшего аннексию Крыма, работающего в Лондонском Симфоническом Оркестре и выступавшего в Лондоне в апреле и мае 2014 г.¹⁴

К протестным акциям украинцев постепенно начали присоединяться и другие группы. Так, возле российского посольства (которое в последние годы вообще является постоянной площадкой для протеста), солидаризируясь с украинцами, также выступали сирийцы, которые протестовали против поддержки Путиным режима Башара аль-Асада, а также ЛГБТ-группы и активисты, выступающие против притеснения прав ЛГБТ в России¹⁵. Российские активисты приходили лишь на крупные (несколько сотен человек) акции и в небольшом количестве (в целом можно говорить о поддержке украинской диаспоры со стороны лишь некоторой части российских мигрантов). На большие протесты почти постоянно приходили другие мигранты и представители национальных сообществ. «Марш против тирании», состоявшийся в день так называемого «референдума» по аннексии Крыма, собрал, по разным данным, от 2000 до 10000 человек, среди которых были не только украинцы, но и представители крымских татар, Венесуэлы,

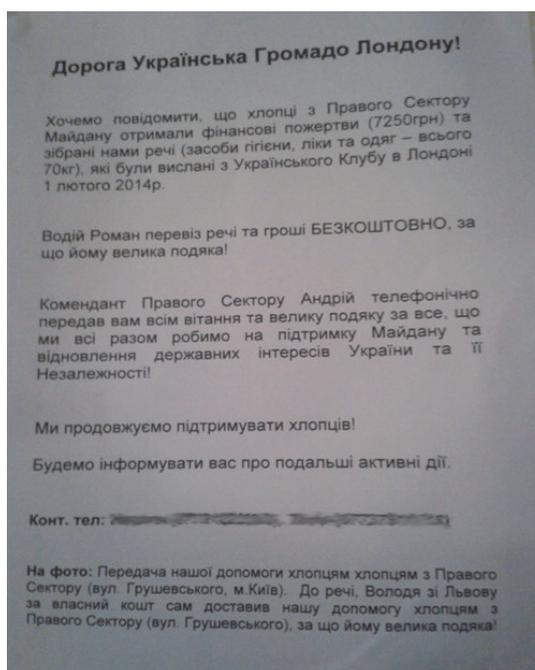
¹³ См. Лещенко С. Час влаштувати Фірташу холодний душ у Лондоні // Українська Правда. 18 января 2014. <http://blogs.pravda.com.ua/authors/leschenko/52d9a88216d39/>. Последнее посещение 1 мая 2014. Подробнее о лондонских протестах с привлечением британских парламентариев см. Malyutina D. Words not actions: can British MPs help the Ukrainian diaspora? <http://daryamalyutina.wordpress.com/2014/01/31/words-not-actions-can-british-mps-help-the-ukrainian-diaspora/>. Последнее посещение 13 мая 2014.

¹⁴ См. Malyutina D. Ukrainian protesters and Peter Tatchell heckle Russian conductor Valery Gergiev in Trafalgar Square. <http://daryamalyutina.wordpress.com/2014/05/11/ukrainian-protesters-and-peter-tatchell-heckle-russian-conductor-valery-gergiev-in-traffic-square/>. Последнее посещение 15 мая 2014.

¹⁵ Так, протест против Гергиева был поддержан известным лондонским активистом по борьбе за права человека Питером Тэтчеллом, который лично участвовал в митингах вместе с украинцами. Тэтчелл и ранее активно выступал против Гергиева.

Польши, Грузии, Литвы, Латвии, Эстонии, Сирии, России, Беларуси, Великобритании, Франции, Германии, США и других стран.

Помимо выступлений и акций, украинское сообщество активно занималось сбором денег и вещей для Майдана, а так же впоследствии переводило деньги в поддержку украинских вооруженных сил. Чемоданы теплых вещей собирались зимой в украинском клубе в Лондоне и отправлялись в Киев. Отчеты о собранных суммах и о том, на что они были потрачены, вывешивались на стене клуба и публиковались в тематических группах в Фейсбуке. Несколько раз организовывались благотворительные концерты.

Ukrainian community in the UK support Ukraine's armed forces

The Ukrainian community in the UK and its friends have raised over £20,000 to deliver much needed non-lethal equipment and supplies to Ukraine's armed forces and border patrols.

These funds have been used to purchase sleeping bags, helmets, bulletproof vests, communication and night vision equipment, as well as to assist members of Ukraine's armed forces to safely evacuate the temporarily occupied Crimea region of Ukraine.

Ukrainians in the UK wish to express sincere gratitude to all those who have already generously donated to the campaign. We are also thankful to volunteers on the ground in Ukraine, most recently the Army SOS group (<https://www.facebook.com/groups/armia.sos/>), for working tirelessly to purchase and deliver the urgently needed items directly to the battalions. Most importantly, we honour the men and women defending Ukraine's sovereignty and territorial integrity, especially those who have already laid down their lives for their country.

We encourage everyone to make a generous contribution to this campaign via the Ukrainian Freedom Fund, which is a global initiative launched by

Примеры «отчетов» о собранных средствах, переданных или перечисленных в Украину. Слева (февраль 2014 г.): объявление на стене украинского клуба в Лондоне о передаче на Майдан денег, одежды, лекарств и средств гигиены, собранных в клубе. Выражается признательность водителю, бесплатно перевезшему вещи и деньги, а также упоминается благодарность, полученная от коменданта Правого Сектора. Справа (май 2014 г.): отчет о средствах, перечисленных украинцами Великобритании на поддержку украинских Вооруженных сил через специально организованный фонд.

Деятельность по поминовению погибших на Майдане («Небесной сотни») тоже можно считать способом участия в украинских событиях. Украинцы в Лондоне, помимо посещения поминальных служб в церкви, размещали свечи, цветы и фотографии погибших в знаковых местах: постамент вокруг статуи Св. Владимира превратился в своеобразный мемориал, свечи выставлялись в процессе протестов возле украинского посольства, квартиры Ахметова, а также на Даунинг стрит.

Что касается активизма мигрантов в целом, Фейсбук являлся и является, пожалуй, наиболее популярным средством коммуникации протестующих, организации и распространения информации о локальных протестах¹⁶. С начала протестов были созданы группы «ЕвроМайдан Лондон / Euromaidan London» и аккаунт «London Euromaidan» для координации деятельности. Существующие группы, такие как «Ukrainian Events in London» и «Ukrainian-British City Club», тоже принимают участие в распространении информации и новостей. Время, место протестных акций (или изменения таковых), краткая информация о сути протеста, тематические плакаты, которые нужно распечатать, предложения принести флаги или что-то еще, распространяются через Фейсбук. В группах происходят обсуждения актуальных вопросов. Отчеты о проведенной активности, как со стороны участников, так и периодические статьи в британских или других СМИ, также выкладываются на Фейсбук вместе с фотографиями и видео. В этой социальной сети публикуются практически все новости, упоминающие деятельность украинской диаспоры¹⁷. Подготовка к выборам 25 мая началась за пару месяцев до этого, и уведомления и объяснения о том, как можно зарегистрироваться для голосования в Лондоне, постоянно распространялись в Фейсбуке.

В целом, можно сказать, что украинский Евромайдан в Лондоне имеет ряд характерных черт, на которые важно обратить внимание для понимания современных тенденций транснационального протеста и конкретно для анализа Евромайдана как динамичного, глобального, трансграничного политического события.

Во-первых, одним из оснований украинского протеста в Лондоне выступает «диаспоральный» национализм (long-distance nationalism)¹⁸. Это связано и с особой ролью национализма в истории украинской диаспоры, включая конкретно диаспору в Великобритании, и со значением дискурса и символики национально-освободительной борьбы, актуальной для Евромайдана. Флаги Украины и УПА, национальная символика в виде значков, ленточек, веночков и «вышиванок», гимн и патриотические песни (в том числе связанные с УПА), прямые отсылки

¹⁶ Твиттер тоже используется (например, @londonmaidan). У протеста недавно появился свой сайт: <http://saveukraine.co.uk/>, на котором можно найти информацию о прошлых и будущих действиях.

¹⁷ Следует заметить, что протестная активность в целом хорошо документируется. С самого начала участники фотографировали митинги и снимали видео. Записи выкладываются на Фейсбук и YouTube (есть специальные каналы Ukrainian London, Ukrainian UK TV). По мере развития протестной деятельности протесты стали посещать профессиональные фотографы, которые затем выкладывают свои фотографии на Demotix, сайт для фотографов-фрилансеров. Местные СМИ тоже иногда упоминают о протестах (Vice, Радио Свобода, BBC, Evening Standard и другие).

¹⁸ Термин Бенедикта Андерсона, в оригинале «национализм на расстоянии» (Anderson B. Long-distance nationalism: world capital and the rise of identity politics // The Wertheim Lecture 1992. Centre for Asian Studies, Amsterdam), использующийся для обозначения разных форм национальной лояльности диаспор, проживающих за пределами страны происхождения, ощущения принадлежности к нации, находясь географически вне ее территории и соответствующих политических практик (см. Glick Schiller N. Long-distance nationalism // Encyclopedia of diasporas immigrant and refugee cultures around the world / Ed. M. Ember, C.R. Ember, I.A. Skoggard. N.Y., 2005. P. 571-580).

ораторов к патриотизму и повстанческой борьбе, опять же на примере УПА, лозунги «Слава нации – Смерть врагам!» и «Украина превыше всего!» – все эти компоненты играют весьма значительную роль в обеспечении единства и солидарности протеста, а также для связи с действиями протестующих и (некоторой частью) культурного и социально-политического дискурса в Украине. Разумеется, радикальный национализм и поддержка крайне правых групп в Украине присуща далеко не всем украинцам в Лондоне; однако разделяемое чувство национальной принадлежности является важнейшим связующим элементом для участников протестной деятельности. Во-вторых, важной характеристикой лондонского Евромайдана является его динамичность, выраженная в устойчивости и регулярности протестов, их постоянно расширяющемся охвате, разнообразии объектов для протеста, а также социальное разнообразие протестующих и вовлечение других групп в активные действия¹⁹. Наконец, о транснациональном характере этого протеста говорит включенность его участников как в украинское, так и международное политическое поле. Этому способствовали информационные потоки и активное использование социальных медиа, финансовая и материальная поддержка, выражения солидарности, заимствование форм протеста и лоббирование, обращение к западным СМИ.

22 февраля 2014 г., после нескольких месяцев протестов и насилия, в Украине произошла смена власти. Действия Януковича как президента были объявлены неконституционными, сам он сбежал в Россию. Досрочные президентские выборы были назначены на 25 мая 2014 г. В тот же день один из оппозиционных лидеров Юрий Луценко, говоря со сцены на Майдане в Киеве, обозначил вклад разных групп в успех протеста. В частности, он выразил благодарность украинской диаспоре и сказал, что Украина является сильной отчасти потому, что имеет диаспору, подобной которой нет у ее северного соседа, т.е. России. Хотя сравнение украинской и российской диаспоры может потребовать отдельного исследования, важно отметить следующее: украинские сообщества за рубежом были признаны активными субъектами, участвовавшими в украинской демократической революции и повлиявшими на исход того, что на тот момент было наивысшим достижением этой революции. Протест в Лондоне разворачивался в соответствии с развитием событий в Украине, с эволюцией протестной риторики от «про-европейской» до «анти-правительственной» и до «анти-путинской», опираясь на увеличивающийся набор каналов и объектов воздействия; в то время как

¹⁹ Помимо мигрантов среднего класса, студентов и культурных/политических активистов, и украинцев второго поколения в протестах участвует значительное количество мигрантов из более низких социальных слоев, включая нелегалов. Последние так же активно заявляют о своей позиции. Кроме того, среди аудитории в целом есть осознание значительного числа трудовых мигрантов среди современного украинского сообщества в Лондоне и за этой категорией признается активная роль как части этого сообщества в данном политическом протесте. Кроме этого, некоторые украинцы из преимущественно профессиональных слоев сформировали рабочую группу в попытках содействовать разрешению кризиса.

постоянным подтекстом этой активности было обращение к украинской национальной идее в той или иной форме.

Тем не менее, в заключение этого эссе следует заметить, что транснациональный активизм не всегда выступает агентом демократизации. Диаспоральный национализм и транснационализм как элемент глобализации находятся в тесной связи²⁰: даже если границы между группами и сообществами размываются, на их месте могут выстроиться новые, также как помимо идей о плюрализме и универсальных правах через границы с большей легкостью проникают радикальные и редуционистские идеи. Учитывая специфику лондонского Евромайдана представляется крайне важным при анализе транснациональной политической деятельности обращать внимание как на исторические аспекты формирования диаспоры, так и на современные политические обстоятельства.

²⁰ См. Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*. 1995. Vol. 68. № 1. P. 48-63; Skrbis Z. Nationalism in a transnational context: Croatian diaspora, intimacy and nationalist imagination // *Sociological Review/Revija za Sociologiju*. 2001. Vol. 32. № 3-4. P. 133-145; Conversi D. Irresponsible Radicalisation: Diasporas, Globalisation and Long-Distance Nationalism in the Digital Age // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. Vol. 38. № 9. P. 1357-1379.

I.2 Последствия и импликации украинской революции 2013-2014 гг.

Максим Гацков

«Евромайдан» как кризис легитимности и будущие вызовы украинскому обществу

1. Как (не)понимать

В своих прежних размышлениях «О революции, которой не было»¹ я выдвигал тезис, что к острым фазам трансформационных процессов, начавшихся на посткоммунистическом и постсоветском пространстве в 1989/91 годах – и в частности к украинскому Майдану-2004/05 – в научной дискуссии не следует применять концепт революции. И даже в социально-философской публицистике, несмотря на то, что она менее связана терминологическими обязательствами и может, таким образом, отпустить мысль в более свободный полет, я бы отказался от разговоров о революции (революциях). На примере событий Майдана-2013/14, начавшегося как «Евромайдан», я хочу снова вернуться к этому тезису. На этот раз я предлагаю более эмпирически ориентированную аргументацию, с целью дополнить ту концептуальную полемику, с которой я выступил в своем первом эссе.

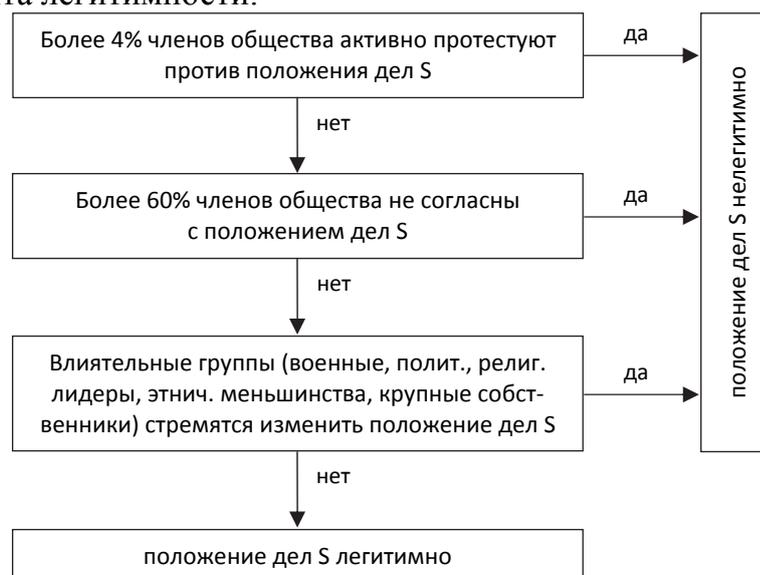
Сразу оговорюсь: я не вижу ни политического резона, ни научных оснований отказываться от революционной риторики на самом Майдане (или в других очагах протеста в постсоветских странах), а также при освещении соответствующих событий в СМИ. Было бы глупо убеждать участников конфликта вычеркнуть слово «революция» из своего лексикона и стереть его со своих знамен. Однако это другой – общественно-политический – дискурс, и другая логика – логика конфликта. Ученым же (и, шире, интеллектуалам) в анализе произошедшего и рефлексии по поводу дальнейших сценариев следовало бы, на мой взгляд, обращаться к более беспристрастному концептуальному инструментарию социальных наук. Не в последнюю очередь, чтобы позже не приходилось пересматривать поспешных оценок: в случае, если ожидаемых принципиальных изменений не произойдет, как это вышло с Майданом-2004/05 – так называемой «оранжевой

¹ Gatskov M. Über die Revolution, die es nicht gab. Ein Plädoyer gegen den Revolutionsbegriff von 1989 // Revolution?! Farbe, Erinnerung, Theorie nach 1989 / Ed. M. Gatskov, T. Wagensohn. Berlin, 2009. P. 15-29.

революцией». Ведь некоторые из сценариев развития событий, которые на данный момент нельзя исключать, могут иметь вовсе не «революционный» характер: распад украинского государства (или превращение его в что-то наподобие федерации Боснии и Герцеговины), дефолт и пятилетка экономической депрессии (со всеми вытекающими последствиями в сфере коррупции, криминала, идеологической поляризации общества и т.д.) и, наконец, просто возвращение на «круги своя», как это дважды случилось в Кыргызстане: после так называемой «тюльпановой революции» 2005-го и «революции» апреля 2010-го года, которая осталась уже и вовсе без цвета и цветов. Не в последнюю очередь Украина может поучиться на ошибках у Грузии, в том числе в плане военного конфликта с территориально-этнической мафией и взаимодействия по этому поводу с Западом.

Мне представляется, что общая аналитическая канва для понимания и объяснения Майдана-2013/14, его развития и последствий, может быть наиболее адекватно задана концептом легитимности. Определяя легитимность как *восприятие в обществе положения дел как правомерное и справедливое, или хотя бы оправданное и приемлемое*, мы быстро и легко получаем доступ к мотивации протестного движения в Украине, причем на всех (до сих пор) четырех этапах его развития.

Так получилось, что в преддверии Майдана-2013/14 я подал в журнал Института социологии Национальной академии наук Украины статью, в которой в том числе вступал с украинскими коллегами в дискуссию на тему легитимации². Текст был опубликован уже после смены власти президента Януковича – и то, как эта смена произошла, подтвердило, как мне кажется, правильность направления моей мысли. В статье я предложил следующую (рабочую) операционализацию концепта легитимности:

² Гацков М. Эпистемологические основы аналитической социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. 2014. № 1. С. 146-172. Ср. также реплику на мою статью 2011 года А. Рахманова: Рахманов А. Еще раз о проблеме легитимации частной собственности в православии // Социология: теория, методы, маркетинг. 2012. № 1. С. 148-155.

2. Утрата властью легитимности в ходе Майдана-2013/14

Обращаясь к предложенной схеме, этапы развития Майдана-2013/14, приведшего к смене власти в феврале 2014 года, можно охарактеризовать следующим образом. На первом этапе, начавшемся в конце ноября 2013 года, значительное количество граждан Украины посчитало отказ политического руководства страны от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС *неоправданным и несправедливым*. Немаловажно, что уже и до этого подавляющее большинство украинцев не доверяло президенту и другим органам власти³, но это недоверие было скорее диффузным и в этом смысле привычным, поскольку и предшественники Януковича на президентском посту имели не менее низкий рейтинг. Однако резкая остановка проевропейского курса сделала недоверие граждан конкретным и осознанным, а их несогласие со сложившейся ситуацией стало достаточно сильным, чтобы выражаться в протестных действиях. Поэтому уже на первом этапе развития событий мы можем говорить о том, что исполнительная власть поставила в результате принятого решения свою легитимность под вопрос (исходя из предложенного выше определения). Поскольку ввиду подконтрольности Верховной Рады и судебной системы Янукович и его сподвижники исходили из *отсутствия легитимной процедуры для оказания на них давления*, они не спешили предпринимать прямые или косвенные действия, направленные на восстановление своей легитимности.

Как быстро выяснилось, такая процедура все-таки была: «Майдан». Протестный лагерь на площади Независимости в Киеве как неформальный политический «институт» был легитимирован Майданом-2004/05, который дал, во-первых, некий готовый шаблон протеста: ведь что такое «Майдан» – слово, которое, возможно, как *Perestroika*, теперь войдет в мировой политический словарь, – никому в Украине не нужно было объяснять. Во-вторых, итогом пресловутой «оранжевой революции» были новые выборы президента, а выборы – это настолько фундаментальный элемент демократической легитимации власти, что победа Майдана-2004/05 непосредственно увязывалась с последующей легитимной конституционной процедурой (правда, неудачное правление «оранжевых» эту увязку позже значительно нивелировало).

Теперь, в ретроспективе, мне представляется, что жесткость разгона остатков «Евромайдана» с площади Независимости в ночь на 30 ноября 2013 была обусловлена непониманием тех, кто принимал это решение, что в то время никаких 4% настроенных на активный протест (не только по всей стране, но и даже в самом Киеве) на тот момент не было, легитимность власти оставалась под вопросом: ее действия все еще воспринимались как неоправданные и несправедливые

³ В 2010 году 30,9% населения Украины доверяли президенту «полностью» или «скорее доверяли», в 2013 эта доля сократилась до 10,9% (репрезентативные данные опросов Института социологии НАН Украины). На всякий случай замечу, что уровень доверия государственным институтам не равнозначен уровню несогласия с существующим положением дел.

более 60% населения. Я также склонен предполагать, что проявленная жесткость была в некотором смысле попыткой свою легитимность снова укрепить, доказав (хотя бы себе), что при всей непопулярности власть «в силе». В результате 30 ноября начался второй этап Майдана-2013/14: агрессия со стороны милиции была воспринята уже как *неприемлемая*. Причем если кто-то в стране и воспринимал это «избиение младенцев» хотя бы как *правомерное* (по принципу «пусть в этом не было необходимости, но власть по крайней мере имела право»), то осуждение этого инцидента самим же президентом Януковичем – очевидно, что этот жест был неубедительной попыткой остаться в стороне, «в белых одеждах» – лишило власть последнего остававшегося у нее «ингредиента» легитимности: насилия «в соответствии с законом». Тем более что мобилизация провластными кукловодами бойцовских групп «титишек» для противодействия протесту все дальше выводила ситуацию за пределы закона. Так, к несправедливости, неоправданности и неприемлемости ситуации добавилась ее неправомерность, и следующая попытка эту правомерность восстановить – путем принятия Верховной Радой репрессивных законов 16 января 2014 года – лишь зацементировала нелегитимность режима Януковича.

Таким образом, правящая команда своими руками перевела Майдан-2013/14 на третий этап: число предпринимающих активные действия перевалило за 4%, а количество несогласных с положением дел в стране перевалило, вероятно, за три четверти. Множественные факты насилия, вплоть до убийств активистов, все дальше подталкивали радикально настроенные группы взять в руки оружие, что в конце концов и произошло. После расстрелов десятков человек в центре Киева снайперами в течение двух дней, последней попыткой вернуть ситуацию в легитимное русло, предпринятой под давлением Запада и при посредничестве трех министров ЕС, было соглашение от 21 февраля 2014. Как быстро выяснилось, активно протестующие это соглашение не были готовы принять, так как лидеры парламентской оппозиции не имели (причем, с самого начала протеста) достаточной легитимности в их глазах, чтобы принимать непопулярные на Майдане решения: в частности, отказаться от требования безотлагательной отставки президента Януковича.

Бегство президента из страны ознаменовало четвертый этап – передачу власти оппозиционным политикам под неформальным контролем Майдана. После официального осуждения Януковича и его подельников руководством Партии Регионов и начала работы «новой» Верховной Рады и переходного правительства положение дел снова стало легитимным. Однако эта легитимность с самого начала была и остается очень хрупкой – и это, на мой взгляд, главный вызов украинскому государству.

3. Диагноз и прогнозы

Разумеется, предложенный в предыдущем разделе краткий обзор событий ноября 2013 – марта 2014 года с точки зрения легитимности не отображает *механизмов* развития протеста на микро- и мезоуровнях. Но, как я и заявлял выше, моей целью в данном случае является не глубинное, а общее понимание происходящего: такое, которое позволит выстроить аналитическую цепочку на макроуровне⁴, с целью сформулировать некоторый относительно стабильный *диагноз* в условиях быстро сменяющихся друг друга политических «раскладов», а также *прогнозы* на будущее.

Диагноз мой таков: Украина оказалась в ситуации, когда положение дел, балансируя на грани легитимности к осени 2013 года, вскоре стало нелегитимным после отказа руководства страны подписать Соглашение об ассоциации с ЕС и разгона «Евромайдана». В течение трех месяцев президент Янукович и его команда не были способны восстановить свою легитимность. Здесь, кстати, следует вспомнить о 15 миллиардах долларов кредита вкуче с примерно 30-процентной скидкой на газ, обещанных президентом Путиным на неформальных и закрытых переговорах с президентом Януковичем в декабре 2013 года. Этот «подарок» Украине имел большой потенциал для восстановления *приемлемости* положения дел и даже *оправданности* в глазах большинства («временного») отказа от европейской интеграции – что было отмечено не только в России и в Украине, но и многими международными политическими комментаторами как очередной крупный внешнеполитический успех Путина. Однако одного только подкупа для восстановления легитимности оказалось не достаточно, а поскольку сподвижники Януковича не только не сумели предпринять никаких фланкирующих действий, но и вскоре попытались принять пакет репрессивных законов, подкуп не сработал вовсе.

Отсюда можно сделать дополнительный содержательный штрих к диагнозу. После падения режима Януковича ситуация балансирует на грани легитимности по политическим и по экономическим причинам. Поэтому, несмотря на понимание украинцами тяжести сложившейся экономической ситуации и готовность затянуть пояса, которую они могут высказывать, например, на политических ток-шоу⁵, любые обоснованные подозрения в несправедливости и неправомерности

⁴ При этом, по сравнению, например, с тем же подходом Хантингтона, мой подход остается достаточно «приземленным». Безусловно, можно рассматривать Майдан-2013/14 и последующие события с точки зрения повышенной вероятности культурных конфликтов, вплоть до войн, на «цивилизационных разломах» (ср. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005), но такой подход, хоть он и не безоснователен, в нашем случае мало что дает в практическом плане. Примечательно, кроме того, что «теория цивилизаций» Хантингтона нашла живой отклик в современной российской идеологии «русского мира», «православной цивилизации» и проч.

⁵ Конкретно на самом популярном на данный момент политическом ток-шоу в Украине «Шустер live» от 28.03.2014, 68 из 100 человек аудитории (сам Шустер заявляет, что состав аудитории каждый раз соответствует среднему распределению социально-демографических характе-

действий – а говоря проще, в казнокрадстве и непрозрачности принятия финансовых решений – представителей верховной власти могут быстро обернуться делегитимацией власти. С другой стороны, в силу того, что третий этап Майдана-2013/14 является, по сути, апогеем институциональной деградации украинского государства, в котором не нашлось способов и сил разрешить конфликт мирно, политическая оправданность и приемлемость действий власти остается под большим вопросом.

По результатам опроса, проведенного в начале апреля 2014 года компаниями Baltic Surveys/Gallup и Rating Group Ukraine, поддержка действий и.о. президента Украины Турчинова составила 46% (или чуть более половины украинцев, если не учитывать не давших однозначного или никакого ответа), а правительства во главе с Яценюком – на несколько процентов выше. Действия Верховной Рады, избранной еще при Януковиче в октябре 2012 года, получили поддержку на уровне 39% (и соответственно 44% без учета не ответивших или не ответивших однозначно)⁶. Таким образом, в общем и целом уровень поддержки балансирует где-то в области 40-50%. При этом нужно учитывать, что немалая доля поддержки объясняется характерным для всякой новой власти краткосрочным кредитом доверия (легитимности) и чрезвычайностью сложившейся ситуации. Любая относительно серьезная ошибка, а также отсутствие видимых успехов в ближайшем году грозит разрушить легитимность в течение считанных недель.

Отсюда можно перейти к прогнозам. Поскольку я не рассматривал микроуровневые механизмы и ситуация в настоящее время развивается очень бурно, в том числе находясь под сильным (монетарным, военным, медийным и др.) воздействием сил извне Украины, конкретные предсказания на данный момент невозможны. Однако мой подход позволяет вести речь о коридоре возможностей. Взгляд на положение дел с позиции легитимности, как бы ни хотелось верить в «демократическую революцию», «пробуждение гражданского сознания» и «национальное сплочение», склоняет к выводу, что этот коридор очень узок. Ведь вопрос заключается не в том, «что такое хорошо, а что такое плохо», а *в каких рамках руководство страны может изменять ситуацию*. Похоже, что значительная часть настоящей и будущей смуты не мотивирована напрямую действиями нынешней власти, а представляет собой выплескивание в общественное пространство накопившихся «прошлых обид». Образующееся отсюда множество противоположных устремлений различных организованных сил (политических партий, олигархических кланов, церквей и мн. др.), а также широких групп населения делают – на фоне всеобщего недовольства и напряженности, – самым вероятным сценарием на ближайшие два года (а) политическое и экономическое пробуксовывание. Если власти за это время удастся сохранить легитимность че-

ристик по всей Украине и посему условно репрезентативен) высказали «готовность к лишениям ради спасения страны от банкротства».

⁶ Public Opinion Survey. Residents of Ukraine // International Republican Institute. April 2014. <http://www.iri.org/sites/default/files/2014%20April%2024%20Survey%20of%20Residents%20of%20Ukraine%2C%20April%203-12%2C%202014.pdf>. Последнее посещение 1.05.2014.

рез осторожные, но последовательные реформы, то в конце кризиса политические силы обретут более четкие и предметные контуры, а экономическое развитие выйдет на путь оздоровления. Несколько менее вероятными мне представляются (б) более позитивный или (в) более негативный сценарий: (б) скорый выход из политического кризиса, консолидация общества и относительно быстрое продвижение экономических реформ или, наоборот, (в) политическая сумятица, региональная дезинтеграция и стагфляция в экономике. Наконец, довольно маловероятным – но вполне возможным – мне представляется (г) полное государственное фиаско Украины, которое произойдет в результате перманентного кризиса легитимности, когда власть не сможет провести необходимые реформы, в то время как различные активно протестующие группы (на Майдане или в регионах) будут регулярно разрушать институциональное равновесие, а экономика уйдет в глубокую рецессию.

На сегодняшний день есть сигналы, что путинская Россия проводит и будет проводить курс на реализацию сценария (г). К сожалению, на данный момент я вижу не много предпосылок, которые могли бы помочь Украине это дестабилизирующее влияние «переварить». Но такие предпосылки, безусловно, есть.

4. За и против

Пять лет назад я проводил семинар с участием украинских и немецких студентов и аспирантов в формате «аналитической фабрики» (think tank). Тогда, осенью 2009 года, на протяжении недели мы интенсивно прорабатывали возможные сценарии развития Украины на ближайшие годы. Основной тезис, который был сформулирован в результате, звучал следующим образом (формулировка, чтобы наиболее отвечать критерию фальсифицируемости, была сознательно заострена): *Если Украина в ближайшие 15 лет не получит перспективы вступления в ЕС, то она территориально расколется*. Более того, один из вариантов тезиса звучал как «...будет расчленена Россией». Мы опубликовали аргументы и «за» и «против» такого развития событий, а также сопутствующие тезисы о вызовах украинскому обществу⁷. Тогда ситуация представлялась скорее как некая глобальная шахматная партия с участием России, США, ЕС, а внутри Украины – олигархических кланов, территориальных идентичностей и консервативных и модернизационных сил.

Дальнейшие проекты 2011-2013 годов, которые обращались к конкретным социальным акторам и конфликтным ситуациям (case studies), показали, что в то

⁷ См. двуязычную документацию проекта: Junge Ukraine und Junges Deutschland debattieren. Tagungsdokumentation // Zentrum Europaeum der Universität Regensburg. 2009. http://www.uni-regensburg.de/europaeum/medien/images/teaser/broschuere_komplett.pdf. Последнее посещение 1.05.2014. Данный и следующие упоминаемые в тексте проекты были реализованы в рамках программы «Поддержки демократии в Украине» Германской службы академических обменов (DAAD).

время как «наверху» идет некая шахматная партия, определяющим процессом «в низах» является повсеместное отчуждение общества от власти и институциональная деградация. Так, очень неоднозначное впечатление на участников проекта 2011 года оказала встреча с неформальной группой в Киеве, которая борется с незаконной, нерациональной и экологически, а также культурно безответственной застройкой города. Методы борьбы этих активистов заставили (в особенности немецких) участников проекта задаться вопросом, насколько они еще согласуются с «цивильностью» гражданского общества (*civil society*). Был поднят вопрос о «за» и «против» протестных действий на грани легальности⁸. Что интересно: всего два с половиной года спустя некоторых из этих активистов я встретил в руководстве штаба Майдана в здании горсовета, причем кое-кто из них примкнул к партии «Свобода» как наиболее пассионарной из всех представленных в парламенте политических сил.

Говоря о «Свободе», хочется упомянуть другое интересное наблюдение, сделанное в Одессе всего за три месяца до начала «Евромайдана». Активисты этой партии, с которыми мы встречались в рамках проекта «Культура конфликта»⁹, формулировали свою критику положения дел в стране практически слово в слово так же, как и видный представитель местного «антифашистского» движения. В результате у меня сложилось впечатление, что содержательные различия в политических «за» и «против» между этими двумя силами минимальны, а истинным источником их противоборства является желание попасть во власть, активно эксплуатируя всеобщее недовольство. Примечательно также, что «антифашист» еще в сентябре 2013 открыто заявлял о создании боевых групп в Одессе, чтобы бороться с «праворадикальными боевиками». Тогда его высказывания воспринимались несколько неправдоподобно и провокативно – пока не начались протесты в Киеве, а в марте 2014 не появились новости, что этот «антифашист» задержан СБУ за организацию «антимайдановских» акций, в том числе в поддержку референдума в Крыму. Сейчас, в ретроспективе, очевидно, что уже за месяцы до не подписания Соглашения об ассоциации с ЕС на сцене висело то самое «чеховское ружье», которое должно было выстрелить в последнем акте. А возвращаясь к предложенной схеме концепта легитимности, можно сказать, что не только более 60% к моменту обострения кризиса в ноябре 2013 были не согласны с положением дел, но уже заранее формировались те самые 4% активно протестующих, которые стали раскачивать ситуацию.

⁸ См. документацию проекта: Mehr Zivilgesellschaft für mehr Demokratie und Lebensqualität [Громадянське суспільство: шлях до демократії та підвищення якості життя] // Zentrum Europaeum der Universität Regensburg. 2012. P. 58-65. http://www.uni-regensburg.de/europaeum/medien/berichte/ukraine11_mail_webversion.pdf. Последнее посещение 1.05.2014.

⁹ См. Rückblick. Bayhost Ukraine-Seminare 2012/2013. Odessa-Regensburg 2013 // Universität Regensburg. <http://www-app.uni-regensburg.de/Einrichtungen/Bayhost/projekte/ukraine/rueckblick.html>. Последнее посещение 1.05.2014.

5. В завершении еще раз о концептуальном

В своей статье «Украинская "еврореволюция"», опубликованной в предыдущем номере «Форума», Андрей Портнов соглашается с точкой зрения, что тезис о слабости национальной идентичности в Украине аналитически бесполезен и что необходим поиск новых способов и терминов описания украинской социальной реальности¹⁰. Я тоже так считаю, и в качестве одного из таких стержневых аналитических конструктов предлагаю концепт легитимности, продуктивность которого для анализа событий Майдана-2013/14, а также непосредственно предшествовавших и последующих процессов я постарался продемонстрировать выше. Этот концепт, позволяет, помимо прочего, не терять из виду среднесрочную цель – и одновременно средство дальнейшей стабилизации ситуации в Украине: отход от непрозрачного авторитаризма, обновление и консолидация демократических институтов. В современном обществе западного типа стабильная легитимность может быть только демократической – к сожалению, в России многие либеральные интеллектуалы (как, например, журналист Юлия Латынина или режиссер Андрей Кончаловский) до сих пор придерживаются точки зрения, что постсоветским странам необходим мудрый авторитарный правитель, чтобы навести пресловутый порядок, обеспечить экономический рост, воспитать «незрелое» общество и таким образом создать предпосылки для дальнейшей демократизации. При ближайшем рассмотрении, однако, становится ясно, что это – разновидность мышления в терминах «революции»: «революции сверху», «революции государства» и т.п.

По-моему, такая «революция сверху» в Украине (и во всем Советском Союзе) произошла еще в 1980-е годы, и имя того «революционного государя» – осуществившего, правда, «непреднамеренную революцию» – хорошо известно: Михаил Горбачев. На данном этапе Украине важно не повторить опыт России 1990-х, где центральная власть при Борисе Ельцине настолько утратила легитимность, что вынуждена была привести к власти автократа Владимира Путина, который на пятнадцатом году своей власти похоронил и демократию и западный вектор развития России и при этом остается легитимным главой государства с точки зрения предложенной мною концептуализации. Поэтому (как бы каламбурно эта фраза не звучала) мне кажется, что основной задачей «истинных революционеров» в современной Украине является помощь будущей власти не потерять легитимность, подталкивая ее к демократизации и реформам – но не настолько сильно, чтобы эта власть из раза в раз спотыкалась и падала. Такой же стиль поддержки я бы рекомендовал Западу, в первую очередь ЕС, которому не стоит забывать, что помимо правильных ориентиров значительную часть легитимности правительства реформаторов можно и нужно будет обеспечить экономической поддержкой.

¹⁰ Портнов А. Украинская «еврореволюция»: хронологии и интерпретации // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 2. С. 39-53.

Максим Яковлев

Антимайдан после Евромайдана в социальных сетях: образ врага и опасения жителей востока Украины

Трагические события в Одессе, во время которых погибло более сорока человек, стали очередным этапом в обострении ситуации в Украине. К сожалению, гибель многих людей стала также и поводом для взаимных обвинений сторон-участников конфликта, и приобрела международный резонанс. Особо активно фотографии с сожженными телами были использованы российскими СМИ для раздувания образа агрессивных фашистов-убийц и опасной «киевской хунты». Как бы это не звучало, без жестокой расправы над пророссийскими протестующими и провокаторами, без визуального свидетельства об этих ужасах, нагнетаемый образ фашистов-убийств был неполноценным. В целом, для того чтобы понять происходящее на востоке Украины, нужно обратить особое внимание на страхи и опасения жителей этих регионов, которые пребывают под особо сильным давлением со стороны российской информационной кампании. Можно долго дискутировать о причинах отчужденности востока Украины в результате непродуманной национальной политики украинского государства, которое не смогло полноценно интегрировать Донбасс в украинскую гражданскую нацию, но это не является темой этого эссе. Я бы хотел обратить особое внимание на образы врагов, которых боятся жители востока Украины и для борьбы против которых они готовы поддерживать вооруженные формирования, захватившие административные здания в Донецкой и Луганской областях. Вместе с образом врагов считаю необходимым рассмотреть и представления жителей востока Украины об опасностях и угрозах, от которых их пытаются защитить активисты, захватившие административные здания в Донецкой и Луганской областях.

В целом можно выделить несколько центральных вопросов по отношению к дискурсу сторонников протестных движений на Донбассе: 1) кто является врагом, которого следует бояться? 2) какую угрозу несет этот враг востоку Украины? 3) какие адекватные меры противодействия предполагаемым угрозам следует предпринимать? 4) в чем заключается роль России во всем происходящем?

Главным источником информации являются группы сети Вконтакте под разными вариациями названий «Антимайдан». Во многих группах к названию «антимайдан» также добавляется уточнение о конкретном регионе, к примеру,

«Донецк / Антимайдан»¹, «Антимайдан / Донбасс»² или «Антимайдан / Донецк / Харьков / Луганск»³. Всего были проанализированы 23 группы, список которых, вместе со ссылкой на Интернет-адрес и количеством подписчиков групп по состоянию на второе мая 2014 года, прилагается. Это эссе ни в коем случае не претендует на репрезентативность в результате количественного контент-анализа текстов групп. Моей задачей была реконструкция дискурса с выделением его основных компонентов, анализом мифов и мифологем, в русле качественной исследовательской методологии интерпретативизма.

Образ врага

Характерным при освещении происходящего в Украине со стороны российских СМИ задолго до событий, получивших название «Евромайдан», был особый акцент на праворадикалах и националистах, которые якобы представляли основную угрозу для населения всей Украины. Особо популярной темой было Всеукраинское объединение «Свобода» как главная националистическая партия Украины, к которой российские СМИ чаще всего приписывали эпитеты «фашистская», «неофашистская», «неонацистская» партия и т.д. Этой теме, особенно аспекту «просветительской» работы России в западноевропейских СМИ по поводу «фашизации» украинской политики и роли ВО «Свобода», посвящено много публикаций, в том числе и в предыдущих номерах этого издания.

По мере эскалации событий Евромайдана созданный образ ВО «Свободы» как особо опасной «фашистской» структуры начал утрачивать не столько свою «актуальность», сколько остроту переживаний обывателей, ввиду того, что деятельность этой политической силы не совсем вписывалась в ожидаемые от нее агрессивные и опасные действия. Вернее, не столько *ожидаемые* действия, сколько предвещаемые российскими СМИ. Ведь как должна поступать фашистская группировка? Естественно, фашистскими методами. А какой ассоциативный ряд возникает у представителя постсоветского социума, постоянно пребывающего в информационном потоке о подвигах Красной Армии во времена Великой Отечественной Войны и ее победах над фашистами? Как минимум – зверские убийства мирных жителей, женщин и детей, и это – как минимум. Даже проводимые провокации нанятыми «титущками» не смогли создать образ «полноценных» фашистов-свободовцев, но к тому времени возникает новая угроза в виде «Правого сектора», организации, возникшей во

¹ «Донецк / Антимайдан» // Вконтакте. http://vk.com/dn_vk. Последнее посещение 5 мая 2014.

² «Антимайдан / Донбасс» // Вконтакте. http://vk.com/anti_maydan_donbass. Последнее посещение 5 мая 2014.

³ «Антимайдан / Донецк / Харьков / Луганск» // Вконтакте. http://vk.com/anti_maidan_vostok. Последнее посещение 5 мая 2014.

время протестов в центральной части Киева и сыгравшей в них одну из ключевых ролей.

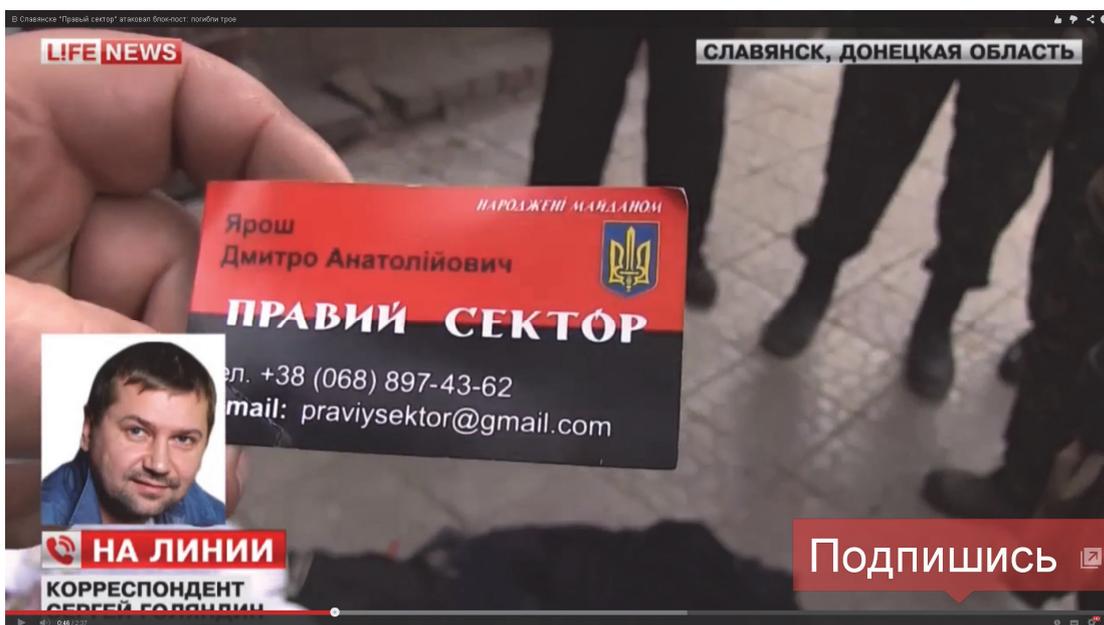
Образ «Правого сектора» сквозь призму российских средств массовой информации приобретает особые, мифические формы: он как бы везде, его угроза – реальна, но, как и положено особо пугающей страшилке – он неизвестен, все, что связано с ним – покрыто тайной. Эта организация, безусловно, сыграла очень важную роль в событиях Евромайдана, особенно в противостоянии правоохранительным органам на улицах центра Киева. Некое информационное затишье после бегства Виктора Януковича, создание временного правительства в Киеве и сопутствующие события отвели внимание СМИ от «Правого сектора», но ненадолго. После «победы Евромайдана» актуальным стало обсуждение угрозы со стороны представителей радикального объединения – автобусы с представителями «Правого сектора», отправляемые в какой-то регион Украины – это главный способ мобилизовать участников групп в социальных сетях. Ведь «Правый сектор» – это «нацисты», «фашисты» и т.д., способные на любые зверства против русских людей. Крымские паблики гудели информацией о целых поездах с боевиками «Правого сектора», от которых необходимо было в срочном порядке защищаться. Следует отметить, что содержательная часть угрозы – чем именно опасен «Правый сектор», кроме своего огромного количества в виде «вагонов боевиков» – всегда оставалась и, по большому счету, остается нераскрытой до сих пор. При более близком рассмотрении сообщений о «Правом секторе», которые распространяются в группах социальной сети ВКонтакте, можно обнаружить большое количество эпитетов: фашисты, праворадикалы, нацисты, неонацисты, националисты и т.д. Вместе с тем информация о конкретной деятельности этой организации, кроме ее навязчивых планов отправить своих боевиков в тот или иной регион Украины, практически отсутствует. Участие представителей «Правого сектора» в вооруженных столкновениях с противниками Майдана вне Киева также является во многом мифологизированным явлением. Одним из последних Интернет-мемов на тему «Правого сектора» и его «зверств» является «визитка Яроша», умолчать о которой в контексте страхов и опасений жителей Донбасса просто невозможно.

«Визитка Яроша»

Ранним утром Пасхального Воскресенья (новость, согласно сайту LifeNews, выложена в 8:53) эфир облетело сообщение LifeNews о том, что «в Славянске "Правый сектор" атаковал блокпост: погибли трое жителей»⁴. Следующей строкой сообщается, что на посту находились исключительно мирные жители, к

⁴ В Славянске «Правый сектор» атаковал блокпост: погибли трое жителей // LifeNews. <http://lifenews.ru/news/131635>. Последнее посещение 5 мая 2014.

тому же безоружные, которые просто осуществляли контроль (какой и зачем – не уточняется). По ходу сообщения читаем еще раз о том, что нападали именно боевики, а что 26 местных жителей, находившиеся там, были безоружны. Представитель местной самообороны Славянска Евгений Горбик еще раз делает ударение на том, что местные жители на блокпосту были безоружные: «Они знали, что никакой армии тут нет, знали, что люди будут безоружны. Они просто ехали убивать!». Нападение местным жителям (!) отбить удалось. В сгоревших практически дотла автомобилях, согласно новостям, были обнаружены «удостоверения "Правого сектора", визитки Дмитрия Яроша, снайперская амуниция и большой арсенал оружия». Из видеосюжетов мы можем узнать, что на блокпосте, который находится не в самом Славянске, а между деревнями Былбасовка и Черкасское, произошла перестрелка, в результате которой была героически отбита атака «Правого сектора». Особый интерес представляют предметы, изъятые или взятые из полностью сгоревшей машины: автомат времен Второй Мировой Войны (!), доллары США, «НАТОВские» патроны, и, естественно, символика «Правого сектора» и визитки лично Яроша. Как и следовало ожидать, «визитка Яроша» очень быстро превратилась в Интернет-мем, с огромным количеством шуток и фотожаб на тему ее невероятных качеств, «могущественной» силы, несгораемости и прочего.

«Визитка Яроша» в видеосюжете новостей канала LifeNews 20 апреля 2014 г.

Британская служба новостей BBC посвятила отдельную публикацию не только самому событию и его возможной инсценировке (указывались такие детали, как отсутствие крови на месте происшествия, отсутствие следов от пуль, трупы не были показаны журналистам, также вопросы возникали и к сгоревшим дотла автомобилям – почему они сгорели также не объяснялось), но и ее

пропагандистскому послы⁵. Рассмотрим пять пунктов ТВ пропаганды, которые выделила служба новостей BBC при анализе сообщений прокремлевского канала LifeNews о перестрелке на блокпосте около Славянска в Пасхальное Воскресенье: 1) «Правый сектор», 2) «иностранный вмешательство», 3) «нацизм», 4) святотатство, 5) оправдание. Безусловно, воссозданная картина происшествия представляется ужасающей: мирные и безоружные, как неоднократно подчеркивалось, жители были практически расстреляны «НАТОвскими» пулями в Пасхальное утро. Припомним и комментарий «народного мэра»: «они ехали убивать!». Конечно же, символика «Правого сектора» и «визитки Яроша» не оставляют никаких сомнений в причастности именно этой группировки к инциденту на блокпосте. Последний пункт ТВ пропаганды, названный журналистами BBC «оправдание», касается призыва «народного мэра» Славянска к президенту РФ В. Путину ввести российские миротворческие войска для защиты мирных жителей от «Правого сектора», реальность угрозы со стороны которого, после этого инцидента, не может вызывать никаких сомнений – они ехали убивать.

Майдан и потрошители

Образ боевиков из «Правого сектора», расстреливающих мирных и безоружных жителей на блокпосте, конечно ужасающий, но он не воссоздает полноценную картину угрозы со стороны Майдана в Киеве и «киевской хунты» вообще. Ведь основным контраргументом может быть то, что в событиях Евромайдана принимали участие не только «Правый сектор», но и другие общественные организации и простые граждане. Конечно, популярными среди участников антимайдановских пабликов остаются мифы про потребление наркотиков на Майдане (классический сценарий выглядит так: у кого-то кто-то, будь это родственник или знакомый, чаще, для пущего ужаса, сын или дочь у матери, побывали на Майдане и вернулись оттуда с симптомами «ломки», что удостоверил врач-нарколог в местной поликлинике; известен также и способ попадания наркотиков в организм – его подмешивали в чай, которым поили протестующих) и вообще проплаченность всего происходящего вражеским «Западом». Вместе с тем, эта информация уже не доставляет острых переживаний, поэтому ощущение угрозы со стороны Майдана ослабевает. Образ ужасов именно от последствий Майдана помогает воссоздать новость о загадочной «24-ой сотне самообороны Майдана», которая, согласно появившейся в сети новости от 28-го апреля этого года, занимается торговлей человеческими

⁵ «Визитка Яроша», или Пять пунктов ТВ-пропаганды // Русская служба BBC. http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/04/140422_russia_ukraine_propaganda_5points.shtml. Последнее посещение 5 мая 2014.

органами⁶. Для этого, если верить статье Руслана Горевоего, они заняли крематорий по улице Оранжевой, не пускают туда никого, и целый месяц, уже *после* Майдана, «сжигают там неустановленные трупы». Во вступительной части статьи мы читаем про такие ужасы, как «потрошение» детей и изъятие органов из еще живых людей.

Майдан-потрошитель

Лидеры украинского протеста причастны к торговле человеческими органами

Руслан Горевый (№ 16 от 28.04.2014)

Громкий скандал разворачивается на Украине: в киевском морге на улице Оранжевой целый месяц сжигали некие неустановленные трупы, сообщает издание *The Russian Times*. Тела уничтожала 24-я «сотня» самообороны Майдана, не допуская в помещения посторонних. При этом есть сведения о том, что покойников предварительно «потрошили», изымая у них органы. А ещё поговаривают, что органы там изымают не только у мёртвых, но и у ещё живых людей. Проверить невозможно, врачей и правоохранителей на территорию не пускают. И вообще непонятно, зачем националистам понадобился этот крематорий – именно теперь, когда власть захвачена и страна вернулась к мирной жизни, если верить украинским властям. «Революция» завершилась, а поток её жертв – ещё нет? Помнится, в Косово местные сепаратисты, дорвавшись до власти, устраивали в моргах и родильных

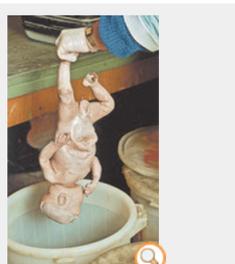

Фото: Сергей Тетерин

СКОЛЬКО СТОИТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ «ЗАПЧАСТИ»

СТРАНА	ПОЧКА	ПЕЧЕНЬ
США	120 000 – 200 000 \$	150 000 \$
Китай	60 000 \$	50 000 \$
Украина	6000 – 10 000 \$	10 000 \$

СЕРДЦЕ – 120 000 \$.
СЕЛЕЗЕНКА – 1000 \$.
КОЖА – 10 \$ за квадратный дюйм.
КОРОНАРНАЯ АРТЕРИЯ – 1500 \$.
КОСТНЫЙ МОЗГ – 15 000–40 000 \$.
РОГОВИЦА ГЛАЗА – от 5000 \$.

Заголовков и начало статьи «Майдан-потрошитель»

Также во вступлении мы имеем сравнение с косоварами – «помнится, в Косово местные сепаратисты, дорвавшиеся до власти», устраивали «ярмарки для иностранцев» по продаже человеческих органов. Вступительная часть статьи заканчивается риторическим вопросом «уж не повторяют ли киевские самозванцы печальный опыт косоваров?». Статья довольно большая – около двух тысяч слов. В ней перемешана информация о торговле органами как проблеме мирового масштаба, так и обвинениями в адрес представителей нынешней власти. Яркими являются и подзаголовки, которые идут в таком порядке: «Как украинских младенцев разбирали по частям», «Кровавый след от западноукраинских младенцев тянется на Майдан», «В темных делах с изъятием органов фигурирует немало украинских политиков». В статье упомянуты Тягнибок, Тимошенко и Порошенко как причастные к торговле органами или как уличенные в связях с «черными трансплантологами». Завершается статья двумя частями. Первой идет ПРЯМАЯ РЕЧЬ (оригинальное выделение – печатными буквами) Олега Галибина, доктора медицинских наук, профессора Санкт-Петербургского государственного медицинского университета и в прошлом

⁶ Горевый Р. Майдан-потрошитель: Лидеры украинского протеста причастны к торговле человеческими органами // Версия.ру. http://versia.ru/articles/2014/apr/28/maydan_potroshitel. Последнее посещение 5 мая 2014 г.

«главного врача-трансплантолога Санкт-Петербурга», из которой мы узнаем, что в России не существует проблемы незаконной трансплантации органов, потому что нет черного рынка для пересадки органов, и что нет доказанных случаев такого рода преступлений. Стоит отметить, что еще вначале статьи и по ее ходу внимание акцентируется на том, что факт такого преступления – недоказуем в принципе. Тем более в Киеве, где трупы сжигают в крематории.

После прямой речи профессора подается «справка», из которой читатели могут узнать о представителе Парламентской ассамблеи Совета Европы, швейцарском прокуроре Дике Марти и его заявлениях «о размахе организованной преступности в охваченном гражданской войной Косово» и о «сети, торговавшей человеческими органами, к которой причастно косовское руководство», и о причастности НАТО к этим ужасам: «бандиты беспрепятственно похищали людей и доставляли их на базы НАТО», «с базы НАТО в Косово "Бондстил" ежедневно совершалось от 6 до 14 вылетов самолетов» – следует думать, что количество вылетов свидетельствует о небывалом размахе «черной трансплантологии» и, возможно, огромном количестве жертв. Действительно, зачем же еще совершать столько вылетов?

Статья про «Майдан-потрошитель» была не самой популярной новостью в группах «антимайдан» – более обсуждаемыми были «сводки с фронта» о противостояниях с «фашистами» и «правосеками» (т.е. боевиками «Правого сектора»). В общем, из статьи мы можем для себя сделать вывод о том, что: 1) после Майдана ужасы в Киеве продолжаются, ведь «"Революция" завершилась, а поток ее жертв – еще нет?»; 2) доказательств этим зверствам нет и быть не может, 3) «очевидна» аналогия с сепаратистами из Косово, делавшими тоже самое, 4) страдает украинский народ, 5) в России такого нет. Таким образом, мы лишний раз убеждаемся о том, что в Киеве под властью «хунты» творятся ужасы.

Опасность

Так в чем же конкретно заключается опасность и в чем суть угрозы, от которой необходимо защищаться востоку Украины методом захвата административных зданий и их дальнейшей блокировки? Зачем нужно оружие? От чего защитит проведение референдума жителей Донбасса? Какова острая необходимость в его проведении? Для ответов на эти вопросы рассмотрим изначальную мифологему угрозы юго-востоку Украины в целом. Ядром данной мифологемы являются «события в Киеве», часто описываемые без каких-либо подробностей как просто «то, что произошло в Киеве», иногда более лаконично – «Майдан». Соответственно, главная угроза – повторение Майдана в Донецке или где-нибудь еще. Интересно, что если события Евромайдана активно комментировались по их ходу в разных группах ВК, то последствия этого «переворота» и, соответственно, угроза со стороны новой власти в Киеве, именуемой не иначе

как «хунта», практически не освещаются. Отсутствие конкретики об угрозе со стороны нынешней власти в Киеве размывается в нескольких классических темах: 1) нелегитимность власти в Киеве, 2) наличие легитимного президента в изгнании, 3) контроль над Киевом со стороны госдепа США, 4) радостных новостей по поводу присоединения Крыма. Следует отметить, что статья «Майдан-потрошитель» – это пример создания общего образа ужаса и хаоса, происходящего в данный момент в Киеве. Рассмотрим вкратце каждую из выделенных тем:

1) по версии пабликов «антимайдан», в Киеве произошел военный переворот, в результате которого к власти пришла «хунта»; соответственно, все ее действия и инициативы – незаконны, их следует игнорировать и саботировать; из кого состоит эта «хунта» конкретно не уточняется – они «бандеровцы» и «фашисты»; особо активно обсуждаются Турчинов и Яценюк, фамилии которых часто исковерканы до непристойных кличек (к примеру, «Яйценюх»), иногда проскакивают версии о том, что их предки были пособниками фашистов – для укрепления образа бандеровцев-фашистов;

2) популярным до определенного этапа было обсуждение покинувшего Украину президента В.Ф. Януковича; естественно, вина за изгнание легитимного президента (речь о «легитимности» будет идти дальше), избранного народом Украины, подтверждает тезис о военном перевороте в Киеве; довольно быстро внимание к В.Ф. Януковичу угасает, участники дискуссий сходятся во мнении, что его режим был очень коррумпированным, хотя роскошь Межигорья и не воспринимается, как что-то из ряда вон выходящее под девизом «у других не лучше»;

3) признание странами ЕС, США и большинством стран-членов ООН легитимности новой власти в Киеве, а именно правительства под председательством и.о. премьер-министра А. Яценюка и в.о. Президента Украины А. Турчинова, толкуется как явное указание на мифическую «руку Запада», направленную не столько против режима Януковича, сколько против именно России и лично Путина; исходя из этого задача России – защитить украинцев от чуждых им либерально-демократических ценностей Запада; по мнению сторонников Антимайдана, именно ЦРУ, США и мифические «евростолицы» командуют Яценюком и Турчиновым и, соответственно, управляют «Киевской хунтой», поэтому важно не допустить контроля этой хунтой всей Украины; участники пабликов едины во мнении, что «Запад» жаждет уничтожить Украину, в то время как Россия пытается ей помочь;

4) вторжение российских войск в Крым, дальнейшая аннексия полуострова Российской Федерацией воспринимается как радостное событие, верх

проявления заботы и братской поддержки со стороны России в противостоянии с неонацистами, бандеровцами и «хунтой»; встречаются и сообщения о том, что ООН признала референдум в Крыму легитимным и что «возвращение» Крыма в состав РФ – справедливое и законное событие; активисты-антимайдановцы настаивают на проведении референдума под девизом «если в Крыму можно было его провести, почему нельзя провести у нас?»; иногда встречаются обвинения «хунты» в Киеве в потере Украиной Крыма и указания на то, что «легитимный президент» Янукович никогда бы не допустил потери Крыма;

Общий вывод однозначен: в Киеве произошел военный переворот, к власти пришла «хунта», изгнавшая законно избранного президента. Нелегитимной властью в Киеве управляет госдеп США, ЦРУ, ЕС – собирательно – «Запад», который враждебно настроен по отношению к России и ничего доброго Украине желать не может. Фашистский характер «хунты» в Киеве не поддается сомнению – ведь они даже людей живых и младенцев потрошат на органы, как мы могли узнать из статьи «Майдан-потрошитель». Суть угрозы со стороны этой «хунты», однако, остается не вполне ясной – какими конкретными действиями они могут нанести вред жителям востока Украины – непонятно, ведь не пустить же всех на органы? Посылком к противостоянию скорее становятся практически ритуальные фразы «деды воевали» с фашистами, а сейчас фашисты в Киеве захватили власть и с ними нужно воевать, продолжая дело «дедов», которые воевали с фашистами. Цикл аргументации на этом, в общем, и замыкается.

«Легетивность»

Феномен «легетивности» – искаженного написания понятия «легитимность» – является ярчайшей демонстрацией влияния информационных потоков на массы обывателей. Понятия «легитимный президент» по отношению к В. Януковичу и «нелегитимная власть» по отношению к переходному правительству в Киеве активно форсировались российскими СМИ. Естественно, без объяснений самого понятия «легитимность», его отличия от понятий «легальность» или «законность». Главное содержание мессиджа – незаконность «хунты», которая незаконно пришла к власти (часто встречаем и обвинения сторонников Майдана в «попрании Конституции»), законное право на власть незаконно изгнанного Президента, и следующее из этого якобы законное право жителей регионов Украины на защиту себя от «беззакония». Категория «закон» и производные от нее однокоренные слова встречаются довольно часто, но, судя по всему, не звучат настолько убедительно или серьезно как «легитимность», превратившаяся в «легетивность» (иногда – «легитивность»). В выступлениях первых лиц Крыма и самого Януковича тяжело расслышать правильное «легитимность», на слух термин действительно звучит в их произношении как нечто похожее на

«легетивность». Сторонника Майдана, дискутирующие с антимайдановцами в их группах, часто высмеивают «легетивность» и указывают на необразованность коверкающих это понятие. Вообще часто грамотность и способности к правописанию особо ярких противников Майдана из России очень удивляют. К примеру, можно ознакомиться с мнением Али Морозова из Санкт-Петербурга, рассуждающего о шахтерах, народах юго-востока и «легетивности»:

Ali Morozov

Шахтеры за народ, нет хунте и нацистам, с шахтерами можно создать легетивную добросовестную власть раду а главное по истени демократичною при содействии народных избранников регионов, раду надо делать с нуля полная смена парламента, 30 лет за воровство в правительстве давать, самое главное полностью отказаться от американского и западного содействия в чем либо, все принятые решения не легетивной властью не действительными все возможно сделать совместными усилиями шахтеров и народов юго востока

one hour ago | [Reply](#)

Мнение участника дискуссии группы «Антимайдан» о дальнейших действиях «народов юго-востока Украины»

Согласно Морозову, нужно «поменять власть», сказать «нет» хунте, нацистам и «полностью отказаться от американского и западного влияния», при этом основная роль отводится шахтерам и не вполне понятным «народам юго-востока». Основные категории мессиджа господина Морозова компактно отображают политическую и идеологическую позицию российского руководства: незаконная власть в Киеве, именуемая «хунтой», состоящая из фашистов (нацистов), американское и западное вмешательство в дела Украины как суверенного государства и особая роль населения юга и востока Украины в разрешении кризиса в Украине. Те же самые идеи, которые Али Морозов описывает в своем сообщении и которыми пестрят российские СМИ, Министерство иностранных дел Российской Федерации выдало в виде «Белой книги» – идеологически насыщенного документа.

«Белая книга» МИДа РФ

Пятого мая 2014 г. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации опубликовал «Сообщение для СМИ» по поводу подготовленной уполномоченным МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права «Белой книги о нарушениях прав человека и принципа верховенства права на Украине» за период с конца ноября 2013 года по конец марта 2014 года. Из сообщения мы узнаем, что: «Приведенные в докладе

фактологические данные грубейших нарушений основополагающих международных принципов и норм в области прав человека и верховенства права, совершенных монополизировавшими протестный «евромайдан» радикал-националистами при попустительстве, а подчас и при прямом поощрении поддержавших их США и ЕС, позволяют утверждать, что эти явления носили массовый характер»⁷. Ссылка на эту книгу стала активно размещаться в социальных сетях, начиная со дня ее появления.

Документ состоит из восьмидесяти одной страницы, причем основного текста – шестьдесят страниц, двадцать последних страниц – иллюстрационный материал. Сама структура «Белой книги» очень показательна. Она состоит из введения, шести разделов и заключения. Не будем перепечатывать все содержание – с ним читатели могут самостоятельно ознакомиться на сайте МИДа РФ – но выделим особо показательные моменты в названиях раздела. Первый раздел посвящен: «применению пыток, бесчеловечному обращению и совершению беззакония». Второй – «Вмешательство во внутренние дела суверенного государства». Третий раздел рассказывает о «Свидетельствах умышленного совершения насилия и провокаций так называемыми мирными манифестантами». Четвертый раздел посвящен СМИ, с акцентом на «запугивании несогласных» и цензуре. Пятый раздел повествует о дискриминациях, в том числе о «ксенофобии и расовом экстремизме» и «подстрекательстве к расовой ненависти». Последний раздел посвящен исключительно религиозной нетерпимости «включая угрозы в адрес Украинской Православной Церкви Московского Патриархата».

Ознакомившись с самими только названиями разделов книги читатель может для себя составить общее впечатление о содержимом: от пыток и бесчеловечного обращения, через вмешательство иностранных государств к свидетельствам пыток и провокаций со стороны «так называемых мирных» манифестантов, запугиванию несогласных, ксенофобии и расовому экстремизму и, в конце концов, к угрозе православию. Судя по этим компонентам, «Белая книга» содержит в себе как социально-политическое видение событий, так и его идеологическую интерпретацию: насильственные действия, совершенные праворадикалами, исповедующими «расовый экстремизм», несет угрозу жителям Украины, а также православию как институции. Идеологически настроенным является не только текст книги, но и ее иллюстрационный материал.

⁷ Сообщение для СМИ о «Белой книге» нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/632B80CA2FEC5EE4144257CCF002D5CF4. Последнее посещение 5 мая 2014 г.

29. Парад в Станиславе в честь визита генерал-губернатора Польши рейх-сляйтера Ганса Франка

30–31. Бандера планировал и осуществлял массовое уничтожение евреев летом 1941 года. И не только во Львове...

Страница 77 «Белой книги» МИДа РФ о нарушениях прав человека и принципа верховенства права на Украине (ноябрь 2013 г. – март 2014 г).

Иллюстрационный материал на странице семьдесят семь «Белой книги» вообще не содержит информации о событиях за период с конца ноября 2013 г. по конец марта 2014 г. На странице поданы три исторические фотографии, только одну из которых можно определить как относящуюся к Украине по национальным костюмам марширующих под свастикой девушек, причем возглавляющая процессию выкинула руку в нацистском приветствии. Подписи под фотографиями сообщают, что «Бандера планировал и осуществлял массовое уничтожение евреев летом 1941 года. И не только во Львове...». Остается непонятным, какое отношение эти фотографии времен Второй мировой войны имеют к происшествиям в Украине конце 2013 – начала 2014 года. Очевидно, что *содержательно* они не несут информацию, относящуюся к конкретным событиям современности, но *идеологически* они вписываются к дискурсивно сконструированный образ опасных бандеровцев-фашистов, совершивших, по мнению МИДа РФ, военный переворот в Киеве. К примеру, иллюстрация номер двадцать пять на странице семьдесят пять – фотография молодой девушки в украинском венке, которая показывает сережку в виде свастики. Страница

семьдесят два, фотография номер четырнадцать: наклеенное на столбе заявление «я хочу жить без фашистов».

Иллюстрации на семьдесят второй и семьдесят пятой страницах «Белой книги»

Ознакомившись с фотографиями «Белой книги», у читателя складывается однозначное впечатление о небывалом разгуле насилия в Киеве – большинство фотографий посвящено противостоянию демонстрантов с правоохрнительными органами. Также читатель видит Викторию Нуланд, раздающую еду протестующим, что подтверждает не просто вовлечение, а явную, так сказать *физическую* поддержку со стороны США. Воинствующие демонстранты, которые, судя по фотографиям, явно не являются участниками *мирных* акций протеста, привязываются к фашистской традиции, подкрепленной историческими «свидетельствами». Естественно, в таких условиях неудивительно, что люди в отчаянии пишут, что они «хотят жить без фашистов».

Заключение

Образ бандеровцев-фашистов, созданный российскими средствами массовой информации, зиждется на исторических аналогиях с коллаборационистами времен Второй мировой войны, подкрепляется предписываемой им ненавистью ко всему русскому, включая язык и русское православие, а также обвинениями в ксенофобии и антисемитизме. Образ бандеровца-фашиста настолько широк, что его можно применить, по сути, ко всему украинскому, начиная от флага и заканчивая украинским языком. Именно поэтому борьба с «киевской хунтой» на востоке Украины начинается с захвата зданий, срывания украинского флага и

уничтожения других знаков украинской государственности. Таким образом, борьба с государственными символами Украины становится частью борьбы против «бандеровского фашизма», который считается основным врагом и основной угрозой для юга и востока Украины, страх к которому внушается местному населению.

Вместе с тем, содержательной части у этого страха нет, так как до трагических событий в Одессе не было никакой конкретики в потенциальной угрозе от «киевской хунты» или полумифического «Правого сектора». Есть образы врагов-фашистов, которым, до событий в Одессе, можно было приписывать разве что «потрошения людей на органы» или какие-нибудь другие ужасающие планы. После Одессы образ врага-фашиста, от которого нужно защищаться, обрел более осязаемое наполнение: преступная, нелегитимная власть, «хунта», готова заживо сжигать мирных русскоязычных жителей – в лучших «фашистских» традициях. Мифическая угроза со стороны «хунты» и «Правого сектора» раздута до абсурдно ужасающих масштабов: уничтожения русскоязычного населения, то есть уничтожения юго-востока Украины ненавидящей его «западной хунтой».

Борьба с угрозой жизнью населению со стороны «хунты» и «правосеков» изначально содержала два компонента: самооборону и федерализацию. Примечательно, что оба способа не имеют однозначного понимания или толкования среди участников «антимайдановских» пабликов. В то время как участники этих групп высмеивают официальные обвинения, предъявленные Киевом России в поддержке боевиков на востоке страны (главный аргумент: «Майдан» развалил страну, Россия в этом не виновата), они также высказывают благодарность русским активистам и военным, которые составляют так называемые «народные ополчения». К примеру, особо популярным персонажем является боевик-наемник из России Александр Можаяев, известный как «Бабай»⁸. Федерализация стала практически таким же мемом, как и «легетивация» – этим термином активно оперируют участники дискуссий, не вдаваясь в подробности его значения. Можно прочесть и про «федерализацию Донецкой области» и про создание «федерации от Украины» и так далее. Может ли быть «федерализована» отдельно взятая область или как можно «федерализоваться» от чего-то – такие «нюансы» в пабликах не рассматриваются. Также примечательно, что участники «антимайдановских» групп считают оскорбительным слово «сепаратисты», потому что отделение от Украины проявлением сепаратизма они не считают, как, в прочем, и не вдаются в выяснения значений этого понятия. Таким образом, против ощущаемой угрозы со стороны «нелегитивной» киевской власти следует бороться оружием и референдумом о статусе восточных областей. Сам референдум, его значение и ожидания от него заслуживают отдельной публикации. Смеем предположить, что, как и понятия «легетивность»

⁸ Бородатый наемник «Бабай» воюет в Славянске, потому что в России он в розыске – Time // ТСН.ua. <http://ru.tsn.ua/ukrayina/borodatyy-naemnik-babay-voynet-v-slavyanske-potomu-chno-v-ros-sii-on-v-rozyske-time-362419.html>. Последнее посещение 5 мая 2014 г.

и «федерализация», понятие «референдум» большей степенью индоктринировано СМИ как своеобразный мем, и что оно понимается участниками анализированных пабликов скорее как форма протеста против «фашистской хунты» нежели как форма волеизъявления.

В заключение можно подsumмировать, что страхи и опасения жителей восточных регионов Украины основываются на исторических аналогиях с врагами-фашистами, против которых «деды воевали», на образе враждебных ко всему русскому США, которые поддерживают «нелегитимную» киевскую «хунту», и на предполагаемых планах полумифического и вездесущего «Правого сектора» чинить расправу над мирными жителями востока Украины. Помощь против них, по мнению запуганных жителей Донбасса, может предоставить только Россия, поддерживающая регион в его желании «федерализоваться», что, впрочем, является таким же не до конца понятным, как и «легитимация». На Донбассе понятен только один пропагандистский посыл: враг – у ворот, беремся за оружие!

Приложение

Список проанализированных «антимайдановских» групп сети *ВКонтакте* (по состоянию на 2 мая 2014 г.)

№ п.п	Название группы	Адрес	Кол-во подписчиков
1	Русские Онлайн Антимайдан	http://vk.com/anti_maydan	57008
2	АнтиМайдан	http://vk.com/antimaydan	328797
3	ЮГО-ВОСТОК АНТИМАЙДАН	http://vk.com/soutukraine	96600
4	политическая матрешка! Антимайдан!!	http://vk.com/politicheskaya_matreshka	61234
5	Русские Онлайн Антимайдан	http://vk.com/anti_maydan	57011
6	АнтиМайдан	http://vk.com/hightechnology	18599
7	НОД в Украине. АнтиМайдан	http://vk.com/nacionalnoe_osvobozhdenie	57164
8	АНТИМАЙДАН	http://vk.com/antimaidan_ukraina	14430
9	АнтиМайдан Харьков	http://vk.com/antimaidan_kharkov	23729
10	АнтиМайдан группа 2	http://vk.com/antimaydanukraineourhome	23606
11	ДОНЕЦК Антимайдан	http://vk.com/dn_vk	10501
12	Украина - информационный фронт! Антимайдан	http://vk.com/ukraine5will	17998

13	АнтиМайдан Донецк Харьков Луганск	http://vk.com/anti_maidan_vostok	17571
14	Антимайдан Луганск	http://vk.com/anitmaydlugansk	7093
15	АНТИМАЙДАН ДВИЖЕНИЕ МЗСР НОВОРОССИЯ	http://vk.com/midmzsr	11673
16	Антимайдан. СЛАВЯНСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК. ДОНЕЦК	http://vk.com/slavyanskitreugolnik	11460
17	НОВОРОССИЯ Юго-Восток Украины АнтиМайдан	http://vk.com/novorossia_today	14120
18	АнтиМайдан Мариуполь	http://vk.com/ohranamariupol	6000
19	Юго-Восток! Донбасс! Антимайдан!	http://vk.com/lugansk_shit	8689
20	АнтиМайдан (Донецк) ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ	http://vk.com/anti_maydan_donbass	8810
21	АнтиМайдан КИЕВ ОДЕССА ДОНЕЦК ХАР ЬКОВ АР КРЫМ	http://vk.com/ua.antimaydan	12405
22	Антимайдан. СЛАВЯНСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК. ЛУГАНСК	http://vk.com/club65186214	7071

Леонид Люкс

Дугин или Путин? Две стратегии «неоимперского реванша» и украинский кризис¹

Нынешний кризис в Украине развивается как бы по сценарию, созданному еще в 1997 году Александром Дугиным – одним из самых агрессивных проповедников неоимперского реванша в постсоветской России. Тогда вышла его монография «Основы Геополитики», которую можно назвать «учебником ненависти». В ней он пишет следующее:

«Существование Украины в нынешних границах и с нынешним статусом "суверенного государства" тождественно нанесению чудовищного удара по геополитической безопасности России ... Дальнейшее существование унитарной Украины недопустимо»².

Подобным же образом Дугин высказывается и по поводу нынешнего кризиса в Украине. Он не перестает призывать российское правительство к наступательной политике в отношении западного соседа. В статье от 11 апреля он писал:

«Чтобы удержать Крым нам необходим Юго-Восток. А Крым необходим, чтобы удержать Россию, оживить (ее)... Юго-Восток или смерть»³.

Кажущееся соответствие между броскими лозунгами Дугина и реальной авантюрной политикой Москвы как в Крыму, так и на Юго-Востоке Украины приводит к тому, что некоторые авторы рассматривают Дугина как закулисного идеологического заправилу нынешней российской внешней политики. Именно с таких позиций аргументируют авторы статьи «Putins's Brain. Alexander Dugin and the Philosophy behind Putin's Invasion of Crimea», появившейся недавно в журнале *Foreign Affairs*⁴.

На самом деле, невзирая на некоторые совпадения в случае с Украиной, нельзя недооценивать существенные различия между внешнеполитическими программами Путина и Дугина. Они существуют даже тогда, когда оба используют одни и те же понятия. Путин, как известно, хочет вместо исчезнувшего СССР основать «Евразийский Союз», который задуман как своего рода Советский Союз, но в новом облики, а Дугин считает самого себя наследником «Евразийского движения», возникшего в 1921 году в русской эмиграции и ушедшего в небытие в

¹ Расширенная версия статьи, опубликованной ранее в интернетном журнале *The European* (3.5.2014)

² Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 379.

³ Дугин А. Цивилизация Россия: Юго-Восток или смерть // Евразия. Информационно-аналитический портал.

⁴ Barbashin A., Thoburn H. Putin's Brain...// *Foreign Affairs*. 31.3.2014.

конце 30-х годов. Многие аналитики тоже видят в дугинской программе продолжение идей «классических» евразийцев. Например, авторы уже упомянутой статьи в *Foreign Affairs*.

Но в принципе, называя свою идеологическую конструкцию продолжением идей «классического» евразийства, Дугин совершает подтасовку. Потому что между его конструктом и программой основанного в 1921 году «евразийского движения» существуют непреодолимые противоречия.

Одной из важнейших целей «классического» евразийства было оградить Россию и весь евразийский субконтинент от культурных влияний Запада. Его программа была никак не экспансионистская, а изоляционистская. Развал Российской империи в результате революции 1917 г. был для евразийцев травматическим переживанием, они хотели любой ценой предотвратить дальнейшее разрушение российской государственности. Евразийцев интересовала не власть над миром, а поиски элемента, способного скрепить многонациональную империю. Они сознавали, что пролетарский интернационализм, с помощью которого большевики объединили распавшуюся после 1917 империю, не сможет сценентировать Россию на продолжительное время. Национальные эмоции рабочих, как правило, сильнее, чем классовая солидарность, говорил в 1927 один из ведущих идеологов евразийства Николай Трубецкой. Россия именно поэтому должна искать нового носителя единства, если она хочет оставаться единым государством⁵. Эти поиски новой идеи, подчеркивающей общность всех народов Российской империи, и были главной задачей евразийцев.

Но о таком самоограничении ни для Дугина, ни для его сторонников вопрос не стоит. Их цель – тотальная победа над западным противником, в первую очередь, над либеральными силами в лице англосаксонских морских держав. Они считают, что никакого примирения между обоими лагерями не может быть. В передовой статье, напечатанной в 1996 году в издаваемом Дугиным журнале «Элементы», можно прочесть: «Между ними только вражда, ненависть, жесточайшая борьба по правилам и без правил»⁶.

В упомянутой выше работе «Основы Геополитики» Дугин призывает к последней битве против либералов, победивших в Холодной войне. Если Россия отречется от своего имперского призвания, возникший после краха СССР вакуум власти заполнят другие страны. Уважение к другим в геополитической борьбе не играет никакой роли, считает Дугин. Тут действует лишь сила⁷.

Здесь обнаруживается поразительное сходство с ходом мысли Гитлера, который в так называемой «Второй книге» (1928 г.) писал: каждый народ, обладаю-

⁵ Трубецкой Н. Общевразийский национализм // Евразийская хроника. 1927. № 7. С. 28-29.

⁶ Рука так и тянется к кобуре // Элементы. 1996. № 7. С. 2.

⁷ Дугин. Основы геополитики. С. 172.

щий жизненной силой, должен расширяться за счет других. Отказ от экспансии означает стагнацию. В этой борьбе дозволены все средства, считал Гитлер⁸.

Восстановление российской империи не является для Дугина самоцелью. Настоящей целью восстановленной империи должна стать борьба за мировое господство. Он пишет: «Новая империя должна быть евразийской, великоконтинентальной, а в перспективе – Мировой (так в тексте – Л.Л.). Битва за мировое господство русских не закончилась»⁹.

Однако сценарии последнего боя в стиле Дугина не определяют действия нынешнего российского руководства. Оно, конечно, не может смириться с распадом Советского Союза, который Путин назвал в апреле 2005 года «крупнейшей геополитической катастрофой 20-го века». Но к мировому господству, к которому подталкивает Дугин, оно не стремится. Оно настроено скорее изоляционистски, и хочет, как и классические евразийцы, прежде всего отгородиться от западных влияний. Кремлевское руководство знает, что его система «управляемой демократии», основанная на лишении общества самостоятельности, не совместима с западными ценностями. Отсюда вытекает панический страх перед эмансипаторскими импульсами Евромайдана. И это обуславливает его акцию по наказанию Киева в гораздо более сильной степени, чем солидарность с собственными соотечественниками в Украине.

Есть и еще одно дополнительное отличие Дугина от Путина и его соратников – это отношение к Третьему Рейху. Нынешнее российское руководство изображает из себя решительных борцов против «фашистской опасности». Недавно российский парламент одобрил проект закона, предусматривающего суровые наказания за «реабилитацию национал-социализма». Отношение же к национал-социализму Дугина, напротив, далеко не столь однозначное. В уже упомянутом журнале «Элементы» он хотя и критиковал национал-социализм за его твердолобый национализм, но в то же время называл крах «Третьего Рейха» «сокрушительным поражением всей идеологии Третьего Пути»¹⁰, которую Дугин оценивает очень положительно. В той же статье он выражает свое восхищение некоторыми аспектами идеологии СС. А СС он характеризует как своего рода средневековый духовный рыцарский Орден «с типичными идеалами преодоления плоти, нестяжательства, дисциплины»¹¹.

То, что Дугин, невзирая на подобные высказывания, выставляет себя сегодня «борцом против фашизма в Украине», можно оценить только как чистой воды лицемерие.

И хотя сейчас Дугин сочиняет бесконечные хвалебные гимны Путину, ему так и не удалось поднять свою идеологию окончательной борьбы до уровня офици-

⁸ См. Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahre 1928. Eingeleitet und komment. Von G.L. Weinberg. Stuttgart, 1961.

⁹ Дугин. Основы геополитики. С. 213.

¹⁰ Дугин А. Консервативная революция. Краткая история идеологии Третьего пути // Элементы. 1992. № 1. С. 54.

¹¹ Там же.

альной правительственной программы. Но тот факт, что он уже многие годы беспрепятственно провозглашает свои тирады ненависти в государственных СМИ, не может не вызывать глубокой озабоченности. Не менее тревожным является и то обстоятельство, что в 2008 году Дугин был назначен руководителем вновь созданного Центра Консервативных Исследований при Социологическом факультете Московского государственного университета. Тем самым он получил возможность распространять свои сумбурные идеи в качестве профессора самого значительного высшего учебного заведения в России.

Авторизованный перевод с немецкого Ларисы Лисюткиной

Винфрид Шнайдер-Детерс

Доктрина Путина – конец европейской безопасности¹

I. Победа «Евро-Майдана» – геополитическое поражение Путина

Путинская мечта: геополитический проект «Евразийский Союз»

Владимир Путин считает создание «Евразийского Союза» делом всей своей жизни, с которым он хочет войти в историю. Эта имитация Европейского Союза – после запланированного на 1 января 2015 года преобразования трехстороннего «Таможенного Союза»², созданного 1 января 2010 года Россией, Беларусью и Казахстаном, в «Евразийский Экономический Союз» – больше не является видением, а реальным планом. Однако, без интеграции Украины в этот проект путинский «Евразийский Союз» был бы неполноценным. С кандидатами на вступление – Арменией, Киргизстаном и Сирией (!) – образование не получает желаемый геополитический и геоэкономический вес, который Путин хочет обеспечить своему полюсу в многополярном мировом порядке.

За российский спасательный кредит в размере пятнадцати миллиардов американских долларов Путин в результате нескольких тайных встреч «убедил» бывшего украинского президента Януковича не подписывать с Европейским Союзом, как планировалось, в конце ноября 2013 года в Вильнюсе уже парафированное в первом полугодии 2012 года Соглашение об ассоциированном членстве в ЕС. Предусмотренное в этом Соглашении создание совместной «глубоко идущей и всеобъемлющей зоны свободной торговли» интегрировало бы Украину в среднесрочной перспективе во внутренний рынок Европейского Союза и освободило бы от экономической зависимости от России – избавив тем самым также от политического влияния Москвы. Путин полагал, что своей геополитической победой над Европейским Союзом в Вильнюсе он вернул Украину на московскую орбиту. Победа Евромайдана означала для Путина тяжелое геополитическое поражение.

Путин отреагировал на этот удар с иррациональной агрессивностью, но при этом и с целенаправленной решительностью. То, что украинский Майдан прогнал его наместника Януковича, на которого возлагались его планы об интеграции Украины в Евразийский Союз, Путин, должно быть, воспринял как личное оскорбление, за которое Украину следовало «наказать». Победа украинского на-

¹ Некоторые положения статьи не соответствуют мнению редакции.

² 1 января 2010 года вступил в силу Учредительный договор, 1 июля 2010 года – общий таможенный тариф.

рода в противостоянии с властью была, наверняка, кошмарным сном Путина. Путин не может рассматривать народное восстание «Майдан» иначе, нежели организованное «фашистскими группировками» и «финансированное Западом», а формирование нового правительства, исключительно, как «незаконный захват власти». Противоречащую здравому смыслу беспощадность, с которой Путин выступил против Украины после победы Майдана, можно убедительно объяснить как личную месть.

Путинская месть: пропагандистская «карательная экспедиция» против Украины

Рациональным расчетом, однако, была коварная пропагандистская кампания, благодаря которой Путин создал предлог для того, чтобы все-таки завладеть Украиной. Пропагандируемое Путиным основание для военной поддержки ирреденты в Крыму и для возможного военного вторжения в Украину, а именно мнимая угроза для этнически русского и русскоговорящего населения в восточных и южных районах страны, исходящая от «фашистских террористов» из Западной Украины, является «огромной ложью».

Адресатами лживой пропаганды является российское население (мобилизация), население на Востоке и Юге Украины (стравливание народов), политика и СМИ на Западе (дезинформация). Россиян пропагандистская дубина убивает психически, превращает почти в «манкуртов»³. Лев Гудков, директор уважаемого независимого Института изучения общественного мнения «Левада-Центр» (Аналитический Центр Юрия Левады) сказал, что «с точки зрения интенсивности, охвата и агрессивности пропаганды в контролируемых государством СМИ это не сравнимо ни с чем из того, что он видел за весь постсоветский период»⁴.

II. Доктрина Путина

Держава-покровительница «русского мира»: «ультра-националистическое» притязание

Российский президент Путин считает себя вправе вводить войска в любую страну для «защиты» имеющегося в ней русского меньшинства. Совет Федерации РФ фактически предоставил Путину широкие полномочия для вторжения во все бывшие советские республики, так как российские меньшинства проживают во всех «новых независимых государствах». Ссылаясь на «чрезвычайное положение

³ «Манкурт», слово из романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день».

⁴ Ukraine Crisis Media Center. <http://uacrisis.org/ru/propaganda-in-russian>.

ние» в Украине и якобы «угрозу гражданам Российской Федерации», Путин обратился в Совет Федерации за разрешением «применения вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины» до тех пор, «пока не нормализуется социальная и политическая ситуация в этой стране». «Угрозу» Путин определяет сам, как и «нормализацию ситуации» после вторжения.

Военное вторжение в Крым было «законодательно» подготовлено еще в 2009 году. После «пятидневной войны» в августе 2008 года по инициативе тогдашнего президента Дмитрия Медведева Государственная Дума Российской Федерации изменила закон «Об обороне» от 31 мая 1996 года с тем, чтобы задним числом легализовать вторжение в Грузию⁵. Изменения Закона «разрешают» теперь военным подразделениям Российской Федерации проводить военные операции за пределами российских границ «для защиты» российских граждан, т.е. российских «соотечественников» за рубежом (так сказать путинских «Volksdeutsche»), а также лиц другой этнической принадлежности, которым оформили российские паспорта. Дополнение к пункту 2.1 статьи 10 измененного Закона «Об обороне» гласит: «В целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности формирования Вооруженных Сил Российской Федерации могут оперативно использоваться за пределами территории Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации и настоящим Федеральным законом для решения следующих задач: ...

- защита граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации от вооруженного нападения на них ... (п. 3);
- отражение или предотвращение вооруженного нападения на другое государство, обратившееся к Российской Федерации с соответствующей просьбой ... (п. 2).

Президент Путин показательно ссылается не на все более признаваемую в международном праве «обязанность защищать», норму, которая возлагает на международное сообщество (практически на Совет Безопасности ООН) ответственность за санкции против государства, которое совершает «геноцид», «военное преступление», «этническую чистку» или «преступление против человечества». В случае российского меньшинства в Украине, права которого никоим образом не ограничиваются, Путин ссылается на *национальное* право Российской Федерации, которое было сконструировано для маскировки его геостратегических намерений.

Защита «российских соотечественников» за рубежом является неслыханным притязанием, в котором заложен риск российского вторжения в Украину и другие

⁵ Федеральный закон от 9.11.2009 N 252-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об обороне"», принят Государственной Думой 23.10.2009, одобрен Советом Федерации 30.10.2009, подписан тогдашним президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым 9.11.2009. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93467/. Последнее посещение 18 апреля 2014.

бывшие советские республики. Случайный повод найти легко и легко изобрести удобный предлог. Завоеватели организуют необходимый «казус белли». Российский президент Путин отрицал, что тяжело вооруженные солдаты в униформе без знаков различия являются российскими солдатами.

«Собирание русских земель» – превращение геополитического проекта в неоимпериалистическую стратегию

Доктрина Путина основывается на лжи, а именно на неправдивом утверждении, что русские, которые после независимости бывших советских республик стали в них бесправными меньшинствами, притесняются титульными нациями – и поэтому нуждаются в защите Российской Федерации. Такая ложь предоставляет в случае необходимости – как в Крыму – предлог для политики, целью которой является аннексия территорий, где компактно проживают «зарубежные русские». 18 марта, через два дня после референдума в Крыму и один день после его присоединения Россией, российский президент Путин произнес в роскошном Георгиевском зале Московского Кремля эмоциональную речь. Россия ощущает себя «ограбленной», сказал Путин; русский народ является самым большим «разделенным народом» в мире. То, о чем он не упомянул, – это обстоятельство, что прежде Россия «грабила» земли, в которых сегодня русские составляют меньшинство.

Владимир Путин, президент вооруженной атомным оружием экономически развивающейся страны, оказывается в свой третий президентский срок опасным авантюристом, который идет на непрогнозируемый риск. Еще более опасной, чем Путин сам, является разжигаемая им патриотическая истерия. Русский патриотизм, тоска о прежнем величии – «призраки, которых он позвал» (Гёте) – превращают геополитического стратега Путина вместо «евразийского интегратора» в современного «собирателя земель русских», таковым он выступит сейчас в предвыборной борьбе за четвертый срок. До определенной степени Путин стал жертвой собственной пропаганды: русский народ больше не позволит ему вернуться к рациональной геополитике.

Восточная и южная Украина – в ожидании российского вторжения

Украинский регион Донбасс на востоке Украины является для России экономически, пожалуй, менее привлекательным, чем кажется: индустриальное наследие Советского Союза технологически полностью устарело. Более привлекательной является южная Украина, овладение которой принесло бы России всю северную кромку Черного моря, военная полоса заграждений от Грузии до Румынии. Ее аннексия превратила бы остальную Украину в государство, не имеющее выхода к морю – а полуостров Крым потерял бы характер «эксклава» и географически «объединился» бы таким образом с Россией.

В столице Киеве и в центре страны вступившие российские солдаты не нашли бы поддержки населения; в западной Украине сформировалась бы, вероятно, новая УПА (Украинская Повстанческая Армия), которая развязала бы против российской оккупации партизанскую войну. На востоке и юге Украины нашлось бы, очевидно, достаточно сепаратистов, которые могли бы придать российской армии вторжения видимость «миротворческих сил». Хотя вступления регулярных российских войск ожидать все-таки не приходится, скорее, дальнейшего забрасывания агентов с «особыми поручениями» («спецназ») – диверсия, разрушение, провокация – с целью дестабилизировать Украину: классическая советская спецоперация.

III. Крым – новый «замороженный конфликт»

Ирредентистский референдум – «Мюнхен II»

Несмотря на все международные протесты 16 марта 2014 г. в Крыму был проведен референдум – по украинскому законодательству неконституционный и пренебрегающий всеми международными стандартами – о присоединении Крыма к России. Даже если «выбор» и не был свободным – российские военные «обеспечили» исход выборов – и официальный результат не вызывает доверия – то все равно вероятно, что большинство российского населения (оно составляет примерно 60% от общего населения полуострова) проголосовало за присоединение Крыма к Российской Федерации. Аннексия Крыма была отлично инсценированной «специальной операцией» в классическом советском стиле. Россия во второй раз (через полдесятилетие) вмешалась в сепаратистский конфликт (в 2008 г. в Южной Осетии), направив туда свои войска. Предшествовавшая и сопровождающая пропаганда во многом похожа на пропаганду в национал-социалистической Германии во время Судетского кризиса в 1938 г.

Через день после референдума, 17 марта, Верховный Совет «Автономной Республики Крым» восьмьюдесятью пятью голосами (из ста) объявил Крым независимым суверенным государством под названием «Республика Крым», в которой город Севастополь наделяется особым статусом. Вслед за этим Верховный Совет Крыма обратился к России с просьбой принять «Республику Крым» в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта со статусом республики. Президент Путин немедленно, еще в тот же день (17 марта) подписал указ «О признании Республики Крым». 20 марта Государственная Дума, а 21 марта Совет Федерации ратифицировали Договор о принятии в Российскую Федерацию «Республики Крым» (и отдельно города Севастополя), который 17 марта подписал президент Путин с самопровозглашенным «председателем Совета министров» Сергеем Аксеновым (по кличке «Гоблин») и де-факто мэром Алексеем Михайловичем.

Самоопределение vs. территориальная целостность – международно-правовая дилемма

В Крыму в неразрешимом конфликте друг с другом находятся два принципа международного права – принцип самоопределения народов и принцип территориальной целостности государств. Так как с одной стороны международное сообщество не признает декларацию независимости и присоединение Крыма к Российской Федерации⁶, а с другой Крым стал *de facto* частью России, то кажущимся решением станет «замораживание» этого конфликта – как в случае Приднестровья, Нагорного Карабаха и т.д. Крым будет – почти через 25 лет после распада Советского Союза – новым «замороженным конфликтом» на его прежней территории.

В своей речи 18 марта президент Путин подчеркнул историческое – и эмоциональное – значение, которое Крым имеет для россиян. Крым является «неотъемлемой частью исторической России», – сказал Путин и сравнил его «воссоединение» с Россией с воссоединением Германии. Решение о включении Крыма в состав Украинской Советской Социалистической Республики было принято тогдашним генеральным секретарем КПСС Никитой Хрущевым в 1954 г. «с очевидным нарушением действовавших даже тогда конституционных норм».

Провозглашение независимости Крыма было законным, а не – как утверждает западная сторона – противоречило международному праву, аргументировал Путин, ссылаясь на то, что «прецедент Косово Запад создал собственными руками». Отделение Косово от Сербии является законным (в 2008 г. Россия утверждала обратное) – как и отделение Крыма от Украины. Разрешения центрального правительства не требуется, как это подтвердил в своем решении от 22 июля 2010 г. Международный суд⁷. В своем – юридически не обязательном – заключении (Advisory Opinion) от 22 июля 2010 г. Международный суд ООН действительно приходит к выводу, что одностороннее провозглашение независимости Косово не является нарушением международного права. Путин цитирует это решение: «Общее международное право не содержит какого-либо применимого запрета на провозглашение независимости». Далее Путин ссылается на письменный меморандум, выдвинутый США 17 апреля 2009 г. во время слушания дела Косово. В нем говорится, что «принцип территориальной целостности не исключает появления новых государств на территории существующих государств. Безусловно, декларации о независимости могут – и часто так и происходит – нарушать внут-

⁶ В своей резолюции от 27 марта 2014 г. Генеральная ассамблея ООН поддержала территориальную целостность Украины. За это решение проголосовало 100 стран-членов; 11 вместе с Россией против; 58 стран воздержалось, в том числе Китай.

⁷ International Court of Justice. Summary 2010/2. 22 July 2010. Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo. Advisory opinion. ICGJ 423 (ICJ 2010). <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/16010.pdf>. Последнее посещение 22 апреля 2014.

ренное законодательство. Однако это не означает, что происходит нарушение международного права»⁸.

Соединенные Штаты и Европа утверждали: Косово является особым случаем в связи с тем, что там в ходе конфликта было много жертв. Но в решении Международного суда ООН речь об этом не идет, аргументировал Путин. То, что он не упомянул, это факт того, что «Косово» было классическим случаем – кровавой – этнической чистки, в то время как в Автономной Республике Крым пальцем не тронули ни одного россиянина. Военное вмешательство Запада и бомбардировка Сербии состоялись, хотя и без согласия Совета Безопасности ООН, потому что Россия из-за солидарности со «славянским братским народом» той же веры – Сербией – препятствовала принятию Резолюции Совета Безопасности ООН о военном вмешательстве международного сообщества для защиты албанского населения со ссылкой на требование невмешательства во внутренние дела Сербии. Западная интервенция формально нарушила международное право, но соответствовала норме «обязанности защищать». Чтобы сопоставить здесь случай Крыма и случай Косово, Путин хватается за ложь: Если бы местные силы самообороны Крыма вовремя не взяли ситуацию под контроль, там тоже могли бы быть жертвы.

IV. Стратегическая цель Путина: «воссоединение» Украины с Россией

Крым – второстепенный театр военных действий

Крым является второстепенным театром военных действий. Он – не настоящая цель экспансионистской политики российского президента Путина. Путин не отказался от интеграции Украины в свою евразийскую структуру. С фактическим присоединением Крыма к России российский президент Путин достиг лишь этапной цели: он не успокоится, пока вся Украина не «воссоединится» с Россией.

«Нас раз за разом обманывали, принимали решения за нашей спиной, ставили перед свершившимся фактом», пожаловался Путин в своей речи 18 марта. Он сослался (и в этом случае по праву) на расширение НАТО на восток. США продолжают проводить в отношении России «политику сдерживания», которую преследовали с 1947 г. в отношении Советского Союза. «Все имеет свои пределы», – сказал Путин. «И в случае Украины наши западные партнеры перешли (красную) линию». Тем самым Путин четко выразил, что он рассматривает Украину как

⁸ Выдержки из консультативного заключения Международного Суда от 22 июля 2010 г. о соответствии международному праву односторонне провозглашенной независимости Косово. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/78EC70B29CFE6B2144257C98004FF496. Последнее посещение 22 апреля 2014.

«принадлежащую России» – а ее ассоциацию с Европейским Союзом как неуважение российских претензий.

После референдума в Крыму (16 марта) российское Министерство иностранных дел раскрыло 17 марта заинтересованность Кремля в конфликте в Украине: «внеблоковый статус» и «федерализация». Министерство иностранных дел призвало сформировать для «поддержки Украины» международную группу, которая должна сделать из Украины «внеблоковую федерацию без Крыма и с двумя государственными языками»⁹. Не объясняется, подразумевается ли под «внеблоковым статусом» лишь исключение вступления в НАТО или также ассоциация с Европейским Союзом (и возможное позже членство).

Россия – сторона конфликта

Российский министр иностранных дел Лавров объяснил, что Москва готова к диалогу с Киевом при условии, что не будет предпринята попытка выставить Россию, как «сторону конфликта, как это пытаются представить некоторые наши партнеры». Но Россия именно и есть сторона конфликта, в котором Москва постоянно наступает на суверенитет, внутреннюю независимость Украины. Россия не виновата в «событиях» в Украине и в Крыму; Российская Федерация оказалась «так или иначе вовлеченной», подчеркнул президент Путин на заседании российского Совета безопасности 13 марта¹⁰; конфликт – «внутри-украинский кризис». В действительности, виновником этих «событий» является Кремль; конфликт «в Украине» был причинен Россией; якобы «внутри-украинский конфликт» является российско-украинским конфликтом, а точнее: политической агрессией против Украины – с российской армией в боевой готовности.

Стратегия Кремля очевидна: дестабилизация Украины, чтобы в «смуте», в анархии в Киеве установить послушное правительство. Что Путин хочет, так это «смены режима» в Киеве – гротескное притязание на участие в управлении внутренними делами Украины, аналогично отношениям между Советским Союзом и его государствами-сателлитами. В качестве псевдо-правового рычага Путин использует Соглашение между бывшей (парламентской) оппозицией и бывшим президентом Януковичем от 21 февраля 2014 г., соблюдения которого устойчиво требует Москва.

По соглашению с председателями трех парламентских оппозиционных фракций 21 февраля президент Янукович согласился со значительным лишением своей власти – повторным вступлением в силу Конституции 2004 г. и досрочными президентскими выборами не позднее декабря 2014 г. – конечно же, с задней

⁹ Пресс-служба Министерства иностранных дел: Заявление МИД России о Группе поддержки для Украины, 570-17.03.2014.
http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/49766426492B6E9644257C9E0036B79A.

¹⁰ Пресс-служба Кремля. 13.03.2014. <http://www.kremlin.ru/news/20523>. Последнее посещение 12 апреля 2014.

мыслью подготовиться, выиграв время, к контрудару. Еще в этот же день Верховная Рада под руководством своего бывшего председателя, Владимира Рыбака из «Партии регионов», тремястами семьюдесятью одним голосом, т.е. большинством в четыре пятых (оно составляет 360 из 450 голосов) приняла Закон, которым возобновила действие Конституции 2004 г. (год Оранжевой Революции). На следующий день (22 марта), после побега президента Януковича, парламент шаг за шагом осуществил большинством голосов – каждый раз более чем три четверти – замену системы.

Соглашение от 21 февраля предвидит образование «правительства национального единства». Москва требует образования «широкого коалиционного правительства», которое «представляло бы также Восток и Юг». При этом речь идет об участии в правительстве пророссийских политиков, с которыми Кремль хочет снова получить влияние на украинскую политику. Помимо того, что формирование украинского правительства России не касается, отказываться от признания нового правительства, обосновывая это упреком в его нелегитимности, по делу неправильно. Личный состав парламента Украины остается со дня его выборов в октябре 2012 г. неизменным. То есть, Верховная Рада является конституционным законным органом, не тронутым «Революцией на Майдане». Закон, согласно которому беглый президент Янукович был отстранен от своей должности, как и Закон, по которому Александр Турчинов, заместитель председателя партии Юлии Тимошенко «Батькивщина», был назначен новым председателем парламента – и тем самым, согласно регламенту Конституции, временно исполняющим обязанности президента, был принят большинством в четыре пятых голосов. Прежний председатель фракции «Батькивщина», Арсений Яценюк, был также избран премьер-министром большинством в четыре пятых голосов. Таким образом, демократическая законность нового правительства в Киеве вне всякого сомнения.

Три прежние оппозиционные фракции – «Батькивщина», «УДАР» (Украинский Демократический Альянс за Реформы Виталия Кличка) и «Свобода» (Олег Тягнибок), соответственно 87, 36 и 33 места (вместе 156) – остаются, как и прежде, в меньшинстве. Фракция партии бывшего президента Януковича, «Партия регионов», которая имела до победы Майдана 210 мест, сократилась до 119. Депутаты, вышедшие из фракции «Партии регионов» из-за возмущения массовыми убийствами 18 и 20 февраля, сформировали две новые «парламентские группы»: «Суверенная европейская Украина» с 36 местами и «Экономическое развитие» с 35 местами. Таким образом, восток и юг Украины, где живет преобладающее большинство избирателей «Партии регионов», представлены «народными депутатами» в парламенте, как и прежде, в том же численном составе, как и перед 21 февралем 2014 г., днем побега президента Януковича.

Москва и далее признает легитимным президентом отстраненного украинским парламентом от должности Виктора Януковича; а президент Путин использует удерживаемого в России под якобы «охранным арестом» Януковича в качестве главного свидетеля для оправдания своего вмешательства во внутренние дела

Украины. Отстранение от должности президента возможно согласно Статье 108 Конституции в случае его государственной измены или совершения им преступления. Более сотни убитых парламенту достаточно, чтобы отстранить Януковича от должности, даже не строго по конституционной процедуре. Побег президента в Конституции не предусмотрен. Верховная Рада «обошла» предлагаемую в статье 111 Конституции процедуру, сославшись на Статью 112, в которой четко говорится, что в случае преждевременного окончания президентства – а это было из-за побега – должностные полномочия президента переходят к председателю парламента.

Не хочет Москва признавать также и президентские выборы, которые были назначены на 25 мая 2014 г.: «... мы считаем, что эти выборы нелегитимны, потому что они не вписываются в то, как это было изложено в соглашении от 21 февраля», – объявил в Вене Андрей Келин, постоянный представитель Российской Федерации при Организации Безопасности и Сотрудничества в Европе (ОБСЕ). Теперь уже полностью управляемая из Москвы оставшаяся часть «Партии регионов» внесла на рассмотрение парламента проект закона, в котором дата президентских выборов переносится с 25 мая на 7 декабря – с очевидным намерением продлить фазу временного положения и помешать стабилизации политической ситуации.

Федерализация Украины: замаскированный сепаратизм

На востоке и юге Украины Россия вероломно поощряет существующие сепаратистские тенденции и выдвигает коварное требование провести референдум о федерализации Украины. Притязание на объединение Востока и Юга Украины с Россией Путин основывает не только местным русскоговорящим населением, но и, как в случае с Крымом, также исторически: «После революции большевики ... включили в состав Украинской союзной республики значительные территории исторического юга России», – сказал Путин в своей «крымкой речи» 18 марта 2014 г.

После победы Майдана в Киеве на востоке и юге Украины – подстрекаемое российской пропагандой – возникло подобное Майдану движение про-российских граждан (лозунг: «Россия!»), которые учились на примере столичного Майдана: они созывают вече, занимают административные здания, строят баррикады, поднимают российский флаг и т.п. Среди пророссийских демонстрантов есть много коммунистов, которые проявляют свой еще невредимый советский менталитет в советской символике (включительно портреты Сталина) и транспарантах, например: «СССР, я по тебе скучаю». Одновременно собираются проукраинские граждане (лозунг: «За единую Украину!»). В восточно-украинских больших городах Донецке и Харькове между пророссийскими и проукраинскими демонстрантами часто случаются столкновения. В официальной пропаганде российского

Министерства иностранных дел пророссийские активисты, среди которых находятся сотни въехавших из России «политических туристов», следящих за тем, чтобы пророссийское ослепление не ослабевало, называются «мирными демонстрантами, которые хотят донести до так называемой новой власти (в Киеве) свое мнение» и при этом их атакуют «вооруженные праворадикальные» группы. Российское министерство иностранных дел сообщило, что оно «возмущено беззаконием в восточной Украине», и обвинило «правоэкстремистскую, военизированную» организацию «Правый Сектор» в «заговоре» с новым правительством в Киеве. События (в Донецке и Харькове) показали, что «киевские власти не контролируют ситуацию в стране. К России поступает множество обращений с просьбой защитить мирных граждан, в связи с чем Россия оставляет за собой право взять под защиту соотечественников на Украине».

«Украинский фашизм» – российское пугало

Во всех разговорах со своими коллегами в Европейском Союзе российский министр иностранных дел Лавров повторяет ложное утверждение, что «временное правительство» пришло к власти в результате «вооруженного государственного переворота». В действительности его привели к власти два обстоятельства: революция, народное восстание, а не путч оппозиционных политиков, и помощь «Партии регионов», которая, как «партия режима», до последнего поддерживала президента Януковича. Были депутаты «Партии регионов», которые содействовали «революционному правительству» в достижении подавляющего «конституционного» большинства при голосовании за законодательное «изменение системы».

Чтобы дискредитировать новое украинское правительство на Западе как «фашистское», российская сторона утверждает, что им, якобы, руководят фашисты. Так как достойного упоминания влияния внепарламентских правых на новое правительство – «Правый Сектор» не представлен ни в парламенте, ни в правительстве – в действительности не существует, российская пропаганда выбрала для обстрела в качестве противника представленную в парламенте правую партию «Свобода» (председатель Олег Тягнибок). Ее в общем характеризуют как «ультра»-националистическую, фашистскую и нацистскую, антисемитскую, русофобскую и ксенофобскую – без действительного отношения к содержанию этих обозначений, при чем все эти названия собраны в слове «бандеровец» (в русской пропаганде ошибочно: «бендеровец»), сторонник Степана Бандеры, как квинтэссенция политического осуждения.

Партию «Свобода» представляют в новом правительстве четыре министра: Александр Сыч, один из четырех заместителей премьер-министра; министр обо-

роны адмирал Игорь Тенюх (до 2010 г. главнокомандующий ВМФ Украины)¹¹; министр аграрной политики Игорь Швайка и министр экологии Андрий Мохнык. Для «люстрации» коррумпированных чиновников государственного сектора – и расследования дела снайперов – важная функция Генерального прокурора была возложена на Олега Махницкого, который до своего назначения входил во фракцию партии «Свобода», – на самом деле, сомнительное назначение. Эта должность для более заслуживающих доверия рук беспартийного юриста.

Партия «Свобода», без сомнения, является националистической, отчасти даже этно-националистической партией. Так как этой характеристики для пропаганды не достаточно, ее национализм квалифицируется как «радикальный», «экстремистский», или как «ультра». Игнорируется при этом то, что «национализм» в каждой молодой нации с неукрепленной национальной идентичностью является совершенно иным, чем национализм в «старых» нациях Европы. Украинский национализм был «освободительным движением» – в определенном смысле слова аналогичным немецкому национализму в «домартовский период» (1848). То, что он был не демократичен, как этот, зависит от времени его рождения: в межвоенный период недемократичные, фашиствующие идеологии были привлекательны во всей Европе. Для воинствующего антибольшевизма демократический либерализм был неадекватной идеологией.

Сегодня партия «Свобода» является, может быть, не показательной демократичной, но уверенно не «фашистской» и уж совсем не «нацистской» партией¹². Ни с трибуны на Майдане, ни из рядов партии «Свобода» не было слышно антисемитских тонов. В интервью Немецкой Волне председатель «Объединения еврейских организаций и общин» в Украине Йозеф Зисельс назвал обвинение в том, что движение «Майдан» является якобы фашистским – и тем самым скрыто антисемитским – российской пропагандой. Движение «Майдан» поддерживало много членов еврейской общины.

V. Со-виновность Европейского Союза

Главную вину за конфликт в Украине – и за новое разделение Европы – несет российский президент Путин. Но Европейский Союз является в значительной мере со-виновным.

¹¹ Тенюх подал в отставку через 14 дней из-за резкой критики относительно его пассивности во время российской оккупации Крыма.

¹² См. Andreas Umland: Kyiv's Euromaidan is a Liberationist and not Extremist Mass Action of Civic Disobedience. Collective statement by experts on Ukrainian nationalism on the role of far right groups in Ukraine's protest movement, and a warning about the Russian imperialism-serving effects of some supposedly anti-fascist media reports from Kyiv. <https://www.change.org/en-GB/petitions/to-journalists-commentators-and-analysts-writing-on-the-ukrainian-protest-movement-euromaidan-kyiv-s-euromaidan-is-a-liberationist-and-not-extremist-mass-action-of-civic-disobedience>.

После российско-грузинской пятидневной войны в августе 2008 года Европейский Союз, который на сегодняшний день навсегда поселил Украину по своему «соседству», хотя и неохотно, но принял решение заполнить вакуум между собой и Россией¹³: под заглавием «политической ассоциации и экономической интеграции» было заключено Соглашение об ассоциации с ЕС – без перспективы вступления, сутью которого является создание совместной «глубоко идущей и всеобъемлющей зоны свободной торговли» (DCFTA). Европейский Союз играл в геополитику, не подозревая, что среднесрочная интеграция Украины во внутренний рынок Европейского Союза не является «игрой» для России – не говоря уже о том, что европейская интеграция Украины связана для России также с угрозой того, что НАТО – то есть США – окружит российский Черноморский флот в Севастополе окольным путем через ЕС. В переговорах о Соглашении Брюссель вообще не учитывал российскую реакцию; при этом запланированное определение «исторического» курса для будущего европейского развития Украины блокировало «исторический» проект российского президента Путина: «вос-соединение» Украины с Россией в «Евразийском Союзе»¹⁴. Конфликт между Европейским Союзом и Россией был предсказуем. И Европейский Союз отчасти виноват в том, что не предотвратил его¹⁵.

Это объясняется стратегической близорукостью европейских политиков в Брюсселе – и в Берлине. Россия воспринимает конкуренцию с Европейским Союзом за интеграцию Украины как игру с нулевой суммой. Политики Европейского Союза оспаривают геополитические намерения. Но защитное утверждение, что Европейский Союз не стремится к «зоне влияния» по своему восточному соседству, является просто наивным¹⁶. Даже если ЕС и не хочет этого призна-

¹³ См. Schneider-Deters Winfried. Die Ukraine: Machtvakuum zwischen Russland und der Europäischen Union. Berlin, 2012.

¹⁴ 23 ноября Ангела Меркель сказала: «ЕС должен добиться, чтобы при дальнейшей евроинтеграции бывших советских республик дело не доходило до конфронтации. Цель переговоров с Россией заключается в том, чтобы в будущем избежать противостояния между хорошими отношениями этих стран с Россией и их хорошими отношениями с ЕС» – О, святая простота! Меркель хочет знать, когда Кремль прекратит давление на Украину // Украинская Правда. 23.11.2013. <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2013/11/23/7002820/>. Последнее посещение 9 апреля 2014.

¹⁵ Со-виновность Европейского Союза по отношению к Украине привела к катастрофе в Вильнюсе, кровавому «Майдану» и путинской мести после его победы: Соглашение об ассоциированном членстве в ЕС было составлено в результате многолетних тайных переговоров (несомненно, старательно «разработано»). Но после парафирования его текст ни разу не был опубликован. И лишь под давлением ученых за полгода до «Вильнюса» документ (в тысячу страниц) стал доступным на английском языке в Интернете. Украинскую экономику не информировали о результатах переговоров; ей не предоставили никаких возможностей повлиять на их результаты; прежде всего не было предоставлено возможности ознакомиться с последствиями Соглашения и приспособиться к ним.

¹⁶ Интервью с Александром Квасьневским: Бывший польский президент Александр Квасьневский, который вместе с бывшим председателем Европарламента, ирландцем Пэтом Коксом, по поручению Европейского парламента сначала следил за судебным процессом против Юлии Тимошенко и членов ее правительства, а в 2013 году проводил от имени Европейского Союза переговоры с режимом Януковича об «условиях Брюсселя» для

вать, то нельзя оспаривать то, что «сферу влияния» Европейский Союз создал де-факто благодаря «восточному партнерству» (включая Украину). «Никакие красивые слова ничего изменить не могут», – по праву отметил Лавров¹⁷.

Другая часть вины Европейского Союза предшествует этому упущению во времени. Европейский Союз оставил без внимания все «пан-европейские» инициативы Кремля. Под влиянием Вашингтона европейские сторонники «трансатлантического» вектора внешней политики блокировали московские инициативы относительно организации «общей, целостной безопасности» – а именно, предложение «пан-европейской архитектуры безопасности», предложенный «Договор о европейской безопасности», «процесс Корфу» ОБСЕ и, особенно, Меморандум, подписанный в Мезеберге 5 июня 2010 года российским президентом Медведевым и немецким канцлером Меркель, согласно которому должен был быть создан Комитет Россия-ЕС по вопросам внешней политики и безопасности (КВВПБ Россия-ЕС) на министерском уровне – под руководством Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон и министра иностранных дел России С.В. Лаврова.

Однако из документа, датированного 1999 годом – в то время Владимир Путин был премьер-министром – можно понять, что будущий президент Путин уже тогда имел намерение повести Россию по особенному «евразийскому пути»: «Стратегия развития отношений между Российской Федерацией и Европейским Союзом ...»¹⁸. Приняли ли содержание этого документа к сведению в Брюсселе (и Берлине), неизвестно; письменной реакции не было. Также и в области экономики Европейский Союз свел на нет инициативу российского президента Путина о зоне свободной торговли «от Лиссабона до Владивостока». На уровне ЕС не последовало конкретизации разработанного немецкой стороной «Партнерства для модернизации» Россия-ЕС; политику такого партнерства не продолжило и правительство самой Германии, оно предоставило это частной инициативе отдельных немецких фирм.

Резкая реакция российского президента Путина на отклонение была «понятной»: демонстративный отход от «Европы», т.е. от Европейского Союза, и инициирование *евразийского* проекта с конечной целью – создание «*Евразийского Союза*».

подписания Соглашения об ассоциации с ЕС, напрямую подтвердил эту оценку: «Yes, Brussels was naïve». Puhl Jan, Neef Christian. 'Brussels Was Naïve': Ex Polish Leader on Failed Ukraine Talks // Spiegel Online. 9.12.2013. <http://www.spiegel.de/international/europe/spiegel-interview-with-aleksander-kwasniewski-on-ukraine-talks-a-937964.html>. Последнее посещение 9 апреля 2014.

¹⁷ Пресс-конференция после разговора с Федеральным министром иностранных дел Францом-Вальтером Штайнмайером 14 февраля в Москве // Украинская Правда. 14.2.2014. <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/02/14/7013861/>. Последнее посещение 9 апреля 2014.

¹⁸ Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010) // Дипломатический вестник. 1999. № 11. С. 20. Ханнес Адомайт подробно обсуждает этот Документ в своей последней статье: Adomeit Hannes. Die „Eurasische Union“. Reintegration des postsowjetischen Raumes oder Teil einer „Gemeinschaft von Lissabon bis Wladiwostok“?

VI. Преодоление нового европейского раздела: договорная обще-европейская супраструктура

«Перезагрузка» – после периода конфронтации?

Как долго будет длиться фаза нового противостояния Востока и Запада, предвидеть невозможно. Однако после того, как Украина и Европейский Союз «привыкнут» к «замороженному конфликту» в Крыму, и *при условии*, что президент Путин остановится на полуострове Крым и не вступит в Украину или не присоединит другие части Украины к Российской Федерации, наступит оттепель и после этой новой Холодной Войны – хотя, конечно, не так быстро, как после российско-грузинской войны в августе 2008 года. Однако, судя по всему, Путин Крымом не ограничится.

Преодоление нового европейского раздела – при названных предпосылках – должно стать целью новой восточноевропейской политики. Продолжительная изоляция России несет в себе угрозу безопасности для всей Европы. Односторонний конфликт России с Украиной – повод для того, чтобы вновь задуматься об общеевропейской безопасности и экономическом сообществе – его включении в «архитектуру», которая охватывает все северное полушарие. Как только ситуация придет в норму, Европейский Союз должен договориться с Российской Федерацией об «общеевропейских» супраструктурах.

Для экономических отношений следует стремиться к предложенному президентом Путиным Соглашению о свободной торговле «от Лиссабона до Владивостока» (через Астану с привлечением Евразийского экономического союза (ЕЭС)). Переговоры, которые ведутся в настоящее время между ЕС и США о создании зоны свободной трансатлантической торговли (ЗСТ), таят для России (после ее политической изоляции в связи с конфликтом в Украине) риск тотальной экономической маргинализации, особенно если США станут экспортером нетрадиционного природного газа. Европейский Союз мог бы исполнять обязанности «блюстителя» легитимных российских интересов *vis-à-vis* к этому «экономическому НАТО» и проводить долгосрочное включение России, создавая тем самым зону свободной экономической торговли «от Сан-Франциско через Лиссабон до Владивостока».

Образование совместного пространства свободной торговли ЕС-ЕЭС хотя и смягчит гео-экономический конфликт, но не разрешит гео-политический конфликт между Европейским Союзом и Россией, т.е. не умиротворит твердую решимость президента Путина сделать «Евразийский Союз» также и политическим игроком мирового масштаба. Так как для этой цели ему нужна Украина, Путин не оставит ее в покое до тех пор, пока остается президентом Российской Федерации. Несмотря на это, для общей безопасности необходимо стремиться к созданию Сообщества безопасности Северного полушария «от Ванкувера до Владивостока»,

которое охватывало бы НАТО и Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – своего рода «Пакт безопасности северной гемисферы» («Northern Hemisphere Security Pact»).

Новое начало – после Путина?

Как может быть включена в общеевропейские (т.е. включающие в себя Российскую Федерацию) структуры Украина как часть общего «глубоко идущего и всеобъемлющего пространства свободной торговли» (DCFTA) с ЕС или даже (в долгосрочной перспективе) как член Европейского Союза, является вопросом, решение которого возможно, пожалуй, лишь в эпоху «после Путина». Маловероятно, что президент Путин изменит свой выбранный курс – или смог бы еще изменить, даже если бы и хотел. Но Путин – не Россия, и путинский курс не необратимый, даже если у него за спиной сейчас большая часть населения и «элиты». Демонстрации против президента Путина в Москве и Санкт-Петербурге не могут скрыть факт, что за Путиным стоит преобладающее большинство российского населения. С открытием «крымского фронта» и «аншлюса» к России этой «части русской земли» Путин снова взвинтил свою популярность до 70%.

Но есть Россия и после Путина, которая хочет «вернуться» в Европу. Чтобы это произошло, Европа должна открыться перед этой Россией, «другой Европой», и расстаться со своей односторонней трансатлантической ориентацией. Тогда видение Михаила Горбачева о «нашем общем европейском доме» может стать реальностью.

II. Русские европейцы (2)

Владимир Кантор

Философия В.С. Соловьева как камертон миропонимания С.Л. Франка

Владимир Соловьев был для Франка точкой отсчета русского философствования. Он писал: «Прежде всего, (...) надлежит отметить, что Соловьев есть в истории русской мысли первый – и доселе самый выдающийся – самостоятельный русский философ, первое явление русского философского гения. До него русская мысль, хотя и обнаруживала напряженный интерес к философии, но в смысле оригинального творчества не шла дальше неосуществленных замыслов и незавершенных набросков»¹. Не раз исследователи творчества Франка отмечали, что соловьевская идея всеединства была не просто прочитана Франком, но философски актуализирована им. Скажем, Зеньковский полагал, что именно развитие этой идеи и сделало в конечном счете Франка подлинным выразителем русской мысли: «Литературное дарование Франка делает его анализы и рассуждения прямо мастерскими – так все ясно, надлежаще и удачно сказано у него. Но рядом с этим стоит и нисколько не уступает глубина его философского усмотрения – ум его, синтетический по существу, оплодотворяется той метафизикой всеединства, которую Франк развивает в своих произведениях, – всегда оригинально и глубоко. По силе философского зрения Франка без колебания можно назвать самым выдающимся русским философом вообще, – не только среди близких ему по идеям»².

Как сам Франк говорил, к Николаю Кузанскому, которого считают его крестным отцом, он подошел, уже имея твердый фундамент философского осознания мира, воспринятого им от Соловьева. Учение о Богочеловечестве Соловьева казалось ему объясняющим современность более, нежели это делали и делают западные мыслители.

Известно, что Франк в полемике с Ницше высказал идею об аристократической сущности человека: «Вопреки всем распространенным и в христианских, и в антихристианских кругах представлениям, благая весть возвещала не ничтожество и слабость человека, а его вечное аристократическое достоинство.

¹ Франк С.Л. Духовное наследие Владимира Соловьева // Он же. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 392.

² Зеньковский В.В. История русской философии. Том II. Часть 2. Л., 1991. С. 158.

Это достоинство человека – и при том всякого человека в первооснове его сущности (вследствие чего этот аристократизм и становится основанием – и при том единственным правомерным основанием – "демократии", т.е. всеобщности высшего достоинства человека, прирожденных прав всех людей) – определено его родством с Богом (...) Вся мораль христианства вытекает из этого нового аристократического самосознания человека; она несть, как думал Ницше, (введенный в заблуждение историческим искажением христианской веры), "мораль рабов", "восстание рабов в морали"; она вся целиком опирается, напротив, с одной стороны на аристократический принцип *noblesse oblige*, и, с другой стороны, на напряженное чувство святости человека, как существа, имеющего богочеловеческую основу»³. Но стоит отметить, даже подчеркнуть, что основу этого миропонимания Франк получил от Соловьева, и сам это признавал: «В учении о Богочеловечестве Соловьев первый в истории христианской мысли дает принципиальное, религиозно-догматическое обоснование тому, что можно назвать христианским гуманизмом. Христово откровение есть для него не только новое откровение о Боге, но и *откровение о человеке* – и эти два откровения суть лишь две нераздельные стороны полноты христианской правды. Соловьев указывает, что все права человека имеют своим единственным основанием дарованную верующим во Христа «власть быть чадами Божьими» (Ев. Иоанн. 1, 12). Богочеловечность Иисуса Христа есть источник потенциальной богочеловечности человека. Торжество правды и силы Бога в явлении Богочеловека Иисуса Христа есть зачаток и залог реального преодоления всяческой поработченности и униженности человека. И это есть не просто догмат пассивной веры, а цель вселенской творческой активности человека»⁴.

Сегодня и Соловьев, и Франк признанные на Западе корифеи русской мысли. Так было далеко не всегда. Не говорю уж, что в годы нацизма одним из пунктов доноса на Степуна в 1937 году стояло, что он является председателем общества Владимира Соловьева. Освоение соловьевского наследия всерьез началось после войны с Лудольфа Мюллера (слушавшего в Мюнхене Степуна, считавшего, как и Франк, Соловьева вершиной русской мысли). И все же Соловьев воспринимался Западом менее охотно, нежели славянофильские русские мыслители, в которых (забывая об их немецко-романтическом, шеллингианском истоке) видели специфику русской духовности. Все же Соловьева начали переводить и издавать под патронажем (позволю себе это непривычное в философии слова) профессора Мюллера. С изданием Франка дело обстояло гораздо хуже. Даже немецкие слависты после войны охотнее занимались идейным противником Франка Владимиром Эрном, нежели русским европейцем Франком (об этом можно найти в переписке Степуна). Буббайер называет Франка русским европейцем. Справедливо.

³ Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. УМКА-PRESS. Париж. С. 124-125.

⁴ Франк С.Л. Духовное наследие Владимира Соловьева // Он же. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 395.

Но он был не одинок. Особая стилистика русских европейцев (среди эмигрантов это Степун, Федотов, Франк) заключалась в том, по словам Генриха Штаммлера, что прилагательное по значимости равнялось существительному, определяющее определяемому. Разумеется, русскими европейцами можно назвать Пушкина, Чаадаева, они сами так себя называли. Но не надо забывать, что отрефлектировал это понятие именно Владимир Соловьев. В его «Трех разговорах» один из персонажей (Политик) рассуждает следующим образом: «Что такое *русские* – в грамматическом смысле? Имя прилагательное. Ну, а к какому же существительному это прилагательное относится? (...) Настоящее существительное к прилагательному *русский* есть *европеец*. Мы – *русские европейцы*, как есть европейцы английские, французские, немецкие. (...) Сначала были только греческие, потом римские европейцы, затем явились всякие другие, сначала на западе, потом и на востоке, явились русские европейцы, там за океаном – европейцы американские, теперь должны появиться турецкие, персидские, индийские, японские, даже, может быть, китайские. Европеец это понятие с определенным содержанием и с расширяющимся объемом»⁵. Соловьев далее показывает, что оптимистическая вера Политика в прогресс проблематична, что прежде случится мировая катастрофа, пришествие антихриста, но в апокалиптическую эпоху противостояния антихристу сольются, наконец, три конфессии – католицизм, протестантизм и православие – в единое и могучее христианство. По Соловьеву, быть русским европейцем, не приняв всей глубины христианской религии, невозможно. Чтоб Европа стала неким целым, а Россия законной частью Европы, необходимо единение ее ныне разорванной идеологической основы – христианства.

Именно после произошедшей апокалиптической катастрофы двух революций – большевистской и нацистской – тема надконфессионального христианства звучала в трудах русских мыслителей – русских европейцев. Франк подтверждает собственный христианский универсализм. Он в первую очередь христианин, а уже потом – православный. В 1945 г. он писал сыну Виктору: «При моем обращении в православие мне очень помогло то, что с детских лет, несмотря на еврейское воспитание, я свылся с звоном колоколов, видом церквей, русскими праздниками и т.д., и тем не менее это обращение, теперь могу сказать, по настоящему не удалось. У меня отношение к православию иное, чем, напр., у мамы. После бурного увлечения церковной верой я теперь... нахожу... духовную почву только в сознании, что я "христианин", член вселенской христовой церкви, а... никакого отдельного исповедания; кое-что очень ценное в православии, непонятное европейцам, мне очень близко и дорого, но в принципе я могу только сказать, что я *и православный, и католик, и протестант*, и никто из всего этого в отдельности и замкнутости»⁶. Эти слова особенно интересны, ибо свидетельст-

⁵ Соловьев В.С. Три разговора // Он же. Собр. соч. Второе издание. В 10-ти т. Т. 10. СПб., С. 149-150. Курсив В.С. Соловьева.

⁶ Цит. по: Буббайер Филипп. С.Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа. 1877-1950. М., 2001. С. 221.

вуют о некоторых переменах в религиозных воззрениях Франка. Раньше, по его словам, он был православным, увлеченным церковной верой, но теперь это уже не так. Подобная перемена, возможно, связана с опытом изгнания. Быть эмигрантом, замечал Франк, значит понимать, что нигде в мире у тебя никогда не будет настоящего дома. В любом случае можно сказать, что наиболее уверенно христианский универсализм Франка проявился в 1940-е гг. Надо сказать, что русский национализм практически всегда отрицал христианский пафос Западной Европы. Хотя еще в девятнадцатом веке Достоевский в своих черновых тетрадях писал: «Вы скажете, что на Западе померк образ спасителя. Нет никогда я такой глупости не скажу». И это можно подтвердить многочисленными отсылками к работам западноевропейских духоводителей. Много цитировать не буду, сошлюсь на одного из влиятельнейших. Как писал Карл Ясперс (это точка зрения всей европейской историософии, с которой я согласен): «Для западного сознания ось истории – Христос»⁷. Это прекрасно понимал Франк.

И здесь тоже поддержкой и камертоном его воззрений был Владимир Соловьев. Надо сказать, что в эмиграции проснулся и национализм, в том числе в религиозном обличье. И Франк достаточно трезво оценивал эту ситуацию: «Психологически вполне естественно, что в русской эмиграции тоска по родине, любовь к утраченной родной православной культуре непроизвольно склоняет снова к славянофильскому смешению религиозного чувства с национальным и рискует затемнить и заслонить подлинное, именно сверхнационально-религиозное христианское сознание. Но, с другой стороны, мы живем в эпоху, когда объединение христианского мира, сознание его внутреннего единства перед лицом смертельной опасности от надвигающегося на мир царства антихриста становится вопросом жизни и смерти. Поэтому более, чем когда-либо следовало бы нам осознать спасительную правду принципиальной установки Соловьева. Со времени знаменитой речи Достоевского русский человек претендует быть "всечеловеком". Слишком часто это остается неоправданной пустой претензией. Но Соловьев был подлинным *всечеловеком* – потому что был подлинным христианином»⁸. Именно поэтому он едва ли не единственный выступил в защиту Георгия Федотова после его резкой статьи о соучастии народа в установлении сталинской диктатуры, где видел в деятельности Федотова продолжение соловьевской линии: «Ваша способность и готовность видеть и бесстрашно высказывать горькую правду в интересах духовного отрезвления и нравственного самоисправления есть редчайшая и драгоценнейшая черта Вашей мысли. Вы обрели этим право быть причисленным к очень небольшой группе подлинно честных, нравственно трезвых, независимо мыслящих русских умов, как Чаадаев, Герцен, Вл. Соловьев (я лично сюда присоединяю и Струве), знающих, что единственный путь спасения лежит через любовь к истине, как бы горька она ни была. Роковая судьба та-

⁷ Ясперс Карл. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 82.

⁸ Франк С.Л. Духовное наследие Владимира Соловьева // Он же. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 397.

ких умов – вызывать против себя "возмущение", которое есть не что иное, как обида людей, которым напомнили об их грехах или приятные иллюзии которых разрушены. Такая реакция, конечно, не должна смущать Вас – это есть естественная судьба всех честных искателей правды, и в особенной мере русских, – ибо русские меньше, чем кто-либо, склонны уважать независимую мысль и склоняться перед правдой. Замечательно у русских, как склонность к порицанию порядков на родине всегда сочеталась и доселе сочетается с какой-то мистической национальной самовлюбленностью. Русский национализм отличается от естественных национализмов европейских народов именно тем, что проникнут фальшивой религиозной восторженностью и именно этим особенно гибелен. "Славянофильство" есть в этом смысле органическое и, по-видимому, неизлечимое нравственное заболевание русского духа (особенно усилившееся в эмиграции)... Характерно, что Вл. Соловьев в своей борьбе с этой национальной самовлюбленностью не имел ни одного последователя»⁹. Но последователи, как видим, были, в том числе и Франк.

Однако именно независимость русского европейца очень долго не давала западному самомнению услышать его голос. Хочу отметить, что именно Степун, другой русский европеец и последователь Владимира Соловьева, немало сил потратил на попытку издать Франка по-немецки.

Запад не желает принять Пушкина за то, что он *европеец*, что он с Западом – на равных, что «равным был неравный спор». Легче принять нечто чудесное. Как Россия искала на Западе «страну святых чудес», так точно Запад подобные чудеса нравственной и социальной гармонии, подлинной общинности или чистого христианства (скажем, Гакстгаузен или Рильке) думал найти в России. Пушкин этим упованиям не отвечал. Слишком он был реалист.

Примерно то же самое можно сказать и о Франке. Во всяком случае именно так объяснял Степун вдове философа уже в 1963 г. нежелание печатать его труды: «Должен не без грусти сообщить Вам, что доктор Вильд вернул мне обе книги Семена Людвиговича. Его оценка "Непостижимого" была очень высока, но бюджетные соображения не позволили ему все же принять книгу к изданию: нельзя будет продавать. Она по своей сущности чужда настоящему времени. Она в прошлом и, может быть, в будущем, но не в настоящем. В известном смысле это, быть может, верно. Потому что настоящее время чуждается спокойной, уверенной, долготерпеливой и по своему голосу ровной и тихой истины. Вот Бердяев кричит: утверждает, что Бог открылся миру, но что миром управляет черт. Утверждает, что образ Бога, как хранителя и устроителя мира неприемлемый социоморфизм, ведущий прямо к атеизму. Считает, что творчество в христианстве важнее послушания и даже требует бессмертия для своей кошки и за все это его печатают, потому что он не длительно-значительный, но сейчас остросовременный. Это все, конечно, мои слова, но все-таки, я думаю, что они правильно ин-

⁹ Письмо Франка Федотову. Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Fedotov. Box 1. Frank, Semen Ljudvigovich to Georgij Petrovich Fedotov. Письмо написано от руки.

терпретируют решение Вильда с благодарностью отказаться от печатания книг Семена Людвиговича. Я могу, конечно, посоветоваться еще кое с кем и попытаться обратиться в другое издательство, но начинаю терять оптимизм»¹⁰.

С издателем Вильдом по поводу Франка Степун вел весьма долгие переговоры. В 1952 г. он с грустью в очередной раз констатировал: «Издание "Непостижимого" (des «Unerkennbaren»)»¹¹ было бы для западноевропейской философии довольно значительным и явилось бы истинной заслугой издательства Кёзель. Мне очень жаль, что Вы не смогли решиться на эту публикацию»¹². Тем не менее усилий он не оставлял, поддерживая попытки своих эмигрантских приятелей и коллег напечатать Франка. Так, в 1963 г. он писал Д.И. Чижевскому: «Татьяна Сергеевна была осчастливлена Вашей готовностью издать "Предмет знания". Она все спрашивала меня: окончательно ли это решение. На всякий случай я сказал, что Вами решено окончательно, но что Вы все-таки зависите от людей, с которыми Вы до сих пор не считались, но как знать – не придется ли посчитаться?»¹³.

Однако Запад не видел тогда интереса в работах Франка. Причины этого я отчасти уже назвал. Он казался слишком западным, не экзотичным, а потому не интересным. К этому надо добавить не остывавшее в Германии советофильство. Опыт Советской России привлекал больше, чем ламентации мыслителя, работавшего, как казалось, в западноевропейской парадигме. Генрих Манн, не заметив сталинской тирании, в 1937 году написал, что «При всей своей реальности СССР для чужестранца представляется иногда сказкой»¹⁴. Именно сказки, чудес преобразования ждали от русских. Как вдруг Россия построила социализм, добилась в несколько лет того, о чем мечтал Запад несколько столетий!.. В статье 1930 г. в *Современных записках* Степун писал: «Гораздо хуже и прежде всего для нас, русских, гораздо оскорбительнее та третья форма немецкого советофильства, которую я назвал бы формой советофильства снобистического. (...) Величайшей же и преступной ошибки их отношения к России им не объяснишь; они не понимают, что нельзя со скуки интересоваться казнями, от европейского рационализма лечится подкожными впрыскиваниями русского безумия и, пребывая в атмосфере пока еще дрящегося европейского благополучия, рукоплескать героям-лицедеям мировой трагедии»¹⁵.

Конечно, такой несказочный философ как Франк был Западу неинтересен, даже безумия в нем незаметно, тем более русского варварства. Да к тому же от вар-

¹⁰ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Frank. Box 2. Stepun, Fedor Avgustovich. To Semen Ljudvigovich Frank. a.l.s. 2p.

¹¹ Под таким названием немецкий текст «Непостижимого» не известен.

¹² Universitätsbibliothek Eichstätt. NL. 46. I. S. 57.

¹³ Архив Гейдельбергского университета: Heid. Hs. 3881. 2. Stepun, F. (1946-1958). Репринтное издание этой книги (по первому изданию: Пг., 1915) вышло в Бельгии в 1971 г. с предисловием Д.И. Чижевского.

¹⁴ Манн Г. Велик образ СССР // Он же. В защиту культуры. Сборник статей. М., 1986. С. 84.

¹⁵ Степун Ф.А. Письмо из Германии (Формы немецкого советофильства) // Он же. Сочинения. М., 2000. С. 878.

варства бежал. А в Западной Европе такого быть не может. Поэтому так любопытны взрывы русского неистовства. Степун с яростью писал об этой черте западной культуры: «За китайскими пойдут японские, малайские, негрские и всякие иные, – лишь бы только не европейские пластинки, под экзотический стон, вой и щебет которых обязательно вспыхнет где-нибудь в углу глубокомысленный разговор, в котором доктор философии со ссылками на "христианского гностика" Бердяева будет доказывать, что винить за ужасы религиозного фронта большевиков совершенно невозможно, ибо еще Достоевский пророчествовал о том, что Россия способна во имя одной только дерзновенности расстреливать свои святыни. (...) Надо сказать, что в этих кругах вообще хорошо знают советскую литературу (Леонова, Gladkova, Эренбурга, Федина, Катаева) и поголовно увлекаются русской кинематографией. Эйзенштейн представляется самым настоящим гением и изумительный "Potemkin-film" – явлением вполне достаточным для оправдания стрельбы крейсера "Аврора" по Зимнему дворцу. Вообще левое советское искусство в очень большом почете»¹⁶. За год до смерти 2 мая 1964 г. Степун писал Т.С. Франк, снова настаивая на своем видении ситуации: «Очень грустно, что с изданием "Непостижимого" так ничего и не вышло. Я боюсь, что это связано с современным состоянием западноевропейской или, во всяком случае, с немецкой философией. Даже и духовным людям чуждо спокойствие, тишина, душевный мир и духовная твердь. Ищут парадоксального, взволнованного, отчаивающегося и, во всяком случае, по стилю нового. Чем и объясняется то, что вышли почти все книги Бердяева, но кроме "Трагедии философии" ни одной книги Булгакова. (Только статьи)»¹⁷.

Надо сказать, что Франк плохо знали и на родине. Когда в 1989 г. журнал *Вопросы философии* затеял огромную серию «Из истории отечественной философской мысли», то тексты, вошедшие в том впервые изданного в советские времена Франк были только в моей библиотеке. После невероятного (это слово здесь вполне уместно) усилия проф. Леонида Люкса, проф. Петера Элена и проф. Николауса Лобковица по организации перевода и издания восьми томов сочинений Франк ситуация изменилась. Я немного знаю, как трудно проходило это издание, поскольку готовил один из томов – *Свет во тьме*. Теперь Франк издают, проводят конференции, пишут о нем статьи, даже больше, чем об остальных русских философах. Хотя возникают свои казусы. Франк начинает казаться немецким философом. Я присутствовал в первом десятилетии этого века на одной из немецких конференций по Франку (кажется, в Майнце) и после доклада одного из аспирантов профессора Петера Эллена поинтересовался у докладчика, как может он рассматривать некую проблему вне контекста работ неких русских мыслителей. На что получил простодушный ответ, что эти тексты написаны порусски, а потому он и не счел необходимым их читать, поскольку русского языка

¹⁶ Степун Ф.А. Письмо из Германии (Формы немецкого советофильства) С. 880.

¹⁷ Columbia University Libraries, Bakhtmeteff Archive. Ms Coll Frank. Box 2. Stepun, Fedor Avgustovich. To Semen Ljudvigovich Frank. a.l.s. 2p.

не знает. Оставляю этот случай без комментариев. Хотя уже Владимир Соловьев писал, что развитие русского философского языка есть свершившийся факт, писал (следом за Достоевском) о необходимости западным деятелям, соприкасающимся с Россией, знать русский язык. Хотя можно порадоваться, что хотя бы в переводах русская мысль завоевывает интеллектуальное пространство Европы. Объяснение сему факту двояко. Возможно, это связано с тем, что вместо сказок в русской мысли стали искать реальный анализ мира. Сочли, что Россия вошла в число «взрослых парней». А возможно, стали и тексты Франка читать, как нечто специфически русское, рассказывающее о специфике таинственной «русской души». Если последнее предположение верно, то это весьма грустно.

Франк трагичен, он не ложится в сему благополучного мировосприятия, а потому навсегда останется возмутителем духовного спокойствия, несмотря на свой академизм. И опора на Соловьева здесь показательна. Филипп Буббайер пишет: «Восхищение Франка Соловьевым неудивительно. Удивительно то, что Соловьев, по-видимому, не оказал на него прямого влияния. (...) Франк отрицает, что его мысль вдохновлялась Соловьевым»¹⁸. Об этом он заявляет в конце 1940-х годов. Но прямое влияние не всегда самое глубокое. Глубже то, что порой уходит в подпочву взглядов и даже не осознается как влияние, а осознается как свое. Франк называл философию Соловьева «религией Святого Духа». И Буббайер заключает: «Франк дает понять, что не был формально учеником Соловьева. Тем не менее их взгляды и по метафизическим, и по социальным вопросам разительно схожи, и выражение "религия Святого Духа" в применении к вере Франка в универсальность истины исключительно удачно определяет его собственную христианскую мысль»¹⁹.

И героический трагизм в неприятии мира сего поддерживался в творчестве Франка великим духовным примером – смелостью прямо взглянуть в лицо реальности, отказавшись от прежних упований, которую он находил у Соловьева. Прекрасно понимая отчасти благодушный прогрессизм Соловьева эпохи его теократической утопии, Франк более всего ценил его преобразование в ветхозаветного пророка: «Соловьев был в течение большей части своей жизни типическим человеком XIX века: он не только веровал в неуклонный прогресс человечества – он дал этой вере религиозную санкцию, отождествив прогресс с неодолимым космическим действием вошедшей в мир при Боговоплощении Христовой силы, с верховным метафизическим процессом обожения мира. От этой, вдохновляющей все его существо веры, он под конец жизни был пробужден каким-то наитием, подлинно аналогичным наитию ветхозаветных пророков. (...) В нем рушится и традиционная теократическая идея объединения, и христианизации мира под верховным руководством Церкви, и отождествление победоносной силы Христовой правды с внешним гуманитарным прогрессом. Отказавшись от этих идей,

¹⁸ Буббайер Филипп. С.Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа. 1877-1950. М., 2001. С. 241.

¹⁹ Там же. С. 242.

так долго соблазнявших его мысль, Соловьев отчетливо утверждает отныне в героической, эсхатологически определенной установке первохристианской веры. Христовой правде не суждена внешняя победа над миром, внешний успех в мире. Церковь Христова, подобно ее божественному Основателю, побеждает мир, только будучи гонима силами мира и претерпевая скорби. По самому своему существу, именно как духовная сила, противостоящая "князю мира сего", церковь Христова на земле воплощена в гонимом меньшинстве истинно верующих, в свободной совести которых звучит незаглушимый и неодолимый голос правды Христовой»²⁰.

Как быть в этом мире, обреченном власти князя мира сего? Где найти свет? Этим «светом», пришедшим в земную «тьму» и не загашенным земным мраком, был Иисус Христос. Конечно, многие считают, замечал Франк, что дело Христа постигла неудача, но «дело Христово абсолютно удалось, ибо его удача совсем не измеряется "удачей в мире" – Христос внес в мир вечный свет любви, который светит во тьме, и тьма не объяла его – Христос с самого начала знал, что этот свет не будет "иметь удачи" в мире, будет гоним, и *хотел*, чтобы он был гоним, потому что этот свет и светит только через страдание. (...) И мы должны быть с Ним именно как с вечно гонимым и в *гонении* торжествовать величайшую и абсолютную *победу над всем миром*»²¹. Так он писал неизвестному адресату, дорабатывая свою книгу *Свет во тьме*. В этом состоял пафос его грандиозного трактата.

Свою статью о Соловьеве Франк по сути дела завершает гениальным стихотворением Владимира Соловьева:

В незримой глубине сознания мирового
Источник истины живет не заглушен,
И над руинами позора векового
Глагол ее звучит, как похоронный звон.

Родился в мире свет, и свет отторгнут тьмою,
Но светит он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью внешнею, а правдою самою
Князь века осужден и все его дела.
«Ночь на Рождество»

Эсхатологический настрой Соловьева не исключал его веру в необходимость отстаивать на Земле Свет и Добро. Именно этот пафос и стал определяющим пафосом творчества Семена Франка.

²⁰ Франк С.Л. Духовное наследие Владимира Соловьева. С. 398.

²¹ Франк С.Л. О невозможности философии (Письмо к другу) // Он же. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 91.

Леонид Люкс

Русский государственныйник Петр Струве (1870-1944). К семидесятилетию со дня смерти¹

Эволюционизм или революционизм?

В октябре 1917 г. в России возник первый в новейшей истории тоталитарный режим – утопия пришла к власти, как определили этот процесс русские историки Михаил Геллер и Александр Некрич². За несколько лет до того о возможности такого развития событий предостерегал ряд русских мыслителей, решительно выступавших против катастрофических последствий подобных утопических устремлений. Среди этих мыслителей были авторы изданного в 1909 г. сборника *Вехи*. В группе «Вехи» Петр Бернгардович Струве принадлежал к наиболее политически ангажированным авторам. Как и его единомышленники – Бердяев, Франк или Булгаков, – Струве к началу XX в. избавился сначала от марксистских, а потом постепенно вообще от революционных искушений.

Еще во время русско-японской войны Струве в основном разделял пораженческие взгляды, хотя и не столь радикальные, как у большинства других русских критиков царского режима³. Через несколько лет он превратился в защитника русской государственности и все острее полемизировал с государственным нигилизмом подавляющего большинства представителей русской интеллигенции. Отчуждение интеллигенции – наиболее активной части политического класса России – от собственного государства Струве считал самой большой трагедией страны.

После революции 1905 г., несмотря на «Манифест 17 октября», изменивший основы существующей системы и введший разделение властей, в царской империи произошел поворот к реакции. Струве объяснял этот факт не в последнюю очередь тем, что авторитетные силы страны уклонялись от сотрудничества с реформистски настроенной частью правящей бюрократии.

В начале XX в., вошедшего в историю как век крайностей, революционного насилия и безбрежного тоталитарного террора, Струве провозгласил решительное «нет» насилию как средству политики: «Петр I, Конвент научили нас шагать

¹ Расширенная версия статьи, первоначально опубликованной в сборнике: Петр Бернгардович Струве. М., 2012.

² Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Лондон 1977.

³ Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 37, 41-42, 45-46.

семимильными сапогами, шагать из первого месяца беременности в девятый и ломать без разбора все, что попадется на дороге»⁴.

Струве, который после своего разрыва с «легальным марксизмом» превратился в страстного сторонника либеральной мысли, боролся с любыми проявлениями «революционаризма» и решительно отстаивал путь политической и социальной эволюции. Революционных фанатиков он сравнивал в речах 1906 г. с их противоположностью – поборниками полицейского государства. И те и другие считали насилие и принуждение всеисцеляющим средством⁵. Сторонники эволюции, напротив, не стремились «заставить общество быть счастливым», но пытались воспитать его. Отсюда – возникновение непреодолимой пропасти между революционным и эволюционным мировоззрением. Последнее учитывало сложность общественного развития и предостерегало от простых и быстрых решений. «Революционаризм», напротив, отличала нетерпимость и стремление к немедленному осуществлению социальной утопии. «Революционаризм» являлся для Струве символом социальной утопии; эволюционизм, напротив, олицетворял собой более высокую и зрелую ступень развития общественной мысли.

В русской революции 1905 г. доктринальный утопизм интеллигенции впервые объединился с созревающим на протяжении поколений гневом низших слоев – народным гневом. «В той революции, которую пережили мы, интеллигентская мысль соприкоснулась с народной – впервые в русской истории в таком смысле и в такой форме», – развивает Струве свои мысли в статье, опубликованной в 1909 г. в сборнике *Вехи*⁶.

В XVII–XVIII вв. казачество – самый беспокойный в социальном плане и в то же время опытный в военном деле элемент – было неоспоримым лидером всех народных выступлений, направленных против господ, пишет Струве. После разгрома последнего крупного народного восстания 1773–1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева монархия все же смогла осуществить «огосударствление» казаков, предоставив им широкие социальные привилегии. Тем самым крестьянство в своей борьбе против социального угнетения лишилось руководящей силы. Во время революции 1905 г. интеллигенция заняла это руководящее место, бывшее вакантным с конца XVIII в.: «Прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершалась с ошеломляющей быстротой. В том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации пострадавших народных масс, заключалась не просто политическая ошибка ... Тут была ошибка моральная. В основе тут лежало представление, что "прогресс" общества может быть не плодом совершенствования человека, а ставкой, кото-

⁴ Струве П. Идеи и политика в современной России / Струве П.Б. Избранные сочинения, М. 1999. С. 57, 58.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Петр Струве. Интеллигенция и революция / Струве. Избранные сочинения. С. 171.

рую следует сорвать в исторической игре, апеллируя к народному возбуждению»⁷.

Будучи «русским европейцем» Струве, как правило, анализировал внутривосточное политическое развитие в общеевропейском контексте⁸. Так как русская революция и западный социализм судьбоносно переплелись между собой, Струве, разумеется, никогда не упускал из виду эту взаимозависимость. При описании новейших тенденций развития европейского социализма, как и при анализе внутривосточной ситуации, Струве интересуется соотношением и революционных и эволюционных тенденций, силовое напряжение, возникшее между ними. Факт, что в западном марксизме вследствие спора с ревизионизмом все более усиливались реформистские идеи, Струве рассматривал как знак предстоящего заката социалистического движения: «социализм выветрился или выветривается, как религия. Происходит обмирщение социализма и падает "хилиастическая" вера в его осуществление», – писал Струве в 1907 г. в статье «Facies Hippocratica»⁹.

Исчезновение «хилиастических» ожиданий социалистов вызвало у Струве ассоциации с развитием раннего христианства. Христианство переживало глубокий кризис, по мере ослабления веры в скорый конец этого греховного мира и пришествие «царства Божия на земле». Струве считал, что социализм, в отличие от христианства, не был в состоянии пережить выхолащивание связанных с ним «хилиастических» ожиданий: созидательный потенциал социалистических идей нельзя соизмерять с духовным посланием христианства.

Струве рассматривает вопрос, возможно ли оживить социализм, вернувшись к его романтическим революционным истокам, к чему стремились радикальные силы, находившиеся на краях марксистского движения. Его ответ: однозначно нет. В этой связи он вступает в острый спор с Жоржем Сорелем, чьи «Размышления о насилии» были изданы в 1907 г. Сорель призвал социалистов, ставших миролюбивыми, к последней битве с ненавистным им буржуазным миром. Однако его прославление насилия и войны не смогло предотвратить закат социалистического движения. Напротив, апологетика насилия и войны стала знаком декаданса, близкого конца социализма. «Размышления о насилии», как и другие тексты деятелей возглавляемого Сорелем синдикалистского движения, лишь символизировали агонию социалистической идеи. Поэтому Струве назвал синдикализм «Facies Hippocratica» социализма: «так называли в древности по имени великого врача Гиппократ, нарисовавшего живую картину приближающейся смерти, лицо, на котором лежит уже отпечаток кончины. В произведениях философов синдикализма перед нами "Facies Hippocratica" социализма, основанного на возведении классового начала в абсолют»¹⁰.

⁷ Там же. С. 176.

⁸ См. Колеров М. Петр Струве как мыслитель. Вводные замечания // Петр Бернгардович Струве / Сост. О. Жукова, М. Кантор. М., 2012. С. 95.

⁹ Струве П. Facies Hippocratica. К характеристике кризиса в современном социализме / Струве. Избранные сочинения. С. 63.

¹⁰ Там же. С. 74.

То обстоятельство, что Франция стала центром синдикалистского движения, Струве объяснял экономической и демографической стагнацией этой страны по сравнению с другими, динамично развивающимися странами, такими, как Германия или Великобритания: «Синдикализм возник и "могуществен" там, где рабочие союзы или синдикаты слабосильны»¹¹; «реакционному капитализму [Франции] и малоподвижной буржуазии соответствует [типичный для этой страны] революционный социализм и бунтарский пролетариат»¹². По Струве, в таких высокоразвитых индустриальных странах, как Германия или Великобритания, в рабочем движении, напротив, успешно развиваются эволюционные тенденции.

Прогноз Струве оказался дважды неверным. Основанное на насилии течение внутри марксистского движения, которому Струве еще в 1907 г. выдал свидетельство о смерти, на самом деле коренным образом повлияло на судьбу всего XX в. В центре этого течения, однако, была не «отсталая», по мнению Струве, Франция, а значительно «более отсталая» Россия, в которой промышленный пролетариат составлял лишь незначительную, второстепенную часть общества. В 1908 г. Струве отмечал, что в России кризис социализма проявляется глубже, чем это считалось на западе, так как он тесно связан с кризисом традиционного мировоззрения интеллигенции – уникального явления в Европе. Струве в 1908 г. не мог предвидеть, что радикальное крыло русского социализма, представленное партией большевиков, не поддастся процессам эрозии общеевропейского марксистского движения. Он недооценил способность основателя и «мотора» партии большевиков отмахивать все сомнения, неопределенности и личные конфликты. Другая ложная предпосылка Струве была связана с его недооценкой способности умеренного крыла европейской социал-демократии к переменам. Тот факт, что в начале XX в. идея эволюции становилась все более популярной среди деятелей основанного в 1889 г. II Интернационала, никоим образом не свидетельствовал о закате социал-демократического движения, как это предсказывал Струве. Напротив, не в последнюю очередь потому, что эта часть рабочего движения пошла по пути реформ и примирилась с демократическими идеями, социал-демократические партии стали важной движущей силой европейского обновления и стойкими противниками основанных на насилии и терроре режимов, созданных их бывшими левыми единомышленниками. В заключение я хотел бы указать еще на некоторые парадоксы аргументации Струве. Он видит важную предпосылку предотвращения политической катастрофы в России в замене революционной идеологии эволюционными взглядами. Аналогичное развитие европейской социал-демократии Струве рассматривает как начало ее конца.

¹¹ Там же. С. 77.

¹² Там же.

Призыв Струве к русскому великодержавию

Приверженность Струве русской государственности, но не царскому режиму, который он характеризовал как «реакционный», вызвало возмущение многих представителей интеллигенции, считавших существующий государственный строй, даже после преобразования неограниченного русского самодержавия в думскую монархию, воплощением зла. Негодование этой части интеллигенции еще более усилилось, когда Струве в статье «Великая Россия» (1908 г.) выступил в качестве сторонника русского великодержавия и имперского статуса России. Эта статья была инспирирована знаменитой речью премьер-министра России П.А. Столыпина 10 мая 1907 г., в которой он сказал: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия»¹³. Как и в своих текстах о революции и эволюции, Струве и в этом труде боролся на два фронта – и против радикальных противников русской государственности, и против ее реакционных защитников. И для тех и для других внешняя политика представлялась лишь приложением к политике внутренней. Так, революционные партии считали повышение благосостояния граждан единственно достойной задачей государства. Стремление к внешней мощи лишь отвлекало от этого, по их мнению, важнейшего благородного дела. Но и защитники существующего режима, выступавшие против реформ, также руководствовались внутривнутриполитическими приоритетами и пытались использовать внешнюю политику для отвлечения внимания населения от внутривнутриполитических конфликтов. Характерной в этом плане была авантюрная дальневосточная политика царского правительства, главным образом министра внутренних дел В.К. Плеве. Это «был один из тех людей, которые толкали Россию на войну с Японией, толкали во имя сохранения и упрочения самодержавно-бюрократической системы»¹⁴.

Тезис Струве подтверждался высказыванием бывшего премьер-министра России С.Ю. Витте, который в своих воспоминаниях цитирует следующие слова Плеве: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война»¹⁵. За эту авантюру, говорил Струве, Россия должна была дорого заплатить. Однако после поражения в русско-японской войне сторонники русского авторитаризма проводили полностью противоположную политику. Они теперь вели себя «смирненно» и ненавязчиво и старались избегать любых внешнеполитических рисков. В основе такого поведения была та же мотивация, что и в прежней аван-

¹³ Струве П. Великая Россия / Струве. Избранные сочинения. С. 182; он же. Дневник политика (1925-1935). М.-Париж, 2004. С. 384; см. также Вандалковская М. Россия в творчестве П.Б. Струве / Петр Бернгардович Струве. С. 57-58; Гайденок П. Под знаком меры (либеральный консерватизм П.Б. Струве) / там же. С. 242; Кантор В. Петр Струве: Великая Россия или Идея так и не ставшая реальностью / там же. С. 21, 23-25.

¹⁴ Там же. С. 183.

¹⁵ Граф Сергей Витте, Воспоминания. Царствование Николая II. Берлин, 1922. Т. 1. С. 262.

тюристической политике – поддержание существующего внутривнутриполитического статус-кво, причем любой ценой. Такая малодушная внешняя политика, по Струве, не достойна Великой державы. Каждое великое государство должно стремиться к всеобъемлющей внешней политике, с далеко идущими целями. Только в этом случае государство могло бы побудить общество к самоидентификации с ним. По Струве, для царской империи такой целью могла быть идея современной и сильной России. Струве спрашивает себя, в каком географическом направлении должны развиваться властные устремления обновленной России. Это ни в коем случае не должен быть Дальний Восток, который не играет никакой роли в коллективном сознании русских. Это, скорее, должен быть регион, веками эмоционально связанный с Россией, – такой, как бассейн Черного моря. При этом речь шла не о насильственном завоевании этих территорий, а об их мирном освоении, прежде всего, экономическом и культурном. Струве писал: «Теперь пора признать, что для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область – *весь бассейн Черного моря*, т.е. все европейские и азиатские страны, "выходящие" к Черному морю. Здесь для нашего неоспоримого хозяйственного и экономического господства есть настоящий базис... На этом реальном базисе – и только на нем – неустанною культурною работою, которая во всех направлениях должна быть поддержана государством, может быть создана экономически мощная Великая Россия. Она должна явиться не выдумкой реакционных политиков и честолюбивых адмиралов, а созданием народного труда, свободного и в то же время дисциплинированного»¹⁶. Струве считал ахиллесовой пятой русской государственности то, что государство долгое время было представлено лишь правящей элитой, считавшей государство своей собственностью, и, следовательно, категорически отрицавшей участие общества в принятии политических решений. При этом до революции 1905 г. правящая группировка ощущала поддержку «безмолвствующего» народа. События 1905 г., так же, как и отношение народных масс к выборам в Первую и Вторую Государственную Думу (1906 г., 1907 г.), разрушили этот миф. Наконец-то правительству стало ясно, что оно утратило поддержку не только образованных слоев, но и простого народа, и сидит на вулкане. Все это принуждало его к пассивной и трусливой внешней политике. Но таким путем нельзя было достичь всеобъемлющих национальных внешнеполитических целей. Чтобы покончить с такой ситуацией, Струве призывал к прекращению конфронтации между правительством и оппозиционным ему обществом: «Интеллигенция страны должна пропитаться тем духом государственности, без господства которого в образованном классе не может быть мощного и свободного государства. "Правящие круги" должны понять, что, если из великих потрясений должна выйти Великая Россия, то для этого нужен свободный,

¹⁶ Струве. Великая Россия. С. 186.

творческий подвиг всего народа... Государство и нация должны органически срастись»¹⁷.

Как можно достичь этой цели, Струве показывает на примере Пруссии времен так называемого «конституционного конфликта» начала 1860-х годов. Тогда, как известно, дело дошло до острой конфронтации между либеральным большинством прусского ландтага и консервативным госаппаратом, который во многом лишил правительство его конституционной основы. Этот конфликт напоминал разногласия Первой и Второй Государственной Думы с царским правительством в 1906–1907 гг.

То, что прусский «конституционный конфликт», поставивший страну на грань пропасти, был успешно разрешен, возвращает Струве к мыслям о немецкой национальной идее, которая побуждала обе конфликтующие стороны к совместным действиям, а также к рассуждениям о способности Бисмарка, действуя «сверху», воспользоваться этой идеей: «Величие Бисмарка как государственного деятеля заключалось, между прочим, в том, что он никогда не смешивал государства ни с какими лицами. Власть и народ примирились на осуществлении национальной идеи, и объединенная Германия, утверждающая свою внешнюю мощь, сумела органически сочетать исторические традиции с новыми государственными учреждениями на демократической основе всеобщего избирательного права»¹⁸.

Струве представлял себе возможность подобного решения и для внутрироссийского конфликта. Для этого должна быть найдена общенациональная задача, которая объединила бы обе конфликтующие стороны. Струве ясно, что найти такую общую задачу в многонациональной России значительно сложнее, чем в национально однородной Германии. Поэтому он обращается к руководству государства с призывом изменить существующую национальную политику, чтобы превратить национальные меньшинства, составляющие более половины населения империи, в сторонников идеи сильной и прогрессивной России.

При этом прежде всего требовали решения еврейский и польский вопросы. Русских евреев Струве считал той частью населения, которая вследствие своего предпринимательского духа может быть наиболее ценна для модернизации и экономического усиления России. Но участие евреев в проекте, называемом «Обновление России», имело своей предпосылкой их полную эмансипацию. Аналогичные аргументы выдвигали некоторые просвещенные представители петербургской бюрократии, прежде всего уже упоминавшийся С.Ю. Витте. Однако в своем стремлении прекратить дискриминацию евреев они не могли одолеть антиреформаторские силы внутри правящего истеблишмента.

Струве хотел примирить с русским государством и польское национальное меньшинство. Он считал, что до тех пор, пока продолжалась польско-русская

¹⁷ Там же. С. 198; см. также Колеров. Петр Струве. С. 88; Жукова О. Единство культуры и политически: либерально-консервативный проект П.Б. Струве в созидании России / Струве. С. 113.

¹⁸ Там же. С. 199.

конфронтация, не заслуживала доверия политика солидарности России с западными и южными славянами. Тот факт, что статья Струве подчеркивает важность славянского фактора, является свидетельством поворота в мышлении патриотической части русского общества. Тем самым эта часть русского общества примыкала к традиционному панславянскому течению, которое особенно в 1870-е годы достигло своего апогея. Тогда большинство русских было солидарно с восстанием болгар, жестоко подавленным османами («зверская расправа с болгарами» – Гладстон). Следствием солидарности России стала русско-турецкая война 1877–1878 гг., которую гёттингенский историк Райнхард Виттрам назвал первой и единственной панславянской войной России¹⁹. Тот факт, что вскоре после своего освобождения русской армией болгары отвернулись от России, остудил в России панславистский пыл. Интерес к угнетенным южным и западным славянам сильно уменьшился. Лишь поражение царской империи в русско-японской войне вновь оживило в России идею всеславянской солидарности, причем не только в национально ориентированных правых кругах, но и среди либералов. Доказательства тому – высказывания Струве. В аналогичном смысле высказывались тогда и другие представители либерального спектра русской общественности, в частности, князь Евгений Трубецкой, который призвал своих соотечественников к усилению солидарности со славянскими народами: «Россия надолго ослаблена неудачной внешней войной (с Японией – Л.Л.) и внутренним хаосом; с болью в сердце мы вынуждены признать, что вооруженный конфликт с Австрией и Германией теперь не будет борьбой на равных... Но мы не должны забывать, что кроме военной мощи есть еще и сила культуры, сила идеи, на которые мы можем опереться. Это сила симпатии народов; если мы завоюем долговременные симпатии австрийских славян, война Австрии против нас станет невозможна... Поэтому осуществление культурного единения с западными и южными славянами – одна из наших важнейших национальных задач»²⁰.

Однако вернемся назад к Струве и его высказываниям по польскому вопросу. Струве предостерегает петербургское правительство от повторения ошибки Пруссии, пытавшийся германизировать Польшу, и аналогичного желания – русификации Польши: «Между русскими и поляками на территории Царства Польского никакой культурной или национальной борьбы быть не может: русский элемент в Царстве представлен только чиновниками и войсками»²¹. Так что в своей польской политике у России нет иного выбора, как ее либерализация. Это чрезвычайно подняло бы престиж России во всем славянском мире.

Призыв Струве к просвещенному патриотизму на первый взгляд представлял собой убедительную альтернативу шовинистической антисемитской программе

¹⁹ Wittram R. Das russische Imperium und sein Gestaltwandel // Historische Zeitschrift. 1959. № 187. P. 588.

²⁰ См. Golezewski F., Pickhan G. Russischer Nationalismus. Die russische Idee im 19. und 20. Jahrhundert. Darstellung und Texte. Göttingen 1998. P. 195.

²¹ Струве. Великая Россия. С. 193.

русских правых; он в течение следующих лет во многом повлиял на умонастроения широких кругов русской интеллигенции, сначала настроенных радикально антинационалистически. Не в последнюю очередь поэтому пораженческие настроения в начале Первой мировой войны проявились лишь у маргинальной части политического класса. Подавляющее большинство образованных слоев России в августе 1914 г. было охвачено националистической эйфорией. Также как это было и в Германии, во Франции или Великобритании – оно приветствовало разразившуюся тогда европейскую «пракатастрофу» (Джордж Кеннан). Вопреки своему скепсису по отношению к царскому режиму, большинство образованных в духе Струве русских людей солидаризировалось со своей нацией и восприняло войну против Центральных держав как «отечественную войну». В России, в отличие от других воюющих стран, этот национальный единый фронт, от которого откололись лишь большевики и некоторые другие леворадикальные группы, имел, однако, двойную трещину. Во-первых, здесь нужно упомянуть традиционную глубокую пропасть между «верхами» и «низами» общества. Не европеизированные «низы» переживали эту войну иначе, чем образованный слой – не как «отечественную войну». Пока социальные «низы» России придерживались традиционных мировоззренческих установок, для них олицетворением государства был православный царь. Утрата «низами» веры в царя, наблюдавшаяся в России в начале XX в., неизбежно вела к ослаблению их связей с государством. Современная национальная идея, рассматривающая собственное государство независимо от его религиозной коннотации в качестве венца творения, находилась в России в зачаточном состоянии и была распространена только среди образованных людей. Таким образом, в России народные массы расстались с традиционными представлениями о российском государстве, не найдя связи с новейшей национальной идеей. Они пребывали в неопределенности между двумя эпохами. И именно в этой ситуации после начала Первой мировой войны от них потребовалась максимальная жертвенность. Без широкой идентификации народных масс с целями войны, которые преследовало государственное руководство, без солидарности народа с господствующей государственной идеей такое его использование было невозможно в долгосрочной перспективе. Не удивительно, что царизм проявил себя как самое слабое звено в цепи ведущих войну режимов и первым пал под натиском мировой войны. Несмотря на некоторые серьезные неудачи, положение на фронтах сначала было отнюдь не катастрофическим. Разложение армии началось лишь после свержения царя. Быстрый распад одной из старейших монархий Европы, произошедший после всего лишь трех дней революционной борьбы в ее столице, был, прежде всего, связан с тем, что монархия утратила всякую связь со своим народом – как с «низами», так и с политическими элитами²².

²² Если «низы» выступили против тогдашнего режима, прежде всего потому, что они «больше не понимали свое собственное государство, его политических целей и идей» (Г. Федотов), то национально ориентированная часть политического класса России выступила против царя по

Вторая трещина в рядах национального народного фронта, к которому стремился Струве, проходила не вертикально, как пропасть между «верхами» и «низами», а горизонтально. Она расколола Российскую империю по этническим границам некоторых ее национальных территорий (в этом Россию можно сравнить прежде всего с монархией Габсбургов).

Струве, как уже отмечалось, был либерально настроенным патриотом и выступал за далеко идущие уступки национальным меньшинствам в стране. Однако он никоим образом не собирался ставить под вопрос территориальную целостность российского государства. Так, он считал само собой разумеющейся принадлежность Польского королевства к Российской империи и неоднократно превозносил имперский характер России: «Всякое живое государство всегда было и будет проникнуто империализмом»²³.

Однако после начала Первой мировой войны эта точка зрения стала анахронизмом. Право наций на самоопределение представляло собой своего рода фетиш мировой войны. Так, попытка Габсбургской империи унизить маленький самостоятельный народ – сербов – стала непосредственным поводом к развязыванию мировой войны. Вступление Великобритании в войну, которое превратило европейскую войну по-настоящему в мировую, было также официально мотивировано нарушением независимости другого небольшого народа – бельгийцев. Но и Германская империя пыталась создать впечатление, что она борется за освобождение народов, страдавших под гнетом царизма. Историк Людвиг Дехио указывал на то, что Германия пыталась оправдать «собственные требования безопасности и продвижения на Восток, тем, что она... играет роль оплота Запада против варварства Востока»²⁴. Конечно, Центральным державам, чьи войска оккупировали Бельгию, Сербию, Польшу, Румынию и часть Прибалтики, не так легко было убедить мировую общественность, что они борются за самоопределение народов. Положение стран Антанты было гораздо проще. На европейском континенте они повсюду были в обороне. Казалось, что их лозунг «Война за свободу малых народов» вызывал больше доверия. Впрочем, не только Германия, но и либерально настроенная часть русского общества имела значительные проблемы с интерпретацией права наций на самоопределение. Буквальное осуществление этого права означало отказ от большей части территорий, присоединенных к России с начала Нового времени, отказ от империи.

совсем иным причинам. Она подозревала именно царскую семью в том, что та в недостаточной степени идентифицирует себя с войной.

²³ Петр Струве. Отрывки о государстве / Струве. Избранные сочинения. С. 205; см. также Кантор. Петр Струве. С. 21-22.

²⁴ Dehio L. Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München, 1955. P. 100.

Русская революция как «самоубийство государствообразующей нации»

Сразу после большевистского государственного переворота, разрушившего учрежденную в феврале 1917 г. «первую» русскую демократию, Струве в статье «В чем революция и контрреволюция?» предпринял попытку охарактеризовать события 1917 г. Согласно Струве, так славно начавшаяся революция превратилась в «солдатский бунт, ... в грандиозный и позорный *всероссийский погром*»²⁵. Тревогу Струве по поводу поведения солдат, освобожденных после свержения династии Романовых от оков военной дисциплины, разделяли представители почти всех тогдашних политических групп России, в частности, многие социалисты. Меньшевик Ираклий Церетели, одна из центральных фигур влиятельнейшего учреждения Февральской революции – Петроградского Совета, писал: «Особый характер революции придавала повсеместность солдатских масс, которые своим поведением в феврале 1917 г. обеспечили победу революции. Революционная приверженность этих масс была вызвана не социалистическими идеалами, а их элементарной ненавистью к старому режиму. Хотя недовольство солдат смело старый режим, они не понимали настоящего смысла происходивших процессов. Задачей вождей революции было просвещение этих людей, не имевших элементарного политического образования, объяснение им основ свободного демократического общества. Только таким путем можно было преодолеть огромную опасность, которую представляли для революции эти анархические массы»²⁶.

Наряду с мародерствующими солдатами, Струве называет и других участников всероссийского погрома 1917 г., а именно: крестьянские и пролетарские массы, которые под прикрытием социалистической фразеологии грабили чужое имущество и удовлетворяли свое стремление к наживе. Так что в России, по мнению Струве, после отмены существовавшего экономического строя произошла не победа социализма, а скорее «буржуизация» «низов» общества: «Сейчас "социалистическая" волна погромного характера кажется революцией, но на самом деле революцией является не она, а идущее под ней мощное течение буржуазного стяжания, которое неминуемо вступит с ней в борьбу»²⁷.

Этот тезис Струве свидетельствует о недооценке им динамики социалистической идеи, которая представляла собой важнейшую идеологическую основу тогдашнего революционного процесса. Социалистическую идею народные массы России интерпретировали по-своему, связывая ее с древним русским идеалом о справедливости, основанной, прежде всего, на равенстве. В этой связи Георгий

²⁵ Струве П. В чем революция и контрреволюция? / Струве. Избранные сочинения. С. 253; см. также Бердяев Н. Духовные основы русской революции / он же. Сочинения. Париж, 1990. Т. 4. С. 54, 92, 163-164; Вандалковская. Россия. С. 60-61.

²⁶ Церетели И. Воспоминания о февральской революции. Париж, 1963; Suchanov N. 1917. Tagebuch der russischen Revolution. München, 1967. P. 204-205.

²⁷ Струве. В чем революция и контрреволюция. С. 256.

Федотов говорил, что из всех форм справедливости для русских на первом месте находилось равенство²⁸.

По мнению Струве, в развязывании разрушительных страстей масс в первую очередь были виновны русские элиты (аналогично аргументировали также Семен Франк и Николай Бердяев). Безудержная пропаганда социалистической интеллигенции лишь разжигала погромные настроения среди русских крестьян и рабочих.

Но и господствующие слои были также виновны в катастрофе 1917 г., а именно в том, что они «ради сохранения своих отживших прерогатив» преступно задерживали «культурное и политическое развитие нации... Главным преступлением старой власти является именно то, что она подготовила эту революцию и сделала ее неизбежной»²⁹.

Особенно подробно Струве изучает ответственность русских элит за катастрофу 1917 г. в написанной им в августе 1918 г. статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи», опубликованной в инициированном им сборнике *Из глубины* («*De profundis*»). При этом он далеко уходит в историю. С точки зрения Струве, одной из главных причин русской революции стали события 1730 г., которые прочно запечатлелись в коллективной памяти нации. Тогда именитые представители русской аристократии пытались использовать период междуцарствия, наступившего после смерти молодого царя Петра II, чтобы превратить Россию в конституционную монархию. Однако новая императрица Анна с помощью лейб-гвардии и среднего дворянства, не поддержавших инициативу высокопоставленных представителей правящего сословия, подавила стремление русской знати к свободе. Таким образом, большинство дворян решило не участвовать в процессе принятия политических решений в стране. Этот отказ был компенсирован социальными привилегиями дворянства. Зависимость крестьян от помещиков после 1730 г. стала еще сильнее: «Крепостным правом русская монархия откупалась от политической реформы». Для сохранения социальных привилегий дворянство согласилось со своим политическим бесправием, – продолжает рассуждения Струве. «Русская монархия рушилась в 1917 г. оттого, что она слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства»³⁰. Это внушило самодержавию опасное чувство полной независимости от общества. Тем самым был приведен в действие опасный порочный круг. У дворян, державшихся в стороне от государственных дел, формировались антиправительственные настроения, в особенно разрушительной форме свойственные интеллигенции, которая первоначально была дворянской по происхождению. Эти настроения постепенно передавались крестьянам, подстре-

²⁸ Федотов Г. Народ и власть // Вестник РСХД. 1969. № 94. С. 89; см. также Бердяев. Духовные основы. С. 172-174.

²⁹ Струве. В чем революция и контрреволюция. С. 257; см. также Бердяев. Духовные основы. С. 80, 88, 99, 216; Вандакковская. Россия. С. 295.

³⁰ Петр Струве. Исторический смысл русской революции / Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С. 295.

кая их к радикальным выступлениям против собственного государства. Порочный круг замкнулся. Взаимозависимые пороки русского самодержавия и русского общества вызвали «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (Пушкин), который уничтожил русское государство.

Как *«homo politicus par excellence»*³¹ Струве не согласился с так называемым «приговором истории» – т.е. с победой большевиков и принял участие в борьбе белого движения против красной диктатуры. О внутренней эмиграции, которую выбрали для себя такие созерцательные натуры, как Николай Бердяев и Семен Франк, для Струве не могло быть и речи. Франк, в написанной им позже биографии Струве, писал, что он не разделял оптимизма Струве по поводу перспектив победы белых. Так как белое движение в значительной части состояло из представителей прежних господствующих слоев общества, оно было неприемлемо для русских «низов» с их глубоко укоренившейся «вековой обидой на "бар"». По этой причине белое движение, по мнению Франка, с самого начала было обречено на поражение³². Струве решительно отвергал эту фаталистическую точку зрения. Таким образом, между двумя мыслителями и друзьями возникли разногласия, которые привели к временному отчуждению между ними. В ноябре 1919 г., когда белая армия генерала Деникина после сокрушительного поражения под Орлом начала отступление, Струве выступил в Ростове, одном из последних бастионов белого движения, с речью, в которой пытался дать историческую классификацию эпопеи русской революции и гражданской войны.

Струве отклонял сравнение русской революции с французской: «Французская революция не только провозглашала идеи, но... и осуществила свои идеи... Не то в русской революции. Все, что от нее останется, противоречит идеям, ею провозглашенным... Она провозгласила социализм, но в действительности она есть опытное опровержение социализма... Начав с провозглашения мира,... [она] с неслыханным упорством начала войну, всем ей жертвуя и ради самосохранения все подчиняя социалистическому милитаризму. Обещание немедленного мира превратилось в реальность непрерывной войны. Уничтожение армии привело к превращению всего государства в красную армию»³³.

Так как русская революция, по мнению Струве, не похожа на французскую, он ищет другие исторические параллели и находит их во временах смуты начала XVII в., когда русское государство переживало разложение, аналогичное событиям 1917–1918 гг. В обоих случаях к распаду русской государственности вели как внешне-, так и внутривосточные факторы. К началу XVII в. Польша, а через триста лет – Германия, были заинтересованы в ослаблении российского государства. Обе державы были связаны с антигосударственными элементами в России и оказывали им широкую поддержку. Тому, что Россия в начале XVII в., вопреки предательству элит и разрушительной ярости анархистских масс, смогла удер-

³¹ «Человек преимущественно политический» – лат.

³² Франк. Биография П.Б.Струве. С. 126; см. также Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 748.

³³ Струве П. Размышления о русской революции / Струве. Избранные сочинения. С. 286-287.

жать себя от разложения, страна была обязана своему национальному пробуждению: «Россию спасло... национальное движение средних классов, руководимое идеальными мотивами охраны веры и церкви и спасения государства»³⁴.

Это национально-освободительное движение, центром которого был Нижний Новгород, Струве сравнивает с Добровольческой армией белых, которая была создана на еще не занятых большевиками казачьих землях Кубани и Дона. Добровольческая армия, по мнению Струве, представляет собой ядро национального возрождения России, аналогичное освободительному патриотическому движению 1612 г., которое покончило со смутой: «Единственное спасение для нас – в восстановлении государства через возрождение национального сознания... Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации»³⁵.

Однако пропагандируемая Струве программа национального возрождения в то время была неосуществима. Она уделяла слишком мало внимания духовному состоянию, в котором пребывало подавляющее большинство русского народа. У нее были такие же недостатки, что и призыв Струве 1908 г. к русскому великодержавию. Струве недооценивал масштаб национального нигилизма, охватившего русские «низы», не учитывал отсутствие готовности большей части национальных меньшинств идентифицировать себя с русской национальной идеей. О росте национального нигилизма народных масс России во время революции и гражданской войны можно судить по тому факту, что сотрудничество Ленина с немцами – противниками России в войне, которое было документально доказано Временным правительством, никоим образом не помешало победе большевиков. Другой признак антинационального поведения низших классов – их равнодушная реакция на унижительный для России мирный договор в Брест-Литовске, аналогичный Версальскому миру, позже навязанному западными державами-победительницами Германии.

Струве снова и снова подчеркивает, что русская революция с самого начала приняла антипатриотический, антинациональный и антигосударственный характер, что она «была сочетанием отвлеченных радикальных идей, на которых воспиталась интеллигенция, с анархическими, разрушительными и своекорыстными инстинктами народных масс. Она была пугачевщиной во имя социализма»³⁶. На кого же, учитывая сложившееся положение дел, были рассчитаны обращения Струве к русскому народу; на кого он хотел повлиять? Лишь на уже убежденных представителей национально ориентированной элиты, которая, как уже было сказано, после 1905 г. переживала национальный ренессанс. На широкие народные массы, то есть более чем на 80% населения, они тогда не оказывали никако-

³⁴ Там же. С. 278.

³⁵ Там же. С. 272.

³⁶ Там же. С. 286; см. также письма Петра Струве Елене Кусковой – П.Б. Струве о смысле русской революции – письма Е.Д. Кусковой. Публикация и комментарии Г.П. Струве / Мосты. Сборник статей к 50летию русской революции. Мюнхен, 1967. С. 207-208, 212-214.

го воздействия. Хотя русские крестьяне и рабочие во время Гражданской войны оказывали постоянное сопротивление большевистскому террору, делали они это не ради национальной идеи, а во имя советской или социалистической демократии (как они ее понимали), или же руководствуясь идеей анархизма – «зеленые» партизаны.

Миссия русской эмиграции

После поражения белых армий Струве в эмиграции продолжил свою борьбу против большевистского режима, теперь политическими и публицистическими средствами. Он остро критиковал представителей тех групп эмиграции, которые были готовы смириться с победой большевиков как со свершившимся фактом. Такую фаталистическую позицию он пренебрежительно называл «фактопоклонством»³⁷. Можно войти в соблазн принять «революцию... за кару Божию, – сказал Струве в одной из речей 1922 г. – Так относились к гонениям первохристиане. Но такое приятие революции не может быть даже обсуждаемо с точки зрения политической или вообще земной»³⁸. Струве с возмущением отметал аргумент: нужно примириться с революцией, так как русский народ в основном принял ее. Это уважение воли народа он считал совершенно неприемлемым «поклонением фактам». Никким образом нельзя путать метафизический дух нации, который кристаллизовался в течение многовекового развития, с сиюминутным эмпирическим состоянием нации или большинства населения. «В отношении революции и ее приятия должен быть с полной отчетливостью поставлен вопрос: в чем выразился лучше и полнее дух русского народа, в согласии ли его на похабный Брест-Литовский мир и последующее разложение и расчленение Державы Российской под диктовку своих русских и инородческих коммунистов-интернационалистов или в том, что тот же русский народ своим стихийным напором под водительством исторической власти, в течение веков строил великое государство и на основе государственной мощи созидал великую культуру»³⁹. Большевистская революция является для Струве своего рода отцеубийством, полным разрывом с великим прошлым России, которое лишь одно может быть единственным источником вдохновения и возрождения России.

Это изгнание большевизма из русской истории России, однако, малоубедительно. Струве сам много раз осуждал глубоко укорененное в русском менталитете искушение революцией, многовековые традиции пугачевщины – жестокого

³⁷ См. Струве. Дневник политика. С. 638-639; П.Б. Струве о смысле русской революции; см. также Кантор. Петр Струве. С. 36-37; Гапоненков А. Концепция и дело культуры в жизни и творческом наследии П.Б. Струве/ Струве. С. 226.

³⁸ Струве П. Прошлое, настоящее, будущее / Струве. Избранные сочинения. С. 320.

³⁹ Там же. С. 322.

русского крестьянского бунта⁴⁰. В большевизме символически соединились все эти темные стороны политической культуры России, что придало ему дополнительную разрушительную силу. Поэтому попытки поставить под сомнение глубоко русский характер русской революции не имеют никаких оснований⁴¹.

Позже многие аналитики имели аналогичные проблемы с классификацией национал-социализма в немецкой истории. И здесь была тенденция рассматривать 12 лет господства нацистского террора как своего рода «случайность» или «несчастный случай». Такой взгляд так же не историчен, как и попытка отрицать русский характер большевизма. Оба этих режима были связаны с определенными, пусть даже и искаженными, традициями развития политической культуры своих стран. Они не возникли на пустом месте. Однако вернемся к аргументации Струве. Спорен не только его тезис о нерусском характере большевизма, но и его общий вывод о событиях 1917 г. Струве, по существу, не делает качественных различий между демократической фазой революции (февраль-октябрь 1917 г.) и начавшейся после большевистского государственного переворота тоталитарной фазой: «духовно, морально-культурно и политически, революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый процесс»⁴²; он отмечает «реальный большевистский дух всей революции»⁴³ как народного движения.

Это смешение демократических и тоталитарных аспектов русской революции едва ли оправдано. Февральская революция представляла собой кульминацию начавшейся в декабре 1825 г. борьбы русского общества против государственного патернализма (восстание декабристов). Она завершила начавшийся в 1905 г. процесс превращения России в плюралистическое государственное сообщество, основанное на разделении властей и признании основных прав. Она устранила все сословные привилегии, гарантировала полную религиозную свободу и свободу слова, устранила неравноправие полов и ввела, раньше, чем многие страны Запада, избирательное право для женщин. То, что этот праздник свободы окончился в октябре 1917 г. печально, было связано со многими ошибками и неиспользованными возможностями молодой русской демократии, с беспрецедентным предательством ее врагов-большевиков, с недалекостью германского военного руководства, которое, чтобы прекратить войну на два фронта, поддерживало большевиков – своих «классовых врагов». Но такой конец «первой» русской демократии не был никоим образом предопределен – существовали и иные

⁴⁰ Струве П. Интеллигенция и революция; он же. Идея и политика в современной России / Струве. Избранные сочинения. С. 45-62; он же. Исторический смысл русской революции.

⁴¹ Струве признает «известную народность большевизма», но ограничивается такими второстепенными аспектами, как широко распространенная в России привычка к матерщине: «Большевизм так же непререкаемо народен, как народно похабное сквернословие» (Струве. Избранные сочинения. С. 325). Однако у Струве однозначно преобладает тенденция рассматривать большевизм как силу, чуждую русскому народному организму.

⁴² Струве П. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России / Струве. Избранные сочинения. С. 320; см. также Струве. Дневник политика. С. 242-247.

⁴³ Струве. Прошлое, настоящее, будущее. С. 323.

возможности разрешения тогдашнего кризиса. Но это, однако, совсем другая история.

В этой связи намного важнее тот факт, что большевистская фаза русской революции, в отличие от утверждений Струве, основывалась на качественно противоположных принципах, чем Февральская революция. Самый свободный за всю русскую историю общественный строй, существовавший очень недолго, сменился самым несвободным.

Преувеличенная критика Февральской революции со стороны Струве, разумеется, вызвана полученной им и все еще не излеченной травмой, вызванной неудачей Февраля. Семен Франк в своей биографии Струве сообщает, какие большие надежды первоначально связывал Струве с этой революцией: «Теперь Россия пойдет вперед семимильными шагами», – говорил он тогда⁴⁴. Струве активно участвовал в работе Временного правительства и был одним из ближайших сотрудников министра иностранных дел П.Н. Милюкова. Когда Милюков в конце апреля 1917 г. после своей ноты в поддержку войны («война до победного конца») вынужден был подать в отставку, Струве также ушел со своего поста и с тех пор с беспокойством наблюдал растущий распад демократических структур в стране. Можно предположить, что вынесенный Струве несправедливый и чрезмерный приговор характеру Февральской революции был следствием преувеличенных надежд, которые он в свое время питал в связи с Февралем.

В первые годы эмиграции (после 1920 г.) Струве все еще был убежден в том, что большевистский режим можно устранить с помощью эффективной военной акции.⁴⁵ Он прославлял боевой дух белой армии⁴⁶ и гневно реагировал на показания свидетелей, которые осуждали злоупотребления, чинимые в районах, контролируемых белыми⁴⁷. Для разработки более эффективной стратегии антибольшевистской борьбы Струве пытался политически и идеологически объединить разнородные группы эмиграции. Этой цели служил организованный им в 1926 г. конгресс эмиграции. При этом Струве снова попал под перекрестный огонь. Для представителей левого крыла эмиграции он был слишком консервативен; для правых монархистов, напротив, чересчур либерален. Так что конгресс эмиграции 1926 г. никоим образом не оправдал надежд Струве. Провалу боевой стратегии монархистов и белых группировок, которые в основном солидаризировались со Струве, способствовало также проникновение в эти группировки советских органов госбезопасности, действовавших под прикрытием подпольной организации «Трест» – детища советских спецслужб.

И как публицист Струве в изгнании не смог достичь того успеха, который он имел в дореволюционной России. В 1925 г. он при финансовой поддержке рус-

⁴⁴ Франк. Биография П.Б.Струве. С. 111-112.

⁴⁵ Струве. Дневник политика. С. 51, 63-64, 71, 181-184, 314-315, 363, 369.

⁴⁶ Франк. Биография П.Б. Струве. С. 128-132, 138; Вандалковская. Россия. С. 52; Кара-Мурза А. П.Б. Струве и развитие им концепции личной годности / Струве. С. 158-162.

⁴⁷ Франк. Биография П.Б. Струве. С. 143-144.

ского предпринимателя Гукасова основал газету *Возрождение*. С помощью этой консервативно ориентированной газеты Струве пытался конкурировать с влиятельной эмигрантской газетой Милюкова *Последние новости*, представлявшей леволиберальное направление. Но и эта попытка провалилась. В 1927 г. Гукасов беспричинно отказал в доверии Струве и передал газету другому главному редактору.

Сосредоточенность Струве преимущественно на политической борьбе против большевизма подвергалась острой критике со стороны его прежних единомышленников, таких, как Семен Франк и Николай Бердяев: они хотели, прежде всего, сконцентрироваться на духовном обновлении России. Только таким путем, а не развертыванием армий интервентов, можно было одолеть большевизм. Такое политическое воздержание своих бывших единомышленников Струве считал своего рода «дезертирством»⁴⁸, «фактоприятием», которое «заключает в себе яд духовной лжи и нравственного извращения»⁴⁹. Струве склонялся к отождествлению точки зрения Франка и Бердяева с позицией возникшего в 1920–1921 гг. движения «Смена вех». При этом он упускал из виду, что «сменовеховцы» духовно капитулировали перед большевизмом в благодарность за восстановление советской властью территориальной целостности русского государства, для Франка и Бердяева же духовный компромисс с большевиками был немыслим (после 1945 года Бердяев, однако, изменил эту свою непримиримую позицию по отношению к советской власти).

После провала своих больших политических и публицистических проектов Струве покинул Париж и переселился в Белград, где он с 1928 г. преподавал в университете⁵⁰. В Белграде Струве был в значительной мере отрезан от важнейших центров русской эмиграции, находившихся в Париже, Праге и Берлине, и страдал от фанатизма русской диаспоры в Югославии, которая в основном состояла из представителей правых кругов. Струве здесь постоянно подвергался диффамации в связи с его социалистическим прошлым. Несмотря на неблагоприятную для него ситуацию, Струве продолжал внимательно наблюдать за развитием политической жизни в России и на Западе, которая существенно изменилась к началу 1930-х годов вследствие побед сталинизма и национал-социализма. Сталинский пятилетний план, имевший целью за короткое время превратить Россию из аграрной страны в мощную индустриальную державу, был тогда восторженно встречен некоторыми национально ориентированными кругами русской эмиграции. Один из идеологов возникшего в 1921 г. в эмиграции движения евразийцев В. Пейль писал в 1933 г. о новой эпохе центрального планового хозяйства, которая уже начинается и идет на смену экономическому хаосу⁵¹. Для

⁴⁸ Там же. С. 135.

⁴⁹ Струве П. Познание революции и возрождение духа / Струве. Избранные сочинения. С. 355-356; он же. Дневник политика. С. 638-639.

⁵⁰ Струве Н. Мой дед П.Б. Струве / Струве. С. 15-16.

⁵¹ Пейль В.А. За идеократию и план // Новая эпоха. Нарва, 1933. С. 3-4.

его единомышленника Петра Савицкого пятилетний план означал конец подражания Западу. В России разработана великолепная модель, которая, в свою очередь, находит все больше сторонников на Западе⁵². Если учесть, что пятилетний план был непосредственно связан с коллективизацией сельского хозяйства, унесшей миллионы жизней советских крестьян и превратившей их в крепостных государства, эти полные эйфории высказывания кажутся особенно странными.

В отличие от них, Струве не питал иллюзий относительно характера сталинской модернизации. В январе 1931 г. Струве писал, что она разрушила все экономические достижения России со времен петровских реформ и реставрировала деспотическую, зависимую от государства экономическую систему Московской Руси. Как и в допетровские времена, Россия отрезана от внешнего мира и застыла в своем развитии. Экономически плановое хозяйство, основанное на беспримерной эксплуатации населения, в итоге потерпит крах, – предрекал Струве⁵³. В другой статье, изданной в декабре 1929 г., Струве предсказывал новую волну террора в СССР, новую фазу кровавого безумия по образцу опричнины Ивана Грозного⁵⁴. Как известно, это предсказание в скорости сбылось.

Реакция Петра Струве на приход нацистов к власти

Первая реакция Струве на возникновение нацистского режима была менее проникательной, чем его реакция на сталинскую «революцию сверху». Так как борьба против коммунизма была для Струве абсолютным приоритетом, он сначала впал в искушение оценивать антикоммунистический нацистский режим не во всем отрицательно⁵⁵. Струве критиковал, правда, гитлеровский антисемитизм⁵⁶, но в то же время он предостерегал от оценки нацизма лишь с точки зрения его антиеврейской направленности. Это, по мнению Струве, также неверно, как отклонять марксизм из-за того, что он разжигает антиславянские предрассудки. Эту параллель американский историк Ричард Пайпс в написанной им биографии Струве комментирует следующим образом: «Этот аргумент игнорирует тот факт, что расизм нацистов был не личным пристрастием их лидера, а стержнем их идеологии, и что, кроме того, в отличие от Маркса, Гитлер имел в своем

⁵² Савицкий П. Очередные вопросы экономики Евразии // Новая эпоха. С. 11-12.

⁵³ Струве П.Б. О судьбах России // Новый журнал. 1983. № 151. С. 163; Pipes R. Petr Struve. Liberal on the Right 1905-1944. Cambridge Mass. 1980. P. 405-408.

⁵⁴ Pipes. Struve. P. 409.

⁵⁵ См. Струве. Дневник политика. С. 737, 743, 747-748, 759-760, 798. Позитивно, по аналогичным причинам, Струве оценивал в 1920-е годы итальянский фашизм. В этом он не был одинок. Многие политики и аналитики, даже из лагеря либералов, считали тогда Муссолини крупным государственным деятелем, который положил конец политическому хаосу в Италии. См. Pipes. Struve. P. 413.

⁵⁶ Струве. Дневник политика. С. 759-760, 798.

распоряжении неограниченные средства для выполнения своей антисемитской программы»⁵⁷.

Когда до Струве дошли сведения о политических убийствах и открытии концлагеря Дахау, он заговорил, правда, о разразившемся в Германии «массовом безумии» (июнь 1933 г.)⁵⁸. Однако в середине 1934 г. Струве считал заслугой Гитлера спасение Германии от гражданской войны⁵⁹. Пайпс, учитывая двойственное отношение Струве к нацизму, безусловно, прав, когда ставит под сомнение тезис Франка о том, что Струве уже в начале 1930-х годов в полной мере оценил нацистскую угрозу. Франк в своей биографии Струве отмечает, что: «[Струве] уже тогда ... остро сознавал опасность [национал-социализма], именно как разрушительного революционного движения ... Восстал новый враг, быть может, еще более грозный и опасный чем большевизм (хотя в своем существе ему родственный)»⁶⁰. К этому представленному Франком пониманию Струве окончательно пришел, однако, как подчеркивает Пайпс, лишь во время Мюнхенского сговора в сентябре 1938 г., когда Струве осознал масштабы готовности Запада к капитуляции перед Гитлером. Теперь Струве побуждал политиков к решительным действиям против правозэкстремистской диктатуры и в марте 1939 г. написал предостерегающее послание, адресованное одному из важнейших представителей внешней политики Великобритании Самуэлю Хору, которого знал с прежних времен. Ричард Пайпс так суммировал аргументы Струве: «1. Современная демократия столкнулась с сочетанием индивидуального безумия (психопатической личностью Гитлера) и "массового психоза" "великой культурной нации", которая попала под его влияние... 3. Никакие дальнейшие уступки невозможны: Мюнхен помог усилить внутреннюю власть диктаторов, и, как следствие, уменьшил вероятность вбить клин между диктаторами и их народами... 5. Западные демократии должны создать единый фронт против антидемократических "социалистических" государств: они не должны вступать в союз со Сталиным против Гитлера, потому, что Сталин просто ждет своего часа, чтобы претендовать на место Гитлера». Хор на это письмо, в котором Струве прозорливо предсказал сближение Гитлера со Сталиным, не отреагировал⁶¹.

Так как Струве уже с 1938 г. считал новую европейскую войну неизбежной, ее начало не стало для него неожиданностью. Вскоре после гитлеровского нападения на Польшу Струве писал Франку: «Если я оказался прав в моем предвидении событий, то потому, что я с самого начала понял, что со стороны немцев это не есть политика, а чистое безумие, индивидуальное и коллективное... Исцеление

⁵⁷ Pipes. Struve. P. 417.

⁵⁸ Струве. Дневник политика. С. 772.

⁵⁹ Pipes. Struve. P. 418.

⁶⁰ Франк. Биография П.Б.Струве. С. 162, 217-218.

⁶¹ Pipes. Struve. P. 432-433.

от безумия – дело нелегкое: оно будет стоить многих человеческих жизней и разбитых существований»⁶².

Критическое отношение Струве к нацистскому режиму, а также марксистское прошлое Струве привели к его аресту гестапо, после того как нацисты в апреле 1941 г. заняли Белград. И после своего освобождения из заключения Струве остался ярким противником нацистского режима, называя его воплощением ада. Струве порвал все отношения с теми представителями русской эмиграции, которые были готовы идти на сотрудничество с нацистами. Когда Германия напала на СССР, Струве, урожденный немец и в то же время русский патриот, не сомневался в том, на чьей стороне он должен быть в этом мировом противоборстве: Струве, – писал Франк, «с момента нападения [Гитлера] на Россию без колебания, без малейшего духовного и умственного смущения, сознал себя духовным участником великой отечественной войны, которую Россия, хотя и возглавляемая ненавистными ему большевиками, вынуждена [была] вести против своего грозного врага»⁶³. В то же время Струве, не доживший до конца войны, предсказывал «необходимость новой борьбы с большевизмом, после разгрома Германии»⁶⁴.

Струве умер 26 февраля 1944 г. в Париже, вдали от Родины. Однако духовно он никогда не покидал ее: почти все его мысли были о России⁶⁵. Его жизнь стала воплощением слов поэтессы Зинаиды Гиппиус о сущности русской эмиграции: «Мы не в изгнании, мы в послании».

Струве в 1922 г. сказал о миссии русской эмиграции такие слова: «Одна из особенностей происшедшей в России политической и социальной революции заключается в том, что она духовную жизнь в самой стране свела почти до минимума... жизнь эта сейчас в значительной мере переместилась за границу»⁶⁶. В истории европейских стран ни один «исход» не играл столь важной роли, как в России после 1917 г. «Значение русской "эмиграции" сейчас почти исключительно духовное и, как таковое, оно скажется в России в будущем, когда политическая борьба в современных ее формах отодвинется на задний план»⁶⁷.

В этом своем предсказании Струве не ошибся.

Авторизованный перевод с немецкого Б.Л. Хавкина

⁶² Франк. Биография П.Б.Струве. С. 171; см. также: П.Б.Струве о судьбах России. С. 167; П.Б. Струве о русской революции. С. 213-214; Струве. Мой дед П.Б. Струве. С. 16-17.

⁶³ Франк. Биография П.Б.Струве. С. 218; см. также Гапоненков. Концепция. С. 230. Точки зрения Струве придерживались во время войны и другие ведущие представители «белого движения», в том числе и генерал Деникин.

⁶⁴ Франк. Биография П.Б. Струве. С. 218.

⁶⁵ См. Булгаков С. Слово при погребении П.Б. Струве/ он же. Слова. Поучения. Беседы. Париж, 1987. С. 525; Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Лондон, 1991. С. 155.

⁶⁶ Струве П. Россия / Струве. Избранные сочинения. С. 334; см. на эту тему также: Степун. Сочинения. С. 434-442, 508, 943; Федотов Г. Зачем мы здесь / он же. Тяжба о России (статьи 1933-1936 гг.). Париж, 1982. С.199-218; Современные записки (1920-1940). Из архива редакции. М., 2012. Т. 1. С. 679.

⁶⁷ Струве. Россия. С. 334-335.

III. Постсоветское пространство

Доннака О Бахойн / Абель Полесе

«Rocking the Vote»: Новые формы организации молодежи в посткоммунистическом пространстве¹

Введение

В последние годы распространение цветных революций трансформировало геополитические надстройки постсоциалистического мира. Начиная с 1998 года с акции «Rock The Vote» в Словакии (хотя некоторые утверждают, что подобная стратегия уже была использована ранее в Сербии, Румынии и Болгарии в 1996/1997)², молодые люди были все более и более задействованы в политике как в качестве избирателей, так и в качестве политических деятелей из лагеря сопротивления недемократическим политическим элитам. Начиная с 2000 года, с «Бульдозерной революции» в Сербии, международное внимание в большей степени было сосредоточено на молодежных движениях как на предвестниках политических и социальных изменений. Как следствие, молодежные движения, в особенности те, которые пытались (законно или нет) себя позиционировать как «студенческие движения», стали предметом многочисленных дискуссий, также как и их роль во внутренней и внешней политике.

Следуя модели Отпора («Сопротивление»), ведущего сербского движения, которое байкотировало Милошевича, появился ряд организаций, которые использовали подобные стратегии и философию, и часто пользовались значительной международной поддержкой. Грузинская Кмара («Достаточно») и украинская ПОРА являются самыми известными организациями, созданными по модели Отпора и также обученные активистами Отпора. Другие движения, как Зубр в Беларуси или Йох («Нет») в Азербайджане, начали свою работу в тот же период, а некоторые из них остались активными и после сомнительных политических выборов, которые и побудили к их формированию. Действительно, в период между 1998 и

¹ Более ранняя версия этой статьи была опубликована на английском языке как: Ó Beacháin D., Polese, A. 'Rocking the Vote': New Forms of Youth Organization in Post-Communist Spaces // *Journal of Youth Studies*. 2010. Vol. 10(2). P. 1-16. Дальнейшие исследования для этой статьи были реализованы благодаря гранту Marie Curie IRSES (№ 295232) и гранту ERMOS (№ 081).

² Bunce V., Wolchik S. Youth and Electoral Revolutions in Slovakia, Serbia, and Georgia // *SAIS Review*. 2006. Vol. 26(2). P. 55-65; Bunce V., Wolchik S. Transnational Networks, Diffusion Dynamics, and the Electoral Revolutions in the Postcommunist World // *Physica A*. 2007. Vol. 378(1). P. 92-99.

2006 состоялись попытки цветных или избирательных революций³ в большинстве недемократических стран бывшего Коммунистического блока⁴, и роль молодежных организаций была характерной особенностью этих попыток. Регулярность, с которой эти молодежные движения появлялись, в сочетании с их непропорциональным влиянием, предполагает рождение значительного транснационального явления во всем посткоммунистическом пространстве.

Учитывая их стремительный взлет и внезапное распространение по всему огромному постсоциалистическому пространству, а возможно и за его пределами (например, в таких странах, как Непал в 2006 году, в 2007 году Мьянма и Иран в 2009 году), эти молодежные движения часто воспринимались как инструменты Запада, с помощью которых он вмешивался во внутреннюю политику через весьма невинный фрагмент общества. Действительно, сами активисты высказывались о следующем: «мы использовали студентов, потому что люди воспринимают их в позитивном и ясном виде и потому что мы хотели избежать обвинений в терроризме»⁵. Также утверждают, что Запад стремился использовать эти движения, чтобы влиять на политику, передавая значительные финансовые средства якобы для содействия демократизации. Стоит отметить, однако, что молодежные движения не только появились в странах, переживших «успешные» цветные революции, но и в тех, где попытки революции не увенчались успехом (см. таблицу ниже).

Таблица 1: Молодёжные движения в странах бывшего СССР

	Главная НПО	Год основания	Результаты	Политическая принадлежность
Азербайджан	Йох, Маграм	2005	Провал	Антиправительственная
Белоруссия	Зубр	2001	Провал	Антиправительственная
Грузия	Кмара	2003	Смена режима	Антиправительственная
Казахстан	Жас-Отан	2008	Поддержка правительства	Проправительственная
Кыргызстан	Кель-Кель	2005	Смена режима	Антиправительственная
Россия	Наши	2005	Поддержка правительства	Проправительственная

³ Термин «цветные революции» связан с тем, что оппозиционные движения и простые люди принимали тот или иной цвет, чтобы символизировать их антиправительственные взгляды и акции. Некоторые ученые, как Банс и Волчик (2006, 2007), предпочитают выражение «избирательные революции», так как именно выборы подтолкнули к акциям протеста.

⁴ Isaacs R., Kazakhstan. In *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures* / Ed. D. Ó Beacháin, A. Polese. L., 2010. Polese A. Russia, the US and 101 Things to do to Win a Colour Revolution // *Debatte: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. 2011. Vol. 19(1-2). P. 421-451

⁵ Каськів В. Аналіз приклада громадянської кампанії ПОРА та Помаранчевої революції в Україні // www.pora.org.ua. 2005. (веб-страница более недоступна, последнее обращение 26 июня 2007 г.).

Сербия	Отпор	1998	Смена режима	Антиправительственная
Словакия	ОК'98	1998	Смена режима	Нейтральная
Украина	ПОРА	2004	Смена режима	Антиправительственная
Узбекистан	Камалот	1990-е	Поддержка правительства	Проправительственная

Интересная эволюция состояла в том, что некоторые из молодежных организаций не всегда имели поддержку или были координированы политической оппозицией. Например, в последнее время мы стали свидетелями создания проправительственных молодежных общественных организаций, таких как «Наши» и «Дети Путина в России»⁶. Как справедливо отметил Эрик МакГлинчи: «так же, как реформисты видят в молодежи энергичного и символически мощного союзника в борьбе против умирающей диктатуры, тоже самое происходит и у диктаторов, которые видят в молодежи возможность оживить тупиковый авторитаризм»⁷. Таким образом, постсоветские молодежные движения появились в самых разных условиях и местах. Можно найти не только молодежные движения, которые делали вызов правительственным силам, но можно увидеть и то, как их методы были использованы против новых политических элит, например, в случае с Грузией в 2007-09, где молодежные движения выступили против оппозиции, поддерживая сторону правительства⁸. Это может означать, что, независимо от того, почему они были созданы – для «борьбы за демократию» или для поддержки режима – молодежные движения способствовали участию населения во внутренней политике страны.

При наблюдении за распространением таких движений в бывших социалистических странах возникает вопрос: каким образом молодежные движения сумели появиться так быстро и сразу же заявить о себе в качестве ведущей силы в политике? В этой статье мы намереваемся исследовать эволюцию таких тенденций через ряд тематических исследований, чтобы предположить, что преобразование социального капитала – то, что Фукуяма описывает как основу развития гражданского общества – выходит за рамки своего политического значения и свидетельствует о более широком социальном явлении. При их организации в формальные движения, молодые люди постсоциалистических стран продемонстри-

⁶ Ambrosio T. *Authoritarian Backlash: Russian Resistance to Democratization in the Former Soviet Union*. L., 2008. Ashgate. Finkel E. *The View From the East: Russian Political Responses to Orange Revolution*. Статья, представленная на 12-ой Ежегодной всемирной конвенции Ассоциации изучения наций (ASN), Нью-Йорк, 10-12 Апреля 2007 г.

⁷ McGlinchey E. *Searching for Kamalot: Political Patronage and Youth Politics in Uzbekistan* // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61(7). P. 1137-1150. P. 1139.

⁸ Протесты против администрации президента Саакашвили в ноябре 2007 г. вызвали чрезвычайное положение и насильственный разгон демонстрантов, а также закрытие телевизионной станции Имени, которая унаследовала роль Рустави-2 в качестве основного канала для вещания оппозиционных настроений. Протесты также совпали и далее продолжились вместе с досрочными президентскими и парламентскими выборами в январе и мае 2008 года.

ровали тенденцию порождения гражданской культуры, основанной на политических интересах, гражданских действиях и желании участвовать в политической жизни.

В этом отношении статья предполагает, что появление молодежных движений является ответом на радикальный сдвиг в бывших социалистических странах. Опираясь на гипотезу Тэрроу о том, что спорная политика была инициирована изменениями в политических перспективах⁹, мы задались целью узнать, какие изменения произошли в политических перспективах и почему это было настолько влиятельным в этих странах. Исследуя эволюцию молодежных движений в рамках условий цветных революций, мы также намерены частично истолковать связи, которые соединяют эти движения, почему этот вид активности принял транснациональную форму, и то, каким образом стратегия ненасильственного или мирного протеста переместилась в пространстве для создания широко распространенного явления, которое затронуло ряд стран на социальном и политическом уровнях.

Наконец, благодаря изучению этих вопросов мы хотим оспорить распространенную критику, что эти молодежные движения были созданы в кратчайшие сроки для поддержки политической оппозиции. В этом отношении мы предположим, что ряд ассоциативных движений существовал даже тогда, когда эти движения не были еще официально зарегистрированы, непосредственно до цветных революций, и что именно цветные революции привели к формализации этих групп и сделали их достоянием широкой международной аудитории. Это правда, что внешняя финансовая поддержка и ноу-хау помогли активистам систематизировать знания, сосредоточиться на важных моментах, сформировать цели и лучше управлять человеческими ресурсами, но это стало возможным потому, что они могли опереться на уже существующие идеи и структуры.

Эта статья основана на материале, собранном в нескольких направлениях. Оба автора провели длительное время в бывшем СССР и, в частности, в Грузии и Украине, где они работали с финансируемым Соросом Проектом Гражданского Образования и в местных университетах, что позволило им получить представление о том, какими путями было обеспечено западное финансирование. Один из авторов (Полесе) с 1998 года работал в сфере укрепления потенциала неправительственных организаций стран Восточной Европы и за это время у него была возможность встретиться с многочисленными лидерами молодежи. Эти встречи были дополнены формальными интервью с лидерами протестных движений и активистами, а также неформальными беседами как с представителями общественности, так и с представителями гражданского общества во время и после цветных революций.

Следующий раздел будет говорить о цели этой статьи в рамках дискуссии о гражданском обществе и социальном капитале в бывшем социалистическом ми-

⁹ Tarrow S. *Power in Movement*. Cambridge, 1998; idem. *The New Transnational Activism*. Cambridge, 2005.

ре. Затем мы рассмотрим тему политических перспектив, а в последующих разделах мы представим тематические исследования с объяснением отношений между политическими событиями и появлением молодежных движений.

Почему гражданское общество является «слабым» в постсоциалистическом пространстве?

До распространения цветных революций огромное количество литературы указывало на «слабость» или, в лучшем случае, на «бездействие» гражданского общества в бывших социалистических странах¹⁰. На наш взгляд, замеченный низкий уровень активности был связан с многогранным характером самого гражданского общества, в частности, с отсутствием единой формулировки, а также трудностью измерения эффектов, оказываемых гражданским обществом. В рамках гражданского общества данная статья фокусируется на молодежных движениях, которым может быть дано определение как «организованные и сознательные попытки со стороны молодых людей, с целью инициировать или же, наоборот, сопротивляться изменениям в общественном строе»¹¹. Также как в случае с гражданским обществом и тенденцией классификации советских, а затем и постсоветских обществ через двоичные категории, как «активные» и «неактивные», эти трудные для измерения молодежные движения, возможно, ввели в заблуждение некоторых ученых, которые не придавали должного значения этим движениям пока те не стали настолько очевидны, что дальше уже было невозможно их игнорировать.

Учитывая восприятие постсоциалистических обществ как «негражданских», не удивительно, что внезапное пробуждение про-демократических движений и гражданского общества, а также быстрое распространение радикальных и молодежных организаций в чрезвычайно широком и разнообразном географическом контексте было неожиданным и побудило некоторых воспринимать эти движения как организации, которые занимались только пропагандой, надиктованной им западными спонсорами. Непонимание природы социального капитала в бывшем социалистическом пространстве основано на предположении, что социальный капитал тесно связан и является необходимым условием для развития гражданского общества. Именно это подтолкнуло некоторых ученых минимизировать роль (и эффекты) социальной и гражданской силы во время цветных револю-

¹⁰ Smolar A. *Civil Society After Communism* // *Journal of Democracy*. 1996. Vol.7(1). P. 24-38. Mandel D. *Labour After Communism*. Montreal, 2004. Black Rose Books. Mishler, W. and Rose, R. *Trust, Distrust and Skepticism: Popular Evaluations of Civil and Political Institutions in Post-Communist Societies* // *Journal of Politics*. 1997. Vol. 59. P. 418-451. Mondak J., Gearing A. *Civic Engagement in a Post-Communist State* // *Political Psychology*. 1998. Vol. 19. P. 615-637.

¹¹ Braungart R., Braungart M. *Youth Movements in the 1980s: A Global Perspective* // *International Sociology*. 1990. Vol. 5 (June). P. 157-181.

ций¹², а также рассматривать их как менее важный, чем политическая элита, элемент¹³.

То, что низкий уровень социального капитала не может оправдать такую мобилизацию масс, возможно, является слишком строгим и преждевременным суждением. Прежде всего, оно не принимает во внимание различные социологические значения концепции социального капитала, находясь в слишком большой зависимости от его макроконструктивных размеров¹⁴ за счет более микро-структурированного чтения по Бордьё¹⁵. Во-вторых, что еще более важно, оно предполагает, что есть только один способ измерения социального капитала. Слабость гражданского общества в Восточной Европе и явно низкий уровень социального капитала, которые измерялись несколькими авторами¹⁶, могут быть связаны с инструментами и методологией, используемыми для их измерения. Например, некоторые авторы предполагают, что явно низкий уровень организации гражданского общества может быть связан с предпочтением ассоциации в структуры на семейной основе, а не ассоциации западного типа¹⁷.

Опираясь на эту интерпретацию, сталкиваясь с очевидной неразвитостью социального капитала в Восточной Европе, Пихлер и Уоллес¹⁸ предположили, что социальный капитал также может быть неформальным, то есть официально невидимым, но все равно активным. Это может означать, что социальный капитал в Восточной Европе не был столь низким, как это показывают результаты измерений. Неформальные группы в Восточной Европе не всегда официально регистрируются и скептицизм в отношении ассоциаций и добровольный (молодежной) работы «... можно рассматривать как естественную реакцию на годы принудительного участия и мобилизации»¹⁹. Исходя из этого соображения, существует предположение, что социальный капитал не возник в Восточной Европе как *ex novo*, а уже существуя ранее был формализован благодаря представившимся благоприятными политическими условиями. Наблюдая за формированием гражданского общества в Украине, кажется, что неформальные группы были активны задолго до Оранжевой революции, и, хотя ПОРА, основная организация протестно-

¹² Hale H. Democracy of Autocracy on the March? The Colour Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. Vol. 39(3). P. 305-329.

¹³ D'Anieri P. Explaining the Success and Failure of Post-Communist Revolutions // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. Vol. 39(3). P. 331-350.

¹⁴ Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. January 1995. Vol. 6(1). P. 65-78; idem. The Strange Disappearance of Civic America // *American Prospect*. 1996. Vol. 7(24). <http://www.prospect.org/cs/articles?articleId=4972>. Последнее обращение 11 июня 2010 г.; idem. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, 1993.

¹⁵ Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1-24

¹⁶ Pichler F., Wallace C. Patterns of Formal and Informal Social Capital in Europe // *European Sociological Review*. 2007. Vol. 23(4). P. 423-435. Van Oosschot W., Arts W., Gelissen Tilburg J. Social Capital in Europe Measurement and Social and Regional Distribution of a Multifaceted Phenomenon // *Acta Sociologica*. 2006. Vol. 49(2). P. 149-167.

¹⁷ Howard M. M. *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*. Cambridge, 2002.

¹⁸ Pichler, Wallace. Patterns of Formal and Informal Social Capital in Europe. P. 423-435.

¹⁹ Smolar. *Civil Society After Communism*. P. 33.

го движения, официально начала свою деятельность в марте 2004 года, ее руководители были активны в течение многих лет (некоторые даже начали с уличных протестов в 1990 году) в организациях с другими именами или просто в неофициальных сообществах²⁰. Если признать, что социальный капитал может использоваться, чтобы повысить политическую активность движений, можно предположить, что гражданское общество было активным до цветных революций, но уровень его активности был низким в связи с низким уровнем политических возможностей. Отчасти это видно из некоторых исследований гражданского общества и молодежных движений в рамках цветных революций²¹ и из исследований непосредственно самих цветных революций²². В этой статье мы намерены исследовать эту гипотезу более детально, а также объяснить суть политических возможностей, которые позволили социальному капиталу стать более значимым и содействовали участию гражданского общества, в частности, молодежных движений в политике.

Таким образом ограниченные политические возможности могут считаться причиной, по которой в большинстве случаев организации предпочитали оставаться работать «в тени». При коммунизме, социальные и материальные потребности могли быть удовлетворены с помощью неформальных сетей, которые имели весомое преимущество – малую вероятность государственных репрессий²³. Эти методы оказались своеобразным *modus vivendi* (способом выживания) для многих организаций в странах с недемократическими режимами²⁴. Так как этим организациям не хватало уверенности, чтобы представить себя широкой публике, существовало много сомнений, что такие «молодежные» организации, находящиеся под государственным контролем в коммунистические времена, смогли бы повлиять на общественное мнение или вдохновить людей выйти на улицы²⁵.

Остается объяснить, какие политические возможности возникли и как они помогли гражданскому обществу, в частности, молодежным движениям. Бесспорно, внешние факторы оказали большое влияние, оказывая финансовую поддержку и передачу опыта, но, тем не менее, чтобы привлечь к участию такое количество молодых людей и изменить их отношение и взгляды, необходимо нечто большее. Кроме того, не стоит забывать, что молодежные движения также воз-

²⁰ Polese A. Ukraine 2004: Informal Networks, Transformation of Social Capital and Coloured Revolutions // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2009. Vol. 24(2-3). P. 255-277.

²¹ Demes P., Forbig J. Pora - "It's Time" for Democracy in Ukraine. In Revolution in Orange / Ed. A., Aslund, M. McFaul. Washington, 2005. Carnegie Endowment for International Peace. P. 85-102. Reclaiming Democracy / Ed. P. Demes, J. Forbig. Washington D.C., 2007. Kuzio T. Civil Society, Youth and Societal Mobilization in Democratic Revolutions. Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol. 39(3). P. 365-386. Polese. Ukraine 2004: Informal Networks, Transformation of Social Capital and Coloured Revolutions. P. 255-277; idem. Russia, the US and 101 Things to do to Win a Colour Revolution. P. 421-451.

²² Finkel. The View From the East: Russian Political Responses to Orange Revolution.

²³ Smolar. Civil Society After Communism. P. 36.

²⁴ Collin M. The Time of the Rebels. L., 2007.

²⁵ Wallander C. Ukraine's Election: the Role of One International NGO // International Affairs. 2005. Vol. 51(3). P. 92-103.

никли там, где финансовые средства были доступны только частично, а в некоторых случаях, как в Беларуси, так и не смогли осуществить крупномасштабные изменения, несмотря на значительную иностранную финансовую помощь²⁶. Если нехватка ресурсов ограничила политический эффект таких движений, то все равно их заслуга заключается в том, что они потрясли общество и создали поколение людей, которые теперь являются политически активными. Важность этого явления такова, что правительственные силы также поняли потенциал молодежи и стали инвестировать в нее, поощряя создание молодежных организаций, поддерживающих правительство или, например, одного политика (организация «Наши» в России является одним из основных примеров). С другой стороны, большая часть этих сил, оставаясь активными, превратилась в партийно-политическую силу, даже после того как их задача «разжигания» цветной революции была выполнена. Другими словами, модульность (здесь имеется в виду распространение коллективных действий в группах²⁷), которая, в соответствии с Бейссинджером²⁸, относится к цветным революциям, также видна в молодежных движениях и транснационализации молодежной деятельности, с трансграничным и международным сотрудничеством между молодежными неправительственными организациями.

Почему там? Почему сейчас? Новые политические возможности, вызванные цветными революциями

Как изменились политические условия, что появилась возможность распространения молодежных движений? Мы видим, цветные революции как результат взаимодействия пяти факторов: отношение элиты, особенности оппозиции, роль внешних сил, деятельность гражданского общества и отношение местного населения. На наш взгляд, каждый из этих пяти факторов пережил ряд радикальных изменений в годы, предшествовавшие распространению цветных революций и, в разной степени, способствовал изменениям в политических возможностях, которые вызвали спорную политику молодежных движений.

Первый ряд политических возможностей был предоставлен теми режимами, которые ослабили свой репрессивный контроль над оппозицией или над общест-

²⁶ На основе интервью Доннаки О Бахойн со следующими лидерами молодежи: Зубра, все проведенные в Минске, Беларусь: Аляксандр Мазур (4 августа 2009 г.), Аляксандр Атрощенко (13 августа 2009 г.), Тимофей Дранчук (6 августа 2009 г.), Андрей Ким (10 августа 2009 г.), Змицер Дашкевич (5 августа 2009 г.), Миша Пашкевич (4 августа 2009 г.), а также интервью с Вацлавом Арешка, начальником плано-аналитической группы Объединенных демократических сил Беларуси (Минск, 6 и 12 августа 2009 г.).

²⁷ Tarrow S. *Power in Movement*. Cambridge, 1998; idem. *The New Transnational Activism*. Cambridge, 2005.

²⁸ Bessinger M. *Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions* // *Perspective on Politics*. 2007. Vol. 5(2). P. 249-264.

вом в целом. Это не означает, что власть принуждения не применялась, чтобы заставить замолчать критиков. В тех странах, где цветным революциям удалось выбить из президентского кресла президента, молодые активисты повседневно сталкивались с преследованиями, заключениями под стражу, избиениями и иногда похищениями. Подобно этому там могли исчезать журналисты, а компании или масс медиа с антиправительственными настроениями могли стать объектом для политически мотивированной проверки налоговыми инспекторами. Тем не менее некоторые режимы – ищущие большей интеграции или благоприятных отношений с Западом – стали более уязвимыми перед иностранными и местными критиками. Это утверждение особенно верно в случае Грузии, где Эдуарду Шеварднадзе нужен был крепкий союзник, так как с другой стороны на него оказывала сильное давление Россия с помощью ограничений в поставках электроэнергии, поддержки Кремля сепаратистских регионов, русской бомбардировки Панкисского ущелья в Грузии и умышленной задержки эвакуации военных баз России из Грузии. Украина также желала теплых отношений с ЕС, а Сербии было известно, какой ущерб она может понести в случае неудачно сложившихся отношений с НАТО. Позволяя оппозиционным движениям существовать и процветать, эти режимы давали понять, что риски, связанные с их действиями, были ограничены, чего нельзя сказать о ситуациях в Узбекистане или России, где оппоненты могли столкнуться с жесткими для себя последствиями.

Второй ряд возможностей был связан с политической оппозицией. Условия в каждой стране отличались, но можно выделить две основные перемены. Во-первых, некоторые страны стали свидетелями быстрого роста и укрепления единства оппозиции, а во-вторых, успех некоторых оппозиционных сил просто заморозил других претендентов. Оппозиционные партии стали более заинтересованы в продвижении гражданского общества, поскольку они понимали свои политические возможности и стали активно обмениваться ресурсами и технологиями. Таким образом была обеспечена поддержка и политическая защита лидеров гражданского общества, и в частности его молодых лидеров. Движение «Кучмагейт» или протесты в защиту телевизионного канала Грузии Рустави-2 были политически актуальны, политиков заинтересовало действовать сообща с лидерами гражданского общества. В конечном итоге это привело к взаимодействию оппозиционных политиков с молодежными организациями.

Третий ряд политических возможностей был связан с более активным характером западной политики в отношении стран бывшего социалистического пространства. ЕС постепенно превратился в важный противовес влиянию России в Восточной Европе. В 1998, начиная со словацких выборов – в которых «пряником» было членство в ЕС, а «кнутом» потенциальная международная изоляция – силы ЕС способствовали мирному переходу к менее авторитарному и более демократичному режиму. С тех пор ЕС и США все чаще оказывали давление на государства, заставляя их ограничить репрессии политической оппозиции или гражданского общества. Поддержка западных ценностей была часто обязательным

условием для получения финансовой помощи или политической поддержки. Этот рычаг был наиболее эффективным в странах, где не было существенных природных ресурсов (таких как Грузия и Украина, но в гораздо меньшей степени, например, в Азербайджане или Казахстане). Это было также результатом интернационализации политической борьбы²⁹ и тем, что Кек и Сиккинк³⁰ называют эффектом бумеранга, в котором активисты гражданского общества оказывали давление на политиков, чтобы начать политический диалог с недемократической страной, таким образом обеспечивая защиту и место для гражданского общества той страны.

Может ли гражданское общество создать политические возможности для гражданского общества? Это может звучать как тавтология, но, по нашему мнению, оно может. Прежде всего, если считать, что гражданское общество не является монолитной структурой, а рядом формальных и неформальных организаций, которых достаточно, чтобы «мешать» государству, можно понять, что процесс подготовки и передачи ноу-хау может иметь место со стороны более опытных организаций. Международный аспект также очень важен. Мало того, что использовался опыт США в ненасильственной борьбе, но также была задействована и широкая сеть активистов. Словацкие и сербские активисты – те, кто первыми прошли интенсивный тренинг – в дальнейшем передвигались по постсоциалистическому пространству и обучали новых активистов из других стран, например, грузин, а грузины, в свою очередь, потом обучали украинцев. Они обменивались опытом, определяли стратегию для конкретного геополитического контекста, учились на ошибках друг друга и продолжали обучение других активистов.

И наконец, некоторые дополнительные политические возможности были предоставлены обычными людьми. Широкие слои населения были главной мишенью для предвыборных кампаний, но в то же время они были главной платформой, необходимой, чтобы «узаконить» гражданское неповиновение. Во время некоторых общественных кампаний участие населения резко увеличилось, достигнув на пике несколько миллионов людей (Украина является наиболее ярким примером в этом отношении). Это дало уникальную возможность не только повысить социальный капитал, но и увеличить человеческие ресурсы, которые были в распоряжении организаций гражданского общества.

Так мы подытожили вышеперечисленные политические возможности:

²⁹ Tarrow. *The New Transnational Activism*.

³⁰ Keck M., Sikkink K. *Activists beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics*. Ithaca, 1998.

Таблица 2: Политические возможности дальнейшего распространения цветных революций

	<i>Политические возможности в странах, где революция не состоялась</i>	<i>Политические возможности в странах, где революция состоялась</i>
Элита	Репрессивное отношение (еще более жесткое после того, как одна из соседних стран пережила цветную революцию)	Ограниченная репрессия или неспособность принять меры, которые будут препятствовать политической активности
Оппозиция	Неспособность объединиться с гражданским обществом или осознать его потенциал	Поддержка акций гражданского общества и (ограниченная) защита некоторых политических деятелей
Иностран- ные силы	Ограниченная финансовая и техническая поддержка, неспособность вести переговоры в целях ослабления политического давления на местное гражданское общество	Открытая финансовая, техническая и дипломатическая поддержка с давлением на высшем уровне, чтобы позволить свободное проявление гражданского общества
Граждан- ское обще- ство	Ограниченная международная поддержка от подобных организаций, неспособность учитывать и правильно использовать вынесенные уроки из других контекстов	Возрастающее наличие ресурсов и поддержки от других организаций гражданского общества. Участие в международной сети активных организаций с технической поддержкой и поддержкой развития потенциала
Народ	Страх перед режимом или подавлением деятельности, связанный с мнением, что участие в политике (будь это поддержка режима или оппозиции) не является привлекательным	Изменение отношения к режиму и к акциям гражданского общества, политической активизации, потери страха и подавлению деятельности

Таким образом, предыдущий раздел описал условия, в которых могут возникнуть новые политические возможности, а в следующих разделах будет рассмотрено, как гражданское общество, в особенности молодежные движения, воспользовалось такими возможностями в различных странах и контекстах.

«Достаточно» Кмара и Грузинская революция роз

Революция роз, которая завершилась свержением с поста президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе, была важным событием в современной постсоветской политике. После распада СССР в 1991 это была первая успешная попытка массового движения демократически настроенных протестующих по пресечению системных фальсификаций на выборах. Сфальсифицированные парламентские выборы 2 ноября 2003 года вызвали массовые акции протеста в столице Грузии, Тбилиси, и быстро набрали обороты национального масштаба. Эти события достигли своего апогея 22 ноября, когда Шеварднадзе объявил чрезвычайное положение, но, понимая, что его резервуар поддержки уже иссяк, подал в отставку на следующий же день, уступая место новому поколению грузинских политиков.

Студенты-активисты были одними из наиболее заметных антиправительственных демонстрантов. Созданная в апреле 2003 года Кмара («Достаточно») должна была быть «Отпором» Грузии, хотя и в меньших масштабах. Хотя Кмара появилась внезапно, придавая правдоподобность проправительственному мнению, что это была иностранная (и щедро) финансируемая организация, она все же была основана на студенческой инициативе. К концу 1990-х годов, система образования Грузии была повреждена коррупцией на всех ее уровнях. Удовлетворяя потребности богатых, но недостойных студентов, она создала благоприятную почву для инакомыслящих, несмотря на существующий для них высокий риск быть таковыми. В знак протеста против проправительственного союза студентов, который приобрел влияние благодаря официальной поддержке и сомнительным выборам, был основан в 2000 году³¹ неофициальный, но популярный студенческий орган, в котором участвовали тысячи студентов. По словам лидера Кмары Георгия Кандалаки в интервью с Доннакой О Бахойн (20 июля 2005 г.), многие студенты на тот момент уже получили свое политическое образование. Неспособность серьезно оспаривать коррупцию привела к формированию Студенческого движения Грузии, которое мобилизовалось для защиты телеканала Рустави-2. Попытки в ноябре 2001 года заставить замолчать Рустави-2, который многие считают основным каналом освещения антиправительственных настроений, привели к многотысячной народной обороне телеканала, тем самым показав потенциал массовой мобилизации при благоприятно сложившихся для этого условиях³². Другие движения с акцентом на молодежь, в том числе Ассоциация молодых юристов Грузии и Институт свободы, стали также более активными в то время.

³¹ Один из авторов (Доннака О Бахойн) работал как внештатный научный сотрудник в рамках проекта Гражданского Образования (СЕР) в Тбилиском Государственном Университете им. Иване Джавахишвили, который является третьим самым престижным учебным заведением страны. Доннака О Бахойн обеспечил основную часть респондентов среди студентов-диссидентов и присутствовал на ранних заседаниях альтернативного студенческого органа.

³² Доннака О Бахойн, интервью с грузинским журналистом и ведущим Рустави-2 Саломе Асатиани и директором Института Свободы Леваном Рамишвили, Тбилиси, 31 и 28 июля 2005 г.

Мобилизация тысячи молодых людей против Шеварднадзе напоминала раннюю волну протестов, которая сопровождала решение Москвы об изменении закона о грузинском языке в пользу России в 1978 году. Эти протесты, в свою очередь, повторили националистические демонстрации в 1956 году, когда предыдущее поколение студентов мобилизовало другие слои общества³³. Протесты 1956-го, в которых приняли участие десятки тысяч людей, закончились трагически – они были подавлены советскими войсками, что привело к гибели нескольких сотен человек. Шеварднадзе, будучи восходящей звездой Компартии Грузии в 1956 году, обдумал этот урок. Напоминая протестующим студентам 1978 года о трагической судьбе предыдущих демонстрантов, он говорил непосредственно с протестующими и успешно ходатайствовал в Москве по поводу отмены закона о языке. Однако, к 2003 году «серебряная лиса» («Тетри мелиа»), как называли Шеварднадзе, потерял большую часть своей харизмы, и попытки говорить непосредственно с протестующими дали мало, как один из лидеров Кмара вспоминает:

«Во время одного протеста, рано утром, около 8:00, или даже раньше, он [Шеварднадзе] поехал туда на демонстрацию – в одиночку – на одном автомобиле и с тремя охранниками. Он вышел из машины ... а затем он пытался поговорить с людьми, но все как будто избегали и игнорировали его, как будто он был болен. Он пытался поговорить с кем-то, но не мог поймать никого, пока он не поймал одного маленького мальчика, около десяти лет, и спросил его: "Вы не боитесь?". И мальчик сказал: "а ты не боишься?" (лидер Кмары Георгий Кандалаки в интервью с Доннакой О Бахойн, Тбилиси, 20 июля 2005 г.)».

Режим Шеварднадзе, коррумпированный и неэффективный, оказался не в состоянии разработать эффективную тактику противодействия молодежным активистам. Кмара издевалась над правительством с помощью юмористических трюков, приглашая людей прямо на главной улице Тбилиси фотографироваться с карикатурными изображениями политической элиты. На распространение граффити Кмары власти отреагировали с достаточной жесткостью, чтобы вызвать неодобрение, но не достаточной, чтобы притупить энтузиазм. По словам лидера Кмары Нины Гогиберидзе, организация воспользовалась межпартийным соперничеством, чтобы обеспечить сотни студентов кредитами от партийных молодежных филиалов, которые сделали Кмару гораздо более крупной организацией, чем говорили о ее размере ее официальные списки (Интервью с Доннакой О Бахойн, Тбилиси, 27 октября 2008 г.).

Кмара также пользовалась выгодой от сотрудничества и поддержки со стороны внешних сил³⁴. Хотя Сорос прямо не финансировал ее как организацию, Кмара косвенно получала существенную помощь от организаций, финансируемых

³³ Blauvelt T. Status Shift and Ethnic Mobilisation in the March 1956 Events in Georgia // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61(4), P. 651-668.

³⁴ Ó Beacháin D. Roses and Tulips: Dynamics of Regime Change in Georgia and Kyrgyzstan // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2009. Vol. 25(2-3). P. 199-226.

Соросом, и от программы по просвещению избирателей Института «Открытое общество»³⁵. Эти группы включали Институт свободы, Ассоциацию молодых юристов Грузии (АМЮГ) и Ассоциацию права и публичного образования (ALPE). В целом, Кмара потратила \$ 175 000, немного по меркам организации Отпор, но все равно впечатляюще, учитывая ее скромную численность и короткую историю ее создания. Была собрана молодежная делегация для поездки в Белград и Братиславу, чтобы узнать лично от активистов Отпора и ОК'98 об их опыте (Нина Гогиберидзе, в интервью с Донной О Бахойн, Тбилиси, 27 октября 2008 г.).

Основными задачами Кмары были увеличить осведомленность избирателей и повысить явку избирателей на выборах. Кампания Кмары была смоделирована на основе словацкого и сербского примера, где играли большую роль уличные протесты. Международные активисты, как Александр Маркич³⁶ (Кривокапич 2005), ясно дали понять, что их роль закончилась в день выборов. Если бы правительство отказалось признать результаты выборов, единственное, что иностранные консультанты могли бы сделать, это подсказать возможные решения, оставляя местным лидерам возможность сделать окончательный выбор, основываясь на собственной оценке своих сильных и слабых сторон. Первыми публичными акциями Кмары стали расписывания граффити по всему Тбилиси и в других стратегических местах Грузии. Позже активистами Кмары был организован ряд демонстраций наряду с обширными проектами по просвещению избирателей. В дополнение к поездкам Кмары, Национальный демократический институт (NDI) отвез Саакашвили, Зураба Жванию и Давида Гамкрелидзе в Белград, чтобы они могли услышать от сербов, как единство оппозиции стало ключевым элементом в свержении режима Милошевича. Лидеры отказывались однако сравнивать Шеварднадзе с Милошевичем, где последний был в бегах из-за обвинения в военных преступлениях³⁷.

Революция роз стала поворотным моментом в истории Грузии. Она привела к ряду реформ, имеющих жизненно важное значение для развития страны. В этом смысле настоящая революция в Грузии это скорее процесс, чем одно событие. Тем не менее, способность грузин мирно повлиять на перемены восстановила национальную веру в возможность урегулирования конфликтов конституционным путем. Все стороны помнили, как общественный протест привел к гражданской войне в начале 1990-х и картина изгнания Звяда Гамсахурдии более десяти

³⁵ Эта учетная запись о становлении Кмары основана на следующих опросах, проведенных Донной О Бахойн в Тбилиси: Каха Ломия (директор Фонда Сороса в 2003 году), январь 2008 г.; Давид Дарчиашвили (директор Фонда Сороса в 2004-2008 годах), январь 2008 г.; Георгий Кандалаки (лидер Кмары в 2003 году), 30 июля 2005 г.; Леван Рамишвили (директор Института Свободы), 28 июля 2005 г.; Мераб Басилая (ALPE), 10 марта 2006 г.

³⁶ Krivokapic M. Les faiseurs des revolutions, entretien avec Aleksandar Maric, conduit par Milos Krivokapic // *Politique Internationale*. 2005. № 106. <http://www.politiqueinternationale.com/revue/edito.php?id=20>. Последнее обращение 20 июня 2008 г.

³⁷ Линкольн Митчелл (содиректор Национального демократического института (Грузия) 2002-4), интервью с Донной О Бахойн, Нью-Йорк, 19 апреля 2008 г.

лет раньше служила мрачным напоминанием о том, что может случиться в случае вышедших из-под контроля событий. То, что многочисленные толпы и силы государственной безопасности остались мирными и дисциплинированными по отношению друг к другу, имело решающее значение в обеспечении ненасильственного результата. Даже несмотря на то, что свержение Шеварднадзе может показаться неортодоксальным способом изгнания непопулярного лидера, многие грузины утверждают, что поскольку Шеварднадзе отрицал возможность изменения результатов путем честных повторных выборов, у оппозиции не было другого выхода, кроме как выйти на улицы³⁸. Более того, они утверждают, что это был Шеварднадзе, который первым отклонился от конституции, коррумпируя избирательный процесс, и что протестующие сделали все, чтобы вернуть страну на конституционный путь.

ПОРА: Украина 2004

С тех пор как обезглавленное тело журналиста Георгия Гонгадзе было найдено в окрестностях Киева, а социалист Александр Мороз предоставил доказательства того, что сам президент был вовлечен в это убийство, Украина находилась в центре внимания международного сообщества. Это стало еще более заметным после того как президент Кучма был обвинен в продаже радара Кольчуга Ирану, несмотря на международное эмбарго. Учитывая интересы Украины в улучшении отношений с Западом, лоббирование ее диаспорой из Канады и давление со стороны Совета Европы, режим Кучмы понимал, что есть определенный лимит уровня репрессий, которые он мог бы использовать против народа, политиков и гражданского общества. Это означает, что даже если антикучмовские протесты были подавлены милицией, открытое недовольство было еще возможным, и дальнейшие протесты были организованы на регулярной основе и в большем масштабе, что дало возможность новым деятелям гражданского общества приобрести необходимый опыт и знания.

Пытаясь ограничить эффект Бульдозерной революции, в Украине в 2000 году члену сербской организации Отпор было отказано во въезде на территорию Украины. Однако украинцы все же смогли поехать в Сербию, чтобы пройти обучение в области гражданского неповиновения, а некоторые грузинские активисты посетили страну и встретились как с оппозицией, заинтересованной в предшествующей политической борьбе, так и с лидерами гражданского общества. Режим контроля над средствами массовой информации, казалось, был недостаточным для поддержания высокого рейтинга популярности президента, учитывая еще то, что независимые средства массовой информации и общественное мнение остава-

³⁸ Доннака О Бахойн, интервью с грузинским политологом Гией Нодия, Тбилиси, 28 июля 2005 г.

лись влиятельными в обществе, несмотря на всяческие их ограничения. Контроль над СМИ усилился перед президентскими выборами 2004 года. В ответ на это, оппозиционеры стали больше использовать нетрадиционные каналы политической коммуникации, такие как интернет и мобильные телефоны, давая возможность распространению антиправительственных идей и информации по нескольким украинским областям. Такие организации, как Институт открытого общества, которые были обвинены в поддержке политической нестабильности и изгнаны из Узбекистана и Белоруссии, все еще могли свободно работать в Украине, предлагая техническую и финансовую поддержку ряду гражданских инициатив, которые в будущем смогли бы занять активную позицию в политической жизни страны.

Конкуренция внутри политической элиты также предоставила пространство для оппозиции, которая могла основываясь на словацком, сербском и грузинском опытах определить со своей стратегией на президентских выборах 2004 года. Это было одной из основных возможностей для молодежных движений. Во-первых, потому, что сама оппозиция была заинтересована в координации своих сил вместе с силами гражданского общества, зная также из прошлого опыта, что молодежь способна мобилизоваться гораздо сильнее, чем любые другие сегменты общества. Во-вторых, несмотря на то, что количество репрессий возросло, стало возможным вести переговоры с некоторыми представителями власти с целью ограничения притеснений. Например, мэр Киева разрешил протестующим занять центр города; также некоторые главные представители оппозиции приняли участие в большинстве гражданских акций и это снизило шансы жестоких репрессий.

Когда мировое внимание должно было вот-вот сосредоточиться на миллионе с лишним (в основном молодых) протестующих против сомнительных результатов президентских выборов 2004 года, путем установления палаточного городка на главной площади Киева, Майдане, на самом деле этому предшествовал уже сложившийся устойчивый рост антиправительственных протестов молодежи в Украине. Украинский комитет «За Правду» был одним из самых активных инициаторов этих протестов и кампаний, как «Украина Без Кучмы» и «Знаю», которые тоже были важны для укрепления гражданского общества. Эти движения организовывали массовые акции протеста с 2000 года при каждом удобном случае (в том числе, после увольнения премьер-министра Виктора Ющенко в 2001 году и во время первой и второй годовщины убийства Гонгадзе). Новое поколение украинцев становилось все более заинтересованным политикой, но, тем не менее, места для непокорных режиму оставалось все также мало. Именно во время этой застойной ситуации, как высказались социалисты Юрий Луценко и Тарас Стецькив из партии «Реформы и порядок»,

«... мы начали думать, что изменения должны исходить от самих людей, и нам пришлось мобилизовать граждан, а не усилить переговоры на политическом уровне. По просьбе некоторых наших коллег, некоторые грузины приехали в Ки-

ев, чтобы обучить нас организации лагеря и методам ненасильственной мобилизации»³⁹.

Повышенная координация движений гражданского общества с политической оппозицией позволила получить лучшее финансирование для ряда мероприятий, распространения информации и передачи знаний, даже для тех организаций, которые приняли решение не поддерживать никакую политическую партию. Две параллельные организации ПОРА появились в 2004 году; Черная ПОРА занималась основными действиями низового уровня, а желтая ПОРА была более скоординированной с основными политиками⁴⁰. Согласно Стецькиву, формальное разделение того, что стало желтой ПОРА и Нашей Украиной Ющенко, которая не желала участвовать в гражданской мобилизации, произошло вскоре после ее создания в 2004⁴¹. К лидерам организации ПОРА обратился молодой и энергичный активист Влад Каськив⁴² с идеей представить организацию как молодежное движение, гарантирующее справедливые и свободные выборы. Согласно этой версии ПОРА была задумана на политическом уровне, а затем перешла в сферу неправительственных организаций.

Чем более активным становилось гражданское общество, тем больше люди были проинформированы, тем больше они показывали свою поддержку тем молодежным движениям, которые стояли на передовой, защищая свободные и честные выборы. Кампания организации ПОРА состояла как из «позитивных», так и из «негативных» частей, изначально нацеленных на то, чтобы обеспечить максимально возможную явку избирателей и на дискредитацию режима. Кампания также отличалась смелыми и броскими лозунгами «Обережно зараза» (будьте осторожны, зараза!) и «вони брешуть» (они лгут). Как только правительство подтвердило спорные результаты выборов, оппозиционеры вместе с представителями гражданского общества и простыми людьми вышли на улицы. Организации ПОРА была поручена координация большинства действий: она организовала первый палаточный лагерь в Киеве 6 ноября, пыталась остановить автобусы, которые возили подкупленных избирателей, готовых проголосовать на нескольких станциях, а также взяла на себя координацию всех НПО, занимающих Майдан Киева до самой демобилизации, которая последовала после признания фальси-

³⁹ Юрий Луценко и Тарас Стецькив в интервью в газете *Зеркало недели*. См. Дмитричева О., Силина Т., Рахманин С. Анатомия души Майдана // *Зеркало недели*. № 50(525). 11 декабря 2004 г. С. 14-15.

⁴⁰ Дмитрий Гройсман, Украинский Хельсинский союз по правам человека, Amnesty International Group, координатор, интервью с Доннакой О Бахойн, Ялта (Украина), 8 июля 2009 г., «Проранжевые» предприниматели из Львова Ярослав Русчишин и Андрей Бейзик, интервью с Доннакой О Бахойн, Львов (Украина), 13 июля 2009 г.

⁴¹ Несмотря на то, что Ющенко был против создания организации ПОРА, некоторые политики из Нашей Украины оставались активными и сделали немалый вклад в развитие кампании. В ноябре 2004 года Роман Безсмертный, один из ближайших советников Ющенко, взял на себя инициативу по координации уличных протестов.

⁴² Лидер основной коалиции НПО Украины «Свобода выбора» в 1999-2004 гг. Лидер организации ПОРА в 2004 году, после советник бывшего Президента Украины Виктора Ющенко.

фикации выборов. Лидеры гражданского общества от ПОРА, совместно с некоторыми членами оппозиции, координировали почти все организации, а также оккупированное пространство в центре Киева и различные силы, которые ежедневно прибывали в столицу.

Координация гражданских сил, народа и оппозиционных групп заставила многих считать Оранжевую революцию «безукоризненным» цветным событием, на котором в атмосфере «мира и любви» люди были в состоянии мирно выразить свои политические убеждения. Тем не менее, несмотря на то, что уличные протесты были кульминацией Оранжевой революции, становление украинского гражданского общества продолжилось. После инаугурации Ющенко молодежные движения не прекратили свою работу, а, наоборот, каждая организация стала более организованной и систематизированной, специализирующейся в близкой для себя области. Черная ПОРА изменила свое название после инаугурации Ющенко, сохраняя свои идеологические разногласия, существовавшие и ранее с желтой организацией ПОРА. Название ОПОРА было выбрано сознательно, чтобы показать свое отношение к организации ПОРА и в тоже время идеологический разрыв с желтой ПОРА. Ее активисты продолжали работать на базовом уровне, как наблюдатели за выборами, как организаторы акций протеста и действий, направленных на борьбу с коррупцией, пытаясь при этом остаться беспартийным. Организация желтая ПОРА тоже решила расширить свой вид деятельности. Она по-прежнему оставалась граждански активной в двух ее филиалах: Гражданская кампания ПОРА и Новая ПОРА, пытаясь привлечь молодых людей в свое крыло Молодая ПОРА. Была создана зеленая ПОРА (экологическая), и также, в качестве мозгового центра, Международный институт демократии. На международном уровне активисты ПОРА присоединились к транснациональной сети консультантов, работающих в менее демократических странах, как советники оппозиции и гражданского общества⁴³. Постепенно, когда число гражданских инициатив на местном уровне увеличилось, другие силы присоединились к бывшему депутату социалисту, Юрию Луценко, и к его движению «Самооборона». Использование гражданского общества и уличных протестов для достижения политических целей неоднократно применялось в последние годы, например, палатки были размещены в центре Киева в знак протеста при каждом выборах. Это все свидетельствовало о важном значении гражданских акций в общественном мнении в постсоветских странах.

⁴³ Колеснікова І. Інтерв'ю з Михайлом Свістончем // www.pora.org.ua. 2005. (веб-сторінка більше недоступна, останнє звернення 20 червня 2008 р.)

Заключение

Долгосрочные последствия цветных революций все еще могут быть недостаточно ясными. Тем не менее, мы не только видим далеко идущие изменения, происходящие с распространением цветных революций, но и предполагаем, что эти изменения произошли там, где протестующие вызвали смену режима, а также и на всей территории бывшего социалистического региона⁴⁴. Это стало возможным потому, что цветные революции опирались на совокупность факторов, включая внешнюю политику других стран, и рост гражданской активности, которые показали способность связать множество негосударственных субъектов и способность распространения по всему постсоциалистическому пространству. В частности, и это был наш главный аргумент в этой статье: цветные революции предоставили новые политические возможности тем, кто желал ими воспользоваться и принять сопутствующие им риски. Соответственно, в этой статье мы попытались пролить свет на сильное взаимодействие между тем, что можно назвать «высокой политикой», и гражданским обществом, связи которых укрепились и способствовали значительным изменениям в последние годы.

Одним из основных изменений был интерес политической оппозиции к неправительственным организациям, особенно к молодежным, так как молодежь представляла собой один из главных элементов перемен. После словацкой гражданской кампании ОК'98 молодежные движения получали все большее внимание, не в последнюю очередь потому, что они соответствовали стратегии ОК'98 продвижения демократии с низов, согласно которой местные организации были политическим инструментом, поддерживаемым международными субъектами. Хотя это не сразу было воспринято рядом режимов, стало проще, по крайней мере на первом этапе, развивать внутренние и международные связи, которые затем помогли организациям гражданского общества в нужный момент, позволяя им развивать свой социальный и человеческий капитал. С тех пор гражданское общество было признано основным фактором изменений и иногда стало восприниматься как западный инструмент вмешательства во внутреннюю политику. Стратегия продвижения демократии все более была основана на активности гражданского общества в бывших социалистических странах, которое было способно действовать автономно, демонстрируя предпринимательский дух, реагируя на внешние стимулы для того, чтобы выжить и развиваться.

В данной работе мы использовали примеры из грузинской и украинской истории, чтобы предположить, что укрепление гражданского общества, в частности молодежных движений, не обязательно коррелирует с увеличением социального капитала, но может быть связано с его формализацией. Неформальные сети и

⁴⁴ В другой статье мы считаем, что отсутствие смены режима не обязательно означает, что протесты не имели никакого эффекта (см. Ó Beacháin D., Polese A. What Happened to the Colour Revolutions? Authoritarian Responses from former Soviet Spaces // *Journal of International and Area Studies*. 2010. Vol. 17(2). P. 31-51).

группы, а также незарегистрированные группы, созданные в течение последних лет, нашли уместным выйти из тени и узаконить себя в контексте проведения цветных революций. Побочным эффектом являлись попытки правительства подавить такие движения и ограничить передвижение «опасных» активистов по всему СНГ. Большое значение имеет повышенная активность гражданского общества, возникшая в ряде бывших республик СССР. Например, недавние события в таких странах, как Белоруссия и Армения, говорят о том, что даже при несостоявшейся цветной революции все больше и больше людей стало объединяться во имя совместных целей и идей. Это, однако, стало все более заметным в таких странах, как Грузия и Украина, где такие движения имели возможность в дальнейшем развиваться в нескольких различных направлениях, от политических партий до базовых движений за гражданские права⁴⁵, получив национальное и международное внимание и признание. Это, в свою очередь, может рассматриваться как новая функция постсоциалистических обществ, где значительные слои молодых людей стали искать более формальное участие в процессах принятия решений своих стран. Это может также рассматриваться как результат изменения политических возможностей в регионе. Первые толчки были даны избирательными кампаниями, которые побудили людей представить себя публично и официально организовать, что сыграло немаловажную роль во внутренней политике. Однако там, где цветные революции были невозможны, молодые люди стали искать другие возможности гражданской самореализации и нашли их в альтернативных организационных мероприятиях. Потенциал молодежных движений становился и становится все более очевидным для все большего числа участников.

⁴⁵ Isaacs R. Nur Otan, Informal Networks and the Countering of Elite Instability in Kazakhstan: Bringing the 'Formal' Back In // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65(6). P. 1055; Polese. Ukraine 2004: Informal Networks, Transformation of Social Capital and Coloured Revolutions. P. 255-277.

Андрей Макарычев, Анастасия Степанович

Деполитизация советского опыта: культура, спорт, кино и... прагматизм?

*Люди никогда не довольны настоящим и,
по опыту имея мало надежды на будущее,
украшают невозвратимое минувшее
всеми цветами своего воображения.*

Александр Сергеевич Пушкин

Введение

В этой статье мы развиваем тезис о том, что распространение советских практик в России постсоветского периода – это порожаемое социальными структурами явление, поощряемое государством. В виду большого количества сфер общественной жизни, в которых современным российским обществом поддерживаются самые разнообразные практики и брэнды, ассоциируемые с советским прошлым, устойчивость («живучесть») многообразия советского опыта, непрерывно воспроизводимого в сегодняшней России, не может быть отнесена исключительно за счет их намеренного поощрения в рамках реализации политического проекта Владимира Путина. Генезис этих постоянно возникающих постсоветских практик неразрывно связан с социо-исторической национальной памятью, что обуславливает необходимость учитывать различные социальные и культурные контексты в анализе.

Считается, что возникновение России в качестве суверенного государства в 1991 оставило неразрешенным целый ряд вопросов. Распад СССР воспринимается в Кремле не как шанс возврата к (воображаемой) аутентичной национальной идентичности, но, в отличие от большинства элит национальных республик на территории стран бывшего Советского Союза, как потеря и глубоко травматический опыт, вследствие которого были безвозвратно утрачены основные элементы национальной идентичности. Однако, конкретное содержание и последствия статуса РФ как правопреемника СССР никогда не были предметом серьезных общественных дебатов. К примеру, является ли правопреемничество исключительно юридической или политической концепцией и где провести грань между ними? Должно ли правопреемничество подтверждать/усиливать особую роль РФ на постсоветском пространстве? Означает ли оно доминирование советского наследия над дореволюционным? Какие (положительные) элементы советского опыта могли или должны были быть использованы в процессе создания постсо-

ветской идентичности, а какие следовало бы отринуть? Наконец, почему сама концепция «империи» применительно к СССР вкупе с продолжающейся соотносимостью страны с пост-империей оказалась особенно устойчивой в дискурсе о российской идентичности, невзирая на все негативные ассоциации с ней, считаваемые с академических и общественных дискурсов в странах Западной и Центральной Европы? Недостаточное концептуальное оформление идеи преемственности как таковой на фоне великодержавного пафоса и в отсутствие ориентированного на будущее нормативного идеологического проекта дало фактически карт-бланш внедрению советских практик в гегемонистский нарратив Кремля, в особенности после избрания Владимира Путина на пост президента в 2000 году.

Трудно переоценить значение размывания границ между прошлым и настоящим в процессе пересоздания российской идентичности. Во-первых, проявляется взаимосвязь между претензиями России на политическую самодостаточность и неотъемлемым чувством неполно(ценн)сти/недостаточности возникающей российской идентичности, а также ее внутренних расколов/нецелостности. Во-вторых, именно в размытых временных гранях между настоящим и конфликтообразованными историческими узловыми моментами состоит базовое различие между процессами создания российской и европейской идентичности. Особенно явными эти различия становятся при сравнении российского исторического нарратива с доминирующим немецким, с глубоко запечатлевшейся в последнем лексемой «больше никогда». В-третьих, ключевым является вопрос остающейся двусмысленности/неясности вокруг «вписывания» воспоминаний о прошлом в актуальный процесс формирования российской идентичности, оставляющей большой простор для включения советских практик в российское коллективное Я и деполитизирующей данный нарратив посредством незаметного стирания политических различий между царистской и советской имперскими моделями, референциально определяемыми как «великие державы». Обе воспроизвели самоощущение имперского государственного устройства/порядка, несмотря на очевидные структурные различия.

Известно, что несмотря на постоянные усилия СССР дистанцироваться от монархического прошлого Российской Империи и активную анти-империалистическую пропаганду, его фактический курс на экспансию, а также экономическая и культурная политика, в сущности создавали своего рода имперскую преемственность. Таким образом, «двойное вписывание» имперского опыта и наследия в историю современной России, имперский статус которой был в прошлом признан и принят на международной арене, привел к сохранению и укоренению собственного референциального образа и сознания империи, обладающей соответствующими империи атрибутами¹. Последняя характеризовалась структурным подчинением провинций центру при наличии высоко централизованной государственной структуры, экспансивной экономической и военной политикой, а также пере-

¹ К примеру, концепция Хартлэнда, разработанная Хэлфордом Джоном Маккиндером.

носом культурных практик и поощрением распространения единого языка общения, *lingua franca*, из центра в периферию (в данной случае: внедрение русского языка для межэтнической коммуникации, получения общего образования, возможности профессионального роста и активного участия во многих сферах общественной и хозяйственной деятельности).

Поэтому мы полагаем, что в данной ситуации проблемой является не столько недостаток исторического наследия для выбора основополагающего нарратива, который мог бы стать доминирующим в процессе формирования российской идентичности, сколько определение и неизменное следование однажды выбранной версии объединяющего нарратива прошлого, могущего вдохновить и придать вектор усилиям по формированию идентичности в настоящее время и на будущее. Как уже упоминалось ранее, этому процессу, очевидно, препятствует «двойное вписывание» имперского наследия в российскую историю, и, как следствие этого, не вылеченные (пост)имперские «фантомные» боли², являющиеся одним из множественных проявлений пост-царистского советского исторического наследия. Удивительным образом в гегемонистском (и одновременно фрагментарном) дискурсе Владимира Путина уживаются самые разные исторические деятели, что вызывает горячие споры. Это обстоятельство не только демонстрирует отказ или неспособность отличать национальную славу от национального позора политически, что в общем и целом удалось Германии после Второй Мировой Войны, но и невосприимчивость по отношению к анти-имперским настроениям и боязни советского в некоторых странах бывшего СССР, особенно четко выраженным в трех Прибалтийских странах.

В обрисованной ситуации проект Владимира Путина можно рассматривать как расчетливую попытку создания пост-политического консенсуса, основанного на сочетании объединяющих, а потому неизбежно деполитизированных векторов/импульсов. Деполитизированный, т.е. большей частью технократичный, управленческий режим Путина охватил многие советские практики, лишив их идеологического смысла.

Под деполитизацией мы предлагаем понимать недостаточную дифференциацию между теми, кто находится внутри политического дискурса, и теми, кто находится вне его, что проявляется через неспособность или нежелание сделать публичной свою позицию по отношению к некоей ведущей доктрине, имея дело с потенциально поляризующими феноменами, историческими деятелями и событиями. Как и любому пост-политическому типу руководства, режиму Путина более присущ прагматизм, чем идеология, что объясняет поиск консенсуса в качестве определяющего принципа легитимации власти правящей группы. «Останки» советского прошлого вписывались в политику Кремля в обрисованном поли-

² Евгений Ясин: «Фантомные боли». 20.1.2006 // Союз Правых Сил. <http://www.sps.ru/?id=210528&PHPSESSID=218ec8f25a1c4f7b344c54d3e71bcf77>. Последнее посещение 25.02.2013.

тическом контексте на фоне продолжающейся ностальгии по советским временам и великодержавному статусу, присущей самым различным слоям общества.

Как показывают результаты опросов общественного мнения Левада-Центра за период с 2010 по 2012 гг. около половины россиян все еще сожалеют о распаде СССР и лишь треть населения не испытывает по этому поводу сожаления. Интересен тот факт, что великодержавный пафос, подпитываемый ностальгией по советскому времени, распространен как среди различных возрастных групп (к примеру, студентов и пенсионеров), так и групп, отличающихся по социально-экономическому статусу (включая депутатов Госдумы и лиц без определенного места жительства³).

Учитывая все вышеизложенное, мы подробнее остановимся на трех центральных вопросах. Во-первых, советские практики будут рассмотрены нами в качестве социальных феноменов, влияющих на различные сферы жизни общества (культуру, спорт, потребление и т.д.). Во-вторых, мы попытаемся объяснить, каким образом эти практики были использованы нынешним политическим режимом и интегрированы в его гегемонистский дискурс, основанный на деполитизированном прагматизме (периодически сопровождающемся пост-имперскими потугами, маскируемыми под «прагматичные шаги» или возвращение к предполагаемому состоянию нормальности). В-третьих, мы раскроем присущую этой деполитизирующей апроприации остатков советского прошлого нестабильность, которая неизменно оказывает политические и идеологические эффекты.

Возобновление советских практик: преемственность и формирование брендов

В этой главе мы рассмотрим два аспекта переноса советских практик и соответствующих нарративов в постсоветской России. Во-первых, мы остановимся на некоторых дискурсах о преемственности в российской массовой культуре (музыке, телевизионных проектах и т.д.). Помимо этого мы попытаемся объяснить, каким образом советские артефакты и опыт могут сделаться популярными брендами в сфере спорта и потребления, а также влиять на стратегии урбанистического развития.

Дискурсы непрерывности в массовой культуре

Уже упомянутый недостаток политических и академических дебатов о сути преемственности был подменен предположительно неполитическими дискурсами, разворачивающимися в сфере масскульта. Несмотря на разнообразие этих дис-

³ «О распаде СССР», опрос общественного мнения Левада-Центра // Левада-Центр. 11.1.2013. <http://www.levada.ru/11-01-2013/rossiyane-o-raspade-sssr>. Последнее посещение 17.10.2013.

курсов, они неизменно демонстрируют способность политизировать общественную дискуссию о российской идентичности.

Во-первых, в российской картографии существует множество топонимических «останков» советских времен: многие города носят имена партийных функционеров (к примеру, Киров или Калининград, Ленинградская и Свердловская область), памятники (чаще всего Ленину) все еще являются частью городского пейзажа во многих городах и т.д. В общем и целом эти следы советской империи не обязательно воспринимаются как источники мощных идеологических посылов, являясь, скорее, симптомами инерции государства. Названия некоторых городов переименовываются в современной просторечии. Так, например, Киров часто называют «Вяткой» (так город назывался до возникновения СССР), а Калининград – «Кёнигом» (что является сокращенной разговорной формой от старого немецкого названия города). Тем не менее, латентной топонимической памяти присуща способность политизировать, что было не так давно продемонстрировано государственной инициативой по переименованию Волгограда в Сталинград в связи с подготовкой к празднованию 70-ой годовщины Сталинградской битвы, определившей исход Второй Мировой Войны. Подобные символические акты стирают временные и политические границы между прошлым и будущим и поддерживают претензии на тотальную историческую преемственность.

Во-вторых, ряд негосударственных организаций пытается воспроизвести не только советские названия, но и практики. К ним относится движение «За Советский Союз», «Союз пионерских организаций» и им подобные.

В сфере популярной культуры ностальгию по советским временам можно буквально слышать в самых разнообразных музыкальных жанрах, включая рок, поп, бардовскую песню и даже электронную музыку. Многим знакомы песня «Сделан в СССР» Олега Газманова, хит «Рожденный в СССР» рок-группы ДДТ и «Хочу в СССР» поп-группы «Чернила для пятого класса». Некоторые элементы советского музыкального и кинематографического наследия выборочно использовались в электронной обработке композиций авангардно-экспериментального направления: сюда относится, к примеру, «Лучшая девушка в СССР» коллектива «Нож для фрау Мюллер», по жанру адресованный более молодому поколению, предпочитающему альтернативные музыкальные стили. Следует отметить, что в тексте хита «Рожденный в СССР» популярной рок-группы ДДТ распад СССР ассоциируется с состоянием сиротства в результате утери Россией статуса хозяйина империи⁴. Однако, возврат музыки советского гимна по инициативе Путина в канун 2001 года взбудоражил российскую общественность и спровоцировал протест значительной части либеральных кругов, воспринявшей этот шаг как нечто большее, чем просто уступку ностальгии по СССР, распространенной в широких слоях общества.

⁴ ДДТ: «Ты вчера был хозяин империи, а теперь сирота».

В-третьих, существуют медиа-проекты, обращающиеся к теме советского прошлого без явного политизирования. Лучшими примерами тому являются журналистские проекты Леонида Парфенова «Намедни» и «Какие наши годы», автор которых искусно деполитизирует советский опыт посредством уравнивания политических событий (таких, как смерть очередного советского лидера) с на первый взгляд незначительными изменениями в повседневной жизни людей (такими, как появление новых технических приборов и новых стилей моды).

Музыкальный теле-проект «Старые песни о главном» является самым наглядным примером живучести советских практик как музыкального явления, проявляющегося в самовоспроизводящихся структурах/моделях/стилях культурного потребления и коммуникации. Эта долговечность может быть частично отнесена на счет того обстоятельства, что многие советские звезды культуры и сцены смогли коммерчески или политически адаптироваться к постсоветским условиям успешнее некоторых политиков. Легендарный рок-певец Андрей Макаревич, поп-дива Алла Пугачева и певец патриотических песен Иосиф Кобзон являются подходящими примерами для демонстрации необходимой преемственности советских музыкальных традиций. Хотя все вышеперечисленные фигуры и несут печать советской культуры, нельзя говорить о единообразии их политических предпочтений. Упомянутая певица Пугачева публично поддержала кампанию Ельцина против коммунистов в середине 90-х, а на президентских выборах 2012 года выступила за кандидатуру олигарха Михаила Прохорова; Кобзон, вступивший в КПСС еще в 1970-х, теперь является членом партии «Единая Россия», тогда как Макаревич написал открытые письма Путину, в которых высказался с резкой критикой неизменно процветающей коррупции и свертывания демократических свобод.

Определенный сегмент российского кинематографа представляется соответствующим изложенной версии преемственности, между прочим вполне совместимой с либеральными убеждениями. Так, «Исчезнувшая империя» Карена Шахназарова – хороший пример ностальгического повествования о советском прошлом. «Стиляги» Петра Тодоровского – другая история о советских временах, окрашенная в очевидно ностальгические тона. В обоих фильмах принимается неизбежность конца советской империи, но ей отдается должное. В них получилось соединить симпатию к советскому прошлому с ясным пониманием причин распада СССР.

Кроме того, было снято довольно много фильмов о советском прошлом, посвященных, в особенности, ключевым событиям Второй Мировой Войны, явившейся одним из важнейших эпизодов в истории Советского Союза. К данной категории относятся не только эпические фильмы, воспевающие победу СССР над фашизмом («Утомленные солнцем 2» Никиты Михалкова), но и работы с более самокритичным подходом к собственной истории. Примером последних может служить снятый Сергеем Урсуляком сериал «Жизнь и судьба» по мотивам одноименного романа Василия Гроссмманна. Повествование о битве под Сталингра-

дом, легшее в основу сюжетной линии, сопровождается описанием стойкости, храбрости и мужественности советских солдат. Но, одновременно с этим, режиссер попытался обнажить такие пороки советского командного армейского состава, как трусость, низкопоклонство, лицемерие и клеветничество/доносительство, что, в целом, создает сложный и противоречивый образ подноготной былых славных победных советских времен.

Фантастический фильм «Мы из будущего» предлагает еще один апологетический взгляд на Великую Отечественную Войну. По утопическому сюжету группа молодых циничных копателей занимается коммерческой раскопкой останков советской военной славы в местах боевых действий времен ВОВ. Каким-то чудом перенесясь в военное прошлое на поля сражений 1940-х, они сталкиваются лицом к лицу с тем, что Славой Жижек бы назвал «реальным» – кровавой битвой на смерть, в которой «гостям из будущего» приходится физически пережить кошмар военных реалий. Это столкновение с «реальным» оказывает очищающее воздействие на протагонистов, радикально изменив их отношение как к прошлому, так и к настоящему: прошлое служит искуплению вины и греха, выпуская героев фильма назад изменившимися и гораздо более патриотично настроенными личностями.

«Парком Советского Периода» на суд зрителя представлена еще одна утопия. На этот раз речь идет о парке развлечений, в котором наиболее узнаваемые атрибуты проведения отпуска в СССР совмещены с самыми современными технологиями. Но это придуманное и искусственно созданное место становится площадкой для реинкарнации наихудших советских практик, таких как незаконное задержание, давление коллектива над индивидуумом и т.д. С одной стороны, в фильме убедительно показывается способность прошлого к материализации и возвращению, даже если о нем рассказывается в игровой и безобидной форме парка развлечений. С другой стороны, в метафорическом виде оно призывает к возврату к «настоящему» большевистскому духу, поскольку только благодаря неожиданному появлению кавалерии Чапаева, героя Гражданской Войны, принявшего непосредственное участие в борьбе за установление Советской власти, герои фильма в конце спасаются от агрессии со стороны владельцев парка.

В-четвертых, внутри российского экспертного сообщества, включая и его либеральные круги, растет консенсус в отношении модернистской природы Советского Союза как проекта, в ходе реализации которого появился собственный вариант/разновидность интернационализма и солидарности и который (в строго очерченных идеологических рамках, тщательно контролируемых Коммунистической Партией) выступал за свою версию культурного разнообразия путем оказания поддержки различным этническим идентичностям. Нужно отметить, что трудно поддающийся определению тип ностальгии по СССР присущ различным политическим лагерям независимо от их политической принадлежности и традиций, хотя нельзя не признать, что в данный момент поднятые вопросы носталь-

гии по СССР и деления на «советских» и «не советских» не являются самыми животрепещущими.

Показательно, что один из самых известных и влиятельных современных писателей и поэтов России и один из лидеров либерального оппозиционного движения Дмитрий Быков (1967) по собственному признанию хотел бы основать новый литературный журнал под названием *Советский Союз*. По его мнению, изучению советского наследия для понимания самого важного антропологического поворота 20-го века просто нет альтернативы⁵. Быков неустанно подчеркивает сложность советской системы, которая, по его мнению, поспособствовала возникновению и становлению интеллигенции как влиятельного и довольно многочисленного класса и смешению интеллигенции с народом. Согласно Быкову, беспрецедентный рост интеллектуальной активности и культуры в 1970-80-х выразился не только в распространении запретной литературы/«Самиздата». Для его концепции сложности позднесоветской эпохи существенно ощущение особенно благоприятного культурного и интеллектуального климата, уникального для российской истории. Однако, в эссе под названием «Возврат СССР» Быков сознается в нереализуемости имперской идеи, несмотря на то, что мечта о ней «прекрасна и плодотворна» по причине самоизоляции политики России, а также ее слабого цивилизационного потенциала⁶.

Интересен тот факт, что просоветские настроения живы и среди интеллектуальной элиты бывших национальных республик в составе СССР. В этой связи можно упомянуть киргизского писателя Чингиза Айтматова (1928-2008), ставшего известным далеко за пределами Киргизии и бывшего СССР. В одном из своих поздних интервью Айтматов не только публично встал на защиту достоинств советской культурной и цивилизаторской политики в Средней Азии, но и назвал советское решение национального вопроса на постсоветском пространстве в регионе оптимальным, учитывая достигнутый прогресс. Айтматов настаивал на том, что советский проект был успешным, прогрессивным и правильным с точки зрения замещения религиозности гуманистическими принципами и верой в чудо – произведение рук человека. По его мнению, тенденции в сторону религиозной и националистической замкнутости/обособленности, наблюдаемые в странах СНГ, в будущем будут признаны лишь уступкой прошлому и возврат к идеям советского проекта неизбежен⁷.

Связанные с советским периодом идеи наверняка не вызвали бы до сих пор такой резонанс, если бы они подпитывались лишь соображениями и воспоминаниями культурного начала. Пост-имперский политический подтекст является не-

⁵ Десятерик Дмитрий. Дмитрий Быков: Свобода – это отсутствие страха, который я считаю отвратительнейшим из состояний // ИноСМИ.ru. 2.7.2012. <http://inosmi.ru/social/20120702/194377791.html>. Последнее посещение 10.3.2013.

⁶ Быков Дмитрий. Собрание эссе «Девять мифов о России» из книги «Думанье мира». Limbus Press, 2009. С. 97-100.

⁷ Чингиз Айтматов, интервью в книге *И все-все-все* автора Дмитрия Быкова (Москва, 2011. С. 7-14).

отъемлемой частью ностальгии по советскому времени. Аргументы в пользу положительной уникальной природы советского проекта, превосносимого за идеологические устремления, военную мощь и установку на достижение беспрецедентных технологических целей (самой известной из которых, возможно, является, освоение космоса и шаг человечества во Вселенную), являются основными темами в работах и некоторых публичных выступлениях Александра Проханова (1938), российского писателя, журналиста и оратора националистическо-империалистического толка. С точки зрения Проханова сегодня Россия превращается в «Пятую империю», что является единственно возможным для ее выживания политической формой, соответствующей национальному историческому предназначению государства и что подготавливает страну для выживания в будущем в форме империи, т.е. как «огромный ансамбль народов, культур, территорий, верований»⁸.

Дискурс о преемственности и непрерывное избирательное обращение к отдельным разнородным элементам обширного советского наследия являются неотъемлемой частью интеллектуальных постсоветских настроений, что отражено в кино, искусстве и литературе. Политизирующие споры перемещаются именно в эту сферу общественной жизни и процветают в ней, таким образом компенсируя дефицит ясно выраженной официальной идеологии и взвешенных общественных дебатов на означенные темы.

Брэндинг советского

Многие элементы советского прошлого намеренно сохраняются и даже поощряются в сфере потребления, урбанистических стратегий и спорта. Хорошим примером является так называемая «гастрономическая ностальгия»: рестораны в советском стиле «Главкурорт», «Главпивторг», «Спецбуфет», «Служебный вход» и другие воспроизводят и по-новому обозначают старые названия, трансформированные в узнаваемые брэнды. По этому же принципу некоторые рестораны стали называться в честь наиболее популярных советских фильмов – «Кавказской пленницы», «Черной кошки» и т.д.

Советские названия также сохранились в медийном бизнесе. Примерами тому служат газеты *Комсомольская правда*, *Советский спорт*, *Московский комсомолец* и т.п.. Хотя по содержанию они не имеют ничего общего с СССР, сами названия газет сохранились в качестве узнаваемых брэндов с весьма большим кругом читателей.

Нельзя не отметить растущий интерес к промышленному дизайну советской эпохи, архитектуре, постерам и почтовым открыткам, изображаемым не устаревшими и не провинциальными, а, скорее, важными элементами культурного насле-

⁸ Проханов Александр. «Сейчас рождается Пятая империя» // Взгляд. 23.8.2012. <http://vz.ru/politics/2012/8/23/594683.html>.

дия, созвучными их зарубежным аналогам⁹. К примеру, Катя Бочавар, арт-дизайнер, работающая в стиле «bourgeois punk», украшает свои ювелирные изделия старыми символами Советской эпохи (портретами Ленина, комсомольскими значками и пр.), к которым она относится как к таким же «остаткам прошлого», как и старые игрушки, бутылочные пробки, дверные таблички и т.п.¹⁰

Брэндирование советского наследия является частью стратегий урбанистического развития, направленных на преодоление «периферийного комплекса» у многих городов российской провинции. Два из них самым наглядным образом демонстрируют подмеченный факт: родной город В.И. Ленина Ульяновск, чье название активно рекламируется для привлечения туристов и развития туристической отрасли, а также Иваново. В случае Ульяновска министр культуры и глава Совета Федерации признали такой подход легитимным, заявив, что «Музей СССР», возможно, принесет городу миллиарды долларов прибыли. Этот создаваемый музей считается «технологическим комплексом», нацеленным на рост популярности и заинтересованности в регионе среди туристов, инвесторов и менеджеров культурной сферы.

«Российский Манчестер» Иваново, колыбель первых большевиков, занимается продвижением собственного городского брэнда как места советской промышленной утопии. Нарративы прошлого такого характера выглядят не менее забавными, чем сказки Пушкина. Некоторые даже предлагают усилить абсурдность этой городской топонимики, чтобы сделать еще более эксцентричной и запоминающейся. К примеру, акцент на красном цвете в городском пейзаже мог бы быть перформативным шагом как бы вне реального политического или идеологического контекста. Идея о «Красном Кольце» (по аналогии со знаменитым «Золотым Кольцом», включающим в себя старейшие города России) есть «туристический продукт» для маркетинга таких генеалогических черт советского быта, как легендарные коммуналки, бараки рабочих, пионерские комнаты, «красные уголки» в школах и пр.

Сам факт перенесения воспоминаний о советском в сферу культурных символов и коммерческих брэндов представляется сильным деполитизирующим ходом. В частности, довольно широким спектром блогов «Живого Журнала» эстетизируются объекты советской повседневной жизни и быта, превращая их в уже почти археологические свидетельства прошлого. К последним относятся елочные украшения, детские игрушки, школьная форма, автоматы для продажи напитков¹¹. Мы полагаем, что само изображение советского прошлого доступным восприятию внешнего наблюдателя содействуют упрочнению временных границ,

⁹ По-прежнему наше. Татьяна Маркина о «Советском дизайне 1950–1980-х годов» в Манеже // Kommersant Weekend. 30.11.2012. <http://kommersant.ru/doc/2073200>.

¹⁰ Катя Бочавар // Шалтай-болтай. <http://www.shaltai-boltai.ru/catalog/author.php?CODE=bochavar>.

¹¹ Morenkova Elena. (Re)creating the Soviet Past in Russian Digital Communities. Between Memory and Mythmaking // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2012. № 7. P. 39-66.

таким образом внося свою лепту в то, что составляет суть либерального мировоззрения: множественность голосов и толерантность разнообразия.

Еще одним вызывающим споры примером брэндинга советского наследия является недавняя инициатива «Газпрома» по организации футбольного чемпионата СНГ. Если само по себе вызывание ностальгических эмоций посредством обращения к убедительному списку советских спортивных побед не является чем-то экстраординарным (особенно в виду не самых блестящих достижений российской футбольной лиги за последние годы), нельзя не заметить, что здесь мы неизбежно оказываемся, по сути, на просторанстве политического.

Идея проведения внутренне спланированных спортивных мероприятий на территории СНГ, как и объединения футбольных лиг, вместо проведения регулярных национальных соревнований обосновывается попыткой повысить интерес фанатов, улучшить качество игр национальных лиг, а также возможностью роста прибыли от размещения рекламы¹². Последний соблазнительный аргумент, очевидно, не остался неуслышанным даже в бизнес-кругах Евросоюза. К примеру, по некоторым сообщениям немецкие компании оказались одними из первых проявившими интерес к проекту создания объединенного чемпионата России и Украины из-за перспективы роста зрелищности футбола в рамках такого чемпионата¹³. Помимо развития проекта объединенной футбольной лиги России и Украины существует идея проведения чемпионата СНГ, озвученная председателем правления «Газпрома» Алексеем Миллером в конце 2012 года¹⁴.

После обнародования соответствующего предложения в его поддержку выступил украинский клуб «Шахтер» (Донецк), белорусский «Динамо» (Минск) и ведущие российские футбольные клубы. Президент Федерации футбола Казахстана Сеильда Байшаков также заявил, что «турнир может проводиться как и чемпионат СССР... Главное, что такое объединение поднимет уровень футбола в наших странах и порадует болельщиков»¹⁵. Генеральный директор проекта объединенной футбольной лиги Украины и России Валерий Газзаев был назначен главой специального комитета по организации совместного футбольного чемпионата СНГ в декабре 2012 года¹⁶. Однако, как позже стало известно, украинские клубы предпочли пропустить первое заседание оргкомитета на фоне энергичных протестов Футбольной Федерации Украины (ФФУ) против данной инициативы со ссылками на статут ФИФА. По словам президента ФФУ Анатолия Конькова, «любые действия, направленные на создание без нашего [ФФУ] явного разреше-

¹² Новый «Чемпионат СССР» отправили в разработку // *Utro*. 30.11.2012. <http://www.utro.ru/articles/2012/11/30/1086912.shtml>.

¹³ Немецкий бизнес заинтересован в ОЧ [объединенном чемпионате] // *Спорт-экспресс*. 18.10.2013. <http://news.sport-express.ru/2013-10-18/628312/>.

¹⁴ Статья была написана незадолго до Евромайдана.

¹⁵ Назад в СССР. Наш клубный футбол ждут реформы // *Вечерняя Москва*. 5.12.2012. <http://vmdaily.ru/news/nazad-v-sssr-nash-klubnij-futbol-zhdut-reformi1354732734.html>.

¹⁶ Белоруссия и Казахстан поддержали идею чемпионата СНГ по футболу – Газзаев // *Новости-Казахстан*. 26.12.2012. <http://www.newskaz.ru/sport/20121226/4520801.html>.

ния или разрешения ФИФА и УЕФА любых лиг и других объединений клубов, являются беспрецедентным нарушением положений и требований уставов ФИФА, УЕФА и ФФУ, и будут рассматриваться в контексте применения средств дисциплинарной ответственности»¹⁷. Другими словами, реакцию на предположительно интеграционную инициативу «Газпрома» можно в лучшем случае назвать смешанной.

Можно понять и разделить надежду организаторов и болельщиков на организацию более зрелищных и держащих в напряжении игр посредством создания более конкурентной среды, ведь такие соображения не в последнюю очередь отвечают прагматичному подходу политических и бизнес-элит. Однако в таком случае требует разьяснения финансовая часть вопроса, поскольку начальные инвестиции на организацию и проведение первого Футбольного Чемпиона по СНГ в 2014 году достигают почти астрономического миллиарда долларов. Поэтому сразу же возникают вопросы о коммерческой жизнеспособности проекта и появляются сомнения в прагматических, а не политических мотивах его концепции и реализации.

Помимо того, поражает легкость, с которой некоторые СМИ взялись за обсуждение темы, открыто называя проект чемпиона СНГ «Чемпионатом СССР». Откровенные призывы «назад в СССР» в сочетании с постоянным прославлением достижений советского спорта не могут не иметь политического резонанса, если, конечно, спорт не перестал быть в некотором отношении заменой политики.

Модальности деполитизации: стратегия Кремля

Как было показано выше, к артефактам и практикам советской эпохи в Кремле относятся как к брэндам, способным к усилению консенсусных и единообразных/консолидирующих моментов/импульсов в обществе. Это объясняет, почему их самые отрицательные политические эффекты намеренно сглаживаются, в отличие от обсуждения их в более разнообразных и четче сформулированных общественных дискуссиях. Советский опыт по-новому истолковывается как предположительно объединяющий и способствующий внутренней консолидации, основываясь, на, как кажется, таких неоспоримых ценностях, как патриотизм и укрепление народного духа, и это восприятие содействует инструментализации советского опыта. Например, повторное введение в 2013 году награды «Герой труда» советских времен было воспринято большинством как PR-ход для укрепления

¹⁷ Федерация футбола Украины против объединенного чемпионата СНГ // Ліга.Новости. 13.2.2013. http://news.liga.net/news/sport/811847-federatsiya_futbola_ukrainy_protiv_obedinennogo_chempionata_sng_.htm.

ния имиджа Путина среди рабочих промышленности, однако полностью лишенный всякого сходства с идеологическим содержанием прошлого¹⁸.

Воспоминания о ВОВ играют ключевую роль в нарративе Кремля. Ему представляется, что история должна оставаться вне политики, и что альтернативные толкования не нужны после юридического закрепления исторических событий «раз и навсегда», как было в случае Нюрнбергского Трибунала. По этой логике существуют «истинные факты» и «нежелательные политически предвзятые истолкования», причем последние потенциально взрывоопасны для однажды установленной исторической правды. Поэтому кажется логичным выбор в пользу отеснения потенциально подрывных эффектов альтернативного исторического прочтения, хотя он и играет на самоограничение и цементирование доминирующего исторического нарратива.

Ключевой момент заключается в том, что исторический нарратив Кремля содержит сильные послы в настоящее. Так, Дмитрий Медведев заявлял, что без вклада Советской Армии во Вторую Мировую сегодняшняя Европа бы просто не состоялась. Это заявление означает, что Москве хотелось бы укрепить свою конструктивную роль в возникновении европейских интеграционных проектов, основанных на нормативных ценностях, одновременно не забывая подчеркнуть цену, заплаченную СССР за искоренение фашизма в Европе. Вопросы остающихся нормативных различий могут быть, таким образом, несколько релятивизированы/нивелированы, тогда как на первый план выходит вклад России в создание послевоенной Европы.

Этот исторический нарратив активно инструментализируется для укрепления режима внутри страны. Из официальных формулировок на тему ВОВ следует, что, если дело касается безопасности, природа режима фактически представляется менее значимой в сравнении с императивом выживания любого государства независимо от типа режима. Такой посыл предполагает безусловную преданность и готовность граждан защищать свою родину независимо от того, насколько хорошее или плохое правительство находится у власти. Это частично объясняет растущую тенденцию секьюритизации (обеспечения безопасности), продвигаемую Кремлем в качестве предположительно объединяющего дискурсивного инструмента.

В большинстве современных российских фильмов о войне такая версия деполитизации укрепляется посредством отображения народа как предположительно объединенного сообщества, не нуждающегося в политических мотивах для защиты «коллективного Я» от «самозванцев». Даже сталинский режим, при всех известных в то время совершенных злодеяниях и несправедливых поступках, большей частью представляется одним из воплощений коллективной идентичности, что доказывает победу различия на «Свой-Чужой» над недостатками внутригосударственного режима (фильмы «Исчезнувшие», «Днепровский рубеж» и

¹⁸ Баунов Александр. Зачем Путину герои труда // Slon. 3.4.2013. http://slon.ru/world/zachem_putinu_geroi_truda-926506.xhtml.

многие другие). На данном стыке становится очевидным то обстоятельство, что хотя про-кремлевский нарратив относится к советскому прошлому как «внутреннему Другому» России (для Дмитрия Медведева сегодняшней идеологией Кремля является отмежевание от преступлений сталинского режима), он в то же время отождествляет себя с прошлым посредством определенных значимых референций и «узловых точек». Предложение российского министра культуры Владимира Мединского по воздвижению памятника выдающемуся советскому актеру Вячеславу Тихонову в его самом узнаваемом образе советского шпиона Исаева (Штирлица) из фильма «Семнадцать мгновений весны» является хорошей иллюстрацией гегемонистского нарратива прошлого, покоящегося на ряде объединяющих артистических символов, расположенных на стыке между реальным и воображаемым¹⁹.

Невзирая на упорство подобного навязывания ролевой поведенческой модели, успех этого предприятия остается сомнительным не в последнюю очередь благодаря растущей открытости российского общества альтернативным информационным источникам и взглядам, включая и информационный поток из соседних стран. Более того, это упорство увеличивает нормативный разрыв между Россией и Европой, выявляя различные подходы к обращению с прошлым.

Политика возвращается?

Однако деполитизирующий эклектичный метод обращения Кремля с советским прошлым порождает нестабильность, причем он постоянно и непосредственно оспариваем явно политической артикуляцией воспоминаний о советском времени. Последние не являются ни полностью управляемыми, ни могущими быть втиснутыми в тесные рамки деполитизированного нарратива, управляемого из Кремля. По-видимому, в особенности сильно ограничивает деполитизацию довольно политизированная обстановка как внутри страны, так и за рубежом. Одним из доказательств тому служит вызывающее вопросы превращение Волгограда в Сталинград на шесть публичных выходных дней в год, введенное в 2013 году, а также конфликт с Эстонией из-за памятника Бронзовому Солдату в 2007 году.

Даже в форме реализуемых медиа-проектов дебаты о советском наследии могут быть выражены политически, доказательством чему служит телешоу «Исторический Процесс» Николая Сванидзе, защищающего либеральные взгляды, и Сергея Кургиняна, воплощающего стойкую про-советскую позицию. Разворачивающиеся общественные дебаты и сохраняющиеся постсоветские практики способны совершенно спонтанно покинуть официально обозначенную деполитизированную сферу и перейти в сферу политического. Их, уходящих корнями глубоко в социальную идентичность и коллективную память, нельзя подавить, но мож-

¹⁹ <http://newsru.com/cinema/31may2013/shtitlits.html>.

но перенаправить или перефокусировать. Поэтому государство может терять контроль над собственными дискурсивными начинаниями, которые могут зажить собственной жизнью и следовать собственным траекториям.

Невзирая на весь присущий им прагматизм, брэнды могут содержать идеологические послылы или иметь идеологические эффекты. Футболки с советской символикой и изображениями Че Гевары содержат призыв к бунту и неподчинению, хотя для молодежи они и могут являться простой данью моде и воплощением протестного духа.

В полном соответствии с современной логикой Кремля, в отличие от советского кино, сегодня во многих фильмах враг не только внешний. Он может находиться и внутри коллективного тела нации. Именно способность внешнего врага к мимикрии и проникновению вовнутрь характерна для враждебной идентичности. В этом нарративе превалируют коннотации с властью: сильной властью является не та, что обеспечивает достойный уровень жизни своих граждан, а та, которая способна защитить их (и, естественно, себя) от внутренних и внешних врагов. Роль подданных сводится к функции патриотического защитного щита, способного мобилизоваться и преодолеть любые возможные внутренние различия перед лицом общей опасности или беды на дело сохранения территориальной целостности государства.

Фактическое возвышение 9 Мая (Для Победы) в ранг наиглавнейшего общественного праздника в России также выдает сильные политические коннотации. Но то, что внутри страны считается празднованием великой победы, стоящей вне политических дискуссий, обретает несколько иные политические тона в контексте российской международной политики. На деле Россия не только символически заявляет свои права на равное место в Европе и пытается политически отличаться от тех стран, которые, по мнению Кремля, по-новому интерпретируют историю Второй Мировой Войны вплоть до приравнивания фашизма к коммунизму. Именно благодаря своей способности политизировать «внешние коннотации» праздник 9 мая (отмечаемый в Европе праздник мира и единства) в официальной символической иерархии стоит выше других великих событий советского прошлого, к которым относится полет Гагарина в космос, строительство в сложных климатических условиях Байкало-Амурской магистрали (БАМа), одной из крупнейших железнодорожных магистралей в мире или поднятие целины.

Мы полагаем, что в советской истории технологических прорывов, обладающих значительной притягательной «мягкой силой», таится огромный нераскрытый потенциал. Спланированные и разработанные в советском прошлом технологические проекты раскрывают модернистскую сущность советского проекта и могут служить более сильным аргументом в поддержку принадлежности России к Европе, нежели постоянно подлежащий конфликтным истолкованиям нарратив виктимизации. Поэтому существует не только запрос, но и реальный шанс для пересмотра и переработки стратегий самопозиционирования России в общеевропейском историческом и культурном нарративе.

Заключение

В настоящей статье мы описали разнообразие самовоспроизводящихся культурологических дискурсов и практик, берущих начало в прошлом советском опыте. Городской и региональный туризм, гастрономия, популярная музыка и мода – вот только некоторые из сфер, в которых воспоминания о советской эпохе выполняют функцию маркетинговых инструментов. Наряду с их использованием в коммерческих целях, общество продолжает ностальгировать по советскому времени, и ностальгия эта проистекает из (воображаемого) великого прошлого с присущими ему мощными идеологическими элементами. Ностальгические настроения могут случайно или неслучайно оказываться в гегемоническом нарративе Кремля: литературные дискурсы, передающие многоплановую картину советского прошлого с политической окраской, спортивные мероприятия, как замена (успешной интеграционной) политике и т.п.

Как мы попытались показать, попытки «вписать» элементы советского прошлого в современную российскую идентичность в процессе ее становления могут иметь политическое измерение. Многие политические эффекты так называемой «ре-советизации» в продвигаемом властью имущими дискурсе неизбежно становятся объектами критики: акцент на центральных исторических событиях формирует ориентированную на прошлое идентичность; навязывание мобилизационной парадигмы или менталитета патриотического самопожертвования независимо от типа режима и качества правления умаляет роль этически и нормативно универсальных принципов, таких как справедливость, экономические и культурные права, которые нельзя больше игнорировать ввиду относительной открытости и восприимчивости российского общества к внешним воздействиям. Возобновление «фантомных» имперских болей и сознательное поощрение риторики обращения назад в прошлое, а не вперед, в будущее, образуют препятствия на пути активного обмена с внешним миром и должного осмысления получаемой информации.

Роль государства продолжает оставаться важной, но весьма неоднозначной. Фактически Кремль ведет двойную игру в этом отношении. С одной стороны, ему удалось на деле «присвоить» как массовые, так и довольно автономные проявления ностальгии по советскому времени и встроить их в гегемонистский дискурс, основанный на идее национального объединения и ссылок на предположительно триумфальную историю России. С другой стороны, эта переустановка и реабилитация советских практик и дискурсов способствует возникновению как предполагаемых, так и нежелательных эффектов политизации, основанных на обострении политических дискуссий и усилении политических расколов внутри российского общества, ставших особенно заметными после прихода Владимира Путина на третий президентский срок в мае 2012 года.

Ханс-Йоахим Шпангер

Не-Священный союз*

Путин и ценности

Уже в течение многих лет российская государственная верхушка подвергается критике за нарушение норм демократии и правового государства. Но теперь Кремль переходит в наступление. Путин не только требует для России собственного пути, но и провозглашает свою страну хранительницей «традиционных ценностей». На лицо попытка обращения к роли России в качестве «жандарма Европы». Этим Кремль также открывает для себя совершенно новых союзников – на правом фланге западноевропейского партийного спектра. Поиск партнеров для долгосрочной перспективы развития демократии в России становится все труднее. Но прекращать его нельзя.

После двадцатилетнего блуждания в посткоммунистических трансформационных джунглях Россия наконец-то нашла свое предназначение: в прошлом. По крайней мере, так можно понять российского президента Владимира Путина, пополнившего в 2013 году свою давнейшую любовь к политической стабильности идеологической составляющей: «традиционными ценностями». Это те ценности, которые «тысячелетиями» – слушаешь и удивляешься – «составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценност[и] традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценност[и] гуманизма и разнообразия мира», – заявил Путин 12 декабря 2013 года в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию¹.

Это нечто новое. Знакомо лишь то, что Путин в очередной раз показал свое своеправное отношение к истории и явно нарушенное понимание «процесса цивилизации» (Норберт Элиас). Прикрываясь кодовым словом «разнообразие», Путин и раньше требовал закрепления за Россией права на самобытность в противовес западному демократическому и государственно-правовому универсализму. Этот защитный рефлекс уже на протяжении долгих лет является отличительной чертой путинизма. Однако новой является его нынешняя форма, и она не делает его лучше – совсем наоборот!

Создается впечатление, что Путин нашел идеальное оружие, которое позволит ему не только привычно отражать требования к своему режиму со стороны Запа-

* Впервые опубликовано в журнале *Osteuropa* (2014. № 1. P. 43-62).

¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Сайт Президента России. 12.12.2013. www.kremlin.ru/transcripts/19825.

да, но и наконец перейти в наступление. У этой наступательной обороны есть своя традиция. Она простирается от карающего «жандарма Европы» в лице Николая I до мировой революционной миссии под знаменами коммунизма. И то и другое имело далеко идущий наступательный характер, было тесно связано с интересами политической элиты и страданиями от осознания собственной отсталости от Запада. Однако оба феномена не были изолированными. Царь опирался на объединяющие узы аристократической реставрации в «Священном союзе», а Советский Союз еще долго после смерти Сталина считался цитаделью мирового революционного движения.

Подобного мы сегодня не видим, ни в реставрационном, ни в революционном виде. Поэтому возникает вопрос, что же путинский «консервативный» поворот на самом деле может предложить в части программного содержания и политической актуальности – и является ли он, чем-то большим, нежели простым тактическим ходом. Другими словами, наступает ли снова конец конца идеологий, пользовавшийся широким одобрением московского политического класса после распада СССР? Верит ли российский президент в то, что в свой третий срок данная программа позволит ему наилучшим образом разрешить дилемму необходимости постоянного оправдания перед внешним миром и внутренней потребности в авторитарной консолидации? Или же он видит новые политические перспективы и новых партнеров за рубежом, для которых его консервативная программа может стать потенциально привлекательной?

Чтобы исследовать эти вопросы, необходимо сначала определить, что же в официальных заявлениях Путина действительно представляет новизну. Поскольку мы сегодня, в отличие от 90-х годов, относительно мало знаем о внутренней жизни московского политического класса и особенно Кремля, то вслед за этим необходимо установить взаимосвязи, которые наведут нас на след истоков и мотивов данного поворота. Это касается его исторической и современной классификации, а также реакций на него, поэтому любые умозаключения волей-неволей содержат спекулятивный элемент. На этой основе в заключении будут рассмотрены последствия: для Путина и его режима, но в первую очередь – для Западной Европы.

Путин – охранитель ценностей

«Я думаю, что вполне можно сказать, что я прагматик с консервативным уклоном. Мне, пожалуй, даже будет трудно это объяснить»². Это точно! В речах Путина, призванных обозначить новую консервативную тему, царит изрядная неразбериха. Это касается, прежде всего, двух выступлений: упомянутого выше

² Путин в интервью Первому каналу и информационному агентству АР. См. Interview to Channel One and Associated Press news agency // President of Russia. 4.9.2013. <http://eng.news.kremlin.ru/news/5935>.

послания Федеральному Собранию 2013 года и речи Путина в честь десятилетия клуба «Валдай», на юбилейное заседание которого в сентябре 2013 года Путин отправил под Новгород большую часть своего политического окружения для представления новой «идентичности» России³.

Новый консерватизм Владимира Путина в меньшей степени нацелен на сохранение столь высоко ценимого порядка в России. Этому служила уже давно провозглашенная им мантра стабильности. Речь в большей степени идет о царящих, по мнению Путина, вне России и прежде всего на европейском Западе Содоме и Гоморре. Вот отрывок из его валдайской речи:

«Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в бога или веру в сатану. Эксцессы политкорректности доходят до того, что всерьез говорится о регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии. Люди во многих европейских странах стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности. Праздники отменяют даже или называют их как-то по-другому, стыдливо пряча саму суть этого праздника – нравственную основу этих праздников»⁴.

Наряду с обозначенными выше религиозной нетерпимостью и педофилией⁵, в прицел Путина в частности попадает «так называемый мультикультурализм», «во многом привнесенная, искусственно сверху внедряемая модель»⁶. И он снова и снова обращается к теме однополых отношений:

«Что еще может быть большим свидетельством морального кризиса человеческого социума, как не утрата способности к самовоспроизводству?»⁷.

³ Международный дискуссионный клуб «Валдай» ежегодно проводит встречи, на которых обсуждается внешняя и внутренняя политика России. Юбилейное заседание было посвящено значимым вопросам: «Кто мы?» и «Куда мы идем?». Перед встречей был проведен опрос под названием «Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы». См. Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы // РИА Новости. Сентябрь 2013. http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_Identity_2013_rus.pdf.

⁴ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Сайт Президента России. 19.9.2013. <http://www.kremlin.ru/news/19243>. В послании Федеральному Собранию несколько позже это звучало так: «От общества теперь требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и обязательного признания равноценности, как это не покажется странным, добра и зла, противоположных по смыслу понятий». См. Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2013.

⁵ Эта тема присутствовала уже в конце 2012 года при принятии так называемого закона Димы Яковлева, запрещающего – в качестве (довольно беспомощной) реакции на Акт Магнитского – американским семьям усыновлять детей из России. Закон Магнитского запрещает въезд в США неизвестному количеству чиновников судебных органов, предположительно причастных к смерти юриста Сергея Магнитского в тюрьме.

⁶ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 19.9.2013.

⁷ Там же.

Все это, по словам Путина, ведет напрямиком в пропасть. Поэтому России, разумеется, нельзя позволить вступить на данный путь. В своем выступлении перед Федеральным Собранием в 2005 году он – со свойственным ему прагматизмом – еще заявлял со ссылкой на «великого русского философа» Ивана Ильина:

«Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. [...] Оно не должно вторгаться в нравственный, семейный и повседневный быт [...]»⁸.

Сегодня об этом речи уже не идет. Так, в 2013 году Путин уже цитировал Николая Бердяева – современника Ильина, жившего, как и первый, в 1920-х годах в Берлине. Данная цитата призвана показать, что вновь открытый Путиным консерватизм не должен приравниваться к стагнации – известному со времен Брежнева и обруганному политическому мотиву, – а должен, наоборот, стать залогом существования:

«Конечно, это консервативная позиция. Но, говоря словами Николая Бердяева, смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию»⁹.

Это первобытное состояние грозит теперь и России, если она не будет последовательно консервативно ограждать себя от данной опасности и противостоять пению сирен Запада и его планам по демократизации. Этим мы приблизились к следующей – и, по-видимому, главной – теме, уже на протяжении многих лет стоящей в центре оборонительной борьбы Путина с опасным для режима внешним влиянием. В новом контексте это звучит так:

«И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру. Убежден, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису»¹⁰.

Обобщая и утрируя, высказывания Путина сводятся уже не только к защите, но и к отречению от Запада. При этом, естественно, абсолютно игнорируется тот факт, что самый глубокий демографический кризис на европейском континенте разыгрывается именно в путинской России – без всякой внешней помощи. Намного важнее то, что предлагаемому Западом «однополярному, унифицированному миру не нужны суверенные государства, ему нужны вассалы. В историческом смысле это отказ от своего лица, от данного Богом, природой многообразия мира»¹¹. И еще более удручающе и весьма актуально:

«В последние годы мы видели, как попытки навязать другим странам якобы более прогрессивную модель развития на деле оборачивались регрессом, варвар-

⁸ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Сайт Президента России. 25.4.2005. <http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223type63372type63374type8263487049.shtml>.

⁹ Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2013.

¹⁰ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 19.9.2013.

¹¹ Там же.

ством, большой кровью. Так было в целом ряде стран Ближнего Востока, Северной Африки. Такая драматическая ситуация складывалась и вокруг Сирии»¹².

При этом в собственной стране тоже дел хватает, на что указывают не только критики Путина, но и Дмитрий Киселев, недавно назначенный президентом генеральным директором агентства «Россия сегодня» а, следовательно, и главным пропагандистом для заграницы. Киселев откровенно признал, что ситуация с ценностями в России не является чрезмерно радужной:

«В условиях, когда в стране отсутствуют консенсусные ценности, когда дети не являются такой ценностью – иначе у нас не было более миллиона абортгов, иначе у нас не было бы столько беспризорников, иначе у нас была бы другая система образования, когда старики не являются ценностью – иначе сделали бы еще больше, чтобы они жили лучше, когда земля не является ценностью – иначе бы мы так не загрязняли ее, когда некоторые наши [...] журналисты, например, на «Эхе» [...] относятся к нашей армии как к вражеской (это было в 2008 году), – у нас возникает вакуум ценностей»¹³.

Необходимо, конечно, поставить вопрос и о том, как следует понимать заявленное Путиным «данное Богом многообразие мира», если как минимум западная часть света, по его мнению, следует сатане и обречена на моральный упадок и разложение. Однако аргументативная связность никогда не была сильной стороной Путина. Поэтому и не удивительно, что его режим при оправдании репрессивных действий неизменно опирается на западные образцы. Это обычно осуществляется под лозунгом: «абсолютно нормальная мировая практика»¹⁴.

Итак, создается впечатление, что нет ничего нового под солнцем Путина. Но это не так. Путинская консервативная критика ситуации на Западе больше не используется только в качестве оборонительного заслона, а ныне уже носит наступательный характер. Этот факт приобретает отдельное значение на фоне особого восприятия мира, представляющим его не только полным всевозможных вызовов, рисков и противников, если не врагов, но и в качестве постоянного обострения спровоцированной ими международной «конкуренции», затрагивающей, прежде всего, Россию:

«Накал военно-политической, экономической, информационной конкуренции в мире не снижается, а только усиливается. И другие центры влияния внимательно следят за усилением России»¹⁵.

Если в памяти всплывает бесславный сталинский образец вечного накала международной классовой борьбы, то становится ясно, что в условиях обостряющегося конфликта с враждебным окружающим миром Россия может выстоять

¹² Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2013.

¹³ В интернете появилось видео выступления Дмитрия Киселева в РИА Новости // Телеканал Дождь. 12.12.2013. http://tvrain.ru/articles/v_internete_pojavilos_video_vystuplenija_kiseleva_v_ria_novosti-358697/.

¹⁴ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 19.9.2013.

¹⁵ Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2013.

только в том случае, если будет обладать отчетливым идеологическим компасом и собственным курсом. По крайней мере, так это видит Путин:

«Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции. А сегодня мы видим новый виток такой конкуренции. Основные направления сегодняшней конкуренции – экономико-технологическое и идейно-информационное»¹⁶.

К изначальному постсоветскому прагматизму примешался, таким образом, не просто консерватизм, скорее, на его место вступил воинственный императив ре-идеологизации. Однако новая идеология пока не может представить убедительной альтернативы западной модели, которая выходила бы за рамки заявленных ценностей; и, тем не менее, у нее уже появились первые жертвы: приверженность демократии.

Демократия – она была когда-то

Эта перемена становится осязаемой при сравнении высказываний Путина в его послании Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года с его речью перед той же публикой годом раньше. В 2012 году Путин еще категорично заявлял: «Для России нет и не может быть другого политического выбора, кроме демократии. При этом хочу сказать и даже подчеркнуть: мы разделяем именно универсальные демократические принципы, принятые во всем мире»¹⁷. В послании же 2013 года понятие «демократия» появляется лишь однажды – когда Путин указывает на «антидемократический» характер западного ценностного упадка:

«Подобное разрушение традиционных ценностей "сверху" не только ведет за собой негативные последствия для обществ, но и в корне антидемократично, поскольку проводится в жизнь исходя из абстрактных, отвлеченных идей, вопреки воле народного большинства, которое не принимает происходящей перемены и предлагаемой ревизии»¹⁸.

Об универсализме демократических принципов больше речи не идет. Однако и в 2012 году уже затрагивалась тема, с возрастающей интенсивностью фигурировавшая с 2004 года в ежегодных обращениях Путина: демократия с прилагательными и на российских условиях:

¹⁶ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 19.9.2013.

¹⁷ Послание Президента Федеральному Собранию // Сайт Президента России. 12.12.2012. <http://www.kremlin.ru/news/17118>.

¹⁸ Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2013.

«Однако российская демократия – это власть именно российского народа с его собственными традициями народного самоуправления, а вовсе не реализация стандартов, навязанных нам извне»¹⁹.

Подобные заявления во время его второго президентства – в контексте Оранжевой революции в Украине и разочарования администрацией Буша – присутствовали и в более агрессивных вариантах. Так, например, в 2007 году Путин заявил перед Советом Федерации:

«Прямо скажу: не всем нравится стабильное поступательное развитие нашей страны. Есть и те, кто, ловко используя псевдодемократическую фразеологию, хотел бы вернуть недавнее прошлое: одни – для того чтобы, как раньше, безнаказанно разворовывать общенациональные богатства, грабить людей и государство, другие – чтобы лишить нашу страну экономической и политической самостоятельности. [...] Если посмотреть, что происходило в прежние, давние времена, то увидим, что еще даже в эпоху колониализма говорили о так называемой цивилизаторской роли государств-колонизаторов. Сегодня на вооружение берутся демократизаторские лозунги. Но цель одна – получение односторонних преимуществ и собственной выгоды, обеспечение собственных интересов»²⁰.

Действовавшее до 2012 года признание демократии как универсальной модели государственного управления приводило, с одной стороны, к необходимости аргументированного заполнения растущей пропасти между риторикой и реальностью в стране. С другой стороны, необходимо было найти ответ на всевозрастающую западную критику российского политического развития. Российское руководство вынуждено было перейти к обороне и оказалось, таким образом, в положении, которое уже при Борисе Ельцине вызывало сильнейший дискомфорт и подчас порождало причудливые защитные рефлексии.

Были проведены две оборонительные линии. На первой демократия признавалась в качестве универсальной модели, но понималась на российский лад таким образом, который позволял настаивать на собственном пути, собственном темпе или даже собственном исполнении. Это вело, однако, к постоянной необходимости объяснения и оправдания, поскольку нельзя было убедительно показать, чем именно российский вариант демократии существенно отличается от общепризнанного универсализма – если только не отставанием в развитии, что по определению малоутешительно. Вторая оборонительная линия состояла в заявлении самобытности в ответ на западные требования по укреплению демократии, которые представлялись в качестве особенно изощренного способа продвижения

¹⁹ Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2012.

²⁰ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. // Сайт Президента России. 26.4.2007. http://archive.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type8263_4_125339.shtml. В этом свете выглядит странно, что Путин всего за два года до этого, в Послании 2005 года, призывал к тому, чтобы «цивилизаторская миссия российской нации на евразийском континенте» была продолжена. «Она состоит в том, чтобы демократические ценности, помноженные на национальные интересы, обогащали и укрепляли нашу историческую общность». Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25.4.2005.

собственных интересов. Соответственно, именно интересы были истинной целью Запада, а демократические ценности – лишь декором или, еще хуже, камуфляжем. При разговорах о демократичности выборов, в российском прочтении, речь шла не столько о демократическом процессе, сколько о демократическом результате, т.е. о прохождении тех политиков, которые благоволили Западу.

Шарм замаскированного под консерватизм подъема состоит в том, что Кремль высвобождается из некомфортного оборонительного положения и как бы обращает оружие Запада против него самого: не Россия отходит от глобального мейнстрима и исторической тенденции развития, а Запад со своим перmissiveм и космополитическим ложным путем. Ныне действует путинский консервативный универсализм, который, в отличие от демократического универсализма, претендует не на столетнюю, а на тысячелетнюю историю и пытается теперь оттеснить Запад в нецивилизованную девиантность. Это также противоречит старым постулатам, поскольку здесь – по крайней мере, в неявной форме – действует не «многообразие», а собственный универсализм – с воображаемым большинством человечества, по крайней мере, со староверами и суеверными всех континентов за спиной, – поистине изысканное общество, во главе которого стремится встать Путин. Но и у этого в России есть свои исторические примеры.

Сомнительное следование исторической традиции

В своей валдайской речи 2013 года Путин заявил, что две важные мирные инициативы – Венский конгресс 1815 и Ялтинская конференция 1945 – были проведены «при очень активной роли России» и поэтому «обеспечили долгий мир»²¹. Созданный на Венском конгрессе «Священный союз» европейских династий, имевший целью ограждение монархий от революционных настроений либеральной, национальной или социальной окраски, закреплял не только статус монархов как посланцев Провидения, но и христианство как основу существовавшего политического порядка. А подписавшие торжественно объявляли, вследствие «благодетельных, которые Божию Провидению было угодно излить» на них в предыдущие годы, в будущем их «взаимные отношения подчинить высшим истинам, внушаемым вечным законом Бога Спасителя»²². Если понимать слова Путина буквально, то, кажется, и российский президент с недавних пор желает себе того же.

²¹ По-другому развивалась ситуация после Версальского договора 1919 года, заключенного без участия России и несправедливо обращавшегося с Германией, чем и заложившего «корни будущей Второй мировой войны». Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 19.9.2013.

²² Allianzvertrag zwischen dem Kaiser von Russland Alexander I., dem Kaiser von Österreich Franz II. und dem König von Preußen Friedrich Wilhelm III. („Heilige Allianz“). 26.9.1815 // documentArchiv.de. www.documentarchiv.de/nzjh/1815/heilige-allianz.html.

Параллели прослеживаются не только с Александром I, но и с его преемником, императором Николаем I. Они начинаются уже с инаугурации: то, что Путин испытал во время демонстраций 6 мая 2012 на Болотной площади, Николай пережил в еще большем масштабе, когда 26 декабря 1825 года молодые офицеры отказались принести ему присягу и вошли в русскую революционную историю как декабристы. Оба правителя свершили возмездие: Путин – обвинениями в организации «массовых беспорядков», которые, несмотря на последнюю амнистию, в отношении большинства из изначально 27 обвиняемых сохраняются до сих пор, а Николай – пятью казнями и 120 ссылками в Сибирь. Для обоих этот опыт стал определяющим, поскольку прочно закрепил их консервативно-авторитарный курс.

Судя по всему, Путин со своей консервативной идеологией и в программном отношении приближается к триаде, которую Николай с подачи министра просвещения Сергея Уварова сделал отличительным признаком своего правления: «Православие, Самодержавие, Народность». Данная программа была не в последнюю очередь реакцией и на антирелигиозные тенденции европейского Просвещения – так и Путин в последнее время считает, что может заслужить признание в борьбе против деградации ценностей на Западе религиозными отсылками. Изначально его понимание правления можно было описать скорее секулярной триадой «патриотизм, державность, государственничество»²³.

Практически совпадает и патримониальное понимание роли государства: преобразования находятся в руках мудро управляющей государственной верхушки, а стабильность зиждется на последовательном исполнении законов. Так, в манифесте Николая I от 13 июля 1826 по делу декабристов, который практически дословно напоминает слова Путина, говорится:

«Не от дерзостных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усовершенствуются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления. В сем порядке постепенного усовершенствования, всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к Нам путем законным, для всех отверстым, всегда будут приняты Нами с благоволением [...] В Государстве, [...] где есть отечественные законы и твердость в управлении, тщетны и безумны всегда будут все усилия злонамеренных: они могут таиться во мраке, но при первом появлении, отверженные общим негодованием, они сокрушатся силою закона»²⁴.

Вера Путина в действенность государственного контроля также безгранична, как и недоверие по отношению к кажущемуся непредсказуемым обществу. Оба эти чувства ведут к раздутому возвышению законности. Самое важное отличие

²³ См. об этом: Cannady Sean, Kubicek Paul. Nationalism and legitimation for authoritarianism: A comparison of Nicholas I and Vladimir Putin // *Journal of Eurasian Studies*. 2014. № 1. P. 1-9.

²⁴ Высочайший манифест 13 июля 1826 г. // Виртуальный музей декабристов. <http://decemb.hobby.ru/index.shtml?archive/alex7>.

состояло до недавнего времени в том, что Николай I не колебался при воплощении своих авторитарных представлений в жизнь и за пределами России, используя свои войска для подавления мятежей и восстаний – как в 1830/1831 в аннексированной части Польши и в 1849 на стороне Габсбургов против венгров. Звание «жандарма Европы» он получил, таким образом, заслуженно. Путин же до кризиса в Украине показывал больше сдержанности даже в некогда объявленной Кремлем зоне «особых интересов России», т.е. на территории бывшего Советского Союза. В отличие от Николая, он также предпринимал лишь отдельные попытки для ограничения информационного потока из-за границы во избежание проникновения с Запада перmissивных и вредных для режима идей. Намного более последовательно с самого начала проходило его наступление на СМИ.

И все же Путин, в отличие от Николая, находится не в господствующем русле европейской политики, а на ее обочине. Тем не менее, данная маргинальная обочина, олицетворенная европейским правым популизмом, в последнее время набирает вес – и здесь открывается ряд тревожных точек соприкосновения.

Сомнительные друзья

«Мы знаем, что в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей»²⁵. Верным в этом утверждении Путина в его речи перед Федеральным Собранием 2013 года является то, что он действительно может рассчитывать на поддержку некоторых верующих христиан; однако это не откроет ему доступ к демократическому спектру европейского партийного ландшафта. Слишком очевидной является попытка вдохнуть новую легитимацию в его авторитарный режим в России. По-другому обстоят дела с правыми популистами, для которых путинское отождествление деградации ценностей, потери суверенитета и демократии обладает подкупающей убедительностью. Они хоть и распознали этот «макиавеллистический маневр», но утешают себя тем, что все же лучше иметь «обманщика» у власти, говорящего «правильные вещи», чем такого, кто несет «вздор», ведь и «пропаганда может иногда быть верной»²⁶.

В тех кругах, в которых «традиционные ценности» ассоциируются с ксенофобией, национализмом, милитаризмом и изоляционизмом, послание Путина действительно нашло отклик. Примером этого является Пэт Бьюкенен, в прошлом республиканец и многократный кандидат в президенты США, гордящийся ярлыком «палеоконсерватора». Для него Путин – человек будущего и «один из нас»:

²⁵ Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2013.

²⁶ Duke Selwyn. Putin is Right About America // The New American. 3.2.2014. www.thenewamerican.com/reviews/opinion/item/17541-putin-is-right-about-america. Кроме того автор считает, что Путин как «бывший шпион КГБ» был естественно наилучшим образом осведомлен об «опасностях полового марксизма и всех связанных с ним "измов"», так как Советы раньше сами поддерживали эти движения.

«В то время как многие американские и западные СМИ игнорируют его, считая авторитарным и реакционным, считая пережитком, Путин, может быть, видит будущее с большей ясностью, чем многие американцы, погрязшие в парадигмах Холодной войны»²⁷.

Для предотвращения такого исхода, по мнению Бьюкенена, необходимо из «вертикального» конфликта между Западом и Востоком сделать «горизонтальный», решающийся внутри каждой отдельной страны. В этом конфликте «консерваторы, традиционалисты и националисты всех континентов и стран» сплотились бы «против культурного и идеологического империализма» того, что Путин считает «декадентским Западом», или же против «воинствующего секуляризма мультикультурной и транснациональной элиты»²⁸. Раньше это называлось классовой борьбой, хоть ее действующие лица и были расположены несколько иначе. Тогда из общественного противоборства вышло противоборство военных блоков, а не наоборот. Данные антагонизмы и сегодня играют роль, когда официальный представитель немаловажной страны в лице Путина сходится с политическими организациями, представляющими маргинальные силы внутри собственных стран, но одновременно бросающими фундаментальный вызов собственным правительствам. С точки зрения Кремля, подобные альянсы являются симметричным ходом, ведь официальная российская политика приписывает те же мотивы западным усилиям по содействию демократии: они, якобы, являются государственным спонсорством смены режимов с преференцией в отношении маргинальных политических групп. С одной лишь разницей: в одном случае речь идет о либеральных группах, в другом – о группах фашистского толка.

Наряду с восторженными заявлениями, наподобие озвученных Бьюкененом, есть подвижки и в практической политической плоскости: постепенно растут связи между официальной Москвой и право-популистским лагерем в Западной Европе. Некоторые пока еще вынуждены довольствоваться собеседниками наподобие Александра Дугина. Это касается, например, председателя венгерской неонацистской партии «Йоббик» Габора Вона, назвавшего после своего визита в Москву в 2013 году путинский Евразийский союз возможной альтернативой Европейскому союзу²⁹. Другие же уже продвинулись дальше. Так, лидер «Национального Фронта» Марин Ле Пен также посетила Москву в июне 2013 и была

²⁷ Buchanan Patrick J. Putin's Paleoconservative Moment // The American Conservative. 17.12.2013. www.theamericanconservative.com/putins-paleoconservative-moment.

²⁸ В этом духе Путин уже стал в 2013 году в Италии героем плакатов. «Национальный фронт» признался на довольно воинственной фотографии своего героя: «Я с Путиным». Лидер движения Адриано Тильгер заявил по этому поводу, что ценит «отважную позицию Путина против влиятельного лобби гомосексуалов» и против «мировых финансовых центров, хотящих войны с Сирией». А также: «Путин – один из немногих европейских лидеров с ясным представлением, что было бы лучшим для Европы». Mackey Robert. Italy's Far Right Salutes Putin for Anti-Gay Law and Support for Assad // NYtimes.com. 12.9.2013. http://thelede.blogs.nytimes.com/2013/09/12/italys-far-right-salutes-putin-for-anti-gay-law-and-support-for-assad/?_php=true&_type=blogs&_r=0.

²⁹ Shekhovtsov Anton. European extreme right and Russian imperialism // Anton Shekhovtsov's blog. 18.12.2013. <http://anton-shekhovtsov.blogspot.de/2013/12/european-extreme-right-and-russian.html>.

встречена на высоком уровне: вице-премьером и знаменитым патриотом России Дмитрием Рогозиным и председателем Госдумы Сергеем Нарышкиным³⁰. Чтобы послание было воспринято во Франции и за ее пределами, французские журналисты и политики право-популистской окраски основали во Франции совместно с официальной московской иновещательной радиостанцией «Голос России» и государственным новостным агентством «Россия сегодня» онлайн-канал «ProRussia TV»³¹.

Но и в Германии наметилось некое движение. Примером тому служат две конференции журнала *Contract*: проведенная 24 ноября 2012 года в Берлине «Конференция по суверенитету Германии» и 23 ноября 2013 года в Лейпциге на тему «Будущее семейных отношений». Данные темы особенно дороги Путину, ввиду его консервативного пробуждения. Партнером– и предположительным спонсором мероприятий – в обоих случаях выступил «Институт демократии и сотрудничества», российская организация с роскошной штаб-квартирой в Париже и с порученным ее главе Наталье Нарочницкой заданием критически относиться к демократии на Западе³². Нарочницкая в прошлом была депутатом Госдумы от партии Рогозина «Родина», созданной Кремлем в 2003 году для привлечения голосов патриотически- и коммунистически-настроенных избирателей.

Обе конференции привлекли те правоконсервативные силы немецкой политики, которые сегодня преимущественно ассоциируются с партией «Альтернатива для Германии» (AfD). Ее внешнеполитическая программа, которой партия преимущественно обязана Александру Гауланду, постулирует по заветам Бисмарка, что свои интересы Германия может эффективнее всего отстаивать лишь в союзе с Россией. На конференции была озвучена и критика «дезинформации о России, распространяемыми проамериканскими СМИ Германии» и еще раз декламирован исторический урок о том, что «русские и немцы никогда и никому более не должны позволить столкнуть их друг с другом»³³. В производство подобных чудных умозаключений бесспорно внесли свою лепту и такие докладчики как бывший советский чиновник Валентин Фалин и посредник России из Берлина Алек-

³⁰ Для сравнения: при визите в США ее авторитета как раз хватило для встречи с двумя республиканцами и приверженцами «Движения чаепития» Роном Полем и Джо Уолшем.

³¹ Так, например, его основателем является Филипп Милио, бывший член ассоциации Новых правых GRECE (Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne), тесно связанной с 90-х годов с «Евразийским движением» Александра Дугина. Директор канала Жиль Арно раньше представлял «Народный фронт» в региональном совете Нормандии, в то время как другой журналист, Александр Айруле, был лидером молодежной организации фронта. См. Jourdan Stéphane, Stroganova Anya. Quand la Russie flirte avec le FN // Slate.fr. 15.9.2013. www.slate.fr/story/75047/russie-fn.

³² В Нью-Йорке есть еще и его второе представительство, «Institute for Democracy and Cooperation», которое, однако, по причине пассивности его директора Андраника Миграняна не ведет активную общественную работу.

³³ Можно посмотреть здесь: Skandal in Deutschland - Russisches TV - Souveränitätskonferenz Leipzig // Youtube.com. www.youtube.com/watch?v=CeGi_8acKkw.

сандр Рар, который и ранее не упускал возможности высказаться об американской «ампутации мозга» и парализующем немецком «комплексе вины»³⁴.

Поскольку конференция в Лейпциге проходила под провокационным девизом «Грозит ли исчезновение европейским народам?» Тило Саррацина – также выступившего на ней – и, помимо прочего, касалась не менее провокационной темы «сексуального перевоспитания», она спровоцировала протесты и даже небольшую контрдемонстрацию³⁵. На демонстрантов натолкнулись и две участницы из Москвы, председатель комитета Госдумы по делам семьи Елена Мизулина и ее заместитель Ольга Баталина, которые своими законодательными инициативами приправили путинские традиционные ценности необходимыми юридическими репрессивными формальностями. Данный непривычный опыт произвел на них столь неизгладимое впечатление, что правительство России было вынуждено направить Берлину официальную ноту протеста, на которую федеральное правительство, к большому неудовольствию организаторов, ответило относительно сдержанно³⁶. В России это «скандальное» происшествие с соответствующими устрашающими картинками также не осталось без внимания. Так, Алексей Пушков, председатель Комитета ГД по международным делам и по совместительству ведущий программы «Постскриптум» на Первом канале, посвятил этому событию целых 15 минут эфирного времени, в течении которых он с эпической широтой противопоставлял деградации ценностей и демократии официального Запада стойкость его правых критиков³⁷. Так замыкаются круги, к которым мы еще вернемся при ответе на вопрос о российских истоках путинского симулятивного консерватизма.

В своем отвращении к космополитизму, мультикультурализму и либеральным ценностям – иными словами, к европейскому проекту как инкарнации всей постхристианской девиации – официальная Москва и европейские правые популисты абсолютно единомысленны. Можно также предположить, что из данной конвергенции идей и взаимного усиления друг друга они в будущем попытаются черпать ту ориентацию и силу, которыми они по отдельности не обладают, и которые, по крайней мере, потенциально могут помочь им обрести влияние.

³⁴ Немецкий политолог Александр Рар: Запад ведет себя так же как и Советский Союз // Комсомольская Правда. 4.5.2012. www.kp.ru/daily/25878/2841694/?cp=4.

³⁵ Конференции по суверенитету, состоявшейся за год до лейпцигской в Свободном университете Берлина, этого достичь не удалось. Ее тема, по-видимому, вызвала меньше эмоций.

³⁶ Берлин хоть и выразил должное сожаление, но добавил к нему и отчет полиции земли Саксония, где указывалось на отсутствие заявлений о правонарушениях и на то, что не только демонстранты вели себя «агрессивно», но и участники конференции. См. Bundesregierung bekundet „Bedauern“ über Angriffe auf Compact-Konferenz // Magazin Compact. 16.1.2014. <https://compact-online.de/bundesregierung-bekundet-bedauern-ueber-angriffe-auf-compact-konferenz/>.

³⁷ Полюбоваться этим можно на Youtube. См. Skandal in Deutschland - Russisches TV - Souveränitätskonferenz Leipzig.

Это касается и самого Европейского союза, который, по словам Ле Пен, можно «улучшить» лишь посредством его разрушения³⁸. В Кремле, похоже, придерживаются того же мнения. Для его хозяина суверенные национальные государства являются сущностью международного порядка, несмотря на то, что именно в России национально-государственный этап европейской политики и не должен был бы вызывать ободряющие воспоминания. Однако без ЕС России на Западе континента больше не противостоял бы сплоченный фронт, что открыло бы долгожданные возможности для заключения различных альянсов. Другим способом воплотить путинское требование равноправия и равенства для России, видимо, не представляется возможным.

Интеллектуальная среда России

Консерватизм Путина вдохновляет не только соответствующие политические круги на Западе. Альянс ценностей работает и в обратную сторону. Во всяком случае, репрессии по отношению к ЛГБТ их пропагандистское сопровождение в самой России являются точным эхом соответствующих евангелических и консервативных кампаний пробуждения на Западе³⁹.

Однако Россия располагает и значительными автохтонными ресурсами, представленными в первую очередь официальной Русской Православной Церковью. В ней Путин нашел единомышленника и партнера, действующего и в качестве генератора лозунгов, и репродуктора его консервативного пробуждения. Другими словами: часто уже сложно отличить высказывания патриарха Кирилла от слов президента Путин. Это касается не только консерватизма, который, по словам патриарха Кирилла, «по природе религиозен», но и либерализма, который олицетворяет ничто иное как «неправильно понятую свободу». По случаю последнего рождественского праздника он в унисон президенту жаловался на российском телевидении:

«Мы живем в эпоху, когда впервые за всю историю человечества, включая языческие времена, грех получает законодательное оправдание, когда грех насаждается силой государства или, если не насаждается, то пропагандируется силой государства со ссылками на человеческую свободу. Когда грех становится нормой поведения, общество перестает быть жизнеспособным. [...] Так вот, если

³⁸ „How to improve the European Union? By making it collapse“ – Marine Le Pen // Radio The Voice of Russia. http://voiceofrussia.com/news/2014_01_09/How-to-improve-the-European-Union-By-making-it-collapse-Marine-Le-Pen-3208.

³⁹ Federman Adam. How US Evangelicals Fueled the Rise of Russia's „Pro-Family“ Right. An alliance is born between anti-gay, anti-abortion American groups and the Russian Orthodox Church // The Nation. 7.1.2014. www.thenation.com/article/177823/how-us-evangelicals-fueled-rise-russias-pro-family-right#.

грех насаждается силой закона, силой убеждения, пропагандой, то человеческая жизнь подвергается колоссальной опасности»⁴⁰.

Однако в отличие от Путина, патриарх наталкивается на меньшее сопротивление потенциальных партнеров за границей, нежели официальные представители России. Отрицательное отношение к абортам, однополым отношениям и другим либертарианским и перmissive явлениям просвещенного западного модерна встречает понимание, по крайней мере, среди многих официальных представителей монотеистических религий.

В августе 2012 года патриарх Кирилл и глава Конференции епископата Польши Йозеф Михалик довольно быстро договорились о совместном призыве к примирению и взаимному прощению, а также к совместной защите христианских ценностей. Особое значение они придали традиционной семье: «Ложно понятая светскость принимает форму фундаментализма и в действительности является разновидностью атеизма»⁴¹.

Если Кирилл и совпадает с Путиным в оценке «антихристианского и антирелигиозного характера» официальной политики на Западе, то в одном – довольно значительном – пункте они все-таки коренным образом расходятся. Для московского патриарха сохранение христианских ценностей является необходимой перестраховкой от падения в атеистическую, т.е. коммунистическую, бездну:

«Все это очень тяжело переживается душой, ведь мы прошли через эпоху атеизма. Хочется кричать на весь мир: "Люди, остановитесь! Мы знаем, что это за жизнь. Вы еще в полной мере не знаете. И то, что вы сейчас демонтируете самые мощные духовные стимулы жизни, может привести к катастрофическим последствиям"»⁴².

Путин на это смотрит иначе, поскольку для него важным является следующий императив, также закрепленный в валдайской речи:

«Мы должны гордиться своей историей, и нам есть чем гордиться. Вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности»⁴³.

При всех стараниях в достижении близости, всегда характеризовавшей отношение Русской православной церкви к государству и его представителям⁴⁴, в этом вопросе присутствует явное расхождение.

Прочие представители преимущественно светской – или тактически религиозной – правой среды в России скорее придерживаются путинского девиза и в последнее время находятся явно в фаворе и на подъеме. Примером здесь может

⁴⁰ Рождественское интервью Святейшего Патриарха Кирилла телеканалу «Россия» // Официальный сайт Московского Патриархата. 7.1.2014. www.patriarchia.ru/db/print/3498045.html.

⁴¹ Их заявление напечатано здесь: Joint Statement of Polish Prelate, Russian Orthodox Patriarch // Zenit.org. 20.8.2012. www.zenit.org/en/articles/joint-statement-of-polish-prelate-russian-orthodox-patriarch.

⁴² Рождественское интервью Святейшего Патриарха Кирилла телеканалу «Россия».

⁴³ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 19.9.2013.

⁴⁴ В упомянутое время это доходило до самозабвения и до того, что уже даже в 2014 году одно церковное издательство выпустило календарь, посвященный Сталину.

служить «Изборский клуб» – основанный в сентябре 2012 года интеллектуальный кружок патриотов⁴⁵. Его провозглашенной целью является толкование всей русской истории в путинском прочтении и преодоление раскола между «красными» и «белыми». Под руководством самопровозглашенного левого патриотического публициста Александра Проханова этот клуб удивительным образом приближен к Кремлю. Как-никак на учредительном собрании клуба присутствовал министр культуры РФ Владимир Мединский. Одним из «основателей» клуб называет и Сергея Глазьева, официального советника президента по вопросам евразийской интеграции. У обоих, как и у вице-премьера Дмитрия Рогозина, совместно с которым Глазьев в свое время руководил партией «Родина» в Думе, соответствующая патриотическая биография. Да и Проханов хвастается тем, что клуб «явно пользуется симпатией властей»⁴⁶.

Но и другие «постоянные» члены клуба не скрывают своей близости к режиму, в их главе – патриотические болтуны, поддерживающие на государственном телевидении рабочую температуру, такие как Михаил Леонтьев и Максим Шевченко. Сюда относятся и Дмитрий Киселев и Алексей Пушков, которые, между делом, были одарены официальными почестями: Пушков является председателем Комитета Госдумы по международным делам, в который он попал после выборов 2011 года в качестве представителя путинского «Общероссийского народного фронта»⁴⁷. Киселев, проводивший выше обозначенное интервью с патриархом, в конце 2013 был назначен, как уже было сказано, генеральным директором нового пропагандистского агентства «Россия сегодня». Оно было образовано вместо наиболее современного и свободного российского информационно-аналитического агентства страны «РИА Новости». Киселев занял должность Светланы Миронюк и начал проводить изменения, которые по форме и по содержанию знакомы старшим читателям на примере публикаций «Советского Союза сегодня»⁴⁸. Еще один прискорбный пример медиальной унификации.

Членом «Изборского клуба», наряду с другими знаменитыми державниками, наподобие генерал-полковника Леонида Ивашова или лидера «Евразийского

⁴⁵ Сайт «Изборского клуба»: www.dynacon.ru/index.php.

⁴⁶ Как, например, в интервью с другим таким же известным патриотом Константином Затулиным: Александр Проханов: «Мы – клуб государственников». Стенограмма передачи «Русский вопрос» 15.5.2013 на телеканале ТВ-Центр // Изборский клуб. www.dynacon.ru/content/articles/1272/.

⁴⁷ Пушкова недавно назначили еще и председателем фракции «Европейские демократы» в Парламентской Ассамблее Совета Европы. В этот орган входят 80 парламентариев, наряду с многочисленными бойцами-одиночками прежде всего британские тори и «Единая Россия». Общими ценностями эти две партии едва ли обладают, разве что они разделяют чувство отвращения к таким наднациональным образованиям как ЕС, что, к счастью, не относится к предмету обсуждения в Совете Европы.

⁴⁸ Об этом неутомимый боец обороны Шевченко написал в Twitter: «Разгром РИА Новости – долгожданное действие Путина. Системное гнездо антироссийских информационных сил разорено. Разумный шаг». Цит. в: Lyman John. R.I.P. RIA Novosti: Putin Rearranges Russia's Media Landscape // International Policy Digest. 9.12.2013. www.internationalpolicydigest.org/2013/12/09/r-p-ria-novosti-putin-rearranges-russias-media-landscape. Оригинал: Максим Шевченко // Twitter. 9.12.2013. <https://twitter.com/Shevchenkocomax/status/410011622317764608>.

движения» Александра Дугина, является, конечно, и Наталья Нарочницкая. Именно она во время конференции *Compact* в Лейпциге жаловалась на западные «тоталитарные табу» и дошла до заявления: «Я никогда не думала, что мне придется защищать демократию в Европе»⁴⁹.

Александр Проханов в свойственной ему размашистой манере так описал смысл и цель «Изборского клуба»:

«Наш клуб, наш ансамбль – это лаборатория, где мы будем выстраивать, создавать идеологию русского государства, исследуя глубинные коды русской истории и русской государственности. Наш клуб – это институт, который будет стремиться обосновать и создать теорию рывка, стратегию, концепцию этого рывка. И наш клуб – это военная мастерская, где мы станем создавать идеологическое оружие, которое будет немедленно направлено в бой»⁵⁰.

То, что клуб воспринимает себя в качестве служителя «русского государства» и государственной идеи «как своеобразной религии, как высшей ценности для русского народа» – само собой разумеется⁵¹. Из этого вытекает для Проханова неотложная задача, ибо «деидеологизация государства оказалась в XX столетии самым сильным организационным оружием в руках геополитических противников нашей страны»⁵². Необходима, таким образом, ре-идеологизация, к которой, по всей видимости, призывает и Путин, отказываясь от прежних постулатов. Только при помощи собственной идеологии, по словам Проханова, Россия может устоять во всемирной «схватке идеологий» и победить в своей стране, оказавшейся «полем брани, где решаются судьбы ее народа, ее исторического суверенитета»⁵³.

В этой борьбе за идеологическую ориентацию страны «Изборский клуб», по собственному утверждению, представляет патриотическое и консервативное крыло; таким образом, он позаботился о том, чтобы:

«российское политико-идеологическое пространство утратило (будем надеяться, навсегда) неестественно и болезненно однобокую конфигурацию. Теперь у него два ярко выраженных крыла, две противоборствующие и, в общем-то, равно

⁴⁹ Нарочницкая в интервью программе «Постскрипtum». См. Skandal in Deutschland - Russisches TV - Souveränitätskonferenz Leipzig.

⁵⁰ Проханов Александр. Мы – Изборское братство // Изборский клуб. Русские стратегии. 2013. № 2. Февраль. С. 2-7, здесь: с. 4. www.dynacon.ru/arh/02_13_Book.pdf.

⁵¹ Проханов в интервью с Затулиным, где он дальше разъясняет: «Нет государства – нет исторического пути. Все стоит на концепции русского государства как государства имперского, извечно имперского, издревле имперского и ныне имперского, несмотря на то, что эта империя усечена, она осколена и мы, казалось бы, являемся национальным государством по формулировкам». Александр Проханов: «Мы – клуб государственников». Стенограмма передачи «Русский вопрос» 15.5.2013 на телеканале ТВ-Центр.

⁵² Ульяновская декларация Изборского клуба // Изборский клуб. www.dynacon.ru/content/articles/901/.

⁵³ Проханов. Мы – Изборское братство. С. 3.

влиятельные платформы: либерально-валдайская и державно-изборская. Обе они, что существенно, поддерживают прямой диалог с властью»⁵⁴.

С клубом «Валдай» это, несомненно, так, поскольку он был основан десять лет назад по инициативе Кремля с целью улучшения уже тогда далеко не оптимального имиджа России в мире. Для этого каждый год многочисленные западные ученые и журналисты встречаются с их российскими коллегами в фешенебельных местах, чтобы совместно и очень критично дискутировать о политике, экономике и обществе в России и в заключение обсудить сделанные выводы лично с Путиным. Ход и темы четко согласовываются с Кремлем и отражают его повестку дня, поэтому не только в «Изборском клубе», но и в клубе «Валдай» в 2013 году актуальной была тема российской идентичности и идеи. Однако политический спектр участников клуба «Валдай» очень широк и простирается с российской стороны от Александра Проханова, Натальи Нарочницкой и Михаила Делягина из «Изборского клуба» до Владимира Рыжкова и Бориса Немцова от внепарламентской оппозиции.

«Изборский клуб», наоборот, намного более обтекаемый, хотя своим названием он копирует валдайскую модель: Валдай – это местность неподалеку от Новгорода, Изборск – крепостное сооружение недалеко от Пскова, прямо на границе с Эстонией – в настоящее время одним из главных предполагаемых врагов России. Однако в то время как клуб «Валдай» служит исправлению имиджа за пределами России, «Изборский клуб» заботится об идеологическом вдохновении внутри, что иногда ведет к намного более существенным последствиям за пределами России.

Сколь сильно «Изборский клуб» уверен в своей обязанности защищать русскую государственную идею, столь же мало у него и у некоторых других политических деятелей современной России сомнений относительно их противника: «либерально-глобализаторской идеологии и ее адептов, действующих в интересах наших геополитических врагов». Именно «либеральный проект», по мнению участников клуба, «праздновал победу и над традиционной Россией в феврале 1917 года, и над Советским Союзом 74 года спустя». Чтобы успешно противостоять данной опасности, необходимо «выступить единым патриотическим, имперским фронтом», к чему клуб и призывает в своей Ульяновской декларации от декабря 2012 года:

«России необходимо слияние двух мощнейших энергий, произрастающих из "красной" и "белой" идеологий русского патриотизма. Это слияние подразумевает привнесение в структуру и систему деятельности государства мощного элемента социальной справедливости, который наследуется от СССР, и возвращение к православно-христианской духовности и универсальности традиционной России. Такой синтез сделает нашу страну и державу непобедимой, позволит пред-

⁵⁴ Нотин Александр. Изборский клуб: рубеж атаки // Изборский клуб. www.dynacon.ru/content/articles/2486/?sphrase_id=732728.

ложить человечеству всеобщий путь социального развития, основанный на опыте Русской цивилизации»⁵⁵.

Эти «две традиции государственности» неразрывны:

«традиция русских царей, собирателей империи, и традиция Сталина, советского цивилизационного строительства. И для одной, и для другой традиции святыней является суверенность державы»⁵⁶.

Для «Изборского клуба» этот «красно-белый синтез» является существенной задачей, поскольку только борьба с общим противником – западным либерализмом – позволит на данный момент преодолеть идеологические расхождения, сделавшие в прошлом из красных и белых злейших врагов. Сомнительно то, что вне этого альянса их разногласия удастся преодолеть надолго. По крайней мере, Путин со своей стороны разъяснил, что он, хоть и разделяет общую враждебность по отношению к либерализму, но придерживается невысокого мнения о возврате в прошлое в красно-белом синтезе или красно-белой альтернативе. Так, в своей валдайской речи он заявил:

«Мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно. Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 года, похоже, так же далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма»⁵⁷.

Данные высказывания, однако, не позволяют точно определить, где же именно находится путинская реальность. Во всяком случае, его традиционные ценности претендуют на вечную значимость – и этим они еще менее пригодны для перевода их в конкретную политику, представляющую собой нечто больше, нежели придание традиционному и все более враждебно настроенному отмежеванию от Запада чего-то похожего на программную связность.

Что делать?

Идеологическая реинкарнация Путина как ценностного консерватора еще не делает из российской политики идейно обоснованную сущность, а из ее ведущей партии «Единая Россия» мировоззренческую партию. Также и наступательная манера, которой Западу противопоставляются тысячелетние традиционные ценности, не может скрыть тот факт, что, по сути своей, здесь речь идет об интенсивном укреплении оборонительных позиций. Однако нельзя говорить и том, что все остается по-старому только уже под видом идеологически оформленного прагматизма. Новая мантра консерватизма, задаваемая высшей властью в стране, создает виртуальную реальность, которая порождает новую динамику, оказывающую влияние как на уровне идей, так и во взаимодействии с участниками политического процесса.

Консервативная реидеологизация Москвы после более двух десятилетий вновь возрождает подобие идеологического противоборства с Западом – несмотря на

⁵⁵ Ульяновская декларация Изборского клуба.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 19.9.2013.

искусственный характер и эклектизм, присущий путинскому освоению традиции. Сопоставляя западную программу демократизации с упадком ценностей и растлением нравов – и тем самым выставляя ее недемократическим элитным проектом – Путин отрицает их универсальное значение и обращается к столь же универсальному, но религиозно украшенному ценностному канону. Этот канон обладает тем обаянием, что он как регулярно возрождаемый исторический феномен, каждый раз сопровождается возрождением авторитарных традиций. Этим он также прорывает до этого сплоченный западный демократический фронт против путинизма как авторитарной модели правления и переводит противоборство на новое поле спора о ценностных ориентирах внутри Запада.

Тем самым открываются совершенно новые точки соприкосновения и потенциальные коалиции и в области личных контактов. Как в традиционалистском западном лагере христианских церквей, так и в право-популистском лагере, переживающем в последнее время серьезный приток единомышленников во всех странах ЕС, московские песни сирен находят отклик. Поэтому здесь встает только один вопрос о том, как долго продержится взаимное опасение сближения. В среде правых популистов, по крайней мере, предполагаемое повышение собственной значимости, сулимое усилением связей с Москвой, уже сейчас перевешивает опасения относительно сопутствующего урона.

Из всего вышесказанного проистекают два вопроса для западной и, в частности, для немецкой политики: должен ли Запад, исходя из противного, деидеологизировать, т.е. демократически «обесценить» собственную политику? И что делать с перспективой сотрудничества западно-европейских правых популистов и московских правых консерваторов? К деидеологизации политики по отношению к России с немецкой стороны всегда призывали те, кто опасался ухудшения климата сотрудничества и ущемления немецких интересов из-за чрезмерной концентрации на разногласиях по вопросам ценностей и их реализации. Политическим вызовом здесь было установление баланса между сотрудничеством в настоящем времени и демократизацией российской политики в отдаленном будущем⁵⁸.

Этот диалектический подход исчезает, если на фоне идеологически заряженного путинизма Запад в своих заявлениях откажется от демократической перспективы для России. Подобные идеи неожиданно читаются в высказываниях немецкого министра иностранных дел Франка-Вальтера Штайнмайера, заявившего в конце января 2014 года на юбилейной Мюнхенской конференции по безопасности: «Вопрос о том, каким путем стратегически и во внутренней политике в конце концов пойдет Россия, остается открытым»⁵⁹.

⁵⁸ Spanger Hans-Joachim. Kooperation tut not! Wider die Blindheit der Putin Feinde // Osteuropa. 2013. № 7. P. 169-187.

⁵⁹ Ohne Russland geht es nicht // Auswärtiges Amt. www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Interviews/2014/140127-BM_Focus_MueSiKo.html.

То, что путь России в противовес предыдущим оценкам внезапно стал «открытым», очевидно, связано с тем, что в случае с Россией теперь речь идет не только о «политических дефицитах», но и о существовании «принципиально расходящихся представлений о правовом государстве, демократии и гражданских правах». Таким образом, немецкий министр иностранных дел повторяет то, что в прошлом постоянно утверждалось самой Россией, но никогда не было подкреплено содержательно – и ныне впервые нашло материальную основу в виде «традиционных ценностей».

Но и она несвязна, противоречива и поэтому мало пригодна для того, чтобы стать альтернативным общественно-политическим проектом, выходящим за рамки знакомых защитных рефлексов. Слишком неприкрыто этот новый традиционализм стремится нейтрализовать внешние требования проведения реформ, а внутри страны сплотить консервативные ряды, злоупотребляя при этом репутацией православной церкви. Ведь если присмотреться к тому, что же именно стоит за этими «принципиально расходящимися представлениям», то это не более, чем пустой звук.

Конечно, перспективы развития России открыты – в мире научного познания. Однако если подобное заявление озвучено министром иностранных дел, то речь здесь идет не о научном, а о политическом утверждении, не прогностического, а программного характера. Но если Россия отпускается в произвольное плавание в море различных целей и путей развития, то смысла работать на достижение демократического будущего тоже больше нет. Без ожидания демократической перспективы развития концептуально теряет свой смысл и партнерство для модернизации, у истоков которого стоял сам Штайнмайер. Оно не стало успешным не по той причине, что в обозримом периоде с 2008 года его результаты оказались незначительными, а критики концепции в Берлине и Москве по-разному интерпретировали его суть. Суть подобной стратегии, нацеленной на развитие, и состоит в том, что она может действовать лишь в долгосрочной перспективе и поэтому должна быть рассчитана именно на это. Если же происходит отказ от цели, то и стратегия ее достижения оказывается избыточной.

Повода для деидеологизации немецкой политики по отношению к России, т.е., отказа от оперативной значимости перспективы демократического развития, таким образом, нет. Она остается необходимым компасом, который становится незаменимым именно тогда, когда цель находится еще в далеком будущем, и путь к ней оказывается извилистым, без четких указательных знаков. Данная цель также сигнализирует Москве, что сотрудничества любой ценой не будет.

Однако из того факта, что цель находится в далеком будущем, проистекает и призыв к сотрудничеству. Дмитрий Медведев во время своего промежуточного президентства высказал в речи перед Федеральным Собранием одно мудрое умозаключение о том, что

«для достижения позитивных результатов "проблемные" государства – в какой бы точке земного шара они ни находились – надо не изолировать, а вовлекать в диалог»⁶⁰.

Это относится, разумеется, и к России Путина, но относится ли это также к каждому официальному представителю этой России? никоим образом. У Запада нет никаких оснований раскатывать красную дорожку перед теми политическими представителями Москвы, которые совместно с западными правыми популистами самодовольно упиваются их общим отвращением к царящим там порядкам или стараются совместно погубить Европейский союз. Даже если они и приезжают из России, с ними следует обращаться так же, как и с их местными коллегами.

Несмотря на то, что путинский консервативный поворот намечался уже давно, он, тем не менее, стал самой большой неожиданностью прошлого года. Ему присуща определенная внутренняя логика, поскольку он под давлением неутрачивающих критических обвинений со стороны Запада меняет тактику, тем самым пропагандистскими методами уменьшая давление на Кремль, и как бы переходит в наступление. Это, прежде всего, создает эффект самовнушения и дает россиянам успокоительное ощущение того, что Кремль, несмотря на очевидность обратного, все-таки движется во вполне цивилизованном мейнстриме. Однако поскольку этот новый идеологический поворот открывает возможности заключения новых союзов и альянсов, существует вполне ощутимая опасность того, что Россия в Европе вновь станет тем, чем она уже часто оказывалась под разными масками: агрессивным антиподом просвещения и либерализма. Допустить этого нельзя.

Перевод с немецкого Антонины Зыковой

⁶⁰ Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации // Сайт Президента России. 5.11.2008. <http://kremlin.ru/transcripts/1968>.

IV. Страницы новейшей истории

Анатолий Сметанников

Модернизация и консерватизм в пореформенной России

«...a new public culture was indeed developing in Late Imperial Russia. ...all pointed toward the creation of what Habermas would call a “public sphere”. But this public sphere developed in a specific context, one far removed from nineteenth-century America or even the Bismarckian Reich. A key determinant of this context was the state»¹.

Samuel D. Kassow

Пореформенная (после 1861) эпоха общепризнанно считается критическим этапом в процессе модернизации России. С этой точки зрения она рассматривается во многих работах, коллективных и авторских². При этом в последние десятилетия внимание исследователей все более смещается с социально-экономического аспекта модернизации на социокультурные ее детерминанты, в том числе на процесс формирования гражданского общества. Так, парадоксальные взаимоотношения между самодержавным режимом и гражданским обществом, спонтанно формирующимся в процессе иницируемой этим режимом модернизации, поставил в центр концептуального изложения истории петербургского периода проф. М. Раев в его труде *Comprendre l'Ancien Régime russe: état et société en Russie Impériale, essai d'interprétation* (1982). Той же теме посвящен, в частности, сборник *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* (1991) и ряд других исследований³.

¹ Kassow S.D. *Russia's Unrealized Civil Society // Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Ed. E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West. Princeton, 1991. P. 367.

² См., напр.: *Imperial Russia after 1861: Peaceful Modernization or Revolution?* / Ed. A.E. Adams. Boston, 1965; *The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861* / Ed. C.E. Black. Cambridge, 1960; Lincoln W.B. *The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia*. Dekalb, 1990; Mosse W.E. *Alexander II and the Modernization of Russia*. L., 1958; idem. *An Economic History of Russia, 1856–1914*. L., 1996; *Модернизация в России и конфликт ценностей / Под ред. С.Я. Матвеевой*. М., 1993; Каспэ С.И. *Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика*. М., 2001; Миронов Б.Н. *Социальная история России*. 2 тт. СПб., 2003.

³ *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Ed. E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West. Princeton, 1991.; Raeff M. *Comprendre l'Ancien Régime*

Начало модернизации («осовременивания») в Европе связано с Французской революцией как решающим событием в процессе становления коллективной воли европейского человечества к сознательному усилению «современных» черт Нового времени⁴. 1789-м годом условно датируется переход от идейного оформления этой воли (Просвещение) к приведению ее в действие. Просвещение выступило как артикуляция и апология радикальной новизны Нового времени (Modern Age, Modernity) и сформулировало задачу целенаправленного утверждения этой новизны в ущерб «пережиткам средневековья». «Модернизация» («осовременивание») была тем самым теоретически подготовлена так, как, по-видимому, никакой иной исторический процесс прежде того, – именно как осознанно мотивированное поощрение соответствующих «современности» социокультурных формирований и разрушение «архаических» институциональных и ментальных структур. Иными словами, «модернизация» есть осознание Новым временем собственной новизны и, тем самым, интенсификация ее через сотворение «традиции новизны» (tradition of novelty)⁵, перманентное обновление («осовременивание»). Сознание (дух) играет все возрастающую роль в Новое время вообще; начиная же с Просвещения (Век Разума), с его культом ratio и идеей общественного мнения, оно становится главным фактором европейской истории (и в качестве идеологии – самым непосредственным образом).

Политический консерватизм выступает как оппозиция «современности» и модернизации (прежде всего в политическом их аспекте), идейно обоснованным в Просвещении, т.е. как традиционализм и антимодернизм *par excellence*. Но если в Англии эта оппозиция носит в основном инструментальный характер, отвергая «современные» образцы политического действия, логику и логику современной политики, но отнюдь не сами цели свободы и общего блага⁶, то в Германии и

russe: *État et société en Russie impériale*. P., 1982. Особый подход к данной теме предложил, в частности, Л. Хэфнер в статье «Civil Society, Bürgertum и "местное общество": В поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в поздней имперской России», где дан также общий ее обзор (*Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 161-208).

⁴ По словам М. Раева, например, «what may be detected in the second half of the seventeenth century – and what emerged into the open in the eighteenth in most of Western and Central Europe – is society's conscious desire to maximize all its resources and to use this new potential dynamically for the enlargement and improvement of its way of life. The potential of resources includes not merely material products and riches, but intellectual and cultural creations as well». (Raeff M. *The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach* // *The American Historical Review*. 1975. Vol. 80. № 5. P. 1222.)

⁵ Valade B. *Modernity* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / Ed. N.J. Smelser, P.B. Baltes. Amsterdam, N.Y., Tokyo, 2001. P. 9940.

⁶ В Англии особая констелляция, там консерваторы в значительной мере разделяют цели (классического) либерализма, но расходятся с ним в их интерпретации и способах достижения. Причина этого в том, что «современные» ценности, провозглашенные универсальными, фактически связаны по своему содержанию и происхождению именно с английской традицией, которая, хотя и в идеализированном виде, послужила для ведущих представителей французского Просвещения ближайшим, после античной демократии, историческим образцом разумного и справедливого социального устройства. Британский (и американский)

в России консерватизм выступает именно против «современных» идеалов и ценностей, – основных, как свобода, равенство и личное право, и производных, как демократия, конституционализм, правовое государство, и др., в конечном же счете – против «политики» как таковой.

Как известно, основные векторы модернизации берут свое начало в европейском средневековье (вопреки мнению большинства представителей Просвещения, обычно акцентировавших момент разрыва с прошлым и умалявших меру преемственности). Такие атрибуты модернизации, как демократия и конституционализм, были известны на Западе задолго до Нового времени. Политическая модернизация как расширение и институционализация политического участия (*political participation*)⁷, т.е. как плюрализация власти, связана на Западе со становлением современной формы «гражданского общества» как соположенного государству автономного социетального актора⁸. Понятие и феномен «гражданского общества» вообще присущи истории Европы, поскольку социальные отношения там всегда принципиально мыслились и в той или иной мере строились по модели греческого полиса⁹. Классическая Эллада как конгломерат полисов, как *политически* в самом прямом смысле, т.е. полипотестарно структурированная территория, была прототипом Европы. После падения Рима Европа всегда представляла собой более или менее единое *политическое* пространство со многими легитимными инстанциями и центрами власти.

По мнению Дж.Л. Коэн и Э. Арато, современное гражданское общество возникло на Западе в результате попытки «деполитизации», т.е. отрешения от власти средневекового корпоративного общества в период абсолютизма в ходе формирования системы единоличного правления там, «где ранее имело место сосуществование монарха в качестве *primus inter pares* рядом со множеством других

консерватизм отличается от континентального не в меньшей мере, чем аналитическая философия – от феноменологии и экзистенциализма. Чем дальше на Восток от туманного Альбиона, тем глубже различие между традицией и «современностью», и, соответственно, тем серьезнее разногласия между сторонниками и противниками «современности», тем более телеологический характер они принимают. Это составляет, на наш взгляд, объективно-культурную основу намеченного Питером Фиреком различия между *Burkean* и *Mainstream* вариантами консерватизма (Viereck P. *Conservatism: From John Adams to Churchill*. Toronto, 1956. P. 11ff.).

⁷ «Political modernization may include the transformation of an autocracy in a democracy, or the transformation of a regime with limited political participation in a political system dominated by mass participation... and competitive struggles for the acquisition of power» (Schmidt M.G. *Modernization, Political: Alternate Paths* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. P. 9961).

⁸ Современное гражданское общество определяется как «a self-regulating, self-governing body outside and often in opposition to the state, represented both as the nexus of societal associations expected to generate civility, social cohesion, and morality, and as the site of reciprocal economic relations among individuals engaged in market exchange activity» (Islamoglu H. *Concept and History of Civil Society* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. P. 1891).

⁹ Так, по словам Ч. Мак-Илвэйна, «whatever our form of government, Greece has furnished us the main outlines of our political science. And the fact that the details of government under modern conditions have become so different from those peculiar to Aristotle only serves to bring into stronger relief their essential identity» (McIlwain Ch.H. *The Growth of Political Thought in the West: From the Greeks to the End of the Middle Ages*. N.Y., 1953. P. 3f).

обладателей власти (система классического феодализма)». При этом структуры и корпоративный статус прежних властных групп сохранились, поэтому «еще до того, как абсолютистскому государству удалось – во имя обретения статуса единого субъекта государства – дезорганизовать ... своих корпоративных соперников, началось и встречное движение по реорганизации "общества" как некоего противовеса государству»¹⁰.

Таким образом, политическая модернизация и становление гражданского общества на Западе, хотя и сопряженные с революционным насилием, стали очередным этапом длительной эволюции властных отношений, основанной на полицентрическом их характере, спонтанным и исторически естественным шагом в направлении дальнейшей их плюрализации. Поскольку плюрализм властных отношений возник не в Новое время, но столь же, хотя и в иных формах, характерен для античности и средневековья, многие авторы склонны видеть в нем определяющую особенность Западной Европы сравнительно с прочими культурно-историческими регионами¹¹.

Принципиально отлична в этом плане от Европы также и Россия, где издавна возобладали центростремительные тенденции структурирования власти, которые проявились еще в Ростово-Суздальской Руси, укрепились, в условиях монголо-татарского ига, в ходе собирания земель под Москву, и полностью воплотились в идее и институте самодержавия. Поэтому ситуация в России, как подчеркивал, например, Х. Сетон-Уотсон, «is surely basically different from that in Europe»¹². В связи с этим экзистенциальным отличием социетальной структуры и государственности России от таковых западноевропейских необходимо, в частности, отличать русский консерватизм от его западных аналогов¹³.

Модернизация Запада как интенсификация его глобальной экспансии и как политическая плюрализация является вестернизацией прочих культурных регионов. «Modernization in Western Europe was a more or less spontaneous process,

¹⁰ Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 134-135.

¹¹ Монтескье, Бёрк, Местр, Ранке, К. Виттфогель, Оукшот, Ш. Н. Эйзенштадт, Г. Кёнигсбергер, и др.

¹² Seton-Watson H. Russia and Modernization // Slavic Review. 1961. Vol. 20. № 4. P. 585. «Surely, – добавляет он, – this is what Speransky meant when he said that "monarchical government" did not exist in Russia» (ibid.). «If there is one single factor which dominates the course of Russian history, at any rate since the Tatar conquest, it is the principle of autocracy. ... In this respect Russian history differs from that of all west European countries, except perhaps Spain. ... No social group held political power, or made policy. This role was reserved to the autocracy, which used nobles as its instruments, rewarding them materially but not compromising in matters of power» (Seton-Watson H. The Russian Empire, 1801–1917. Oxford, 1967. P. 10-12.).

¹³ «Conservatism in the ordinary Western use of the term arose from reactions against the French Revolution. Tsarist conservatism, though also sharing these Western reactions, had basically different and older origins. Partly it went back to the autocratic Khans of the Tartars... Partly it went back to the Greek Orthodox Church and to the medieval Byzantine empire... Serfdom, lack of middle class, and lack of constitutional traditions were other historical flukes promoting Russia's elephantiasis of autocracy. For all these reasons, Russian conservatism was unique» (Viereck. Conservatism. P. 84-85.)

resulting from social development. ... Modernization in Russia, Asia, and Africa has been deliberately initiated»¹⁴. Исторически формируясь между Западом и Востоком, Россия испытывала влияния с обеих сторон, поэтому процесс европеизации начался в ней гораздо раньше, чем в собственно восточных странах. По Ключевскому, этот процесс стал циклическим уже с воцарением Михаила Романова¹⁵, – таким образом, ко времени Великих реформ модернизация России проводилась уже около двух веков¹⁶. Инициатором ее выступало государство, прежде всего в адаптивных целях (defensive modernization), поэтому заимствовались преимущественно военные и административные технологии, тогда как социально-государственный строй оставался неизменно и принципиально отличным от полицентрического социально-политического порядка, преобладающего на Западе. Европеизация России, проведенная Петром I, при всей ее интенсивности, в целом носила культуртрегерский характер; аранжировав под западный «абсолютизм» московское самодержавие, он только укрепил и усилил его, вместе с соответствующим моноцентризмом социетальной структуры¹⁷. Насажение западной культуры среди дворянства само по себе имело, правда, далеко идущие последствия в связи с зарождением «(образованного) общества», по мере своего развития постепенно ставшего затем важнейшим историческим фактором. Социальное реформирование начинается лишь при Петре III и Екатерине II, с раскрепощением служилого дворянства и дарованием ему прав личной свободы и собственности.

Реформы Александра II, очередной шаг на пути европеизации России, оказались гораздо радикальнее всех прежних, поскольку имели уже решительно социетальный масштаб: результатом их стало формально-правовое преобразование всего социума в целом. Им присуще также и собственно политическое измерение в связи с институционализацией относительно автономной сферы легитимной общественной деятельности (земская и судебная реформы 1864 г.). Уже само существование этой сферы ставило самодержавие под вопрос, хотя ограничение мо-

¹⁴ Seton-Watson. *Russia and Modernization*. P. 587.

¹⁵ «Когда царь Михаил, сев на разоренное царство ... обратился к земле за помощью, он встретил в избравших его земских представителях преданных и покорных подданных, но не нашел в них ни пригодных сотрудников, ни состоятельных плательщиков. ... С тех пор не раз повторялось однообразное явление. Государство запутывалось в нарождавшихся затруднениях; правительство ... начинало искать в обществе идей и людей, которые выручили бы его, и, не находя ни тех, ни других, скрепя сердце, обращалось к Западу, где видело старый и сложный культурный прибор, изготовлявший и людей и идеи ...» (Ключевский В.О. Сочинения. 9 тт. Т. 3. М., 1988. С. 10-11).

¹⁶ См. также, напр.: Dixon S. *The Modernisation of Russia, 1676-1825*. Cambridge, 1999.

¹⁷ «Государственное устройство осталось прежним, полнота верховной власти ... получила более пространное определение... Земское самоуправление, имевшее не политический, но сословный характер до Петра, осталось таким же... Над органами сословного самоуправления, как и раньше, стояли учреждения бюрократические, и хотя внешние формы администрации были изменены, общий тип ее оставался неизменным... Деятельность Петра не была и общественным переворотом. Государственное положение сословий и их взаимные отношения не потерпели существенных изменений. Прикрепление сословий к государственным повинностям осталось во всей силе, изменился только порядок исполнения этих повинностей» (Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 2002. С. 568-569).

нархии не входило в намерения царя¹⁸. Таким образом, вследствие Великих реформ началась не только социально-экономическая, но и социально-политическая модернизация: «beginning with the period of the reforms a democratic society was growing in Russia under an autocratic government»¹⁹.

Мнение проф. М. Раева о возникновении гражданского общества в России уже при Александре I основано, кажется, на слишком общем и туманном понятии «гражданского общества»²⁰. Можно утверждать, скорее, что только в 1860-х гг. появились объективные основания для развития обособленного от государства и противопоставленного ему «общества», спонтанно стремящегося превратиться в гражданское общество западного типа. Решающее значение Великих реформ в этом плане констатируется издавна. Так, по словам Платонова, они принесли русскому народу «неведомые ему дотоле блага гражданственности»²¹; «величие реформ 60-х годов» – в их «общественном духе», указывал П.Б. Струве²². Революционное значение именно 1860-х гг. отмечал и Флоровский: «это был всеобщий сдвиг. В "замечательные десятилетия" этого еще не было. ... "Общественным" и широким движение становится только позже, только в эти, в "Шестидесятые" годы»²³. Как подчеркивает также Э. Виртшафтер, «not before the creation of all-class zemstvo assemblies in 1864 did representatives of Russian society acquire a legally constituted institutional base for independent political action. Only then could a politics of open contestation involving the monarchy, bureaucracy, and different groups in society begin to emerge»²⁴. Речь шла при этом о смене монистического парадигмального принципа властных отношений плюралистическим. Реформы 1860-х гг., главным образом земская и судебная реформы 1864 г., – обусловили легитимную возможность независимой деятельности, прежде всего в земском самоуправлении, судопроизводстве и печати.

В отличие от Западной Европы, где современное гражданское общество, как отмечено выше, возникло спонтанно, в процессе трансформации традиционно полицентрической структуры власти, этот феномен был чужд социетальной структуре и традиции России. Если дуализм государства и общества – «постоянная составляющая истории и политической философии Европы ... со времен Платона»²⁵, то константой русской истории является монизм государства; высказывание А. Грамши: «на Востоке (и в России) государство было всем, гражданское

¹⁸ Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 135; Леонтович В.В. История либерализма в России, 1762–1914. М., 1995. С. 339.

¹⁹ Karpovich M.M. Imperial Russia, 1801–1917. N. Y., 1940. P. 43.

²⁰ Raeff. Comprendre l'Ancien Régime russe. P. 137.

²¹ Платонов. Полный курс лекций по русской истории. С. 768.

²² Струве П.Б. Предисловие к первому изданию // Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка Министра финансов Статс-Секретаря С.Ю. Витте (1899 г.). Stuttgart, 1903. С. XXXIII.

²³ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Интернет-версия, 2003. VI, 9. // Библиотека «Вехи». <http://www.vehi.net/florovsky/puti/06.html>. Последнее посещение 19 ноября 2013.

²⁴ Wirtschafter E.K. Russian Legal Culture and the Rule of Law // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7. № 1. P. 63.

²⁵ Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М., 1998. С. 279.

общество находилось в первичном, аморфном состоянии»²⁶, – столь же хорошо известно, сколь и справедливо.

Основной конфликт пореформенной эпохи был задан тем, что рядом с государством, на протяжении столетий монополюбно направлявшим жизнедеятельность социума, возникли зачатки «общественной сферы» (public sphere)²⁷. В конце 1850-х – начале 1860-х гг., когда «общество» только начинало выходить из эмбриональной, кружково-салонной формы существования, и преобладали туманные представления о «либеральном абсолютизме», этот конфликт только назревал. Поэтому, например, посредством земской реформы надеялись «дать пищу внутренней активности общества»²⁸, видели в земстве даже «противовес конституционным стремлениям»²⁹, не понимая, по словам В. Леонтовича, что оно окажется «зародышем конституционного строя»; по его мнению, «лишь в 80-е годы Победоносцев начал это подозревать, и лишь в конце века ... Витте откровенно указал на несовместимость самоуправления с самодержавием»³⁰. Хотя, вопреки его мнению, мысль о несовместимости земства с самодержавием была высказана прямо еще в 1882 г. в брошюре В.А. Гольцева «Государство и самоуправление», в завуалированном же виде – уже в книгах *Губерния, ее земские и правительственные учреждения* (1864) А.И. Лохвицкого и *Десять лет реформ. 1861–1871* (1872) А.А. Головачева³¹, все же лишь к концу века земская активность стала восприниматься как автономная в социетальном масштабе.

Однако и в формально установленных рамках учреждения общественной самодеятельности (т.е. земство и суды прежде всего), беспрецедентные в истории России, продуцировали гражданское общество и общественное сознание. Вопрос о мере и характере этой самодеятельности, т.е. об автономии общества от государства, возник уже в ходе разработки земской реформы и с годами оказался в самом центре внимания. С ним в значительной мере связана, например, эволюция взглядов Каткова, который в эпоху оттепели пропагандировал идеи общест-

²⁶ Грамши А. Избранные произведения. 3 тт. Т. 3. М., 1959. С. 200.

²⁷ «The closely related concepts of civil society and public sphere developed in the early modern era to refer to capacities for social self-organization and influence over the state. ... Public sphere is one of several linked terms (including 'public space,' simply 'public,' and the German *Öffentlichkeit*, or publicness) that denote an institutional setting distinguished by openness of communication and a focus on the public good rather than simply compromises among private goods» (Calhoun C. *Civil Society/ Public Sphere: History of the Concept* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. P. 1897).

²⁸ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 179; Зайончковский П.А. П. А. Валуйев // *Дневник П.А. Валуйева, министра внутренних дел*. 2 тт. Т. 1. М., 1961. С. 33.

²⁹ Леонтович. История либерализма в России. С. 309.

³⁰ Там же. Имеется в виду составленный в ведомстве Витте меморандум, опубликованный П.Б. Струве за границей: *Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка Министра финансов Статс-Секретаря С. Ю. Витте* (1899 г.). Stuttgart, 1903.

³¹ Верещагин А.Н. *Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты)*. М., 2002.

венной автономии и активности³², но позднее все настойчивее подчеркивал, что общественное служение есть только одна из форм государственной службы³³. Вслед за ним этот мотив усиленно продвигали и ведущие либеральные теоретики земства, прежде всего Безобразов и Градовский, но, разумеется, с противоположными намерениями: если Катков требовал полной субординации всякой деятельности в рамках существующей моноцентрической структуры власти, то апологеты земства рассчитывали на то, что мимикрически развившаяся под эгидой этой структуры общественная самодеятельность легитимно эмансипируется от нее со временем³⁴. К. Леонтьев, критикуя пореформенный суд и земство, указывает именно на превышение отмеренных правительством полномочий и растущие претензии на автономную социетальную роль³⁵. Таким образом, конфликт между государством и обществом, издавна считающийся одним из ключевых факторов истории России XIX века³⁶, чрезвычайно обострился вследствие Великих реформ, обусловивших стремительное, почти мгновенное по историческим меркам становление «общества» в качестве – наряду с самодержавным государством и вопреки его объективно-историческому значению – автономного социального «актора», никогда прежде в стране не существовавшего. В реальном своем масштабе этот конфликт начал обнаруживаться именно лишь в ходе осуществления реформ и собственно в процессе становления «общества», и тогда туманно-либеральные настроения периода «оттепели» стали сменяться резким разделением позиций.

Таким образом, в результате реформ 1860-х был инициирован, – хотя и, подчеркнем еще раз, вопреки намерениям Александра II и его окружения, – процесс политической модернизации, институционализации политического участия и формирования гражданского общества. Пореформенный консерватизм представлял собой, главным образом, принципиальное и со временем все более осознанное сопротивление именно этому процессу плюрализации традиционно моноцентрической структуры власти. Этим обусловлена, по нашему мнению, эволюция взглядов таких типических консерваторов пореформенной эпохи, как Победоносцев или Катков, которые в период «оттепели» шли в первых рядах реформаторов³⁷, но затем встали в оппозицию к курсу реформ. Их «поправение» отражает, прежде всего, именно осознание ими масштаба противоречия между, с одной стороны, самодержавием, которое было для них, в соответствии с традиционны-

³² Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 277-285; Китаев В.А. От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века). М., 1972. С. 91 и сл.

³³ Катков М.Н. Имперское слово. Сборник статей. М., 2002. С. 109-111, 202-203, 379-384 и др.

³⁴ См.: Верещагин. Земский вопрос в России.

³⁵ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. 12 тт. Т. 7. Кн. 2. СПб., 2006. С. 124-126.

³⁶ См., напр.: Riasanovsky N.V. A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia, 1801–1855. Oxford, 1976.

³⁷ См., напр.: Китаев. От фронды к охранительству ... С. 91 и сл.

ми воззрениями, «палладиумом России», и, с другой стороны, развитием «общественности».

В период «оттепели» они считали возможным некое стабильное равновесие между царизмом и либерализмом, между самодержавным правлением и общественной самодеятельностью³⁸, но затем постепенно пришли к заключению, что самодержавие и самодеятельность есть принципы взаимоисключающие, и поэтому, оставаясь на стороне первого, все активнее противились второй. Поскольку становилось ясно, что развитие «общественности» ведет в перспективе к ограничению монархии, оно воспринималось убежденными сторонниками самодержавия как «гниение» России³⁹. Это восприятие сформировалось в контексте традиционалистской трактовки процесса модернизации как разрушения культуры и предсмертной агонии социального тела. Острота и трагизм подобных оценок возрастали по направлению с запада на восток, т.е. в обратной зависимости от интенсивности и спонтанности процессов модернизации. Стремительные изменения в жизни Европы были истолкованы наиболее пессимистически в России, среди «вчуже» наблюдавших их консерваторов николаевской эпохи, именно как «гниение Запада»⁴⁰. С тех пор это представление о европейской «современности» стало, как известно, одним из общих мест российского антивестернизма как идеологии сопротивления («справа» или «слева») политической модернизации (в XX в. – официальная советская доктрина «загнивания буржуазного Запада»).

После царубийства 1881 г. рассеялись последние иллюзии, и позиции сторон окончательно определились. Так, была подорвана уверенность А.Д. Градовского «в совместимости самодержавия и политических свобод»⁴¹. В секретном документе министерства финансов *Самодержавие и земство* (1899) коренное противоречие между этими институтами констатировано и подробно исследовано⁴². Именно с процессом постепенной радикализации охранительной позиции связа-

³⁸ «Общее увлечение либеральными идеями и конституционализмом в то время было настолько велико, что даже М. Н. Катков предлагал созвание всероссийского земского собора, как необходимую для блага страны "организацию общественного мнения" ... а земство приветствовал как начало общественного бессловного самоуправления...» (Самодержавие и земство. ... С. 66).

³⁹ «Все вокруг нас охвачено каким-то тихим и медленным тлением!.. ... Петербургская Россия, эта мешанская современная Европа ... трещит везде по швам...», – писал, например, К. Леонтьев в 1880 г. (Леонтьев. Полное собрание сочинений и писем. Т. 7. Кн. 2. С. 187-188).

⁴⁰ См.: Гросул В.Я. и др. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 161-162.

⁴¹ Российские либералы. Сборник статей. М., 2001. С. 153.

⁴² «... чрез введение земских (и городских) учреждений, власть управления раздвоилась. В одной ее части она по-прежнему власть государственная, центр, из которого она исходит, один – самодержавие. Ей противоположна власть самоуправления; центров, из которых она берет начало, много – населения отдельных местностей. ... введение учреждений представительного самоуправления в России произвело не иное размещение, не простую децентрализацию, ... а смещение, дислокацию власти. От такого перемещения Россия не перестала быть самодержавным государством, но самодержавие затруднено приставленными к нему снизу учреждениями народного представительства, стеснено правами местных населений» (Самодержавие и земство. ... С. 75-76).

но появление пореформенного консерватизма, который можно обозначить условно как консерватизм реалистический, и который следует типологически отличать как от дореформенного консерватизма, так и от утопического консерватизма славянофилов. Происхождение пореформенного консерватизма связано со славянофильством не более, чем с западничеством.

Славянофильство – «ретроспективная утопия» (Чаадаев)⁴³, оформившаяся в условиях отсутствия политической жизни. Славянофилы стремились нейтрализовать уничижительное мнение Чаадаева о русской истории и культуре, и, в частности, объяснить политическое ничтожество населения России сравнительно с бурной исторической активностью европейских народов. Для этого они романтически идеализировали бытовую культуру как сферу подлинной, «внутренней» жизни народа, отграничив ее от «внешней» сферы власти, что позволило им также истолковать «исконное», допетровское самодержавие как результат добровольного отказа народа от власти в пользу царя. Таким образом, не отвергая идеала свободы, как это позже решительно сделал К. Леонтьев, они поместили его во «внутреннюю» жизнь. Поэтому в их интерпретации всевластие самодержца не только не препятствует свободе народа (земли), но, напротив, является условием этой свободы. В современном им николаевском режиме, как и вообще в царизме имперского периода, они видели извращение оригинального, нормативного самодержавия, реальность которого вряд ли соответствовала, конечно, созданному ими идеальному образу. Ориентируясь на этот образ, они и в пореформенную эпоху продолжали, в отличие от Каткова или Победоносцева, принципиально считать «общество» совместимым с самодержавием, – в соответствии с утверждением К. Аксакова (1855): «самостоятельное отношение безвластного народа к полновластному государству есть только одно: *общественное мнение*», поскольку в нем, «разумеется, выражающем себя гласно», «нет политического элемента»⁴⁴. В 1860-х гг. И. Аксаков развивал идею «общества» как залога правильной эволюции России⁴⁵, притом что «русский политический идеал», по его мнению, это «самоуправляющаяся местно земля с самодержавным царем во главе»⁴⁶ (в изложении ген. А.А. Киреева: «Царю принадлежит воля и действие, народу – мнение»)⁴⁷. Чичерин, а также Вл. Соловьев раскритиковали этот центральный славянофильский постулат как утопический и фантастический по сути, так

⁴³ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. 2 тт. Т. 1. М., 1991. С. 565, 754-755.

⁴⁴ Цит. по: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1999. С. 91. (Курсив автора.)

⁴⁵ Цимбаев Н.И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1972. С. 167-215.

⁴⁶ Там же. С. 251.

⁴⁷ Цит. по: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 306. Таким образом, как отметил Р. Пайпс, объективно славянофилы «were the first Russians to think in terms of equilibrium between state and society – "vlast" and "land" (zemlia) – a concept that until then had been missing in Russia» (Pipes R. Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture. New Haven, 2005. P. 109).

как отделение свободы мнения от свободы действия возможно в абстракции, но не в действительности социальных отношений⁴⁸. Таким образом, славянофильство изначально строилось на парадоксе и мистификации⁴⁹.

Ген. Киреев сетовал в 1906 г., что Александр III не повел Россию «по славянофильскому либеральному пути»⁵⁰. В действительности, как указывает, в частности, автор записки *Самодержавие и земство*, с назначением на пост министра внутренних дел гр. Игнатьева правительство попробовало следовать славянофильской программе⁵¹, но вскоре отказалось от нее именно потому, что на деле она ничем не отличалась от обычной либеральной⁵². К весне 1882 г., по словам А.А. Корнилова, «опыт частичного применения славянофильских идей, по которому "сила власти" должна была принадлежать царю, а "сила мнения" – народу, признан был неудовлетворительным: правительство, душою которого был Победоносцев, стало тяготиться славянофильскими декорациями и скоро определенно предпочло им простую идею "сильной власти"...»⁵³. Очевидно отсюда различие между славянофильством и консерватизмом в пореформенное время. Общей целью было сохранение самодержавия, разногласие же состояло в отношении к «общественности», претендующей на независимую социетальную роль. По сло-

⁴⁸ Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов. С. 237-238; Он же. Философия права. СПб., 1998. С. 506.; Соловьев В.С. Сочинения. 2 тт. Т. 1. М., 1989. С. 454-457.

⁴⁹ Например, журналист-«сталинист» в романе Ф. Горенштейна *Место* рассуждает уже с учетом этого противоречия: «Как бы интересно было пожить в России со свободой мнений, но без свободы действий... [...] Это и есть разумная тирания... [...] нам нужна хотя бы урезанная, куцая свобода мнений, свобода действий обязана всем давать равные права, а разумная тирания может крайности запретить... [...] Публичность, гласность – это здоровье общества, это физкультура... Физкультура не производит работы, действия, но сохраняет здоровье...» (Горенштейн Ф.Н. Место. Эпилог // Библиотека Александра Белоусенко. http://www.belousenko.com/books/Gorenstein/gorenstein_mesto_4.htm. Последнее посещение 17 ноября 2013). Как представляется, подобная «разумная тирания» на самом деле имела место в России приблизительно с 1905 г. до начала 1930-х гг., когда Сталин принялся всерьез «закручивать гайки». Другим таким периодом кажется также и постсоветский вплоть до сего дня. Однако эти исторические опыты свидетельствуют, по-видимому, о том, что состояние «свободы мнений без свободы действий» парадоксально и не может стабилизироваться надолго, т.е. подтверждают справедливость критики славянофильской концепции со стороны Чичерина и Вл. Соловьева.

⁵⁰ Цит. по: Фирсов С.Л. Человек во времени: штрихи к портрету К. П. Победоносцева // Победоносцев: Pro et contra. Антология. СПб., 1996. С. 15. Курсив автора.

⁵¹ Самодержавие и земство. ... С. 125-135.

⁵² «... взгляды славянофилов ... в практическом их применении доказали свою полную несостоятельность. Крылатые, полные поэзии слова, в роде "Правительству сила власти, а земле сила мнения", исчезали немедленно, как только соприкасались с суровой прозой жизни; весьма скоро оказывалось, что мнение несогласно с властью, а власть с мнением, и по устранению ссылок на заветы и предания старины далекой ... от программы славянофилов, для приведения в исполнение, оставалось не что иное, как та же программа либеральной партии. На поверку оказывалось, что разногласие между славянофилами и западниками, с первого взгляда совершенно непримиримое, по существу было весьма невелико...» (Самодержавие и земство. ... С. 134.)

⁵³ Корнилов А. Александр III // Гиперпроект «Большой русский биографический словарь». <http://www.rulex.ru/01010230.htm>. Последнее посещение 19 ноября 2013.

вам А. Валицкого, «the Slavophiles' practical programme ... turned out to be a specific variant of gentry liberalism rather than a defense of the *status quo*»⁵⁴.

В отличие от славянофилов, консерваторы видели в этом стремлении угрозу самодержавию. Они отстаивали исторически сложившийся моноцентрический социетальный порядок, считая его сохранение необходимым условием благополучного развития страны и выступая поэтому против ограничения и плюрализации власти, против формирующегося гражданского общества. Их общая позиция может быть охарактеризована словами П.Б. Струве (1901): «революционное для самодержавия значение мирной культурной эволюции общества понято, благонамеренные утопии во вкусе славянофилов признаны вздорными сентиментальностями»⁵⁵. Характер эпохи 1880-90-х гг. был задан их охранительным стремлением пресечь тенденции политической модернизации, формирования в России гражданского общества и общественного мнения.

⁵⁴ Walicki A. The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought. Notre Dame, 1989. P. 462. (Курсив автора.)

⁵⁵ Струве. Предисловие к первому изданию // Самодержавие и земство. ... С. XLVII.

Борис Хавкин

Русский фронт Первой мировой войны (1914 - 1915 годы)¹

История Первой мировой войны является важнейшей частью всемирной истории XX в. По распространенному выражению, «XX век для Европы начался в 1914 году»²

«Забытая война»

Участие Российской империи в Первой мировой войне мало известно на Западе и почти «забыто» в России. Современные российские школьники знают больше об Отечественной войне 1812 г. против Наполеона, чем о Первой мировой войне. Трагедия Первой мировой была вытеснена в народном сознании еще более масштабными и страшными последующими событиями. Кладбища солдат, павших на полях сражений Первой мировой войны, были в советские времена в основном уничтожены, памятные даты не отмечались, герои были преданы забвению. Даже народное название войны – «германская» – исчезло из употребления: война стала называться «империалистическая». Культура воспоминаний о Первой мировой войне сохранялась лишь в русской эмиграции.

В советской историографии Первая мировая война рассматривалась исключительно с классовых позиций. «Империалистическая» война считалась своего рода прелюдией революции и гражданской войны³. После Октябрьской революции 1917 г. большевики опубликовали секретные документы, компрометирующие царизм, разоблачающие его роль в подготовке и развязывании Первой мировой войны⁴, издали некоторые труды ее свидетелей и участников⁵.

¹ Khavkin B. Russland gegen Deutschland. Die Ostfront des Ersten Weltkrieges in den Jahren 1914 bis 1915 / Die vergessene Front. Der Osten 1914/15. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006. P. 65-85.

² Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). М., 2004.

³ Вержховский Д.В., Лячхов В.Ф. Первая мировая война 1914-1918 гг. М., 1964; Первая мировая война 1914-1918 гг. (Сб. статей). М., 1968; Строчков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974; История Первой мировой войны 1914-1918 гг. Т. 1-2. М., 1975.

⁴ Русско-германские отношения. Секретные документы. «Красный архив». М., 1922; Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны по секретным материалам б. министерства иностранных дел с приложением копий дипломатических документов. М., 1922; Переписка Вильгельма II с Николаем II 1894-1914 гг. М.-Пг., 1923; Финансовые совещания союзников во время войны. «Красный архив». М., 1924; Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. I. М., 1925. Ч. II. М., 1926; Европейские державы и Турция во время мировой войны. По секретным материалам б. министерства иностранных дел. М., 1925-1926;

В российской историографии в последние годы опубликован ряд исследований по истории Первой мировой войны, в которых содержатся новые подходы к ее изучению⁶. Однако политический, военный, ментальный, культурологический опыт Первой мировой войны еще нуждается в изучении и освоении исторической памятью.

Военные планы России

Начало планомерной подготовки Российской империи к большой европейской войне было положено в 1880 г., когда начальник российского генерального штаба генерал Обручев представил царю Александру II соображения о планах ведения войны с вероятными противниками – Германией и Австро-Венгрией. Необходимость разработки таких планов была вызвана тем, что в 1879 г. Германия и Австро-Венгрия заключили между собой военный союз, направленный против России.

В дальнейшем, в связи с увеличением численности русской армии и изменениями в дислокации войск, а также ввиду развития железнодорожной сети, русский генштаб до 1914 г. трижды пересматривал свои военные планы.

Мобилизационное расписание 1890 г. предусматривало два варианта действий. Один вариант на тот случай, если Германия свой главный удар направит против России, другой – если главный удар Германия нанесет по Франции (в этом слу-

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1-7. Л., 1924-27; Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878-1917. Сер. 1-3. М., 1931-1938.

⁵ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1964; Брусилов А. Мои воспоминания. М., 1963; Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959; Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1965; Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918 гг. Т. 1-3. М., 1938-1939; Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1-2. М., 1959; Малиновский Р.Я. Солдаты России. М., 1969; Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.-П., 1923; Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907-1916 гг. М., 1924; Самойло А.А. Две жизни. Л., 1963; Воспоминания Сухомлинова. М.-Л., 1926; Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974.

⁶ Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война. Правители и военачальники. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000; Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. № 3. 2001; Шубин А.С. Россия в Первой мировой войне. Историография проблемы (1914-2000). М., 2001; Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2002; Мировые войны XX века. Кн. 1, 2. Первая мировая война. М., 2002; Шаццло В.К. Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы. М., 2003; его же. Последняя война царской России. М., 2010; Павлов А.Ю. Скованные одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). СПб, 2008; Война и общество в XX веке. Кн. 1. М., 2008; Олейников А.В. Россия и союзники в Первой мировой войне 1914-1918 гг. Астрахань, 2009. Базанов С.Н. За честь и величие России // Забытая война. М., 2011; Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012.

чае Россия планировала свои действия главным образом против Австро-Венгрии).

Новый план войны был разработан генеральным штабом в 1900 г. Он интересен тем, что в нем впервые предполагалось создание промежуточной инстанции управления войсками на театре военных действий – командований фронтами. Все армии на западной границе России в случае войны объединялись в две группы – Северный фронт (против Германии) и Южный фронт (против Австро-Венгрии).

В конце 1913 г. генеральный штаб приступил к составлению нового мобилизационного расписания, но к началу войны оно еще не было готово. Поэтому в 1914 г. русские армии разворачивались по старому мобилизационному расписанию.

Если Германия в союзе с Австро-Венгрией направляла свои главные силы против России, то русская армия должна была действовать по варианту «Г» (Германия), по которому большая часть русских войск наступала бы в Восточной Пруссии в направлении Кёнигсберга, а затем, действуя с восточно-прусского и польского плацдармов, развернула бы наступление на Берлин.

Если Германия наносила главный удар по Франции, Россия действовала по варианту «А» (Австрия), по которому главный удар русской армии, после ее сосредоточения к югу от Полесья, обрушивался на Австро-Венгрию. По варианту «А» конечной целью наступления являлось овладение Веной и Будапештом. При этом считалось необходимым сначала уничтожить австро-венгерские силы, развернутые в Галиции. Для этого войска с фронта Ивангород, Ковель направлялись на Краков, в обход Карпат с запада. Этими действиями отрезались удобные пути отхода австро-венгерских войск.

Таким образом, действия русской армии и по варианту «А» и по варианту «Г» намечались в двух расходящихся направлениях – против Австро-Венгрии и против Германии одновременно.

В 1914 г. для развертывания русских войск был принят вариант «А». Действуя по этому варианту, русская армия должна была начать наступление против Германии на 15-й день мобилизации, сосредоточив для этого 800 тыс. чел. Стратегическая цель: отвлечь на себя германские силы с Западного фронта.

По варианту «А» против Германии на рубеже Шавли, Ковно, реки Неман, Нарев и Западный Буг разворачивался Северо-Западный фронт в составе 1-й и 2-й армий (19 пехотных полевых, 11 второочередных пехотных и 9,5 кавалерийской дивизии). Против Австро-Венгрии на линии Ивангород, Люблин, Холм, Дубно, Проскуров создавался Юго-Западный фронт в составе 3-й, 4-й, 5-й и 8-й армий (33,5 пехотных полевых, 13 пехотных второочередных и 18,5 кавалерийских дивизий). Русские армии имели общую задачу перейти в наступление с целью перенесения войны в пределы Германии и Австро-Венгрии.

Поскольку отношения России и Турции также были напряженными, русский генеральный штаб разрабатывал также план на случай войны с Турцией. Планы

действий русских военно-морских сил составлялись для каждого флота отдельно.

В литературе традиционно обвиняют царское правительство в плохой подготовке армии и военной промышленности к войне. Действительно, в отношении артиллерии, особенно тяжелой, русская армия оказалась хуже подготовленной, чем германская, по насыщенности автомобилями хуже, чем французская; русский флот по боевой мощи уступал германскому. Имели место нехватки снарядов, патронов, стрелкового оружия, обмундирования и снаряжения⁷. Но справедливости ради надо сказать, что никто из планировщиков войны ни в одном генеральном штабе любой страны не предполагал, что война продлится 4 года и 3 с половиной месяца. Ни одна страна не имела ни вооружения, ни снаряжения, ни продовольствия на такой огромный срок. Генеральные штабы армий воюющих государств рассчитывали завершить военные действия за 3-4 месяца, максимум за полгода.

В целом же, вооруженные силы России, несмотря на то, что принятые накануне войны программы развития армии и флота предполагалось выполнить лишь к 1917-1918 гг., уже в 1914 г. представляли собой внушительную боевую величину. Их мощь, подорванная русско-японской войной и революцией 1905 г., во второе десятилетие XX в. постепенно восстанавливалась.

Вступление России в войну

Втягивание России в Первую мировую войну произошло под лозунгом «защиты православия и славянства» и явилось следствием имперских амбиций царизма и правящей бюрократии, не допускавших даже частичного отказа от своей великодержавной роли, в частности на Балканах. Имперской политике государства соответствовал национально-патриотический настрой российской общественности. Этот настрой, подталкивавший правительство к войне, сыграл важную роль в дни летнего кризиса 1914 г.

16(29)⁸ июля 1914 г., после начала Австро-Венгрией военных действий против Сербии, русский царь Николай II подписал указ о мобилизации. Правда, на следующий день, получив телеграмму от германского кайзера Вильгельма II, которую царь воспринял как просьбу не доводить дело до войны, Николай II отменил принятое накануне решение. Однако, в конечном счете, доводы министра ино-

⁷ Мобилизационные запасы России оказались значительно заниженными. К ноябрю 1914 г. недостаток винтовок достигал уже 870 тыс. штук, в то время как ежемесячно планировалось производить лишь 60 тыс. штук. См. Российский государственный военно-исторический архив, ф. 962, оп. 2, д. 128, л. 444-473.

⁸ Здесь и далее первая дата приводится по «старому стилю», т.е. юлианскому календарю, существовавшему в России до 1918 г., вторая – по «новому стилю», принятому в Европе григорианскому календарю.

странных дел С.Д. Сазонова, убедившего царя в том, что «лучше, не опасаясь вызвать войну нашими к ней приготовлениями, тщательно озаботиться последними, нежели из страха дать повод к войне быть застигнутыми ею врасплох», произвели впечатление на Николая II. Германия направила России ультиматум, потребовав приостановить мобилизацию. Получив отказ, германский посол в Петербурге Ф. Пурталес, будучи лично противником войны с Россией, 19 июля (1 августа) 1914 г. вручил Сазонову германскую ноту с объявлением войны.

От начала всеобщей мобилизации до развертывания своих главных сил русская армия вела боевые действия на границах с целью прикрытия стратегического развертывания войск. Шла разведка силами мобильных групп легкой кавалерии – казаков.

Вооруженные силы России полностью завершили мобилизацию на 45-й день войны. Всего было призвано из запаса 3 млн. 915 тыс. чел. Из них: нижних чинов (т.е. солдат), офицеров, врачей и классных чинов (т.е. военных чиновников тыловой службы), казаков – 3 млн. 115 тыс. чел.; ратников 1-го разряда (т.е. ополченцев) – 800 тыс. чел. Если учесть, что численность вооруженных сил России до объявления общей мобилизации составляла 1 млн. 423 тыс. чел., то к середине сентября 1914 г. в рядах русской армии находилось 5 млн. 338 тыс. чел. Это была самая многочисленная сухопутная армия мира.

Верховным главнокомандующим русской армии царь назначил своего дядю – великого князя Николая Николаевича, а начальником генштаба – генерала Н.Н. Янушкевича. С 23 августа 1915 г (после отставки великого князя Николая Николаевича) и до 2 марта 1917 г. (отречения царя от престола) Верховным главнокомандующим был сам Николай II, а начальником генштаба – генерал М.В. Алексеев.

В начале войны Россия развернула два фронта и две отдельные действующие армии: Северо-Западный фронт – против Германии; Юго-Западный фронт – против Австро-Венгрии; Отдельная 6-я армия (Петроградская) – для охраны побережья Балтийского моря; Отдельная 7-я армия (Одесская) – для охраны побережья Черного моря.

Ход военных действий России против Германии и Австро-Венгрии в 1914 г.

В начале кампании 1914 г. Россия, действуя в соответствии со своим планом ведения войны, как видно из докладной записки Верховного главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича, поданной на Высочайшее имя, предполагала сразу же развернуть наступление на Берлин силами Северо-Западного фронта (командующий генерал Я.Г. Жилинский) и наступление на Вену силами Юго-Западного фронта (командующий генерал Н.И. Иванов). Войск

противника на германском Восточном фронте было в это время сравнительно мало – 26 германских и 46 австрийских дивизий. Французские армии за Западном фронте, в начале войны, как известно, не планировали немедленного наступления и рассчитывали на эффект от наступления русских.

Восточно-Прусская операция

4-7 августа 1914 г. по требованию французского генштаба (в это время шло германское наступление на Париж) войска русского Северо-Западного фронта вторглись в Восточную Пруссию. Россия начала Восточно-Прусскую операцию, хотя русские войска еще не были готовы к наступлению, о чем, в частности, докладывал начальник штаба Северо-Западного фронта генерал В. А. Орановский.

1-я русская армия под командованием генерала П.К. Ренненкампа и 2-я армия под командованием генерала А.В. Самсонова вторглись в пределы Восточной Пруссии, разгромили в ходе Гумбиннен-Гольданского сражения войска противника и повели наступление на Кёнигсберг.

В создавшейся ситуации германское командование перебросило в Восточную Пруссию часть сил с Запада (2 армейских корпуса и 1 кавалерийскую дивизию). Воспользовавшись этим, французская армия нанесла на Западном фронте контрудар по ослабленным немецким войскам и приостановила их натиск на парижском направлении.

В конце августа – начале сентября 1914 г. в ходе Восточно-Прусской операции наступил перелом. В сражениях 2-й русской армии под Танненбергом (26-30 августа 1914 г.) и у Мазурских озер (8-11 сентября 1914 г.) полтора русских армейских корпуса были окружены и взяты в плен. Затем была разбита и отброшена за пределы Восточной Пруссии 1-я армия. Обе русские армии потеряли в общей сложности 250 тыс. солдат и офицеров (убитыми, ранеными, попавшими в плен и без вести пропавшими) и большое количество вооружения.

Главными причинами разгрома русских войск являлись их неготовность к переходу в наступление и неудовлетворительное руководство боевыми действиями командующего Северо-Западным фронтом генерала Я.Г. Жилинского, а также решительные и умелые действия П. фон Гинденбурга, сменившего фон Притвица в должности командующего 8-й германской армией.

Несмотря на неудачу Восточно-Прусской наступательной операции русских войск, эта операция позволила армиям Антанты на западноевропейском театре военных действий добиться важных стратегических результатов. Восточно-Прусская операция русских явилась одной из причин поражения германской армии в битве на Марне в начале сентября 1914 г.

Об этом факте напомнил в одном из своих выступлений накануне Второй мировой войны Ллойд Джордж, являвшийся в 1916-1922 гг. британским премьер-министром: «Если бы не было жертв со стороны России в 1914 г., то немецкие

войска не только захватили бы Париж, но их гарнизоны по сие время находились бы в Бельгии, и во Франции»⁹.

Наступательные действия России в начале войны не ограничивались одной Восточно-Прусской операцией. В августе-сентябре 1914 г. в районе Варшавы и новой крепости Новогеоргиевск сосредоточивались силы для главного стратегического удара по Берлину.

В течение октября – ноября на территории Польши проходили два крупнейших сражения русской и германской армий: Варшавско-Ивангородское и Лодзинское. В боях с обеих сторон участвовало свыше 800 тыс. чел., но ни одной из сторон не удалось полностью решить свои задачи, хотя русские военные историки оценивают действия России как более успешные.

Варшавско-Ивангородская операция

В сентябре – октябре 1914 г. войсками Северо-Западного (новый командующий генерал Н.В. Рузский) и Юго-Западного (генерал Н.И. Иванов) фронтов было успешно отражено австро-германское наступление на Варшаву и Ивангород. Германско-австрийские войска попытались отбросить русских за Вислу, чтобы отвести угрозу вторжения в восточные районы Германии. 15 сентября 1914 г. 1-я австро-венгерская и 9-я немецкая армии общей численностью 310 тыс. чел. перешли в наступление на Варшаву и Ивангород (Демблин). Русское командование само планировало наступательную операцию. Для этого на Вислу перебрасывались четыре армии (4-я, 5-я, 9-я и 2-я). Но войска подходили на заданные рубежи по частям, и до начала октября численное превосходство оставалось на стороне германо-австрийцев.

К 25 сентября части 9-й немецкой армии (два корпуса) вышли к Висле в районе Ивангорода и начали обстрел этой крепости. Но большего они добиться не сумели. На следующий день в этом районе на левый берег Вислы успели переправиться части 4-й русской армии (генерал А.Е. Эверт). Они захватили у Козениц плацдарм, который прикрыв Ивангородское направление. В 15-дневных упорных боях русские сумели не только отстоять, но и расширить Козеницкий плацдарм.

24 сентября в наступление на Варшаву перешла сформированная для ее взятия немецкая ударная группа, которую возглавил генерал А. Макензен. Через три дня части Макензена в боях под Гройцами (30 км от Варшавы) начали теснить 2-й Сибирский корпус, который понес большие потери. В этот критический момент на помощь товарищам подоспела 1-я Сибирская стрелковая дивизия, которая закрыла немцам путь к польской столице. В конце сентября атаки группы Макензена были отражены на линии варшавских фортов.

⁹ Цит. по: Яковлев Н.И. Последняя война старой России. М., 1994. С. 66.

Русское командование продолжало стягивать на линию Вислы все новые подкрепления. По мере их подхода русские войска с 5 октября усилили натиск на 9-ю немецкую армию, которая начала пятиться назад. Стремясь собрать разбросанные у Вислы части, Гинденбург, возглавлявший командование германо-австрийских войск, действовавших в Варшавском направлении (в ноябре 1914 г. Гинденбург стал командующим Восточным фронтом), передал Ивангородское направление 1-й австро-венгерской армии (генерал В. Данкль). Однако настойчивые попытки Данкля 8-13 октября ликвидировать Козеницкий плацдарм и сбросить русских в Вислу не увенчались успехом. Перелом в сражении наступил 13 октября, когда 9-я русская армия генерала П.А. Лечицкого, отбросив передовые австро-венгерские соединения, вышла во фланг 1-й австро-венгерской армии и создала угрозу прорыва всего австро-германского фронта.

Понеся значительные потери (до 50% личного состава) германо-австрийские войска уже не могли успешно сдерживать усиливавшийся натиск русских войск, численность которых на этом направлении превысила 500 тыс. чел. Опасаясь прорыва русских у Варшавы и Ивангорода, который грозил 9-й германской армии разгромом и окружением, Гинденбург 14 октября отдал приказ прекратить сражение. Германо-австрийские войска начали поспешный отход.

Однако русские армии не смогли осуществить энергичного и эффективного преследования противника. Сказались неподготовленность российских тыловых служб к наступлению, осенняя распутица, а также активное уничтожение отступавшими путей сообщения. В результате Гинденбургу удалось избежать полного поражения и к концу октября организованно отвести войска на исходные позиции. 26 октября русское контрнаступление остановилось на линии Ласк – Пшедбуш – Мехов – Кошице. Дальше идти вперед войска не смогли. Их тылы отстали более чем на 150 км и оказались не в состоянии нормально снабжать наступавших продовольствием и боеприпасами.

Несмотря на ограниченный результат, Варшавско-Ивангородская операция представляет собой одно из крупнейших сражений Первой мировой войны и один из немногих успешных примеров контрнаступления русских войск против германской армии. Сражение стало шагом вперед в российской военной истории фронтовая операция, в которой взаимодействовало два фронта. Важен и внешнеполитический результат этой битвы. Неудача под Варшавой и Ивангородом, наряду с поражением в Галиции, не позволила австро-германскому блоку склонить на свою сторону в 1914 г. балканские государства.

Лодзинское сражение

В ходе Лодзинской операции 11 ноября (29 октября) – 24(11) ноября 1914 г. 2-я и 5-я русские армии сорвали планы германского командования по их окружению и

оттеснили 9-ю германскую армию из района Лодзи. Однако 9 декабря 1914 г. русские войска под натиском противника оставили Лодзь. Попытка русских прорваться из северной Польши в Германию не удалась.

Галицийской битва

В августе 1914 г. началось наступление 3-й и 8-й армий Юго-Западного фронта против австрийцев. Оно развивалось успешно и привело к занятию территории Галиции; 21 августа 1914 г. был взят Львов.

Успешное наступление русской армии в Галиции привело к тому, что Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич приказал для обеспечения этого наступления перебросить войска из-под Варшавы на Юго-Западный фронт. Тем самым с планами наступления на Берлин России пришлось расстаться. Центр тяжести боевых действий русской армии перемещается на юг, против Австро-Венгрии.

12(25) сентября 1914 г. наступление на Юго-Западном фронте было приостановлено. За 33 дня русские войска продвинулись на 280-300 км и вышли на линию реки Вислока 80 км от Кракова. Была осаждена мощная крепость Перемышль. Занята была значительная часть Буковины с главным городом Черновцы. Боевые потери австрийцев достигли 400 тыс. человек, из них 100 тыс. пленными, было захвачено 400 орудий. Галицийская наступательная операция явилась одной из самых больших побед русской армии за всю Первую мировую войну.

В конце ноября 1914 г. на совещании командующих фронтами русской армии в г. Брест-Литовске было принято решение приостановить наступательные действия. До января 1915 г. на Восточном фронте установилось затишье. В итоге кампании 1914 г. ни одна из сторон не добилась первоначально поставленных целей. Германский план молниеносного разгрома противника сначала на Западе, а затем на Востоке потерпел крушение. Германия втянулась в затяжную войну на два фронта. Русское наступление в Восточной Пруссии было отражено немцами, а наступление на Берлин так и не состоялось. Наибольших успехов русская армия достигла в Галиции.

Кампания 1915 г. Срыв германского плана вывода России из войны

Русский план кампании 1915 г. предусматривал подготовку и проведение наступления одновременно в Карпатах (направление главного удара) и в Восточной Пруссии. Конечной целью кампании было достижение победы в 1915 г.

Германское командование, несмотря на провал предыдущей кампании, также рассчитывало завершить войну в 1915 г. Правда, недостаток сил не позволял немцам наступать одновременно на двух фронтах – Западном и Восточном. Поэтому было принято решение: обороняясь на Западе, направить в 1915 г. главный удар против России с целью вывести ее из войны и заставить заключить выгодный для Германии мир, после чего всеми силами обрушиться на противника на Западе. Такая очередность действий была обусловлена тяжелым положением Австро-Венгрии, которая потерпела ряд поражений в Галиции и Сербии и нуждалась в срочной помощи от своей старшей союзницы Германии. Таким образом, основная тяжесть войны в 1915 г. ложилась в рядах Антанты на русскую армию.

Зимние операции в Восточной Пруссии и Карпатах

Германское командование задумало упредить русских. С этой целью из района Восточной Пруссии 25 января 1915 г. началась наступательная операция 10-й и 8-й германских армий с целью разгрома 10-й русской армии генерала Ф.В. Сиверса, которая располагалась от реки Неман и южнее вдоль линии Мазурских озер. Однако решительной победы немцы не достигли, хотя им удалось окружить и уничтожить в районе Минска один русский корпус. Основные же силы 10-й армии отошли к 13 февраля на рубеж Ковно, Осовец. Не дал успеха и удар германских войск в районе Прасныша против 12-й и 1-й русских армий.

17 февраля (2 марта) 1915 г. 1-я, 12-я и 10-я русские армии перешли в общее наступление. Противник оказывал упорное сопротивление. Бои приняли затяжной характер. Лишь во второй половине марта оборонявшиеся под Праснышем германские части начали отходить к границам Восточной Пруссии, где они и закрепились, перейдя к обороне на заранее подготовленных позициях. Попытки русских армий прорвать оборону противника успеха не имели. К концу марта Праснышская операция закончилась. В итоге этой операции войска Северо-Западного фронта отбросили противника на Среднем Немане и реках Бобр и Нарев.

В результате упорных зимних боев русское наступление на Восточную Пруссию было сорвано, однако и германский план глубокого обхода правого фланга Русского фронта провалился.

На южном крыле австро-германского Восточного фронта русское командование в январе 1915 г. начало Карпатскую операцию, проходившую зимой в тяжелых условиях. Ценой больших потерь русские войска несколько потеснили противника, но значительных успехов не достигли. И все же 9 марта сдалась осажденная русскими австрийская крепость Перемышль. В плен попало 9 генералов, 2500 офицеров и 120 тыс. солдат противника. Было взято 900 орудий. Антанта еще не знала таких побед. Но к 29 марта 1915 г. русское наступление в Карпатах прекратилось из-за недостатка сил, боеприпасов и вооружения.

Горлицкая операция

Наиболее тяжелым и опасным для русской армии событием на Восточном фронте явился Горлицкий прорыв австро-германских войск 19 апреля 1915 г. общим направлением на Львов. Противник преследовал цель разгромить войска Юго-Западного фронта и овладеть Галицией. Прорыв осуществлялся на узком участке фронта в 35 км силами армии генерала А. Макензена. В нее вошли, кроме австрийских войск, три ударных германских корпуса, переброшенные с французского фронта. Превосходство противника над русскими войсками здесь составляло: 2-кратное – по пехоте, 5-кратное – по артиллерии (по тяжелым орудиям – 40-кратное). Например, только против 10-го русского корпуса, на который обрушился главный удар немцев, противник выставил 50 тяжелых орудий, не считая многих сотен полевых. Во всей 3-й русской армии (командующий генерал Д.Р. Радко-Дмитриев), состоявшей из семи корпусов и державшей фронт в 200 км, было всего четыре тяжелых орудия. К тому же артиллеристы 3-й армии в ответ на шквальный огонь противника могли выпустить не более 5-10 снарядов в день на орудие. Командир 29-го корпуса генерал Д.П. Зуев в телеграмме военному министру сообщил: «Немцы вспахивают поля сражений градом металла и равняют с землей всякие окопы и сооружения, заваливая часто их защитников землей. Они тратят металл, мы – человеческую жизнь! Они идут вперед, окрыленные успехом, и потому дерзают, мы ценою тяжких потерь и пролитой крови, лишь отбиваемся и отходим. Это крайне неблагоприятно действует на состояние духа у всех».

Недостатки в снабжении армии проистекали в основном из-за плохой подготовленности к войне, безответственности руководителей военного ведомства, мошенничества различных чиновников и подрядчиков. «Все мерзавцы кругом! – возмущался царь еще в начале 1915 г., – сапог нет, ружей нет – наступать надо, а наступать нельзя»¹⁰.

Одновременно с прорывом в районе Горлице немцы нанесли удары на северном фланге Восточного фронта: 14 апреля 1915 г. армейская группа генерала Гальвица начала наступление из района Тильзита (Восточная Пруссия); через десять дней она захватила Либаву (Лиепая) и одновременно вышла к Шавли и Ковно (Каунас).

Летние оборонительные операции в Польше и Прибалтике

К середине июня 1915 г. армии русских по-прежнему действовали в составе двух фронтовых объединений. Северо-Западный фронт генерала М.В. Алексеева включал в себя восемь армий (5-ю, 10-ю, 12-ю, 1-ю, 2-ю, 4-ю, 3-ю и 13-ю), Юго-

¹⁰ Там же. С. 82.

Западный фронт генерала Н.И. Иванова – всего три армии (8-ю, 11-ю и 9-ю). Линия разграничения между фронтами проходила в районе Сандомира.

Силы противника также объединялись в два фронта: германский Восточный фронт (Неманская, 10-я, 8-я, 12-я, 9-я армии и армейская группа Войрша) во главе с главнокомандующим Гинденбургом и начальником штаба Людендорфом и австро-венгерский Галицийский фронт (1-я, 4-я, 11-я, 2-я, Южная и 7-я армии), руководимый эрцгерцогом Фридрихом и Конрадом фон Гетцендорфом. Границей фронтов служила река Пилица.

Особенностью конфигурации линии фронта было то, что в своей средней части она имела форму дуги, обращенной в сторону германских войск. На пространстве, ограниченном дугой, куда входили центральные районы Польши, находилась главная группировка русской армии. Стратегическое положение группировки было невыгодным, ибо она с двух сторон охватывалась противником. Создавались условия для проведения германским командованием новых крупных операций на флангах своего стратегического фронта: с севера (из Восточной Пруссии) и с юга (из Галиции).

Германское командование замышляло осуществить летом 1915 г. план окружения группировки русских войск, расположенной в Польше. Выполнение его вылилось в три крупные операции: операцию группы армий Макензена в междуречье Вислы и Буга, Риго-Шавельскую и Наревскую. Все они проводились одновременно и поставили русское верховное командование в трудное положение.

Австро-германское командование приступило к выполнению своего стратегического плана сразу же после того, как австро-венгерские войска вступили в оставленный русскими Львов.

В конце июня – начале июля 1915 г. германские и австро-венгерские войска двинулись в наступление по всему фронту. Развернулась тяжелая трехмесячная битва. Русские армии повсюду оказывали упорное сопротивление, поэтому противник продвигался очень медленно, с частыми задержками и вынужденными перегруппировками войск.

Германо-австро-венгерская группа (в составе 4-й австро-венгерской и 11-й германской армий) под общим командованием Макензена, произведенного в генерал-фельдмаршалы, должна была наступлением в северном направлении между Вислой и Бугом отеснить южный фланг стоявших в Польше главных русских сил. Трех армиям правого крыла (2-й, Южной и 7-й) предстояло, продолжая наступление, прикрыть эту операцию с востока. Австро-венгерское командование рассчитывало заставить русских окончательно уйти из Галиции.

Наступление группы Макензена в полосе между реками Висла и Буг началось 13 (26) июня 1915 г. и развивалось крайне медленно. Макензен, с трудом преодолевая сопротивление армий русского Юго-Западного фронта, к середине июля не сумел продвинуться далее рубежа Люблин, Холм.

Не принесла значительного успеха германцам и Наревская операция, проведенная в период с 30 июня (13 июля) по 20 июля (2 августа) силами 12-й армии Гальвица. Эта армия занимала полосу протяжением более 140 км от реки Розога в районе Мышинец до реки Висла у Плоцка. Правее находилась 9-я армия Леопольда Баварского, левее – 8-я армия Шольца. К началу боевых действий 12-я армия имела в своем составе 177 тыс. человек и 1255 орудий. Силы русских были представлены 1-й армией генерала Литвинова и левым флангом 12-й армии (4-й Сибирский корпус). Они насчитывали 107 тыс. человек и 377 орудий. Левее 1-й армии на западном берегу Вислы уступом назад располагалась 2-я армия.

Укрепленная позиция русских состояла из двух линий обороны, отстоявших одна от другой на расстоянии 5-6 км, и тылового оборонительного рубежа, удаленного от первой линии обороны на 15-16 км. Относительно подготовленной могла считаться только первая линия, которая включала в себя окопы полного профиля, проволочные заграждения и различного рода убежища. Вторая линия и тыловой оборонительный рубеж состояли только из окопов. Задача 1-й армии заключалась в том, чтобы прочно удерживать свои позиции до окончания эвакуации Варшавы. Все внимание было обращено на усовершенствование системы обороны, рытье окопов и ходов сообщений, возведение искусственных препятствий. Обеспеченность русской армии боевыми припасами была очень плохой. Не хватало не только снарядов (дневная норма была установлена в 5 выстрелов на орудие), но и ружейных патронов. Тысячи бойцов не имели винтовок.

Генерал Гальвиц решил главный удар нанести центром своей армии в направлении на Прасныш. Для прорыва укрепленной полосы русских противник сосредоточил на 35-км участке в районе Прасныша до 7 пехотных дивизий и 860 орудий. Каждое орудие было обеспечено 600-1000 выстрелами. Со стороны русских на участке прорыва оборонялись две пехотные дивизии (11-я и 2-я Сибирские). Армейский резерв составляла 1-я Сибирская дивизия, располагаясь в одном переходе от линии фронта. Таким образом, и на этот раз со стороны германцев было подавляющее превосходство и в живой силе, и в артиллерии.

В 5 часов 30 июня (13 июля) германские снаряды обрушились на окопы первой линии русских позиций и в течение 5 часов вели интенсивную артподготовку. Она завершилась минометными залпами. После этого началась атака. Несмотря на подавляющее превосходство в силах и на эффективность артиллерийской подготовки, нанесшей обороняющимся огромные потери (до 30% боевого состава), борьба за первую линию обороны длилась весь день. Русские солдаты проявили такую стойкость и упорство, что приводили в изумление противника. Только вечером германским частям удалось подойти ко второй линии обороны. В ночь на 1 (14) июля войска 1-й русской армии отошли на тыловой оборонительный рубеж. Подготовка атаки этого рубежа заняла у противника весь день 1 (14) июля, 2 (15) июля он возобновил свое наступление. 10 германских дивизий атаковали 4,5 дивизии 1-й русской армии. Противнику приходилось преодолевать сильное сопротивление русских, отражать их контратаки. Ожесточенная борьба

велась за населенные пункты, где немцам приходилось штурмовать каждый дом и нести большой урон. Алексеев подкрепил армию Литвинова войсками, переброшенными из 2-й и 4-й армий и гарнизона Новогеоргиевска. Ввод в сражение этих сил позволил русским удержаться в предместных укреплениях городов Рожаны, Пултуск, Сероцк. Попытка противника форсировать реку Нарев окончилась полной неудачей, и он решил 5 (18) июля прекратить операцию. За шесть дней Праснышского сражения 12-я германская армия, имевшая подавляющее превосходство и в живой силе, и в артиллерии, ценой тяжелых потерь смогла продвинуться лишь на 25 – 30 км. Русские не были разбиты, а только сдвинуты со своих позиций и оттеснены к Нареву.

Малый успех Гальвица беспокоил германское верховное командование. Оно настаивало на продолжении наступления через Нарев на юг навстречу армиям Макензена. Фельдмаршал Гинденбург отдал приказ 8-й и 12-й армиям в кратчайший срок закончить подготовку и возобновить операцию.

В ночь на 10 (23) июля противник атаковал предместную позицию у Рожан. Это послужило началом сражения на Нареве. Атака оказалась внезапной для русских, которые были вынуждены отойти на вторую линию обороны. Три германские дивизии имели против себя 1,5 русских дивизии. Неприятелю удалось переправиться ниже Рожан. Созданная немцами угроза выхода в тыл русских заставила их оставить Рожаны и отступить на левый берег реки. Между Рожанами и Пултуском, где отходили наиболее пострадавшие в Праснышском сражении части 1-го Сибирского корпуса, германцы без особого труда перешли Нарев.

Итогом боевых действий у Рожан и Пултуска было то, что противнику удалось форсировать Нарев. Открывался свободный путь на Седлец. Создавались условия для выхода немецких войск на пути отхода 2-й русской армии. Но на участке Сероцк, Новогеоргиевск находились долговременные форты, которые прикрывали переправы через Неман. Хорошо укрепленная позиция у Сероцка занимала фланговое положение по отношению к рекам Буг и Нарев. Между Наревом и Западным Бутом имелось много болот. Все эти обстоятельства облегчали русским организацию обороны этого района. Попытки противника переправиться через Нарев ниже Пултуска оказались напрасными. Направление Пултуск, Вышков удалось прикрыть двумя русскими корпусами. Наступление германских войск было остановлено.

Сражение на Нареве принадлежит к одним из самых поучительных сражений на Восточном фронте. Большой интерес представляет влияние на боевые действия войск крепостей Осовец и Новогеоргиевск, которые, прикрывая фланги 12-й и 1-й русских армий, сковали оперативную свободу действий германского командования и вынудили его наносить удар на центральном участке, хорошо оборудованном со стороны русских в инженерном отношении. Боевые действия обогатили военное искусство ценным опытом борьбы за укрепленные позиции, форсирования речных преград, применения в целях обороны случайных и малоподготовленных тыловых рубежей.

Риго-Шавельская операция

К 1 (14) июля 1915 г. германская Неманская армия имела в своем составе 6 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, 2 пехотные и 2 кавалерийские бригады, 2 отдельных отряда, всего 17 боевых единиц. Эти силы были сведены в две группы: северную генерала Е. Лауэнштейна и южную генерала М. Рихтгофена. Неманская армия насчитывала 115-120 тыс. человек и 600 орудий. Ей противостояла 5-я армия русских. В нее входили 4 пехотные и 6 кавалерийских дивизий, 3 пехотные и 2 кавалерийские бригады. Общая их численность составляла 117 тыс. человек, включая 10 тыс. невооруженных, и 365 орудий. Позднее к участию в операции были привлечены находившиеся в Митаве и Риге 12-я и 13-я Сибирские дивизии. В них было до 20 тыс. человек. Но обе дивизии, переброшенные из Галиции, не успели привести себя в порядок, имели большой некомплект оружия. Реального влияния на ход событий они оказать не могли.

Стороны располагались на широком фронте протяжением 250 км. Оперативных резервов не имели. Их силы были примерно равны. Но немцы почти в два раза превосходили русских в артиллерии и лучше были обеспечены боеприпасами. Инициатива действий находилась в руках германского командования. Используя свои преимущества, оно поставило Неманской армии задачу овладеть районом Митава, Поневеж. Это должно было создать благоприятные условия для выполнения последующего маневра – удара на Вильно в обход Ковно с севера. Отсюда же армия получала возможность действовать в направлениях на Ригу и Двинск.

Русское командование понимало важность удержания Риго-Шавельского района. Успех немцев был опасен, ибо приближал линию фронта к столице России – Петрограду. Но ограниченность сил и средств не позволяла русским принять наступательный план действий. Было решено ограничиться обороной. Задача сводилась к обеспечению обороны направлений на Митаву и Двинск и защите крепости Ковно с севера. Особое внимание обращалось на удержание района Шавли, который, занимая центральное положение, прикрывал все указанные направления.

С 8 часов утра 1 (14) июля генерал фон Белов начал наступление форсированием реки Виндавы силами левого крыла своей армии, в общем направлении на Митаву. Немцы, имея двойной перевес над русскими, медленно продвигались вперед. Под напором превосходящих сил врага правофланговые соединения 5-й армии отходили в восточном направлении. Ее основная группировка оказывала упорное сопротивление в районе Шавли. Германцы замыслили окружить центральные дивизии русских. Частям северного крыла было приказано, оставив заслон против Митавы, нанести удар на юго-восток, а южным корпусам – на северо-восток. Имелось в виду сомкнуть кольцо окружения восточнее Шадова. С утра 8 (21) июля немцы начали свой маневр двойного охвата.

Командующий 5-й русской армией генерал от кавалерии П.А. Плеве, здраво оценив обстановку, разгадал замысел противника. Он отдал приказ о немедленном отходе, чтобы вывести войска из-под ударов врага. Этот шаг, как отмечал русский военный историк Г. Корольков, «показывает гражданское мужество Плеве, так как мало было генералов, способных принять решение, идущее вразрез с требованиями Ставки "ни шагу назад"». Войска применяли метод активной обороны в самом широком смысле. Корпуса отходили с рубежа на рубеж, переходя на отдельных участках в короткие, но энергичные контратаки. Они сохраняли свои силы и выходили из-под фланговых ударов врага. 8 (21) июля немцы заняли Шавли, а 12 (25) июля – Поневеж. На этом 12-дневное сражение под Шавли закончилось. Общая цель немецкого маневра двойного охвата не была достигнута. Русские избежали окружения.

С занятием Поневежа германские войска вышли на стык 5-й и 10-й русских армий. Создалась угроза прорыва их в направлении Вильно. Одновременно нависла опасность над Ригой и Двинском. Положение на этих направлениях стало угрожающим. На усиление 5-й армии направлялись резервы – две пехотные и одна кавалерийская дивизии. В район Риги была переброшена 12-я армия. Немцы сумели 7 (20) августа занять Митаву, но их дальнейшее продвижение на рижском и двинском направлениях было остановлено. Однако вытеснить германскую Неманскую армию из Литвы не удалось.

Риго-Шавельская операция продолжалась более месяца, с 1 (14) июля по 7 (20) августа 1915 г. Немцам удалось захватить обширную территорию и оттеснить 5-ю армию русских к Западной Двине. Обе стороны понесли значительные потери. Несмотря на превосходство во всех отношениях, противник не смог достигнуть своей основной цели – разгрома 5-й русской армии. Отличительной особенностью операции было то, что она протекала в условиях борьбы на широком фронте (армия действовала на фронте 250 км, корпус – 50 км, дивизия – от 20 до 25 км).

Таким образом, операции, призванные обеспечить окружение и уничтожение основной группировки русских армий в Польше и Прибалтике, полностью не оправдали надежд германского командования. Русские войска не были уничтожены: они отступали, оставляя значительные территории, но сохраняя боеспособность.

Немецкое наступление в междуречье Вислы и Буга, а также на Нареве создало опасность выхода противника в тылы центральной группировки русских армий. Возникла реальная угроза их окружения. На совещании Верховного главнокомандующего с командованием Северо-Западного фронта в Седлеце 22 июня (5 июля) 1915 г. Великий князь Николай Николаевич поручил генералу от инфантерии М.В. Алексееву отвести армии до линии Бобр, Верхний Нарев, Брест-Литовск, Ковель.

Генерал Алексеев сумел удачно осуществить сложный стратегический отвод войск на линию Осовец, Ломжа, Любартов, Ковель. Замысел противника окру-

жить войска русских, находившиеся на левом берегу Вислы, окончился неудачей. Начальник германского генштаба генерал пехоты Э. фон Фалькенгайн вынужден был признать, что летние операции «не достигли своей цели». С ним был согласен и командующий войсками германского Восточного фронта фельдмаршал П. фон Гинденбург. «Операция на востоке, несмотря на прекрасное проведение на-ревского удара, – писал Гинденбург, – не привела к уничтожению противника. Русские, как и следовало ожидать, вырвались из клещей и добились фронтально-го отхода в желательном для них направлении».

Осенние операции и стабилизация Русского фронта

3 (16) августа 1915 г. в Волковыске Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич провел совещание высших должностных лиц Ставки и командования Северо-Западного фронта. Были приняты важные решения по планированию дальнейших боевых действий. Их существо было изложено в докладе великого князя Николая Николаевича на имя царя и в директиве Ставки от 4 (17) августа 1915 г. Положение на Северо-Западном фронте, а также наличие в его составе значительного числа войсковых соединений вызвали необходимость его разделения на два новых фронта – Северный и Западный. Главнокомандующим армиями Северного фронта был назначен генерал Н.В. Рузский, занимавший до того должность командующего 6-й армией. Западный фронт вверялся М.В. Алексееву.

Основной задачей Северного фронта являлось прикрытие путей к Петрограду из Восточной Пруссии и со стороны Балтийского моря. Армиям фронта надлежало: 1) прочно удерживать в своих руках район Среднего Немана, имея в виду важное его значение для стратегического положения, складывающегося к северу от Полесья; 2) прикрывать пути, ведущие по правому берегу реки Неман в Виленский район и к участку железной дороги Вильна, Двинск; 3) сохранять за собой нижнее течение реки Двины от Двинска до Риги включительно. Вместе с тем войска Северного фронта должны были «стремиться к тому, чтобы при первой возможности перейти в решительное наступление с целью оттеснить противника насколько возможно к западу и лишить его выгодного исходного положения для развития операций в обход правого фланга общего нашего стратегического фронта»¹¹.

Основной задачей Западного фронта являлось прикрытие путей, ведущих на Москву. Армиям фронта надлежало: 1) прочно удерживать в своих руках район Гродно, Белосток от Верхнего Нарева до Бреста включительно; 2) прикрывать пути по правому берегу Верхнего Буга к рубежу Брест, Кобрин, Пинск, Лунинец.

¹¹ История Первой мировой войны 1914-1918 гг. Т. 1. С. 123.

Под натиском превосходящих сил противника весной и летом 1915 г. русским войскам пришлось оставить Галицию, Польшу и Литву. В конце сентября они закрепились на рубеже Рига, Двинск, Барановичи, Пинск, Луцк, Дубно и далее на юг до румынской границы, имея непрерывный фронт протяженностью более 1300 км. После этого война на Восточном фронте приобрела позиционный характер.

На франко-германском фронте крупных операций в 1915 г. не было. Обе стороны готовились к решительным действиям в 1916 г., развертывая мобилизацию промышленности и усиливая техническое оснащение армий. Вся тяжесть борьбы была возложена в 1915 г. на русскую армию. Ее вынужденное отступление, а также попытки германской дипломатии завязать с Россией переговоры о сепаратном мире вызвали беспокойство союзников и заставили их подумать о согласовании военных действий с целью оказания военной помощи русским. Для этого 7 июля 1915 г. был создан межсоюзнический военный совет в Шантийи. Однако существенной помощи от союзников Россия ни в 1915 г., ни в последующие годы не получила.

Россия же оказывала союзникам реальную помощь самим фактом борьбы против Германии, Австро-Венгрии и Турции и отвлечением на себя значительной части их военного потенциала. Для достижения победы Антанты Россия не жалела своих сил. За годы войны в России было мобилизовано в армию около 16 млн. чел., т.е. свыше одной трети всех людских ресурсов, поставленных под ружье в странах Антанты. Половина дивизий, которыми располагала Антанта, были русскими.

Итоги войны в 1914-1915 гг. для России

1914 г. русские войска были вытеснены из Восточной Пруссии. Тем не менее, немцам пришлось ослабить свои силы на Западном фронте, что позволило англо-французским войскам в кровопролитном сражении на Марне остановить германское наступление.

В августе – сентябре 1914 г. русские войска в Галицийской битве нанесли тяжелое поражение австрийцам, потерявшим около 400 тыс. человек. Армии русского Юго-Западного фронта продвинулись на 280-300 км, захватив Галицию. Попытки немцев нанести поражение русским войскам в Польше (осенью 1914 г.) не увенчались успехом.

В 1914 г. германский план «молниеносной войны» провалился благодаря крови, пролитой русскими солдатами в Восточной Пруссии и англо-французскими войсками на Марне. Перед Германией и ее союзниками встала перспектива затяжной войны, которая позволяла Антанте реализовать свой перевес в материальных и людских ресурсах, важнейшим источником которых была Россия.

В 1915 г. германское командование сосредоточило крупные силы на Восточном фронте с тем, чтобы разгромить Россию и вывести ее из войны. Русские войска, испытывавшие катастрофическую нехватку вооружения и боеприпасов, начали отходить на восток. В результате немецкого наступления весной и летом 1915 г. Россия потеряла Галицию, Польшу, часть Прибалтики и Белоруссии.

Военные неудачи 1915 г. вызвали перестановки в высшем командном составе русской армии: в июне 1915 г. был смещен военный министр В.А. Сухомлинов, обвиненный в измене. На его место был назначен генерал А.А. Поливанов. В августе 1915 г. Николай II сместил великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего. Одновременно был смещен и начальник генерального штаба генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич. Пост Верховного главнокомандующего занял сам Николай II (который был еще более бездарным полководцем, чем его дядя Николай Николаевич), а начальником генерального штаба стал генерал М.В. Алексеев – сын простого солдата, благодаря своим способностям сделавший блестящую военную карьеру и снискавший большой авторитет в действующей армии. После назначения Алексеевым начальником генштаба в должность командующего Западным фронтом вступил генерал А.Е. Эверт.

По мере эскалации войны боевые действия велись все более жестоко. На Восточном фронте немецкое командование впервые применило химическое оружие в январе 1915 г., обстреляв позиции русских войск химическими снарядами. 31 мая 1915 г. у Воли Шидловской в районе Болимова немцы предприняли газобаллонную атаку, в результате которой в полосе обороны 2-й русской армии получили тяжелое отравление и умерли более 1000 русских солдат и офицеров.

В целом компания 1915 г. стала трагедией русской армии, понесшей огромные потери¹². Однако добиться своей главной цели – вывести Россию в 1915 г. из войны – Германия не сумела.

¹² Русская армия по сравнению с армиями других участников военных коалиций понесла в Первой мировой войне самые большие потери, составившие более 60% от общей численности вооруженных сил (т.е. больше, чем побежденные Германия и Австро-Венгрия). К 1916 г. был выбит почти весь кадровый состав (1,4 млн. чел.) и военнообязанные 1 и 2 очереди (5,6 млн. чел.), из которых складывалась основная ударная сила российской армии. Через три года войны в русской армии обнаружилось катастрофическое падение боеспособности, а в конце 1917 – начале 1918 г. русская армия практически распалась. См. Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 481; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. Табл. 56.

Ольга Кучеренко

Между молотом и наковальней: борьба за молодое поколение на оккупированных территориях Советского Союза*

В 1943 году политический отдел при Генеральном округе Беларусь, находящийся в ведении немецкой гражданской администрации Рейхкомиссариата Остланд¹, выступил с требованием «перевоспитать» молодёжь оккупированных районов «в национальном духе». Молодые белорусы должны были проникнуться любовью к своему народу, а также чувством глубокого уважения к Германии, как к нации-освободительнице, и оказывать ей всяческую помощь в ведении войны против большевиков. В противном случае, предупреждали немецкие идеологи, «молодёжь и весь народ лишится возможности в получении права на построение наилучшего будущего Белоруссии»². Усвоение новой национальной идеи должно было проходить в организованном порядке, под чутким руководством вновь сформировавшегося «Саюза беларускай моладзі» (Союза белорусской молодёжи (СБМ))³, организованного по типу немецкого «Hitler Jugend». Инициатива создания СБМ принадлежала видным представителям национальной эмиграции и культурным деятелям, сотрудничавшим с оккупационным режимом, и была поддержана самим гауляйтером Вильгельмом Кубе. Последний уверял своих коллег, что в интересах Германии надо было бы заручиться поддержкой местной молодёжи, тем более, что к тому времени недовольство «новым порядком» среди подростков стало вызывать серьёзные опасения у властей.

Случаи неповиновения отмечались повсеместно на всём пространстве оккупированных областей Советского Союза. Считая, что их лишили будущего⁴, дети и

* Ранее опубликовано в сборнике: *Kinder des Krieges / Deti Voiny*, Deutsche Historische Institut Bulletin. № 3. Moscow, 2009.

¹ На территории оккупированного Советского Союза было создано два имперских комиссариата, находящихся в ведении гражданских властей: Остланд и Украина. Каждый комиссариат делился на генералокруга, а те, в свою очередь, на гебитсокруга. Большая часть Белоруссии составила генеральный округ Беларусь и отошла к комиссариату Остланд, в который также входили часть Польши и Прибалтийские республики. Некоторые районы Белоруссии были отданы рейхскомиссариату Украина, вошли в состав Восточной Пруссии и генерального округа Литва. Восточные территории Белоруссии и Украины, а также все оккупированные районы РСФСР остались областью немецкого армейского тыла и подчинялись военной администрации.

² Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории (РГАСПИ) М1/53/125/11.

³ Позже были разрешены «Союз татарской молодёжи "Бирлик"» и «Союз русской молодёжи». Весной 1944 года все антисоветские молодёжные организации объединились в «Союз борьбы против большевизма». См. Коваленя А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941-1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць. Минск, 1999. Р. 162-180.

⁴ РГАСПИ М1/53/15/86.

подростки срывали уроки и церковные службы, отказывались ходить в школы (где они зачастую подвергались физическому насилию), создавали секретные организации, вывешивали красные флаги в людных местах, портили портреты немецких вождей, пели запрещённые песни и сотрудничали с партизанами и коммунистическим подпольем. Многие также ввязывались в криминальную деятельность⁵. Предписывая старостам и городским головам уделять особое внимание комсомольцам и пионерам⁶, оккупационные власти, в то же время, публично признавались в том, что им было чему поучиться у большевиков в сфере воспитания молодого поколения и привлечения его на свою сторону. Они заявляли, что советское государство давало молодёжи «большие права и свободу, повсемерно заботилось о [ней]. [М]олодёжь являлась главной заботой государства и его опорой [...] И мы теперь должны наконец что-либо делать, чтобы эту молодёжь перетянуть на нашу сторону. В широких массах населения популярность и слава ВЛКСМ очень велики. Молодёжь в настоящий момент или пассивная к нам, или вовсе нас отрицает [...] поэтому мы в первую очередь должны позаботиться о том, чтобы полезную часть молодёжи сделать нашей [... ,] показывать, что мы готовы признать их за равных себе»⁷.

С подобными заявлениями выступали местные администраторы и других оккупированных восточных территорий, призывая к созданию молодёжных движений в их ведомствах. Но потребовалось время и тяжёлая ситуация на фронте, чтобы убедить Рейхминистра Альфреда Розенберга в целесообразности поддержки и развития коллаборационистских структур, чья компетенция выходила бы за рамки исключительно социальной опеки и образования. В контексте общего «заискивания» перед оккупированными народами Советского Союза, с целью их мобилизации в рабочие команды и военные формирования⁸, пронемецкие молодёжные движения, фактически существовавшие ещё с 1942 года, были наконец формально легализованы в середине 43-го.

Поначалу молодёжные движения привлекали в свои ряды только представителей *Volksdeutsche*, но позже расширили свою деятельность среди подростков и молодых людей в возрасте от 10 до 20 лет «чужеродных национальностей»⁹. Последним были обещаны всевозможные привилегии, как, например, экскурсии и направление на учёбу в Германию, взаимные визиты, культурные программы,

⁵ Kucherenko O. Soviet child-soldiers in World War II?. Unpublished PhD Dissertation. University of Cambridge. Cambridge, 2008. P. 241-243, 248, 248n140; РГАСПИ М1/53/432/51.

⁶ РГАСПИ 69/1/833/2-2об.

⁷ РГАСПИ М1/53/125/33-34.

⁸ См., например, памятку «Политические задачи немецкого солдата в России в условиях тотальной войны» (Издание штаба 3-й танковой армии) от 30 апреля 1943 года, в которой немецкие военнослужащие призываются «проникнуться чувством глубокой ответственности за правильное обращение с русским населением», которое может быть «использовано как рабочая сила в оккупированных областях и немецком тылу или для борьбы с оружием в руках» в РГАСПИ 69/1/1102/17-26. См. также подобные воззвания в РГАСПИ 17/125/95/44-45 и 17/125/167/46-51об.

⁹ РГАСПИ М1/53/432/55.

красивая униформа, кружки по интересам для девочек и летние лагеря военного типа для мальчиков. При приёме не принималось в расчёт социальное происхождение, не требовались автобиографические данные, а только лишь горячее желание служить на благо национальной родины и принимать посильное участие в строительстве «новой Европы»¹⁰. Основной политической задачей молодёжных организаций было освободить их членов от «вражеских и вредных влияний», разъяснить им «историческое значение войны против большевизма и жидовства и оценить эпоховую роль великого немецкого народа, который, почувствовав силу и отвагу, взял на себя миссию крестового похода против жидо-большевистского навала. Особенно твёрдо [подростки должны были] уяснить всё историческое значение того, что [они] жив[у]т в эпоху Гитлера, вождя новой Европы»¹¹. Для пущей убедительности немецкие идеологи даже зачислили белорусов и украинцев в славянское ответвление Арийской расы (этот факт от них, якобы, тщательно скрывался русскими оккупантами)¹². Например, при вступлении в СБМ подростки давали торжественную клятву о том, что они «арийского происхождения и белорусской национальной принадлежности»¹³.

Молодые люди помогали в организации антисоветских лекций, распространении фашистской и националистической литературы, чистки библиотек от советских книг, в сборе у населения обуви и одежды для немецких вооружённых сил. Они также контролировали проведение сельхозработ, следили за выполнением поставок продукции и мобилизовывали сельскую молодёжь на работу в Германию¹⁴.

Выполнение обязательных трудовых повинностей явилось одним из самых важных препятствий в росте пронемецкого молодёжного движения. В Белоруссии оккупационные власти были вынуждены распускать ложные слухи о том, что членов молодёжного движения не будут посылать на работу в Германию¹⁵, хотя уже к середине 1944 года 5 тысяч подростков пополнили ряды белорусских Остарбайтеров, и более 3 тысяч членов СБМ оказались в полицейских и карательных батальонах¹⁶. В Латвии, где «Латвияс яунатнес организация» (Латвийская Молодёжная Организация) поначалу пользовалась большим успехом, имен-

¹⁰ РГАСПИ М1/53/125/1-19, 92.

¹¹ Выдержка из Устава СБМ. Там же. 25-26.

¹² РГАСПИ М1/53/125/27, 34; Dallin A. German rule in Russia 1941-1945. A study of occupation polices. L., 1957. P. 108, 204; Беларуская Школа, (1942), № 2 (1/2), С. 21 и № 4 (7/8). P.1 (РГАСПИ М1/53/126/20, 46-47).

¹³ Коваленя. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. P. 121.

¹⁴ См., например, рапорты партизан о работе «Эсти ноорте малев» (Эстонской Молодёжной Рати) в РГАСПИ М1/53/432/30, 47-49; о пропагандистской деятельности белорусских союзов см. Коваленя. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. P. 181-201.

¹⁵ Ibid. P. 19.

¹⁶ Baranova O. Nationalism, anti-Bolshevism or the will to survive. Forms of Belarusian interaction with the German occupation authorities, 1941-1944. Unpublihsed PhD Dissertation. European University Institute. Florence, 2008. P. 174, 210; об активной роли белорусских молодёжных организаций в выполнении военно-хозяйственных задач оккупационных властей см. Коваленя. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. P. 201-218, особенно p. 213.

но трудовая и военная мобилизация серьёзно подорвала репутацию движения. К концу войны даже подростков не достигших призывного возраста активно использовали в качестве помощников немецкой противовоздушной обороны, а также в шпионской и подрывной деятельности против партизан и Красной Армии¹⁷.

Более того, дальнейшее существование молодёжных движений напрямую зависело от политической воли немецких и румынских наместников. Тогда как в Белоруссии, западных областях РСФСР и Прибалтике оккупационные власти и армейское командование активно поддерживали инициативу молодёжного движения, в тех областях Украины, где господствовала гражданская администрация, этому всячески препятствовали. Основанный в 1942 году «Союз Гитлеровской Молодёжи» год спустя приостановил свою деятельность¹⁸. Молодёжные секции «Юнатства», организованные на базе культурно-просветительского товарищества «Просвита», тоже вызывали подозрение, так как через них подростки вербовались в подпольную Организацию Украинских Националистов (ОУН)¹⁹. В западных районах Украины подобные организации насчитывали тысячи членов и были использованы в активных действиях против советских партизан, но в восточных областях популярность их была ограничена²⁰.

В румынской провинции Транснистрия на юго-западе Украины любое проявление украинской национальной идеи пресекалось оккупационными властями. Украинские театры и культурные сообщества были запрещены, члены ОУН арестованы²¹, а история края переписана на новый лад. Новые учебники утверждали, что вся территория от Днестра до Буга являлась исконно румынскими землями, где проживала восточная ветвь румынского народа – молдаване²². Несмотря на свою немногочисленность, последние находились в превилигированном положении по отношению к украинскому большинству, хотя и разочаровывали своих «старших братьев» и «освободителей» почти полным отсутствием национального самосознания. Опасаясь политической активности местного населения, румынский оккупационный режим отказался от создания молодёжных движений на

¹⁷ Lumans V.O. Latvia in WWII. Anon, 1998. P. 201; Kucherenko. Soviet child-soldiers. P. 252, 252n161.

¹⁸ РГАСПИ М1/53/279/99 и М1/53/432/25-26, 48-49.

¹⁹ Там же. 47; Центральный Архив Федеральной Службы Безопасности России (ЦА ФСБ) 100/11/7/60-66 и 4/3/818/177-186, опубликовано на сайте Российского посольства в Киеве: <http://www.embrus.org.ua/modules.php?op=modload&name=News&sid=825&file=article&pageid=2>; о зарождении и деятельности товарищества «Просвита» см. Бадеева Л.И. Діяльність товариства «Просвіта» на Лівобережній Україні у ХХ ст. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Харківський національний університет. Харків, 2003.

²⁰ РГАСПИ М1/53/279/58, 82, 93-96.

²¹ Государственный Архив Одесской Области (ГАОО) 2357/1с/32/408-408об; Solovei R. Activitatea Guvernământului Transnistriei în domeniul social-economic și cultural (19 august 1941-29 ianuarie 1944). Iași, 2004. P. 109; Arhiva Națională a Republicii Moldova (ANRM) 706/1/544 (1)/12.

²² См. околонуточные трактаты, опубликованные в отдельных номерах коллаборационистских газет *Молва* с 13 мая по 11 июня 1943 года и *Одесская Газета* от 1 декабря 1942 года.

своей территории, хотя власти и пытались без особого успеха вербовать молодых людей в «провласовские» легионы²³.

Также как и все остальные попытки привлечения местного населения к сотрудничеству посредством пропаганды и уступок²⁴, работа по организации молодёжи, в целом, оказалась малоэффективной. В своих рапортах администраторы с грустью отмечали, что их культурная политика «не отвечала интересам и нуждам местного населения», в то время как многие подростки продолжали относиться к новым властям с недоверием и даже враждебностью²⁵. Нежелание понять специфику культурных традиций восточных территорий, полный разрыв между реалиями повседневности и пропагандистскими прокламациями²⁶, а также высокомерное отношение оккупационных войск и гражданских колонистов к местному населению, приводило последних в замешательство и вызывало раздражение, даже среди тех, кто пользовался большими привилегиями, как, например, жители Прибалтики. Физическое насилие, массовые расправы над мирным населением, насильственная мобилизация на работу в Германию, унижение, сегрегация, расовая и социальная дискриминация оставались широко распространённым явлением на всех оккупированных восточных территориях²⁷.

Общее недовольство было с успехом использовано советским движением сопротивления, которому с момента создания Центрального Штаба Партизанского Движения в мае 1942 года вменялось в обязанность следить за политическими настроениями населения; где надо, их корректировать, и направлять на активную борьбу с врагом. С ростом партизанского движения набирала всё большие обороты его агитационно-пропагандистская деятельность, особенно в молодёжной среде.

«Народные мстители» отмечали, что молодёжь с большей охотой вступает в отряды, если с ней проводится политпросветработа²⁸. Капитализируя на подро-

²³ Kucherenko O. Reluctant traitors: the politics of survival in Romanian-occupied Odessa // *European Review of History: Revue Europeenne d'Histoire*. 2008. № 15/2. P. 145, 151n10.

²⁴ О методах немецкой агитационной работы см. РГАСПИ М1/53/284/21, 24, М1/32/23/93-93об, 94, 69/1/728/21, 41, 17/125/167/7, 9.

²⁵ Процитировано у Berkhoff K.C. *Harvest of despair: Life and death in Ukraine under Nazi rule*. Cambridge, Mass., 2004. P. 204; о несостоятельности немецкой и румынской пропаганды на оккупированных территориях см. также Ковалёв Б. *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941-1944*. М., 2004. С. 426; Ивлев И.А., Юденков А.Ф. *Оружием контпропаганды. Советская пропаганда среди населения оккупированных территорий СССР, 1941-1944гг.* М., 1988. С. 56, 187; Gartenschläger U. *Living and surviving in occupied Minsk // The people's war: Responses to World War II in the Soviet Union / Red. R.W. Thurston, B. Bonwetsch*. Urbana, 2000. P. 24n29; Dallin. *German rule*. P. 70, 470; Terry N. *The German Army Group Centre and the Soviet civilian population, 1942-1944: forced labour, hunger and population displacement on the Eastern Front*. Unpublished PhD Dissertation. King's College, London. L., 2006. P. 126; Solovei. *Activitatea guvernământului Transnistriei*. P. 85.

²⁶ Dallin. *German rule*. P. 18-19, 65, 67, 148, 501, 506; см. протокол допроса немецкого пропагандистского работника в РГАСПИ 17/125/322/53.

²⁷ Lumans. *Latvia in WWII*. P. 204; Коваленя. *Прагерманскія саюзы моладзі*. P. 60-61, 95-96, 213; Kucherenko. *Soviet child-soldiers*. P. 242.

²⁸ РГАСПИ 69/1/1102/5-6, 69/1/728/52-53.

стковом максимализме, партизаны представляли себя как «лучшие сыны советского народа»²⁹. Листовки, адресованные школьникам и студентам, призывали их к саботажу и срыву немецких мероприятий, приводили многочисленные примеры героизма «младших боевых товарищей», сражающихся на фронтах и в сопротивлении³⁰. В сельских местностях организовывались концерты, коллективное прослушивание радиопередач и читки советских газет³¹. В своих агитационных кампаниях партизаны и подпольные организации ВЛКСМ напоминали о том, что дала молодёжи советская родина, чего её лишили захватчики и что ждёт её в будущем, если враг победит. У тех, кто «хот[ел] жить свободно и счастливо» оставался один единственный выбор – борьба. «Никто не должен стоять в стороне от борьбы» – гласил приказ, добавляя для ясности: «Кто сегодня не с нами – тот против нас!»³². Партизаны и подполье также стремились заручиться поддержкой учителей как наиболее неудовлетворённой социальной группы³³. Их призывали не учить детей по фашистским учебникам, вести разъяснительную работу с родителями и, посредством «40 пар глаз и 40 пар ушей», имевшихся в распоряжении учителя, добывать разведанные³⁴. Те учителя, которые отказывались от сотрудничества с сопротивлением, устранялись; иногда вместе со своими семьями³⁵. В результате, до 60% всех советских нерегулярных боевых формирований составляли молодые люди в возрасте до 25 лет; 10-16% из них – школьники³⁶.

Хотя большинство «народных мстителей» были мужчины, девушки также привлекались к подпольной деятельности³⁷. Они ценились как хорошие агитаторы и вербовщицы³⁸, но у советской власти были и другие причины усилить политико-массовую работу среди них. Лишённые возможности дальнейшего образования и, соответственно, источников существования, многие старшеклассницы были вынуждены наниматься на работу в оккупационную администрацию, заниматься торговлей и даже проституцией. Любовные отношения были также распространены между немецкими военнослужащими и местными девушками. Целый ряд листовок, стихотворений и воззваний от имени женихов и братьев, воюющих в Красной Армии, напоминали «немецким куколкам», что их действия порочили образ советской женщины и являлись «прямым предательством родины»³⁹. Они обличали «немецкую влюбчивость» и «ухаживания» как «маскиро-

²⁹ РГАСПИ М1/53/38/111.

³⁰ См. тексты листовок в РГАСПИ М1/53/38/13-13об, 15-15об, 146, М1/53/41с/4-5, 6, 40-41, 92.

³¹ РГАСПИ М1/53/279/168, 183, 185-187, М1/32/23/108, 112-112об; Коваленя. Прагерманскія саюзы моладзі. Р. 101.

³² РГАСПИ М1/53/38/146.

³³ РГАСПИ М1/53/15/88, М1/53/432/51 и М1/53/279/201.

³⁴ РГАСПИ М1/53/15/89.

³⁵ Народный Архив Республики Беларусь (НА РБ) 4683/3/1005/73, процитировано у Коваленя (Прагерманскія саюзы моладзі. Р. 94).

³⁶ Kucherenko. Soviet child-soldiers. Р. 232n46.

³⁷ РГАСПИ М1/53/41с/98, 103, 120, 152 и М1/53/42/20.

³⁸ РГАСПИ М1/53/15/8-9, 33-34, 63-64, 69-70, М1/53/14/165.

³⁹ РГАСПИ М1/53/55/24-25, М1/53/41с/88-90об, М1/53/42/97-97об, М1/53/130/30, М1/53/15/85, 88, 90-92.

вочное средство для прикрытия [немецкого] распутства»⁴⁰. Увеселительные вечера и танцы на самом деле являлись «злодейски[м] план[ом] немцев по политическому и духовному разложению» подростков⁴¹.

Молодых девушек также вербовали в свои ряды украинские националисты. Они служили при штабах ОУН и санитарками в Украинской Повстанческой Армии⁴². Перед входом частей Красной Армии на территорию областей Западной Украины мужчины мобилизовывались в армию или уходили в леса, а «отважные красивые» девушки оставались в городах и деревнях для проведения разведывательно-организационной работы в советских учреждениях и убийств руководящих партийных работников. Детей обоих полов также привлекали к диверсионной деятельности⁴³.

Советские партизаны не проводили особых различий между националистическими и пронемецкими молодёжными формированиями, так как и те, и другие пропагандировали национальную независимость и активную борьбу против «большевицкой заразы». Тактика партизанской агитации среди членов анти-советских молодёжных организаций варьировала между обещаниями прощения «советскому юноше или девушке минут[ы] слабодушия, если он опомнится и станет активным борцом против немцев», до угроз физической расправы над «фашистски[ми] последыш[ами]-«фюрерят[ами]»⁴⁴. Партизанские агенты внедрялись в союзы, срывали их комплектование, распространяли разоблачительную литературу, дискредитировали и устраняли их руководителей. Особенно активно проводилась работа по разложению в рядах СБМ⁴⁵. В то же время, психологическое давление партизан было наиболее слабым в Прибалтийских республиках, где советское сопротивление не сумело заручиться поддержкой местного населения и, соответственно, не обладая достаточными сведениями о пронемецких молодёжных союзах, не проводило активных мер по их разложению⁴⁶.

Таким образом, попытки привлечения больших масс молодёжи в профашистские организации и товарищества в целом оказались неудачными по причине подозрительности немецких властей, несостоятельности их пропаганды, а также, в меньшей степени, противодействия партизан и коммунистического подполья. Жестокая оккупационная политика привела к разочарованию и недовольству даже среди молодёжи, никогда не испытывавшей особой привязанности к советской власти. В свою очередь, партизанская агитпросветработа подогревала чувства тех, кто с раннего детства был воспитан на патриотических идеалах, и счи-

⁴⁰ РГАСПИ М1/53/15/88.

⁴¹ Там же. 82, 92.

⁴² ЦА ФСБ, 4/3/818/177-186.

⁴³ ЦА ФСБ 100/11/7/250-251; Бурдс Дж. «Москальки»: женщины-агенты и национальное подполье на Западной Украине, 1944-1948гг. // Социальная История. Ежегодник. 2004. С. 313, 315.

⁴⁴ РГАСПИ М1/53/38/18, М1/32/23/107, М1/53/125/8-9.

⁴⁵ РГАСПИ М1/53/79/55, 58, М1/53/125/3, 6-10, 19-20.

⁴⁶ РГАСПИ М1/53/432/50.

тавших советское государство оплотом справедливости и образцом государственной заботы о молодом поколении. Если в западных районах, отошедших к Советскому Союзу в 1939-1940 годах, антисоветские движения имели определённый успех, в восточных областях немецкие власти и их союзники столкнулись с сильнейшим конкурентом, за которым стояла уже начавшая свой победоносный поход на запад Красная Армия.

Ципурский Г.В.

Уличный мир и молодые хулиганы в пост-сталинском Советском Союзе¹

«Вызывает особую тревогу то обстоятельство, что в целом ряде школ области вследствие крайне низкого уровня воспитания учащихся и неудовлетворительной работы комсомольских и пионерских организаций, отдельные группы учащихся пытаются создавать различные "общества", "штабы", "клубы", или встают на преступный путь. Подтверждением этому может служить статистика уголовных преступлений, совершенных подростками в городе Ростове на протяжении последних трех лет»².

Эти слова из отчета от 3 мая 1956 года бригады представителей ЦК ВЛКСМ, откомандированных в Ростовскую область для выяснения ситуации с теми, кто, как сказано в отчете, попирает нормы коммунистической морали. При прочтении этой цитаты, а также других аналогичных цитат в архивных документах этого времени, возникает несколько вопросов: каков был уличный мир тех времен? Какие аспекты поведения молодежи вызвали недовольство представителей ЦК ВЛКСМ? Что послужило источником для внутренних культурных практик такого рода «клубов»? Каким образом анализ подростковых группировок может помочь нам сформировать более широкое представление о нонконформистской молодежи того времени?

Ища ответы на эти вопросы, надо иметь в виду, что марксистско-ленинская теория придавала молодежной политике крайне большое значение. Это отражено, например, в словах Ленина о том, что «именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества»³. В годы после-сталинской оттепели, от смерти Сталина в 1953 году и до конца шестидесятых, молодежь стала особенно значимой для советского руководства, которое считало, что социализация «оттепельного поколения»⁴ является ключевым процессом для построения идеального коммунистического будущего⁵. В связи с этим несколько

¹ Ранее опуб. в сборнике: Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Сост. Д. В. Громов, отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: ИЕА РАН, 2009. С. 73-93.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), фонд (ф.) М-1, опись (оп.) 33, дело (д.) 813, лист (л.) 10.

³ Учиться коммунизму. Кн. 1. В.И. Ленин, КПСС: о партийном руководстве комсомола. М., 1982. С. 41.

⁴ Как его назвали Людмила Алексеева и Пауль Гольдберг. См.: Alekseeva L., Goldberg P. The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era. Boston, 1990.

⁵ Как выразился ЦК КПСС в поздравлении XIV Конгрессу ВЛКСМ. См.: Справочник партийного рабочего. Вып. IV. М., 1963. С. 681-684.

странным кажется тот факт, что важнейшие труды о советской молодежи, основанные на базе архивных документов, стали появляться только в последние годы. Среди них есть работы, освещающие важнейшие вопросы, касающиеся той части молодежи, на которую в официальном дискурсе послевоенных и хрущевских лет был навешан ярлык «девиантной»⁶, а именно стилияг и политических диссидентов, как правило представителей студенческой молодежи⁷. Намного реже встречаются исторические работы, посвященные рабочей молодежи, чей нонконформизм чаще всего выражался в поведении, советской властью названном «хулиганством». Существует несколько работ о хулиганстве периода «оттепели», но и они больше фокусируют внимание на государственной политике, нежели на поведении самой молодежи и очень редко упоминают категорию несовершеннолетних, подростков и юношей с двенадцати до семнадцати лет⁸. Моя статья дела-

⁶ Эти ярлыки, по теории маркирования (labeling theory) происходят, когда доминантные группы в обществе используют свою власть для навязывания такого ярлыка социально слабым группам, которые каким-то образом противостоят власти доминантных групп, и таким образом стараются достичь социального контроля. В нашем контексте доминантные группы – это те государственные деятели, которые через официальный дискурс и государственную политику маркировали некоторых молодых людей как «девиантов», потому что последние выходили за рамки предложенного поведения. Про теорию маркирования см. классическую работу: Becker H.S. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. N.Y., 1973 [1966]. О дальнейшем использовании этой теории см.: Pfohl S. *Images of Deviance and Social Control: A Sociological History*. N.Y., 1994. P. 345-98; *Theories of Deviance* / Ed. S.H. Traub, C.B. Little. Itasca, 1985. P. 277-332.

⁷ Стилияги, молодежь, настроенная на западноевропейский и американский стиль и культуру, описаны во многих работах, например: Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Фарца: Подполье советского общества потребления // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 5; Edele M. *Strange Young Men in Stalin's Moscow: The Birth and Life of the Stiliagi, 1945-1953* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2002. № 50.1. P. 37-61; Roth-Ey K. *Mass Media and the Remaking of Soviet Culture, 1950s-1960s*. Ph. D. diss.: Princeton University, 2003. P. 46-98; Fürst J. *The Importance of Being Stylish: Youth, Culture and Identity in Late Stalinism / Late Stalinist Russia*, P. 209-30; Stites R. *Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900*. N.Y., 1992. P. 123-147; Pilkington H. *Russia's Youth and its Culture: A Nation's Constructors and Constructed*. N.Y., 1994; Fitzpatrick S. *Social Parasites: How Tramps, Idle Youth and Busy Entrepreneurs Impeded the Soviet March to Communism* // *Cahiers du monde russe*. 2006 № 47:1-2. P.1-32. Про политическую оппозицию см. Ваксер А.З. *Ленинград послевоенный. 1945-1982 годы*. СПб, 2005, С. 410-433; Силина Л.В. *Настроения советского студенчества, 1945-1964*. М., 2004; Zubkova, E. *Russia After the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945-1957*. Armonk, 1998; Tromly B.K. *Re-Imagining the Soviet Intelligentsia: Student Politics and University Life, 1948-1964*. PhD. diss.: Harvard University, 2007; Kharkhordin O. *The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley, 1999, P. 279-302; Герасимова О.Г. *Общественно-политическая жизнь студенчества МГУ в 1950-е – середине 1960-х годов*. Дисс. канд. ист. наук. М., 2008.

⁸ Про хулиганство в оттепельные годы в более обширном смысле см.: LaPierre B. *Defining, Policing, and Punishing Hooliganism in Khrushchev's Russia*. PhD. diss., University of Chicago, 2006; idem. *Making Hooliganism on a Mass Scale: The Campaign against Petty Hooliganism in the Soviet Union, 1956-1964* // *Cahiers du monde russe*. 2006 № 47.1-2, P. 349-75; idem. *Private Matters or Public Crimes: The Emergence of Domestic Hooliganism in the Soviet Union, 1939-1966* // *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia* / Ed. L.H. Siegelbaum. N.Y., 2006. P. 191-207; Dobson M. "Show the Bandit-Enemies no Mercy!": Amnesty, Criminality, and Public Response in 1953 // *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era* / Ed. P. Jones. N.Y., 2006, P. 21-40; Kozlov V.A. *Mass Uprisings in the USSR: Protest and Rebellion in the Post-Stalin Years*. Armonk, 2002; Hessler J. *Death of an African Student in Moscow: Race,*

ет вклад в эту малоисследованную сферу историографии; как базу данных я использую главным образом архивные материалы⁹.

До недавнего времени исследование группировок молодежи, отходящей от общепринятых нравов, чаще всего использовало теорию «субкультур». Эта идея стала популярной, начиная с цикла работ английских исследователей 1970-х годов, которые под влиянием Грамши и Альтюссера рассматривали «тедди бойз», «модов», «скинхедов» и другие молодежные направления как оппозицию рабочего класса гегемонии буржуазных институтов английского общества. Концепция субкультур в этих работах включала в себя классовый статус как детерминирующий фактор, строгие границы между субкультурой и обществом, четко выраженную субкультурную символику и ее яркое публичное выражение¹⁰. Но в последнее время появился ряд исследователей, более критически относящихся к модели субкультур. Они полагают, что данная концепция плохо отражает совокупность влияний на молодежные группировки, утрирует сложность их внутреннего мира, не может достоверно объяснить переход молодежи из одной группы в другую, а также принадлежность к разным молодежным группам в одно и то же время. Эти исследователи предложили ряд иных, «пост-субкультурных» моделей, например, «альтернативные стили жизни» или «неотрайбс (новые племена)», как отражающие ключевое влияние глобализации культурных практик и потребительства в жизни молодых людей¹¹. Но и эти модели также были под-

Politics, and the Cold War // *Cahiers du monde russe*. 2006 № 47. 1/2. P. 33-63. Исключения, в которых упоминается хулиганство этих лет: Kelly C. *Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991*. New Haven, 2007 и Fürst J. *Between Salvation and Liquidation, Homeless and Vagrant Children and the Reconstruction of Soviet Society* // *The Slavonic and East European Review*. 2008. № 86. 2. P. 232-258. Про эпизоды хулиганского поведения советской молодежи в другие времена см., напр.: Громов Д.В. Люберецкие уличные молодежные компании 1980-х годов: субкультура на перепутье истории // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 4. С. 23-38 и Hagenloh P. *Juvenile Delinquency, Social Welfare, and Soviet Criminology in the 1930s* // Conference paper at the Forty-Sixth Annual Southern Conference on Slavic Studies in Atlanta, Georgia, March 27-29, 2008.

⁹ Хотя эти документы дают взгляд с точки зрения государства, их функция была передать информацию наиболее точным образом, что позволяет исследователям наиболее близко приблизиться к тому, что происходило в бытовой жизни. Эти документы были извлечены из следующих архивов: РГАСПИ, который содержит архив ВЛКСМ и также архив КПСС до 1953 года; Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), который содержит архив КПСС после 1953 года; Центральный архив города Москвы (ЦАГМ), в котором архив московского правительства; наконец, Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ), в котором находятся документы московского КПСС и ВЛКСМ.

¹⁰ Работы зарубежных исследователей, использующих эту концепцию: Cohen S. *Folk Devils & Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers*. N.Y., 1987; Widdicombe S., Wooffitt R. *The Language of Youth Subcultures: Social Identity in Action*, Cambridge, 1995; European Cities, Youth, and the Public Sphere in the Twentieth Century / Ed. A. Schildt, D. Siegfried. Burlington, 2005; idem. *Between Marx and Coca-Cola: Youth Cultures in Changing European Societies, 1960-1980*. N.Y., 2006; Brake M. *Comparative Youth Culture: The Sociology of Youth Cultures and Youth Subcultures in America, Britain, and Canada*. N.Y., 1985 и т.д.

¹¹ См. подборку статей с пост-субкультурным анализом: *After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture* / A. Bennett, K. Kahn-Harris. N.Y., 2004. Особенно обратите внимание на вступление, которое имеет краткую историю теоретического подхода к анализу молодежных стилей: idem. Bennett A., Kahn-Harris K. Introduction // *ibid.* P. 1-18. Некоторые отечественные

вержены критике. Указывалось, что в них недостаточно внимания обращается на культурные практики на местах, особенно это касалось молодежи на периферии «Запада»; отмечалось, что при таком подходе недооценивались более традиционные маркеры идентичности (пол, социальный статус, национальности, сети родных и друзей и т.д.), которые оставались по-прежнему важными для молодежи. По итогам критики предлагалось для проверки достоверности абстрактных моделей использовать местный контекст и обратить серьезное внимание на то, как сами молодые люди относятся к своим культурным практикам¹².

Базируясь на архивных материалах, мы в данной статье рассмотрим хулиганские молодежные «штабы» «оттепельных» лет и покажем, что такие нонконформистские группы заимствовали идеи и символы для формирования своих культурных практик из различных источников. Включаясь в дискуссию об абстрактных моделях, мы считаем, что эти «общества» нельзя характеризовать как субкультуры, так как в них нет явного классового признака, а символические атрибуты и внутренняя культура далеко не стабильны и выражены нечетко, хотя, несомненно, отклоняются от официально преподносимой модели идеального советского молодого человека.

Молодежная криминальная среда послевоенных и «оттепельных» лет

В первые годы после смерти Сталина советские власти начали кампанию против хулиганства и другого «антиобщественного» поведения в молодежной среде. В отчетном докладе XI съезда ВЛКСМ 1949 года, первого послевоенного съезда, секретарь комсомола П.А. Михайлов еще не упоминал о проблеме молодежного хулиганства¹³. Но уже на следующем, XII съезде ВЛКСМ, проходившем в 1954 году, меньше чем через год после смерти Сталина, новый секретарь комсомола А.Н. Шелепин отмечал, что иногда «на глазах у комсомольцев отдельные юноши ведут себя развязно, хулиганят» и раскритиковал те комсомольские организации, которые «остаются порой безучастными к этим фактам, не выносят их на суд

исследователи также недавно начали критиковать теорию субкультурности: Гладарев Б.С. Формирование и функционирование milieu (на примере археологического кружка ЛДП-ДТЮ 1970-2000 гг.). <http://www.indepsocres.spb.ru/boriss.htm>; Гладарев Б.С. Жизненные миры «особой» ленинградской молодежи // Неприкосновенный запас. 2004. № 4.

¹² См. специальную серию журнала, особенно вступление: Pilkington H., Johnson R. Peripheral Youth: Relations of Identity and Power in Global/Local Context // European Journal of Cultural Studies. 2003. № 6. 3. P. 259-283.

¹³ Михайлов П.А. Отчетный доклад на XI съезде комсомола о работе ЦК ВЛКСМ. М., 1949. С. 32. Более подробно о подходе послевоенных советских властей к хулиганству, особенно про то, как мало внимания обращалось на это публичный дискурс, см.: Fürst J. Stalin's Last Generation: Soviet Youth and the Emergence of Mature Socialism 1945-56. Unpublished manuscript: forthcoming, 2009, глава 5.

общественности»¹⁴. Похожие высказывания звучали на комсомольских конференциях регионального уровня. Так, отчетный доклад московской отчетно-выборочной конференции 1954 года раскритиковал «факты недостойного, аморального, а порой и преступного поведения некоторой части молодежи», предоставив этому вопросу намного больше внимания, чем на предыдущих конференциях¹⁵. ЦК ВЛКСМ не только развернул критику хулиганства на съезде, но и издал серию документов, направленных против хулиганства. В июне 1954 года Бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление, направленное против хулиганства; подчеркивалась необходимость «вести решительную борьбу с этим злом»¹⁶. Несколько позже Бюро ЦК ВЛКСМ издало похожий указ против пьянства, призывавший «придавать общественному осуждению конкретных носителей антиобщественных поступков, совершенных на почве пьянства»¹⁷. В 1955 году тремя своими постановлениями ЦК ВЛКСМ снова обратил особое внимание на антиобщественное поведение молодежи, показывая тем самым, что эти меры не кратковременная кампания, а важное направление деятельности комсомольской организации. Несомненно, самым важным из действий ЦК ВЛКСМ по этому вопросу было закрытое письмо ЦК ВЛКСМ от августа 1955 года, адресованное всем комсомольским организациям страны, от обкомов до первичных комсомольских организаций, осуждающее «факты нарушения общественного порядка, пьянства, хулиганства и различного рода уголовных преступлений»¹⁸. Это девятистраничное письмо, выпущенное тиражом в 600000 экземпляров, с инструкцией уничтожить его в течение трех месяцев после получения, было беспрецедентным в истории комсомола, хотя коммунистическая партия пользовалась подобными письмами и раньше. Используя это письмо, ЦК ВЛКСМ подчеркивал важность своей новой политики против нарушения общественного порядка, выделяя ее из обычных методов работы с целью придания этому вопросу большего значения для работы на местах¹⁹. Подавляющее большинство фактов о криминальных молодежных «штабах» этих лет, приведенных во второй части статьи, были почерпнуты мной из отчетов о хулиганстве в молодежной среде, появившихся в архивах комсомольских организаций благодаря именно этой новой политике ВЛКСМ.

Как же власти определяли, какое именно поведение нарушает общественный порядок? Постановление ЦК ВЛКСМ 1954 года о хулиганстве упрекнуло те ком-

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 80. Л. 111-112.

¹⁵ ЦАОПИМ. Ф. 635. Оп. 13. Д. 267. Л. 44.

¹⁶ Постановление «О борьбе комсомольских организаций с проявлением хулиганства среди молодежи». См. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 831. Л. 9.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 841. Л. 81. ЦК КПСС принял похожее решение о борьбе с пьянством всех советских граждан, не только молодежи. См.: Трущенко Н.В., Мышенков Б.И. Наследникам революции. Документы партии о комсомоле и молодежи. М., 1969. С. 394-398.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 878. Л. 72.

¹⁹ Я описываю этот новый курс и его имплементацию более подробно: Tsipursky G. *Citizenship, Deviance, and Identity: Soviet Youth Newspapers as Agents of Social Control in the Thaw-Era Leisure Campaign* // *Cahiers du monde russe*, forthcoming.

сомольские организации, которые «терпимо относятся к проявлению хулиганства среди молодежи, зачастую мирятся с тем, когда хулиганы бесчинствуют, устраивают драки, сквернословят»²⁰. Письмо от августа 1955 года дало более подробный перечень тех, чьи модели поведения называют антиобщественными; это те, кто «отлынивают от труда, по-хамски относятся к девушкам, прожигают золотую пору своей жизни в пьяном угаре, хулиганят, воруют». Например, в письме была приведена ситуация в Курской области, когда «группа молодых парней надругалась над девушкой. Хулиганы нанесли ей ножевые ранения, от которых она умерла». Из того же письма: «Хулиганство и воровство, как зараза, проникают даже в среду подростков... В школе ФЗО № 1 города Красноуральска Свердловской области долгое время бесчинствовала кучка распоясавшихся хулиганов...»²¹. Таким образом, мы видим, что хулиганские действия по определению власти включали в себя драки, сквернословие, надругательство над девушками – от оскорбления до насилия, – чрезмерную выпивку и дебоширство разных форм. Термины «хулиганство» и «нарушение общественного порядка» часто использовались для обозначения одних и тех же форм поведения, определявшихся советской властью как «девиантные» и подлежащие ликвидации. В 1956 году советское государство приняло новый закон о «мелком хулиганстве», который был уже предназначен для всех категорий населения, а не только молодых людей; этот закон одной из своих целей ставил ликвидацию таких «девиантных» форм поведения, как сквернословие²².

Хотя кампания против нарушения общественного порядка развернулась в оттепельные годы, это не значит, что подобное поведение не отмечалось при Сталине. Высшие комсомольские органы обращали минимальное внимание на хулиганство совершеннолетней молодежи во время и после XI съезда, но есть несколько постановлений, которые упоминают хулиганские поступки учащихся в школе, но не обостряют на них внимание. В одном из этих постановлений критикуется «недисциплинированность» среди учащихся в городе Горьком, но, к сожалению для исследования хулиганства, это и похожие на него постановления фокусируются не на «антиобщественных поступках», а обращают большое внимание на плохую учебу и несоблюдение правил поведения в школе. Однако даже это постановление дает нам возможность увидеть эти негативные аспекты мира учащихся, упоминая «многочисленные факты, когда школьники, представленные сами себе, плохо ведут себя на улице, в общественных местах. Только в январе 388 учащихся школ города были задержаны органами милиции за нарушение общественного порядка». Так же это постановление включает в себя как пример лист «Правил для учащихся», оформленный в стиле стенгазеты и выпущенный тиражом в 200000 экземпляров. Среди 20 правил, написанных на этом листе, од-

²⁰ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 831. Л. 9.

²¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 878. Л. 76.

²² Хотя, как показывают исторические исследования, этот закон не был особенно эффективен. См. LaPierre. Making Hooliganism on a Mass Scale.

но направленно непосредственно против поведения, ассоциированного с хулиганством: «14. Не употреблять бранных и грубых выражений, не курить. Не играть в игры на деньги и вещи». Из остальных правил этого стенгазетного листа шесть требуют вежливого поведения и подчинения властям в школе и семье. Из этого тоже можно понять, что вежливость и подчинение администрации не всегда были свойственны учащимся²³. Более подробно о хулиганстве можно узнать из материалов отчетно-выборных конференций комсомольских организаций на местах. Например, на конференции Мосгоркома, прошедшей в январе 1953 года, описывался «вечер дружбы» в Институте цветных металлов и золота, который «окончился групповой дракой»²⁴. Из записки отдела Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) от февраля 1947 можно узнать, что уровень криминальности в Москве недавно поднялся, причем «в большинстве случаев преступления совершают уголовные элементы, в прошлом судившиеся, и молодежь. В числе последних многие работают на предприятиях или являются учащимися»²⁵. Но, в общем и целом, по данным письма Прокуратуры в ЦК КПСС, с 1948 по 1954 год число молодых людей до 25 лет, отданных под суд за уголовные преступления, резко упало. Так, если в 1948 году 246126 молодых людей были отданы под суд, то в 1950 году это число равнялось 191514, в 1952 году – 161344, а в 1954 году уже 146215 человек²⁶.

Если эта информация рисует картину антиобщественного поведения с позиции государства, то мемуары частных людей и интервью²⁷ помогают понять хулиганские аспекты мира дворов и улиц послевоенных и оттепельных лет советской истории. Рабочие окраины городов имели свои хулиганские компании, которые подразделялись на улицы и отдельные дворы: чужой, не «свой», зашедший в такой район, мог ожидать драки. Эта традиция существовала и до 1945 года. Во время эвакуации в Алма-Ате москвичка Ирина Борисовна, 1928 года рождения, жила на окраине города и ей приходилось идти в школу через «шанхай», где она должна была доказывать окружающим, что способна постоять за себя. Когда она первый раз хотела пересечь «шанхай», ее окружила толпа подростков-хулиганов; но Ирина взяла два кирпича и заявила потенциальным обидчикам, что, может быть, они и побьют ее, но и из них двое целыми не останутся, «и драка рассосалась». Она смогла приспособиться к такой атмосфере; Ирина Борисовна рассказывает о себе: «Я вообще была драчунья, и когда в новой школе увидела, как дети делают рогатки и стреляют гвоздями, я, конечно, тоже сделала рогатку и тоже стреляла гвоздями»²⁸. Другой информант, Владимир Михайлович, родившийся в

²³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 567. Л. 126-128.

²⁴ ЦАОПИМ. Ф. 635. Оп. 13. Д. 133. Л. 37.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 2-12.

²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 232. Л. 11.

²⁷ В 2008-2009 годах мы проводили интервью с людьми, которые в послевоенные и оттепельные годы были студентами московских вузов. Для сохранения анонимности я даю год рождения, имя и вымышленное отчество.

²⁸ Ирина Борисовна, интервью 7 ноября 2008.

1946 году, рассказывает, как в девятом классе, уже в оттепельные годы, его друг Юра завел себе подругу в соседнем переулке. Шайка из этого переулка начала угрожать Юре, тогда он собрал на драку знакомых из своего переулка, включая и Владимира, и с их помощью сумел отстоять себе проход на «чужую» территорию²⁹. Евгений Исаакович, 1946 года рождения, также вспоминает драки между дворами в Москве и проблемы, которые возникали у чужаков, пересекавших районы рабочих окраин. По пути в Дворец пионеров он бывал бит, с него сбивали шапку, крали деньги³⁰. Одним из таких хулиганов был Герман Иосифович, который родился в 1934 году в Москве. Ныне он рассказывает о себе: «С 4-го по 10-ый класс я был мальчиком, которого любили ребята (правда, не все) и не любили учителя (за очень редким исключением)». Герман и его друзья, которых он называет «уличными пацанами», или «шпаной», развлекались тем, что прыгали с трамвая на сильном ходу, соревнуясь друг с другом в смелости. Было у них и такое опасное занятие: зимой, изготовив специальные «крюки-хваталки» из толстой прочной проволоки и надев коньки, ребята зацеплялись крюком за борт грузовика и катились за машиной по зимним скользким улицам. Кулачная драка среди этих детей «была возведена в ранг спорта» со своими жесткими правилами: драка идет до первой крови, по паху не бьют, лежачего не бьют, тяжелые, режущие предметы не используют. Герман с несколькими друзьями крал марки у коллекционеров: напросившись в квартиру как потенциальный покупатель, он, интеллигентного вида юноша, в тот момент, когда коллекционер был отвлечен напарником, бритвой вырезал несколько страниц альбома. Герман Иосифович рассказывает, что уличная шпана вместе с ним нередко била пионеров. Рядом с его домом находился Дом пионеров, в котором занимался знаменитый детский ансамбль, а «уличные пацаны ненавидели и весь ансамбль, и его руководителей, и пионеров... Пионеры были приближены к власти, а мы были сами по себе, ничьи, полуголодные волчата, голодные шакалы, которым обидеть другого – не то, что не грех, даже кайф». Важно отметить, что сам Герман тоже состоял в пионерской организации: а под словом «пионер» в этом контексте имел в виду «хороших», примерных детей, делавших то, что им говорили, в отличие от «шпаны» вроде него самого. Он даже вспоминает, что уличные пацаны Сталина не любили и называли его «Сталин-сралин». Правительство они тоже не любили, так как власть, по его словам, «свободу не давала». Ему также были неприятны комсомольские активисты, которых он считал представителями той же самой власти. Сам он вступил в комсомол только в последние дни школы, скорее всего для того, чтобы иметь возможность поступить в институт³¹. Надо отметить, что не только «шпана» увлекалась блатной тематикой, так как и в пионерских лагерях пелись блат-

²⁹ Владимир Михайлович, интервью 7 ноября 2008.

³⁰ Евгений Исаакович, интервью 21 января 2009.

³¹ Помимо интервью с Германом Иосифовичем 6 февраля 2009 года, нами использованы его неопубликованные мемуары «Самоанализ, или развеять мифы».

ные песни³². Один мемуарист, в прошлом московский подросток, однако не хулиган, вспоминает, что в их школе в Москве послевоенных лет хулиганы «построили особый мирок, центр которого находился вне школы, в более или менее преступных шайках». По его словам, «возникало впечатление, что эти ребята враждебны общему типу жизни. Это были как бы диссиденты "снизу"... Наши хулиганы по типу лица, осанке, стилю одежды были какими-то внациональными, горбоносыми, как особый народ»³³. Таким образом, можно увидеть, что дворовая культура рабочих окраин существовала и в сталинские времена, и во время хрущевской оттепели.

Хулиганские «штабы», «общества», «клубы»

Центральный Комитет ВЛКСМ послал в Ростовскую область бригаду работников для прояснения вопроса о хулиганстве среди молодежи; подавляющее большинство фактов в этой части статьи взято из детального отчета этой бригады. Можно предположить, что подобные исследования, проводись бы они в других городах, смогли бы нарисовать подобную же картину. Всего в Ростовской области в 1955 году к уголовной ответственности было привлечено 4084 человека; среди них в возрасте 12-17 лет – 619 человек, 18-24 лет – 1708 человек, 25-29 лет – 1757 человек. Среди них за убийство были привлечены 3 человека, за разбойное нападение – 127, за изнасилование – 22, за кражу государственного и личного имущества – 402 человек. Изменение цифр, касающихся молодежной преступности в Ростове, в целом соответствует тенденциями статистики по всей РСФСР, хотя темпы роста ростовских цифр несколько выше. Так, если в Ростове в 1954 году из тех, кого официальные источники именуют молодежью (не расшифровывая возрастных границ этой категории, но, скорее всего, имея в виду молодых людей в возрасте от 12 до 29 лет), к суду были привлечены 702 человека за 509 отдельных уголовных преступлений, то в 1955 году эта цифра составила 827 человек за 617 преступлений. Несколько выделяются преступления подростков в возрасте от двенадцати до семнадцати лет: за 1953 год статистика насчитала 39 уголовных преступлений, за 1954 год – 123, за 1955 – 191 преступлений³⁴.

Отчет бригады ЦК ВЛКСМ о криминальных «штабах» чаще всего опирается на расследования милиции. Одна из таких групп, раскрытая милицией в городе Ростове, состояла из учеников средней школы и рабочих завода «Ростельмаш», она включала в себя немалое количество комсомольцев³⁵. Эта группа собиралась

³² Козлов А. «Козел на саксе» – и так всю жизнь. М., 1998. С. 55-68.

³³ Кара-Мурза С.Г. «Совок» вспоминает... М., 2002.

³⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 813. Л. 9-10.

³⁵ Надо помнить, что на данный момент далеко не все молодые люди принадлежали к комсомолу, особенно в школьном возрасте. Только к 1958 году более чем половина молодых

в подвале жилого дома поселка Ростельмаш; по словам отчета бригады ВЛКСМ, «чтобы в подвал не попадали посторонние, участниками сборов был введен пароль, сигнализация, выставлялось охранение». В подвале они «играли в карты, разучивали воровской жаргон и приемы воровства»; принимали в группу только тех, кто «давал денежный взнос, который разыгрывался в карты»; часто бывали драки, особенно среди тех, кто проигрывал. Некоторых членов группы арестовали за разные преступления³⁶. Источник, наполнявший внутреннюю культуру этой группы, более или менее ясен – это представления молодых людей о воровском мире. Анализируя эту группу, сложно назвать ее субкультурой, так как в ее внутреннем мире отсутствовала классовая основа, участниками ее оказывались и школьники, и рабочие. Еще в ней отсутствовали четко выраженная символика и атрибутика (хотя и можно отметить начало «своего» языка, который в будущем мог бы стать одним из символов³⁷), а граница между этой группой и обществом была не особенно строгой: надо было знать о месте сбора и дать денежную сумму, хотя, скорее всего, требовался и некоторый «уличный» стиль поведения, а также потенциально хотя бы шапочное знакомство с одним из участников.

Другое «общество» образовалось в г. Таганроге Ростовской области. Отчет бригады ЦК ВЛКСМ описывает, как в ноябре 1955 года эта группа послала письмо некой гр. Бунякиной, востребовав 100 рублей, которые она незаметно должна положить под камни, «иначе может пролиться кровь за сто рублей». В этом письме, подписанном «Атаманом "Черной стрелы"», обещалось, что будет сделан предупредительный выстрел в ее окно, что и произошло. Милиция, раскрыв данную группу, узнала, что она состоит из молодых людей в возрасте от 15 до 17 лет, учащихся средней школы; их «атаман» был даже членом комсомола. По словам отчета, «арест этой группы учащихся оказался большой неожиданностью для преподавателей и комсомольской организации школы, считавших их дисциплинированными и прилежными учащимися»³⁸. Об этой группе у нас меньше информации, чем о предыдущей, но можно предположить, что важным фактором для ее внутренней культуры была романтика книги Л.Р. Стивенсона «Черная стрела». Важно отметить, что в группе отсутствует фактор классовой борьбы как важный аспект ее формирования и членства, а набор участников зависел, скорее всего, от дружеских связей, а не от особого стиля.

Более подробная информация сохранилась о «обществе» учащихся школ № 1, 3 и рабочих-подростков предприятия № 1 рыбкомбината г. Азова, раскрытом ми-

людей, которые могли бы стать членами комсомола, станут ими. Комсомол еще был в некотором смысле элитной организацией, и таким образом нелегальные действия членов комсомола были особенным объектом внимания властей. Про комсомольскую организацию этих времен см.: Kassof A. *The Soviet Youth Program: Regimentation and Rebellion*. Cambridge, 1965. P. 14-18.

³⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 813. Л. 9.

³⁷ Про важную роль «своего» языка для формирования субкультур см.: Widdicombe, Wooffitt. *The Language of Youth Subcultures*. P. 30-54.

³⁸ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 904. Л. 28-29; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 813. Л. 10.

лицией. В 1953 году некоторые из них «под впечатлением прочитанных книг и просмотренных кинофильмов объединились в организацию под названием "Пиратский крейсер Рот"». Эта организация даже изготовила членские билеты, на обложке которых было написано «Смерть изменникам»; в центре была нарисована эмблема черепа и кости, а внизу стояла надпись «Пиратский крейсер Рот». Белецкий и Заичкин, участники этой группы, «впоследствии признались, что своей целью они ставили: не учиться, не работать, путешествовать, "красиво" жить». Белецкий начал делать финские ножи для членов общества. После раскрытия и ликвидации группы милицией некоторые бывшие участники совершили серьезные преступления. Отчет рассказывает о том, как 20 февраля 1956 года Прядченко, 1938 года рождения, и Ровенским, 1941 года рождения, «был изнасилован и зверски убит» Поляков, 1939 года рождения, на тот момент ученик бондарного завода. После убийства Полякова Прядченко и Камаренко, «боясь, что Ровенский может выдать их», 21 февраля 1956 года «заманили его за город и убили». Эта группа молодых людей, по результатам следствия, вооружилась и «собирались выехать на Кавказ», а изначальная причина убийства Полякова была в том, что он не хотел отдавать Краменко имеющийся у него пистолет. Члены этой группы имели клички вроде Джон Сильвер, Капитан Грей, Билли Бонс, Барон, полученные, как говорит отчет, в организации «Пиратский крейсер Рот». При аресте у одного из них был найден финский нож с надписями «Наши мечты сбудутся», «Англия – владычица морей» и изображением якоря и черепа с костями, что для милиции послужило подтверждением их принадлежности в прошлом к группе «Пиратский крейсер Рот»³⁹. Как указано в отчете, базирующемся на материалах следствия, атрибутика, символика и внутренняя культура «Пиратского крейсера Рот» были позаимствованы из книг вроде романа Л.Р. Стивенсона «Остров сокровищ», а также трофейных фильмов и фольклорных песен о пиратах; наличие членских билетов указывает на влияние официальных комсомольских форм (аналогия с комсомольским билетом), а финские ножи и стремление поездки на Кавказ – на роль криминального мира и исторических традиций свободного казачества. Эта «организация» не имела как базу классовую борьбу, но у нее была более ясно выраженная атрибутика и внутренние культурные практики.

Как показывает доклад на отчетно-выборочной конференции Московского горкома комсомола, подобные «штабы» существовали не только в Ростовской области. По словам секретаря горкома Б.Н. Пастухова, «безделье и ложная романтика» подбивают подростков на такие поступки, «которые потом фигурируют в сводках милиции». Например, Пастухов описывает ситуацию: «Посмотрев несколько раз подряд "Великолепную семерку", группа ребят организовала свою "Семерку" с поэтическим названием "Алёнушка"». Эти молодые люди изготавливали оружие и занимались грабежом. Важно отметить, что то, «чему научил их комсомол, они активно использовали в своей работе. Регулярно проходили соб-

³⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 813. Л. 11.

рания, открытым голосом избирали руководителей, по очереди вели протоколы, даже собирали членские взносы»⁴⁰. Внутренний мир «Алёнушки», таким образом, формировался по крайней мере из двух источников: романтики Дикого Запада и официальных культурных практик комсомола. К сожалению, отсутствует достаточно информации, чтобы делать непосредственные выводы о субкультурном анализе на базе этих данных.

Заключение

В данной статье использованы, в первую очередь, архивные документы, а также мемуары и интервью для освещения того, что советские власти послевоенных и оттепельных годов называли хулиганским поведением или «нарушением общественного порядка» молодыми людьми мужского пола от 12 до 17 лет. В глазах государства это включало драки, грубое отношение к девушкам, пьянство, сквернословие и дебоширство. Подавляющее большинство документов было произведено во время массивной кампании против «нарушения общественного порядка», начавшейся в ранние оттепельные годы. Но то, что государство называло хулиганским поведением подростков и юношей, существовало и в сталинские времена, хотя государство не проявляло особенной тревоги по этому вопросу в поздние сталинские годы. По данным мемуаров и интервью, «дворовая культура» рабочих районов имела достаточно много хулиганства, с подразделениями на «свой» и не «свой», а также негативным отношением к пионерам и комсомольцам – прилежным мальчикам, идущим по «правильному» пути. Эта «дворовая культура» с хулиганскими и «блатными» элементами послужила как важный контекст для криминальных «штабов» подростков и юношей.

Для анализа молодежных «девиантов» чаще всего используется теория субкультур. Но мое исследование показывает, что базовая теория субкультур, популяризованная в 1970-х годах английскими исследователями, недостаточно гибка для анализа этих «штабов». В первую очередь опровергается идея о ключевой роли классовой борьбы, о субкультуре как проявлении протеста репрессированного рабочего класса. В «штабах» присутствуют далеко не только молодые рабочие, но и учащиеся, старшеклассники средних школ. Более того, в некоторых штабах они не только присутствуют, но и преобладают, а иногда там нет никого кроме старшеклассников, вроде тех членов «Черной стрелы» – таких хороших, дисциплинированных учеников, что их учителя и ровесники удивились, когда узнали про их участие в криминальной группе. Более сложная ситуация с границами, отделяющими «клубы» от общества в целом. Если в подвале жилого дома Ростельмаша достаточно было денежного взноса, знания о месте, обладания общей «дворовой культурой», и скорее всего контакта, то в других «обществах»

⁴⁰ ЦАОПИМ. Ф. 635. Оп. 15. Д. 188. Л. 51-52.

требовалась глубокая включенность во внутреннюю культуру, хотя скорее всего преобладала важность сети друзей нежели сами культурные практики: к сожалению, у нас нет достаточной информации об этом аспекте действия «штабов». Надо отметить, что у некоторых «обществ» зарождался внутренний язык – воровской жаргон, и своя символика и атрибутика – череп и кости на финских ножах, «Англия – владычица морей». Все же, эта символика не стала четко выраженной, и, что самое главное, отсутствовало, по большому счету, ее яркое публичное выражение: символика, когда она присутствовала, была на членских билетах и ножах, не публичных объектах. Таким образом, яркое публичное выражение оппозиции, так требуемое для теории субкультуры, отсутствовало в этих «штабах».

Вместе с этим, надо обратить внимание на то, что хотя каждое из этих «обществ» просуществовало не более нескольких лет, в каждом существовал свой внутренний стиль поведения и можно предполагать, что статус членов зависел от компетенции в этом стиле. Эти «штабы» можно объединить тем, что их внутренние культурные практики были неформальными, нонконформистскими и даже анти-конформистскими официально советскому представлению о «правильном» поведении и менталитете молодого человека мужского пола, например, комсомольского активиста, студента-отличника, или молодого рабочего-ударника. Представляется гипотеза, что в криминальных «штабах» молодые люди участвовали в реализации альтернативной маскулинности. Эти альтернативные образы были почерпнуты из нескольких источников. Один источник был элементами «воровского мира» в дворовой культуре: тут можно увидеть образ «вора в законе». Другим послужила романтика заграничных книг и фильмов с тематикой пиратов, «благородных» разбойников и ковбоев – типичных маскулинных «криминальных героев». Всех этих персонажей объединяет романтика криминальности и маскулинности, оппозиция государству и неофициальное мужское сообщество.

Базируясь на этом анализе, можно констатировать, что в случае участников «штабов» коммунистическая партия не смогла достичь своих целей в формировании нового советского молодого человека мужского пола. Нельзя сказать, что официальный образ идеального молодого юноши не повлиял на членов таких «обществ»: наоборот, некоторые из них в своей публичной жизни выполняли социальную роль, предписанную им для успеха в советской социальной системе, как, например, члены «Черной стрелы». Но в своей частной жизни они прямым образом противоречили этим официальным стандартам, принимая участие в культурных практиках, которые советские законы определили как «девиантные», несомненно понимая, что таким образом они идут против государства и общества в целом. Интересно отметить еще одно влияние официальных форм на криминальные «штабы»: присутствие форм, позаимствованных из комсомольских практик и ритуалов, особенно в «Алёнушке», которые использовались для целей, во многом противоположных их изначальному предназначению. В совокупности

все это отражало альтернативный образ маскулинности каждого отдельного «штаба» и в то же самое время формировало личную маскулинность каждого участника, который с каждым действием в контексте «штаба» приближал себя к образу альтернативной маскулинности.

Нурия Кутнаева

Балканская зона, свободная от ядерного оружия: история и перспективы

Введение

Вторая половина XX века в международных отношениях была ознаменована становлением биполярной системы и активизацией гонки вооружений. Масштабы угрозы, нависшей не только над Европой, но и над всем миром, демонстрируют количественные показатели ядерной конфронтации двух блоков – НАТО и ОВД – в Европе. К середине 1980-х гг. на территории некоторых западноевропейских стран было размещено 464 американских крылатых ракет наземного базирования и 108 баллистических ракет «Pershing»¹. С другой стороны «железного занавеса», в некоторых странах Восточной Европы было развернуто около 110 новых советских ракет «СС 21» и «СС 22», в дополнение к уже существующим более 380 ракетам «СС 20»².

Однако эта гонка вооружений принесла с собой и меры по нераспространению ядерного оружия (ЯО). Одним из таких инструментов стало создание безъядерных зон или зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО)³. Ранними примерами успешного создания ЗСЯО могут являться: Договор об Антарктике (1959 г.), «Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке» (1967 г.), «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» (1967 г.), «Договор о запрещении размещения на дне и под дном морей и океанов ядерного оружия» (1971 г.).

Вместе с тем, для того чтобы эти безъядерные зоны могли быть успешно воплощены в жизнь, было предпринято большое количество попыток, не увенчав-

¹ Kristensen M. U.S. Nuclear Weapons in Europe. A Review of Post-Cold War Policy, Force Levels, and War Planning. Natural Resources Defense Council. February 2005. P. 26.

² Данные приведены в статье югославской газеты *Tirana ATA in English*. См. *Ata Sees Superpowers Deception of People*. 15 December 1984 // *East-Europe Report, Political, Sociological and Military Affairs*. Foreign Broadcast Information Service. 9 January 1985. P. 26

³ В данной статье термины «безъядерная зона» и «зона, свободная от ядерного оружия» или «ЗСЯО» будут использоваться как взаимозаменяемые понятия, поскольку в первичных документах – архивных письмах, декларациях, выступлениях партийных лидеров на конференциях до конца 1980-х гг. использовалось только словосочетание «безъядерная зона». Однако необходимо учесть, что более корректное название – зона, свободная от ядерного оружия. Как будет показано далее, в 5 из 6 стран региона к середине 1980-х гг. разрабатывались программы по разработке «мирного атома», поэтому ратовать за безъядерную зону балканским странам не имело смысла. Речь шла именно о создании зоны, свободной от ядерного оружия.

шихся успехом. Именно благодаря таким неудачам впоследствии был выработан политический механизм успешного создания ЗСЯО. В данной статье будут рассмотрены невоплощенные в жизнь дипломатические инициативы по созданию Балканской безъядерной зоны. Помимо этого будет изучено, по каким причинам разработка Балканской ЗСЯО остановилась уже на стадии декларативных заявлений, какие факторы повлияли на замораживание этой инициативы, и каковы перспективы формирования такой зоны на Балканах.

Геополитика Балканского полуострова

Перед тем как остановиться на непосредственном изучении плана по созданию Балканской безъядерной зоны, необходимо схематично рассмотреть геополитические контуры этого региона в рассматриваемый промежуток времени, так как они оказали, в конечном итоге, далеко не последнее влияние на провал инициативы. Действительно, если, согласно плану Рапацкого, только одно государство планируемой безъядерной зоны в Центральной Европе было из другого военно-политического блока (ФРГ)⁴, то в случае с балканскими странами⁵ все обстояло гораздо сложнее. Несмотря на попытку организации в послевоенные годы некоего панбалканского союза, основанного на общей идентичности (так называемой «Балканской федерации»), внутри региона имелись существенные различия. Болгария и Румыния, вступив 14 мая 1955 г. в Организацию Варшавского договора, заявили, таким образом, о своей приверженности идеалам и принципам коммунистического лагеря. Албания, хотя она и вступила в ОВД и Союз экономической взаимопомощи (СЭВ), пробыла в коммунистическом лагере недолго: в 1962 г. она выходит из СЭВ и разрывает отношения с Москвой, в 1968 г. – аннулирует членство в ОВД, постепенно самоизолируясь не только от западного мира, но и от коммунистического блока, включая КНР (правда, уже после смерти Мао Цзэдуна). Югославия же, в связи с конфликтом в 1948 г. между И.В. Сталиным и И.Б. Тито и из-за упреков со стороны Москвы в идеологическом «ревизионизме», отделилась от Советского Союза, и в 1954 г. стала частью трехстороннего Балканского пакта (Югославия, Греция, Турция) и активным получателем экономической и военной помощи Соединенных Штатов. Достаточно сказать, что Югославия и Польша были единственными восточноевропейскими странами, которым США предоставило режим наибольшего благоприятствования в области внешней торговли. Румыния, хотя и добивалась подобного статуса, такого «бонуса» не получила. После развенчания сталинизма Москва пересмотрела свою

⁴ Подробнее об инициативах А. Рапацкого см. Кутнаева Н.А. План Рапацкого о создании безъядерной зоны в Европе в 1950–1960-х гг. // Дипломатическая служба. 2012. № 5. С. 64-73.

⁵ В данной статье под балканскими странами будут пониматься Албания, Греция, Болгария, Турция, Югославия и Румыния.

внешнеполитическую линию по отношению к Югославии⁶, в результате чего в 1957 г. Югославия установила дипломатические отношения с ГДР, чем на некоторое время показала свой идеологический полуразворот в сторону ОВД⁷. С 1961 г. Югославия заявляет о собственной, независимой внешней политике, выступив инициатором Движения неприсоединения. Как заявил министр иностранных дел Югославии, Мирко Тепавац в разговоре с Г. Киссинджером, ассистентом президента США по национальной безопасности: «Мы просто не хотим быть предметом какой-либо конфронтации или какого-либо улучшения в отношениях между двумя сверхдержавами и их пактами»⁸.

Несмотря на то, что Греция и Турция обе присоединились к НАТО в начале 1950-х гг. и использовали все дополнительные бонусы от этого вступления⁹, два этих балканских государства постоянно держали Североатлантический альянс в напряжении, используя «советскую карту» в своих взаимоотношениях со странами западного лагеря¹⁰.

⁶ Рассекреченные архивы показывают, что первое письмо от Н.С. Хрущева к И.Б. Тито с предложением о сближении двух государств и партий датируется 22 июня 1954 г. См. Letter addressed by N.S. Khrushchev, First Secretary of the CC of the CPSU to the CC of the RWP concerning the withdrawal of Soviet troops from the Romanian territory. 04/17/1958 / ANIC, Fond CC RCP - Foreign Relations Section. File 9U/1956-1958. P. 227-228. <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/110460>. Последнее посещение 19 июля 2013.

⁷ В ответ на это Вашингтон закрыл программу оказания военной и экономической помощи Белграду. См. US Department of State. Central Files, Confidential; Niact. Telegram from the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. December 14, 1957 / Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Volume XXVI, Central and Southeastern Europe, Document 323. P. 809.

⁸ См. Report on the talk between Henry Kissinger Assistant to the President for National Security Affairs, United States, and Mirko Tepavac, Federal Secretary for Foreign Affairs, SFRY. 5 October 1970. <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/110827/>. Последнее посещение 19 июля 2013.

⁹ Например, Греция была настолько зависима от экономической поддержки США, что в 1957 г. в случае неоказания такой помощи («если размер помощи будет меньше, чем в 1957 г.»), премьер-министр Греции К. Караманлис предупреждал Госдепартамент США о возможном возникновении «серьезных проблем». Помощь, по сообщению К. Караманлиса, должна была быть такой же, как в 1957 г., т.е. 50 млн долларов, а дополнительная военная помощь должна была быть не меньше 13 млн долларов. См. US Department of State. Central Files. Document 309. Telegram from the Department of State to the Embassy in Greece. August 16, 1957 / Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Volume XXIV, Soviet Union, Eastern Mediterranean. P. 593-594. Кроме того, военная помощь США Греции с 1947 г. по июнь 1957 г. составляла примерно 1 миллиард 150 миллионов долларов, из которых 970 миллионов были предоставлены до июня 1957 г. По сравнению с объемом военной помощи на 1957 г. (51 млн долларов и поставки на 60 млн долларов), военная помощь на 1958 г. была удвоена: 110 млн долларов и поставки на 120 млн долларов (US Department of State, S/S–NSC Files, Secret. NSC 5718/1. National Security Council Report. Statement of US Policy on Greece. Washington, August 5, 1957 / Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Volume XXIV, Soviet Union, Eastern Mediterranean. P. 585-592). Что касается Турции, то за период правления администрации Эйзенхауэра Турция получала военной помощи в 200 млн долларов ежегодно (Brinkley Douglas, Griffiths T. Richard. John F. Kennedy and Europe. Baton Rouge, 1999. P. 117).

¹⁰ Улуян А. Греция и Турция между Западом и Востоком (1950-е годы) / Под ред. Н.И. Егоровой, А.О. Чубарьян. Холодная война 1945-1963 гг.: Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 406-432, здесь с. 408-415.

Кроме углубляющегося идеологического разлома, разделившего балканские государства на два военно-политических лагеря, двусторонние отношения между самими странами региона тоже оставляли желать лучшего. Например, натянутые двусторонние отношения между Болгарией и Грецией нормализовались лишь после 1964 г.¹¹ Между Грецией и Турцией стояла проблема Кипра, между Югославией и Болгарией – спорный вопрос по Македонии. Отношения между Югославией и Албанией ухудшились в 1958 г., когда Албания, вслед за остальными странами Варшавского блока, обвинила Белград в политике «ревизионизма» и в притеснении албанских меньшинств, а затем возобновила и свои территориальные претензии к Югославии¹².

На фоне всех этих дипломатических перипетий и появляется внешнеполитическая инициатива Румынии, названная по имени премьер-министра Киву Стойка (Chivu Stoica), о создании безъядерной зоны на Балканах. Можно достаточно условно выделить несколько этапов инициирования Балканской безъядерной зоны разными государствами, учитывая, что некоторые страны и после прохождения «активной фазы», которая длилась, как правило, десятилетие, продолжали продвигать эту инициативу, но уже менее энергично.

Румынская инициатива (1957–1959 гг.)

Период между 1957 и 1959 годами включительно можно подразделить на два подэтапа выдвижения идеи о создании Балканской ЗСЯО. **Первая «волна»** относилась к 1957 г. Рождением «плана Стойка» можно назвать 10 сентября 1957 г., когда правительство Румынии направило ноту правительствам других балканских стран (Албании, Болгарии, Греции, Турции и Югославии)¹³, в которой румынский премьер-министр Киву Стойка предложил созвать конференцию и обсудить на ней общие для региона проблемы. На повестке дня конференции стояло создание «зоны мира», свободной от ядерного оружия, которую можно было создать, по мнению инициаторов, убрав из Центральной Европы и Балкан все военные базы. Учитывая вышеперечисленные геополитические соображения логич-

¹¹ Более подробно см. Radio Free Europe Research. Bulgaria and the Balkan Conference in Athens, 12 February 1976. HU OSA 300-8-3-13747: Records of Radio Free Europe/Radio Liberty Research Institute: Publications Department: Background Reports / Open Society Archives at Central European University, Budapest. <http://hdl.handle.net/10891/osa:17a5abcb-6290-4c06-bee7-4cd8358420a8>. Последнее посещение 9 августа 2013.

¹² После этого дипломатического конфликта посол Албании в Югославии был отозван в 1958 г. и вернулся только через год. См. Telegram from the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, 23 November 1959 // Foreign relations of the United States, 1958-1960 / Ed. G. LaFantasie et al. Eastern Europe; Finland; Greece; Turkey Volume X, Part 2. Washington, 1993. P. 397-398.

¹³ См. Radio Free Europe Evaluation and Analysis Department. Special Report. RFE/RL Background Notes to Albania's Party Congress. 2 February 1961. <http://osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/text/1-6-145.shtml>. Последнее посещение 9 августа 2013.

но, что Болгария и Албания сразу же приняли приглашение Румынии. Югославия в принципе была согласна. Однако Греция и Турция отказались от участия в данной конференции: к этому их обязывало членство в НАТО¹⁴, отношение которой к созданию данной зоны было крайне негативным. Премьер-министр Греции, К. Караманлис, заявил по этому поводу, что доверие между балканскими государствами еще не восстановлено. А министр иностранных дел этой страны Э. Аверофф заметил, что «для Греции нет большой разницы, ударят ее ядерным оружием изнутри, или извне Балканского региона»¹⁵.

Североатлантический альянс считал, что создание ЗСЯО на Балканах приведет к разоружению только западных участников, без уступок со стороны стран-членов Варшавского пакта. США были уверены, что безопасность можно достичь только путем заключения такого соглашения, которое бы покрыло весь континент¹⁶. Кроме того, предложение Стойка рассматривалось как желание ослабить связи Греции и Турции с НАТО¹⁷, а также в качестве нейтрализации трехстороннего Балканского пакта¹⁸.

В противовес этому, СССР на всех уровнях выступал в поддержку данной инициативы, причем не один раз¹⁹. Если в вопросе по плану Рапацкого, который был выдвинут Польшей почти одновременно – в октябре 1957 г. – представляется разумным обсуждать, насколько это действительно была инициатива Польши, а не Москвы, то вопросов по плану Стойка не возникает. Румыния, до конца 1950-х гг.²⁰ дублирующая внешнеполитическую волю Кремля, самостоятельно

¹⁴ Известный военный журналист BBC и историк Честер Вилмот сказал по этому поводу: «Расширение Североатлантического альянса и включение Греции и Турции было дипломатическим шагом с большими военными последствиями. Одним ударом западный альянс приблизился к великим Кавказским нефтяным залежам ближе, чем Вермахт за 18 месяцев дорогостоящих атак». Wilmot C. If NATO had to fight // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 31. No. 2. January. P. 200-214. P. 212.

¹⁵ Chatzēvasileiou. *Greece and the Cold War: Frontline state, 1952-1967*. L., 2006. P. 95.

¹⁶ Andrikos N. A Balkan Nuclear-Weapons-Free Zone // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1985. June. P. 29-31.

¹⁷ Radio Free Europe Research. *Bulgaria and the Balkan Conference in Athens*.

¹⁸ Chatzēvasileiou. *Greece and the Cold War*. P. 95.

¹⁹ В январе 1958 г. на встрече с итальянскими коммунистами А. Громыко заявил о том, что СССР поддержал бы вступление и Италии в безъядерную зону. Взамен СССР обязался не размещать свои ядерные силы в Албании. Причем, как указывает Ван Уденарен, Албания выступила против данного плана, поскольку она на самом деле была заинтересована в размещении у себя советских ракет. См. Van Oudenaren J. *Détente in Europe: the Soviet Union and the West since 1953*. Durham, 1991. P. 191.

²⁰ Как известно, разногласия начинают проявляться позже. Многочисленные вопросы возникали по экономическому блоку вопросов, например, по индустриализации и по роли Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) для каждой страны-члена СЭВ. Стенограмма переговоров, во время которых первый секретарь ЦК Румынской Компартии Георге Георгиу-Деж резким, почти отчитывающим тоном доказывает свою точку зрения Ю. Громыко, показывает, что слепое следование политике Москвы 1950-х гг. сменилось в 1960-х гг. стремлением к выстраиванию своего внутривосточного и внешнеполитического курса. См. Memorandum of Conversation between Yuri Andropov and the Central Committee of the Romanian Worker's Party. 04/03/1963 / ANIC, Central Committee of the Romanian Communist Party,

данный проект выдвинуть не могла. Как отмечалось в британской дипломатической депеше из Бухареста в 1949 г., «(...) Румынская внешняя политика стала *неотличимой* от внешней политики СССР»²¹.

По моему мнению, выдвижение плана Стойка Румынией могло, в том числе, увязываться с вопросом о последующем выводе советских войск из Румынии. Иными словами, условием того, что официальный Бухарест инициировал создание безъядерной зоны на Балканах, был вывод советских войск из Румынии. Мнения историков разнятся относительно того, когда именно было принято решение о выводе советских войск из Румынии: Бромке указывает на то, что соглашение об этом было достигнуто в ходе визита Киву Стойка в Москву 3 декабря 1956 г.²² Верона придерживается мнения, что решение могло быть принято или в ноябре 1956 г., когда румынская делегация посещала Москву, или в августе 1957 г., когда Хрущев посетил Бухарест, в ходе встреч Хрущева с Тито. Верона также ссылается на то, что впервые идея о выводе войск из Румынии прозвучала в интервью Н. Хрущева CBS в мае 1957 г.²³ В любом случае можно предположить, что этот вопрос был решен гораздо раньше объявления плана Стойка в сентябре 1957 г.

Таким образом, можно прийти к выводу, что до 1957 г. существовала устная договоренность между руководством СССР и Румынии о выводе советских войск. В ответ на это Румыния в сентябре 1957 г. инициирует проект создания ЗСЯО на Балканах. И только после выдвижения плана Стойка Н. Хрущев пишет письмо руководству Румынии в апреле 1958 г. о целесообразности вывода советских войск из Румынии²⁴, незамедлительно получает ответное одобрительное письмо от Георге Георгиу-Дежа²⁵ и выводит советские войска к августу 1958 г.

Таким образом, инициативу Стойка о создании безъядерной зоны на Балканах можно рассматривать как инструмент дипломатического торга для получения желаемого результата для Румынии – вывода советских войск с ее территории. Для чего необходимо было Москве выводить свои войска из Румынии? Главным образом для того, чтобы заставить США и НАТО в целом пойти на симметричный шаг. На это, однако, западный блок не пошел.

Второй подэтап начался в 1959 году и был ознаменован размещением ядерных сил США в трех государствах региона. Италия приняла на вооружение две

Chancellery. File 18/1963, ff.2-25. <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112975>. Последнее посещение 9 августа 2013.

²¹ Цит. по Verona S. *Military occupation and diplomacy: Soviet troops in Romania, 1944-1958*. Durham, 1992. P. 150.

²² Bromke A. *Poland's Role in the Loosening of the Communist Bloc // International Journal*. 1965. Vol. 20. No. 4. Autumn. P. 484-509. P. 500.

²³ Verona S. *Military occupation and diplomacy*. P. 133.

²⁴ См. Letter addressed by N.S. Khrushchev. 04/17/1958.

²⁵ См. Letter of reply from Gheorghe Gheorgiu-Dej, First Secretary of the CC of the RWP expressing agreement to the proposal made by the Soviet Union to withdraw its troops from Romania. 23 April 1958 / ANIC, CC RCP - Foreign Relations Section. File 9U/1956-1958. P. 227-228. <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/110465>. Последнее посещение 9 августа 2013.

авиационные эскадрильи с баллистическими ракетами средней дальности «Jupiters» в марте 1959 г., а Турция – одну подобную эскадрилью в октябре 1959 г. Причем американские ракеты в Италии и Турции были направлены на 45 из 129 советских ракет, нацеленных, в свою очередь, на Европу²⁶.

Для Греции решение о размещении ракет с ядерными боеголовками было не таким простым, как может показаться на первый взгляд. Впервые НАТО заявило о возможном размещении ЯО в Греции на саммите в декабре 1957 г. Однако греческое население оказалось крайне негативно настроенным относительно этого вопроса: в секретной телеграмме США по ситуации в Греции говорится, что жители этой страны хотят, чтобы правительство рассмотрело возможность создания безъядерной зоны перед тем, как база будет размещена на греческой территории²⁷. Помимо внутренних проблем (рост антинаатовских настроений в греческом обществе, в том числе и из-за проблемы с Кипром) у Греции имелись и внешние причины для сомнений, например, хорошие торговые отношения с СССР, который представлял собой большой рынок сбыта для греческих товаров²⁸.

Кроме этого, еще в 1957 г. посол СССР в Греции М.Г. Сергеев предупредил греческое правительство, что размещение ЯО в Греции приведет к тому, что страна будет рассматриваться Москвой в качестве мишени для ответного удара²⁹. Вследствие всех этих факторов в июне 1958 г. правительство Греции заявило, что не может принять ЯО для размещения на своей территории.

Давление на Грецию стран ОВД – прежде всего СССР, Румынии и Болгарии – возросло в мае и июне 1959 г.³⁰ Дело в том, что 6 мая 1959 г. НАТО объявил, что США и Греция подписали двусторонние договоры об обмене данными в области ядерной информации военного характера и обучения греческих военных использованию управляемых ракет и других ядерных систем оружия³¹. А месяцем позже, в июне 1959 г., правительства США и Греции объявили, что греческая армия будет обеспечена ракетами ближнего радиуса действия, с возможностью вооружения ядерными боеголовками³².

Уже 8 мая 1959 г. правительство Болгарии, а 14 мая – СССР, вынесли официальные ноты протеста Греции. Более того, 20 мая в ноте греческому правительству Болгария стала продвигать инициативу по созданию безъядерной зоны на Балканах³³. Одновременно с этим греческий оппозиционер Спирос Маркезинис

²⁶ Brinkley, Griffiths. John F. Kennedy and Europe. 1999. P. 119.

²⁷ См. United States Department of State. Telegram from the Embassy in Greece to the Department of State. June 26 1959 / Foreign relations of the United States, 1958-1960. Eastern Europe; Finland; Greece; Turkey (1958-1960). P. 666-667.

²⁸ См. Pelt M. Tying Greece to the West: US-West German-Greek relations 1949-1974. Copenhagen, 2006. P. 178-179.

²⁹ См. Chatzēvasileiou. Greece and the Cold War. P. 94.

³⁰ См. Ibid. P. 96.

³¹ См. Foreign Relations of the United States, 1958-1960 / Ed. G. LaFantasie et al. Eastern Europe; Finland; Greece; Turkey Volume X, Part 2. Washington, 1993. P. 658.

³² См. Foreign Relations of the United States, 1958-1960. P. 659.

³³ Ibid.

(Spyros Markezinis), глава Прогрессивной партии, после посещения Москвы в мае 1959 г. выступил с заявлением, что Греция может остаться в НАТО, но должна принять участие в создании безъядерной зоны на Балканах³⁴.

С 25 мая по 6 июня 1959 г. в ходе официального визита Н. Хрущевым Албании уже сам советский лидер выступил с угрожающими предостережениями в адрес Греции, Италии и других государств НАТО, разместивших на своей территории ЯО США. 28 мая в албанском городе Корице, граничащем с Грецией, он предложил Греции присоединиться к Балканской безъядерной зоне и выйти из НАТО, на что премьер-министр Греции К. Караманлис ответил категорическим отказом в своем выступлении в этот же день³⁵.

6 июня 1959 г. по радио Москвы было передано выступление Н. Хрущева на стадионе Лужники, где он, в частности, заявил: «Советское правительство считает, что самое разумное, что можно сделать – создать безракетную безъядерную зону при взаимном контроле на Балканах. Если это предложение не встретит поддержки и агрессивная политика западных держав будет и дальше проводится на Балканах, Советский Союз вместе с Народной Республикой Албанией и Народной Республикой Болгарией и всеми странами Варшавского договора будет вынужден создать ракетные базы ближе к базам агрессоров»³⁶.

Незамедлительно, 9 июня 1959 г., румынское правительство повторно – после 1957 г. – попыталось организовать встречу на уровне премьер-министров балканских государств³⁷ с целью заключения договора о коллективной безопасности и установления безъядерной зоны на Балканах с гарантиями ядерных держав для обоих договоров³⁸. Результат был предсказуем: Греция и Турция вновь отказались³⁹, Болгария и Албания еще раз приветствовали эту инициативу, а Югославия хотя и была в принципе согласна на встречу, но прохладно отнеслась к возможности организации этого мероприятия. Президент Югославии Иосип Броз Тито высказался в следующем духе: «реалистичных оснований для такой встречи нет»⁴⁰. Причины явной сдержанности Югославии создавать ЗСЯО на Балканах лежали в стремлении Тито продвинуть свою военную ядерную программу. Военная ядерная программа Тито существовала с конца 1940 гг., хотя до непосредственного создания ядерной бомбы дело так и не дошло⁴¹. Как отмечал 23

³⁴ См. Chatzēvasileiou. Greece and the Cold War. P. 96.

³⁵ См. Foreign Relations of the United States, 1958-1960. P. 659.

³⁶ Radio Free Europe/Munich, Evaluation and Analysis Department. Background Information USSR. The Quotable Khrushchev (April 1959 – March 1960). 30 September 1960. <http://fa.osaarchivum.org/background-reports?col=8&id=57960>. Последнее посещение 9 августа 2013.

³⁷ См. Radio Free Europe Evaluation and Analysis Department. RFE/RL Background Notes to Albania's Party Congress. 2 February 1961.

³⁸ См. Pelt M. Tying Greece to the West. P. 178; Telegram from the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, 23 November 1959. P. 397-398.

³⁹ Van Oudenaren. Détente in Europe... P. 191.

⁴⁰ См. Telegram from the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, 23 November 1959. P. 397-398.

⁴¹ Potter, Miljanic, Slaus. Tito's Nuclear Legacy. P. 64; Koch A. Yugoslavia's Nuclear Legacy: Should We Worry? // Nonproliferation Review. 1997. Spring/Summer. P. 123-124.

января 1954 г. атташе армии США в Афинах, «Югославы запустили программу для создания атомного оружия»⁴². После начала 1960-х гг., в связи с потеплением отношений с СССР, процесс разработки ядерного оружия был приторможен, однако после произведенного Индией (главного соперника-лидера в рамках Движения неприсоединения) ядерного испытания в 1974 г. Югославия опять вернулась к идее военной ядерной программы. Окончательно Белград отменил так называемую программу А в 1987-1988 гг.⁴³ Необходимо отметить, что эти планы Югославии были секретными, поэтому сильных возражений по поводу создания безъядерной зоны на Балканах Тито не высказывал, а в 1963 г. даже обозначил аналогичную инициативу.

25 июня 1959 г. СССР выступил с заявлением о создании безъядерной зоны на Балканах и теперь уже Адриатике, что свидетельствовало о противодействии установлению ракет в Италии. В своей ноте правительствам Италии, Греции, Турции, США, Великобритании и Франции СССР предложил обеспечить независимость государств этого региона, а также обратился с готовностью выступить гарантом безопасности Балканской зоны, совместно с другими ядерными государствами⁴⁴. И общественное мнение Греции вновь выступило на стороне СССР⁴⁵. Однако греческое правительство восприняло советское предложение о создании безъядерной зоны на Балканах исключительно как «пропаганду и ловушку без каких-либо гарантий безопасности»⁴⁶.

Болгарская инициатива (1960–1970 годы)

В последующем инициативу о создании безъядерной зоны надолго – почти на два десятилетия – перехватила Болгария, которая особенно в 1960-е гг. стала претендовать на роль центрального игрока в данном регионе под чутким руководством Москвы⁴⁷. Перед СССР стояла трудная задача: с одной стороны необходимо было продолжать продвижение безъядерной зоны. С другой же, при создании блока из пяти государств, в который входили бы и «чужеродные» страны, имелся риск, что Болгарию и Румынию будут вынуждать взять обязательства за пределом ОВД или пойти на уступки «вражескому» блоку.

⁴² Цит. по: Koch. *Yugoslavia's Nuclear Legacy*. P. 123-124; Potter, Miljanic, Slaus. *Tito's Nuclear Legacy*. P. 64.

⁴³ Potter, Miljanic, Slaus. *Tito's Nuclear Legacy*. P. 67.

⁴⁴ Интересно, что из-за предложения Хрущева наметился раскол в НАТО. Секретная телеграмма правительства США свидетельствует, что представителю США даже пришлось отрицать, что Великобритания выступила в поддержку создания безъядерной зоны. См. Telegram from the Embassy in Greece to the Department of State, 26 June 1959, 1960. Central Files, 660.0012/6–2959. Secret; Priority; Limit Distribution / Ed. G. LaFantasie et al. *Eastern Europe; Finland; Greece; Turkey Volume X, Part 2*. Washington, 1993. P. 666-667.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Radio Free Europe Research. *Bulgaria and the Balkan Conference in Athens*, 12 February 1976.

То, что за инициативой Болгарии стояла Москва, не вызывает ни тени сомнений. Это доказывает и секретная стенограмма разговора между Л. Брежневым и Т. Живковым в августе 1981 г., когда Леонид Ильич давал подробные инструкции о дальнейших шагах генеральному секретарю Болгарской Коммунистической партии: «О Балканах: Вы говорите "да" добрососедским отношениям с соседями, и в то же время Вы четко говорите "нет" идее создания некоторой замкнутой политической или экономической группы по Балканам. Особенно активными в этом вопросе являются Румыния и Греция. Югославия тоже якобы соглашается с этой идеей, но с некоторыми оговорками. Принципиальная позиция Болгарии по существу предопределяет провал этих планов. Без Болгарии они не будут учреждать такой блок. А что касается другой идеи, нашей общей идеи трансформации Балкан в безъядерную зону, она достойна того, чтобы ее популяризировать и продвигать»⁴⁸.

Неудивительно, что предложение о создании безъядерной зоны (с включением уже Адриатики и Средиземноморья) часто выдвигалось в течение 1960-х годов, но, поскольку план не включал конкретные механизмы по ее установлению, он не воспринимался другими участниками зоны как сколько-нибудь реалистичный⁴⁹. Наиболее интенсивно вопрос поднимался в 1968 и 1972 годах. Причем в 1968 г. СССР, одобрив план Болгарии и Югославии о создании зоны на Балканах и в Средиземноморье, повторил свое предложение выступить в качестве гаранта такой зоны. В 1974 г. со стороны СССР поступило предложение, чтобы обе сверхдержавы убрали все ядерные корабли из Средиземноморья⁵⁰. Как уже было указано выше, США каждый раз выступали против подобных инициатив, поскольку, как и с планом Рапацкого, по их мнению, это привело бы к доминированию СССР в регионе и нарушению статус-кво в военном плане⁵¹.

Этот период можно закончить выдвиганием инициативы Т. Живкова в 1981 г. о созыве конференции по Балканской зоне в 1982 г. На праздновании по поводу 1300-летия Болгарии 23 октября 1981 г. Т. Живков, в частности, сказал: «Мы горячо поддерживаем идею превращения Балкан в безъядерную зону. Мы предлагаем провести встречу руководителей балканских стран в Софии уже в следующем году для обсуждения этого вопроса»⁵².

Несмотря на то, что идея ЗСЯО была основной внешнеполитической идеей Т. Живкова, активная фаза выдвижения этой инициативы для Болгарии закончилась в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Вообще, следует отметить, что Болгария

⁴⁸ Leonid Brezhnev – Todor Zhivkov Crimean meeting, 7 August 1981. Central State Archive, Sofia, Fond 1-B, Record 67, File 405 / Parallel History Project on NATO and the Warsaw Pact. <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=16054&navinfo=16037>. Последнее посещение 9 августа 2013 г.

⁴⁹ Radio Free Europe Research. Bulgaria and the Balkan Conference in Athens, 12 February 1976.

⁵⁰ См. Van Oudenaren. *Détente in Europe...* P. 191.

⁵¹ Andrikos. *A Balkan Nuclear-Weapons-Free Zone*. P. 29-31.

⁵² Radio Free Europe/Radio Liberty Research Institute. "Zhivkov For A Nuclear-Free Zone In The Balkans?". Munich (Germany): 23 October 1981. <http://hdl.handle.net/10891/osa:db7b1748-d4d5-4178-acf3-35db1cb54515>. Последнее посещение 9 августа 2013 г.

использовала данную идею для продвижения своих интересов – с одной стороны, для налаживания хороших отношений с СССР, с другой же – для поддержания двусторонних отношений с соседями по региону. Например, в декабре 1984 г. в ходе официального визита генерального секретаря Коммунистической партии Болгарии Т. Живкова в Румынию точкой соприкосновения между ним и генеральным секретарем Румынской Коммунистической партии Н. Чаушеску стал вопрос о превращении региона в зону добрососедства и мирного сотрудничества без ядерного оружия и иностранных военных баз⁵³.

Греческая инициатива (1980-е годы)

В конце 1970-х и на протяжении 1980-х гг. идея Балканской ЗСЯО получила продолжение, хотя инициатива теперь неожиданно исходила от государства-члена НАТО – Греции. Перед тем как перейти непосредственно к изучению этого этапа, необходимо рассмотреть, почему идея о создании безъядерной зоны стала более актуальной в 1980-е гг. Причины были как внутрорегионального характера, так и те, на которые оказали свое влияние внешние факторы.

К **внутрирегиональным** причинам можно отнести следующие.

Изменение в 1980-х годах ситуации в области ядерных технологий на Балканах. К началу 1980-х гг. несколько лидеров Греции и Турции высказывались о возможности самостоятельного развития ядерного оружия⁵⁴. Помимо этого, экспертов стали настораживать количество и размер ядерных реакторов в балканских государствах. Существовало предположение, что при наличии таких ядерных реакторов балканские государства имеют возможность разработать в будущем расщепляющееся вещество, необходимое для производства ядерного оружия⁵⁵. Во всяком случае, балканские страны имели возможность набирать навыки, приобретать оборудование и материалы, необходимые для производства ядерного оружия.

Таблица 1. Ядерные реакторы на Балканах⁵⁶

Румыния	1 исследовательский реактор (3 мегаватт)
Болгария	2 ядерных реактора (по 408 мегаватта каждый) 1 исследовательский реактор (1 мегаватт)
Югославия	3 исследовательских реактора (менее чем 7 мегаватт каждый)

⁵³ Sofia BTA in English. “Zhivkov, Ceausescu Bucharest Dinner Speeches”, 18 December 1984 // East-Europe Report, Political, Sociological and Military Affairs. Foreign Broadcast Information Service. 1985. 9 January. P. 1-2.

⁵⁴ Rydell R., Platios, A. The Balkans, a weapon-free zone? // Bulletin of Atomic Scientists. 1982. Vol. 38. Issue 5. May. P. 57-59. P. 58.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid.

Греция	1 исследовательский реактор (5 мегаватт)
Турция	3 исследовательских реактора (менее 6 мегаватт)
Албания	0

Вопрос о физической безопасности ЯО союзников. Существовал риск, что случайно или посредством воровства, саботажа, террористического акта, шантажа, ЯО может быть использовано в регионе по своему прямому назначению⁵⁷.

Смена режима в 1974 г. в Греции. На смену военной хунте пришел К. Караманлис со своей партией «Новая демократия». Именно Греция впоследствии станет тем государством, которое примет эстафету и станет энергично продвигать инициативу о создании Балканской ЗСЯО в 1980-х гг.

С другой стороны, на актуализацию идеи о создании безъядерной зоны на Балканах в 1980-х годах оказали свое влияние и **внешние факторы**.

Увеличивающееся количество ядерного оружия в Европе и связанное с этим недовольство населения всех европейских стран. Достаточно сказать, что к 1971 г. в Европе находилось 7300 ядерных боеголовок США. К 1983 г. это количество хотя и уменьшилось, но все равно было внушительным: 5845⁵⁸. Неудивительно поэтому, что в декабре 1981 г. практически одновременно в Румынии и Греции население этих стран выступило с массовыми маршами поддержки своим правительствам по поводу создания Балканской ЗСЯО.

Процессы по активизации регионального сотрудничества, запущенные Советами по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки в 1973–1975 гг., благодаря которым активизировались многосторонние связи между странами Балканского региона.

Вмешательство США в конфликт между Грецией и Турцией в 1974 г. Произошедший греко-турецкий военный конфликт на Кипре сместил акценты в регионе. После конфликта между этими двумя балканскими государствами, имеющими доступ к ядерному оружию НАТО, США решили вывести ЯО из греческих и турецких истребителей-бомбардировщиков, находящихся в состоянии боевой готовности. В дополнение к этому США сняли ядерные боеголовки с греческих зенитно-ракетных комплексов «Nike Hercules» и передали их на склады. Греция увидела в этом еще один реверанс НАТО в сторону Турции и вывела свои войска из военного командования НАТО. В качестве контрмеры Вашингтон хотел вообще вывести все ЯО из Греции, но было решено, что это может повлечь за собой дальнейшее отчуждение Греции от НАТО, и ЯО было оставлено на греческой территории⁵⁹. Таким образом, изменились внешнеполитические приоритеты игроков НАТО в данном регионе: Турция и особенно Греция не хотели больше сле-

⁵⁷ Kristensen. U.S. Nuclear Weapons in Europe. P. 25.

⁵⁸ Halloran R. Report to Congress Provides Figures for Nuclear Arsenal // New York Times. 1983. 15 November. P. A15.

⁵⁹ Kristensen. U.S. Nuclear Weapons in Europe. P. 25.

по следовать курсу США и поэтому пытались вести (там, где это было можно) независимую внешнюю политику.

В силу всех этих вышеперечисленных причин, как внутренних, так и внешних, в 1976 г. все балканские государства (кроме Албании) все-таки смогли встретиться в первый раз за более чем 30 лет на конференции в Афинах по приглашению президента Греции К. Караманлиса. В целом конференция прошла успешно – лидеры балканских государств смогли обсудить некоторые вопросы сотрудничества в разных сферах. Однако говорить о том, что она была результативной с точки зрения создания Балканской ЗСЯО, не приходится: среди участников встречи была предварительная договоренность, что на повестке дня будут стоять неполитические вопросы.

В октябре 1981 г., когда к власти в Греции пришла ПАСОК (Всегреческое социалистическое движение), а премьер-министром стал ее лидер Андреас Папандреу, этой идее был дан новый толчок. Более того, концепция о создании ЗСЯО на Балканах, а вместе с тем и вывод американского ядерного оружия из Греции, стали приоритетом его внешней политики. Один из пунктов программы нового правительства в ноябре 1981 г. гласил: для создания безъядерной зоны на Балканах Греция первая «в короткие сроки выведет ядерное оружие со своей территории»⁶⁰. Прогнозы, связываемые с этой безъядерной зоной, были оптимистичными. Говорилось, что она создаст «эффект цепной реакции, когда все Средиземноморье может стать зоной безопасности и мира», а дальше на очереди – и зона, включающая Скандинавские страны⁶¹.

В августе 1986 г. газета *Нью-Йорк Таймс* процитировала греческого премьер-министра, когда он признался, что «лично проинформировал США о том, что Греция может в одностороннем порядке потребовать вывода ядерного оружия с их территории в любое время»⁶². Причем вывод ядерного оружия он связывал с созданием Балканской безъядерной зоны. 4 января 1987 г. А. Папандреу сказал: «Необходимо исчерпать все возможности Балканского союза. Если эта попытка провалится, мы в одностороннем порядке выведем все американское ядерное оружие. У меня нет определенного крайнего срока, но это – решение, которое не может долго ждать»⁶³.

В феврале 1984 г. по инициативе Греции состоялась 6-дневная Афинская конференция, ключевой темой которой было сотрудничество балканских государств. Необходимо отметить, что на встречу прибыли все приглашенные премьер-министром Греции балканские государства, кроме Албании, которая заявила, что «инициатива будет оставаться незначительной, пока некоторые из балканских государств принадлежат к разным военным блокам – ОВД и НАТО»⁶⁴. На повестке

⁶⁰ Ørvik N. *Semialignment and Western security*. L., 1986. P. 83.

⁶¹ Andrikos. *A Balkan Nuclear-Weapons-Free Zone*. P. 29, 31.

⁶² Arkin M.W. *Greece's Balancing Act* // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1987. March. P. 11-12.

⁶³ *Ibid.*

⁶⁴ Andrikos. *A Balkan Nuclear-Weapons-Free Zone*. P. 29, 31.

дня стояло четыре пункта: создание безъядерной зоны на Балканах; защита населения региона от ядерной радиации; сотрудничество в мирном использовании ядерной энергии, а также экономическое, техническое и научное сотрудничество. Греческая делегация предложила «особые меры для консолидации уверенности и безопасности на Балканах во всех областях, включая военную». А вот Турция была, как и прежде, категорически не согласна с созданием ЗСЯО на Балканах⁶⁵: по ее мнению, создание зоны представляется нереалистичным и не может рассматриваться в отдельности от глобального разоружения в Европе⁶⁶. Более того, Стамбул четко дал понять, что в случае сохранения вопроса о создании ЗСЯО на Балканах на повестке дня следующей (после Афинской) региональной конференции (которая планировалась в Румынии), турецкие представители участвовать в ней не будут⁶⁷.

В 1985 г. греческое правительство опять попыталось привлечь внимание международного сообщества к этому вопросу. Министр иностранных дел Греции К. Папулиас, выступая в Генассамблее ООН, в частности, сказал: «У Греции нет иллюзий по поводу ее возможности как-либо существенно влиять на международной арене. В связи с этим, мы вносим предложение превратить Балканы в безъядерную зону»⁶⁸.

Усилия стран Варшавского договора по созданию Балканской ЗСЯО распространялись не только на организацию конференций и саммитов, но и были задокументированы, в том числе, в коммюнике, принятом по результатам заседания Политического консультативного комитета государств-участников Варшавского договора, состоявшегося в Берлине 28-29 мая 1987. Финальный документ, переданный в ООН, призывал продолжить и активизировать многосторонний диалог по созданию зоны, свободной от ядерного и химического оружия на Балканах. Кроме того, речь шла о внедрении эффективной системы верификации, включающей меры верификации «по сокращению ядерного оружия везде, где происходит уничтожение ЯО, на полигонах, на военных базах, в том числе принадлежащих третьим государствам, в учебных центрах, местах хранения и на заводах-производителях, как государственных, так и частных»⁶⁹.

В последующем идея о созыве всех балканских государств для обсуждения формирования безъядерной зоны на Балканах была претворена в жизнь Югославией в феврале 1988 г. и Албанией в январе 1989 г. На обеих встречах в Белграде и в Тиране были представлены все балканские государства, включая Албанию⁷⁰.

⁶⁵ Ørvik. *Semialignment and Western Security*. P. 83.

⁶⁶ Andrikos. *A Balkan Nuclear-Weapons-Free Zone*. P. 30.

⁶⁷ *Ibid.* P. 31.

⁶⁸ Brooke J. *Speakers at U.N. Ask for Arm Control // The New York Times*. 1985. 25 September. P. 9.

⁶⁹ Letter dated 29 May 1987 from the Permanent Representative of the German Democratic Republic to the United Nations addressed to the Secretary-General. General Assembly Forty-second session A/42/313 S/18888. 3 June 1987.

⁷⁰ Речь идет уже о смене внешнеполитического вектора Албании после смерти ее руководителя Энвера Ходжи в 1985 г.

Однако говорить о том, что встречи дали реальные результаты относительно установления ЗСЯО на Балканах, не приходится: в обоих случаях этот пункт был чуть ли не единственным, по которому не смогли договориться балканские государства⁷¹. Последующий через несколько лет распад Югославии, а также всей Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и вовсе заморозил эту идею.

Выводы

Процесс выдвижения инициативы о создании безъядерной зоны на Балканах – это череда попыток созыва конференций балканских государств для обсуждения насущных для Балкан вопросов безопасности. Планы некоторых государств по организации Балканской ЗСЯО оказались несостоятельными уже на подготовительном этапе – на этапе созыва общей встречи для обсуждения условий создания такой зоны. Проведенные конференции, начиная с Афинской конференции 1976 г., были не особенно успешны именно в плане формирования ЗСЯО. Основных причин этому было две.

Причина первая: членство балканских государств в разных военно-политических блоках не давало им возможности объединиться вокруг такой неоднозначной внешнеполитической инициативы. Как было указано выше, в то время как Греция и Турция были странами-членами НАТО, Болгария и Румыния принадлежали к блоку ОВД. При этом Югославия вообще не являлась приверженцем какого-либо военного союза, а Албания, присоединившись к коммунистическим странам, впоследствии порвала все связи со странами этого лагеря и в результате намеренно оказалась в полной международной изоляции. Таким образом, как показал неудачный опыт создания данной безъядерной зоны, для успешного воплощения подобных инициатив в жизнь необходимо как согласие самих стран, входящих в ЗСЯО, так и политических блоков, стоящих за ними.

Причина вторая: наряду со стоявшими за Балканскими государствами великими державами со своими интересами существовали и исторические противоречия между самими государствами региона, которые не позволяли им объединить усилия по продвижению безъядерных Балкан. А ведь идея о создании безопасного полуострова, т.е. Балканской безъядерной зоны, при наличии политической воли всех заинтересованных акторов была чуть ли не единственной концепцией для стран этого региона, вокруг которой можно было выстроить общий региональный союз государств. Балканские страны (включая Албанию) смогли организовать общие встречи только накануне распада одного из самых больших госу-

⁷¹ Второй вопрос, по которому не смогли договориться в Тиране в 1989 г. – проводить ли саммит балканских государств в Бухаресте. См. Zanga L. A «New Spirit» in the Balkans. [Country Series: Albania]. 1 February 1989. Radio Free Europe / Radio Liberty. Background Report/16. <http://osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/4-5-160>. Последнее посещение 9 августа 2013 г.

дарств региона – Югославии, и окончания холодной войны, что и повлияло впоследствии на окончательный провал этой идеи.

В результате изучения идеи создания Балканской зоны, свободной от ядерного оружия, можно прийти к следующим выводам. *Первое*, политический механизм выдвижения инициативы о создании Балканской безъядерной зоны осуществлялся через созыв региональных конференций. *Второе*, в реалиях биполярного мира создание ЗСЯО на Балканах среди государств, принадлежащих к разным блокам, не представлялось возможным. *Третье*, на примере Румынии видно, что инициатива о создании ЗСЯО становилась и инструментом дипломатического торга между государствами. Считаю, что румынская инициатива Стойка была выдвинута руководством Румынии в ответ на предложение СССР о последующем выводе советских войск с территории Румынии. *Четвертое*, необходимо отметить, что внешнеполитические инициативы государств-сателлитов Варшавского договора подобного рода – о создании безъядерных зон – были единственными возможными маневрами на международной арене, которые допускались Москвой. Этим и воспользовалась в конце 1950-х гг. Румыния, а затем и Болгария, активно продвигая эту идею на всех уровнях.

В течение всего рассматриваемого периода концепция зоны, свободной от ядерного оружия, обозначалась разными терминами, в зависимости от приоритетов развития и в международных отношениях и из-за смещения внешнеполитических акцентов затрагиваемых государств – от «мирной зоны» в плане Стойка, «безракетной зоны» в риторике Н. Хрущева, «зоны без иностранных военных баз» (на протяжении всего периода), «зоны добрососедских отношений» у Т. Живкова и Н. Чаушеску (1980-е гг.), и с середины 1980-х гг. – «зоны, свободной от ядерного и химического оружия».

Остается добавить, что несмотря на то, что инициатива много раз поднималась на внешнеполитической повестке дня, она до сих пор не воплощена. Некоторые причины этому: раздробление Югославии, распад всей биполярной системы международных отношений, и, как следствие, блока ОВД, присоединение некоторых балканских государств к Евросоюзу, и в целом – изменение геополитических реалий на Балканах. В настоящее время ядерное оружие в балканских странах остается только у Турции: ЯО из Греции было выведено в 2001 г.⁷² А вот в Турции, по последним данным, до сих пор находится 60-70 ядерных бомб В61, и это на 30 бомб меньше, чем их было в 2001 г.⁷³

⁷² По некоторым данным всего в Европе около 110 ядерных бомб США находятся на базах в Бельгии, Германии, Италии и Нидерландах. Bell A., Loehrke B. The Status of U.S. Nuclear Weapons in Turkey // Bulletin of the Atomic Scientists. 23 November 2009. <http://www.thebulletin.org/web-edition/features/the-status-of-us-nuclear-weapons-turkey>. Последнее посещение 2 марта 2012 г.; Warden K. J. U.S. Nuclear Weapons in Europe / Center for Strategic and International Studies. 5 March 2010. <http://csis.org/blog/us-nuclear-weapons-europe-ineffective-deterrent-and-unnecessary-assurance>. Последнее посещение 9 августа 2013 г.

⁷³ См. U.S. nuclear weapons in Europe, 1954-2004 // Bulletin of The Atomic Scientists. 2004. May/June. Vol. 60. No. 3. P. 68-70; Schleifer Y. Turkey: Turks Discover They Are a (Sort of) Nuclear

Но представляется, что имеется три главные причины, по которым формирование Балканской ЗСЯО невозможно на данный момент.

Первая причина – это вхождение балканских стран в ЕС с его общей внешней политикой. В 2013 году исполнилось 20 лет с тех пор, как Европейский Союз принял Общую внешнюю политику и политику безопасности (в 1993 году) и 10 лет с момента опубликования Европейской стратегии безопасности и Стратегии ЕС против Оружия Массового Уничтожения (в 2003 году). Третий документ, представляющий особую важность для внешней политики ЕС – Лиссабонский договор, подписанный 13 декабря 2007. Эти документы – из числа ключевых по выработке внешней политики в области безопасности ЕС. Однако упоминание о важности зон, свободных от ядерного оружия, можно найти только в резолюции Европейского парламента от 5 июня 2008 года о реализации Европейской стратегии безопасности и Европейской политики по обороне и безопасности. В документе, содержащем ключевую фразу об отношении ЕС к ЗСЯО, говорится о том, что позиция Европейского парламента заключается в том, что «признанным» ядерным державам также необходимо «выдвигать инициативы по разоружению для того, чтобы сделать Европу зоной, свободной от ядерного оружия, и заключить всеобщую конвенцию о запрещении ядерного оружия»⁷⁴. Далее, в конце 2012 года Европарламент в уже упоминавшейся резолюции назвал «сокращение глобальных арсеналов и продвижение к миру без ядерного оружия» одной из «наиболее насущных задач безопасности»⁷⁵. Этот же документ подчеркивает, что «разработка зон, свободных от ядерного оружия, особенно в районах напряженности, таких как Ближний Восток, будет способствовать повышению международного мира и безопасности и содействовать укреплению международного режима нераспространения, а, следовательно, оно должно поощряться в первоочередном порядке»⁷⁶.

Второй причиной является отсутствие прежнего стремления создать такую зону. В этой связи уместно вспомнить вхождение балканских государств в НАТО в 2004 и 2009 гг., а также ратификацию в 2011 г. договора с США о размещении элементов ПРО в Румынии⁷⁷.

Третьей причиной невозможности становления ЗСЯО на Балканах в данный момент является сопротивление этому блока НАТО. Следует подчеркнуть, что

Power. 1 December 2011. <http://www.eurasianet.org/node/64623>. Последнее посещение 9 августа 2013 г.

⁷⁴ European Parliament Resolution of 5 June 2008 on the Implementation of the European Security Strategy and ESDP (2008/2003(INI)). <http://www.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2008/2003%28INI%29>. Последнее посещение 9 августа 2013 г.

⁷⁵ European Parliament Resolution on the Non-Proliferation Treaty Review Conference Regarding the Establishment of a Middle East Free of Weapons of Mass Destruction (2012/2890(RSP)). http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=B7-2012-0535&format=XML&language=EN_ Последнее посещение 9 августа 2013 г.

⁷⁶ European Parliament resolution on the Non-Proliferation Treaty Review Conference ... 2012/2890(RSP).

⁷⁷ Румыния ратифицировала договор о размещении элементов ПРО США // РИА Новости. 15 декабря 2011. <http://ria.ru/world/20111215/517773301.html>. Последнее посещение 9 августа 2013 г.

перспективы становления ЗСЯО на Балканах тем ниже, чем больше будет продвигаться идея общеевропейской ЗСЯО, включающей Центральную, Восточную и Северную Европу⁷⁸. В Европе не только два признанных ядерных государства – Великобритания и Франция – не стремящихся расставаться со своим ядерным статусом. По сообщениям экспертов, в Европе (в Бельгии, Германии, Италии, Нидерландах и Турции) до сих пор остаются 150-200 единиц нестратегического ядерного оружия⁷⁹. Можно предположить, что становление Балканской ЗСЯО нежелательно для некоторых государств-членов НАТО, в том числе из-за близости Балкан к Ближневосточному региону. Подытоживая хочется отметить, что эти факторы – активное нежелание сужения маневренности, так называемое «уменьшение гибкости» заинтересованных государств при принятии военно-политических решений и возникновении вооруженных конфликтов, в том числе, на Ближнем Востоке, а также отсутствие интереса у самих балканских государств двигаться в сторону создания зоны – являются основными причинами, из-за которых создание Балканской зоны, свободной от ядерного оружия, на данном этапе не представляется возможным.

⁷⁸ Подробное рассмотрение некоторых концепций о ЗСЯО в Северной Европе см. в: Кутнаева Н.А. Безъядерная зона в Северной Европе: идеи и реальность // Современная Европа. 2013. № 3. С. 41-52.

⁷⁹ Remkes C.N. The Security of NATO Nuclear Weapons. Issues and Implications. 17 November. 2011 // The Nuclear Threat Initiative. P. 66. http://www.nti.org/media/pdfs/NTI_Framework_Chpt3.pdf?_=1322701695. Последнее посещение 9 августа 2013.

Дмитрий Ковпак

Советский историк и зарубежная наука: Александр Львович Шапиро и западные историки-русисты

Александр Львович Шапиро (1908–1994) – известный советский историк, специализировавшийся в области российской аграрной истории и истории российской исторической мысли. В немногочисленной литературе по международным аспектам истории русистики А.Л. Шапиро и подавляющее большинство советских историков не упоминаются. В историографии доминирует понимание международного научного общения как сотрудничества, поэтому внимание исследователей привлекают те советские историки, кто был вовлечен в интенсивное личное общение с зарубежными русистами. Наибольшую известность приобрел в этой связи профессор П.А. Зайончковский. «Его достоинства как ученого и учителя пересекли национальные границы, и никто другой, ни в Советском Союзе, ни в Соединенных Штатах не имел такого глубокого и длительного влияния на профессию историка в обеих странах», – писал один из учеников П.А. Зайончковского, Альфред Рибер¹. В.А. Большакова подчеркивает, что одной из важнейших отличительных черт научной школы П.А.Зайончковского являлся «дух международного сотрудничества»: для московского профессора студенты из США и европейских стран были именно учениками, а не иностранными стажерами². Среди других историков, проявлявших большую заинтересованность в общении с западными коллегами, можно назвать Н.М. Пирумову, С.Я. Лурье, Б.С. Итенберга³.

Перечисленные историки представляются как исключение из общего правила – изоляции советских ученых, как и всего советского общества от Запада. При обращении к общим проблемам международной научной коммуникации такое понимание направляет исследовательский поиск в сторону анализа политических и идеологических препятствий, которые затрудняли диалог между совет-

¹ Rieber A.J. Petr Andreevich Zaionchkovskij (1983) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1985. Vol. 33. № 2. P. 313.

² Большакова О.В. П. А. Зайончковский и его американские ученики // *Отечественная история*. 2004. № 4. С. 92 и сл.

³ См.: Ганелин Р.Ш. «Свободный художник» советской исторической науки: В.Р. Лейкина-Свирская // *Его же. Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах*. СПб., 2006. С. 315; Hamburg G.M. Remembering Natalia Pirumova: On Writing History in the Stalin and Post-Stalin Eras // *Kritika. Exploration in Russian and Eurasian History*. 2000. № 1(3). P. 511f.; Будницкий О.В. Историк из «поколения лейтенантов» // *Отечественная история*. 2001. № 5. С. 134 и сл.; Ганелина И.Е. Я.С. Лурье: история жизни // *IN MEMORIAM: Сборник памяти Я.С. Лурье*. СПб., 1997. С. 21.

скими и западными историками. Ряд этих препятствий – хорошо известны и очевидны, другие – не всегда принимаются исследователями во внимание.

Политика советского руководства в области регулирования международных контактов граждан переживала изменения, но тенденция к изоляционизму преобладала всегда, даже в годы правления М.С. Горбачева⁴. Право выезда за пределы страны фактически было превращено в СССР в привилегию и поставлено под жесткий административный контроль; обмен публикациями и переписка были ограничены цензурой; личное общение с посещавшими Советский Союз иностранцами не поощрялось⁵.

В тех же случаях, когда ученым предоставлялись возможности для обмена информацией и общения, их ограничивало идеологическое противостояние двух систем. Одним из наиболее ярких проявлений конфронтации в международном общении ученых стали международные конгрессы исторических наук и другие международные форумы⁶. «В условиях идеологического противоборства зарубежные контакты советских обществоведов, их поездки на научные конференции и конгрессы преследовали по преимуществу конфронтационные цели. Они не были рассчитаны на длительное конструктивное сотрудничество», – писал в этой связи В.И. Бовыкин, постоянный участник советских делегаций на форумах по экономической истории⁷.

Ставшие возможными в конце 1950-х гг. заграничные командировки советских историков и поездки западных историков в СССР, преследовавшие, казалось бы, сугубо научные цели, также выявляли наличие идеологических предубеждений с обеих сторон. Особенно очевидными они становились в ситуациях, связанных с одной из главных профессиональных проблем для историков – доступом к зарубежным архивам. Реакция исследователей на отказ или ограничение в доступе повторяла, по наблюдению А.М. Филитова, милитаристский стереотип времен

⁴ Так, не был отменен указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 г. «О порядке сношений государственных учреждений и должностных лиц с учреждениями и должностными лицами иностранных государств», допускавший контакты с границей только при посредстве Министерства иностранных дел и его отделов в отраслевых министерствах. В 1988 г. в указ были внесены незначительные изменения, не затронувшие суть нормы. За нарушение ее предусматривалось наказание не только «дисциплинарное», но и уголовное (Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 12. С. 185). По воспоминаниям Р.Ш. Ганелина, его коллега по ЛОИИ, Б.Т. Горянов был уволен в начале 1960-х гг. из ЛОИИ за попытку послать статью за границу без соответствующего разрешения. (Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб., 2006. С. 366). О контроле государственной границы в СССР см.: Chandler A. Institutions of Isolation: Border Controls in the Soviet Union and Its Successor States, 1917–1993. Montreal, 1998.

⁵ До сих пор наиболее содержательной в фактическом отношении работой по проблеме ограничения международного научного общения является книга эмигрировавшего из СССР биохимика и геронтолога Ж.А. Медведева. (Медведев Ж.А. Международное сотрудничество ученых и национальные границы. Тайна переписки охраняется законом. Лондон, 1972).

⁶ См.: Мохначева М.П. Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога // Советская историография. М., 1996. С. 78-108.

⁷ Бовыкин В.И. Миланский конгресс экономической истории и наша историко-экономическая наука // Экономическая история. Обзорение. М., 1996. Вып. 1. С. 26.

«холодной войны»: «Ракета на ракету, боеголовка на боеголовку»⁸. Так, историки из ФРГ в отчете о поездке в СССР в 1974 г. предлагали в ответ на ограничение допуска в советские архивы лишить советских историков возможности работать в немецких архивах⁹. Таким же образом в 1959 г. американский русист Сэмюэль Барон, раздосадованный отказом в доступе к архиву Дома Плеханова, предупредил директора библиотеки им. Салтыкова-Щедрина «о будущем возмездии для советских исследователей, изъявивших желание провести исследовательскую работу в Соединенных Штатах»¹⁰. Используемое С. Бароном слово «возмездие» («retaliation») явно отсылает нас к риторике «холодной войны»¹¹. В ответ на вмешательство политических явлений в научную работу историки отвечали в том же политическом духе.

А.А. Фурсенко, один из немногих советских историков, допущенных к заграничным командировкам, вспоминал о том, что ему с трудом удалось добиться разрешения на работу в архиве Рокфеллеровского центра. Причиной тому стало изначально враждебное отношение официальных представителей семьи к советскому американисту и их отрицательная оценка книги Фурсенко о Рокфеллерах. Будучи все-таки допущенным к архиву при посредстве своего куратора из Института международного образования, советский историк сумел спустя некоторое время найти общий язык и с архивистом Рокфеллеров, Джозефом Эрнстом. В дальнейшем это позволило Фурсенко, вопреки правилам архива, получить ксерокопию ценного документа о жизни американца в Петрограде после октябрьского переворота 1917 г.¹² Если с системой и политическими обстоятельствами бороться в одиночку было бесполезно, отсюда и апелляции к «возмездию», то на уровне человеческих взаимоотношений диалог и понимание были возможны.

Но и на этом уровне не обходилось без проблем. Обратившись к свидетельствам советского времени, мы найдем свидетельства различий между научной культурой советских и зарубежных историков. Американские русисты, например, вспоминают, что выбор ими тем для исследования вызывал недоумение со стороны советских коллег. Реакция последних была продиктована отличным от американской исторической профессии пониманием ценности и актуальности предполагаемого исследования. Профессор МГУ М.Т. Белявский оценил предложенную Джоном Александером тему о чумном бунте 1771 г. как «не стоящую дальнейших исследований». Отношение московского ученого смягчилось после пояснения Д. Александером того, что он собирается заниматься «эпидемий в со-

⁸ Филитов А.М. Научные связи историков в годы «холодной войны»: взгляд с «другой стороны» // Отечественная история. 2000. № 4. С. 129.

⁹ Там же. В 1986 г., когда А.М. Филитову предоставилась возможность поездки в ФРГ, ему было отказано в доступе к Федеральному архиву.

¹⁰ Baron S.H. A Tale of Tow Inquiries // Adventures in Russian Historical Research: Reminiscences of American Scholars from the Cold War to the Present. Armonk, L., 2003. P. 23.

¹¹ Medhurst M.J. Rhetoric and Cold War: A Strategic Approach // Cold War Rhetoric: Strategy, Metaphor, and Ideology. East Lansing, 1997. P. 24.

¹² Историк А. А. Фурсенко рассказывает // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 2. С. 137-139.

циально-экономическом контексте»¹³. Фредерик Старр столкнулся с аналогичной реакцией со стороны сослуживцев А.Л. Шапиро по историческому факультету ЛГУ, профессоров С.Б. Окуня и Н.Г. Сладкевича. «Когда я заявил о желании написать книгу на тему "Децентрализация и самоуправление в России" (в пореформенный период – Д. К.) они оба... расхохотались, и продолжали посмеиваться до самого конца разговора. Наконец, Окунь, вытирая глаза, пожелал мне всего хорошего и попросил известить его "о любых находках"», – вспоминает американский историк¹⁴.

Западные и советские историки России, хотя и в рамках одной дисциплины, принадлежали к разным академическим сообществам и, следовательно, представляли отличные друг от друга научные культуры. В XX веке понятие объективности все более утрачивало свою привлекательность в академических кругах Западной Европы и США¹⁵, но в советской исторической профессии сохранялось представление о прошлом как о реальности, поддающейся восстановлению с помощью специальных приемов. Исторический процесс, с этой точки зрения, был детерминирован законами. Кроме того, травматический опыт эпохи сталинизма и прямого вмешательства государственного руководства в работу историка сообщал, после разоблачения «культы личности», критерию «объективности» особенно большое значение в иерархии профессиональных ценностей советского историка. Мириам Добсон, британский историк хрущевской «оттепели», полагает, что работы советских и постсоветских историков отличает от исследований их зарубежных коллег «эмпирическая направленность», стремление устанавливать и излагать факты, а не интерпретировать их. В силу ограничения методологических поисков советская историография не испытала влияния многих новейших западных интеллектуальных течений, в частности, «лингвистического поворота»¹⁶. Западные историки России, пишет Дэвид Рансел, были «более восприимчивы к интеллектуальным тенденциям в своих научных сообществах, чем к работам российских исследователей»¹⁷. Даже окончательное падение «железного занавеса» и расширение возможностей для академического общения не привело, полагает Д. Рансел, к сближению исследовательской культуры российских и иностранных историков. Анализируя рецензии и материалы дискуссии о книге Б.Н. Миронова *Социальная история России*¹⁸, американский историк приходит к заключению о том, что между представлениями западных и российских ученых о

¹³ Alexander J.T. Catherine the Great and the Rats // *Adventures in Russian Historical Research*. P. 51.

¹⁴ Starr F.S. Leningrad, 1966–1967: Irrelevant Insights in an Era of Relevance // *Adventures in Russian Historical Research*. P. 78.

¹⁵ См. об этом классическую работу Питера Новика: *That Noble Dream: The 'Objectivity Question' and the American Historical Profession*. N.Y., 1988.

¹⁶ Evans R. *Cosmopolitan Islanders: British Historians and the European Continent*. N.Y., 2009. P. 46f.

¹⁷ Ransel D.L. A Single Research Community? Not Yet // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. № 3. P. 551.

¹⁸ Миронов Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII в. – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. СПб., 1999. Т. 1-2; Изд. 2-е, СПб., 2000. Т. 1-2.

критериях научной состоятельности существует значительное расхождение. На Западе монографию Миронова критикуют с точки зрения ее соответствия современной историографической моде, в России же обращают внимание на источниковедческую сторону работы и на достоверность и полноту содержащихся в ней фактических данных¹⁹.

Таким образом, проблемы в международной научной коммуникации не исчерпываются политическими обстоятельствами. По мнению Д.А. Александрова, изоляционизм советского научного сообщества стал следствием ряда причин, роль которых с течением времени изменялась. «Тенденция к научной автаркии началась с естественного стремления к самодостаточности и была следствием силы отечественного научного сообщества. Окончательно же сформировавшись под влиянием политических репрессий, послевоенной ксенофобии и политической изоляции времен "холодной войны", сама изоляция привела к ослаблению многих направлений, к замыканию отечественной науки в коконы "уникальных направлений" и т. п.», – считает историк²⁰.

В данной статье выявляются пути коммуникации между советским историком А.Л. Шапиро и его западными коллегами. Шапиро представляет в данном отношении особый интерес, поскольку он не выделялся своей активностью в общении с западными коллегами из сообщества советских историков, так, как выделялся, например, П.А. Зайончковский, и не входил в число тех, для кого были доступны поездки на зарубежные научные конференции. В то же время, Шапиро был одним из ведущих советских историков и его работы были известны за рубежом. Свою задачу я вижу в том, чтобы на примере Шапиро выявить формы коммуникации между историками в специфических условиях «холодной войны» и выяснить, как соотносились друг с другом системы профессиональных ценностей в академических сообществах западных и советских историков, как складывалось отношение ученых к исследованиям своих зарубежных коллег и насколько на это отношение влияли идеологические стереотипы и принадлежность к разным научным сообществам.

По опубликованным в последние два десятилетия личным документам – письмам и дневникам – советских историков можно проследить, как в течение 1950-х гг., с открытием границ, появляются «заграничные» сюжеты. Роберт Д. Инглиш пишет о том, что на волне десталинизации советские историки, вслед за советскими писателями и философами, выступали против культурного и научного изоляционизма²¹. Приводимые американским автором сведения из истории советской историографии относятся к 1960-м гг., поэтому его выводы нуждаются в уточнении. По моему мнению, авторы дневников и писем занимают скорее по-

¹⁹ Ransel. *Op. cit.* P. 554ff.

²⁰ Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914-1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 21.

²¹ English R.L. *Russia and the idea of the West: Gorbachev, intellectuals, and the end of the Cold War.* N.Y., 2000. P. 83-92.

зицию наблюдателей, чем активных сторонников расширения связей с зарубежными историками. Часть свидетельств составляют упоминания заграничных поездок ведущих советских историков²² и обсуждение туристических впечатлений²³. Такие поездки были в 1950-е гг. явлением новым, и так и остались недоступными для большинства советских историков. Более интересно для нас другое явление: некоторые советские историки оценивают в международном контексте свои работы и исследования своих коллег. Так, Б.А. Романов в письме Е.Н. Кушевой от 8 января 1956 г. пишет о вышедшем годом ранее втором издании его книги *Очерки дипломатической истории русско-японской войны*: «...Русская часть в книге, как правило, мною оставлена была неприкосновенной (за недопуском меня к архивным материалам); за рубежом, вероятно, так и поймут, что я писал книгу в заграничной командировке»²⁴. Вероятно, Романов иронизировал по поводу возможного неверного истолкования зарубежными историками особенностей его книги и связи этих особенностей с его собственной тяжелой судьбой.

У А.Л. Шапиро заграничная тематика появляется в письмах конца 1956 г. к Л.А. Дербову, и связана она с оценкой советской исторической литературы и того, насколько успешно удавалось советским историкам преодолеть наследие сталинского времени. Шапиро отмечает: «Вообще некоторые наши "маститые" очень туго отходят от фальсифицированных построений, связанных с культом личности». И продолжая свою мысль, резко критикует доклад Б.А. Рыбакова о Древнерусском государстве для международного конгресса исторических наук в Риме: «Меня крайне поразило, что среди докладов наших историков в Риме оказался доклад о происхождении Киевского государства Рыбакова. По-моему, это бред сивой кобылы. А книга вышла в 1956 г.»²⁵. Прибегать в своих письмах к столь резким выражениям Шапиро не было свойственно, однако приведенный отрывок примечателен не только этим. Следует обратить внимание на то, каким образом конструируется в письме ситуация в профессиональной среде историков. Шапиро делит эту среду на «маститых» и, видимо, не маститых историков. Другой границей внутри профессионального сообщества является степень готовности историков «отойти от фальсифицированных построений, связанных с культом личности». И прибегая к примеру с докладом Рыбакова, Шапиро обо-

²² Е.Н. Кушева, весьма кратко извещавшая Б.А. Романова о поездках принимавших участие в его судьбе историков, написав о поездке В.И. Шункова в Египет, добавила: «Вот это размах». (Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940 – 1957 годов / Сост. В.М. Панеях. СПб., 2010. С. 454).

²³ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 1. С. 160.

²⁴ Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940 – 1957 годов / Сост. В.М. Панеях. СПб., 2010. С. 443.

²⁵ А.Л. Шапиро – Л.А. Дербову. 20 декабря 1956 г. // Государственный архив Саратовской области. (Далее – ГАСО) Ф. 3–3731. Оп. 1. Д. 270. Л. 28 об. Доклад Б.А. Рыбакова был опубликован дважды: в виде отдельной брошюры (Рыбаков Б.А. Образование древнерусского государства. М., 1955) и в сборнике докладов советской делегации на X международном конгрессе историков (Рыбаков Б.А. Образование древнерусского государства // Десятый международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации. М., 1956).

значает пределы научной рациональности, за рамки которой выходит и объект описания – «бред сивой кобылы», и само то, что он «оказался» «среди докладов наших историков в Риме». Под вопросом оказывается, таким образом, сама система отбора участников и работ для международного форума. Принципы работы этой системы для Шапиро скрыты, а результат «поражает», т.е. выходит за рамки объяснимых явлений, и заставляет прибегать к категории случайности, именно поэтому доклад Рыбакова «оказался». Как и Б.А. Романов, Шапиро использует международную перспективу для оценки советского исследования, однако, в отличие от своего старшего коллеги, не касается возможного восприятия этой работы за рубежом. Контекстом приведенного фрагмента из письма Романова является его собственная судьба, а контекстом рассуждений Шапиро – судьба советской исторической науки в целом в связи с «десталинизацией».

Спустя десять лет, в 1966 г. Шапиро в письме к В.К. Яцунскому излагал свои замечания по поводу доклада последнего о состоянии изучения аграрной истории в советской историографии. Ленинградский историк рекомендовал своему московскому коллеге воздержаться от критики диссертаций *вообще* за распространенный в них тезис о постоянном росте эксплуатации крестьянства в российской истории. Поскольку этот доклад планировался к публикации в ежегоднике аграрного симпозиума, Шапиро писал: «Ежегодник читают за рубежом, и вряд ли стоит изображать дело так, будто у всех советских историков есть нарочитость и необъективность в трактовке этого вопроса»²⁶. Речь, таким образом, вновь шла о репутации советской историографии в целом.

К этому времени общение с зарубежными историками стало если не повседневной нормой, то делом привычным: с 1958 г. стала функционировать программа академических обменов между университетами США и СССР, регулярно проводились коллоквиумы советских и западных историков. Участие Шапиро с докладом в одном из таких форумов – англо-советской конференции 1966 г., несмотря на все приложенные к тому усилия В.К. Яцунского, не состоялось²⁷.

Успешнее Шапиро пользовался другим способом коммуникации с западными историками: обменом книг. Этот обмен был сначала односторонним – Шапиро присылали книги его западные коллеги. С конца 1964 – начала 1965 г. и Шапиро, чьи собственные монографии по данной теме были еще делом будущего, но ставший к этому времени одним из организаторов симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы, включился в обмен книгами с трудами этих симпозиумов. Вероятно, побудительным примером для него был В.К. Яцунский, который уже к тому времени принимал участие в этом обмене и задолго до того интересовался западной историографией и писал о ней.

²⁶ А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 21 января 1966 г. // Архив Российской академии наук (Далее – АРАН). Ф. 1639. Оп. 1. Д. 653. Л. 159.

²⁷ По неизвестным нам причинам доклад был поручен другому историку (А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 12 марта 1966 г. // АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 653. Л. 170.). Об этой конференции см.: Меньшова Н.М. IV советско-английская конференция историков // Вопросы истории. 1967. № 3. С. 158 и сл.

В письме от 11 декабря 1964 г. Шапиро спрашивает у Яцунского о том, кому из зарубежных историков тот собирается отправить минский выпуск *Ежегодника по аграрной истории*²⁸ и далее пишет о том, кому сам считает необходимым выслать свои экземпляры ежегодника: «Я бы хотел послать Смиту в Бирмингем и Ван Бату в Голландию. Ван Бат присылал мне много работ, а я ему почти ничего. Когда получу Ваш ответ, закажу два экземпляра дополнительно»²⁹. Вопрос Яцунскому о его возможных адресатах был, вероятно, продиктован тем, что среди таковых могли быть и Смит, и Ван Бат, в переписке с которыми состоял Яцунский (Роберт Смит и Сликер Ван Бат занимались аграрной историей, российской и европейской соответственно)³⁰.

Примечательно то, что международные связи Шапиро устанавливал прежде всего с аграрными историками. Это было обусловлено, конечно, влиянием Яцунского, сотрудничество с которым позволило Шапиро вступить в общение с иностранными историками. Но, как представляется, такой выбор был также продиктован и собственными научными интересами Шапиро. Его категорически не устраивал уровень изучения многих специальных вопросов истории сельского хозяйства в советской историографии. Поэтому в работе над новыми подходами к исследованию российской аграрной истории (работа эта привела к созданию знаменитого коллектива, трудившегося над *Аграрной историей Северо-Запада России*), он стремился к максимальному расширению знаний и о зарубежной аграрной историографии. Весной 1965 г. Шапиро писал о том, что он рад за Яцунского, которому предстояла поездка в Париж, и просил его о следующем: «Если Вам удастся, узнайте, что сделано французами или англичанами или немцами для изучения "бюджетов" крестьян в средние века или в XVII – XVIII вв. Составляли ли модели крестьянского двора? Есть ли соответствующая литература?». А далее следовало указание на то, что «из Англии», т.е., вероятнее всего, от Р. Смита, Шапиро «толкового ответа не получил»³¹.

Шапиро была известна статья упомянутого английского историка, в которой предпринималась попытка построения модели крестьянского хозяйства в России XV – XVII вв. У советского историка имелась «распечатанная на ротапинтере» ее копия, и о ней он «докладывал» на «своей аграрной группе, совместно с сектором феодализма ЛОИИ» в начале января 1965 г. Эту статью Шапиро счел «любопытной, но во многом малоквалифицированной попыткой»³². Р. Смит несколько раз пишет о той помощи, которую оказал ему при подготовке книги *Крестья-*

²⁸ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964.

²⁹ А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 11 декабря 1964 г. // АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 653. Л. 123-124 об.

³⁰ А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 11 января 1965 г. // Там же. Л. 128. Датируется по штемпелю на конверте.

³¹ А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 5 мая 1965 г. // Там же. Л. 139.

³² А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 11 января 1965 г. // Там же. Л. 128 об. Эта статья в доработанном виде была включена в изданную в 1977 г. книгу Р. Смита (Smith R.E.F. *Peasant Farming in Muscovy*. Cambridge, 1977. P. 84-96).

янское хозяйство в Московии А.Л. Шапиро и в работе с источниками, и своими комментариями (о главе, посвященной моделированию крестьянского хозяйства)³³. Однако в трудах Шапиро упоминания Р. Смита и его работ отсутствуют, вероятно, в силу их невысокой оценки советским историком.

Не найдем мы в исследованиях Шапиро ссылок и на работы других западных историков России. Судя по опубликованным научным работам Шапиро, в западной историографии его интересовали прежде всего работы в области аграрной истории Западной Европы. Отличительной чертой научного почерка Шапиро был сравнительный анализ развития сельского хозяйства в России и в Европе и интерес его к западной литературе был весьма прагматичным. Прежде всего, Шапиро интересовали данные об урожайности в Западной Европе и наиболее часто в его исследованиях цитируется Сликер Ван Бат, который специально занимался этим вопросом и труды которого были, благодаря обмену публикациями, советскому историку хорошо известны. Тот же прагматический интерес к творчеству западных коллег Шапиро проявлял и в другой области своих научных занятий – российской историографии. Здесь наши сведения ограничены единичными упоминаниями западных историографических работ, частью давно устаревших в курсе лекций по историографии 1982 г.³⁴ и сообщением Шапиро о докладе американского историка Джеймса Биллингтона на историческом факультете ЛГУ.

В январе 1965 г. А.Л. Шапиро писал В.К. Яцунскому о выступлении на историческом факультете ЛГУ американского историка Джеймса Биллингтона: «Недавно на кафедре университета выступал с докладом Биллингтон (США). Он написал книгу по истории русской культуры³⁵ (1100 страниц) и докладывал основные принципы ее построения. Любопытно было, интересны некоторые критические замечания в наш адрес ("для вас, говорил он, Белинский, Герцен, Чернышевский – это не наука, а агиография, вопрос о Лаврове у вас сводится к тому, причислить ли его к лику святых или отлучить от святой церкви и т.д. "). Но вся его собственная концепция довольно примитивна: определяющее влияние географической среды на русскую культуру, определяющее влияние православия и западничества»³⁶. Отчасти замечания американского историка совпадали с мыслями самого Шапиро, читавшего курс по дореволюционной и советской историографии. В 1957 г., готовясь к чтению лекций по историографии, Шапиро писал Л.А. Дербову о том, что вышедшая тогда под редакцией В.И. Иллерицкого программа курса по советской историографии его не устраивает, т.к. «говорит не о достижениях нашей науки, а о том, как выправлялись ошибки»³⁷. В статье 1961 г.

³³ Smith. Op. cit. P. X, 84, 180.

³⁴ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Л., 1982. С. 18, 120, 255.

³⁵ Книга вышла из печати в 1966 г.: Billington J. The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture. NY., 1966.

³⁶ А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 23 января 1965 г. // АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 653. Л. 131-131 об.

³⁷ А.Л. Шапиро – Л.А. Дербову. 3 ноября 1957 г. // ГАСО. Ф. 3-3731. Оп. 1. Д. 270. Л. 30 об.

Шапиро резко критиковал видение в истории советской историографии только борьбы с «ошибками и извращениями», вместо анализа развития науки³⁸. По сути, это была критика заимствованной из *Краткого курса* догмы о «классовой борьбе», лежащей в основе любого общественного процесса. Если в *Кратком курсе* эта догма объясняла события внутрипартийной борьбы, то у таких советских историков, как Е.А. Луцкий и М.Е. Найденов, она диктовала развитие исторической науки в СССР. Тем не менее, между взглядами Шапиро и Биллингтона существовало и отличие: американский историк критиковал классовый подход к истории российской мысли вообще, Шапиро же не устраивало то, что этот подход становился эпистемологической основой советской историографии. В своих книгах Шапиро стремился найти баланс между классовым подходом и собственно историографическим анализом.

Близость в критических суждениях о состоянии советской историографии, тем не менее, не повлияла на отрицательное мнение Шапиро о концепции Дж. Биллингтона. Отметим, что Шапиро явно противопоставляет себя, в качестве одного из «советских историков» историку американскому: «в наш адрес», – пишет сам Шапиро; «для вас», – говорит Биллингтон в изложении Шапиро. Оценка концепции Биллингтона как «примитивной» связывается с суждениями американского историка путем противопоставления (союз «но») и является компенсацией за «некоторые критические замечания» в адрес советских историков, к которым себя Шапиро причисляет. Критика Биллингтона, таким образом, не могла быть поводом для сомнений в основных научных ценностях советских историков, в том числе и классовом подходе, лишь часть этой критики представляла интерес, а сам американский историк предлагал «довольно примитивную» концепцию. Тем не менее, мнение Шапиро о концепции Биллингтона основывалось на суждении о ее сложности, а не близости к советскому изданию марксизма, т.е. историческому материализму.

Сравнение приведенного отрывка из письма Шапиро с опубликованной в 1967 г. рецензией известного русиста Ричарда Пайпса на книгу *Икона и топор* выявляет существенное различие в критериях и основанной на них оценке исследования Джемса Биллингтона. В отличие от своего советского коллеги, Пайпс воздержался от прямой критики концепции Биллингтона, отметив ее оригинальность, придающую книге «импрессионизм и персональность», и связав ее с современными тенденциями в литературной критике. Р. Пайпс, лучше своего советского коллеги ориентированный в западной интеллектуальной жизни, вместо критики концепции Биллингтона поместил ее в академический контекст³⁹. Вероятно, известный американский русист ставил тем самым под вопрос принадлежность книги Биллингтона истории как академической дисциплине. Во

³⁸ Шапиро А.Л. Несколько замечаний о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1961. № 3. С. 158.

³⁹ Pipes R. Рец. на кн.: Billington J. *The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture*. NY., 1966 // *The American Historical Review*. 1967. Vol. 72. № 3. P. 1039f.

второй части рецензии, Пайпс привел ряд грубых фактических ошибок, допущенных в книге, и это дало ему основание в заключении поставить под сомнение профессионализм. «В такой области, как российская история, где первостепенную роль играет профессионализм, такая недобросовестность никуда не годится», – закончил отзыв Пайпс.

В современной историографии исследование Биллингтона оценивается как классическое⁴⁰, и оба приведенных выше мнения от этой оценки отличаются. Отличны они и друг от друга: Пайпс ставит под сомнение профессионализм автора, анализируя допущенные в книге фактические ошибки, а концепция Биллингтона возражений у него не вызывает, а Шапиро, судивший об исследовании на основе доклада его автора, критикует, а точнее – не считает интересной с профессионально научной точки зрения именно концепцию в силу ее примитивности.

Для анализа восприятия научного творчества А.Л. Шапиро в зарубежной русистике я обращаюсь к рецензиям на его книги, опубликованным в научной периодике. Роль рецензий как одного из элементов системы обмена информацией в рамках академического сообщества наиболее обстоятельно исследована в книге Ильвы Линдхольм-Романчук⁴¹. Рецензия – это точка пересечения научной культуры рецензента и рецензируемого. Удачным примером историко-научного исследования, основанного на анализе рецензий, является статья Терри Билхартца о рецензировании научной литературы в США в 1950 – 1980-е годы⁴². При помощи контент-анализа Т. Билхартц изучил те критерии, которые определяли оценку рецензентом монографии. Выяснилось, что они значительно изменялись в течение трех десятилетий, и изменения эти отражают эволюцию американской исторической мысли. В 1950-е гг. рецензенты уделяли внимание прежде всего стилю изложения и оформлению монографий, критикуя авторов, в частности, за использование концевых, а не подстрочных примечаний. В первой половине 1960-х гг. большее значение приобретает анализ глубины и тщательности исследования. Кроме того, рецензии становятся более критичными: «Заканчивается эпоха "джентльменских рецензий"», – пишет Билхартц. Наконец, с середины 1970-х гг. повышаются требования к знаниям новейших тенденций в смежных с историей дисциплинах и поощряется использование заимствованных из этих дисциплин методологий. Удачное исследование, согласно рецензиям, должно было содержать ясный и интересный с научной точки зрения исходный тезис, оно должно быть кратким и нацеленным прежде всего на интерпретацию.

⁴⁰ Дэвид-Фокс М. Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 10.

⁴¹ Lindholm-Romantschuk Y. Scholarly Book Reviewing in the Social Sciences and Humanities: The Flow of Ideas Within and Among Disciplines. Westport, L., 1998.

⁴² Bilhartz T. In 500 Words or Less: Academic Book Reviewing in American History // The History Teacher. 1984. Vol. 17. № 4. P. 525-536.

Поскольку в моей статье анализ научной коммуникации, в отличие от цитируемых выше авторов, выходит за рамки национального научного сообщества, дальнейшее изложение необходимо предварить замечаниями, обосновывающими применение такого анализа. Во-первых, рецензии играли значительную роль в ознакомлении зарубежных историков с работами их советских коллег. Ни одна более или менее значимая советская книга не оставалась незамеченной иностранными экспертами. Интерес к российской и советской тематике был таков, что рецензии на монографии советских историков публиковались не только в специальной, посвященной русистике периодике, но и в других научных журналах, например, в главном журнале историков США *The American Historical Review*. В рамках такой «молодой» дисциплины, как русистика, большую часть экспертной научной работы составляла критика научной продукции советских историков. С 1964 по 1984 издавался журнал *Kritika* с подзаголовком «Обзор современных советских книг по русской истории» («A review of current Soviet books on Russian history»), где публиковались исключительно отзывы на советские книги. В немецком журнале по истории Восточной Европы, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, под рецензии был отведен значительный раздел, по объему не уступающий той части, где публиковались исследовательские работы.

Во-вторых, и с советской стороны существовал интерес к зарубежной критике. С 1960 г. ежегодно в декабрьском номере ведущего исторического журнала *Вопросы истории* публиковался список иностранных рецензий на книги советских историков⁴³. Советские авторы были, таким образом, осведомлены о реакции на их книги за рубежом и иногда в своих работах проявляли эту осведомленность или вступали в полемику с рецензентами. В этой связи уместно вспомнить о дискуссии между американским и советским историками: Э. Кинаном, автором монографии о переписке Ивана IV и Андрея Курбского⁴⁴, и Р.Г. Скрынниковым, опубликовавшим в 1973 г. небольшую книгу с разбором указанной монографии⁴⁵. Дискуссия эта проходила, в частности, в упомянутом выше периодическом издании *Критика*. Э. Кинан откликнулся на весьма критичную работу Р.Г. Скрынникова в большой статье, опубликованной в осеннем выпуске журнала за 1973 г.⁴⁶, а через три года в этом же журнале был напечатан ответ советского историка⁴⁷.

Шапиро, читавший по-немецки и по-английски, также следил за отзывами на свои работы. Так, во введении к третьему тому *Аграрной истории Северо-Запада* содержится ответ на замечание немецкого историка Карстена Герке, который, как писал Шапиро, «упрекнул нас (т.е. авторский коллектив *Аграрной истории* –

⁴³ Впрочем, этот список не был исчерпывающе полным: ряд рецензий западных историков на книги А.Л. Шапиро в нем пропущены.

⁴⁴ Keenan E.L. *The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV*. Cambridge, 1971.

⁴⁵ Скрынников Р.Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973.

⁴⁶ Keenan E.L. Рец. на кн.: Скрынников Р.Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973 // *Kritika*. 1973. Vol. 10. № 1. P. 1-36.

⁴⁷ Skrynnikov R.G. Reply to Edward Keenan // *Kritika*. 1976. Vol. 12. № 1. P. 50-61.

Д. К.) в недостаточной обстоятельности источниковедческого разбора писцовых книг»⁴⁸.

Первые упоминания А.Л. Шапиро появились в западной академической периодике после выхода из печати в 1962 г. его курса лекций по российской историографии конца XIX – начала XX столетия⁴⁹. Книга эта давала сбалансированную картину развития исторической мысли в России конца XIX – начала XX вв., противопоставляя ее тому отрицательному образу дореволюционной науки, который был сформирован в научной печати конца 1940 – начала 1950-х гг. под влиянием кампаний по борьбе с «космополитизмом» и «буржуазным объективизмом». В 1963 г. в *American Historical Review* была напечатана краткая рецензия американского советолога Джорджа Барра Карсона-мл. на *Русскую историографию* А.Л. Шапиро⁵⁰.

Рецензия была небольшой по объему и довольно поверхностной. Книга рассматривалась в отрыве от того состояния, в котором находилось изучение истории исторической мысли в Советском Союзе. В рецензии, в частности, не упоминается и советская концепция о «кризисе буржуазной историографии», и ее истолкование в книге Шапиро. Карсон оценил работу советского историка позитивно, но сдержано: по его словам, книга «в сжатой форме» давала студентам знание о ведущих дореволюционных российских историках. Цель А.Л. Шапиро, в понимании американского ученого, состояла в ознакомлении студента «с теми концепциями, которые опроверг Ленин». О приведенных в книге доказательствах преимущества марксизма в ленинском истолковании по сравнению с концепциями профессиональных историков Карсон писал с упрощением о мысли советского историка. По его мнению, единственным таким доказательством у Шапиро являлось утверждение о том, что Ленину удалось показать несостоятельность доминировавшего в «буржуазной» историографии многофакторного подхода к объяснению исторических процессов. Не считая возможным включить хотя бы краткую ремарку о состоянии изучения темы в советской историографии, рецензент нашел в своем отзыве место для иронии: «Трудно удержаться от замечания о том, что большой успех Ленина как историка, т.е. то, что он видел лес, а не деревья, состоял на самом деле в том, что он мог распознать только одно дерево», – писал Карсон, обыгрывая известное критическое высказывание Ленина о современных ему историках⁵¹. По сути, это была констатация примитивности ленинизма, который, тем не менее, доминировал в советской историографии. Почти-тельность советского историка по отношению к Ленину заслонила для Карсона проделанную Шапиро работу, целью которой было дать как можно более взвешенную характеристику дореволюционной исторической мысли. Для того, что-

⁴⁸ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. С. 3. Прим. 2.

⁴⁹ Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962.

⁵⁰ Carson G.B., Jr. Рец. на кн.: Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962 // *The American Historical Review*. 1963. Vol. 68. № 4. P. 1137f.

⁵¹ *Ibid.* P. 1138.

бы проанализировать книгу Шапиро глубже, требовалось знание перипетий научной жизни в СССР. Вероятно, Карсон или не был сведущ в этом вопросе, или не посчитал необходимым упоминать о том интеллектуальном и научном контексте, в котором Шапиро писал свою работу.

Более детальный анализ советской историографии был предпринят Самьюэлом Бэрном в статье 1974 г. о возрождении изучения Г.В. Плеханова в СССР. Автор пришел к заключению о том, что соответствующая глава в *Русской историографии* А.Л. Шапиро являлась «наиболее полной и наиболее деликатной» работой о Плеханове из всего опубликованного в советской печати⁵². Работа Бэрона не была лишена критики: он отмечает, что Шапиро «или не сумел проследить или не признал того, что взгляды Плеханова на восточное общество были почерпнуты у Маркса и Энгельса». Однако, по мнению Бэрона, в отличие от других советских авторов Шапиро «занимало более понимание мировоззрения Плеханова, чем его осуждение», и критика русского марксиста в книге была поэтому взвешенной⁵³.

Подчеркнув более глубокое понимание Бэрном нюансов ситуации в советской исторической профессии, следует, тем не менее, признать, что скептическое отношение американских критиков к истории идей в советской историографии было обосновано. В этой области приверженность советских историков марксистской методологии сказывалась особенно негативно. В.А. Китаев и В.В. Ведерников пишут, что классовый подход, довлевший над анализом интеллектуальной жизни прошлого, неизбежно приводил к ее схематизации⁵⁴. Абсолютизация социального происхождения и политических взглядов в качестве факторов, определявших образ мысли ученых, литераторов и общественных деятелей, безусловно, обедняла исследования советских историков. Кроме того, оценка научного наследия той или иной фигуры во многом зависела от официальной позиции по данному вопросу, т.е. от политики партии. Для сколько-нибудь полного анализа советской историографической работы зарубежным рецензентам приходилось принимать во внимание целый ряд обстоятельств, в том числе и политического характера, и делать на эти обстоятельства скидку в своих оценках.

Другой существенной чертой советских историографических работ был европоцентризм, т.е. направляемый формационной теорией общественного развития неизменный поиск аналогий между западноевропейской и отечественной культурами. Если в отношении новой и новейшей истории это было оправдано ориентацией исторического развития России на западноевропейскую модель, то для древнерусского и московского этапов отечественной истории такой поиск далеко не всегда был обоснован и приводил к сужению исследовательской перспективы. Книга Шапиро, посвященная древнейшим этапам в истории российской историо-

⁵² Baron S.H. The Resurrection of Plekhanovism in Soviet Historiography // *The Russian Review*. 1974. Vol. 33. № 4. P. 401f.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ведерников В.В., Китаев В.А. Рец. на кн.: Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года // *Вопросы истории*. 1997. № 1. С. 160.

ческой мысли, была написана именно в таком ключе⁵⁵. То, что было новаторским в рамках советской историографии – помещение восточнославянского фольклора и письменных памятников Древней и Московской Руси в контекст европейской истории идей с ретроспективным освещением мифологии и античной историографии – показалось американскому рецензенту, Дэвиду Дасу, банальным.

Д. Даса разочаровало прежде всего то, что используемый Шапиро сравнительный подход к истории, столь перспективный по мнению рецензента, привел к «повторению того старого тривиального взгляда, что российское историописание шло по тому же пути развития – хоть и отставая, – что и в Западной Европе». «Методология Шапиро» была оценена как «крайне неубедительная» – советский историк «избирал одну-две идеи, в качестве воплощения духа эпохи (*Zeitgeist*) каждого из важнейших периодов западноевропейской историографии и пытался найти отражение этих идей на "соответствующем" этапе российской историографии»⁵⁶. «Оторвав идеи от их западноевропейского и российского контекста, Шапиро создал взамен преисподнюю, по которой скитаются эти идеи вне историографической и культурной традиции», – таким видел американский критик результат творчества Шапиро. В отличие от рецензий предыдущих лет, в отзыве Даса предлагалась альтернатива методологии оцениваемой работе. По мнению рецензента, следовало снова вернуться к самим текстам, ключевые проблемы происхождения и состава которых, особенно позднейших памятников, были, по его мнению, не решены. Д. Дас настаивал на более пристальном внимании к той среде, в которой создавались исторические произведения прошлого, «к тому, кто был их автором и читателем, к причинам написания историй и к тому, почему их читали». Эти вопросы должны были, по мысли Даса, получить ответы, прежде чем будет «предпринята новая попытка обобщающей истории российской историографии». В ином случае, писал американский историк, вновь возвращаясь к inferнальным образам, «мы будем вновь видеть, как Курбский и компания подвергаются мучительным искажениям, превосходящим фантазию Данте»⁵⁷.

Д. Дас судил о книге А.Л. Шапиро с позиций переживавшей бурный рост культурной истории – об этом свидетельствует и часть цитируемых выше его вопросов, и то, что объект исследования он формулировал как «российская культура историописания», советский историк же использовал термин «историография». В этом состояла принципиальная разница: понятие «историография» неизбежно приводит к западноевропейской модели, где, собственно, и сложилась история как научная дисциплина, в то время как «культура историописания» допускает существование множества глубоко отличных друг от друга традиций исторического нарратива, не отрицая, впрочем, возможности межкультурных влияний и заимствований. Примечательно, что Д. Дас как будто не замечает того фак-

⁵⁵ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Л., 1982.

⁵⁶ Das D. Рец. на кн.: Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Л., 1982 // *The Russian Review*. 1984. Vol. 43. № 3. P. 304f.

⁵⁷ *Ibid.* P. 305.

та, что книга Шапиро была наполнена отсылками к текстологическим и источниковедческим исследованиям российских и советских ученых. Отрицательно оценивая *Историографию с древнейших времен* и требуя новых ответов на поставленные им вопросы и нового «синтеза» в области истории российского историописания, Д. Дас одновременно отвергает итоги работы целых поколений российских и советских исследователей.

Совсем иначе обстояло дело с отзывами на исследования А.Л. Шапиро в области российской аграрной истории, главное дело жизни этого историка. Западным историкам, по словам Пола Бушковича, Шапиро был известен более всего как «лидер ленинградских историков, вовлеченных в подготовку многотомной аграрной истории Северо-Западной России в XVI столетии, основанной на писцовых книгах и использующей современные статистические методы»⁵⁸. Здесь мы видим полное признание зарубежными русистами научной ценности исследований А.Л. Шапиро и возглавляемого им авторского коллектива, работавшего над *Аграрной историей Северо-Запада России*. Данные из этого издания использовались в рецензиях на монографии других авторов, в частности на книгу британского русиста о средневековой истории сельского хозяйства в России. *Аграрная история* становится своего рода эталоном, принятым научным стандартом, с которым сопоставляются исследования в данной области⁵⁹. Примечательно, что рецензии на открывавший серию том *Аграрная история Северо-Запада России, вторая половина XV – начало XVI в.* (Л., 1971) появились за рубежом, в 1973 г.⁶⁰ и 1974 г.⁶¹, а не в СССР.

Их авторы – немецкий и американский русисты, Карстен Герке и Эдвард Кинан – признали, что уже первый том *Аграрной истории* являлся существенным вкладом в изучение не только истории региона, но и всего российского государства. По мнению Кинана, это издание было «наиболее значительной работой из всех ведущихся сейчас по любому периоду истории Московского государства», а Герке констатировал, что том «делает необходимым пересмотр значительного объема исследовательской литературы»⁶². Следует также отметить, что оба рецензента чрезвычайно много места в своих работах отвели изложению основного содержания *Аграрной истории* и выводов авторского коллектива, вопреки тому, что сколько-нибудь содержательный пересказ рецензируемого исследования нормой на Западе не является. Вероятно, ценность материала была в глазах Герке и Кинана настолько высока, что ознакомление с ним западного читателя хотя бы

⁵⁸ Bushkovitch P. Рец. на кн.: Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XVI вв. // *The Russian Review*. 1979. Vol. 38. № 4. P. 474.

⁵⁹ См. например: Kleimola A.M. Рец. на кн.: Smith R.E.F. *Peasant Farming in Muscovy*. Cambridge, 1977 // *The Journal of Economic History*. 1977. Vol. 37. № 4. P. 1092f.

⁶⁰ Goehrke C. Рец. на кн.: *Аграрная история Северо-Запада России, вторая половина XV – начало XVI в.* Л., 1971 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1973. Vol. 21. № 1. P. 79-82.

⁶¹ Keenan E.L. Рец. на кн.: *Аграрная история Северо-Запада России, вторая половина XV – начало XVI в.* Л., 1971 // *Kritika*. 1974. Vol. 10. № 2. P. 60-69.

⁶² *Ibid.* P. 60; Goehrke. *Op. cit.* P. 82.

по краткому изложению представлялось им абсолютно необходимым. Кроме того, написание отзыва в таких ситуациях – это почетное дело: выступающий в роли посредника между автором исследования и научным сообществом рецензент становится причастным к продвижению нового знания. Поскольку в данном случае речь идет о написанном на иностранном языке исследовании, не всегда доступном для всего научного сообщества, то рецензенту предоставляется возможность стать основным источником сведений о содержании новой ценной книги. Вот почему Кинан даже приводит перевод цитаты, объемом в страницу, подводящей главные выводы, из заключения к первому тому *Аграрной истории*⁶³.

Главным достижением авторского коллектива немецкий и американский историки считали тот огромный объем источникового материала и те тщательно проработанные и выверенные методы его обработки, на которых основывалось содержание книги. При этом рецензенты отметили осторожность и сдержанность авторов *Аграрной истории* в выводах, хотя вводимый исследованием в научный оборот источниковый материал позволял делать широкие умозаключения. Кинан в связи с этим предполагает, что обнаруженное им «отсутствие отзывов на "Аграрную историю" отчасти вызвано чрезвычайной осторожностью самих авторов: они постулируют важные и далеко идущие выводы почти вполголоса и очень мало говорят об их применении к решению тех общих вопросов социально-экономической и политической истории, по которым в течение длительного времени ведутся дискуссии»⁶⁴. Далее Кинан постулирует, что, несмотря на то, что ряд выводов авторского коллектива уже появлялся в печати, в *Аграрной истории* впервые в историографии эти выводы были основаны на столь солидной документальной базе, что вряд ли «основные умозаключения» могут быть «оспорены», исходя из имевшихся тогда в распоряжении историков источников⁶⁵.

Для американского историка главный интерес представляли статистические данные и модель крестьянского хозяйства, описываемая А.Л. Шапиро в соответствующей главе *Аграрной истории*. В целом, Кинан, занимавшийся культурной и политической историей России, искал ответы на вопрос о том, что *Аграрная история*, «детальное и иногда скорее техническое исследование», дает обычному историку Московской Руси. Герке же, будучи специалистом именно по аграрной истории России⁶⁶, был заинтересован в том, какие историографические стереотипы ставит под сомнения книга. Отметив, что среди таковых – теория о непрерывном росте барщины в XV – XVI вв., немецкий русист делает вывод о том, что «особенная сила авторов (...) состоит в том, что они решают свои задачи исходя только из статистических материалов, делают это по-новому и без оглядки на устоявшиеся научные представления или идеологические каноны». И далее про-

⁶³ Keenan. Op. cit. P. 61.

⁶⁴ Ibid. P. 60.

⁶⁵ Ibid. P. 62.

⁶⁶ В 1968 г. Герке опубликовал монографию по истории пустошей в Московской Руси: Goehrke C. Die Wüstungen in der Moskauer Rus': Studien zur Siedlungs-Bevölkerungs- und Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1968.

должал: «Для многих советских историков, и не только для них, этот труд становится тревожным звонком, поскольку в его основании – педантичный анализ писцовых книг»⁶⁷. Каждый из рецензентов нашел ответы на интересовавшие его вопросы и в заключение написал о том, что будет с нетерпением ожидать продолжения *Аграрной истории*. Однако на следующий том, вышедший в 1974 г.⁶⁸, из них откликнулся только Герке⁶⁹.

Второй том *Аграрной истории*, по словам Герке, оправдал его ожидания, но эту рецензию, в отличие от предыдущей, он строил не на сжатом пересказе книги, а на ее критике и аналитических наблюдениях. Большинство его замечаний касались состояния источников и обоснованности данных, извлеченных из этих источников авторами. Герке сделал заключение о том, что в массе своей обобщения в *Аграрной истории* заслуживают доверия, хотя в будущем многое может быть оспорено или, по меньшей степени, скорректировано. Поэтому он предлагал читателю «ставить маленькие знаки вопроса» у большинства статистических данных книги⁷⁰. К неудовольствию рецензента, ленинградские историки прошли мимо его книги 1968 г., в которой освещались вопросы возникновения и заустения поселений в Московской Руси. По мнению Герке, это было очередным свидетельством изоляции советской историографии от зарубежной русистики и ослабляло аналитическое содержание книги⁷¹. Тем не менее, общая оценка тома была в рецензии положительной. Герке считал, что все выводы авторов основаны на полученных в результате применения к массовым источникам количественных данных и существенно корректируют сложившиеся представления о генезисе крепостного права в Московской Руси⁷².

Третий том, опубликованный в 1978 г.⁷³, стал предметом рецензии упоминавшегося выше английского историка Роберта Смита⁷⁴. Рецензия Смита не столь пространна, как предыдущие отклики на *Аграрную историю*, хотя ее автор являлся ведущим западным исследователем в данной области, и кому, как не ему, было в деталях осветить достоинства и недочеты работы, проделанной авторским коллективом под руководством Шапиро. Вероятно, выход очередного тома уже не был таким ярким событием в научной жизни, как появление первой книги из серии, поскольку к началу 1980-х гг. сообщество западных историков уже знало о ведшейся в Ленинграде работе. Р. Смит весьма кратко описал содержание книги, выразил свое сомнение в некоторых из ее выводов (в частности, в господ-

⁶⁷ Goehrke С. Рец. на кн.: Аграрная история Северо-Запада России, вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. Р. 81.

⁶⁸ Аграрная история Северо-Запада России XVI в. (Новгородские пятины). Л., 1974.

⁶⁹ Goehrke С. Рец. на кн.: Аграрная история Северо-Запада России XVI в. (Новгородские пятины). Л., 1974 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1977. Vol. 25. № 3. Р. 426f.

⁷⁰ Ibid. Р. 426.

⁷¹ Ibid.

⁷² Ibid. Р. 427.

⁷³ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978.

⁷⁴ Smith. Peasant Farming in Muscovy. Р. 84.

стве трехполюя на Руси в XV веке) и заключил рецензию констатацией того, что «книга является важной работой с большим объемом ценного материала и более реалистичным подходом, чем в некоторых иных изданиях, но она также демонстрирует, что многое остается неясным в российском экономическом и социальном развитии»⁷⁵.

Сложившаяся благодаря *Аграрной истории Северо-Запада России* высокая научная репутация А.Л. Шапиро в качестве одного из лидеров в изучении русского средневековья вызвала повышенное внимание к его монографии *Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XVI вв.* (Л., 1977). На эту книгу было опубликовано три рецензии. В них представление Шапиро как автора рецензируемого исследования было основано на его заслугах в работе над *Аграрной историей*⁷⁶. Наибольшее внимание все рецензенты уделили изложению содержания книги, оценивая отдельные главы как более или менее удачные по сравнению с другими, и оценки эти не совпадали у разных авторов. Так, Ханс-Петер Портманн и Пол Бушкович посчитали наиболее сильной первую главу, посвященную общему обзору сельскохозяйственного производства в Восточной Европе с древнейших времен до XVI века, но именно ей была адресована большая часть критических замечаний Лоуренс Лангер⁷⁷. Бушкович охарактеризовал вторую главу – о развитии ремесел и торговли – как «наименее оригинальную и наименее интересную», поскольку в ней автор лишь «подытожил текущую советскую историографию по предмету»; по оценке же Портманна здесь Шапиро дал «обширный очерк развития в правильной перспективе»⁷⁸. Что касается третьей главы, в которой советский историк писал о социальной дифференциации крестьянства в XIV – XVI вв., то здесь Портманн и Лангер ограничились кратким изложением ее содержания, а Бушкович посчитал ее «наименее убедительной»⁷⁹.

Мнения двух американских и швейцарского историков-русистов о книге Шапиро были положительными. Наиболее положительным был отзыв Пола Бушковича: он посчитал, что в целом *Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XVI вв.* – «побуждающая к размышлениям и интеллектуальная книга, а ее отдельные главы могут стать поворотным пунктом в нашем понимании сельского общества на Руси»⁸⁰. При этом в рецензии Бушковича содержалось наибольшее среди трех отзывов число критических замечаний. Разбирая вторую

⁷⁵ Smith R.E.F. Рец. на кн.: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978 // *The American Historical Review*. 1981. Vol. 86. № 2. P. 426.

⁷⁶ Bushkovitch. Op. cit. P. 474; Langer L.N. Рец. на кн.: Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XVI вв. // *The American Historical Review*. 1979. Vol. 84. № 2. P. 500; Portmann H.-P. Рец. на кн.: Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XVI вв. // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1980. Vol. 28. № 3. P. 418.

⁷⁷ Ibid. P. 474; Portmann. Op. cit. P. 418; Langer. Op. cit. P. 501.

⁷⁸ Bushkovitch. Op. cit. P. 474; Portmann. Op. cit. P. 420.

⁷⁹ Bushkovitch. Op. cit. P. 475; Portmann. Op. cit.; Langer. Op. cit.

⁸⁰ Bushkovitch. Op. cit. P. 475.

главу, Бушкович писал, что не имеет смысла утверждение Шапиро о том, что движение товаров по большим территориям было вызвано скорее «нехваткой ресурсов», чем развитием рынка, поскольку «любое движение товаров по любой территории есть результат "нехватки ресурсов"»⁸¹. Далее Бушкович критикует Шапиро за чрезмерную категоричность вывода третьей главы о том, что сельское хозяйство не было ориентировано на рынок. Категоричность эта, по мнению американского историка, противоречила здравому смыслу. Разумеется, пишет Бушкович, «никто не будет спорить с утверждением о том, что в целом российское сельское хозяйство было докапиталистическим (...), но почему не допускать того, что рынок мог затрагивать деревню в какой-то мизерной степени?»⁸².

Критика Лангера была менее предметной: он указал на то, что Шапиро «до пределов расширяет свою марксистскую концепцию и тем самым демонстрирует как преимущества, так и недостатки советской историографии»⁸³. Х.-П. Портманн сделал лишь одно критическое замечание: по его мнению, в исследовании Шапиро недостаточно проанализировано «влияние политических структур на экономическое и социальное развитие»⁸⁴. Примечательно, однако, что Портманн не связывает отмеченный им недостаток с марксистскими взглядами автора книги. А заключительное наблюдение рецензии – о том, что в исследовании советского историка «отсутствует классовая борьба» – в сочетании с декларируемым интересом к связи восстания Болотникова с исследуемым А.Л. Шапиро социально-экономическим развитием средневековой Руси, свидетельствует о близости Портманну характерных для советской историографии исследовательских практик. Впрочем, в другой рецензии – на третий том *Аграрной истории* – Портманн уже писал о советской историографии как об изолированном научном сообществе, в рамки которого было заключено значение рецензируемого исследования. «"Аграрная история" устанавливает новые масштабы для советской историографии в области российской истории XV – XVII вв.», – заключал он разбор книги⁸⁵.

Следующая монография А.Л. Шапиро *Русское крестьянство перед закрепощением (XIV – XVI вв.)* (Л., 1987) подводила итоги его многолетних разысканий в области аграрной истории России. Спустя два года после выхода этой книги была опубликована на нее рецензия Роберта Крамми в центральном научно-историческом журнале США⁸⁶. В данном отзыве Шапиро вновь представлен читателю как «лидер ленинградской группы, исследующей аграрную историю Рос-

⁸¹ Ibid. P. 474.

⁸² Ibid. P. 475.

⁸³ Langer. Op. cit. P. 501.

⁸⁴ Portmann. Op. cit.

⁸⁵ Portmann H.-P. Рец. на кн.: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1981. Vol. 29. № 1. P. 95.

⁸⁶ Crummeу R.O. Рец. на кн.: Русское крестьянство перед закрепощением (XIV – XVI вв.) Л., 1987 // *The American Historical Review*. 1989. Vol. 94. № 1. P. 183f.

сии»⁸⁷. Представление же книги как будто бы предваряло дальнейшую критику ее: Крамми пишет о том, что содержание книги не вполне соответствовало ее названию. Вместо «общего обзора структуры исторической эволюции российского крестьянства в XIV – XVI вв.», книга содержала, писал Крамми, «отдельные и не всегда связанные друг с другом размышления» Шапиро по ряду проблем истории средневекового крестьянства⁸⁸. Но далее рецензент резко меняет тон отзыва: «Несмотря на некоторую узость проблематики книги, в ней имеются драгоценные находки», и переходит к изложению ценных по его мнению частей монографии Шапиро. Все они, в изложении Р. Крамми, были связаны со сравнительно-историческими экскурсами Шапиро в аграрную историю России и Западной Европы. Рецензент вкратце излагает общие положения книги Шапиро об уровне производительности российского и европейского сельского хозяйства и о становлении крепостного права. Несмотря на сходство условий для крестьянского хозяйства в странах к востоку от Эльбы и России в XV – XVII вв., закрепощение крестьянства в этих регионах было обусловлено разными факторами. В России, излагал выводы советского историка Крамми, к закрепощению привела неспособность российской экономики «генерировать ресурсы, необходимые для продолжительных войн и преодоления разрушительных последствий политических и природных катастроф». Поэтому «правительство и землевладельцы требовали такой значительной доли продуктов хозяйствования крестьян, что последние не могли более обеспечить для себя необходимый для выживания объем зерна и были вынуждены убегать». Подвижность крестьянского населения, постоянная угроза новой волны побегов и беспорядки Смуты в итоге привели к прикреплению крестьянства к земле в России⁸⁹. В заключении, вместо общепринятого вынесения оценки монографии, Крамми постулирует основы методологии исторического исследования, которым, по его мысли, учила книга А.Л. Шапиро: «Сквозь изложение частных вопросов красной нитью проходит одна, но очень убедительная мысль: настойчивое и требовательное утверждение Шапиро того, что подлинное понимание экономического, социального и правового положения русского крестьянства должно основываться не на использовании ярлыков или упрощенных и всеобъемлющих объяснений, а на скрупулезном изучении сохранившихся данных, на внимании к отраженным в них региональным и хронологическим особенностям и на логичной их интерпретации, руководствующейся здравым смыслом»⁹⁰. Несмотря на некоторую патетичность этого фрагмента, здесь чрезвычайно емко и точно изложены те принципы, которыми руководствовался Шапиро в изучении аграрной истории России на протяжении 1960-х – 1990-х гг. Весьма показательно, что американский историк видит ценность ито-

⁸⁷ Ibid. P. 183.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Ibid. P. 184.

⁹⁰ Ibid.

говой для Шапиро книги не только и не столько в ее эмпирическом, сколько в методологическом содержании.

Рассмотрение научной коммуникации между советским историком и его западными коллегами, равно как и те крайне скупые отрывки информации об отношении Шапиро к зарубежной историографии, дает в итоге довольно пеструю палитру оценок и мнений. Преобладают в этой палитре все-таки «теплые» цвета – и А.Л. Шапиро, и западные русисты были заинтересованы в общении, хотя со стороны последних этот интерес проявлялся, кажется, сильнее.

Советского историка интересовали в западной историографии прежде всего те сведения, которые он не мог получить в соответствующей советской литературе, в частности, данные об урожайности крестьянского хозяйства в Западной Европе. Несмотря на непрерывный рост аграрной историографии, Шапиро до конца 1980-х гг. ограничивался почти исключительно цитированием работ Сливхера Ван Бата. Там, где это было возможно (например, привлекая сведения общего характера об особенностях социально-экономической истории Польши и других регионов к востоку от Эльбы), Шапиро обходился ссылками на труды своих советских коллег, особенно тех из них, кто принимал участие в работе аграрных симпозиумов.

Две монографии А.Л. Шапиро по истории сельского хозяйства и крестьянства на Руси и тома *Аграрной истории Северо-Запада России* неизменно получали признание у западных историков как весомый вклад в дисциплину российской истории. Хотя и аграрная история, и русистика переживают сейчас не лучшее время, *Аграрная история Северо-Запада* и ее статистические данные по-прежнему востребованы не только в российской, но и в зарубежной историографии. Винсент Хаммонд, автор опубликованной в 2009 г. монографии о зарождении поместной системы в Новгороде, полагается в своем исследовании прежде всего на данные, приведенные в подготовленных ленинградскими историками томах, последний из которых вышел из печати в 1989 г.⁹¹ Примечательно, что высокую оценку получили не только достижения Шапиро и созданного им авторского коллектива в обработке и введении в научный оборот сведений по истории российского крестьянства и земледелия, но и те общие принципы исторического исследования, которых Шапиро придерживался на протяжении всей своей научной карьеры. Они, безусловно, являются универсальными и центральными для профессиональной культуры историка в любой стране.

В области историографии американские рецензии скорее «закрывали» книгам А.Л. Шапиро вход в западное научное сообщество. Более того, с течением времени тон рецензий становится все более суровым, и рецензия Д. Даса 1984 г. уже почти отказывает книге советского историка в профессиональном признании, но основывается она на сугубо научных доводах, которые не принимают в расчет политические обстоятельства, в которых находился историк.

⁹¹ Hammond V.E. *State Service in Sixteenth Century Novgorod: The First Century of the Pomestie System*. Lanham, 2009.

V. Дискуссия о тоталитаризме

Леонид Люкс

Реакция Коминтерна на возникновение и приход к власти итальянского фашизма (1920-1923)¹

1. «Революционный кризис» в послевоенной Италии и его неожиданный исход

Тяжёлый кризис, который переживало итальянское государство сразу после окончания первой мировой войны, пробудил у некоторых вождей Коминтерна и представителей левого крыла в итальянском рабочем движении надежду, что это – канун «пролетарской» революции. Проводилось множество параллелей с русскими событиями 1917 года². Определенное сходство в развитии обеих стран и в самом деле можно было наблюдать. Итальянский государственный аппарат в большой мере утратил контроль над событиями, социалисты стали самой крупной политической силой в стране, а крестьянские восстания достигли таких масштабов, что можно было думать об аграрной революции³.

В августе 1919 года, один из ведущих итальянских марксистов, Антонио Грамши, выдвинул тезис, согласно которому мировая война в Италии, так же, как и в России, создала предпосылки для пролетарской революции. Италия, как и Россия, по преимуществу аграрная страна. По этой причине революция в ней могла бы быть успешной лишь в том случае, если бы на её стороне оказалось большинство населения – крестьяне⁴. Опыт войны освободил крестьянство обеих стран

¹ Сокращенная версия главы из моей книги *Возникновение коммунистической теории фашизма. Споры о фашизме и национал-социализме в Коммунистическом Интернационале 1921-1935* (Luks Leonid. *Entstehung der Kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935*. Stuttgart, 1985).

² См. Речь Григория Зиновьева на X съезде РКП (б) в марте 1921 г. / Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 506-508. См. также статью немецкого коммуниста А. Якобсена (Jacobsen A. *Der Faschismus // Die Internationale, Zeitschrift für Praxis und Theorie des Marxismus*. 15.11.1922. P. 302).

³ См. Nenni P. *Todeskampf der Freiheit*. Offenbach, 1947. P. 48-50; Tasca A. *Glauben, Gehorchen, Kämpfen. Aufstieg des Faschismus*. Wien, 1969. P. 45-47, 93-95; Tannenbaum E. *The Fascist experience. Italien Society and Culture 1922-45*. N.Y., 1972. P. 26-27; Borkenau F. *The Communist International*. L., 1938. P. 208-210.

⁴ Gramsci A. *Philosophie der Praxis // Eine Auswahl* / Ed. Christian Riechers. Frankfurt/Main, 1967. P. 37-39.

от провинциальной ограниченности, приучил к выдержке и дисциплине и расширил их политический горизонт. В окопах окрепли узы солидарности между крестьянскими массами и политически более опытными промышленными рабочими. Солидарность такого рода придала несокрушимую силу революционному движению в России и обеспечила победу русской революции⁵. Для Италии Грамши предсказывал сходный путь развития при условии, что итальянские социалисты смогут правильно использовать революционный потенциал страны⁶. В 1919/1920 годах Ленин тоже считал возможной революцию в Италии⁷. Однако у этой возможной революции было, по мнению Ленина, мало шансов удержаться у власти. В разговоре с итальянской социалисткой русского происхождения, Анжеликой Балабановой, в сентябре 1920 года Ленин выразил сомнение, сможет ли революция, если она победит только в Италии, а не во всех европейских странах одновременно, выстоять в борьбе со странами Антанты. Уничтожение Венгерской советской республики за год до того показало, что революционный режим имеет мало шансов пережить блокаду и интервенцию западных держав в маленькой отдельно взятой стране⁸. Другую опасность для итальянской революции Ленин усматривал в том, что радикальные группировки в итальянском рабочем движении были не в состоянии создать партию по большевистскому образцу. Сначала Ленин надеялся, что социалистическую партию Италии (СПИ) удастся превратить в партию такого рода.

СПИ принадлежала к числу первых массовых пролетарских партий на Западе, принятых в Коминтерн. Она являлась одной из наиболее радикальных партий Второго Интернационала и во время первой мировой войны, в противовес к другим социал-демократическим партиям Европы, не заключила гражданского мира с господствующими слоями. Ленин неоднократно хвалил итальянских социалистов за это⁹.

По этой причине вожди Коминтерна сначала не очень раздумывали при приеме СПИ в Третий Интернационал. Но они всё же потребовали от вождя СПИ,

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. Современный теоретик КПИ Джорджио Амендола не согласен с Грамши. Он считает, что в окопах Первой мировой войны итальянские крестьяне вступили в контакт не с итальянскими рабочими, а с представителями мелкобуржуазных слоев. Так как итальянские рабочие в своем абсолютном большинстве отрицали войну, только небольшая их часть принимала участия в военных действиях (Amendola G. Der Antifaschismus in Italien. Ein Interview. Stuttgart, 1977. P. 33-34).

⁷ См. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1958-1965, Т. 41.

⁸ Balabanoff A. Lenin. Psychologische Beobachtungen und Betrachtungen. Hannover, 1961. P. 96 -9; см. также речь Григория Зиновьева на 4-том конгрессе Коминтерна (Protokoll des 4. Kongresses der Kommunistischen Internationale. Petrograd-Moskau vom 5. November bis 5. Dezember 1922. Hamburg, 1923. P. 41). Немецкий историк Гельмут Кениг подчеркивает, однако, что были периоды, когда советское руководство более оптимистически оценивало возможность победы пролетарской революции в Италии, например, летом 1919 г. – до поражения Венгерской советской республики – и летом 1920 – во время наступления Красной Армии на Варшаву (König H. Lenin und der italienische Sozialismus 1915-1921. Ein Beitrag zur Gründungsgeschichte der Kommunistischen Internationale. Tübingen, 1967. P. 57).

⁹ Ленин. Сочинения. Т. 26. С. 115.

Серрати, отделиться от правого крыла в партии, которое возглавлял Филиппо Туррати. Серрати отверг это требование и в свою очередь потребовал от Коминтерна уважать самостоятельность своей партии¹⁰. Эта позиция Серрати неоднократно подвергалась ожесточенной критике со стороны Ленина. В ноябре 1920 года он, к примеру, писал: Пролетарская партия, которая не порывает однозначно с умеренными, нерешительными элементами, не в состоянии провести успешную революцию¹¹.

Раскол итальянского рабочего движения и создание сплоченной, дисциплинированной коммунистической партии составляли важнейшую цель Коминтерна в Италии в 1920 году. Эта борьба внутри итальянского рабочего движения до такой степени поглощала внимание руководства Коминтерна, что оно почти не замечало того, что общая ситуация в этой стране с конца 1920 года решительным образом изменилась не в пользу итальянского рабочего движения¹². В течение двух лет итальянские социалисты саботировали «буржуазное» государство и пытались посеять панику среди господствующего класса своими радикальными лозунгами. Но этот радикализм оставался только на словах¹³.

Один из вождей СПИ, Пьетро Ненни, пишет в своих воспоминаниях, что итальянские социалисты восхищались примером русской революции, но только теоретически. Им недоставало присущего большевикам чувства революционной реальности¹⁴. Но из этого не следует заключать, что важнейшей причиной краха попыток революции в Италии была недостаточная решимость итальянских социалистов в стремлении к единоличной власти. Гораздо важнее было то обстоятельство, что итальянское государство и господствующие группировки в Италии были далеко не так деморализованы, как русское государство и правящие круги в 1917 году¹⁵. Параллели, которые усматривали в развитии России и Италии некоторые коммунисты и социалисты, были, по сути, весьма поверхностными. Итальянское государство было гораздо более способным к самозащите, чем русское в 1917 г. и его невозможно было захватить путем революционного штурма. Спустя много лет Антонио Грамши выразил следующее мнение по данному вопросу: «Надстройка буржуазного общества подобна системе окопов в современной войне. Иногда казалось, что ожесточенный артиллерийский обстрел разрушил систему обороны противника, но на самом деле разрушена была только её внешняя оболочка, а в момент атаки и наступления наступающие сталкивались с

¹⁰ Gruber H. *International Communism in the Era of Lenin. A Documentary History*. N.Y., 1967. P. 292-295; König. *Lenin und der italienische Sozialismus*. P. 90, 98-99, 114-115; Braunthal J. *Geschichte der Internationale*. Hannover, 1963. Vol. 2. P. 223.

¹¹ Ленин. *Сочинения*. Т. 41. С. 416-417.

¹² См. Balabanoff. *Lenin*. P. 91-104.

¹³ См. Tasca. *Glauben, Gehorchen, Kämpfen*. P. 101; Rosenberg A. *Der Faschismus als Massenbewegung // Faschismus und Kapitalismus. Theorien über die sozialen Ursprünge und die Funktion des Faschismus* / Ed. W. Abendroth. Frankfurt/Main, 1967. P. 102.

¹⁴ Nenni. *Todeskampf der Freiheit*. P. 82-84.

¹⁵ См. *Ibid.* P. 63-64; Graf Sforza C. *Europäische Diktaturen*. Berlin, 1932. P. 58-60; Amendola. *Der Antifaschismus in Italien*. P. 43.

еще более эффективной линией обороны. То же самое происходит и в политике во время больших экономических кризисов»¹⁶. В сентябре 1920 года революционное движение в Италии достигло своего апогея. Это было время захвата фабрик бастующими рабочими. В течение нескольких недель они оккупировали предприятия, в которых работали. Но это революционное наступление, окончившееся без ощутимых успехов, подтвердило относительную силу существующей социальной структуры в Италии. Государственный кризис 1920 года был по своей природе прежде всего психологическим кризисом, писал Ненни. Итальянское государство еще прочно держало в своих руках материальную силу, но оно уже было не властно над убеждениями людей. Но из этого кризиса оно вышло окрепшим¹⁷. В октябре 1920 года, после того как спала революционная волна, Грамши писал, что как капиталистический лагерь, так и социалистическое движение в Италии в их настоящей форме взаимно исчерпались. Правящие слои в Италии не располагали политической партией, идеология которой могла бы охватить мелкобуржуазные слои и тем самым обеспечить дальнейшее существование легального государства на широкой основе. Господствующие классы, писал Грамши, наверняка прибегнут к военной диктатуре – единственному средству, которое способно обеспечить им сохранение власти¹⁸.

Но именно в тот момент, когда Грамши писал эти слова, в итальянской политике наметился новый поворот. Итальянские фашисты, до этого бывшие малозаметным явлением в политической жизни страны, превратились в политический фактор, способный взорвать сложившуюся политическую ситуацию. Вплоть до захватов фабрик в сентябре 1920 года попытки фашистского движения, оформившегося в марте 1919 года, освободить итальянских рабочих от так называемых «марксистских заблуждений» и перетянуть их на сторону идеи национального величия Италии оставались почти что безуспешными. Абсолютное большинство итальянских рабочих рассматривало СПИ как единственного представителя своих интересов¹⁹. Несмотря на безрезультатное окончание захватов фабрик в этой области в сущности мало что изменилось. Влияние СПИ на низшие слои итальянского общества всё еще было огромным. Посредством одной только пропаганды итальянским фашистам было бы не под силу осуществить политический поворот в Италии, даже после спада революционной волны. Для

¹⁶ Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 345-346.

¹⁷ Nenni. Todeskampf der Freiheit. P. 63-65.

¹⁸ Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 86f; Джорджио Амендоля считает, что Грамши более точно оценивал тогда положение в Италии, чем другие итальянские социалисты, которые считали, что единственной возможной реакцией итальянской контрреволюции на пролетарское наступление будет провозглашение традиционного для буржуазных государств чрезвычайно положения. Так думал тогда например Филипо Турати (Amendola. Der Antifaschismus in Italien. P. 43f.); Однако и Грамши в октябре 1920 г. говоря о возможной реакции врагов революции на «пролетарскую опасность» считал возможной всего лишь традиционную «военную диктатуру».

¹⁹ См. Lyttelton A. The Seizure of Power. Fascism in Italy 1919-1929. L., 1973. P. 47; Linz J. Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism // Fascism. A Reader's Guide / Ed. W. Laqueur. California, 1976. P. 14, 17.

этого требовалось применения «прямого насилия», т.е. террора против политических противников. Некоторые радикальные социалисты уже давно грозили буржуазии такими методами борьбы, но только на словах, а итальянские фашисты и в самом деле прибегли к ним и начали осенью 1920 свой истребительный поход против социалистов и их организаций. Весной 1921 года один из вождей СПИ Филипо Турати констатировал, что в Италии началась кровавая контрреволюция, последовавшая в ответ на чисто словесную революцию социалистов²⁰. Многими представителями итальянских высших слоев, живших с момента окончания войны в постоянном страхе перед «большевистской революцией», появление фашизма было воспринято как своего рода спасение. Присущие ему «неортодоксальные» методы борьбы их, как правило, не возмущали. Напротив, многим импонировала «решимость» фашистов. Их рассматривали как силу, которая не только поддерживает существующий порядок, но еще и «обновляет» его. От фашистов ждали окончательного уничтожения уже в принципе не существовавшей «большевистской угрозы»²¹.

Такого рода антимарксистские массовые движения, которые, несмотря на свои «контрреволюционные» цели, использовали революционные методы борьбы, не существовали в России в 1917 году. Некоторые теоретики Коминтерна понимали, что непродуктивно проводить параллели между процессами в России и в Италии²². События в Италии наглядно продемонстрировали теоретикам Коминтерна, что «революционные» ситуации могут быть использованы и отъявленными противниками рабочего движения. Этот неожиданный исход итальянского кризиса требовал пересмотра стратегии Коминтерна в Италии. Но так как Коминтерн был централизованной международной организацией, то его стратегия в одной стране, например, в Италии, была тесно связана с его глобальной стратегией. Помимо этого, ввиду преобладания большевистской партии в этой организации, стратегия Коминтерна находилась в тесной связи с внутри большевистскими и внутри советскими процессами. По этой причине для лучшего понимания исходной ситуации в Коминтерне при начале его конфронтации с итальянским фашизмом в 1920/1921 годах, необходимо дать краткий очерк его тогдашнего международного политического положения, а также внешне- и внутривнутриполитической ситуации советского государства.

²⁰ См. Nenni. *Todeskampf der Freiheit*. P. 75.

²¹ См. De Felice R. *Der Faschismus*. Ein Interview von M. A. Ledeen. Stuttgart, 1977. P. 43, 49.

²² В октябре 1922 г. Троцкий говорил о возникновении фашистских группировок в ряде европейских стран, о явлении, которого Россия не знала. Троцкий Л. *Пять лет Коминтерна*. М., 1924. С. 454.

2. Стратегический поворот Коминтерна и большевистского режима в 1921 году.

Примерно в то же время, когда потерпели крах захваты фабрик в Италии, было нанесено весьма ощутимое поражение красной армии в Польше во время польско-советской войны («чудо на Висле»). Еще один удар Коминтерн получил в Германии в марте 1921 года, где его эмиссары вовлекли КПП в безнадежное восстание. В результате этих трёх поражений вожди Коминтерна на время отказались от идеи прямого «штурма» мирового капитала. Поражение в Германии показало, что европейский пролетариат еще слишком слаб для того, чтобы осуществить революцию своими силами. С другой стороны, поражение в Польше показало, что Красная Армия была пока еще не в состоянии «принести мировую революцию в сердце Европы на острие своих штыков». Распространение революции за пределы границ бывшей царской империи тем самым не состоялось. Однако в то же самое время большевикам удалось установить свой контроль почти над всеми территориями прежней царской империи, разбив генерала Врангеля в ноябре 1920 года и завоевав Грузию в феврале 1921 года. В конечном счете, только прибалтийские государства, Финляндия, Польша, Бессарабия и Южный Сахалин (до 1925 г.) сумели уклониться от нового «собираения русских земель»²³, предпринятого большевиками.

В октябре 1917 года большевики захватили власть в России – «самом слабом звене в цепи мирового капитала» – с тем, чтобы уничтожить затем всю цепь путем мировой революции. Свою борьбу за власть в России они сначала понимали исключительно как служение делу мировой революции, а не как самоцель. Кроме того, они были убеждены, что без помощи революции в промышленных странах большевистский режим в России не выдержит схватку с «мировым капиталом». Но реальные процессы в период с 1918 по 1920 год опровергли прогнозы и ожидания большевиков. Они смогли утвердить свою власть в России без прямой поддержки со стороны революции на Западе. Но их власть осталась ограничена страной, которую они сначала рассматривали всего лишь как стартовую площадку к мировой революции²⁴. Это состояние едва ли можно было изменить в обозримое время. Для большевистского режима возникла жизненная необходимость установить нормальные отношения с «капиталистическими» странами. Один из вождей большевиков, Каменев, заявил в этой связи на 10 съезде РКП(б) в марте 1921 года: если бы пролетариат захватил власть хотя бы в одной крупной капиталистической стране, большевики не вели бы речь о «капиталистическом окружении» и об «уступках капиталистам». Но Советская Россия осталась в изоляции, и

²³ Так называли процесс объединения русских земель вокруг Великого Московского княжества на пороге Нового Времени.

²⁴ См. речь Ленина на 9-том съезде Советов в декабре 1921 г. Ленин. Сочинения. Т. 44. С. 292.

вследствие этого необходимо покончить с военной конфронтацией с капиталистическим миром и заключить с ним договоры²⁵.

Западные державы, со своей стороны, к концу 1920 года утратили надежду на скорый крах большевистского режима. Большевики одержали полную победу в гражданской войне. Надежда на то, что большевистскую партию в обозримом будущем заменит другая политическая сила, была нереальной. Желание включить большевистскую Россию в общую структуру мирового хозяйства и международной политики всё более четко обнаруживалось у «капиталистических» правительств после окончания гражданской войны в России²⁶.

Крупный большевистский деятель и дипломат Абрам Иоффе следующим образом характеризовал тогдашнюю ситуацию: Взаимная борьба полностью истощила как большевиков, так и «империалистов». Обе стороны поняли, что они слишком слабы, чтобы уничтожить врага. Поэтому они вынуждены какое-то время сосуществовать друг с другом²⁷.

Началась постепенная нормализация отношений между обоими противниками, которые всё больше понимали, что их конечная цель – тотальное уничтожение противоположной стороны – недостижима. Вследствие этого идеологические противники вынуждены были отказаться от политики чистых принципов и ориентироваться на неудобное и непривычное, но в то же время неизбежное сосуществование. И как раз в тот момент, когда и западные демократии, и большевики отказались от немедленного осуществления своих идеологических целей, решив перейти к прагматической политике, неожиданно выросла третья сила – правый экстремизм, который не намерен был считаться с планами обоих прежних противников и который внес существенное замешательство в оба лагеря. Цель тотального уничтожения внешнеполитического противника, от которой к началу 1921 года отказались как коммунисты, так и их демократические противники, была теперь взята на вооружение правыми экстремистами. Вопрос о том, должно ли дело дойти до тотальной конфронтации между коммунизмом и «капиталистическим миром» или нет, решался теперь не только коммунистами и западными демократическими странами. По этой причине тактический поворот, осуществленный Коминтерном в 1921 году, не привел к результатам, которых первоначально от него ожидали²⁸.

Как известно, весной 1921 года большевистское руководство было вынуждено отказаться от революционного наступления не только во внешней, но и во внутренней политике. Здесь оно тоже на время отказалось от попыток немедленно осуществить свои идеологические принципы, и заменило непримиримую политику военного коммунизма более умеренной Новой экономической политикой. С

²⁵ Десятый съезд РКП (б). 1921. Стенографический отчет. М., 1963. С. 450-451.

²⁶ См. Fischer L. The Soviets in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World 1917-19. Princeton/N.J., 1951. P. 279.

²⁷ Eudin X., Fisher H. Soviet Russia and the West 1920-1927. Documentary Survey. Stanford/California, 1957. P. 63-64.

²⁸ См. следующую главу этой статьи.

полной зависимостью всех важнейших областей жизни общества от государства, как это было типично для военного коммунизма, было покончено. Многие экономические и социальные сферы постепенно были высвобождены от прямого контроля со стороны государства²⁹. Террор тоже был ослаблен.

Благодаря этому большевикам удалось преодолеть до некоторой степени внутривнутриполитическую изоляцию своего режима. НЭП, проводившийся внутри страны, соответствовал в рамках Коминтерна политике сотрудничества с европейскими социал-демократами, единому фронту, провозглашенному на 3-ем Конгрессе Коминтерна в июне 1921 года³⁰.

Поражение КПГ в марте 1921 года показало, сколь немногочисленны были коммунисты, даже самая сильная нерусская компартия – КПГ –, если они в одиночку борются против «капиталистического» государственного аппарата. Теперь руководство Коминтерна рассматривало преодоление коммунистами изоляции внутри рабочего движения как важнейшую задачу, которой оно придавало такое же значение, как и попыткам вывести большевиков из изоляции внутри России³¹. Но отказ руководства Коминтерна от «революционного наступления» внутри Коминтерна принимался не без протестов. Он наталкивается на ожесточенное сопротивление левых коммунистов, которые упрекали большевиков в недостаточном понимании положения в Западной Европе. Один из теоретиков левых, голландский коммунист Гортер, уже в октябре 1920 года упрекал руководство Коминтерна в слишком большой готовности к компромиссам с некоммунистическими силами и организациями – то есть, еще до официального провозглашения политики единого фронта с социал-демократами. По его словам, руководство Коминтерна извращало положение на Западе, требуя от коммунистов работы в профсоюзах и в парламенте и сотрудничества со Вторым Интернационалом. Работа с этими организациями и внутри них имеет смысл только для эволюционного осуществления реформ, а не для подготовки революции. У европейского пролетариата нет союзников в его революционной борьбе, утверждал Гортер, так как все другие классы западного общества заинтересованы в сохранении существующей системы³².

На упреки Гортера и других западных коммунистов, что большевики не понимают ситуации на Западе и пытаются на всё смотреть «сквозь русские очки» большевистские вожди отвечали не менее весомым контраргументом: большевист-

²⁹ Эта либерализация ограничивалась, однако, только сферой экономики и культуры, но ни в коем случае не затрагивала политической монополии большевиков на власть. Непосредственно после провозглашения НЭПа единственные, кроме большевиков еще легально существующие партии в стране – эсеры и меньшевики – были запрещены. Политическая деятельность вне правящей партии рассматривалась теперь как своего рода уголовное преступление. См. Schapiro L. *The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State. First Phase 1917-1922*. L., 1955.

³⁰ См. Ленин. Сочинения. Т. 44. С. 31-32; Degras J. *The Communist International 1919-1943. Documents selected by Jane Degras, L., 1956, Vol. 1. P. 307-308.*

³¹ См. Degras. *The Communist International*. Т. 1. P. 216; Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 436.

³² Gruber. *International Communism in the Era of Lenin*. P. 231-240.

ская партия является единственной секцией Коминтерна, которая располагает опытом победоносной революции и победоносной гражданской войны. А вот западные коммунисты, которые критикуют большевиков, делают это с совершенно абстрактных, далеких от реальности позиций³³. Эти аргументы большевиков звучали вполне убедительно. В вопросах революционной тактики и завоевания власти большевики намного превосходили западных коммунистов. Однако этот политический опыт, коренился в специфике России. Попытки перенести его на Запад заканчивались, как правило, полным крахом. Поэтому некоторые западные коммунисты и пытались убедить большевиков, что применение «русских» методов на Западе неоправданно. Как большевики, так и их западные оппоненты были до такой степени убеждены в собственной правоте, что сближение их позиций было неразрешимой задачей³⁴.

В этой полемике позиции большевиков были гораздо крепче, чем позиции их западных критиков. Во-первых, после провала революции на Западе Коминтерн гораздо больше зависел от большевиков, чем большевики – от Коминтерна. Во-вторых, миф большевистской революции оказывал на массы западных коммунистов такое мощное воздействие, что любое сомнение в авторитете большевистской партии было затруднено. Третье, и последнее, коммунисты чрезвычайно гордились тем, что III Интернационал представлял собой централизованную и дисциплинированную всемирную партию, а не свободный союз автономных национальных партий, как II Интернационал. Заповедь поддержания революционной дисциплины имела внутри Коминтерна такую высокую ценность, что оппоненты большевиков, не желая рисковать своим исключением из Коминтерна, сдерживали свою критику в определенных границах. Третий Конгресс был важной вехой в процессе дисциплинирования Коминтерна. Ленин сознательно отделил себя на этом Конгрессе как от правых, так и от левых «уклонистов». Наряду с исключением «правого» вождя КПП Пауля Леви, он требовал также исключения и левой КРПГ³⁵.

Сформулированные на 2-ом Конгрессе Коминтерна (август 1920 г.) 21 условие приема рабочих партий в Коминтерн были подтверждены на 3-ем Конгрессе³⁶. Целью этих 21 условий было превращение Коминтерна в строго дисциплинированную и централизованную организацию по образцу большевистской партии. Но тут следует заметить, что 21 условие приема в Коминтерн в конечном счете было лишь постулатом, который на этапе ленинской фазы истории Коминтерна никогда не удалось осуществить. Несмотря на периодические исключения и наказания за нарушение партийной дисциплины, многообразие мнений в Комин-

³³ См. речь Карла Радека на 3-ем конгрессе Коминтерна. Protokoll des III. Kongresses der Kommunistischen Internationale. Moskau 22. Juni bis 12. Juli 1921. Hamburg, 1921. P. 443.

³⁴ См. на эту тему Rosenberg A. Geschichte des Bolschewismus. Frankfurt/Main, 1966. P. 195-196, 260.

³⁵ В письме Зиновьеву от 10-го июня 1921 Ленин считал, что принятие КРПГ в Коминтерн было ошибкой. Эту ошибку надо как можно скорее исправить. Ленин. Сочинения. Т. 52. С. 267.

³⁶ Protokoll des III. Kongresses der Komintern. P. 408.

терне не могло быть устранено. Полное подчинение этой организации, как и большевистской партии, руководству, наступило только после многолетней ожесточенной борьбы за власть внутри большевистской партии и внутри Коминтерна³⁷. Это значительное разнообразие мнений, которое сохранялось в Коминтерне в начале 1920-тых годов, не могло не оказать сильного влияния на дискуссию о фашизме в Коминтерне.

Первый акт всемирной революционной драмы закончился для большевиков лишь частичным успехом. Они, тем не менее, были убеждены, что наступившее в 1921 году замедление мирового революционного процесса следует рассматривать всего лишь как перерыв между первым и вторым актом драмы. Как они представляли себе этот второй акт? Тщательный анализ их прогнозов в 1921-22 годах свидетельствует, что они ожидали почти что механического повторения первого акта. Так как первая мировая война не привела к ожидавшемуся большевиками «закату капитала», то они ожидали следующей мировой войны, с которой они связывали надежды на окончательное уничтожение капиталистической системы.

Соперничество из-за рынков сбыта, по мнению ведущих большевистских идеологов, только усилилось вследствие мировой войны. Так как соперничество принадлежит к сущности «капитализма», то новые войны за передел мира неизбежны до тех пор, пока существует «капитализм». Исключение Германии из этой конкуренции в конечном счете привело к тому, что противоречия переместились в лагерь победителей. Американско-английское соперничество из-за морской гегемонии и американско-японский конфликт из-за влияния на Дальнем Востоке были, по мнению большевистских идеологов, важнейшими противоречиями в лагере победителей, которые непременно должны были привести к новой мировой войне. Уже в августе 1920 года Троцкий сказал, что к 1923 году Соединенные Штаты будут преобладать над английским флотом. И это решит вопрос о том, быть или не быть британской всемирной империи. Это означает непримиримый конфликт между Англией и США, ибо в «империалистическом» мире не может быть двух господ. Таким образом, после разрушительной мировой войны готовится новая, еще более ужасная война³⁸. Ленин тоже считал неизбежной войну между державами-победителями за «раздел добычи» и за рынки сбыта. Это соперничество между «империалистическими» державами он рассматривал как постоянную величину в мировой политике³⁹. Высказывания большевистских вождей в период

³⁷ Некоторые историки считают, что идейный плюрализм в Коминтерне уже в ленинский период был ликвидирован (См. Gruber. *International Communism in the Era of Lenin*. P. 14-15; Wenzel O. *Die Kommunistische Partei Deutschlands im Jahre 1923*. Berlin, 1955. P. 2). Высказываниями такого рода эти авторы недооценивают того качественного перелома, который произошел в Коминтерне после полной победы сталинской фракции над ее соперниками.

³⁸ Eudin, Fisher. *Soviet Russia and the West*. P. 41f.; Такого же мнения придерживался и большевистский теоретик Е. Варга (Varga E. *Die Krise der kapitalistischen Weltwirtschaft*. Hamburg, 1921. P. 61-63.).

³⁹ Ленин. Сочинения. Т. 42. С. 23, 44, 57.

1920-1921 годов указывают на то, что они рассматривали будущее как своего рода новое издание прошлого. Случайному и абсолютно новому они не придавали никакого значения. Согласно воззрениям ведущих большевистских идеологов, капиталистический мир подчинялся определенным неизменным законам, которые определяли происходящее гораздо больше, чем субъективные желания или нежелания «капиталистов». В основе этой веры лежал специфический консерватизм большевистского мышления. В политическом анализе, проводимом большевиками, всегда было множество сравнений и параллелей, так как они усматривали в новых процессах и феноменах в первую очередь повторение старого.

Когда большевики после спада первой революционной волны составляли в 1920-1921 годах прогнозы относительно будущего развития капиталистического мира, они едва ли осознавали, до какой степени мир 1921 года отличался от мира 1914 года. Закономерности, действовавшие до 1914-го, и даже до 1917-го года, в связи с процессами, начавшимися в 1914 году, почти полностью утратили свою силу. И сами же большевики внесли в это значительный вклад. Но их вожди сначала недооценили масштабы нарушения равновесия в западном мире вследствие двойного вызова: со стороны мировой войны и со стороны большевистской революции. В своей речи на 9 съезде советов в декабре 1921 года Ленин говорил об определенном равновесии, которое якобы установилось в мире⁴⁰. Поразительная до тех пор политическая интуиция Ленина на сей раз ему отказала. Равновесие, которого Европа, якобы, достигла в 1921 году, было ничем иным как фасадом, обманчиво скрывавшим пропасть, которая отделяла послевоенную Европу от довоенной. Поэтому было наивно заимствовать модели для будущего развития Европы из прошлого, как это делали некоторые большевистские идеологи еще в 1921 году. Мощные преобразования, пережитые Европой в период с 1914 по 1920 годы, с необходимостью должны были породить качественно новые, неподвижные феномены, которые опрокидывали все большевистские прогнозы на будущее, сделанные в 1920-1921 годах.

Бросается в глаза то, что большевики в своем анализе послевоенного порядка значительно переоценивали его устойчивость. Они хотя и говорили постоянно о скором крахе Версальских договоров, все же считали при этом, что нужна новая мировая война, чтобы это произошло. Но одну только новую мировую войну они считали недостаточной, чтобы уничтожить послевоенный порядок. Эта война должна была сопровождаться всеобщим восстанием всех угнетенных народов мира против держав, победивших в первой мировой войне. Большевики были твердо убеждены в том, что весь мир, за исключением Советской России, находится под контролем держав-победительниц. Поэтому они мечтали о направленной против этих держав коалиции всех зависимых и угнетенных народов под руководством Москвы, в состав которой вошло бы 70% населения всего мира⁴¹. И

⁴⁰ Там же. Т. 44. С. 291, 296.

⁴¹ Чичерин Г. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 182, 193-205; Ленин. Сочинения. Т. 41. С. 216-218 и Т. 42. С. 71-72.

побежденная Германия, и зависимые и полузависимые страны Азии и Африки объединялись большевиками в одном понятии – колонии Антанты⁴². Это безмерное преувеличение мощи держав-победительниц, и прежде всего Британской империи, свидетельствует о том, как трудно было большевикам освободиться от своих устаревших представлений. Джордж Кеннан говорил, что в 20-х годах большевики так же мало сомневались в мощи Британской империи, как и сами англичане⁴³.

3. Коминтерн и процессы развития в Италии в 1921/1922 годах (до похода на Рим)

Когда революционное наступление итальянского рабочего движения осенью 1920 года было приостановлено, у руководства Коминтерна не возникло ни малейших сомнений в том, что эта неудача объясняется в первую очередь наличием в СПИ «реформистов», сознательно саботировавших революционную борьбу итальянских рабочих. Намерения Коминтерна были нацелены на исключение «реформистского» крыла из СПИ, причем любой ценой. Решающая схватка произошла на 17-ом Конгрессе СПИ в Ливорно, в январе 1921 года. Ультимативные условия Коминтерна, которые были переданы эмиссарами ИККИ – Кабакчиевым и Ракоши, были отклонены большинством СПИ⁴⁴. Так дело дошло до раскола, в результате которого меньшинство под руководством Амадео Бордига, конституировавшееся как коммунистическая партия, одно осталось в Коминтерне. Большинство партии под руководством Серрати было исключено из Коминтерна⁴⁵. Ангелика Балабанова назвала несколько лет спустя СПИ первой жертвой самоубийственной политики Коминтерна⁴⁶. Глава КПГ Пауль Леви, принимавший участие в Конгрессе СПИ в Ливорно, назвал раскол СПИ непростительной ошибкой⁴⁷. Но с другой стороны остается под вопросом, смогла ли бы СПИ сохранить своё единство даже без вмешательства руководства Коминтерна. К началу 1921 года уже почти не было ничего общего между левым крылом СПИ и большинством партии. Даже такой непримиримый критик политики Коминтерна в Италии как Анджело Таска сказал в 1938 году, что раскол СПИ был неизбежен⁴⁸. Еще за несколько месяцев до раскола, в октябре 1920 года, Антонио Грамши писал, что внутри СПИ уже сложилась коммунистическая партия, которая те-

⁴² См. речь Льва Каменева на 10-ом съезде большевистской партии. Десятый съезд РКП (б). С. 451-452; Varga. Die Krise der kapitalistischen Weltwirtschaft. P. 42-43, 58.

⁴³ Kennan G. F. Sowjetische Außenpolitik unter Lenin und Stalin. Stuttgart, 1961. P. 303-305.

⁴⁴ Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 284-285, 295-299, 309-312.

⁴⁵ Ibid. P. 284-284.

⁴⁶ Balabanoff A. Erinnerungen und Erlebnisse. Berlin, 1927. P. 261.

⁴⁷ Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 304-305.

⁴⁸ Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 116.

перь должна только конституироваться официально⁴⁹. Следовательно, спасти единство партии едва ли было возможно. Но для итальянских рабочих стало трагедией то обстоятельство, что раскол произошел именно в тот момент, когда итальянское рабочее движение стало жертвой террористического наступления фашистов.

Третий конгресс Коминтерна в июне 1921 г. интенсивно занимался проблемой краха революционного наступления итальянского рабочего движения осенью 1920 года. Летом 1920 года Италия была тем европейским государством, которое ближе всех подошло к пролетарской революции, сказал в своем докладе глава Коминтерна Зиновьев. Итальянская буржуазия была полностью деморализована, её окончательное поражение было вполне возможно. Но в то время как итальянские рабочие понимали захваты фабрик как революционную борьбу за власть, «центристское» руководство партии видело в них лишь «тред-юнионистскую» борьбу за улучшение условий труда и повышение заработной платы. Это противоречие между целями трудящихся масс Италии и намерениями их вождей предопределило провал революционной борьбы в Италии⁵⁰. Не менее резко чем Зиновьев критиковал руководство СПИ и Карл Радек. Он сослался на высказывание итальянского премьер-министра Джиолитти, заявившего в сентябре 1920 года, что всей итальянской армии не хватит, чтобы силой покончить с захватами фабрик со стороны рабочих. Самый умный представитель итальянского «капитала» сам признавал, по словам Радека, что в сентябре 1920 года итальянское правительство было бессильно. И именно в этой ситуации руководство СПИ уклонилось от продолжения борьбы⁵¹.

Здесь нельзя забывать, что такая резкая критика «реформистов» прозвучала на конгрессе, на котором руководство Коминтерна осуществило стратегический поворот и провозгласило политику единого фронта с социал-демократией. Эта политика должна была проводиться и по отношению к Италии. Итальянские коммунисты тоже должны были начать работу внутри социал-демократических профсоюзов и других организаций. Для многих европейских коммунистов наверняка было нелегко понять тактический ход мыслей руководства Коминтерна. Как можно было стремиться к сотрудничеству с политическими силами, которые в то же время характеризовались как «предатели» рабочего класса? Особенно трудно было это понять итальянским коммунистам. Раскол с «реформистами» и «центристами» в Ливорно итальянские коммунисты воспринимали как окончательный разрыв⁵². Требование Коминтерна сотрудничать именно с этими силами для предотвращения наступления «капитала» большинство итальянских коммуни-

⁴⁹ См. статью „Die Kommunistische Partei“/ Gramsci. Philosophie der Praxis.

⁵⁰ Protokoll des III. Kongresses der Komintern. P. 166-180.

⁵¹ Ibid. P. 450; см. также Ленин. Сочинения. Т. 44. С. 17-18, 27.

⁵² См. Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385ff.; Togliatti P. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI in den Jahren 1923-1924 / Togliatti, Reden und Schriften. Eine Auswahl. Frankfurt/Main, 1967. P. 162-195.

стов считало абсолютно неприемлемым⁵³. Непреклонная позиция итальянских коммунистов по отношению к социалистам⁵⁴ была резко осуждена руководством Коминтерна. Ленин утверждал, что решающую роль в победе большевиков в 1917 году сыграл тот факт, что большевистская партия благодаря своей программе сумела тогда завоевать симпатии масс. В Италии о такого рода укорененности коммунистов в массах, являющейся непременным условием для победы революции, не могло быть и речи. Поэтому выход из изоляции является для КПИ велением времени⁵⁵. Полемика руководства Коминтерна как против итальянских коммунистов, так и против итальянских социалистов однозначно указывала на то, что итальянское рабочее движение не подчинялось коминтерновской дисциплине. Все группировки в итальянском рабочем движении чувствовали себя непонятыми Москвой и оставленными на произвол судьбы. Но влияние Коминтерна на события в Италии было всё же слишком незначительным, чтобы возлагать на него одного всю ответственность за поражение итальянского рабочего движения, которое было порождено прежде всего внутренними итальянскими причинами.

Уже на 3-ем конгрессе Коминтерна некоторые докладчики обратили внимание на разрушительные последствия контрнаступления фашистов. Тон, в котором проводилась дискуссия о фашизме, был относительно трезвым, попытки приукрасить положение почти не предпринимались. В докладе Радека успехи фашистов объяснялись прежде всего тем, что после неудачи захватов фабрик в сентябре 1920 года буржуазия больше не боялась социалистов. СПИ продемонстрировала, что она сама боится борьбы. Это поведение вождей СПИ подорвало решительность итальянского пролетариата в его борьбе за власть и вдохновило фашистов к „дикому походу против рабочих“⁵⁶. Другую причину успехов фашистов руководство Коминтерна усматривало в широкой поддержке фашистов со стороны итальянского государственного аппарата.

Спустя примерно год после начала фашистского контрнаступления, в сентябре 1921 года, итальянский коммунист, взявший себе псевдоним «Ардито Россо»⁵⁷, описывал положение социалистического движения в Италии следующим образом: за несколько месяцев была разрушена вся структура социалистических организации, произошел развал социалистического движения в целом. Многие активные социалисты удалились от политической жизни, а многие перебежали на сторону фашизма. Рабочие оказались без идеологии и без вождей. В 1920 году СПИ была единственной реальной политической силой в Италии; а теперь социалистическое движение утратило всякое влияние⁵⁸.

⁵³ См. на эту тему Amendola. *Der Antifaschismus in Italien*. P. 55.

⁵⁴ Ленин. *Сочинения*. Т. 44. С. 26.

⁵⁵ Там же. С. 29-30; см. также Троцкий. *Пять лет Коминтерна*. С. 219, 230-231.

⁵⁶ *Protokoll des III. Kongresses der Komintern*. P. 450-52.

⁵⁷ *Bulletin des III. Kongresses der Komintern*. Moskau, 1921. P. 18-19.

⁵⁸ Ardito Rosso, *Perspektiven und Lehren der revolutionären Krisis in Italien // Die Kommunistische Internationale*. 1921. Nr. 18. September. P. 114-120.

И вот в рамках Коминтерна развернулась ожесточенная дискуссия о характере фашистского движения. Сначала была предпринята попытка отождествлять фашизм с уже знакомыми контрреволюционными течениями. Фашистов называли «белогвардейцами», а фашистский террор – «белым террором»⁵⁹. Белая гвардия воплощала для большевиков до наступления фашизма наиболее радикальное проявление контрреволюции. Большевикам потребовалось время, прежде чем они поняли, что в лице фашизма они получили качественно нового противника, который мог оказаться намного опаснее, чем были их прежние «белые» противники. Вследствие этого важнейшим вопросом в коминтерновской дискуссии о фашизме был вопрос о том, является ли фашизм инструментом «капитала» и господствующих классов Италии, или же он представляет собой самостоятельную силу с особыми целями, которые не имеют ничего общего с целями властвующей элиты в Италии. Последнего мнения придерживался уже упоминавшийся коммунистический автор Ардито Россо. В сентябре 1921 года он писал, что фашизм представляет собой организацию широких слоев, далеких от капитализма, несмотря на то, что капитализм их поддерживает и организует. Капиталистам удалось организовать активные элементы мелкой буржуазии, хотя сомнительно, что эти силы, вызванные им к жизни, ему удастся надолго удержать под своим контролем. Фашисты развязывают безудержную активность, не обращая внимания на попытки капиталистов удержать её в рамках. Многие коммунисты, пишет Россо, придерживаются мнения, что фашизм в конечном счете является всего лишь инструментом капиталистов, а его кажущаяся независимость – всего лишь обман. Но на самом деле фашисты выражают самостоятельные тенденции, и не желают иметь ничего общего с другими буржуазными партиями. Таким образом, буржуазный блок содержит опасный фашистский элемент, который подрывает его экономическую и политическую структуру⁶⁰.

Антонио Грамши тоже указывал на относительно автономный, сложный и внутренне противоречивый характер фашизма. В августе 1921 года Грамши писал, что, собственно говоря, существуют два вида фашизма. Первый – под руководством Муссолини – является относительно умеренным и стремится к сотрудничеству с социалистами и либеральной христианско-демократической партией (пополари). Фашизм второго рода носит бескомпромиссно-антипролетарский характер и представляет интересы землевладельцев (аграриев)⁶¹. Эти слова Грамши написал под впечатлением пакта о ненападении, который Муссолини предложил заключить с руководством СПИ в июле 1921 года. То крыло фашистской партии, которое поддерживали крупные землевладельцы, решительно отвергло подобного рода соглашение⁶². На фашистском конгрессе в Риме в ноябре

⁵⁹ См. Protokoll des III. Kongresses der Komintern. P. 451; Bulletin des III. Kongresses der Komintern. P. 18-19.

⁶⁰ Ardito Rosso, Perspektiven und Lehren der revolutionären Krisis. P. 120-123.

⁶¹ Gramsci A. Socialismo e Fascismo. L'Ordine Nuovo 1921-1922. Turin, 1971. P. 297-299.

⁶² См. Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 173-173, 181-183.

1921 года Муссолини под давлением крайних антипролетарских группировок вынужден был отказаться от пакта о ненападении с социалистами⁶³. Совсем другую точку зрения на характер фашизма чем Грамши и Ардито Россо отстаивало левое большинство в КПИ. От имени этого большинства в ноябре 1921 года выступил Умберто Террачини; фашизм – это состояние насилия буржуазного класса, неотделимое от уже существующих буржуазных партий и не обладающее собственными чертами. Деятельность фашистов в парламенте и в правительстве ничем не будет отличаться от деятельности нормальных буржуазных конституционных партий⁶⁴.

Эти взгляды имели тяжелые последствия для тактики КПИ в борьбе против фашизма. Так как левое руководство КПИ не желало видеть существенного различия между фашизмом и буржуазной демократией, то и борьбу фашистов за установление единоличной власти в Италии оно считало внутренним делом буржуазного класса. В своей работе «Возникновение группы лидеров коммунистической партии Италии в 1923-1924 годах», опубликованной в 1962 году, Пальмиро Тольятти подвергает резкой критике эту позицию КПИ. Левое руководство КПИ вплоть до прихода к власти фашистов придерживалось мнения, что пролетариат не должен проводить различие между разными группировками буржуазии, борющимися за власть. КПИ в то время оспаривала, что возможен фашистский государственный переворот в собственном смысле слова, так как сущность государства при этом не будет затронута⁶⁵. Даже Антонио Грамши, который во многих вопросах был не согласен с левым руководством КПИ во главе с Бордигой, не видел возможности сотрудничества с либеральным государством в целях приостановки наступления фашистов. И он тоже не стремился что-либо предпринять, чтобы спасти либеральное буржуазное государство. Полный распад буржуазной парламентской демократии в Италии является предпосылкой для революции, заявлял он в январе 1922 года⁶⁶. 2-й конгресс КПИ в Риме в марте 1922 года подтвердил леворадикальный курс. В тезисах, которые он принял, отрицалось качественное различие между буржуазной демократией и фашизмом⁶⁷. В июле 1922 года Террачини сказал в этой связи: Ни одно буржуазное правительство не может вести борьбу против фашизма, ибо оно тогда в скором времени столкнется с подъемом пролетарского рабочего движения, удержать которое можно только

⁶³ Ibid. P. 196-199; Lyttelton. The Seizure of Power. P. 73.

⁶⁴ Terracini U. Der Faszistenkongreß und der Streik in Rom // Inprekorr. 22.11.1921. Nr. 26. P. 229-230; См. также Thesen der KPI zur Frage der Taktik // Inprekorr. 23.5.1922. Nr. 74. P. 572.

⁶⁵ Idem. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 191-192; см. также Togliatti. Die italienische kommunistische Partei. Frankfurt/Main, 1979. P. 42-43. См. также Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 127-128; Лопухов Б. Фашизм и рабочее движение в Италии 1919-1929 гг. М., 1968. С. 121-122.

⁶⁶ Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 105.

⁶⁷ Thesen der KPI zur Frage der Taktik // Inprekorr. 23.5.1922. P. 572; см. также Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. Torino, 1967-1969. Vol. 1. P. 181-183; Лопухов. Фашизм и рабочее движение. С. 152-153.

средствами вооруженного фашистского террора⁶⁸. Большинство итальянских коммунистов хотело победить фашизм в одиночку, не идя ни на какие компромиссы с другими итальянскими партиями. Этот пункт стал предметом все усиливающейся полемики между Исполкомом Коминтерна и руководством КПИ⁶⁹. Эти тезисы 2-го съезда КПИ следующим образом характеризовались на пленарном заседании ИККИ в июне 1922 года: «Тезисы итальянского партийного съезда о тактике свидетельствуют о том, что итальянская партия не преодолела "левокоммунистические" заблуждения, отвергнутые 3-им конгрессом. Её позиция по вопросу о едином фронте, который она признает в сфере профсоюзной деятельности, но не одобряет в области политики, свидетельствует о практических опасностях, которые вытекают из теоретических ошибок»⁷⁰. Тольятти пишет (1962), что только относительно незначительное меньшинство в КПИ под руководством Грамши не возражало против сотрудничества с социалистами в борьбе против фашизма⁷¹. Но до захвата власти фашистами такие взгляды внутри КПИ не получили поддержки. КПИ продолжала говорить о «предательстве» социалистов и призывала рабочих к борьбе как с фашистами, так и с социалистами⁷². Тогдашнее поведение коммунистов Таска комментировал впоследствии такими словами: «КПИ призывала к борьбе не на жизнь, а на смерть против фашизма, но на деле она предприняла не больше, чем СПИ. По-настоящему и всерьез коммунисты вели борьбу только против социалистов. Всё остальное было бессильной демагогией»⁷³.

В начале октября 1922 года в Италии произошло событие, которое Коминтерн воспринял как подтверждение правильности своей тактики. Максималистское большинство СПИ под руководством Серрати исключило из партии на съезде в Риме правое крыло под руководством Турати, Модильяни и Маттеоти⁷⁴. Тем самым было выполнено требование Коминтерна двухлетней давности. Новому принятию СПИ в Коминтерн уже ничто не препятствовало. Зиновьев, принадлежавший к тем руководителям Коминтерна, которые не скупались на победоносные сообщения, сразу же после съезда СПИ провозгласил: «Труден и тернист путь итальянского пролетариата, но самое трудное он, кажется, уже преодолел... Лучшие дни для итальянского рабочего движения не заставят себя ждать»⁷⁵. Зиновьев написал эти слова в то время, когда итальянские рабочие организации после двухлетнего фашистского террора были почти разрушены, а вся инфраструк-

⁶⁸ Terracini. Die Ministerkrise in Italien // Inprekorr. 29.7.1922. Nr. 148. P. 949-950.

⁶⁹ См. Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 178-186; Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385-387.

⁷⁰ Radek. Die Resultate der Erweiterten Exekutiv-Sitzung // Inprekorr. 17.6.1922. Nr. 100. P. 712.

⁷¹ Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 175-80.

⁷² Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385-391; Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 244.

⁷³ Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 189.

⁷⁴ Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385; Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 181.

⁷⁵ Zinov'ev. Der Sieg der Kommunistischen Internationale // Inprekorr. 10.10.1922. Nr. 197. P. 1318.

тура итальянского рабочего движения находилась в состоянии распада. Но оптимистическая оценка Зиновьевым положения в Италии ни в коем случае не разделялась всеми членами Коминтерна. Позиция немецкого коммуниста Пауля Бёттхера в вопросе о расколе СПИ, опубликованная в теоретическом органе КПГ «Ди Интернационале» в октябре 1922 года, не содержит особой уверенности в победе. Он описывает безрадостное положение итальянского рабочего движения, его атомизацию и дезинтеграцию: «... Рабочий класс потерял всякое доверие к своим вождям. За короткое время рабочие в массовом порядке вышли из профсоюзов. От двух миллионов членов в 1920 году сейчас осталось приблизительно 700.000. Союз сельскохозяйственных рабочих, насчитывавший в свои лучшие времена 800.000 членов, исчез с лица земли. Состав членов СПИ сократился от 200.000 членов в 1919 году до 65.000 человек»⁷⁶. Не менее пессимистично положение в Италии описывал Троцкий в своей речи 20 октября 1922 года в связи с 5-летием Октябрьской революции: В период с 1921 по 1922 год мы были свидетелями ужасающего отступления рабочего класса под ударами объединенных буржуазных и мелкобуржуазных группировок, которые мстили за тот страх, который буржуазия пережила в сентябрьские дни 1920 года. Фашизм – это неофициальное правительство, которое не связано никакими демократическими нормами. Итак, мы видим, с какими чудовищными трудностями сталкиваются западные коммунисты⁷⁷. Это было одно из первых высказываний Троцкого о фашизме, о той политической силе, изучение и борьба с которой стали впоследствии одной из его жизненных задач. Но ценность этой интересной попытки Троцкого дать определение фашизма снижается тем, что он ставил на одну ступень такое мощное массовое движение как итальянский фашизм с военными организациями вроде «Оргеш» в Германии или роялистами под предводительством Леона Додево в Франции, которые он тоже называл «фашистскими». Сравнивая эти организации с итальянским фашизмом, Троцкий стремился обратить внимание на то, что фашизм – это не чисто итальянское, а общеевропейское явление. Несмотря на эту оговорку можно сказать, что в отличие от Зиновьева, Троцкий правильно понимал масштабы поражения итальянского рабочего движения накануне прихода к власти фашистов⁷⁸.

4. Реакция Коминтерна на поход на Рим

Фашистский государственный переворот в Италии не был для руководства Коминтерна такой неожиданностью, как представляют сегодня некоторые исследо-

⁷⁶ Böttcher P. Ein neuer Sieg der Kommunistischen Internationale. Zur Spaltung der Sozialistischen Partei Italiens // Die Internationale. 1.11.1922. P. 263.

⁷⁷ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 437-438, 454-455.

⁷⁸ Там же. С. 454-455.

ватели фашизма, например, Эрнст Нольте и Вольфганг Шидер⁷⁹. В Коминтерне уже больше года полным ходом шла дискуссия о фашизме. Многие идеологи Коминтерна еще до похода на Рим осознали как силу фашизма, так и его намерение установить в Италии свое единоличное господство. Дискуссия о фашизме, состоявшаяся в Коминтерне после фашистского государственного переворота, явилась продолжением дискуссии, начатой еще в 1921 году. Но вполне понятно, что такое яркое событие, как поход на Рим, способствовало оживлению этой дискуссии. Этому способствовало и открытие 4 конгресса Коминтерна, состоявшееся спустя несколько дней после государственного переворота в Италии. На некоторое время Италия оказалась в центре внимания Коммунистического Интернационала.

Фашистский государственный переворот в Италии поколебал утверждение Ленина от 1921 года о том, что в мире восстановлено некоторое равновесие.

«Капиталистический» мир, дестабилизированный мировой войной и большевистской революцией, тогда только начинал приходить в движение. Панический страх перед революцией привел его к тому, что он отдал себя в руки наиболее радикальных противников марксизма.

Радек оценил фашистский государственный переворот как одно из самых тяжелых поражений в истории рабочего движения и как один из величайших успехов в «капиталистическом» контрнаступлении. В своей речи на 4 конгрессе Коминтерна он сказал: «В победе фашизма я вижу не только механическую победу оружия фашистов, но и самое большое поражение, которое потерпел социализм и коммунизм с начала периода мировой революции»⁸⁰. Это поражение было для Радека гораздо более серьезным, чем поражение Венгерской советской республики, так как ответный удар в Италии явился результатом духовного и политического, упадка итальянского рабочего движения⁸¹. Троцкий тоже видел в фашистском перевороте апогей «капиталистического» контрнаступления, которое началось в Европе с конца 1920 года. На 4 конгрессе Коминтерна он сказал: В Италии за недоведенной до конца революцией последовала доведенная до конца контрреволюция, которая не без успеха восприняла некоторые методы революции. Западная буржуазия, гораздо более дальновидна, чем русская. Ошеломить её так, как это сделали в 1917 году большевики с русской «буржуазией» в 1917 году, чрезвычайно трудно. Европейская буржуазия мобилизует не только свой авангард, но и все свои резервы, чтобы в зародыше задушить все революционные попытки пролетариата⁸². Но всё же Троцкий был менее пессимистичен, чем Радек. Свой осторожный оптимизм он обосновывал аналогией между тогдашним положением в Европе и ситуацией в России после неудачной революции 1905 года. В 1905 году русский «пролетариат» так же близко стоял к победе, как и западноев-

⁷⁹ Nolte E. Theorien über den Faschismus. Köln, 1967. P. 22; Schieder W. Faschismus / Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Freiburg, 1968. Vol. 2 P. 455.

⁸⁰ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 310.

⁸¹ Ibid.

⁸² Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 432-433, 461.

ропейский в 1918 и 1920 годах. И тут и там защитникам существующего порядка удалось одержать верх. Но революция 1905 года до такой степени ослабила царский режим, что его свержение стало неотвратимым. Подобный ход событий Троцкий предсказывал и для Запада⁸³.

На 4 конгрессе Коминтерна его руководство подтвердило тактику единого фронта, провозглашенную на 3 конгрессе. Перед лицом «наступления капитала», апогей которого составил фашистский государственный переворот в Италии, эта тактика приобретала особое значение. Согласно мнению Радека, она должна была прежде всего служить для защиты позиций рабочего движения. Европейский пролетариат в тот момент утратил веру в победу, сказал Радек на конгрессе. Вопрос о захвате власти в обозримом будущем не стоит на повестке дня. Сотрудничество со II Интернационалом в конечном счете должно служить целям лучшей организации обороны против наступления «капитала»⁸⁴. Для большинства членов КПИ эти требования Радека были неприемлемы. Старый спор между руководством Коминтерна и руководством КПИ по вопросам единого фронта на 4 конгрессе Коминтерн разгорелся вновь с неослабевающей силой⁸⁵.

Пессимистическая оценка положения в Италии Радеком и отчасти Троцким разделялась отнюдь не всеми лидерами Коминтерна. В период с 1921 по 1923 год еще ни в коем случае нельзя говорить о единой теории фашизма в Коминтерне. В то время был в наличии целый ряд теорий, которых придерживались различные коммунистические идеологи. В те годы в Коминтерне еще было ярко выражено разнообразие мнений. Даже в организационном ядре Коминтерна велись споры об оценке феномена «фашизм». Одной из тем была оценка фашистского государственного переворота в Италии. Для Ленина, например, это событие вовсе не имело такого эпохального значения как для Радека. В своей речи на 4 конгрессе Коминтерна Ленин упомянул фашистский триумф только несколькими фразами. В его глазах победа фашистов в Италии являлась положительным уроком, преподанным рабочим массам: «Может быть, нам окажут большие услуги, например фашисты в Италии тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены, и что их страна еще не гарантирована от черной сотни. Может быть, это будет очень полезно»⁸⁶. Сравнение фашистов с черносотенцами – «народным движением», сфабрикованным не в последнюю очередь царской полицией в 1905 году – свидетельствует о том, что Ленину опять изменила его незаурядная политическая интуиция – как и год назад, когда он говорил о восстановлении равновесия в мире. Сравнение фашизма – еще небывалого в истории феномена – с явлением из довоенного времени неизбежно должно было привести к недооценке фашизма. К этому следует добавить, что черные сотни появились в доре-

⁸³ Там же. С. 544-546.

⁸⁴ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 317.

⁸⁵ См. Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385-386; Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 185; Protokoll des IV. Kongresses der Komintern. P. 315.

⁸⁶ Ленин. Сочинения. Т. 45. С. 293; см. также Т. 44. С. 422.

волюционной России, то есть в стране с еще немодернизированной социальной структурой, и вследствие этого едва ли могли иметь точки соприкосновения с фашизмом послевоенного времени. В этом вопросе Троцкий придерживался другой точки зрения. Еще за несколько дней до похода на Рим он характеризовал фашизм как явление, которое не наблюдалось в царской России⁸⁷. На этом месте можно добавить, что Ленин пережил только начало дискуссии о фашизме. Уже в мае 1922 года с ним случился первый приступ, обрекший его в течение пяти месяцев на политическое бездействие.

После короткого периода улучшения между октябрём – декабрём 1922 последовал второй, а в марте 1923 года – третий инсульт, после которого он окончательно остался парализованным. Большевистская партия и Коминтерн вынуждены были проводить дискуссию о фашизме без Ленина. Этот факт имел чрезвычайно важное значение для этой дискуссии. Ленин уже при жизни был провозглашен большевистской партией и мировым коммунистическим движением «классиком марксизма». Правда, с момента возникновения большевистской партии Ленин постоянно был вынужден вести дискуссию с оппозиционными силами, а в определенные моменты даже почти вся партия находилась в «оппозиции» к Ленину. Но благодаря своей способности к логической аргументации, благодаря своей негибкой воле и способности в некоторых ситуациях продолжать борьбу даже в одиночку, Ленин вышел победителем из всех этих схваток. Постепенно он завоевывал авторитет последней теоретической инстанции в партии и в Коминтерне. Но так как Ленин очень рано выбыл из рядов участников дискуссии о фашизме, то её пришлось продолжать без этой «последней теоретической инстанции». Тогда впервые началась борьба, затянувшаяся на годы, по вопросу о том, кому теперь должно принадлежать последнее слово в теоретических и политических вопросах, которыми занимались партия и Коминтерн. Споры о преемнике Ленина в период с 1922 по 1929 год, были фоном, на котором разворачивалась дискуссия о фашизме в Коминтерне. Не осветив этого фона трудно понять эту дискуссию⁸⁸. Тот факт, что распределение власти внутри большевистского руководства в период с 1922 по 1928/29 годы оставалось неясным, давал коммунистическим идеологами большой простор для теоретических импровизаций.

Довольно поверхностная позиция Ленина в вопросе о фашизме на 4 конгрессе Коминтерна, которая однозначно недооценивала фашизм, не была характерной для тогдашней дискуссии на данную тему, но она, конечно, неоднократно проявлялась. Тенденция недооценивать фашистскую опасность, которая наблюдалась в Коминтерне до похода на Рим, не исчезла полностью и после фашистского государственного переворота. Наряду с Лениным её представлял еще и Зиновьев, причем в еще более резкой форме. Он полагал, что в исторической перспективе государственный переворот, совершенный Муссолини, – это всего лишь

⁸⁷ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 454.

⁸⁸ Schieder. Faschismus. P. 454-455.

фарс. Его власть не способна продержаться дольше, чем несколько месяцев или лет. А затем пролетариат наверняка разрешит конфликт в свою пользу⁸⁹.

Высмеивание фашистов Зиновьевым напоминает такие же уничижительные замечания, высказанные Марксом по поводу личности Луи Бонапарта и его так называемой «декабрьской банды» в его работе «18 Брюмера Луи Бонапарта»⁹⁰. А между тем Луи Бонапарт принадлежал к первым политикам современности, которые показали, что противники революции иногда гораздо лучше владеют техникой обращения с массами, чем сами революционеры⁹¹. Большинство марксистов постоянно выражало изумление демагогическими и политическими успехами таких личностей, как Луи Бонапарт или Муссолини, что свидетельствует, как правило, о недостаточном понимании марксистскими теоретиками психологии масс. Они не осознали в такой мере, как некоторые противники революции, что амбивалентность в поведении масс ни в коем случае не исключает одновременного мятежа против авторитета и рабского подчинения ему⁹². И из этой амбивалентности массовой психологии многие противники революции извлекли немалую выгоду в 19-ом, и еще более того – в 20-ом веке.

С крайне интересным, и в то же время противоречивым анализом фашистского государственного переворота выступил на 4 конгрессе Коминтерна руководитель делегации КПИ Амадео Бордига. Подобно Радеку и Троцкому он указал на пассивность итальянского рабочего движения в борьбе против фашизма. Итальянские рабочие партии, в том числе КПИ, почти без сопротивления капитулировали перед напором фашизма. Но условия борьбы итальянских рабочих были в высшей степени неблагоприятны, так как фашистов поддерживала мощная коалиция, стремившаяся защитить существующий порядок всеми возможными средствами. Государственный аппарат оказывал фашистам почти безграничную поддержку, крупная буржуазия и крупные землевладельцы щедро финансировали их, а мелкая буржуазия снабжала движение необходимыми солдатами⁹³. Бордига критиковал тезис, имевший хождение в Коминтерне, что фашизм – это движение отсталых, немодернизированных слоев итальянского общества, инструмент землевладельцев. Он указывал на то, что фашизм зародился на высокоразвитом промышленном Севере Италии, а не на отсталом Юге: «С самого начала

⁸⁹ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 42.

⁹⁰ Karl Marx, Friedrich Engels. Werke. Berlin, 1959-1968. Vol. 8. P. 111-207.

⁹¹ См. Taylor A.J.P. Europe: Grandeur and Decline. L., 1974. P. 60-62.

⁹² Хотя марксистские теоретики и говорили о противоречивом и иррациональном поведении масс, они считали, что такого рода поведение характерно лишь для мелкобуржуазных слоев. См. Engels, Revolution und Gegenrevolution in Deutschland / MEW. Vol. 8. P. 98-102; Ленин. Сочинения. Т. 41. С. 14-15, 27-28; Zetkin C. Rede auf der Erweiterten Exekutive / Protokoll der Konferenz der Erweiterten Exekutive der Kommunistischen Internationale. Moskau 12.-23. Juni 1923. Hamburg, 1923. P. 210; Trockij. Geschichte der russischen Revolution. Frankfurt/Main, 1973. P. 839. Того факта, что и рабочий класс, и буржуазия могут себя иррационально вести, пренебрегая своими собственными интересами, они, как правило, не учитывали. См. на эту тему Reich W. Massenpsychologie des Faschismus. Köln, 1971. P. 46-48.

⁹³ Bordiga, Referat auf dem 4. Kongreß der Komintern / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 337-340.

было ясно, что в Южной Италии не сможет сформироваться фашистское движение, причем по тем же причинам, по которым там не смогло возникнуть влиятельное социалистическое движение. Фашизм появляется не в Южной Италии, а именно там, где больше всего развито пролетарское движение и ярче всего проявляется классовая борьба»⁹⁴. Это в высшей степени важное указание Бордига на то, что о фашизме речь может идти только там, где уже сложились высоко развитые социальные структуры, и прежде всего там, где уже существует сильное социалистическое рабочее движение, в позднейших коминтерновских дискуссиях о фашизме зачастую оставалось без внимания. Главная задача фашизма заключалась, по мнению Бордига, в защите «буржуазного» государства от социалистического вызова⁹⁵. «Буржуазное» государство в Италии ни в коем случае не было таким слабым, как это казалось в 1919/20 годах, продолжает Бордига. Господствующие слои всё еще располагали значительными средствами власти. Кризис 1919/20 годов в конечном счете охватил лишь традиционные методы управления, которые были недостаточны для борьбы с революционной опасностью. Традиционные политические группировки и партии «буржуазии» не доросли до уровня социалистического вызова. Задача выработать новые политические формы для защиты буржуазного строя выпала на долю фашистов. Для того чтобы объединить все силы господствующего класса под единым руководством, фашисты создали буржуазную партию нового типа. Это явилось самым значительным новшеством, которое они внесли в политическую жизнь Италии⁹⁶.

Понятие «партия нового типа» Бордига наверняка употреблял по аналогии с самодефиницией большевиков, которые называли свою партию «пролетарской партией нового типа»⁹⁷. По мнению Бордига, «партии нового типа» отличаются от остальных следующими признаками: они концентрируют в своих руках всю исполнительную власть государства, чтобы более эффективно представлять интересы тех классов, которые за ними стоят. Они не терпят рядом с собой никаких других партий, даже тех, что представляют интересы тех же самых классов, что и они. Они выступают от имени того или иного класса в целом, когда власть этого класса оказывается под угрозой. Другими словами, Бордига утверждал, что фашисты будут защищать интересы буржуазии так же решительно и отчаянно, как большевики защищали свою власть в интересах пролетариата. Вследствие этого большевики должны быть готовы к длительной борьбе⁹⁸. Однако трезвая и реалистическая оценка фашистского государственного переворота сочеталась у Бордига с недооценкой этого события. Вольфганг Шидер определенно неспра-

⁹⁴ Ibid. P. 336.

⁹⁵ Ibid. P. 337-342.

⁹⁶ Ibid. P. 337-342, 347.

⁹⁷ Ленин. Сочинения. Т. 44. С. 420; Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 26-27, 540-541.

⁹⁸ Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 341-342, 347, 349. Высказывания Муссолини незадолго до «марша на Рим» подтверждают, что опасения Бордига были обоснованы: «Мы не можем обещать свободу тем, кто ее использует лишь для того, чтобы нас уничтожить», утверждал фашистский лидер (Mussolini B. Schriften und Reden. Zürich, 1935. Vol. 2. P. 324.)

ведлив по отношению к Бордиге, когда он его ставит в один ряд с Зиновьевым, полагая, что Бордига, как и Зиновьев, упрощал проблему фашизма⁹⁹. Изложенная выше часть анализа фашизма, принадлежащая Бордиге, свидетельствует о том, что он ни в коей мере не относится к категории упрощателей. Но верно и то, что его интерпретации фашизма присущи весьма значительные слабости, которые привели его к недооценке фашизма. Дело в том, что Бордига не видел качественной разницы между вновь возникшим фашистским режимом и другими «буржуазными» формами правления. Все они представляли для него различные формы диктатуры «буржуазии»¹⁰⁰. Фашизм не имеет новых социальных идей, он будет пытаться осуществить традиционную буржуазную программу – правда, новыми политическими методами, говорил Бордига¹⁰¹. Поэтому он отказывался рассматривать фашистский государственный переворот как качественный скачок. Содержание похода на Рим исчерпывалось для него всего лишь сменой правительства, а не являлось переворотом¹⁰².

В этом пункте мнение Бордиги разделял также Умберто Террачини. Сразу же после похода на Рим Террачини сказал, что это событие нельзя рассматривать ни как революцию, ни как государственный переворот¹⁰³. В Италии ничего принципиально не изменилось, классовая ситуация осталась прежней. Смысл фашистской акции состоял в восстановлении буржуазной государственной власти. Фашисты еще до захвата власти исполняли функции, делегированные им «буржуазным» государством. Путем захвата власти нелегальные фашистские объединения оказались включенными в государство, и дуализм органов, требовавший больших государственных затрат и порождавший время от времени дисгармонию, был устранен. Состояние, существовавшее в Италии еще до похода на Рим и выражавшееся в сотрудничестве фашистов с консервативными слоями, оказалось наконец легализованным благодаря акции 28 октября 1922 года¹⁰⁴. Недооценка противоречий между фашистским движением и консервативной элитой Италии, проявленная Бордигой и Террачини, разделялась леворадикальным большинством руководства ИКП¹⁰⁵.

Относительно бескровный характер фашистского государственного переворота и довольно мягкое обращение с оппозиционными партиями, в том числе и коммунистами, со стороны нового фашистского правительства дало новую пита-

⁹⁹ Schieder. Faschismus. P. 455.

¹⁰⁰ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 341-343.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Ibid. P. 341f., 347.

¹⁰³ Terracini U. Die faschistische Revolution // Inprekorr. 11.11.1922. Nr. 217. P. 1543-1544, Nr. 218. 14.11.1922. P. 1551-1553.

¹⁰⁴ Terracini U. Die faschistische Revolution. P. 1543-1544.

¹⁰⁵ См. Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI; См. также речь Карла Радека на 4-ом конгрессе Коминтерна (Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 310f.); См. также Aqulia G. Der Faschismus an der Macht // Die Kommunistische Internationale. Nr. 24-25. 15.3.1923. P. 62; Clara Zetkin, Rede auf der Erweiterten Exekutive der Komintern / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 204.

тельную почву тезису левого большинства ИКП о том, что фашизм якобы ничего принципиально не изменил в политической жизни страны. Даже такой дальновидный исследователь фашизма как венгерский коммунист Дж. Аквила был удивлен таким ходом развития. В марте 1923 года он писал: «Явлением, которое наверняка многих удивило, была... безобидность фашистской "революции"... Муссолини не только отнесся с уважением к конституционным институтам "старого государства",... но и с самого начала запретил какое бы то ни было насилие по отношению к "красным" рабочим... и если "бескровная революция", как Муссолини охотно называет государственный переворот фашистов, не протекала совсем уж бескровно, она всё же была намного бескровнее, чем можно было ожидать»¹⁰⁶. Идеологи Коминтерна проходили мимо такого обстоятельства как то, что и октябрьская революция протекала относительно бескровно, так как она, подобно походу на Рим, в конечном счете была заключительным актом продолжительного процесса выхолащивания и упадка государственной власти¹⁰⁷. Поход на Рим, как справедливо говорил Террачини, завершал период двоевластия в Италии, во время которого царил неясность относительно распределения политической компетенции в итальянском государстве¹⁰⁸. Но и октябрьская революция завершила восьмимесячную фазу двоевластия в России. Как Ленин, так и Муссолини характеризовали состояние, при котором практически существовали рядом друг с другом два правительства (временное правительство и Советы в России, либеральное правительство и фашистское движение в Италии) как невыносимое и считали, что только захват всей власти их собственной партией может положить конец этому состоянию¹⁰⁹. Как октябрьское восстание большевиков, так и поход на Рим воплощали радикальный разрыв с прошлым. Тот факт, что оба эти государственных переворота протекали относительно гладко, не снижает их эпохального значения. Левое крыло КПИ не хотело признать за фашистским государственным переворотом такого значения. В этом оно было единодушно с мировой общественностью. Как либеральные, так и консервативные силы западного мира вовсе не видели в фашизме такого вызова, который по степени опасности сравним с большевизмом¹¹⁰. Идею интервенции, крестового похода против

¹⁰⁶ Aquila. Der Faschismus an der Macht. P. 71. См. также речь Бордиги на 5-ом конгрессе Коминтерна (Protokoll. Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1925. Vol. 2. P. 723.)

¹⁰⁷ См. Flechtheim O. Die Kommunistische Partei Deutschlands in der Weimarer Republik. Frankfurt/Main, 1969. P. 182; Trockij. Geschichte der russischen Revolution; Suchanow N. 1917. Tagebuch der russischen Revolution. München, 1967.

¹⁰⁸ Terracini. Die faschistische Revolution / Inprekorr. 11.11.1922. Nr. 217. P. 1543-1544, Nr. 218. 14.11.1922. P. 1551-1533ff. О «двоевластии», царившем в Италии в предверие «Марша на Рим», говорит также советский историк Борис Лопухов (Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 43).

¹⁰⁹ Ленин. Сочинения. Т. 32. С. 267; Mussolini. Opera. Vol. 16. P. 212f.; О такого рода параллелях говорил в начале 1930-х года также и немецкий правовед Hermann Heller (Europa und der Faschismus. Berlin, 1931. P. 43).

¹¹⁰ См. Cassels A. Mussolini's Early Diplomacy. Princeton N.J., 1970. P. 10-12; Nolte E. Die faschistischen Bewegungen. Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschisten. München,

фашистского режима в Италии, сравнимую с идеей крестового похода против большевизма, в тогдашней Европе невозможно было представить¹¹¹. Сопrotивление против фашистской диктатуры внутри Италии было меньше, чем сопротивление против большевистского режима в России. Таким образом фашисты, в отличие от большевиков, не были вынуждены вести ожесточенную борьбу за сохранение своей власти сразу после её захвата. И поэтому радикализация фашистской диктатуры протекала намного медленнее, чем большевистской¹¹². Так что многие наблюдатели, в том числе и представители левой фракции КПИ, не могли правильно оценить истинное значение того перелома, который представлял собой поход на Рим¹¹³. Но такое безобидное отношение к фашистскому государственному перевороту было всё же отнюдь не преобладающим в Коминтерне в период с 1921 по 1923 год.

Непосредственно после похода на Рим некоторые теоретики Коминтерна сразу поняли, какую притягательную силу должно иметь это событие для всех антимарксистских сил в Европе. В своей речи на 4 конгрессе Зиновьев сказал, что у него нет никаких сомнений в том, что пример итальянского фашизма повлечет за собой сходные явления в Германии и возможно во всей Восточной и Средней Европе. Не исключено, что скоро во всей Восточной Европе Коминтерну придется столкнуться с целым рядом государственных переворотов, носящих более или менее фашистский характер. Вследствие этого для коммунистических партий данных стран может начаться период нелегальности, к которому коммунистам надо начинать готовиться уже сейчас¹¹⁴. Еще более тревожным было предостережение немецкого коммуниста А. Якобсена, который 15 ноября 1922 года писал в центральном органе КПГ «Ди Интернационале»; «несмотря на то, что у фашизма много специфически итальянских черт, по своей сущности он интернационален»¹¹⁵.

Якобсен особо указал на возможность роста немецкого фашизма: «То, что национал-социалист Гитлер способен собрать под своим знаменем тысячи рабочих и вынудить под давлением стоящих за его спиной масс к отставке Лерхенфельда (баварского премьер-министра – Л.Л.), является предостережением... КПГ должна учесть этот сигнал идеологической перестройки широких слоев мелкой буржуазии и пролетариата, иначе ей придется внезапно, без подготовки, столкнуться

1966. P. 77ff.; Gregor, *The Ideology of Fascism*. P. 376-380; Michels R. *Sozialismus und Fascismus in Italien*. München, 1925. Vol. 2. P. 316.

¹¹¹ Cassels. *Mussolini's Early Diplomacy*. P. 10ff., 17; Nolte. *Die faschistischen Bewegungen*. P. 77-78, 82-84; Необходимо, однако, подчеркнуть, что некоторые европейские мыслители довольно рано осознали, что фашизм является для парламентской демократии не меньшей угрозой чем большевизм. К такого рода мыслителям принадлежал немецкий социолог Альфред Вебер. Weber Alfred. *Die Krise des modernen Staatsgedanken in Europa*. Stuttgart, 1925. P. 120-121.

¹¹² См. на эту тему интервью, которое немецкий журналист Эмиль Людвиг провел с Муссолини в 1932 году. Ludwig E. *Mussolinis Gespräche*. Berlin, 1932. P. 100-101.

¹¹³ См. На эту тему Michels R. *Sozialismus und Fascismus in Italien*. Vol. 2. P. 316.

¹¹⁴ *Protokoll des 4. Kongresses der Komintern*. P. 57.

¹¹⁵ Jacobsen A. *Der Faschismus // Die Internationale*. 15.11.1922. P. 304.

с движением, опасность которого сегодня едва ли можно оценить по достоинству»¹¹⁶. Как справедливо заметил Джон Кэммет, коммунистические теоретики были одними из первых, указавшими на международный характер фашизма¹¹⁷. Но это понимание, однако, было связано с тенденцией видеть «фашизм» почти во всех «капиталистических» странах, вследствие чего изначальное истолкование международной сущности фашизма значительно снижалось. Правда, в 1921-1923 годах эта тенденция еще не была в Коминтерне преобладающей, но она, вне всякого сомнения, существовала. Как пример такой тенденции можно привести резолюцию 4-го Конгресса Коминтерна о фашизме. В этой резолюции итальянский фашизм характеризуется как «классический фашизм» и содержится указание на то, что опасность фашизма существует во многих странах, например, в Чехословакии, в Венгрии, на Балканах, в Германии, Англии, Франции и в Соединенных Штатах¹¹⁸.

Итальянский фашизм и возможное следование его примеру со стороны антимарксистских сил в других европейских странах большевистские вожди рассматривали как опасность, которая в конечном счете затрагивала западный пролетариат. Для Советской России они не видели в нем никакой угрозы. Большевистские вожди считали внешнеполитическое положение советского государства к моменту фашистского переворота как никогда прочным. В своей речи по поводу пятой годовщины Октябрьской революции Троцкий характеризовал только что произошедшую отставку Ллойд Джорджа в Лондоне как любезный подарок европейской «буржуазии» к пятилетию существования советского государства. Правительство Ллойд Джорджа было единственным европейским правительством, простоявшим у власти дольше, чем советское. А разве не считали противники большевиков наименее стабильным именно советское правительство, иронически спрашивал Троцкий¹¹⁹. 31 октября 1922 года Ленин отмечал как победу советской внешней политики тот факт, что советская делегация должна была участвовать в мирной конференции держав-победительниц и Турции в Лозанне¹²⁰. Это была первая мирная конференция, посвященная новому порядку в Европе после войны, которая должна была проходить при участии советской делегации. Эта ускорившаяся нормализация отношений между советской Россией и Западом должна была, по мнению Троцкого, в ближайшем будущем проходить еще быстрее. В конце октября 1922 года Троцкий обосновал эту надежду предсказанием, что в главных странах-победительницах – в Англии и во Франции – к власти должно вскоре прийти «примиренческое» крыло «буржуазии». Для обеих этих стран Троцкий предсказал коалиционные правительства социал-демократов и либералов. От этих правительств, которые он сравнивал с правительством Керен-

¹¹⁶ Ibid.

¹¹⁷ Cammett J.M. *Comunist Theories of Fascism* // *Science and Society*. 1967. Nr. XXXI. P. 157.

¹¹⁸ Resolution über den Faschismus auf dem 4. Kongreß der Komintern // *Inprekorr*. 19.12.1922. Nr. 240. P. 1807.

¹¹⁹ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 453; см. также Чичерин. Статьи и речи. С. 233-234.

¹²⁰ Ленин. Сочинения. Т. 45. С. 245-246.

ского в России, он ожидал еще больших уступок Советской России. Это смещение влево в Англии и во Франции с точки зрения Троцкого в определенном смысле уравновешивало поворот вправо, осуществившийся в Италии в результате победы фашизма¹²¹.

Однако даже в фашистской Италии советское руководство обнаружило тенденцию к нормализации отношений с Советской Россией, которую оно безоговорочно приветствовало. Представитель советского правительства в Риме, Воровский, сообщал о разговоре, который состоялся 15 ноября 1922 года между ним и Муссолини. В нём Муссолини намекнул на свое намерение сблизиться с Советским Союзом. Он сказал, что советское правительство является сильным, и все разговоры о его свержении бессмысленны. Италия собирается действовать на основе реальных интересов, а не под влиянием гуманистических чувств. Из этих соображений Италия может признать советское правительство де-юре. Воровский полагал, что Муссолини способен на такое признание. При этом решающее значение для Воровского имело наверняка то, что Муссолини как диктатор с большей лёгкостью мог противостоять давлению итальянского общественного мнения, чем парламентское правительство. Разумеется, Муссолини признает советское правительство не просто так. Он потребует за это торговые привилегии и другие экономические уступки. Но эти уступки, несомненно, окупятся для советского государства, заключал Воровский свой доклад¹²². Главный редактор *Известий*, Стеклов, тоже выдвигал в своей статье от 26 ноября 1922 года тезис о том, что Муссолини будет стремиться к нормализации отношений с Советской Россией: «Как представитель крайней буржуазной реакции Муссолини, конечно, не может питать особой симпатии к рабоче-крестьянскому правительству России. Но в данном случае он должен руководствоваться национальными соображениями. Итальянская буржуазия, находясь под угрозой внутренней и внешней опасности, естественно стремится как укрепить свое положение внутри страны, так и расширить сферу влияния итальянского капитала за ее пределами... И если во внутренней политике Муссолини еще может поддаваться воздействию политического романтизма, то в вопросах внешней политики он должен быть гораздо большим реалистом, чем глава любого прежнего буржуазного правительства в Италии, могущего опереться на государственные "традиции", в то время как на стороне Муссолини нет такого рода традиций. И этот реализм вынуждает его, несмотря на всю агрессивность, действовать в международных вопросах относительно осторожно. Итальянский капитал надеется найти в Советской России весьма выгодную сферу сбыта. И Муссолини, жадно ищущий источники такого рода, чтобы укрепить свое политическое влияние, конечно же обращает свои взоры на советскую федерацию»¹²³.

¹²¹ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 454, 498-499.

¹²² Документы внешней политики СССР. М., 1961-1973. Т. 5. С. 688-689.

¹²³ Inprekorr. 28.12.1923. Nr. 180/181. P. 1526.

Исходя из этого можно сделать обобщение, что фашистский государственный переворот ничуть не поколебал убеждение советского руководства в прочной позиции советского государства в мире.

5. Анализ тактики, структуры и идеологии правоэкстремистских массовых движений Коминтерном после похода на Рим

Мобилизация масс фашизмом

Уже до похода на Рим некоторые теоретики Коминтерна указывали на то, что фашистские методы борьбы сильно отличаются от методов, присущих традиционным «буржуазным» противникам рабочего движения.

Вследствие «похода на Рим» анализу этих методов борьбы уделялось, естественным образом, еще большее внимание. Радек, Аквила, Клара Цеткин и другие идеологи Коминтерна усиленно подчеркивали, что фашизм представляет собой принципиально новую форму «контрреволюции», которая резко отличается от всех прежних. Аквила предостерегал от обобщения понятия «фашизм»: «Слово (фашизм – Л.Л.) сегодня стало слишком модным, им злоупотребляют. С его помощью характеризуют все контрреволюционные тенденции и движения, не вникая в сущность фашизма»¹²⁴.

Клара Цеткин, в свою очередь, возражала против приравнивания таких консервативных диктатур, как диктатура Хорти в Венгрии, к фашизму: «...несмотря на то, что кровавые, террористические методы фашизма и режима Хорти одни и те же, историческая суть обоих явлений чрезвычайно различна»¹²⁵. Для многих теоретиков Коминтерна новое в фашизме заключалось прежде всего в его способности обращаться с массами, умении мобилизовать их для достижения собственных целей¹²⁶.

Уже упомянутый немецкий коммунист Якобсен говорил в ноябре 1922 года: «Надо подчеркнуть, что на сегодняшний день фашизм ни в коем случае не является движением, носителем которого выступают лишь буржуазные элементы и люмпен-пролетариат. Его фундамент составляют широкие слои крестьянства и мелкой буржуазии, а также рабочих, идеология которых носит мелкобуржуазно-синдикалистский характер»¹²⁷. Другой коммунистический автор в то же самое время писал: «Из организации крупной буржуазии, которая оплачивала наемни-

¹²⁴ Aquila. Der Faszismus an der Macht. P. 62.

¹²⁵ Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 204.

¹²⁶ Понятие „The new european right“ (The European Right / Ed. E. Weber. Univ. Calif. Press, 1965), которым пользуются современные исследователи фашизма, не отличается, в принципе, от понятия «новая форма контрреволюции», которое теоретики Коминтерна употребляли для определения характера итальянского фашизма.

¹²⁷ Jacobsen. Der Faszismus. P. 302.

ков для "усмирения" подёнщиков и рабочих, партия фашистов все больше превращается в демократическую массовую организацию»¹²⁸.

Тезис итальянского историка Ренцо де Феличе о мобилизующем эффекте фашизма, достигнутом в массах, встретил серьезное сопротивление со стороны итальянских историков-марксистов в последние годы¹²⁹. Некоторые теоретики Коминтерна пришли, однако, к такому же выводу на многие десятилетия раньше. Для них чрезвычайная опасность итальянского фашизма заключалась в том, что он апеллировал к тем же слоям населения, в которых видели свой потенциал и коммунисты¹³⁰. Некоторые идеологи Коминтерна полагали, что эти слои отчасти добровольно присоединились к фашистскому движению. Фашисты импонировали им своей сплоченностью и энергией. Эти качества бесполезно было искать у итальянских социалистов и коммунистов, и поэтому данные слои в разочаровании отвернулись от них, утверждали некоторые идеологи Коминтерна. По мнению Радека, фашисты проявляли «непоколебимую волю к власти». Они утверждали, что социализм обанкротился, так как он неспособен внести ничего нового в политическую жизнь Италии. И если сейчас фашизм без малейшего сопротивления победил рабочих, продолжал Радек, то это означает, что итальянское рабочее движение достигло самого низшего пункта в своем развитии¹³¹.

Подражание большевистским методам со стороны фашистов

Коммунисты с удивлением констатировали, что итальянские фашисты в своей борьбе за власть переняли многие большевистские методы. 1 ноября 1922 года коммунистический автор с инициалами П.О.-и. писал по этому поводу: «Фашисты разделили всё население Италии на три группы: первая – нейтралы, они сидят, как правило дома, и ни во что не вмешиваются; вторая – симпатизирующие, эти должны активно участвовать в борьбе; третья группа – противники, у них не должно быть никаких прав, и их необходимо преследовать. Не заключено ли в этом нечто такое, что напоминает большевизм, особенно в периоды обострения революционной ситуации? И в самом деле, фашизм и большевизм используют одинаковые методы борьбы. Обоим безразлично, является ли то или иное дейст-

¹²⁸ P. O-i, *Der Faschismus // Die kommunistische Internationale*. 1.11.1922. P. 99. См. также Aquila G. *Der Faschismus in Italien*. Hamburg, 1923. P. 8; Clara Zetkin / *Protokoll des 3. Plenums des EKKI*. P. 205)

¹²⁹ См. Petersen J. *Zum Stand der Faschismuskussion in Italien / De Felice. Der Faschismus*. P. 114-144; Ledeen M. *Renzo De Felice and the Controversy over Italian Fascism // Journal of Contemporary History*. 1976. October. Vol. 11. Nr. 4. P. 269-283; Thamer H.-U. *Ansichten des Faschismus // Neue Politische Literatur*. 1977. P. 18-35; Gregor A.J. *Professor Renzo De Felice and the Fascist Phenomenon // World Politics*. 1977. P. 436-438.

¹³⁰ См. Карл Радек // *Protokoll des 4. Kongresses der Komintern*. P. 310-314; Он же. *Die internationale Lage, das Abflauen der kapitalistischen Offensive und die Aufgaben der Kommunistischen Internationale // Die Kommunistische Internationale*. 15.8.1923. P. 36-38; Jacobsen. *Der Faschismus*. P. 302-303.

¹³¹ Радек / *Protokoll des 4. Kongresses der Komintern*. P. 310-314. См. также Clara Zetkin / *Protokoll des 3. Plenums des EKKI*. P. 209.

вие законным или незаконным, демократическим или недемократическим, справедливым или несправедливым. Они напрямик идут к цели, топчут ногами законы, сносят все границы и подчиняют всё своей задаче. Из этого, конечно же, не следует, что фашизм просто подражает нашим методам. Несомненно, что многие новшества введенные русскими большевиками, как бактерии, носятся в воздухе, и им непроизвольно подражают худшие враги России»¹³². В таком же смысле высказывался и Бухарин в своей речи на 12 съезде большевистской партии в апреле 1923 года: «Для методов борьбы фашистов характерно, что они больше какой-либо другой партии использовали в своих интересах опыт русской революции. Если рассматривать их с формальной точки зрения, то есть, с точки зрения техники их политической деятельности, то у них можно обнаружить точную копию большевистской тактики, например, быструю концентрацию сил, создание мощной военной организации, беспощадное уничтожение противника, если это необходимо и если того требуют обстоятельства»¹³³. Хотя некоторые большевики и признавали, что их тактика послужила образцом для фашизма, они отвергали, тем не менее, какую бы то ни было ответственность за зарождение фашизма. Детонатором беспримерного в новейшей европейской истории разгула фашизма они считали мировую войну¹³⁴. На «капиталистические» правительства, виновные в развязывании мировой войны, они возлагали и ответственность за подъем фашизма. Клара Цеткин полемизировала с социал-демократами, которые пытались возложить часть вины за зарождение фашизма на коммунистов: «Для них (социал-демократов) фашизм является террором, насилием, причем именно буржуазным отражением насилия, которое исходило от пролетариата против буржуазного общества... Для господ реформистов русская революция играет ту же роль, что и вкушение запретного плода в раю для верующих в Библию. Она рассматривается как исходный пункт всех террористических явлений современности. Как будто не было разбойничьей империалистической, войны и не существует классовой диктатуры буржуазии!»¹³⁵. Ленин говорил, в свою очередь, о наивности европейских правительств, которые надеялись, что война, в которой они повинны, пройдет для них безнаказанно¹³⁶.

Утрата контроля над происходящим – это и есть наказание за близорукость зачинщиков мировой войны¹³⁷. Эту отчасти справедливую аргументацию большевиков можно обвинить в некоторой непоследовательности. Методы, которые

¹³² P.-O.i. Der Fascismus. P. 98; См. также Bordiga // Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 347.

¹³³ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 273. Также и многие социал-демократы говорили о сходствах между тактикой большевиков и фашистов. См. передовую статью «Фашистская контрреволюция // Социалистический вестник. 21.11.1922; Слуцкий Б. Фашизм // Социалистический вестник. 23.7.1923.

¹³⁴ См. Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 83-84; Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 206.

¹³⁵ Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 206.

¹³⁶ Ленин. Сочинения. Т. 26. С. 237, Т. 30. С. 136, Т. 37. С. 74-75.

¹³⁷ Там же. Т. 37. С. 74-75, Т. 31. С. 11.

большевики применяли во время русской революции и гражданской войны, придали эскалации насилия, развязанной мировой войной, качественно новые моменты. Было наивно и близоруко верить в то, что эта новая ступень в эскалации насилия не повлечет тяжелых последствий для своих же собственных зачинателей. Но так же, как зачинатели первой мировой войны с неизбежностью потеряли контроль над ими же самими порожденными процессами, так и большевики не могли надолго удержать под контролем процессы, ими самими вызванные к жизни. Появление итальянского фашизма не в последнюю очередь являлось следствием процессов, непреднамеренно развязанных большевиками. Фашистские карательные экспедиции были новой ступенью в развитии процесса эскалации насилия, начавшегося в 1914 году. Ответственность за возникновение фашистского движения несли как зачинатели первой мировой войны, так и зачинатели большевистской революции.

Вторая параллель между тактикой большевиков и правых экстремистов заключалась в их установке по отношению к так называемой «буржуазной» или «формальной» легальности, которую оба движения отвергали. По этой причине унижения, которым итальянский парламент подвергся со стороны фашистов после похода на Рим, вызвали у некоторых лидеров Коминтерна даже удовлетворение. В декабре 1922 года Троцкий говорил, что фашистский государственный переворот показал европейскому пролетариату, как мало можно полагаться на принципы и нормы «буржуазной» демократии, если обостряется классовая борьба. Италия – это культурная нация, с демократическими традициями, со всеобщим избирательным правом, и т.д. И всё же итальянская буржуазия, почувствовав угрозу со стороны пролетариата, не раздумывая связала себя с фашизмом, который публично насмеялся над парламентаризмом¹³⁸. В своем докладе на 4 конгрессе Коминтерна Зиновьев тоже считал, что события в Италии чудовищно дискредитировали «буржуазную» демократию, которая капитулировала перед фашизмом¹³⁹. Здесь следует заметить, что то, как сами большевики изначально издевались над «формальной» легальностью, не намного отличалось от того, что делали фашисты. Троцкий, например, говорил в 1921 году: «Мы подчиняемся капиталистической легальности... но каким образом? Лишь в той степени, в какой мы к этому принуждены. В то же время мы смеемся над буржуазной легальностью и создаем нелегальные органы для её разрушения»¹⁴⁰. Способ, посредством которого большевики расправились с избранным в ноябре 1917-го года и созванном в январе 1918 года Учредительным собранием, с его подавляющим небольшевистским большинством, ненамного отличается от обращения Муссолини с итальянским парламентом. Разница была лишь в том, что Муссолини лишал парламент его ав-

¹³⁸ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 556-557.

¹³⁹ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 57. См. на эту тему также Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 171. Poulantzas, N. Faschismus und Diktatur. Die Kommunistische Internationale und der Faschismus. München, 1973. P. 358.

¹⁴⁰ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 219-220.

торитета постепенно, а большевики разогнали Учредительное собрание немедленно¹⁴¹. На параллели в поведении большевиков и фашистов в отношении их парламентов указал сам Троцкий непосредственно после похода на Рим: «Муссолини является уроком, преподанным Европе в отношении демократии, её принципов и методов. В некоторых отношениях этот урок аналогичен – конечно, как – противоположная крайность – тому, который мы преподали Европе в начале 1918 года, разогнав Учредительное собрание»¹⁴².

Большевистская установка по отношению к «буржуазной» легальности сначала была взята на вооружение западными коммунистами. Но им это, особенно в Италии и в Германии, никаких особых успехов не принесло. Итальянские фашисты и национал-социалисты однозначно превосходили коммунистов на поприще борьбы нелегальными средствами, они их применяли эффективнее и более умело. Хотя они порывали с существующей правовой системой не менее радикально чем коммунисты, они в то же время подчеркивали, что ведут свою борьбу, применяя даже нелегальные средства, только ради восстановления порядка и власти и для восстановления мощи нации. Это применение насилия с «конструктивными» целями фашистские и национал-социалистские вожди называли оправданной реакцией на применение насилия слева, которое, по их мнению, влекло за собой лишь анархию и разрушение. Муссолини говорил в ноябре 1920-го года: «После социалистического экстремизма фашизм возник как логическая, справедливая, ... ответная карательная мера. Фашизм ответил насилием на насилие»¹⁴³. На своем мюнхенском процессе в феврале 1924 года Гитлер, в свою очередь, называл самого себя вождем революции против революции¹⁴⁴.

Но, как уже говорилось, не одни только фашисты и национал-социалисты видели качественное различие в применении насилия справа и слева. К этому воззрению присоединились и многие влиятельные представители консервативных группировок в Италии и в Германии, которые гораздо более решительно вели борьбу с применением насилия слева, чем справа. Ввиду такого положения нелегальная борьба итальянских и немецких коммунистов едва ли могла иметь шансы на успех. Антонио Грамши предостерегал рабочие партии от попытки конкурировать с правыми экстремистами в применении нелегальных средств борьбы: «В политической борьбе никогда нельзя подражать методам борьбы господствующего класса... Полагать, что нелегальной активности господствующих элит можно противопоставить другую сходную активность со стороны рабочего класса, совершенно необоснованно... Класс, который ежедневно в одно и то же время должен быть на работе, не может иметь специализированных постоянных

¹⁴¹ Miljukov P. Rußlands Zusammenbruch. Stuttgart, 1925-26. Vol. 1. P. 50-51; Чернов В. Перед бурей. Воспоминания. Нью Йорк, 1953. С. 356-366.

¹⁴² Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 556.

¹⁴³ Mussolini. Schriften und Reden. Vol. 2. P. 113; смотри также P. 302.

¹⁴⁴ Adolf Hitlers Reden / Ed. E. Voepple. München, 1934. P. 110. Интересное психологическое объяснение такого поведения правых экстремистов можно найти в статье психолога Henry Lowenfelda (Zur Psychologie des Faschismus // Psyche. 1977. Nr. 6. P. 570).

штурмовых организаций подобно классу, располагающему намного превосходящими финансовыми средствами, и все члены которого не связаны постоянным трудом»¹⁴⁵.

«Мелкобуржуазная» идеология фашизма

С самого начала дискуссии о фашизме в Коминтерне, как уже говорилось, можно констатировать наличие противоречия между двумя различными основными позициями, принципиально по-разному определявшими характер фашизма. В первом случае речь идет о тенденции упрощенно видеть в фашизме только инструмент «капитала», лишенный какой бы то ни было самостоятельности. Вторая отдаст должное сложности такого явления как «фашизм». Автономность правоэкстремистских массовых движений для неё является самоочевидной. Эта автономность объясняется тем, что фашизм представляет собой движение «мелкой буржуазии», интересы которой никак не совпадают с целями «крупного капитала»¹⁴⁶. Однако и представители теории о «мелкобуржуазном» характере фашизма проявляли склонность к его недооценке. Уже само понятие «мелкобуржуазный» предполагает такого рода недооценку. Марксистская идеология определяет мелкую буржуазию как класс, который восприимчив к иллюзиям, нестабилен и склонен к шатаниям. Сторонники теории о «мелкобуржуазном» характере фашизма в большинстве своем придерживались марксистского тезиса о разделении общества на буржуазию и пролетариат. И только эти два класса определяли для них по-настоящему классовую борьбу. Любая политическая группировка со временем должна присоединиться либо к пролетарскому, либо к буржуазному лагерю. Независимые выступления фашистов – это лишь преходящее явление. Скоро сами они должны понять, что их независимость в значительной мере существует только в воображении¹⁴⁷. Клара Цеткин, Карл Радек, Джулио Аквила и другие теоретики Коминтерна, по достоинству учитывавшие революционную динамику, сложную структуру и тактическую новизну правоэкстремистских массовых движений, утрачивали всю свою аналитическую остроту, когда речь заходила о «мелкобуржуазной» идеологии фашизма. Эта идеология рассматривалась ими

¹⁴⁵ Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 343.

¹⁴⁶ См. Карл Радек / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 311-313; он же. Die internationale Lage. P. 36-38; Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 209-211; Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 108-110. О мелкобуржуазном характере правоэкстремистских движений говорят также и многие некоммунистические исследователи фашизма. См. Löwenthal P. (Paul Sering). Der Faschismus // Zeitschrift für Sozialismus. 1935. September/Oktober. Nr. 24/25. P. 784; Faschismus als soziale Bewegung. Deutschland und Italien im Vergleich / Ed. W. Schieder. Hamburg, 1976. P. 18; Linz J. Some Notes Toward a Comparative Study of Faschism / Fascism: A Readers' Guide. Anlysis. Interpretations. Bibliography // Ed. W. Laqueur. Berkeley, 1976.

¹⁴⁷ См. Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 224; Radek. Der internationale Faschismus und die Kommunistische Internationale // Inprekorr. 9.7.1923. P. 1013.

как беспорядочное и бессмысленное создание. И как следствие она не заслуживала серьезного анализа¹⁴⁸.

Большевистский теоретик Н.Иорданский относился к немногочисленным идеологам Коминтерна, которые возражали против столь упрощенного тезиса. В 1923 году он предпринял одну из первых попыток в рамках Коминтерна серьезно исследовать фашистскую идеологию, опубликовав статью «Судьбы фашизма». Иорданский утверждал, что фашизм вне всякого сомнения обладает самостоятельной идеологией, которая не только оправдывает существующую систему, но и провозглашает новые принципы. Идеологически фашизм имеет наступательный характер, он пытается обратить массы в свою веру и считает себя творцом новых истин. Согласно Иорданскому, идеология фашизма заключается в первую очередь в борьбе «деревни», «провинции» против «декадентского» города. Духовным предтечей фашизма Иорданский считал Освальда Шпенглера с его учением о закате западной цивилизации и необходимости обновления европейской культуры теми слоями, которые мало связаны с «упадочным» мировым городом. Фашистская идеология, по мнению Иорданского, несет на себе отпечаток крестьянских и мелкобуржуазных сторонников этого течения. Для этих масс населения парламент представляется местом бесполезных, абстрактных дискуссий, учреждением, в котором борются друг с другом непримиримо противоречивые интересы, из-за чего парламент становится неспособным к принятию решений. Новая фашистская диктатура воплощала для этих масс форму правления, способную быстро принимать решения и покончить с бесполезными парламентскими дискуссиями. Массы также питали надежду, что фашизм сможет сломать власть изживших себя бюрократических каст и обновить государственный аппарат за счет привлечения новых «маленьких» людей¹⁴⁹. Этот в высшей степени интересный анализ фашистской идеологии в определенной степени предвосхищал распространенную в современной западной историографии теорию фашизма как движения, воплощавшего в себе страх перед «декадансом» и модернизацией¹⁵⁰. Но тезисы Иорданского не имели заметных последствий для дальнейшей разработки теории фашизма в Коминтерне. Теоретики, которые либо „изображали фашистскую идеологию как олицетворение абсурда либо вовсе отрицали её

¹⁴⁸ См. Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 210; Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 341; Radek. Der nahe Bankrott der deutschen Bourgeoisie // Inprekorr. 3.8.1923. Nr. 128. P. 117. О недооценке самостоятельного характера фашистской идеологии пишет исследователь итальянского фашизма А. James Gregor (The Ideology of Fascism. The rationale of totalitarianism. N.Y. 1969. P. 10-12).

¹⁴⁹ Иорданский Н. Судьбы фашизма/Мещеряков Н. Мировой фашизм. Сборник. М.-Петроград, 1923. С. 69-93. Однако и в анализе Иорданского можно найти ряд ошибочных постулатов. Он считал например крестьянство важнейшей социальной базой фашизма (с. 90-93), что, как известно, не соответствовало фактам.

¹⁵⁰ См. Turner H.J. Jr., Fascism and Modernization // World Politics. 1972. P. 547-564; Fest, J.C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt/Main, 1973. P. 129-131; Alff W. Der Begriff des Faschismus und andere Ansätze zur Zeitgeschichte. Frankfurt/Main, 1971. С. 45-50.

существование, даже в самую плодотворную фазу развития теории фашизма в Коминтерне преобладали¹⁵¹.

Величайшей иллюзией фашистской идеологии в Коминтерне считали идею классовой гармонии. Пока не уничтожена частная собственность, социалистическая революция не изменила общество коренным образом, любой отказ от классовой борьбы служил, по их мнению, лишь укреплению существующей «капиталистической» системы. И поэтому те фашисты, которые искренне верят в классовую гармонию, в конце концов являются лишь инструментом капитала. В своем докладе на 3-ем пленуме ИККИ Клара Цеткин сказала: «Классовые противоречия более сильны, чем все отрицающие их идеологи, и эти противоречия прокладывают себе дорогу несмотря на фашизм, именно благодаря фашизму и против него»¹⁵². Когда коммунистические теоретики говорили о «мощных классовых противоречиях» в западном обществе, они в принципе переоценивали остроту социального конфликта на Западе. Поэтому для них зачастую оставались непонятными причины популярности идеи классовой гармонии в отдельных западных странах. Завышенная оценка интенсивности социального конфликта была наверняка связана с тем, что большевики, а заодно и многие западные коммунисты, находившиеся под их влиянием, переносили на Запад специфический опыт предреволюционной России. Из-за нерешенности аграрного вопроса и культурной пропасти между европеизированными высшими слоями и народными массами низшие слои русского общества были в 1917 году в высшей степени восприимчивы к идее гражданской войны. Западное же общество, как справедливо указывали например, Николай Бердяев и Франц Боркенау¹⁵³, наоборот, было гораздо более однородным, чем русское; поэтому здесь классовая борьба не приняла форму тотального отрицания высших слоев общества низшими, как это случилось в России. Кроме того, опыт русской гражданской войны в период с 1917 по 1921 год устрашающе воздействовал на западное общество¹⁵⁴; это в немалой степени способствовало популярности идеи сотрудничества между различными классами. Большевики и большинство западных коммунистов в недостаточной степени поняли эту тенденцию, в то время как фашисты и национал-социалисты очень ловко использовали её.

¹⁵¹ Недооценку самостоятельности фашистской идеологии коммунистическими теоретиками критикует современный советский исследователь фашизма Александр Галкин (*Германский фашизм*. М., 1967. С. 297-298).

¹⁵² Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 224. См. Также Radek. *Die internationale Lage*. P. 28; Aquila. *Der Faschismus in Italien*. P. 9.

¹⁵³ Berdjaev Nikolaj. *Das Neue Mittelalter. Betrachtungen über das Schicksal Russlands und Europas*. Tübingen, 1950. P. 80; Borkenau F. *The Communist International*. L., 1938. P. 421.

¹⁵⁴ См. Borkenau. *The Communist International*. P. 421; Gruber. *International Communism in the Era of Lenin*. P. 118, 139, 140; Geyer D. *Sowjetrußland und die Deutsche Arbeiterbewegung 1918-1932 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 1976. P. 10-11; Heiden K. *Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit*. Zürich, 1936. P. 74.

«Прогрессивный» и «реакционный» фашизм

Коммунистические теоретики не умалчивали того факта, что многие фашисты имеют социалистическое прошлое¹⁵⁵. Их ренегатство они пытались объяснить тем, что речь шла, как правило, о бывших анархистах и синдикалистах¹⁵⁶. Отношение коммунистов к синдикалистам и анархистам всегда было скептическим. Их называли «мелкими буржуа» и «утопистами». Их идеологию упрекали в том, что она не основана на прочном фундаменте «диалектического материализма», и поэтому они якобы были склонны к шатаниям вправо и влево¹⁵⁷. До ноября 1914 года и сам Муссолини официально был социал-демократом, однако идеологи Коминтерна обнаружили постфактум, что он никогда не был способен к «подлинно» марксистскому образу мышления. Он якобы произвольно истолковывал марксизм и разбавлял марксистские категории многими анархо-синдикалистскими элементами¹⁵⁸. Однако некоторые теоретики Коминтерна попытались подойти к проблеме социалистического прошлого многих фашистов более дифференцированно. Они хотели выяснить, в какой степени это прошлое сказывается в конкретных современных течениях внутри фашизма. Они рассматривали итальянский фашизм как разнородное течение, внутри которого в постоянном напряжении противостоят друг другу социально-прогрессивное и реакционное крыло¹⁵⁹. На 4-ом конгрессе Коминтерна Пальмиро Тольятти выдвинул тезис, в соответствии с которым еще в 1920-ом году фашизм представлял собой революционное движение. Тогда фашизм не думал устанавливать диктатуру «финансового капитала»¹⁶⁰.

К этому тезису в марте 1923 года присоединился и Аквила. Он считал, что только с конца 1920-го года, то есть, после союза с аграриями фашизм утратил многое из своего изначально подрывного и преобразующего характера. С этого момента в фашизме можно различать два крыла, преследующих различные, иногда даже противоположные цели¹⁶¹. В своей статье Аквила развивает теорию, которую можно сравнить с более поздними теориями модернизации. Согласно его мнению, первостепенная цель возглавляемого самим Муссолини прогрессивного городского крыла в фашизме заключается в индустриализации и модернизации Италии. Это течение нельзя без разбору клеймить как «реакционное». В нём не-

¹⁵⁵ См. Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 331; Aquila. Der Faschismus an der Macht. P. 63f.; idem. Der Faschismus in Italien. P. 20-23.

¹⁵⁶ Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 331; Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 20-23; Jacobsen. Der Faschismus. P. 302.

¹⁵⁷ См. Trockij. Geschichte der russischen Revolution. P. 839; Ленин. Сочинения. Т. 41. С. 14-16.

¹⁵⁸ См. на эту тему Tasca. Glauben, Gehorchen Kämpfen. P. 54, Balabanoff. Erinnerungen und Ergebnisse. P. 84-86; idem. Wesen und Werdegang des italienischen Faschismus. Wien, 1931. P. 180-195.

¹⁵⁹ Clara Zetkin, Rede auf dem Internationalen Anti-Faschismus Kongreß // Inprekorr. 23.3.1923. Nr. 52. P. 418-419; см. также Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 29ff.; Radek / Protokoll des 4 Kongresses der Komintern. P. 314-315.

¹⁶⁰ См. J. M. Cammett. Communist Theories of Fascism. P. 158-159.

¹⁶¹ Aquila. Der Faschismus an der Macht. P. 66-67; idem. Der Faschismus in Italien. P. 29-31.

мало бывших социалистов, которые пытаются спасти первоначальный революционный фашизм от напора реакционных аграриев¹⁶². В марте 1923-го года Клара Цеткин подтвердила тезис Аквилы: «Противоречие между аграрным и промышленным капиталом, первый из которых стремился повернуть страну к старым авторитарным отношениям, а второй был заинтересован в построении современного промышленного государства, существует в партии и сейчас»¹⁶³. Для Аквилы фашизм является одним из самых противоречивых политических течений новейшей истории: «...суждения о фашизме даже в самой Италии далеко не единодушны, а иногда они резко противоречат друг другу... Но самое интересное заключается в том, что все эти... мнения и суждения о фашизме действительно содержат долю правды; их ошибочность состоит лишь в том, что они считают общезначимыми отдельные явления или характерные черты отдельных фаз развития, и именно поэтому не объясняют явление в целом»¹⁶⁴. Эти противоречия, как полагал Аквила, могут взорвать фашизм, но своими успехами фашизм обязан прежде всего обстоятельству, что ему удался синтез этих противоречий¹⁶⁵. Фашизм хоть и является плебейским, антиконсервативным движением, не смог бы тем не менее достичь таких успехов в борьбе против итальянского рабочего движения без поддержки консервативного государственного аппарата и господствующих слоев Италии. С другой стороны, фашистское движение без плебейских и радикальных элементов полностью лишилось бы своей действенной силы и оказалось бы таким образом неспособным к успешной борьбе¹⁶⁶.

Хотя Аквила отчетливо видел конфликт интересов руководимого Муссолини течения фашизма с аграриями, он недооценивал, подобно позднейшим представителям теории модернизации, двойственность в отношении Муссолини к другой части высших слоев итальянского общества – к предпринимателям¹⁶⁷. Цели промышленного капитала и Муссолини были для Аквилы по существу идентичными. Оба стремились к подъему промышленного производства в Италии и подчинению дисциплине рабочего класса¹⁶⁸. Но следует заметить, что это совпадение интересов не было особенно глубоким. Муссолини, к примеру, добивался участия Италии в мировой войне (с ноября 1914 года) в первую очередь не по экономическим или каким-либо иным рациональным соображениям. Надежда, что участие в войне сможет ускорить процесс развития итальянской промышленности, наверняка не была, в противовес мнению Аквилы, важнейшим мотивом, определявшим тогдашние действия Муссолини. Муссолини знал, что война озна-

¹⁶² Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 29-31.

¹⁶³ Clara Zetkin, Rede auf dem Internationalen Anti-Faschismus Kongreß. P. 418-420.

¹⁶⁴ Aquila. Der Faschismus an der Macht. P. 62.

¹⁶⁵ Ibid. P. 62-67; idem. Der Faschismus in Italien. P. 37-39, 61.

¹⁶⁶ Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 8-10, 15, 35-39, 61.

¹⁶⁷ См. также Borkenau F. Zur Soziologie des Faschismus / Theorien über den Faschismus. P. 156-181.

¹⁶⁸ Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 55-57, 64-65; idem. Der Faschismus an der Macht. P. 62-64.

чает в первую очередь разрушение, а не созидание¹⁶⁹, и тем не менее он высказался за войну, так как презирал пассивность и нейтралитет как признаки упадочничества. В ноябре 1914-го года он говорил: «Сегодня... антивоенная пропаганда является пропагандой трусости. Она имеет успех постольку, поскольку возбуждает и укрепляет инстинкт самосохранения каждого человека. Но именно поэтому она и является антиреволюционной акцией»¹⁷⁰. После начала войны Муссолини покинул СПИ, но не потому, что он был подкуплен «капиталистами»¹⁷¹, а потому, что у социалистов ему не хватало сплоченности и воли к действию¹⁷².

Яков Тальмон называет Муссолини одним из первых ренегатов крайне левых, которые переметнулись к крайне правым¹⁷³. Мотивы, которые подвигли представителей радикального крыла рабочего движения к сближению с крайне правыми, Тальмон исследует на примере другого «ренегата» социализма – француза Жоржа Сореля. Классовая борьба пролетариата интересовала Сореля не потому, что он в первую очередь отвергал угнетение рабочего класса по моральным соображениям. Гораздо более важным было в этой связи его убеждение в том, что готовность рабочих к применению прямого насилия неизмеримо больше, чем у буржуазии. Когда противники пролетариата предъявили доказательство того, что они способны применять насилие более эффективно, чем рабочие партии, Сорель перенес свои симпатии и надежды на эти антипролетарские группировки. И теперь он ожидал от них омоложения европейской культуры путем применения насилия¹⁷⁴. Это изображение идеологического перерождения Сореля Яковом Тальмоном в точности приложимо и к случаю Муссолини. И для него главной целью борьбы была ревитализация европейской культуры, а не освобождение угнетенных¹⁷⁵. Когда обнаружилось, что рабочие в принципе более миролюбивы и пассивны, чем определенные активные элементы буржуазии, что целью большинства рабочих является скромное благосостояние, а не общественный переворот, Муссолини с разочарованием отвернулся от них¹⁷⁶. Его надежды на омоло-

¹⁶⁹ Mussolini. Opera. Vol. 7. P. 76-78.

¹⁷⁰ Mussolini, Schriften und Reden. Vol. 1. P. 3; см. также Settembrini D. Mussolini and the Legacy of Revolutionary Socialism // Journal of Contemporary History. 1976. October. Vol. 11. Nr. 4. P. 239-268.

¹⁷¹ См. на эту тему Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 32-33.

¹⁷² Vgl. Mussolini. Opera. Vol. 7. P. 77-79; Heller. Europa und der Faschismus. P. 41-43; Gregor. The Ideology of Fascism. P. 14-15; Schulz G. Faschismus-Nationalsozialismus. Frankfurt/Main, 1974. P. 16-19.

¹⁷³ Talmon J. The Unique and the Universal. L., 1965. P. 195-197.

¹⁷⁴ Idem. The Legacy of Sorel // Encounter. 1970. Februar; idem. The Unique and the Universal. P. 190-192, 195-197; см. также Sorel G. Über die Gewalt. Innsbruck, 1928.

¹⁷⁵ См. Nolte, Marx und Nietzsche im Sozialismus des jungen Mussolini; Priester K. Der italienische Faschismus. Ökonomische und ideologische Grundlagen. Köln, 1972. P. 84-90, 96-97.

¹⁷⁶ Mussolini. Opera. Vol. 16. P. 445. См. также Ortega y Gasset J. Der Aufstand der Massen. Stuttgart, 1957. P. 253-255; Freyer H. Revolution von Rechts. Jena, 1931.

жение и ревитализацию общества связывались теперь с вернувшимися с полей сражений участниками войны – независимо от их классового происхождения¹⁷⁷.

Мотивы, определявшие поведение Муссолини, были в первую очередь волюнтаристскими, поэтому можно лишь в известных границах вести речь о совпадении интересов Муссолини и промышленного капитала. Конечно, индустриализация Италии соответствовала как его интересам, так и интересам североитальянской промышленной буржуазии. Но ясно и другое, что далеко идущие цели иррационального и непредсказуемого фашистского режима и рационально-расчетливого итальянского промышленного капитала противоречили друг другу¹⁷⁸. Представители теории модернизации недооценили это противоречие интересов¹⁷⁹.

6. Прогнозы Коминтерна относительно будущего развития фашистского режима в Италии

Тот факт, что итальянский фашизм добился своих побед за счет мобилизации масс, должен был, по мнению многих теоретиков Коминтерна, сразу же после захвата власти поставить фашизм перед трудно решаемыми задачами. Фашизм с неизбежностью должен разочаровать своих последователей, утверждали они. Исполнение хотя бы части тех ожиданий, которые фашисты разбудили своей пропагандой у самых разных слоёв итальянского населения, выше их сил. И это должно было привести к отходу масс от фашизма¹⁸⁰. Уже спустя несколько недель после похода на Рим А. Якобсен писал, что непреодолимое классовое противоречие начнет угрожать фашистам в тот час, когда они придут к власти. Вождей фашизма можно причислить к буржуазии, а массы его приверженцев, напротив, требуют улучшения своего материального положения. Смогут ли фашисты надолго остаться у власти, зависит от способности Муссолини сдержать фашистские массы и хотя бы отчасти удовлетворить их потребности. Иначе классовая борьба взорвет фашизм в самом скором времени¹⁸¹. В то же самое время и Радек предсказывал фашистскому режиму большие трудности. Первостепенной задачей фашизма является теперь демобилизация широких масс своих сторонников, которая скорее всего не будет протекать гладко. Фашистские боевики наверняка попытаются

¹⁷⁷ Mussolini. Opera. Vol. 16. P. 211-212.

¹⁷⁸ См. на эту тему Michels. Sozialismus und Fascismus in Italien. Vol. 2. P. 263; Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 385-387; Fetscher. Faschismus und Nationalsozialismus. P. 50-5; Gregor. The Ideology of Fascism. P. 22-24; Ludwig. Mussolinis Gespräche. P. 155-156; Schieder. Faschismus. P. 460-464; Sarti. Fascism and the Industrial Leadership. P. 1-2, 17, 56; De Felice. Der Faschismus. P. 52-54.

¹⁷⁹ О противоречиях между итальянским фашизмом и промышленным капиталом говорили, однако, в начале 20-ых годов и некоторые идеологи Коминтерна, в том числе и упомянутый автор, пользующийся инициалами P. O.-i. (Der Faschismus. P. 99), а также и упомянутый немецкий коммунист Якобсен (Der Faschismus. P. 303).

¹⁸⁰ Radek / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 314-315.

¹⁸¹ Jacobsen. Der Faschismus. P. 304.

восстать против желания Муссолини отправить их домой и заменить регулярной армией. Источник силы фашизма – его массовый базис – после захвата власти сможет стать главным фактором его разрушения. Муссолини будет вынужден выполнять «капиталистическую» а не «мелкобуржуазную» программу, и этим он наверняка разочарует своих мелкобуржуазных сторонников, утверждал Радек¹⁸².

Амадео Бордига тоже предсказывал на 4-ом конгрессе Коминтерна большие трудности для фашистского режима. Правда, он не верил, что эти проблемы повлекут за собой скорейший крах фашистского режима. „Мы утверждали, что фашизм должен считаться с недовольством, вызванным политикой правительства. Тем не менее нам хорошо известно, что, имея в руках наряду с государственной властью еще и военную организацию, можно с легкостью одержать победу над недовольством и неблагоприятными экономическими обстоятельствами... Фашисты отлично организованы и имеют благоприятные перспективы. При таких обстоятельствах можно предвидеть, что позиция фашистов отнюдь не является ненадежной»¹⁸³. Таким образом, Бордига оказался на этот раз осторожнее и реалистичнее, чем Радек. Но, несмотря на это предостережение Бордиги, тезис о скором крахе фашизма на основе его внутренних противоречий был тогда в Коминтерне очень популярен.

Даже такой глубокий исследователь фашизма как Аквила писал в 1923 году в своей книге *Фашизм в Италии*, что фашизм хотя и не потерпел крах и не переживает никакого непосредственного кризиса, но идеологически он обанкротился. Фашизм, по его мнению, разочаровал своих пролетарских, мелкобуржуазных и крестьянских приверженцев, а его притягательная сила в глазах масс значительно ослабела¹⁸⁴. Аквила полагал, что не только массы, но и большие части буржуазии постепенно переходят в оппозицию к фашизму. Хотя Муссолини и создал государство, защищающее интересы буржуазии, его поддерживает не вся буржуазия, да и никогда итальянская буржуазия не стояла единым фронтом на стороне Муссолини¹⁸⁵. Либеральные слои итальянской буржуазии теперь выступают за возврат к парламентской форме правления¹⁸⁶. Идеи Аквилы развивала Клара Цеткин в своем докладе на 3-ем пленуме ИККИ. Она указывала на постоянно нарастающее противоречие между фашизмом и другими буржуазными партиями. Фашизм преследует цель создания единой буржуазной классовой организации как противовес революционному пролетариату. Поэтому он хочет либо распустить, либо вобрать в себя другие буржуазные партии¹⁸⁷. Но до сих пор фашистам уда-

¹⁸² Radek / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 314-315.

¹⁸³ Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 349-350.

¹⁸⁴ Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 53.

¹⁸⁵ Ibid. P. 63.

¹⁸⁶ Ibid. P. 66. Также и некоторые социал-демократические авторы были тогда уверены в том, что фашистский режим в ближайшее время распадется. См. статью «Фашистская контрреволюция» в органе партии меньшевиков Социалистический вестник (21.11.1922); Того же мнения придерживался и один из вождей итальянских социалистов Модильяни (Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses. Mai 1923. P. 38.)

¹⁸⁷ Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 223.

лось включить в свой состав только маленькую партию националистов, а с другими партиями эта попытка потерпела крах. Наоборот, «буржуазные» демократы возвращаются к своим старым идеологиям, а самая большая «буржуазная» партия Италии – пополари – находится в открытой оппозиции к фашизму¹⁸⁸. Другими словами, Клара Цеткин считала, что фашистам не удалось создать «буржуазную партию нового типа», как охарактеризовал её Бордига на 4 конгрессе Коминтерна. Фашизм не смог собрать в единый кулак все буржуазные силы, продолжает Цеткин, он представляет собой не блок из гранита, а двойственное образование, включающее в себя противоположные элементы. И поэтому фашизм разложится, но не сам по себе. Итальянский рабочий класс должен ускорить этот процесс своей борьбой¹⁸⁹.

Но в тот момент было весьма сложно выполнить это требование Клары Цеткин. Ударная сила итальянского рабочего движения, деморализованного двухлетним фашистским террором, отнюдь не увеличилась после прихода фашистов к власти. Пропась между социалистами и коммунистами в Италии, несмотря на установление фашистской диктатуры, тоже не была устранена. Руководство Коминтерна предпринимало всё новые попытки подтолкнуть обе итальянские рабочие партии к совместным выступлениям против фашизма. В 1923 году Аквила писал, что самозащита рабочего класса от фашизма должна быть организована всем рабочим классом в целом, без различия партий¹⁹⁰. Это необходимо, так как фашизм направлен против пролетариата в целом, а не против той или иной пролетарской партии¹⁹¹. Но призывы руководства Коминтерна, адресованные прежде всего КПИ, создать единый фронт в борьбе против фашизма, оставались тщетными. В течение всего 1923-го года КПИ оставалась практически парализованной из-за конфликта её левого руководства с ИККИ и полемики с верным Коминтерну меньшинством внутри партии. Не намного лучше было положение раздробленной из-за борьбы внутренних группировок и разгромленной фашистским террором СПИ¹⁹². Руководство Коминтерна знало об этом глубоком бессилии итальянского рабочего движения. Поэтому оно в принципе не рассчитывало на сопротивление итальянских рабочих партий как на фактор, могущий обеспечить разгром фашистского режима. Гораздо больше оно надеялось на разочарованных, по его мнению, сторонников самого фашистского режима. Поэтому так часто говорилось об идеологическом банкротстве фашизма, об утрате его привлекательности в глазах масс, привлеченных вначале его идеями¹⁹³. То, что большинство теоретиков Коминтерна не понимало идеологического своеобразия фашизма и идео-

¹⁸⁸ Ibid. P. 223-224.

¹⁸⁹ Ibid. P. 226-227.

¹⁹⁰ Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 82-83.

¹⁹¹ Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI; Gruber. The International Communism in the Era of Lenin. P. 371-379.

¹⁹² Nenni. Todeskampf der Freiheit. P. 111-126.

¹⁹³ Radek / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 314-315; Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 68-67.

логических мотивов его сторонников, мстило за себя и здесь, подобно тому, как это происходило и при других ошибочных прогнозах руководства Коминтерна, описанных выше.

Тезис многих коммунистических теоретиков о том, что фашизм потеряет свою притягательную силу после прихода к власти, не подтвердился реальным ходом развития обстоятельств в фашистской Италии. Наоборот, именно находясь у власти фашизм смог привлечь в русло своей идеологии все более широкие слои населения Италии, несмотря на отдельные поражения, прежде всего во время кризиса, связанного с убийством лидера СПИ Маттеотти (1924). Консенсус между правительством и режимом со временем, собственно, до середины тридцатых годов, становился всё глубже.

На это указывают многие исследователи фашизма, среди них Де Феличе и Мелограни¹⁹⁴. Верно то, что многие убежденные фашисты в разочаровании отошли от фашизма из-за мер фашистского правительства, противоречивших фашистским идеям. Но разве не было такого же количества разочарованных большевиков, упрекавших большевистское правительство после Октябрьской революции в «предательстве» изначальных большевистских принципов и отошедших от большевизма? Но большинство большевиков приспособилось к новым обстоятельствам и сохранило верность партии. Из-за нахождения у власти большевистская партия ни в коей мере не утратила своей притягательной силы, хотя с марта 1918-го года, после ухода из правительства левых эсеров, она единолично правила в России¹⁹⁵.

Те элементы в обществе, которые хотели влиять на политические процессы в стране, в связи с разгромом всех оппозиционных группировок, не имели, за редкими исключениями, другого выбора, кроме как вступить в большевистскую партию. Многие делали это из оппортунизма, но было немало и тех, кто руководствовался идеологическими мотивами. При этом надо учитывать то обстоятельство, что проблемы, с которыми столкнулись фашисты после похода на Рим, были несравнимы с теми трудностями, которые приходилось преодолевать большевикам в их борьбе за власть в период с 1917 по 1921 год. Некоторые идеологи Коминтерна оспаривали способность фашистской партии справиться с кризисами таким же образом, как это делали в своё время большевики. Они полагали, что фашистская партия ни в коей мере не является столь же устойчивой и закаленной, как большевистская. Радек писал в связи с этим в августе 1923 года: «Нельзя забывать, что, в то время как русская коммунистическая партия имеет позади себя 25-летнюю историю, выковавшую из неё монолитный стальной блок, итальянский фашизм представляет собой молодое, слабое образование»¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Melograni P. The Cult of the Duce in Mussolini's Italy // *Journal of Contemporary History*. 1976. Oktober. Vol. 11. Nr. 4. P. 221-237; De Felice. *Der Faschismus*. P. 67-69; Idem. *Mussolini il Duce, I. Gli anni del consenso*. Turin, 1974.

¹⁹⁵ См. Deutscher. *Der bewaffnete Prophet*. P. 377-378; Carr E.H. *The Bolshevik Revolution*. L., 1960. Vol. 1. P. 160-161.

¹⁹⁶ Radek. *Die internationale Lage*. P. 22.

Но в той же самой статье Радек предостерегает легковверных оптимистов, надеющихся на скорое свержение фашизма: «Когда приходится читать о внутреннем разложении фашизма, то мы, русские коммунисты, прежде всего склонны к осторожности. Уже пять лет мы читаем в буржуазных газетах, что то Ленин, то Троцкий арестованы, а наша партия ежедневно распадается на десять частей. Я не верю в то, что фашизм завтра распадется»¹⁹⁷.

Это трезвое высказывание Радека известным образом сочетается с предостережением Бордиги от недооценки способности фашистского режима к сопротивлению, которое он высказал на 4-ом конгрессе Коминтерна. Оба эти высказывания указывают на то, что были тогда в Коминтерне и теоретики, которые в своём анализе фашистского режима, несмотря на господствующую в Коминтерне тенденцию недооценки фашистской угрозы, приближались к реалистической оценке этого нового, ранее не существовавшего феномена и не поддавались соблазну принимать желаемое за действительное.

Авторизованный перевод с немецкого: Ларисы Лисюткиной

¹⁹⁷ Ibid. P. 22.

Роджер Гриффин

Фашизм до и после Второй Мировой войны: историческая роль, идеологические установки, политическое значение*

В последнее время в политологических и исторических работах о фашизме всё больше говорят как о революционной форме анти-либерального национализма. В своем фанатичном стремлении к национальному возрождению – в особенности в Германии – в 1930-40-х годах фашизм сыграл решающую роль в развязывании гражданской войны в Испании и Второй мировой войны в Европе, а также в гибели миллионов военных и гражданских лиц вследствие военных действий, репрессий, принудительного труда и геноцида. Будучи идеологией всеобъемлющей общественной трансформации, реализация которой неизбежно ведет к возникновению тоталитарного политико-военного проекта, фашизм стал результатом мощного роста ультранационализма в Европе XIX века, однако лишь после окончания Первой мировой войны он стал разобщенной политической силой во многих странах европеизированного мира¹. Вызванная войной разруха и последовавшие экономические бедствия в сочетании с падением абсолютистских режимов, большевистской революцией в России и подъемом коммунизма в иных

* Перевод статьи «Fascism» в *Encyclopedia of Modern Political Thought* (Ed. G. Claeys. Washington: CQ Press, 2012). Публикуется с любезного разрешения автора и издательства. Ранняя версия перевода публиковалась в журнале *Политические исследования* (2012. № 3). См. также следующие статьи Гриффина на русском языке: Гриффин Р. Революция Правых: Фашизм. 2004. <http://www.fti.dn.ua/~metlov/griffin.html>; он же. Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 51-63. http://www.shekhovtsov.org/translations/Roger_Griffin-Palingenetic_Community.pdf; он же. От слизевиков к ризоме: введение в теорию группускулярной правой // Верхи и низы русского национализма / Под ред. А. Верховского. М., 2007. С. 223-254. http://www.shekhovtsov.org/translations/Roger_Griffin-From_Slime_Mould_to_Rhizome.pdf; Гриффин Р. Введение к книге *Модернизм и фашизм*. 2009. http://www.shekhovtsov.org/translations/Griffin-Modernism_and_Fascism-Aufbruch.html; он же. 2011. Современное состояние и будущие направления сравнительных исследований исторического фашизма и неофашизма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2011. № 2. С. 257-277. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss14/a13Griffin.pdf>. Первые рецензии книг Гриффина вышедшие в российских журналах были: Умланд А. Старый вопрос, поставленный заново: что такое «фашизм»? (Теория фашизма Роджера Гриффина) // Политические исследования. 1996. № 1(31). С. 175-176; Рахшмир П. Фашизм: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10. С. 153-157.

¹ Далее см.: Griffin, R. *The Nature of Fascism*. L., 1991; *Fascism* / Ed. R. Griffin. Oxford, 1995; *International Fascism: Theories, Causes and the New Consensus* / Ed. R. Griffin. L., 1998; *Fascism: Critical Concepts in Political Science*. 5 vols / Ed. R. Griffin, M. Feldman. L., 2003; *Fascism, Totalitarianism and Political Religion* / Ed. R. Griffin). L., 2006; *The Fascist Century: Essays by Roger Griffin* / Ed. M. Feldman. Basingstoke, 2008.

странах серьезно подорвали уверенность в либеральном видении прогресса даже в победивших либеральных государствах.

Фашисты – особенно в межвоенный период – рисовали в своем воображении неминуемую реализацию радикальной, современной и тоталитарной альтернативы абсолютизму, либерализму, коммунизму и военному или консервативному авторитаризму, которая должна была основываться на возросшей власти органически воспринимаемой нации, народа или расы. В широком смысле термин «фашизм» также относится к режимам, массовым движениям, полувоенным элитам или активным лидерам, преданным реализации этого проекта, а также к насилию, политическому курсу, мерам, ритуалам, пропаганде, публицистическим работам, мнениям, поведению, образу мышления и – в последнее время – веб-сайтам, которые посвящены безжалостному осуществлению идеологии тотального этнического или расового новорождения в отдельно взятой стране, Европе или на «Западе» в целом. Парадокс наднационального фашизма объясняется тем фактом, что фашизм – в отличие от теоретического коммунизма (на практике коммунизм всегда реализовывался с привлечением радикального национализма), – будучи крайне этноцентрическим и ультранационалистическим, может, тем не менее, прибегать к интернационализму в рамках представления отдельных попыток возрождения нации, расы или региональной культуры (этноплюрализм) как частных проявлений международной борьбы против общих врагов (например, коммунизма, материализма, иудаизма, исламизма, мультикультурализма, западного загнивания). Попытки основать фашистский интернационал в межвоенный период потерпели неудачу, однако после 1945 года данный аспект фашистской мысли стал играть гораздо более значимую роль в таких феноменах как «вселенский нацизм» и «еврофашизм».

Обычно фашисты видят себя вовлеченными в героическую, меняющую историю борьбу с силами общественного, этнического или цивилизационного упадка (иногда представленного в открыто расовом и биологическом смысле) посредством ново- или возрождения (палингенеза) всего национального политического устройства. Их программа предполагает фундаментальный пересмотр не только ключевых институциональных структур государства, но и общественно-политической культуры и демографического состава, что должно способствовать обновлению физического и нравственного здоровья государства. Критической проверкой этого здоровья, по мнению фашистов, является становление государства как культурной, имперской и военной силы. Однако реализация этой «позитивной» утопической цели – особенно на начальном этапе построения режима – со всей разрушительной мощью проявляется в систематическом насилии и враждебной пропаганде, направленных против предполагаемых агентов упадка, таких как профсоюзы, социалисты, коммунисты, либеральные гуманисты, этнические меньшинства, особенно евреи и цыгане, гомосексуалисты, «упадочные» деятели искусства, иммигранты и их потомки, а также «чуждые» религии. При этом необходимо отметить, что социальные категории, воспринимаемые как «враги»

возрождаемой нации или нового порядка, заметно разнятся в каждом конкретном случае.

Вследствие критики оппонентов фашизма, особенно левых, понимание его идеалистической революционной динамики было затруднено его готовностью к прагматическому сотрудничеству с консервативными институтами (церковью, монархией, консервативными правыми, буржуазией, армией и крупным бизнесом), что компрометировало становление фашистского государства как полностью независимого режима, явно и решительного порвавшего со старым порядком. Будущая динамика фашизма также кажется парадоксальной, учитывая его частые отсылки к идеализированному героическому прошлому и прославление очевидно «регрессивных» ценностей общности, крови и почвы в попытке установления мифических основ и корней нового государства и этнического сообщества. Тем не менее, этот «новый порядок» понимается его наиболее страстными приверженцами как альтернативная современность, в результате реализации которой должны нивелироваться все угрозы, исходящие от материализма, атомизации общества, индивидуализма, либерализма, космополитизма и интернационалистического коммунизма.

Идейная система фашизма

Учитывая уникальное становление каждой разновидности фашизма и его акцент на приоритете действия и героизма над теорией и интеллектом, представляется довольно сложным охарактеризовать его «идейную систему» иначе, чем в самых общих терминах. Каждая его национальная разновидность и каждый элемент отдельно взятой разновидности рационализируются посредством уникального синтеза идей, находящих определенный отклик в рамках той особенной исторической и политической культуры, в которой возникает фашистское движение. Несмотря на то, что нехватки идеологов, артикулирующих фашистское мировоззрение, не наблюдается – некоторые из них преуспели в разработке своих идей в рамках сложного теоретического и академического дискурса – не существует такого фашистского деятеля, который играл бы роль, эквивалентную той, которую сыграли Эдмунд Берк, Джон Стюарт Милль, Карл Маркс, Михаил Бакунин и Ленин для иных идеологий. Однако в идейной системе фашизма существует ряд повторяющихся характеристик. Одна из них – концепция витализма, волюнтаризма и культа мифотворчества как позитивных идей, способствующих «творению» истории вместо ее пассивного понимания. Эти идеи позволяют отнести фашизм к анти-просвещенческой традиции, к которой относятся и такие антипо-

зитивистские мыслители, как Фридрих Ницше, Жорж Сорель и Мартин Хайдеггер².

С этой чертой фашистской идеологии согласуется то, что определяют как «гностическую» концепцию знаний, в рамках которой знания представляются не в рационалистических эмпирических терминах, а в качестве ориентированного на действие, телесного источника идентичности и исторической миссии. В эту же концепцию входит манихейское видение современной цивилизации и определение тех слоев общества или человечества, которые следует подавить, изгнать или уничтожить для возрождения национального сообщества или «Запада» в целом. Восприятие современной истории как театра военных действий между противостоящими силами обновления и упадка также означает, что такие темы, как раса, экономика, закон, технологии или социальное жилье представляются в фашистской идейной системе в рамках палингенетической – или, как часто говорят, «апокалиптической» или «милленаристской» – концептуальной структуры, в которой хаос, анархия и насилие в современном мире видятся как прелюдия к наступлению новой эпохи, что наделяет всякое насилие очищающим, катарсическим качеством «творческого разрушения» и «позитивного нигилизма».

Будучи разновидностью синкретизма, отдельные фашистские идейные системы включают в себя элементы, заимствованные из естественных и гуманитарных наук, таких как социал-дарвинизм, евгеника, демография и физическая антропология. Они также могут интегрировать искупительный дискурс организованного христианства там, где оно сохраняет доминирующую роль в обществе, подменяя теологическое сотериологическое содержание перспективой коллективного спасения через принадлежность к определенной расе и исторически-сложившемуся «сообществу судьбы», которое должно возникнуть при власти фашизма. Яркие примеры сложного симбиоза, который смог возникнуть между фашизмом и религией, обнаруживаются в фашистской Италии, нацистской Германии, испанском движении «Фаланга», румынской «Железной гвардии» и южноафриканском движении «Оссевабрандваг». Кроме того, даже потерпевшие неудачу формы секулярного фашизма своей мобилизационной силой обязаны не подлинной сверхъестественной религии, а своей способности сакрализировать – посредством мифологизированного дискурса и ритуалов – секулярный проект построения нового национального или расового сообщества в рамках исторического времени, равно как и эффектной демонстрации власти и политической религии, порождаемой фашизмом.

Интеграция некоторых элементов христианской веры или формирование языческой религии расы является еще одной характеристикой фашистской идейной системы, а именно готовностью фашизма к объединению мощной будущей темпоральности, обращенной к становлению нового порядка, и элементов, взя-

² Wolin R. *The Seduction of Unreason: The Intellectual Romance with Fascism from Nietzsche to Postmodernism*. Princeton, 2006.

тых из чрезвычайно мифологизированного прошлого³. Так, итальянский фашизм прославлял свою «римскость», нацисты – арийское прошлое, а Британский союз фашистов – Елизаветинскую эпоху культурной, коммерческой и политической мощи. В данном контексте представляется целесообразным рассматривать фашизм как разновидность «политического модернизма», сторонники которого видели выход из кризиса современности, проявлявшегося в межвоенную эпоху в политической, экономической, общественной и духовной сферах, в создании новой «корневой» современности. В этом случае новое или возрожденное национальное сообщество, которое было бы способно обеспечить его членов чувством принадлежности, смысла и надежды, можно было бы создать путем повторного «зачарования» мира, уничтоженного такими «упадническими» аспектами современности, как материализм, индивидуализм, атомизация, аномия, коммунизм, расовое смешение и утрата контакта с «кровью и почвой» традиции⁴.

Межвоенный фашизм

В период между двумя мировыми войнами фашистские движения (многие из них были немногочисленными и успешно маргинализированными) возникли в большинстве европейских стран⁵, а также в США, Бразилии, Чили⁶. Наиболее известными из них была испанская «Фаланга», венгерская партия «Скрещенные стрелы», румынский «Легион Архангела Михаила», французский «Огненный крест», Британский союз фашистов, бельгийская Рексистерская партия, норвежское «Национальное единение», хорватское движение «Усташи», «Бразильское интегралистское действие», чилийское Национал-социалистическое движение и южно-африканский «Оссеабрандваг». (Имперский режим, установленный в Японии эпохи Сева императором Хирохито, обнаруживал отдельные характеристики Третьего рейха, но уходил корнями в неофеодальную социальную систему, что делало его отличным от фашизма.) Все они особым образом были адаптированы к местным условиям, но все они преследовали одну и ту же химерическую идею неминуемой ультранационалистической революции и зачастую использовали организационные формы, образы и ритуалы, заимствованные из итальянского фашизма и германского нацизма. Кроме того, ощущение «фашистской эпохи», длившейся с 1918 по 1945 гг., усиливалось в то время еще и тем, что все правоавторитарные режимы подверглись процессу «фашизации» (например, в Аргентине, Португалии, Австрии, Польше и балтийских странах), выразившейся в

³ Osborne P. *The Politics of Time: Modernity and the Avant-Garde*. L., 1995.

⁴ Griffin R. 2007. *Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler*. L., 2007.

⁵ Випперман В. *Европейский фашизм в сравнении 1922-1982*. Новосибирск, 2000. <http://lib.ru/POLITOLOG/fascio.txt>.

⁶ *Fascism Outside Europe: The European Impulse against Domestic Conditions in the Diffusion of Global Fascism* / Ed. S. Larsen. N.Y., 2001.

возникновении феномена, который иногда называют «пара-фашизмом». На ощущение «фашистской эпохи» влияла и широко распространенная интерпретация гражданской войны в Испании как исторической борьбы между фашизмом и коммунизмом за право диктовать будущее Запада. В действительности, фашизм смог в значительной степени завоевать государственную власть только в Италии и Германии, хотя местные фашистские движения кратко делили государственную власть в Румынии, сотрудничали с авторитарным режимом Франко в Испании и режимом Виши Петена во Франции, а также содействовали государственному коллаборационизму с нацистскими оккупантами в Норвегии, Бельгии, Венгрии, Хорватии и Словакии.

Если исследовать проявления межвоенных форм фашизма более детально, то важно различать динамичное, радикальное фашистское движение, в котором утопизм был наиболее ярко выдержан, и фашистский режим, где соображения целесообразности и реальной политики вышли на первый план в отношении «прививания» нового порядка на существующее государство и общество. Так, «полицентрическое» государство Третьего рейха сохранило элементы Веймарского и вильгельмовского порядка, а в фашистской Италии сохранились многие составляющие до-фашистского времени. Также важно отметить, что все значительные формы фашизма включали в себя самые различные идеологические течения, что делает опасным обобщения касательно идейной системы фашизма межвоенного периода помимо указания на общую приверженность призрачному мифу национального возрождения.

Результаты недавних исследований, в которых делается упор на современной, палингенетической динамике фашистской идейной системы, какой бы рационализированной и наукообразной она ни была, позволяют подтвердить отношение фашизма к современности. Как марксисты, так и не-марксисты обычно считали, что фашизм был анти-современным и смотрел в прошлое, несмотря на то, что некоторые формы фашизма (нацизм, итальянский фашизм, Британский союз фашистов, «Бразильское действие») делали особый акцент на технократическом аспекте своих проектов. Например, в итальянском фашизме воспевание «римскости» сопровождалось масштабными общественными работами по модернизации инфраструктуры государства и прославлением таких вещей, как аэропланы, модернистские здания, городское планирование, социальное обеспечение и синтетические волокна. В технологической области нацизм был еще более эффективным – это касалось транспортной сферы, реактивных двигателей, военных технологий, равно как и использования евгеники и промышленных методов массовых убийств. В обоих обществах были предприняты колоссальные усилия по продвижению социальной инженерии, направленной на создание нового гражданина и «нового человека», чтобы вытянуть общество из водоворота 1920-х гг. В области искусства и архитектуры создавались грандиозные культурные и строительные проекты, пронизанные модернистским духом, хотя, с эстетической точки зрения, нацисты и осуждали большую часть современного экспериментально-

го искусства, считая его «упадническим». Таким образом, вполне оправданно говорить о попытке фашизма осуществить «социальную», «культурную» и даже «антропологическую» революцию, не забывая, естественно, о тех многообразных формах, которые принимала фашистская культура.

Послевоенный фашизм

После поражения сил Оси в 1945 году, восстановления либерализма и капитализма, а также шокирующего обнаружения миллионов жестоких преступлений, совершенных на нацистских «полях смерти», в концентрационных лагерях и лагерях смерти, фактически во всем мире исчезли те исторические условия, которые могли бы породить массовую поддержку той или иной национальной формы фашизма. В частности, история нацизма показала всем, кроме самых фанатичных расистов, фундаментальный утопизм фашистского видения альтернативной современности и системную бесчеловечность, ставшую результатом претворения в жизнь теоретических нападок фашистов на либеральную демократию, коммунизм, мультикультурализм и человечество в целом. Война также обнажила ту бездну, которая разделяла риторику фашистского режима и те изменения, которые он смог реализовать. Она также показала катастрофические последствия функционирования режима, основанного на милитаризации и категоризации общества, символом которых стало превращение крупных немецких городов в руины. Фашизм уже не был – как это казалось его сторонникам до 1945 года – той силой, которая определяла эпоху. Таким образом, у фашизма возникли серьезные проблемы с возвращением в политическое пространство.

В результате этого послевоенные попытки напрямую имитировать межвоенные фашистские партии (без полувоенных подразделений, которые были для них характерны) или же полувоенные формирования (без сопутствующей политической партии), преследовавшие цели национального возрождения, не имели успеха. Наиболее эффективным из этих организаций, а именно Итальянскому социальному движению и Национал-демократической партии Германии, пришлось в значительной мере скрывать степень своих исторических связей и симпатий относительно режимов Муссолини и Гитлера, а также создавать видимость демократических намерений⁷. Те организации, которые признали провал «миметического» фашизма⁸, были вынуждены прибегнуть к ряду идеологических, тактических и организационных трансформаций ради сохранения – пусть и призрачной – перспективы фашистской революции в условиях, когда политическое пространство для маневров радикально сузилось из-за их ассоциации с Третьим рейхом. Это пространство еще больше сократилось вследствие подъема правора-

⁷ Eatwell R. *Fascism: A History*. L., 2003.

⁸ Миметический – подражательный, похожий, сходный (прим. ред.).

дикальных популистских партий, которые – какими бы антидемократическими ни были их внутренние убеждения – направили этноцентризм, ксенофобию и расовую ненависть в не-революционные, электоральные формы идентичностной политики. Значительные праворадикальные популистские партии возникли в Скандинавии, Нидерландах, Бельгии, Франции, Венгрии, Швейцарии, Австрии и Италии, лишив фашистские группы части их потенциальной общественной поддержки, но при этом сохраняя тайные связи с экстремистами⁹. В данном контексте французский «Национальный фронт» является модельной партией. Симптоматичным для смены тактики революционных националистов и расистов является то, что фашистские группы самого разного толка вывели борьбу с либерализмом и коммунизмом за пределы партийной политики. Следствием этого шага стала малая вероятность обнаружения фашистской угрозы демократическим институтам с помощью дефиниционных критериев межвоенного времени.

Изначально наиболее значительным организационным развитием этих организаций была «группускуляризация». Традиционные фашисты, которые сохраняли революционные амбиции, но при этом более не пытались сформировать или присоединиться к массовым партиям во главе с харизматическими лидерами, нашли выход для своего отвращения к либеральной демократии в формировании небольших групп, состав которых не превышал несколько сотен активных членов. Эти группускулы не обладали статусом политических партий, у них не было униформ или харизматических лидеров, а об их существовании можно было узнать лишь из редкой листовки. Однако в совокупности эти группускулы, в некоторые из которых входили самозванные воинствующие или полувоенные кадры, гарантировали сохранение и поддержку радикальных форм ультранационалистического или расистского фашизма во всем западном мире¹⁰. Группускулы не сконцентрировались в заметные «древовидные» организации (имеющие главный ствол и ветви), а стали «ризоматическим»¹¹ субкультурным фактором.

С точки зрения идеологии, одним из наиболее существенных изменений была интернационализация фашистского видения мира. В результате этого процесса вскоре после окончания войны появились различные формы еврофашизма и «вселенского» нацизма, предполагающего глобальную борьбу за белое превосходство и получившего распространение от Калифорнии до России и Австралии¹². Одной из современных разновидностей этих течений является Международная Третья Позиция, сторонники которой пытались в самый разгар «холодной войны» установить идеологические связи между европейским фашизмом и та-

⁹ Die Dynamik der europäischen Rechten: Geschichte, Kontinuitäten und Wandel / Ed. C. Globisch, A. Pufelska, V. Weiss. Wiesbaden, 2010.

¹⁰ Encyclopedia of the Far Right in Europe / Ed. P. Davies. Oxford, 2008.

¹¹ Ризома (фр. Rhizome – корневище) – понятие философии постмодерна, фиксирующее принципиально нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность как для внутренней имманентной подвижности, так и для интерпретационного плюрализма. См.: Новейший философский словарь.

¹² Coogan K. 1999. Dreamer of the Day: Francis Parker Yockey and the Postwar Fascist International. N.Y., 1999.

кими странами как каддафистская Ливия, которые искали (именно так представляли себе еврофашисты) некий «третий путь» между капитализмом и коммунизмом. Другая группа считала себя «политическими солдатами» – их деятельность состояла в осуществлении спорадических террористических актов против Системы, как это случилось в Италии и Германии в 1970-х гг. Логическим следствием создания альянсов между фашистами и другими врагами «Запада» стало то, что отдельные фашисты-международники начали принимать ислам, в особенности после событий 11 сентября 2001 года¹³. Совершенно иная тактика организации восстания против современного мира, уходящая корнями в фашистскую идейную систему, возникла в конце 1960-х гг. с появлением группы «новых правых», объединившей последователей плодовитого интеллектуала-самоучки Алена де Бенуа. Приверженцы новой тактики, публицистические работы которых заняли заметное место на периферии мейнстрима, оставили как электоральную политику, так и насилие ради «метapolитики». Они намеренно дистанцировались от биологического расизма и связей с историческими формами фашизма и сконцентрировались на эрудированной культурной критике либерального и марксистского гуманизма, а также на прославлении культурного наследия и дифференциации, с целью достижения «культурной гегемонии» антидемократических правых. Практическая реализация данной тактики, получившей название «правый грамшизм», приняла форму согласованной, но часто закодированной атаки на мультикультурализм и плюралистическую демократию во имя сохранения национальной однородности. Статьи и книги «новых правых» должны, по их мнению, служить идеологическим фундаментом будущей исторической трансформации панъевропейского духа в неофашистском направлении. Франция, Германия и Италия стали родиной особенно активных форм новоправого «дифференциалистского расизма», однако помимо разработки детального обоснования атаки на плюралистическую демократию, они не имеют заметного влияния на демократическую политику¹⁴. Исключением является Россия, где Александр Дугин – главный проповедник явно фашистских новоправых идей – занимает академический пост и имеет очевидное влияние на мейнстримную политику в России и в других странах (например, в Турции), ведущих борьбу за культурную гегемонию против «Запада»¹⁵.

Еще более значимым процессом, чем метаполитизация, стала виртуализация фашистской идейной системы и пропаганды посредством обширной сети веб-

¹³ Michael G. *The Enemy of My Enemy: The Alarming Convergence of Militant Islam and the Extreme Right*. Lawrence, 2006.

¹⁴ Bar-On T. *Where Have All the Fascists Gone?* Burlington, 2007.

¹⁵ Шеховцов А. Палингенетический проект неоевразийства: идеи возрождения в мировоззрении Александра Дугина // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2009. № 2. С. 105-126. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss12/7Shekhovtsov.pdf>; Умланд А. Патологические тенденции в русском «неоевразийстве»: о значении взлета Александра Дугина для интерпретации общественной жизни современной России // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2009. № 2. С. 127-141. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss12/8Umland%20Pathological.pdf>.

сайтов, посвященных нападкам на врагов национального или расового возрождения, сопровождающимся такой неприкрытой ненавистью и угрозами насилия, которые были бы немыслимы в «реальном» общественном и политическом пространстве. Тематика этих веб-сайтов совпадает с образами глобального расового Армагеддона, которые превратили *Дневники Тернера* Уильяма Пирса в международный бестселлер неонацизма¹⁶. На киберфашизме лежит ответственность за сохранение наиболее радикальных форм фашистской идейной системы и за радикализацию многочисленных фашистских активистов. Самые четкие следы межвоенного фашизма – наиболее радикальные в теории и смертельные по смыслу – можно обнаружить в тщательно спланированных террористических актах против гражданского общества, совершенных Тимоти МакВеем (1995), Дэвидом Коуплендом (1999) и Андерсом Брейвиком (2011)¹⁷.

За время, прошедшее с 1945 года, фашизм исчерпал свою революционную энергию. Тем не менее, в некоторых новых послевоенных обличиях он сохранил на ограниченном локальном уровне часть своего потенциала. Это позволяет фашистам распространять расовую ненависть, сеять страх среди этнических и религиозных меньшинств, а также планировать и при случае осуществлять террористические акции, направленные против «упаднического» гражданского общества, что вызывает повсеместное (хотя и временное) ощущение общенациональной чрезвычайной ситуации. Для бескомпромиссных фашистов этот упадок может по-прежнему воплощаться в их традиционных врагах – евреях, гомосексуалистах, представительной демократии и левых. Однако в настоящее время углубляющийся упадок все чаще связывается с попыткой современной демократии интегрировать в общество афроамериканцев, афрокарибцев, мусульман и другие этнические и религиозные меньшинства. Упадок также связывается с программой мультикультурного, многоконфессионального общества, «одномирным» эгалитарным видением человечества, воплощенном в ООН, «Большой семерке» и потребительском «МакМире», а также с размытием уникальных этнических идентичностей, «исламизацией» Запада и утратой культурного наследия и коллективной национальной или расовой памяти.

Дебаты о дефиниции фашизма

Предложенная выше характеристика фашизма не может претендовать на нечто большее, чем отражение широкого спектра современных экспертных мнений¹⁸. Точный смысл термина в рамках гуманитарных наук, равно как и его эвристиче-

¹⁶ MacDonald A. [псевдоним от Pierce W.] *The Turner Diaries: A Novel*. N.Y., 1996.

¹⁷ Griffin R. *Terrorist's Creed: Fanatical Violence and the Human Need for Meaning*. L., 2012.

¹⁸ *The Fascism Reader* / Ed. A. Kallis. Abingdon, 2003; *World Fascism: A Historical Encyclopedia*. 2 vols / Ed. C. Blamires. Santa Barbara, 2006.

ская ценность для исторической науки, многократно оспаривались в прошлом¹⁹, причем в каждом национальном контексте возникали свои дебаты о смысле и значении «фашизма»²⁰. Еще более усложнило ситуацию то, что за пределами научного мира это понятие выродилось в грубый оскорбительный термин, обозначающий авторитаризм, драконовскую регламентацию жизни или фанатизм по тому или иному поводу. Примерами последнего являются «экофашизм», «гомофашизм», «гламурный фашизм», «стилевой фашизм», «телесный фашизм», «диетический фашизм» или еще более спорный «исламофашизм». Ценность термина как высокоточного инструмента исторического анализа также снизилась вследствие того, что с 1920-х годов марксисты рассматривали крайний национализм фашизма и его попытки использовать (а не уничтожить) капитализм в целях общественно-политической трансформации как признак преимущественно реакционной или, в лучшем случае, контрреволюционной динамики фашизма. Это справедливо как для советской «теории агентства», в рамках которой фашизм представляется орудием финансового капитала, так и для «бонапартистской теории», согласно которой фашизм был полуавтономной фракцией, которая пользовалась искренней массовой поддержкой в межвоенной Европе, но при этом обслуживала интересы буржуазии в период классовой борьбы и национального кризиса, несмотря на заверения в обратном (по примеру Наполеона Бонапарта).

Что касается немарксистской традиции, то в «либеральных» научных кругах долгое время наблюдался запутанный конгломерат мнений относительно фашизма. Однако недавно в англоязычной академии возникла относительно связная и убедительная интерпретация фашизма, основанная на новаторских теориях Юджина Вебера²¹, Джорджа Моссе²², Хуана Линца²³ и Стенли Пейна²⁴ и получившая

¹⁹ Напр.: Галкин А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Политические исследования. 1995. № 2. С. 6-15. http://polis.isras.ru/files/File/puvlication/1995-2/1995_2_Galkin.pdf; Умланд А. Современные понятия фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. 2003. № 5. С. 116-122. <http://magazines.russ.ru/nz/2003/5/umland.html>.

²⁰ *Faschismus – kontrovers* / Ed. W. Loh, W. Wippermann. Stuttgart, 2003; *Fascism: Past and Present, West and East: An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right* / Ed. R. Griffin, W. Loh, A. Umland. Stuttgart, 2006. Рецензии последней книги вышедшие в российских журналах: Блэмипрес К. Рецензия на *Fascism Past and Present, West and East* // Политическая экспертиза. 2006. № 4. С. 261-263. <http://www.politex.info/content/view/291/30/>; Гуторов В. 2006. Рецензия на *Fascism Past and Present, West and East* // Политическая экспертиза. 2006. № 4. С. 263-271. <http://www.politex.info/content/view/290/30/>; Алленов С. Фашизм – многоликий и ...безликий? // Политические исследования. 2007. № 2. С. 180-185; Люкс Л. Рецензия на *Fascism Past and Present, West and East* // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 189-190. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss9/10Rezensio nen2.pdf>; Шеховцов А. Рецензия на *Fascism Past and Present, West and East* // Laboratorium. 2011. № 2. С. 107-110. http://www.soclabo.org/UserFiles/Journal/2011.02/Art_pdf/10_AS_rev.pdf.

²¹ Weber E. *Varieties of Fascism: Doctrines of Revolution in the Twentieth Century*. Princeton, 1964.

²² Mosse G. *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars Through the Third Reich*. N.Y., 1975; idem. *The Fascist Revolution*. N.Y., 1999.

²³ Linz J. *Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism in Sociological Historical Perspective* // *Fascism: A Reader's Guide* / Ed. W. Laqueur. Berkeley, 1976. P. 8^s 121.

²⁴ Payne S. *Fascism: Comparison and Definition*. Madison, 1983.

развитие в исследованиях главного итальянского историка фашизма Эмилио Джентиле²⁵ – в противоположность известным, но несколько туманным интерпретациям Эрнста Нольте²⁶. К концу 1990-х гг. уже стало общим академическим принципом признание существования фашистской идеологии, направленной на очищение органически интерпретируемой нации от признаков упадка и ее возрождение в рамках пост-монархического, пост-либерального или пост-коммунистического «нового порядка» – процесс, сопровождаемый антропологической революцией посредством социальной инженерии «нового человека». Иногда данную интерпретацию фашизма называют «новым консенсусом», несмотря на ее решительное опровержение отдельными академиками, такими как Ричард Босворт (Австралия)²⁷, А. Джеймс Грегор (США)²⁸, Кевин Пассмор (Соединенное Королевство)²⁹, Вольфганг Випперман³⁰ и Арнд Бауэркэмпер (Германия)³¹, и ограниченную распространенность в Италии, Германии и Франции. Многие ученые, занимающиеся историей экстремизма, по-прежнему используют специфические дефиниции фашизма, как, например, Уолтер Лакер³², чье определение термина включает в себя исламизм, который большинство академиков считают отдельным феноменом, учитывая его происхождение из ультра-консерватизма традиционной религии. Тем не менее, «новый консенсус» уже становится некоторым «стандартом» во многих странах, считающихся «периферией» мейнстримного фашизма, например, в Румынии, Венгрии, скандинавских и балтийских странах, а также в странах бывшей Югославии и Иберийского полуострова. Использование подходов, основанных на «новом консенсусе», привело к повышению как количества, так и качества новых исследований фашизма³³.

Тем временем, следует настороженно относиться к книге Йоны Голдберга с внутренне противоречивым названием *Либеральный фашизм*³⁴, несмотря на ее статус бестселлера и влияние в праволиберальных кругах США. В своей книге Голдберг пытается подражать научному дискурсу, чтобы убедить простодушных читателей с республиканскими взглядами в том, что сущность фашизма лежит в основе той же самой левой политической традиции, возникшей в «Новом курсе» Теодора Рузвельта и достигшей апогея в либеральной политике государственного вмешательства при Бараке Обаме. Его книга является не чем иным, как цинич-

²⁵ Gentile E. *The Sacralization of Politics in Fascist Italy*. Cambridge, Mass., 1996.

²⁶ Nolte E. *Three Faces of Fascism: Action Francaise, Italian Fascism, National Socialism*. N.Y., 1966; Нольте Э. *Фашизм в его эпохе*. Новосибирск, 2001. <http://modernproblems.org.ru/hisrory/174-nolte-1.html>.

²⁷ *The Oxford Handbook of Fascism* / Ed. R. Bosworth. Oxford, 2009.

²⁸ Gregor A. *The Search for Neofascism: The Use and Abuse of Social Science*. Cambridge, 2006.

²⁹ Passmore K. *Fascism: A Very Short Introduction*. Oxford, 2002.

³⁰ Wippermann W. *Faschismus: Eine Weltgeschichte vom 19. Jahrhundert bis heute*. Darmstadt, 2009.

³¹ Bauerkämper A. *Der Faschismus in Europa 1918-1945*. Stuttgart, 2006.

³² Laqueur W. *Fascism: Past, Present, Future*. Oxford, 1997.

³³ Умланд А. Фашизм и неофашизм в сравнении: западные публикации 2004-2006 гг. // Агентство политических новостей, 10 апреля 2008. <http://www.apn.ru/publications/article19710.htm>.

³⁴ Goldberg J. *Liberal Fascism*. N.Y., 2008.

ным пропагандистским упражнением в клевете, в чем должны отдавать себе отчет все серьезные исследователи, независимо от их политических взглядов. Фашизм был и в некоторых случаях до сих пор является гибридом крайне правых и крайне левых элементов, что выражается во фразе «национал-социализм» (Муссолини использовал этот термин еще в 1917 году), и предлагает революционную альтернативу либеральной демократии. Однако ретуширование абсолютно антилиберальной, правой сущности фашизма и использование его в качестве уничижительного термина для очернения левых реформистов является деградацией политического языка и принципов, каким бы приемлемым такой подход ни казался тем, кто мотивируется не поиском академической истины, а партийными интересами.

*Перевод с английского: Антон Шеховцов.
Под редакцией Андреаса Умланда.*

VI. Религиоведение

Константин Антонов

Этос отечественного религиоведения 1920-х – 1980-х годов: опыт реконструкции*

Методологические и этические затруднения при постановке проблемы

Попытка целостной реконструкции этоса отечественного религиоведения советского времени представляется необходимым условием понимания специфики данного этапа его становления и одновременно – его своеобразного положения в контексте гуманитарного знания советской эпохи в целом. Между тем, данная попытка неизбежно сталкивается с рядом трудностей как собственно исследовательского, так и морального характера¹. В самом деле, обращаясь к данной теме, историк мысли сталкивается с необходимостью выхода за пределы привычной для него сферы текстов и их смыслов к исторической взаимосвязи поступков и отношений, в контексте которых эти тексты писались и издавались (и эти акты также следует рассматривать как некоторые поступки). Базовые представления о добре и зле, о личной и коллективной ответственности, которыми нагружена данная взаимосвязь, существенно отличаются от привычных для современного автора, и простой перенос наших представлений на более ранние времена ни к чему, кроме недоразумений, не приведет. Дополнительно осложняет задачу тот факт, что для советской эпохи в самых разных областях культуры был характерен так называемый «эзопов язык»: особые способы выражения и одновременно сокрытия мысли, призванные донести до читателя ее неподцензурный, не- или анти-идеологический смысл. Его расшифровка, особенно в ситуации, когда значительная часть фактических реалий советского времени уходит из сферы само собой разумеющегося знания, несомненно представляет значительные трудности,

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ №13-03-00497, «История отечественного религиоведения: XX — начало XXI вв.

¹ Следствием осознания этих трудностей является тот факт, что в посвященных истории отечественного религиоведения работах последнего времени эта проблема нигде напрямую не ставится. Автор отдает себе отчет в том, что, поднимая эту тему, подставляет себя под серьезную и обоснованную критику. В частности, практически неучтенным остался огромный пласт архивных материалов, изучение которых в связи с данной темой, разумеется, необходимо.

которые ставят наше понимание этической стороны намерений авторов того времени под сомнение. Отсюда проистекает и существенная сложность в разграничении риторической и содержательной составляющей научного дискурса. Именно на риторическую составляющую падает значительная доля этической нагрузки текста, этос во многом определяется заложенной в текст экспрессией, расшифровка которой оказывается непростой задачей.

Особого рода трудность связана с тем, что описание этоса некоторого сообщества практически всегда связано с вынесением моральных оценок, осуществляется всегда из некоторой моральной перспективы, чревато опасностью выпадения из аналитической установки в пустое морализаторство. Но и избегая этой опасности, такое описание, будучи неизбежно критическим и проблематизирующим, рискует задеть чувства тех людей, которые так или иначе имеют личное отношение к рассматриваемому сообществу: будь то отношение ученичества, родственности, ущемленности, или какая-либо иная форма личной причастности. Однако, несмотря на все указанные трудности, избежать обращения к данной проблематике вряд ли удастся – данный текст стремится проверить предположение, что своеобразие советского религиоведения лежит не в области идей и доктрин, а именно в области его специфического этоса.

Преодоление же этих трудностей возможно, как мне представляется, через применение к нашему материалу идеи «смерти автора» (Фуко), т.е. осуществление максимально возможной деперсонализации и деэтизации собственного дискурса исследователя, через перенесение акцентов исследования с вопросов о поступках и ответственности отдельных личностей на рассмотрение общих этических норм и правил, принятых и практикуемых в ученом сообществе, их значения для прагматики научных исследований. Исследователь научного этоса должен отказаться от идеи выступать в качестве следователя, прокурора или судьи в отношении конкретных ученых и деятелей науки той эпохи, которую он изучает, от рассмотрения их мотивов, смягчающих и отягчающих обстоятельств, вопроса их личной порядочности, и обратиться к определяющим их действия общим условиям, структурам сознания, комплексам императивов².

Этос науки и его интенциональное описание

Мое понимание научного этоса опирается на концепции, разработанные тремя мыслителями: М. Вебером, Р. Мертоном, К.-О. Апелем. Из них первые двое пытались описать «аффективно окрашенный комплекс ценностей и норм, считающийся

² В связи с этим я считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что мною нигде не ставятся под сомнение и даже не обсуждаются личные качества тех или иных отечественных ученых: их личная порядочность, искренность, целеустремленность, вера в то, что своей деятельностью они служат правому и прогрессивному делу, их личная научная квалификация и т.п. качества.

обязательным для человека науки»³, конституирующий науку как особую сферу духовной деятельности. В случае Вебера это: радикальное требование интеллектуальной честности и вытекающие из него необходимость различения преподавания и проповеди, научной дискуссии и борьбы мировоззрений, беспредпосылочность и общезначимость обоснованного научного знания, требование «признавать неудобные факты»⁴. В случае Мертон: «универсализм, коллективизм, бескорыстность и организованный скептицизм»⁵. Эти наборы ценностей, по мысли их авторов, описывают этос нормальной науки, т.е. той, которая наилучшим образом приспособлена для выполнения своей институциональной задачи: «преумножения достоверного знания»⁶.

Существенным дополнением и, вместе с тем, обоснованием такого понимания этоса науки является концепция коммуникативного сообщества К.-О. Апеля. Согласно немецкому мыслителю: «"объективность" науки, свободной от ценностей, все-таки предполагает intersубъективную значимость моральных норм»⁷, – поскольку эти нормы выступают как априори всякой аргументации. Этическим императивом, придающим смысл гуманитарной науке, оказывается здесь «постулат реализации идеального коммуникативного сообщества»⁸, ставящий под вопрос любой дискурс, поскольку он склонен накладывать ограничение на значимость рациональной аргументации, поскольку такая аргументация рассматривается как условие возможности абсолютного взаимопонимания. Намеченные Вебером и Мертоном конкретные нормы научной этики в описанной Апелем перспективе «стратегии освобождения» следует рассматривать как конкретизации этого основного императива. Вытекающий отсюда основной вопрос данной статьи может быть тогда сформулирован следующим образом: насколько и каким способом «советское религиоведение» как конкретная форма гуманитарного знания XX века отвечает указанному основному императиву и какое значение это имеет для нашего понимания ее места в истории науки и нашего самопонимания как ученых?

Здесь необходимо оговорить сложное соотношение между декларируемыми и реальными нормами. В самом деле, декларируемый этос некоторого научного сообщества может существенно отличаться от сформулированного Вебером, Мертоном и Апелем идеала, однако в своей научной повседневности ученые мо-

³ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 769.

⁴ Вебер М. Наука как призвание и профессия // он же. Избранные сочинения. М., 1991. С. 707-735, здесь с. 725.

⁵ Мертон. Социальная теория и социальная структура. С. 770; Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 11-27, здесь с. 11. Мотрошилова Н.В. Западная социология науки, ее критическое освоение в отечественной мысли (50-80-е годы XX века) и современные оценки // она же. Отечественная философия 50-х – 80-х годов XX века и западная мысль. М., 2012. С. 153-182, здесь с. 162-164.

⁶ Мертон. Социальная теория и социальная структура. С. 770.

⁷ Апель К.-О. Априори коммуникативного сообщества и основания этики // он же. Трансформация философии. М., 2001. С. 263-336, здесь с. 297.

⁸ Там же. С. 334.

гут следовать именно этим идеальным нормам. Вместе с тем, возможно (и часто случается) и обратное отношение: провозглашая идеальные нормы, сообщества в реальности нарушают их или даже следуют прямо противоположным. Указывая на этот последний момент критика в адрес Мертона была не вполне адекватна – действие «антинорм» не отменяет действие норм, но означает участие вненаучных факторов в процессе научной деятельности и коммуникации между учеными⁹. Действие этих факторов необходимо отличать от специфического понимания в некотором сообществе собственно научного этоса: присущей только ему интерпретации основных норм, введения дополнительных правил и принципов или сознательного исключения некоторых общепринятых моментов. Специфика «советского религиоведения» именно в этом, последнем отношении и станет предметом рассмотрения в настоящей статье.

Для того чтобы раскрыть эту специфику, мне представляется необходимым рассмотреть, как указанные нормы в конкретной исторической ситуации («советская эпоха») реализуются в системе отношений, в которые вступает ученый-религиовед в процессе производства и передачи знания о религии. Инструментом мне послужит здесь анализ, который я рискну назвать «интенциональным». Представляется уместным классифицировать различные типы актов, которые совершает ученый именно как ученый, как субъект познавательной деятельности, по предмету, на который в каждом из них направлено его сознание. Каждый из таких актов обладает достаточно сложной ноэтико-ноэзматической (Гуссерль) структурой, причем так, что ноэзис каждого обладает определенным эмоционально-волевым, а ноэма – коррелятивным ему ценностным моментом. Взятые вместе, они формируют определенную этическую окрашенность дискурса, на основе которой, собственно говоря, и возникают указанные выше нормы научного этоса.

Итак, стремясь получить некоторое знание, ученый находится в ценностно окрашенном отношении с тем знанием, которое он стремится получить. Это знание в качестве достоверного обладает для него ценностью, притягивает его, искривляет, порой – ломает его жизненную траекторию. Однако получение знания предполагает определенное отношение к предмету исследования: его ценность выражается в том, что он пробуждает в ученом познавательный интерес, за которым стоит, как правило, и это особенно характерно для гуманитарного знания, – интерес жизненный, связанный с осознанием его экзистенциальной значимости, места в культуре, часто (хотя и необязательно) связанный со специфической симпатией и даже любовью (но порой – и с антипатией). Осознание ценности предмета и знания о нем побуждает ученого далее ценить (относиться с уважением) традицию его изучения, на которую он опирается в собственных исследованиях, вместе с тем, нацеленность на новое знание побуждает его вступать с этой традицией в отношении полемики, переоценивать и переосмысливать ее. От-

⁹ Мирская. Р.К. Мертон и этос классической науки. С. 18; Мотрошилова. Западная социология науки С. 172, 180.

сюда вытекает необходимый минимум уважительности в научной полемике и определенные правила ее ведения (рациональность аргументации, личностная отстраненность и т.п.). С этим связана и определенная, описанная лучше всего М. Вебером, этика отношения ученого к своей аудитории – студенческой, общественной, властной – перед которой он выступает не в роли «пророка и демагога», а в роли разрушающего ожидания эксперта по частным, связанным исключительно с предметом его интереса, вопросам¹⁰.

Существенной особенностью гуманитарной науки следует считать тот факт, что ученый вступает здесь в отношения не только с явлением культуры, являющимся предметом его познавательного интереса, но и с людьми – носителями этого явления. Его исследования не являются безразличными для их личной судьбы, и это отношение может создавать определенные нравственные коллизии, вступая в борьбу с императивами, исходящими от ценности производимого знания¹¹.

Подробное описание аксиологической структуры этой коммуникации в рамках настоящей статьи, разумеется, невозможно. Необходимо, однако, указать на *знание* как центральную, формирующую эту структуру ценность и прозрачность рациональной коммуникации как на то, что является условием возможности этого знания и одновременно возникает на его основе и придает ему смысл¹². Все возможные вариации этоса конкретных научных сообществ, типические нормы и императивы, характерные для них, будут возникать на основе того или иного понимания этих центральных моментов.

Этос науки о религии советской эпохи

Обратимся с этой точки зрения к этосу науки о религии советской эпохи и дадим его обобщенную характеристику по намеченным выше направлениям.

Ценность знания

Следует отметить, прежде всего, два обстоятельства. 1. Советский атеизм и возникающая в его контексте наука о религии вдохновлялись мощным освободительным пафосом. 2. Именно в контексте этого пафоса достоверное знание о религии предстает не как самостоятельная, но как *инструментальная ценность*,

¹⁰ Вебер. Наука как призвание и профессия. С. 722 и сл.

¹¹ Известно, например, что Эванс-Притчард «намеренно принизил политическое значение пророков-куджуров в социальной жизни нуэров», чтобы избавить их от чрезмерного внимания со стороны британской администрации. См.: Казанков А.А. Послесловие // Эванс-Притчард Э. Теории примитивной религии. М., 2004. С. 122-127, здесь с. 124. Было бы любопытно собрать подобные факты из жизни отечественных ученых.

¹² Ср. обсуждение диалектики идеального и реального коммуникативного сообщества у К.О. Апеля и идею становящейся соборности человеческого сознания у кн. С.Н. Трубецкого.

причем эта инструментальность окрашена общим негативным отношением к предмету исследования: целью получения знания о религии как препятствия на пути к свободе является критика религии в перспективе ее конечного изживания.

Это отношение, восходящее, разумеется, к «классикам», ярко проявилось уже в наиболее ранних дискуссиях первой половины 1920-х гг., конституировавших дальнейшее развитие марксистско-ленинского подхода. Уже ранний Маркс рассматривает «критику религии» как «предпосылку всякой другой критики»¹³. С этой точки зрения всякое осмысленное знание о религии неизбежно оказывается разоблачающим знанием, имеющим значение только в контексте общей перспективы освобождения человека. Аналогично в очень влиятельной работе Ленина «О значении воинствующего материализма» обращение к «современной научной критике религии» получает смысл только в контексте «борьбы с господствующими религиозными мракобесами». Нюансированность позиции, пафос научной нейтральности интерпретируются здесь исключительно как «прислужничество господствующей буржуазии»¹⁴. Присутствующая в таком подходе диалектика раскрывается в последующей дискуссии. Ее основным событием следует считать противостояние органов Союза воинствующих безбожников – газеты *Безбожник* и журнала *Антирелигиозник* (Ем. Ярославский) – и знаменитого журнала Московского областного комитета ВКП(б) *Безбожник у станка* (М. Костеловская), проходившее как раз по линии, разделявшей «научную» критику религии, предполагавшую признание необходимости ее изучения, и слабоотрефлектированное желание «обрушиться на религию и духовенство»¹⁵. Победа первого направления закрепила одновременно и относительную легитимность научных подходов и их служебное по отношению к антирелигиозной практике положение. Подобное положение сохранилось вплоть до самого конца советской эпохи. Как писал один из наиболее авторитетных авторов позднего периода Д.М. Угринович: «Для марксистской науки изучение психологии верующих не является самоцелью. Выводы ученых должны стать средством дальнейшего совершенствования организации атеистической работы, направленной на преодоление религиозных заблуждений»¹⁶.

При этом религия априори рассматривается не просто как форма иллюзорного сознания, но как сущностно реакционная и даже контрреволюционная общест-

¹³ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. ПСС. Т. 1. М., 1955. С. 414-429, здесь с. 414.

¹⁴ Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М., 1964. С. 23-33, здесь с. 27-28.

¹⁵ См.: Губанов Н.И. Разработка проблем атеизма в советской философской науке // Вопросы научного атеизма. Вып. 4. С. 183-204, здесь с. 193; Дождикова Н.А. Чем был недоволен Берлиоз? О романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «проблеме Христа» // Журнальный зал. <http://magazines.russ.ru/neva/2009/7/do28.html>. Последнее посещение 17.03.2012.

¹⁶ Угринович Д.М. Психология религии. М., 1986. С. 5. Ср: «изучение истории религии неотделимо от задач борьбы с религией» в: Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 2005. С. 30.

венная сила. Это негативное жизненное отношение к религии становится неотъемлемой предпосылкой ее научного изучения. Такое отношение мы опять-таки находим уже у Маркса (и даже у Фейербаха)¹⁷, у Ленина оно радикализуется и принимает форму резкой личной нетерпимости¹⁸, которая неизбежно, в силу сакрализации фигуры вождя, накладывается на всю последующую советскую традицию. Эта «презумпция контрреволюционности» окрашивает не только церковную политику большевиков в 20-е – 30-е годы, но и, в силу указанного выше отношения, их исследовательскую практику, значимым образом влияет на ее результаты.

Большевистские аналитики выискивали контрреволюционный подтекст в текстах религиозных мыслителей не менее рьяно, чем большевистские следователи – в поступках религиозных деятелей. Чрезвычайно яркое выражение эта связь религии и реакции, равно как и ряд других важных ценностных соотношений, получила у одного из наиболее значимых основоположников теории и практики «антирелигиозной работы» и одновременно религиоведческих исследований на советский лад – А.Т. Лукачевского. В его программной речи «Реконструктивный период и очередные задачи Союза воинствующих безбожников» (1930) указанные темы собираются вместе и выстраиваются в единую логику. Три последовательных этапа развертывания борьбы с религией (агитационный – первые годы соввласти; пропагандистский – середина и вторая половина 20-х годов, т.е. эпоха нэп; и новый, реконструктивный, связанный с пятилеткой, ставящий задачи «внедрения безбожного быта в каждый уголок жизни»¹⁹) требуют каждый своих, все более основательных форм изучения религии и ее влияния на общество. Ставится задача «поднять антирелигиозную пропаганду на научную высоту»²⁰. Эта задача подразумевает, по Лукачевскому, задачу университетской институционализации науки о религии, хотя и в ее специфическом, «антирелигиозном» изводе: необходимо «преобразование антирелигиозного цикла в Ленинградском университете в антирелигиозное отделение и открытие таких отделений в целом ряде других вузов...»²¹. В эту логику хорошо укладывается сталинская идея «усиле-

¹⁷ Как справедливо писал С.Н. Булгаков: «Маркс относится к религии, в особенности же к теизму и христианству, с ожесточенной враждебностью, как боевой и воинствующий атеист, стремящийся освободить, излечить людей от религиозного безумия, от духовного рабства». Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип // он же. Два града. СПб., 1997. С. 51-70, здесь с. 55-56. Попытку разорвать связь между атеистической теорией религии Маркса и практикой научного атеизма см. в: Митрохин Л.Н. Атеизм Карла Маркса // он же. Философские проблемы религиоведения. СПб., 2008. С. 359-373.

¹⁸ Особенно характерно известное письмо Горькому 13-14 ноября 1913 г. (письмо № 195). См. Ленин. ПСС. Т. 47. С. 226-229.

¹⁹ Лукачевский А.Т. Реконструктивный период и очередные задачи Союза воинствующих безбожников. М., 1930. С. 15.

²⁰ Там же. С. 13.

²¹ Там же. С. 14. Там же: «мы можем широко развернуть антирелигиозную работу только тогда, когда будем опираться на научные силы». Представляется, что именно такое, чисто утилитарное понимание науки о религии сделало неосуществимой мечту Лукачевского о ее институционализации, а его самого привело к трагическому концу в 1937 г.

ния классовой борьбы»²², получающая у Лукачевского специфическое «религиоведческое» прочтение: реконструктивный период ведет к усилению контрреволюционной работы «церковников» и «сектантов», противопоставить которой следует, по Лукачевскому, не прямое силовое противодействие, но продуманную политику, опирающуюся на марксистское понимание природы происходящих религиозных процессов и конкретные полевые исследования²³. Так или иначе, но встроена во всю эту конструкцию риторика «борьбы с религией» то обостряясь, то смягчаясь, будет окрашивать отечественный религиоведческий дискурс на всем протяжении советского периода²⁴. Если в 20-е – 30-е годы она предстает в относительной чистоте и даже усиливается дополнительными вводными, типа упоминавшейся выше идеи усиления классовой борьбы, то в послевоенные годы она сложным образом взаимодействует с риторикой диалога коммунизма и христианства, «объединения всех прогрессивных сил человечества» и т.п. Риторика борьбы сохраняет и здесь, однако, свой основополагающий характер: любой диалог, даже если он ведется в целях «борьбы за мир и разоружение», осуществляется «несмотря на противодействие клерикальной реакции», в контексте «мирового революционного процесса», «борьбы против империализма» и «социальных преобразований», в перспективе «восприятия трудящимися-католиками идей научного коммунизма», а в социалистических странах – «совместного строительства развитого социалистического общества», в котором (что обычно не уточняется в соответствующих текстах) «религиозные предрассудки» подлежат «окончательному преодолению»²⁵.

Ценность научной традиции

Это жизненное отношение к религии окрашивает и отношение к научной традиции ее изучения: эта традиция обладает ценностью лишь постольку, поскольку

²² Там же. С. 3.

²³ См. об этом: Лукачевский А.Т. Изучение социальных корней религии в СССР. М., 1930.

²⁴ Наибольшей напряженности этот пафос достигает во второй половине 30-х годов, параллельно нарастанию террора в стране. Приведем образчик такого рода: «Религиозные организации поставляют фашистским разведкам шпионов и диверсантов, использующих религиозные предрассудки верующих и ведущих под прикрытием религии подрывную работу против победившего социализма». Федосеев П.Н. О религии и борьбе с ней. М., 1938. С. 125. В подобной истерической атмосфере любое сомнение в контрреволюционности религии само неизбежно должно было рассматриваться как диверсия.

²⁵ См.: Григулевич И.Р. Католики, марксисты и революционный процесс в Латинской Америке // Вопросы научного атеизма. 1974. Вып. 16. С. 309-312; Кучинский Я. Некоторые вопросы диалога марксистов и христиан // Вопросы научного атеизма. 1975. Вып. 18. С. 283-296; Нюнка В.Ю. Современные левокатолические течения и проблемы сотрудничества с ними коммунистов // Вопросы научного атеизма. 1976. Вып. 20. С. 251-267; Андреев М.В. Марксисты, христиане и основные проблемы современности // Вопросы научного атеизма. 1985. Вып. 33. С. 105-120. Аналогичные материалы по соответствующей тематике присутствуют практически в каждом выпуске *Вопросов*.

служит борьбе с религией как конечной цели. Именно так обосновывается в вышеупомянутой статье Ленина «союз с Древами». Аналогичным образом формируют свой подход его ближайшие соратники: Скворцов-Степанов и Луначарский. Так, в целом пренебрежительно отзываясь о библейской текстологии, Скворцов указывает ее исключительно техническое (и при этом, конечно, разрушительное для религии) назначение: «она может раскрыть только одно: там-то имеются противоречия, там-то соединены разнородные сообщения, там-то сделаны дополнения, вычеркивания, перетасовки»²⁶. В дальнейшем такое отношение сохранится как у предвоенных, так и у послевоенных авторов. Все они склонны оценивать существующие в науке о религии подходы главным образом с точки зрения их апологетичности (это плохо) или критичности (это хорошо), причем так, что подлинно научная, и последовательно критичная критика оказывается возможна только в рамках ортодоксального истолкования марксистско-ленинского подхода: «Только марксизм-ленинизм, теория пролетарского атеизма, вскрывающая социальные корни религии, могут дать обоснование возможности и неизбежности полного исчезновения религии с уничтожением классового эксплуататорского общества»²⁷.

Отрицая ценность научной традиции, как следствие, исследователи-марксисты склонны полностью игнорировать или прямо отрицать наличие собственной, внутренней логики ее развития. Основным фактором этого развития они считают динамику социальных отношений и классовой борьбы. При этом в ее отношении культивируется специфическая марксистская подозрительность, которая используется как еще один аргумент в пользу ее дисквалификации. За сменой научных теорий советские авторы почти всегда склонны видеть «какие-то социальные предпосылки, вытекающие из классовой борьбы»²⁸. Вот как изображается этот механизм в одном из наиболее популярных и авторитетных предвоенных учебных пособий: «Грозный призрак социальной революции ниспровергающей все авторитеты и божественные заповеди, наполнял страхом сердце филистеров и "дипломированных лакеев поповщины", заставлял даже серьезных ученых пугаться своих собственных выводов». В результате, «в эпоху загнивания капитализма... буржуазная наука в области изучения общественных явлений остановилась на полпути а затем и вовсе обратилась вспять»²⁹. В форме довольно прозрачного намека эта подозрительность видна и в последствии: «многие современные буржуазные ученые ухитряются как-то закрывать глаза на то самое существенное в тотемизме, что их предшественники хорошо видели: на его чисто коллективный характер»³⁰.

²⁶ Скворцов-Степанов И.И. Очерк развития религиозных верований. М., 2011. С. 178.

²⁷ Лукачевский. Марксизм-ленинизм как воинствующий атеизм. М., 1933. С. 83.

²⁸ Лукачевский. Происхождение религии. Разбор теорий. М., 1930. С. 94-95.

²⁹ Маторин Н.М. Введение. Первобытный коммунизм // Первобытное общество. Б.м. 1932. С. 5-7.

³⁰ Токарев. Ранние формы религии. С. 57.

Отдельные исключения, как правило, принадлежащие еще к старой школе, не оказывают в этом отношении существенного влияния. Труды наиболее авторитетных авторов старой школы подвергаются реинтерпретации: так происходит, например, с работами Штернберга³¹. Менее авторитетные авторы, даже вполне лояльные по отношению к «безбожной работе» и разделяющие пафос борьбы с религией, подвергаются травле и ликвидируются морально и физически именно за свое чрезмерно академическое отношение к научной традиции³². Это отношение несколько смягчается в послевоенных работах, авторы которых, считая «абсолютно неприемлемой» методологию своих «буржуазных» оппонентов, склонны, однако, признавать ценность накопленного ими «фактического материала», «методов и процедур... эмпирических исследований»³³.

В результате, любые формы немарксистской или «ошибочной» марксистской критики религии рассматриваются, как уже было отмечено, как явные или скрытые, сознательные или бессознательные формы апологии религии, и, соответственно, как проявления враждебных пролетариату и советскому государству классовых сил. Авторы 1920-х – 1930-х гг. выстраивают следующую, весьма строгую, с их точки зрения, логику: «В наших условиях механистическая трактовка религии непосредственно перерастает в правооппортунистическую практику в вопросах антирелигиозной пропаганды». Она ведет к «смазыванию наличия классовой борьбы». Из чего следует: «Правооппортунистический уклон в практике антирелигиозной работы... представляет главную опасность на данном этапе... выражает идеологию кулачества, использующего религию в борьбе с социалистическим наступлением, заинтересованного в сохранении религиозного мракобесия»³⁴. В работе 1934 г., изданной уже *после* коллективизации и массового «раскулачивания» 1929 – 1931 гг., но *до* убийства Кирова и больших процессов 1936–1937 годов, декларации такого рода имели чисто риторический смысл и

³¹ В частности, чрезмерно акцентируются их связи с марксизмом. См. Алькор Я.П. Предисловие редактора // Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. М., 1936. С. III-XV, здесь с. IV.

³² Такова судьба П.Ф. Преображенского. См. Иванова Ю.В. Петр Федорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы / Ред. Д.Д. Тумаркин. Т. 1. М., 2002. С. 235-265.

³³ Угринович Д.М. Психология религии. М., 1986. С. 5.

³⁴ Федосеев П. Против механицизма и меньшевистствующего идеализма в антирелигиозной пропаганде. М., 1934. С. 133. О достоверности утверждений автора можно судить по тому, что конкретным адресатом данной критики был В.Н. Сарабьянов, известный тогда марксистский философ, один из инициаторов знаменитой полемики «механистов» и «диалектиков», автор вышедшего тогда же учебника *Диалектический и исторический материализм*. В 1929 г. он опубликовал работу «Марксизм и религия», в которой подчеркивал «враждебность» религии «учению революционного пролетариата», в 1937 – брошюру «Религия – опиум народа», ставшую его последней публикацией вплоть до 1952 г. Можно было бы утверждать, что работы такого рода вообще не заслуживают внимания, так как не вносят в развитие науки о религии никакого нового знания. Представляется, что такой подход именно в отношении советского религиоведения ошибочен: именно эти работы, независимо от их собственно научной ценности, формировали некоторые существенные черты нравственного климата отечественного научного сообщества того времени.

служили целям борьбы группировок внутри самого научного и философского сообщества, придавая этой борьбе совершенно внешнее ей политическое измерение. Политическая риторика становится здесь средством разрешения внутринаучных разногласий. Но тем самым оппонент в научной дискуссии неизбежно оказывается классовым врагом, подлежащим моральному или (при наличии возможности) физическому уничтожению. Коллега, разумеется, рассматривается как товарищ в общей борьбе, однако товарищеская полемика постоянно грозит перерасти в разоблачение скрытых врагов, критическая аргументация с легкостью оборачивается доносом. Границы адекватной полемики постоянно сужаются в 20-е – 30-е годы и несколько расширяются в послесталинский период. Однако установить четкую границу между научным и политически-мировоззренческим дискурсом в рамках проекта советского научного атеизма так и не удалось. Постоянная возможность отсылки к мировоззренческой и (тем самым) политической неблагонадежности или к той или иной форме классовой борьбы окрашивают как внешнюю, так и внутреннюю советскую научную полемику в очень специфические этические и риторические цвета³⁵.

С таким отношением к истории своей дисциплины тесно связано характерное особенно для раннего времени прямое отрицание *академизма* как ценности, попытки его дисквалификации как буржуазной, враждебной «пролетарской науке» концепции. Если первоначально некоторые сформировавшиеся еще в условиях дореволюционной науки авторы-марксисты (В.Д. Бонч-Бруевич, Н.М. Никольский, М.Н. Покровский) пытались обосновать марксистскую программу в рамках стандартного академического научного дискурса³⁶, то в дальнейшем «академизм», или «эkleктизм», понимаемые именно как стремление к чистому, «беспартийному» знанию, становятся ругательными словечками, с помощью которых молодые ученые, «считавшие себя проводниками марксистских принципов в науке», но не способные к поддержанию «сугубо научных споров», «"прорабатывали" своих профессоров», что для последних зачастую заканчивалось печально³⁷. Следует отметить трагизм ситуации: на ранних этапах своей научной карьеры «профессора» зачастую сами участвовали в подобных «проработках» или даже инициировали их³⁸.

³⁵ В работах 1950-70-х гг. эта отсылка может не звучать непосредственно, она может присутствовать в виде намека или стандартного штампа «современное буржуазное религиоведение» или вообще подразумеваться – но как необходимо встроенная в сам метод исследования процедура, осуществляемая «научным атеистом», разоблачающим социальную мотивацию своего оппонента, – она наличествует всегда.

³⁶ См. в особенности: Никольский Н.М. Религия как предмет науки. Минск, 1923.

³⁷ Иванова. Петр Федорович Преображенский С. 255.

³⁸ В этом отношении характерна трагическая судьба Н.М. Маторина, одного из организаторов советской науки о религии в ее антропологически-этнографическом изводе и одновременно – крупного деятеля ленинградского отделения СВБ. См. о нем: Решетов А.М. Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы / Ред. Д.Д. Тумаркин. Т. 2. М., 2003. С. 147-192; Носова Г.А. Н.М. Маторин как исследователь религии // Вопросы научного атеизма. 1969. Вып. 7. С. 366-386.

«Академизм» как ценность и общественный статус «научного атеизма»

Важным аспектом описанного выше отрицательного отношения к академизму как ценности является характерное для религиозоведческой науки на всем протяжении советского времени требование единства религиозоведческой науки и образования с атеистической пропагандой и воспитанием. Последние, как уже говорилось выше, в значительной мере оправдывали право первых на существование. Это влекло за собой почти неизбежное размывание критериев научности и падение качества исследований: необходимость ориентироваться на широкую, зачастую малообразованную, но при этом социально-активную аудиторию заставляла даже серьезных ученых «снижать планку» не только в отношении формы исследования, но и в отношении его качества, и существенно деформировала процесс формирования научных репутаций. В довоенный период это существенно затрудняло процесс институциализации науки о религии в университете, создавало странную ситуацию, когда основным заказчиком такого рода исследований был СВБ, в рамках которого религиозоведческое знание непосредственно и сразу превращалось в агитационный и пропагандистский материал для целой системы различных «форм и средств антирелигиозной пропаганды» самого разного уровня: от низовых кружков до специальных курсов всесоюзного масштаба³⁹. В послевоенный (точнее, в послесталинский) период соединение научного, образовательного, пропагандистского и воспитательного компонентов стало более планомерным. Как писал в программной статье в первом выпуске *Вопросов научного атеизма* первый директор Института научного атеизма А.Ф. Окулов: «Научно-исследовательская работа в области атеизма может быть успешной лишь при условии, если она тесно и неразрывно связана с практикой атеистической пропаганды, со всеми сторонами идеологической работы партии по коммунистическому воспитанию трудящихся»⁴⁰. Это непосредственно влекло за собой «интервенцию» научного атеизма в университетское пространство. Прямо вопреки Веберу университетская аудитория рассматривалась здесь не просто как возможное, но как едва ли не главное место атеистической проповеди и, одновременно, ее подготовки: «Вузы активно ведут атеистическую пропаганду среди населения, оказывая большую помощь местным партийным организациям, обществу "Знание", учреждениям культуры. Выпускники вузов, прослушавшие курс "Основы науч-

³⁹ См. Коновалов Б.Н. Союз воинствующих безбожников // Вопросы научного атеизма. 1967. Вып. 4. С. 63-93, здесь с. 72-73.

⁴⁰ Окулов А.Ф. За глубокую научную разработку современных проблем атеизма // Вопросы научного атеизма. 1966. Вып. 1. С. 7-35, здесь с. 26. См. в том же номере: Мишутис П.Й. Опыт создания системы атеистического воспитания в Литовской ССР // там же. С. 200-222. «Вопросы научно-атеистического воспитания» были одной из основных рубрик ВНА. Им полностью посвящен 9-й выпуск журнала.

ного атеизма", составляют теперь значительную часть лекторов и пропагандистов атеизма в городах и районах»⁴¹.

На этих основаниях выстраивалось и отношение «научного атеизма» к советскому обществу – передача знаний о религии была неразрывно связана с атеистической пропагандой, которую сами ученые в большинстве своем рассматривали как свой гражданский долг⁴². В этом, как представляется, можно видеть особенность положения религиоведения по сравнению с такими гуманитарными дисциплинами советской эпохи, как литературоведение, классическая филология, искусствоведение и другие подобные, в том числе и связанные с изучением отдельных религий. Представители этих областей знания стремились, насколько это было возможно, дистанцироваться от политической и идеологической составляющих научных исследований, обеспечить автономию сообществ, самостоятельное движение научной мысли; их в наибольшей степени затронул процесс «оттепели».

Специфическим по отношению к прочим гуманитариям образом выстраивались и отношения ученых-религиоведов с властью: их довольно затруднительно описать в простых категориях господства/подчинения, автономии/ее нарушений. С одной стороны, именно атеистическая власть инициировала бурное развитие науки о религии и ее институционализацию, задав, вместе с тем, и жесткие мировоззренческие рамки этого развития, насильственным образом оборвав все альтернативные пути движения научной мысли. Именно заданные властью правила игры обусловили описанную выше специфику отношений внутри научного сообщества, основательно подорвав его способность отстаивать собственную автономию. С другой стороны, ученые-религиоведы в своем качестве «научных атеистов» выступали как воспитатели правящей элиты, призванные прививать ее представителям «истинное мировоззрение», они же выступали и как эксперты, чья аналитика была востребована и использовалась при принятии политических решений. Они умели отстаивать свои позиции и могли порой идти на конфликт с властью, в большинстве случаев, однако, сохраняя в качестве базовых ценностей идею «верности партии и советскому народу», «веру в светлое (в частности –

⁴¹ Предисловие // Вопросы научного атеизма. 1973. Вып. 15: Научный атеизм в высшей школе. С. 3-4. Данный выпуск полностью посвящен проблеме соотношения научного и образовательного компонента в «научном атеизме», подводя итог и намечая дальнейшие перспективы развития «системы атеистического воспитания студенческой молодежи».

⁴² Видные ученые-религиоведы как правило были одновременно активными «антирелигиозниками» – членами и даже руководителями Союза воинствующих безбожников и наследовавшего его общества «Знание». Наоборот, активисты антирелигиозники зачастую становились известными учеными, причем даже осознание ими серьезности и сложности религиоведческой проблематики не сказывалось до определенного момента на их общественной активности. Провести по этой линии прямой и простой водораздел между «честными учеными» и симулянтами от «научного атеизма» оказывается невозможно. Научный путь известных религиоведов советской эпохи стандартным образом начинается с разоблачительной антирелигиозной публицистики: М.И. Шахнович, В.Ф. Зыбковец, С.А. Токарев, Л.Н. Митрохин, Ю.А. Левада.

свободное от религии – К.А.) будущее»⁴³. Последние, как представляется, существенным образом конфликтовали с ценностями академизма, однако этот конфликт затушевывался тем фактом, что указанная вера представала как вывод из научно обоснованного, даже единственно подлинно научного мировоззрения, а атеизм рассматривался как само собой разумеющаяся предпосылка научной работы.

«Научный атеизм» и верующие: проблема ответственности

С этим тесно связан и крайне болезненный вопрос об ответственности религиозно-ведческой науки за практику систематического нарушения принципа свободы совести и связанные с этим гонения на верующих в СССР. Представляется, что речь здесь может идти, с одной стороны, об участии ученых в выработке специфически советской, существенно искажавшей мировые стандарты, интерпретации этого принципа⁴⁴, а, с другой, – об их отношении к конкретной практике, зачастую нарушавшей даже эту ограниченную интерпретацию.

Прежде всего, постоянные указания ученых и философов религии того времени, равно как и соответствующих государственных и партийных документов, на недопустимость административных антирелигиозных мер и оскорбления чувств верующих⁴⁵ нельзя рассматривать просто как лицемерие. И ученые, и партийные деятели в равной мере опирались на идею, согласно которой «отмирание религиозных предрассудков в сознании масс» – объективный закономерный процесс,

⁴³ О подобном использовании и связанных с ним конфликтах при составлении программного документа «о перспективах атеизма и религии» и при «уровне атеистической зрелости и религиозности» рассказывал в своем последнем интервью проф. Н.С. Гордиенко. См. Интервью с проф. Гордиенко // *Путь ученого. Николай Семенович Гордиенко*. СПб., 2013. С. 27-61, здесь с. 39-41, 49. И хотя следует согласиться с М.Ю. Смирновым в том, что «нелепо говорить, что Гордиенко и ему подобные ученые всего лишь обслуживали пропагандистскую машину коммунистической идеологии» – следует признать и то, что основные установки этой идеологии были ими восприняты как само собой разумеющиеся основания собственной жизни и деятельности. И именно эти установки, а не личные качества тех или иных ученых, придавали своеобразие советскому дискурсу о религии в целом. См. Смирнов М.Ю. «Религиовед – это диагноз»: немного о Н.С. Гордиенко // *Путь ученого*. С. 88-96, здесь с. 94.

⁴⁴ С характерной асимметрией свобод «отправления религиозных культов» и «антирелигиозной пропаганды», задающей ситуацию, где, например, не только любые формы работы религиозных организаций с детьми, но и религиозное воспитание детей в семье рассматривалось в рамках широко трактуемой концепции «религиозного принуждения», с точки зрения которой «подлинные интересы детей» известны партии и обществу лучше, чем родителям, и заключаются «в формировании у них единственно-верного научно-атеистического мировоззрения». См.: Бражник И.И. Защита советским законом детей и подростков от религиозного принуждения // *Вопросы научного атеизма*. 1981. Вып. 27: Свобода совести в социалистическом обществе. С. 104-115, здесь с. 109.

⁴⁵ Начиная как минимум с циркуляра ЦК РКП(б) «Об антирелигиозной кампании во время пасхи» (февраль 1923 г.). См. Коновалов. Союз воинствующих безбожников. С. 65. Позиция, характерная для поздней стадии: «Никто не вправе стеснить свободу и достоинство верующих...» см.: Писманник М.Г. Этика атеистического воспитания // *Вопросы научного атеизма*. 1986. Вып. 35. С. 196-212, здесь с. 198.

коренящийся в долженствующей иметь место при социализме гармонизации общественных отношений⁴⁶. И административное, и общественное принуждение здесь скорее является помехой, чем помощью: «грубое подавление религиозности способствует разжиганию религиозного фанатизма»⁴⁷. Тем не менее, сам факт постоянного повторения этих призывов говорит о том, что существовали факторы более значимые, вновь и вновь запускавшие механизм репрессий и притеснений. Эти факторы не были исключительно политическими, часть из них относилась к сфере религиоведческой науки.

Между научным знанием и практиками власти в этой сфере возникал своего рода логический круг. Так, на ранних этапах становления советской программы понимание религии как реакционной общественной силы и связанное с ним общее отношение к религии (скорее эмоционально-волевое, чем чисто интеллектуальное), независимо от желания или нежелания отдельных ученых, мыслителей или политиков, имплицировало интерпретацию действий верующих и особенно церковного руководства как «контрреволюционных». Рассмотрение религиозного сознания через призму идеи классовой борьбы естественным образом заставляло обращать особое внимание на православную и католическую Церкви, как в наибольшей степени выражающих интересы классов, господствовавших при «старом режиме».

На более поздних стадиях механизм приобретает более сложную структуру, здесь связь между идеями и решениями все в большей степени опосредуется реальными исследованиями, в т.ч. социологическими⁴⁸. Однако принятие описанного выше марксистского комплекса идей и отношений к религии, необходимо включавшего в себя представление о ее отмирании, в качестве само собой разумеющейся предпосылки предопределяло интерпретацию результатов их исследований в духе совершенно определенной общей прогностики⁴⁹. Возникающие на этой основе общие рамки и принципы интерпретации в целом не зависели ни от присущего многим исследователям стремления к трезвости оценок⁵⁰, ни от реальных результатов конкретных исследований и интерпретативных возможно-

⁴⁶ Окулов. За глубокую научную разработку современных проблем атеизма. С. 33.

⁴⁷ Красиков П.А. Мысли о религии и антирелигиозной пропаганде // Красиков П.А. Избранные атеистические произведения. М., 1970. С. 243. О том, что эта мысль человека, непосредственно руководившего воплощением в жизнь декрета об отделении Церкви от государства, не была просто данью внешней пропаганде, свидетельствует и ее постоянное присутствие в обращавшейся к антирелигиозной тематике художественной литературе. См.: Колкунова К.А. Атеистическая пропаганда в художественной литературе 1950-1960-х гг. // Вестник ПСТГУ. 2013. Вып. 5(49). Сер. 1. Богословие. Философия. С. 113-132.

⁴⁸ Практически в каждом выпуске *Вопросов научного атеизма* присутствовала рубрика «Конкретно-социологические исследования».

⁴⁹ Не говоря уже о случаях прямого давления на ученых со стороны воспринявших (пусть и в упрощенном виде) их же собственные идеи властей разного уровня и средств массовой информации.

⁵⁰ Из еще довоенных времен см. упоминавшуюся работу: Лукачевский. Социальные корни религии в СССР.

стей конкретных ученых⁵¹. Эта прогностика, подкрепляемая полученными на ее основе результатами исследований, затем ложилась в основу принимаемых властью политических решений, формировала определенным образом кругозор и мышление чиновников и партийных функционеров, слушавших курсы «научного атеизма». Принимаемые на этой основе решения естественным образом были направлены на дальнейшую маргинализацию религиозного сознания и форм жизни, определяемых ими. В результате реализации таких решений эти жизненные формы действительно оказывались помещенными в ситуацию, эмпирическое исследование которой дополнительно подтверждало указанную прогностику и представление о «реакционной сущности» религии, тем самым стимулируя дальнейшую политику вытеснения религии из общественной и частной жизни⁵². Циркуляция мысли и практики в этом кругу дополнительно стимулировалась оригинальными идеями, периодически вбрасываемыми советскими лидерами в советское философское и научное сообщество: идеей нарастания классовой борьбы по мере построения социализма (Сталин) и идеей построения коммунизма к 1980-му году (Хрущев). Необходимо, однако, сказать, что эти идеи именно только обостряли ситуацию и сама возможность их появления в значительной степени определялась этой ситуацией.

Выход из этого круга могла бы указать необходимая для гуманитарной науки критическая рефлексия относительно предпосылок и «неудобных фактов». Последняя, однако, допускалась лишь в крайне ограниченной степени – не только потому, что на нее накладывались некие ограничения «извне», но потому, что описанная выше система научного этоса отнюдь не способствовала ее развитию. Возникал странный этический парадокс: риторика освобождения, декларируемая советским дискурсом о религии, зачастую под знаменем сциентизма, накладывала ограничения на свободу рациональной аргументации – основную ценность, придающую смысл научному знанию.

⁵¹ Так весьма квалифицированное и даже подвергавшееся критике за «ревизионизм» рассмотрение социальных аспектов религиозной жизни в работе Ю. Левады покоится на посылке, которая проговаривается лишь мимоходом, как нечто само собой разумеющееся, и которую именно в силу этого нет оснований рассматривать как всего лишь формальную «дань» идеологии: «отход масс от отживших культовых систем в условиях социалистического общества носит ярко выраженные черты социального, объективно-обусловленного процесса». См. Левада Ю.А. Социальная природа религии. М., 1965. С. 258.

⁵² Именно такого рода формы религиозной жизни описывались и в художественной литературе. См. Колкунова. Атеистическая пропаганда в художественной литературе 1950-1960-х гг. С. 121-122. Можно сказать, что советское религиозное сознание как бы интериоризировало элементы марксистского понимания религии, соответственно, марксистская теория не столько «отражала» реальность, сколько «конструировала» ее. Элементы этого процесса на материале Поволжья довольно тонко описаны в: Luermann S. *Secularism, Soviet Style: Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic*. Bloomington, 2011.

Общие выводы

Проведенное рассмотрение в целом, как кажется, подтверждает предположение Вебера и Мертона о конституирующем для науки значении научного этоса. Оно подтверждает также высказанное автором в начале статьи предположение о том, что подлинная специфика советского дискурса о религии лежит не в тех или иных конкретных идеях или подходах, а в структуре его этической составляющей. Действенность основополагающих компонентов этой структуры оказалась практически независимой от конкретных личностей ученых – ее носителей.

Наука о религии советского времени в этом отношении может быть охарактеризована как экстремальная наука в том смысле, что здесь мы имеем дело не с частными отклонениями от нормального этоса, а с систематической и целенаправленной деформацией самой системы нравственных норм для эпохи 20-х – 30-х годов и закреплением этой системы искаженных норм на уровне само собой разумеющихся предпосылок всякой научной работы – в период 50-х – 70-х годов.

Именно с этой точки зрения может быть поставлен вопрос о связи между развитием религиоведческой науки и практикой преследований за веру в СССР.

Представляется, что эта деформация негативно сказалась не только на моральном климате научного сообщества, но и на его собственно познавательных достижениях. Ее последствия ощущаются по сей день. Значительную опасность может представлять бессознательная рецепция элементов подобного этоса в рамках современной церковной науки и околонучных дискуссий в Церкви, в отношениях науки и власти, науки и общества, внутринаучных бюрократических иерархиях.

VII. История литературы

Виктория Шмидт

От виктимизированного свидетеля к свидетельствующей жертве: Арношт Лустиг и Богумил Грабал – два полюса чешской литературы о войне

Вступление

Разнообразие и множество историй о войне, рассказанных чешскими писателями и режиссерами, располагает рассматривать чешскую литературу и кино как целостное пространство, на котором легко отличить два полюса, Арношта Лустига (1926-2011) и Богумила Грабала (1914-1997). Их книги были пересказаны режиссерами в десятках фильмов, а последующие поколения писателей и сценаристов неизбежно находились в поле, заданном резонансом подходов Лустига и Грабала.

Современная чешская литература предоставляет читателю достаточно возможностей поучаствовать в ревизии недавнего прошлого, в первую очередь, направленной на поиск общего и отличного в двух авторитарных режимах, пришедшихся на долю Чехии в 20-м веке (Звук солнечных часов, Гана Андроникова, 2001; Гануля Йозова, Квета Легатова, 2002; За наказание и за награду, Анна Зоннова, 2005; Сельское барокко, Иржи Гайчек, 2005; Изгнание Герты Снирх, Катерина Тучкова, 2009). Непосредственным стимулом к переосмыслению истории можно считать столь актуальный для чешской (и, наверное, центральной европейской) публики поиск доводов за и против пугающей неопределенности демократии с неотъемлемым от нее плюрализмом и предписанием позиционировать себя. «Мы вступили в границы империи неожиданных компромиссов и ситуационной морали, где каждый сам себе законодатель», – определяет Лустиг послевоенный мир¹. В этом мире способность художника «чесать против шерсти» (Грабал) приобретает решающее значение – для побуждения читателей к рефлексии. Именно в новейшей истории и предполагается искать основания не только и не

¹ В тексте представлен авторский перевод текстов Арношта Лустига, который не был переведен на русский язык, цитаты из романа «Я обслуживал английского короля» даны по переводу Делары Прошуниной, издательство иностранная литература, 2002, цитаты из других произведений Грабала переведены автором статьи.

столько для выработки позиции, но поддержки отваги жить в условиях неопределенности.

Люстиг, узник трех концлагерей, счастливо спасшийся беглец, всем своим творчеством втягивал читателей в понимание войны с позиции жертвы, тогда как Грабал, который в годы войны работал на железнодорожной станции как герой его самой знаменитой книги «Поезда под пристальным наблюдением», рассказывал о войне как свидетель. Именно эти авторы сделали чешское искусство о войне всемирно известным, что если и не стало источником доверия самих чехов этим книгам и фильмам, то ввело в публичный дискурс тему дифференциации травмы жертвы и свидетеля.

Травмы случаются не только потому, что ТЕБЯ унижают, уничтожают, обнажают и вместе с тем делают невидимым, но и от того, что эти события становятся постоянным фоном ТВОЕЙ ЖИЗНИ. Доходчивое описание травмы свидетеля, которое вместе с тем весьма метафорично, обнаруживается, например, в повести «Поезда под пристальным наблюдением» Богумила Грабала:

«Из вагона торчали рога скота, несколько голов поднялось и обратило глаза на перон, это были большие глаза коров, полные любопытства и грусти. Почти в каждом вагоне был пробит пол, а из дыры торчала коровья нога, ободранная, негнущаяся, посиневшая... я не любил это...! И те вагоны с козлятами, которых связывали мясники, те ножки, провязанные так, что отмирали, я не переносил, ох, не переносил, и зимой, когда в самый мороз в открытых вагонах возили на пражскую скотобойню поросят, поросят с прижатыми к себе головками, которые боялись и чуть двинуться, одним движением бы от них ушло тепло, поросятки с промерзлыми ножками, фарфоровыми копытцами! Ох, никогда не любил я это! И когда летом, в самые жаркие дни везли поросят аж с Венгрии, без воды, с открытыми ртами от жажды так, будто умирающий от жажды птенчик...»².

Исследователи последствий военных конфликтов утвердились в необходимости различать и терапевтировать травму свидетеля и жертвы, потому что и жертвы имели опыт травмы свидетеля: постоянно наблюдая за унижением и уничтожением других³. Различение травмы жертвы и свидетеля имеет непосредственное значение для преодоления кризиса свидетельствующей жертвы – которую так часто не хотят слышать, и которой навязывают если не полное забвение, то значительную цензуру воспоминаний⁴. Только свидетель, проработавший свою ответственность – не за участие, но за неучастие в сопротивлении палачам и помощи жертвам, окажется готов воспринимать повествование жертвы и стать неотъемлемым звеном терапии травмы войны⁵.

² Hrabal B. *Ostře sledované vlaky*. Československý spisovatel. 1966.

³ Jacobs J. *Gender and collective memory: Women and representation at Auschwitz* // *Memory Studies*. 2008. Vol. 1. No 2. P. 211-225.

⁴ Ryan L. *Memory, power and resistance: The anatomy of a tripartite relationship* // *Memory Studies*. 2011. Vol. 4. No. 2. P. 154-169.

⁵ Mackinnon J. *Speaking the unspeakable: War trauma in six Contemporary novels*, Thesis presented for the degree of doctor of philosophy, University of Adelaide, South Australia, 2000.

Фокус на травме жертвы и свидетеля детерминирован самой историей Второй мировой войны в Чехии – недостаточное сопротивление нацистам (например, в сравнении с поляками или венграми), соучастие в Холокосте, послевоенное изгнание немцев из Судет, которое все чаще приравнивают к геноциду. Героизация войны перестала быть доминирующим направлением искусства уже в 60-е годы, да и в первое послевоенное десятилетие одновременно с отштамповкой советского дискурса победителя чешская литература предприняла первые попытки осмысления травмы войны (Ладислав Гросман, Эрик Коларж). Стремление выжить, и даже любой ценой, не подвергалось табуизированию в отличие, например, от литературы о войне в СССР или Польше.

Несомненно, сосредоточенность чешской поствоенной литературы на травме жертвы и свидетеля также обусловлено стремлением недоверчиво относиться к героизации любого исторического события. Развенчание мифа о Яне Непомуцком, католическом покровителе Чехии, разоблачение легенды легионеров и белочехов, непосредственное увязывание успеха коммунистического путча 1948 года с изъянами политического устройства Чехословакии межвоенного периода – авторы текстов о травме свидетеля и жертвы, Ярослав Кратохвил, Вацлав Каплички, Франтишек Лангер и другие, участвовали и во всеобщей критической ревизии истории своей страны в короткий, но столь значимый период Пражской весны. Даже самые героические литературные и кинотексты о войне полны сомнений относительно того, насколько карающей должна быть справедливость и когда наказание становится мстью, уравнивающей жертву и палача (Ян Дрда, Высший принцип).

Расцвет чешской литературы о войне, пришедшийся на конец 50-х и первую половину 70-х гг., задокументировал различные проявления травмы свидетеля и жертвы, а их успешная экранизация выполнила функцию общественной кампании в пользу популяризации не самого простого подхода к коллективной памяти о войне. Ромео, Джулия и тьма (Ян Отченашек, 1958) представляет историю влюбленного, который не мог защитить любимую девушку – не от нацистов, а в первую очередь соседей, не желающих рисковать своей жизнью из-за спрятанной в доме еврейки, и вынудивших Эстер уйти – прямоком в руки гестапо. Смерть прекрасных косуль (Ота Павел, 1971) повествует о рутине чешско-еврейской семьи в период Протектората, в том числе, о моменте, когда муж и сыновья должны уехать в Терезинское гетто, а мать и ее родственники собирают их в путь. Сжигатель мертвецов (Ладислава Фукс, 1967) стал одной из самых популярных фантазмагорий чешского искусства, в которой отец семейства, заигрывающий с идеями расового превосходства, оправдывает совершенное им убийство своей жены-еврейки и сына. Но именно Грабал и Лустиг, по отдельности, и тем более, как авторы одного поколения сумели сместить акцент с уникальности травмы на уникальность способов совладания с ней. Лустиг втягивает в историю Холокоста – подчинение всего корпуса нарратива истории геноцида уравнивается гомофонической панорамой судеб, которые с точки зрения статистики ка-

жуются одинаковыми – мучения и смерти, но которые рассказываются разными голосами. Тогда как Грабал, наоборот, встраивает историю войны и Холокоста – в историю 20-го столетия, ровесником которого он был.

Прежде камерное, очень личное повествование трансформировалось в хронику травмы и ее переживание. Лустиг рассказал столько историй совладания, что его читателям пришлось отказаться от универсального рецепта, а Грабал, который еще до рождения испытал риск преждевременной смерти (незамужняя мать Грабала отказалась сделать аборт даже под давлением отца, и писателя всю жизнь преследовала история случайности его появления на свет), из повседневности травмы беспомощного человека и совладания как с ней, так и с соблазном приобщения к власти, извлек суть чешского менталитета.

Оба обладали весьма широким набором сенсоров против любых штампов относительно травмы войны, что стало отчасти причиной их маргинализации – получившие признание в первой половине 60-х, они оказались под запретом в 70-е и 80-е гг., Лустиг эмигрировал в США, где опубликовал большинство своих текстов, Грабал разрывался между официозной цензурой и самиздатом. После 1989 г. тексты обоих писателей оказались в центре внимания чешской публики, а прежний запрет только усилил интерес читателей, который и до этого был поддержан тем, что авторы – очевидцы и участники событий. Не только жизнь, но и смерть обусловили восприятие их текстов. Лустиг, долго болеющий, не раз отмечал, что ему пришлось прожить свою жизнь, чтобы написать о травме жертвы и совладании с ней. Жизнь затворника и таинственная смерть Грабала (осталось неясным, было ли это самоубийство, или писатель умер так, как боялся – выпав из пятого этажа...) навсегда приписали его текстам сомнение относительно того, а можно ли (и нужно) справляться с травмой свидетеля, не становится ли эта травма неотъемлемой частью жизни.

Основным методом сопоставления текстов Лустига и Грабала как конструирующих травму жертвы и свидетеля становится герменевтический анализ соотношения пространства и времени в реконструкции травмы; авторской интерпретации зла как источника травмы; культурных кодов как основы встраивания их текстов в широкий социальный контекст.

Измерение травмы в пространстве и времени

Соотношение пространства и времени становится ключевым для понимания как специфики травмы жертвы и свидетеля, так и трансформации личной обособленной травмы в коллективное долговременное переживание, которое истребует разнообразные практики совладания. Невозможность убежать и спрятаться «в сей-час», как и неспособность забыть и изменить прошлое «потом», задают общие для жертвы и свидетеля рамки травматического опыта. Вместе с тем, сопоставление текстов Лустига и Грабала указывают на то, что травма жертвы обусловлена

темпоральным измерением, которое подавляет пространство, тогда как свидетель «застревает» в настоящем, которое не становится прошлым, и в определенном месте, к которому пристегнут своим свидетельством.

Лустиг помещает травму Холокоста в широкую транспективу, с одной стороны, он без устали доказывает прямую обусловленность Холокоста тем, что происходило в Европе на протяжении 19-го и 20-го веков, и один из персонажей Прекрасных зеленых глаз, равин, дает событиям войны название «Похищение Европы». С другой стороны, Холокост, по мнению автора, имеет самые далеко идущие последствия для будущего: «За каждого, кто выжил, убили кого-то другого. Те счастливейшие не знали, кто это был. Менее счастливые должны были себе в памяти сделать зарубку – из имен, лиц, глаз. Но не так, как убийцы. Спланированное количество было делом немцев. Хотели этого. Счастье каждого, кто вернулся, было вымощено несчастьем других. Это было наследство, которое оставили немцы на все время»⁶. Масштаб трагедии, по Лустигу, позволяет приравнять период Холокоста ледниковому периоду, каменному веку и сказать о 20-м веке как эре концлагерей.

Топология Лустига остается предельно простой: его герои могут быть только в двух местах, «там, откуда не возвращаются» и «по пути оттуда», он весьма вольно обходится с размещением и перемещением своих персонажей в пространстве. Если следить только за меняющимся расположением его персонажей, например, Диты Саксовой, то складывается почти ощущение сказки – персонаж переезжает, например, из Праги в Альпы мгновенно по авторской прихоти. Типичные для Лустига истории побегов также остаются чем-то магическим и невероятным. Невозможность объяснить перемещение в пространстве можно считать одним из проявлений вечного удивления автора перед спасением, уходом оттуда, откуда уйти – невозможно, именно поэтому беглецы из Алмазов ночи, просто просыпаются в лесу, после побега, не помня, как им удалось убежать. Незначимость места подчеркнута в Еврейской трилогии, которая рассказывает истории трех молодых женщин из разных стран, оказавшихся в концлагере. Условность пространства для травмы жертвы наиболее полно проявляется в Молитве о Катаржине Горовитцовой, в которой поезд с еврейскими заложниками ездит по кольцу вокруг Освенцима так долго, сколько нужно майору Брненскому времени, чтобы изъять ценности попавших в его руки евреев-богачей. Не имея возможности следить за передвижением поезда, заложники теряют чувство места и обретают его только в предбаннике газовой камеры Освенцима...

Минимализм пространственного измерения текстов отражает явное недоверие Лустига к идее, что можно убежать от зла. Повсеместность зла коннотирует с центральной идеей о встроенности нацизма в то обыденное зло, против которого бессмысленно объявлять поход или искать более благие места, очищенные от зла. Дита Саксова, которая мечется в поисках смысла, совершает самоубийство в

⁶ Lustig A. Krásné zelené oči. Nakladatelství Andrej Štastný. Praha, 2003.

Швейцарии – где чрезмерное благополучие превышает предел готовности идти на компромисс с алчным и эгоистичным миром. Кустка (Прекрасные зеленые глаза), которая возвращается в послевоенную Прагу и наблюдает за жестокой расправой над немцами, как мирным населением, так и бывшими военными, в какой-то момент теряет ощущение разницы между освобожденным городом и лагерем.

Небрежность обращения с «большим» пространством за пределами несвободной жизни, свойственная Лустигу, сочетается с подробнейшим картографированием ограниченного пространства гетто, лагеря, укрытия беглецов. Последовательное воссоздание пространства терезинского гетто, перехода от гетто к лагерю смерти и самого лагеря в Еврейской трилогии как совокупности коридоров и заборов визуализирует империю селекции, непосредственно связывает ее архитектуру с поведенческими паттернами ее подданных и господ. Невозможность измерить свободу пространством проявляется в постоянном сопоставлении своего внутреннего устройства с лагерным: «ей казалось, будто она сама была лагерем, каждый, кто был там, чувствовал то же – держали нас вместе, но так, чтобы мы были отрезаны друг от друга. Чувствовала себя окруженной проводами с высоким напряжением, будто последний человек на земле»⁷.

К темпоральному измерению своего повествования Лустиг подходит придиричливо – он расширяет и сужает коридоры времени, использует разнообразные способы усложнить темпоральность, которая вытесняет из повествования пространство. Читателю надлежит забыть, где он, чтобы острее чувствовать эпоху, непрерывность связи между прошлым и настоящим. Собственно, попытка безвременьем – один из главных симптомов травмы в текстах Лустига, именно с ним и надлежит героям справиться (или хотя бы предпринять отважную попытку): «Желала себе невозможного – быть старой, иметь прожитую безопасную жизнь, что-то точное, крепко сбитое, одновременно удаленное и связанное с каждым кусочком колеи поезда...»⁸.

Жертвы, пережившие концлагерь, продолжают жить во внутреннем безвременьи, когда прошлое потеряно и далеко, а настоящее бесконечно и непонятно: «Только человек с надеждой может быть свободным. Без надежды свобода умирает», – утверждает Лустиг, но продолжает с сомнением: «Но что делать человеку, надежды которого превратились в иллюзию, а иллюзия в ложь?».

К услугам Лустига, который практиковал и публицистическую, и сценаристскую деятельность, много средств как для передачи пытки безвременьем, так и способов ее преодоления. Писатель использует весьма широкий набор приемов структурирования текста, чтобы втянуть читателя в гонку за временем – что становится одним из главных посылов текстов писателя: «жить, чтобы помнить, забывать, вспоминать». Обретение времени – тот знак совладания с травмой, который можно обнаружить в финалах нескольких романах Лустига: «На самом деле бы-

⁷ Idem.

⁸ Idem.

ла ветераном войны. В глазах были тюрьма и освобождение. Одновременно была снаружи и внутри себя. ... Научилась смотреть быстро и коротко... Была далеко и близко» (Прекрасные зеленые глаза).

Возможно, Алмазы ночи, одно из первых произведений, были написаны и для того, чтобы закрепить темпоральную основу текстового полотна Лустига – ведь именно в этой повести автор впервые строит свое повествование на отождествлении утраты ориентации во времени с ориентацией в нормах морали. Почти во всех произведениях Лустиг использует как минимум две линии повествования: последовательный нарратив и многократно прерывающийся поток воспоминаний. Последовательный нарратив задает рутину зла, которая лишает человека уникальности, тогда как дискретность воспоминаний непосредственно указывает на то, что вытесняется, запрещается, и извлекается из памяти только при стечении обстоятельств. Лустиг противопоставляет предельно формальную последовательность повествования, отражение навязанного порядка, свободному потоку воспоминаний. Так, ужасающую непрерывность и однообразие дневниковых записей Перлы, юной проститутки Терезина, которая каждый день фиксирует, что она получила от своих клиентов, свечи, расческу, сахар, муку...⁹, или журнала учета клиентов прилагерного борделя (Прекрасные зеленые глаза) разрывают воспоминания, которые не поддаются упорядочиванию во времени, но проникают в те закоулки памяти, которые обходились стороной.

Композиция последнего романа Прекрасные зеленые глаза строится на трех частях, с одной стороны, каждая из частей описывает одну из трех недель Кустки в прилагерном борделе, с другой стороны, представлены три круга воспоминаний Кустки, от самого первого, который воспроизводится легче всего, до того, о чем вспоминать нестерпимо больно. Первая часть содержит предысторию попадания в лагерь, встречу с гауптманном Хентшелом, одним из немногих, кто обходится с ней по человечески, и по своему – защищает ее от тягот лагерной жизни. Вторая часть повествует о второй недели и о том, как вспоминается это время в разговорах с будапештским раввином, который принимает Кустку сразу после побега, и общение с которым выводит ее из апатии, располагает к рационализации произошедшего – в процессе последовательного отказа раввином от всех возможных объяснений трагедии Холокоста посредством прежде существовавших социальных учений. В заключительной части Кустка решает вспомнить самое страшное из своего трехнедельного пребывания в борделе: встречу с майором Сарaziном, командиром зондеркоманды, одним из тех, кто воплощает персонифицированное зло, смерть других обитательниц, побег, возврат в Прагу, столкновение с соседями, которые ведут себя как ни в чем не бывало, спрашивая о родителях и младшем брате Кустки так, будто та вернулась из санатория, а не лагеря смерти, где потеряла всех родных... Роман завершается первыми протестами Кустки и ее друзей против такого принуждения к забыванию.

⁹ Lustig A. Nemilovaná Z deníku sedmnáctiletí Perla Sch. Odeon Praha, 1991.

Грабал, наоборот, топологичен – если его и можно считать наследником Гашека, то исключительно в силу достоверной географичности его творчества, привязанности действия к месту, обусловленности истории самим местом. То, что происходит на станции, в городке, не может произойти больше нигде. Вместе с тем, темпоральность творчества Грабала весьма условна: название Городок, в котором остановилось время, лучше, чем что-либо указывает на череду принуждения, насилия, ограничения, которые заполнили собой время и определили жизнь человека. Вместе с тем, Грабал последовательно развивает противопоставление центра, столицы как места притяжения зла и периферии как возможного, пусть и не гарантированного убежища от соблазнов власти и богатства... Свой манифест против зла как сосредоточия власти и денег в столице Грабал наиболее последовательно представил в рассказе Нежный варвар, протагонист которого любит провинцию, ненавидит деньги и не стремится к карьерному росту.

Травма свидетеля в первую очередь и состоит в разрушении привычного, освоенного пространства, которое и есть та малая родина (для многих чехов – единственно возможная), втягивание в ту эйфорическую борьбу за место под солнцем. И Грабал пишет о такой эрозии гнезда – в финале повести Поезда под пристальным наблюдением, когда умирающий герой держит за руку немецкого солдата, которого убил он, и который убил его, и вспоминает слова начальника санитарного немецкого поезда: «Следовало сидеть дома, в Дрездене, на заднице...». Сопротивление злу, по Грабалу, состоит в его недопущении к себе – трогательное описание попытки дедушки Милоша Грмы остановить немецкую танковую дивизию силой мысли завершается описанием дилеммы: «С тех пор во всем крае люди спорили. Одни кричали, что наш дедушка сумасшедший, а другие вместе с тем говорили, что не то чтобы совсем все, но если бы все-таки встали как наш дедушка против немцев, да с оружием в руках, кто знает, как бы то вышло с немцами-то...»¹⁰.

Временное измерение, которое вводит Грабал, усиливает переживание утраты прежнего убежища – поскольку лишаясь его, человек вынужден перестать быть ребенком, вернее, подальше запрятать свою детскую сущность. Детство, отождествленное Грабалом не с негативно коннотируемой инфантильностью (как, например, в значительной части корпуса западноевропейской литературы, предписывающей зрелость и ответственность), но с ребячеством (что отсылает к метафоре ребенка как финального воплощения свободного духа Заратустры Ницше) – та темпоральная категория, которая прошивает полотно повествования всех текстов Грабала. Игривость, спонтанность, однозначность желаний и стремление безотлагательно удовлетворить их отличают людей межвоенной генерации. «Не в этом ли одна из причин той катастрофы, которая случилась с нами?», – задается вопросом Грабал и продолжает: «И если в этом, то что следует предпринять?». И если однозначность травмы войны, по Грабалу, состоит в принуждении к взрос-

¹⁰ Hrabal. *Ostře sledované vlaky*.

лению, то как справиться с этой травмой уцелевшим?! Неоднозначность выбора была задана судьбой Милоша Грмы, протагониста Поездов под пристальным наблюдением, который жил до тех пор, пока не мог стать настоящим мужчиной – однако он сразу же гибнет, преодолев досадную сексуальную проблему, по-детски радуясь за обретенное мужество.

Кому-то удастся найти дорогу назад, а кому-то приходится остаться на ролях тех важных, живущих регламентированной жизнью, лишенных возможности стихийного движения. Контрастирующие истории двух официантов, Дите и Зденка (Я обслуживал английского короля), один из которых по пути к прошлому приходит к откровению, что возвращение в состояние ребенка – в процессе переосмысления прошлого, а другой, который по бесшабашной молодости проматывал заработанное на сельских праздниках, одаривая людей разными вещами, становится партийной шишкой. В финале романа облеченный властью, но одинокий Зденек приезжает в приграничное поселение, где отбывает наказание его приятель Дите, чтобы хотя бы на расстоянии повидаться с тем, кто нечаянно спас его от гестапо, и кого он спас – уже от репрессий социалистического режима настолько, насколько мог...

Зло: неизбежное или непобедимое?

И Лустиг, и Грабал писали книги с высокой концентрацией зла – но если зло Лустига персонифицировано, встроено в ранообразные контексты, то Грабал подает зло в ощущениях своих главных персонажей – от вещей и злодеев, которые выглядят как манекены. Зло остается реквизитом – на котором приходится сидеть, которым ставятся печати, которое носят в смертоносных чемоданчиках с взрывчаткой. Диктату вещей можно противопоставить только стихию, которая разрушает и уносит обносившееся зло ураганом или взрывно волной. Оба уверены в том, фашизм – резонанс того повсеместного обыденного зла, которое присуще каждому человеку и эпохе.

Творчество Лустига убеждает в том, что совладание с травмой жертвы требует понимания зла, однако вопрос, что есть зло и как с ним справиться, остается открытым:

«Станет ли тот, кто не понимает зло, его частью? Достаточно не понимать зла, чтобы лишиться совести и потерять душу... Это болезнь, неспособность, глупость посмотреть злу в глаза и отвести взгляд? Это тихое преступление ... скрытое в потемках человеческого разума, которое не увидеть снаружи, преступление равнодушия, для которого никакое наказание не будет чрезмерным – потому что осуждает не закон, а совесть...»¹¹.

¹¹ Lustig A. *Krásné zelené oči*. Nakladatelství Andrej Štastný. Praha, 2003.

Невозможность охватить разумом происходящее зло становится одним из барьеров совладания с травмой войны: «Впервые она столкнулась с силой, для которой не нашлось имя. Сильнее любого человека. Ничего не понимающая. До этого момента зло было словно отравленный сахар от незнакомца. Ощущала себя на границе, между мертвыми, или еще живыми. Скоро счастьем стало быть рабом. Курвой. Крематорий был словно кофеобжарочный цех, кирпичный завод или пекарня...»¹².

Лустиг показывает зло сразу в нескольких перспективах: персонификацию зла в герое-нацисте, который отличается предельным проявлением уверенности в своем праве творить насилие; в понимании нацизма как разновидности зла общественного устройства (в первую очередь, за счет последовательного сопоставления уничтожения евреев и системного насилия над женщинами); зло как империя селекции и Холокост как верхний и самый заметный этаж этой огромной пирамиды; зло как проявление дьявольской силы в каждом из людей, то, что оправдывает отчуждение от других и сводит на нет солидарность.

В ранних текстах, например, Молитва о Катаржине Горовитцовой, Нелюбимая, персонификация зла непосредственно связана с бунтом жертвы, которая творит справедливость, уничтожая зло – убивая его носителя. Так, Катаржина и в газовой камере оказывается способна к сопротивлению и убивает одного из своих мучителей, а Перла – закалывает офицера Люфтвафе, давнего клиента, к которому она равнодушна, который специально приходит к ней в ночь ее отправки в Освенцим, со смешанным любопытством и стремлением использовать смятение юной проститутки в свою пользу¹³. Однако в поздних текстах персонификация зла работает на увязку представления о неистребимости зла как неотъемлемой части человеческой природы и зла как обустроенной машинерии власти.

Злая сила власти резонирует с испорченной натурой Саразина, который под страхом смерти заставляет Кустку играть с ним в русскую рулетку, чтобы доказать ей неспособность управлять ни своей, ни чужой жизнью. Вместе с тем, служение машине зла деформирует и чувствительного, вдумчивого Хентшела, который несмотря на признание того, что тот, кто покупает проститутку, сам – проститутка, не может не мучить Кустку – двойственностью отношений и неспособностью фильтровать то, что исходит от него. Оставаясь зависимым от травм детства, Хентшел находится в постоянной погоне за совершенными отношениями, мучаясь противоречием между предписанной мужественностью и присущей ему сензитивностью. И уход в войну, принятие идеи, что война – естественная селекция и процесс оздоровления населения, становится основой совладания со своим сомнением. Вместе с тем, Лустиг не отказывает себе в удовольствии позвать относительно бессмысленности рефлексии Хентшела, который трахая безответную пятнадцатилетнюю девочку, отдавая отчет в прямой зависимости ее жизни от принуждения быть проституткой, не может перестать думать о том, что он –

¹² Idem.

¹³ Lustig. Nemilovaná Z deníku sedmnáctiletí Perla Sch.

плод насилия отца над матерью. Язвительность перерастает в праведный гнев, когда писатель описывает расщепление сознания Кустки, которое наступает после ухода Хентшелла. Если грубому насилию от Саразина Кустка противопоставляет страх («воплотился в нем кусок той Германии, которую она не знала до этого»), перед Хентшелем, его открытостью и уязвимостью она оказывается безоружна. Сон, который преследует Кустку, о том, что ее ловят и убивают из-за подозрения в краже вещей Хентшела, которые он ей подарил, но не успел сказать об этом, не требует изощренной интерпретации. Образовавшаяся пустота душевного устройства Хентшела кажется Лустигу более страшной, чем бескомпромиссная жестокость Саразина.

Персонификация зла тесно связана с его обесмысливанием – служба злу, по Лустигу, исключает любовь. Посыл «Мы умираем и живем, потому что любим, они убивают и властвуют, потому что лишены любви» развивается в многообразии персонифицированного зла – Лустиг создал более тридцати образов злодеев, которые не повторяются, и за каждым из персонажей стоит своя история отвержения, озлобления, насилия. Строя свои сюжеты на отношениях нациста и шлюхи (потому что ничем другим по меркам зла любая женщина, обладающая сексуальной привлекательностью, быть не может...), Лустиг утверждает суррогатность жизни злодея, который использует суррогат секса, поскольку оказывается отчужден от полноценных отношений: «Гауптман Хентшел спрашивал, почему родилась женщиной – чтобы поддаваться? Но тогда зачем родились мужчины – чтобы принуждали женщин?»¹⁴. Автор бескомпромиссен, отказывая злу в праве любить: тема отчуждения от подлинной жизни наиболее последовательно развита в линии отношений Кустки и Хентшела, того, кто был способен любить, но утратил этот дар, уйдя на войну.

Если в ранних текстах Лустига в центре изложения – служители зла, в зрелых текстах в центре – империя селекции, от ее самых нижних этажей до уровня политики. Лустиг связывает селекцию с особым пониманием профессионализма, представляя нацистских медиков и ученых, которые творят селекцию: «Девушек исследовал военный психолог оберфюрер Микаел Блаттер-Спирит. Защитил диссертацию об Освальде Шпенглере. О финале жизни, обязанности умереть. Блаттер-Спирит провел ряд признанных исследований. Изучил психологические качества светловолосых и голубоглазых, с ростом выше 170 см, из деревни Лидице в Чехии и Орадуре, недалеко от Лиможа... Блаттер-Спирит изучал и онемечивание иностранцев. Чем, например, для них привлекательна служба в СС. Почему словно магнит манит эстонских, латвийских, украинских, словенских, румынских или французских солдат. Он носил маленькие круглые очки, отчего глаза поблескивали как опаловое стекло. Лицо было в рытвинах от ветрянки и шрамах от драк со времени учебы в пражском университете. Среди предков был итальянский прадед, Массима Канелла Спирита. Оливковый цвет лица получил от него.

¹⁴ Idem.

Относился к своей работе серьезно. Например, убеждал в необходимости заставить прифронтовых проституток улыбаться в процессе осуществления своего задания...»¹⁵.

Лустиг не устает связывать зло войны и обыденное зло. У монеты зла две стороны, утверждает он, насилие и равнодушие, поэтому валюта зла универсальна, просто у нацистов оказался контрольный пакет акций фабрики по производству неравенства. Последовательное увязывание Холокоста и обыденного зла нужно Лустигу и для того, чтобы углубиться в тему вторичной травмы жертвы – того болезненного, иногда смертельного (как для Диты Саксовой) опыта, который приобретает выжившей жертвой в коммуникации с теми, кто не только не хочет знать, но накладывает запрет жертве говорить об этом: «В прифронтовом борделе должна была скрывать, что еврейка, а теперь должна будет скрывать, что была фронтовой курвой?! Без труда представила, как много всего выплеснут ей в лицо люди, если узнают. Путалась с немцами? Неужели не было другого выхода? А в чем отличие от пана Сламы из ее дома, брадобреем, который так гордился тем, что бреет немецкие подбородки? Где те, кому ничего не пришлось пережить, чтобы могли осудить ее и сказать: лучше бы ты дала себя убить»¹⁶.

Преодоление этой вторичной травмы Лустиг описывает и как атаку памяти на забвение, как принятие кажущегося невозможным, но столь частого сожительства правды и лжи, принуждения человека жить в противоречии страха и желания поделиться и скрыть, когда усилие запрятать воспоминание может стать источником еще большего травматического расстройства или, наоборот, исцеляющей основой – если рядом окажутся те, кто помогут понять, что и зачем прячется. Преодоление ваимного отчуждения, концлагеря в себе требует балансирования между уникальностью своего опыта и признанием его неисключительности. Зло, по Лустигу, неизмеримо, потому что отличие преобладает над сходством, а соперничество – над поддержкой. Если зло присуще человеку и обществу, присуща ли им и интенция содействовать друг другу? «Были в одном и том же лагере, только каждый выносил свой опыт, не подлежащий обмену с другим», – пишет Лустиг, и всем своим творчеством опровергает это утверждение, создавая гомофонический хор столь разных и столь похожих историй.

Вместе с увязыванием Холокоста с устройством социума в целом Лустиг стремится отделить Холокост от войны: «Для Германии это не была война как для остальных. Это была невидимая война внутри той зримой. Тайная война под той объявленной, начатой с гордостью и развевающимися флагами. То другое поприще, на котором преуспели, были массовые убийства. Нельзя считать это войной»¹⁷. Если для Лустига, который активно участвовал в войне за независимость Израиля, вооруженный конфликт кажется приемлемым злом, то Грабал, который признавая социально обусловленную готовность человека убивать, отказывается

¹⁵ Idem.

¹⁶ Idem.

¹⁷ Idem.

мириться с этим. В отличие от Лустига, который показал склонность к насилию как неотъемлемую часть природы человека, Грабал говорит о убийце как одной из ролей, предписанных социумом, от которой нельзя зарекаться и которую человек сыграет привычнее, чем многие другие. Встреча двух Убийц, штумбафюрера СС, руководившего уничтожением Лидиц, и единственного уцелевшего жителя Лидиц, который отсидел за убийство отца, доказывает запрос зла на нормализацию: тот, кто добился благополучия благодаря убийствам по приказу и собственному выбору, но навсегда лишился сочувственного понимания, счастлив встретить обыкновенного убийцу, чье деяние невозможно оправдать, но можно понять¹⁸.

По Грабалу, убийство – следствие уже запущенного маховика зла, который движется под влиянием стремления к власти. Поскольку искушение властью переживает почти каждый, то и носителем зла становится тот, кто множит ее соблазны. В Поездах под пристальным наблюдением только начальник железнодорожного узла Зедничек, который говорит газетными заголовками и раздает нагоняни служащим, плотоядно поглядывая на телеграфистку Зденечку, разрывается между очарованностью остатками имперской аристократии, воплощенной в графине, то и дело приезжающей верхом на станцию, и машинерией нацизма, воплощенного в бутафорских поездах и дрезинах, на которых передвигаются немецкие солдаты. В Я обслуживал английского короля уже каждый герой переживает очарование и разочарование соблазна властвовать.

Саркастическое отношение к злу – та разновидность мужества, которая кажется Грабалу единственно приемлемой в сопротивлении насилию. Основу сарказма, несомненно, составляет сомнение в авторитете любой власти, идет ли речь о доминировании в любовных отношениях или власти денег, политического влияния или физической силе. Ироническое описание сексуальных игр Дите и Лизы, когда жена берет в руки рычаги супружеских отношений; издевательский тон в описании тайных механизмов движения по служебной лестнице официантов, сборщиков макулатуры и страховых агентов; грозный сарказм в отношении тех, кто подпевает тоталитарной власти, образуют ту картинку зла, которую чувствует каждый, но от которой может дистанцироваться, по Грабалу, только творец. Не поэтому ли он из соображений авторского гостепреимства щедро наделяет даром писать большинство своих персонажей? Позиция того, «кто всегда остается в статус-кво, для которого важен его модус вивенди – в любых обстоятельствах, тот, кто навсегда на стороне партии умеренного движения»¹⁹, располагает автора оставить ответ на вопрос о том, как предупреждать зло, на усмотрение читателя. Будет ли это пестование метафизического веселья, которое практикуют многие образованные герои Грабала, или деноминация наград и отличий, как это делают персонажи попроще, выбор в пользу товарищества, пусть даже с козой, кошкой и лошаденкой, а не богатства, ни один из способов не гарантирует спасения, а тем

¹⁸ Hrabal B. *Obsluhoval jsem anglického krále*. Prostor, Praha, 2006.

¹⁹ Hrabal B. *Dopisy Dubence V Sebrané spisy Bohumila Hrabala*, svazek 13, Pražská imaginace, 1995.

более счастья. Тем важнее для Грабала оставить за читателем выбор в пользу «счастья детей и пьяных», резвящихся на полях жизни, или прекрасногрустное сосуществование с собственной тоской: «я точно знал, что эта девушка не будет счастливой, что ее жизнь будет печально-прекрасной, что для мужа жизнь с ней будет мучительной, но и полной...»²⁰, пишет Грабал о Марцеле, бывшей бесшабашной «барышне из ресторана», которую любовь профессора по французской литературе переплавляет в прекрасную, но навсегда погрустневшую молодую женщину.

Одним из часто используемых приемов демистификации зла становится приращение ему эффекта бутафории. Реквизитная природа зла проявляется и в том, как Грабал описывает самих нацистов: «Локомотив остановился, а с него спустились два стройных эсесовца, с парабеллами в тонких пальцах. Мгновение смотрели на мою красную фуражку... я стукнул каблуками и отсалютовал, а они каждый со своей стороны наставили дула слева и справа, и я был принужден забраться вверх по лестнице, поезд поехал... Мне было странно, оба эсесовца были красивы. Скорее, будто писали стихи или играли в теннис, а не стояли около меня в локомотиве...»²¹. Одну из глав Я обслуживал английского короля Грабал посвящает последовательной деперсонификации зла, начиная с безличности гестаповцев, избивающих по ошибке арестованного Дите, продолжая краткой, но емкой отсылкой на историю Лидиц, которые были выбраны практически случайно для устрашения чешского населения, и завершая главу сведением под одной крышей двух Убийц, облеченного властью и лишившегося всего, кроме своих воспоминаний и любви к матери. Вместе с тем, кукольно-бездушным служителям зла он противопоставляет обычных немцев, «с которыми бы водили дружбу и ходили на пиво, если бы встретились в мирное время». Следует отметить, что на такую нормализацию немцев Лустиг решается только в последнем романе – описывая встречу Кустки с начальницей немецкого санитарного поезда, который идет под откос, и для спасения пассажиров которого выталкивают в морозную ночь и девушек из полевого борделя, которые разгребают завалы и сдают кровь.

Вещность зла нужна Грабалу и для того, чтобы увязать власть с материальным благополучием – неслучайно квинтэссенцией зла становится чемоданчик с редкими марками, которые собирает Лиза, жена Дите, и которые прежде принадлежали евреям. Вещи сами по себе вызывают у Грабала почти суеверный ужас как кажущиеся безобидными, но оказывающимися настолько поработочающими, что требуют, по мысли автора, уничтожения.

Грабал не один раз переиначивает гуманистический посыл не оценивать человека по полезности в утверждение, что иногда никчемность – единственная гарантия того, что человек не сотворит зла. История сына Дите, который производится в соответствие со всеми канонами воспроизведения Нового человека, но рождается идиотом, испытывающим интерес только к забиванию гвоздей, завер-

²⁰ Hrabal. *Obsluhoval jsem anglického krále*.

²¹ Hrabal. *Ostře sledované vlaky*.

шается немудреной моралью о том, что за своего сына Дите спокоен, потому что никакого ущерба от этого нового человека не случится, коль он забивает гвозди, а не бомбы в города...

Словно в ответ на вопрос Лустига «Почему существует селекция?» Грабал отвечает словами Дите, протагониста романа Я обслуживал английского короля: «потому что мне надо быть кем-то исключительным». И чтобы принять не самый легкий, но не разрушающий способ достижения исключительности, которому Грабал дал особое наименование «*rábení*» – свободное и безграничное во времени и пространстве творческое движение, – человеку придется справиться с соблазном принадлежать к тем, кто властвует – а значит, творит зло.

Лустиговское зло, которое состоит из разнообразия типажей злодеев, изощренного манипулятивного зла, brutальной машины селекции непобедимо, деперсонифицированное, вещное зло по Грабалу – неизбежно. И вместе с тем оба писателя, признав ту или иную вечность зла, весьма последовательно борются с ним, используя разные средства.

Культурный код жертвы и свидетеля

Оба автора рассказывали истории – отдельных людей, семей, мест. Лустиг строит текст как нарратив в нарративе – если не тайна, то сокровенный смысл раскрывается после прочтения нескольких историй, тогда как Грабал рассказывает историю о истории – о том, как получилась история: «я даже не писатель, а записыватель, скорее этакий литературный репортер, люблю мистификации и то мое свободное движение *rábení*, моя оборона против политики, собственно, моя политика, мой способ писательства»²². Корпус текстов Лустига образует своеобразную хронику – ключевые персонажи, сам писатель, его ближайший друг и бунтарь Вили Фелд, первая любовь автора, Танга, вечная любовь и жена Кустка, Коллет, потерявшаяся любовь друга Вили... В значительной части текстов протагонистом становится поочередно не каждый из персонажей, но влюбленная пара, и читатель воспринимает далеко не однозначную историю борьбы за выживание глазами того, кто безусловно принимает жертву, которой приходится не только платить телом за свое спасение, но и подчиняться машинерии уничтожения и становиться ее частью...

Каждый делился своей личной драмой, которая выходила далеко за пределы войны – оба отделили в своих повествованиях глаголы жить и уцелеть (остаться целостным). Выжить далеко не всегда означает уцелеть. Возвращение целостности становится возможным в процессе восстановления связей – часто любовных, для обоих обращение к любимой женщине становится ключевой формой терапевтирующего повествования. Так, в своих последних текстах Лустиг обращает-

²² Hrabal. *Dopisy Dubence*

ся к своей жене, с которой его свели лагерь и война за независимость Израиля, Грабал – к молодой богемистке Эприл Клиффорд, которой он написал восемь писем, вошедших в сборник Ноябрьский ураган (1991).

Каждый на свой лад стремился освободить читателя от однозначного и категоричного отношения к войне. Грабал утверждает своими книгами культ гоминизма – обычного человека, который он противопоставляет любым другим измам, включая и такие как гуманизм. В книгах Лустига уравнивание таких разных культурных кодов как порнографическое описание подоплеки отношений жертвы и палача, вольный пересказ Ветхого Завета, карикатурное изложение столпов европейского гуманизма, разрушает не только рамки представлений о войне, но и вовсе уверенность в необходимости рамок художественного текста.

Поставив в центр своего повествования женщин, Лустиг добивался раздражения, столь нужного для творческого процесса – гонка за идентичностью с героиней, сомнение и обретение уверенности в ее понимании, процесс написания как процесс понимания – в том числе, чтобы книги не писались с самого начала как устоявшаяся точка зрения. Лустиг описывает отношения со своими текстами как игру с непредсказуемым результатом, как общение взрослого с растущим ребенком, который вот-вот станет взрослым. Он писал быстро и почти без заготовок (неслучайно после 1989 года он переписал многие ранние вещи, учтя и опыт их экранизации, и применив новые стандарты к изложению истории) – поэтому ему нужен был такой стимул как погоня за собственным пониманием. Альтернативный пафос героизма – выбор в пользу героинь-женщин стал одним из основных средств избавления от риска воспроизвести штамп жертвы как безгрешного барашка. Наоборот, очевидная нарастающая физиологизация в представлении героинь указывает на безусловную значимость для автора сексуальной составляющей отношений. Автор воспроизводит позицию, столь близкую Вильгельму Райху: чрезмерная морализация становится инструментом нарушения приватности и ведет к все тому же авторитарному контролю.

Лустиг развивает тему от свистящего шепота «курва» за спиной Диты Саксовой, первой героини, травма которой показана через призму невозможности гармоничных интимных отношений, до Прекрасной зеленоглазки, облик которой передан в детальных и весьма физиологичных описаниях бесчисленных принудительных сношений. И тем не менее, множество героинь-женщин в первую очередь воспроизводит фреймы Ветхого Завета по преимуществу, персонажи Лустига – ветхозаветные героини, карающие, жертвующие, одаряющие, следующие своей судьбе. Используя этот культурный код, Лустиг рассказал историю Холокоста почти как библейскую – о сотворении мира из хаоса, о возможности спастись от мира полного жестокости и эгоизма в солидарности, взаимном понимании, сомнении в собственной правоте и чистоте, принятии других. Код ветхого завета усиливает противопоставление авторского отношения к женщине тому потребительскому подходу, который объединяет нацизм и обыденные паттерны, продуцирующие насилие. «Писать о судьбе евреев значит писать о судьбе людей, и не

стоит делать наоборот», – утверждает Арношт Люстиг. Эти рамки, заданные Лустигом, можно распознать в современной чешской женской прозе, в которой, как и у Лустига, героини-женщины, справляясь со своей травмой войны, создают пространство для терапевтирующей коллективной памяти.

Ветхозаветная гомофония историй лустиговской прозы оказывается созвучна стилистике авторской речи, изобливающей парафразом и назывными предложениями. В одной из частей Еврейской трилогии, о Коллет, работающей на разборе бывшей собственности заключенных, принужденной удовлетворять фантазии охранников и влюбленной в другого заключенного, такой фразой становится: «Верхняя и нижняя ступеньки правды, нижняя и верхняя ступеньки лжи». Эта фраза повторяется на протяжении всех диалогов влюбленных, когда им приходится говорить о рутине лагерной жизни²³.

В Прекрасных зеленых глазах Лустиг описывает динамику состояния Кустки посредством ассоциативных рядов, которые транслируют изменения внутреннего мира героини: «Каждое понятие было как зазвучавшее в театре – как только поднимется занавес, как если бы поставили на пластинку грамофона иголку. Из под нее со скрипом выплывет мелодия. Это была сигнальная система, которую понимает тот, кто прошел тем же опытом. Слова боль, тишина, голод. Холод, сила, невинность. Зверь, смерть. Носила в памяти ту самую сигнальную систему, для которой искала знаки, слова, понятия. На что-то хватало того, что уже знала: послушность, рабство, идентичность. Вопросы, ответы. Нагота. Подлость. Предательство. Отвага, сон. Чистота. Хитрость. Свобода. Пустошь, волки, смерть. Крысы, преданность, ненасытность. Вина, сон, безнадежность. Неспособность верить. Огонь, дым и пепел»²⁴.

Пафос текста Лустига стал бы серьезным испытанием для читателя, если бы автор последовательно не чередовал юмор висельников и лирику: «Мы ехали три дня и четыре ночи. Уборной не было. Для людей под нами это было мало приятно. Думал о марафонских бегунах, которые по время бега писают в штаны, чтобы не потерять время. Смешной это был бег, когда победитель добежит до цели, чтобы погибнуть...»²⁵.

Основными персонажами Грабала становятся мужчины – вернее, мальчишки, которые растут, обзаводятся брюшками и плешами, но остаются все теми же детьми, открытыми впечатлениям, стремящиеся к игре. Мудреть – не значит мужать, тем более, взрослеть. Милош Грма приступает к работе после лечения в психиатрической клинике (мучаясь сексуальными проблемами, он пытается покончить с собой). Дите мал ростом и неказист, он нигде не становится своим, наоборот, умудряется настроить против себя и немцев, и чехов, и богатых, и бедных, всех тех, кому он хочет уподобиться... Однако именно эти персонажи обладают даром свидетельствовать – если «Суть жизни – в расспрашивании самого

²³ Lustig A. Colette: *Dívka z Antverp, Židovská trilogie II. díl Mladá fronta*. Praha, 2006.

²⁴ Lustig. *Krásné zelené oči ...*

²⁵ Lustig A. Lea: *Dívka z Leeuwardenu, Židovská trilogie I. díl Eminent*. Praha, 2000.

себя о смерти»²⁶, то вопросы без обвиняков и ответы без цензуры доступны только тем, кто свободен от предрассудков, хотя такая свобода далека от идеалов мужественного поведения.

Чтобы расположить читателя сомневаться в маскулинности как неотъемлемой черте правильного поведения мужчины, Грабал в качестве альтер эго своих протагонистов представляет «настоящих мужчин», таких как участник сопротивления Губичка (Поезда под пристальным наблюдением) или отважный властный Зденек (Я обслуживал английского короля), они – предмет восхищения и подражания, однако эмансипация от предписаний быть мужчиной оказывается, по Грабалу, неизбежным движением в освоении роли свидетеля. Тот, кто действует, нужен на мгновение, тот, кто осмысляет – незаменим. Повествование от лица уже умершего Милоша в Поездах под пристальным наблюдением и Дите, который живет, потому что должен исполнить свое предназначение и рассказать, убеждают в том, что маскулинность – одно из препятствий, которое следует преодолеть, чтобы занять позицию свидетеля.

Присущие грабаловскому языку словотворчество, рискованные сравнения, провокативные оценки событий и людей аутентичны его авторской позиции хулигана и *enfant terrible* чешской литературы. Складывается впечатление, что Грабал писал таким чешским языком, который почти невозможно перевести и не потерять смысл. Значит ли это, что он не стремился быть услышанным? Думается, что лучше всего на это отвечает сам писатель: «Post-modern je současně i Ost-modern» (Пост-модерн сейчас и Восток-модерн), что утверждает особую роль литературы Центральной Европы в конструировании ответственности как продукта осмысления недавнего прошлого. Поддразнивающий и манящий, Грабал стал одним из самых значительных соблазнов чешской литературы. Отдавая отчет в этом, писатель не считал нужным идти на уступки читателям. Многократно определяя написание (и чтение) своих книг как шумное одиночество и пик праздности, автор ожидал, что и читатель откажется от утилитарного и разделит с автором прекрасногрустное...

Заключение

Если говорить языком терапии, то Лустигу удастся закрыть случай травмы жертвы – самыми разными способами он добивается от читателя отчетливого понимания позиции жертвы и свидетеля. Совладание с травмой жертвы, по Лустигу, и состоит в принятии жертвой роли и миссии свидетеля. «У меня был выбор», – с горечью говорят персонажи Лустига и он сам. «У тебя была надежда», – отвечает им и себе писатель. Помнить, забывать и вспоминать – это рецепт исцеления или обретения целостности, который Лустиг прописывает своим героям

²⁶ Hrabal. *Dopisy Dubence*

Если терапия травмы жертвы в движении от жертвы к свидетельствующей жертве, жертве, обретающей голос, то в чем состоит терапия травмы свидетеля, который был в тисках страха стать жертвой и ужаса перед близкой возможностью соучастия в насилии? Тексты Грабала располагают принять неутешительную мысль о невозможности «закрыть» случай свидетеля – быть свидетелем означает быть всегда обязанным работать со своей памятью, разделять то, что слилось в одну картину угнетения, насилия и равнодушия.

Совладание с травмой войны не означает результата, но предполагает длинный, если не бесконечный процесс – этот мессидж объединяет обоих писателей. Лустиг и Грабал создали то текстовое пространство, в котором читатель сам устанавливает меру своей идентификации с персонажем – будь то жертва или свидетель. Возможно, именно эта гибкая мера отождествления себя с протагонистом и становится источником рефлексивной терапии. Ни один из писателей не ставил целью привить своими книгами правильные нормы – индекс сомнения в том, что хорошо, оказывается по Грабалу и Лустигу прямо пропорционален способности человека не делать плохо.

Елена Сивуда

Федор Достоевский и Генрих Белль: герои, темы, мотивы

Публицистические и художественные произведения Федора Михайловича Достоевского становились источником идей и концепций многих немецких писателей и философов. Социальная напряженность и нравственные конфликты, характерные для общественной жизни европейских обществ 20-го века, в отличие от предыдущих эпох, созвучны напряженности существования и мировосприятия, внутренним конфликтам и страстям героев Достоевского. Это свидетельствует о том, что Россию и Европу объединяют не только общие ценности, но, возможно, даже в большей мере общие трудности, угрозы и вызовы времени.

Сложность и неоднозначность материальной и духовной жизни 20-го века, века революционных преобразований и двух мировых войн, стали предпосылкой для неугасающего интереса к творчеству Достоевского, ведь художественный мир Достоевского – это мир напряженных поисков смысла существования, а также непрекращающейся борьбы человека со своим окружением и нередко с самим собой.

С начала прошлого века и вплоть до сегодняшнего дня произведения Достоевского можно приобрести практически в любом книжном магазине Германии. Первое собрание сочинений Достоевского было опубликовано в издательстве «Piper», в 1906-1919 гг. Хотя, как отмечает исследователь творчества Достоевского Хорст-Юрген Геригк, некоторые эпизоды были вырезаны из печати по политическим причинам¹. Впоследствии произведения Достоевского были напечатаны в полном объеме такими крупными немецкими издательствами, как «Artemis & Winkler», «Suhrkamp Insel», «Goldmann» и др. Кроме того, с мая 1990 в Германии существует открытое общество Достоевского, члены которого издают свой журнал и проводят регулярные встречи-конференции в местах пребывания Достоевского в Европе.

Благодаря такой популярности Достоевского в Германии, его творчество достаточно хорошо исследовано немецкими литературоведами. Существует и множество компаративистских исследований, в которых осуществляется попытка сопоставления мотивов и художественных образов, созданных Достоевским и известными немецкими авторами, среди которых, например, работы Вилли Байтца «От Достоевского до Кундеры: вклад в европейский роман и теорию романа», Хорста-Юргена Геригка «Достоевский», Анны Зегерс «О Толстом.

¹ Gerigk, H.-J. Dostojewskijs Wirkung im deutschen Sprachraum // Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert / Ed. D. Dahlmann, W. Potthoff. Wiesbaden, 2004. С. 95-126, здесь С. 121.

О Достоевском», Драгана Стояновича «Достоевский и Томас Манн», Карлы Хильшер «Достоевский и немецкая литература», Стефана Цвейга «Три мастера. Бальзак. Диккенс. Достоевский», Вальтера Шубарта «Достоевский и Ницше» и др.

Важным вектором в изучении влияния творчества Ф.М. Достоевского на развитие мировой литературы видится исследование значения художественного наследия писателя для развития послевоенной немецкой литературы минувшего столетия и особенно прозы Генриха Белля. Целью данной статьи является выявление и обозначение общих мотивов и литературных образов в творчестве Достоевского и Белля и, прежде всего, в осмыслении философско-этических проблем писателями.

Известно, что Генрих Белль, известный немецкий писатель «послевоенного поколения», живо интересовался творчеством Достоевского, считая его во многом своим учителем, и многократно упоминал его имя в своих статьях. В 1972 году в издательстве Гамбурга был издан сборник *Мы и Достоевский*, посвященный творчеству русского писателя и содержащий эссе трех видных представителей западногерманской литературы – Генриха Белля, Зигфрида Ленца и Ганса-Эриха Носсака.

В своих воспоминаниях Белль отмечает, что с творчеством Достоевского он впервые познакомился еще в юности, когда, после прочтения «Преступления и наказания», на последние деньги купил все собрание сочинений писателя, изданное, возможно, незаконно, без указания года и места издания, а также без комментариев переводчика, и к двадцати одному году прочитал его почти полностью. Позже Белль признается: «Это было время, когда программным чтением в школе было автобиографическое произведение Адольфа Гитлера "Mein Kampf" [Моя борьба]. Нет ни малейшего сомнения в том, что мои первые писательские опыты были плодом влияния Достоевского... Сюжеты моих первых рассказов я извлек из хорошо знакомой мне жизни все более опускающегося вниз по социальной лестнице мещанства, которое пытается найти опору в иронии, истерии и богемных привычках»². Называя писателей, оказавших влияние на его творчество, Белль всегда упоминал Достоевского.

Тема морали и вседозволенности, «наполеоновская идея» у Достоевского и Белля.

Как и Достоевский, в своих рассказах и романах Белль анализирует свое время и своих современников. Как представитель «молодого поколения» послевоенных писателей, посвятивших послевоенный период своего творчества изображению военного и непосредственно послевоенного опыта, в своих произведениях Белль

² Böll H. Dostojewskij – heute? // Interviews I. 1961–1978. Köln, 1977. P. 177-193, здесь P. 182f.

пытается проанализировать как философию приверженцев фашизма, так и разрушение мифа о фашизме и его расовой теории.

Тема вседозволенности, идея возвышенности одних людей над другими, без сомнения роднит Белля и Достоевского. Как и Родион Раскольников в «Преступлении и наказании», герой романа «Где ты был, Адам», оберштурмфюрер Фильскайт, выступает апологетом теории «избранных», идеи вседозволенности. «Расовую теорию Фильскайт воспринял как осуществление своих сокровенных идеалов; вскоре он вступил в Гитлерюгенд и, быстро сделав там карьеру, возглавил в одном из округов работу по музыкальному воспитанию – создавал хоры... Результатом этих длительных изысканий явился его собственный труд, озаглавленный "Хоровое пение в его связи с расовой спецификой"³. Принцип «цель оправдывает средства» развенчивался Достоевским и в «Преступлении и наказании», и в «Бесах», и в других его произведениях. Например, Раскольников создает статью «О преступлении», в которой разделяет людей на «обыкновенных» и «необыкновенных»⁴. В своей статье Раскольников заявляет о «праве на преступление»⁵ последних ради идеи: «... люди, по закону природы, разделяются *вообще*⁶ на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей *новое* слово... Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь...»⁷.

Поклонение идолам при власти Раскольников обосновывает их природным превосходством, отношение к остальной человеческой массе подчеркивается автором глаголами, соотносящимися с неодушевленными предметами: «Нет, те люди не так сделаны; настоящий властелин, кому все разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, *забывает* армию в Египте, *тратит* полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне: и ему же, по смерти, ставят кумиры, – а стало быть, и *все* разрешается...»⁸. Несмотря на сходство протагонистов Достоевского и Белля, в интервью от 1971 года Белль утверждал, что «сам Раскольников не произвел на меня сильного впечатления: я увидел его, как идею»⁹. Именно «идея» выступает в качестве мотива во многих произведениях Белля, среди которых, например, «Путник, придешь когда в Спа», «Дом без хозяина» и др. В них, по замечанию Альфреда Вебера, Белль осуждает расовую теорию, дух власти и превосходства, которые базировались на законах и постула-

³ Белль Г. Где ты был, Адам // Он же. Произведения. М., 2004. С. 19-167, здесь С.116 и сл.

⁴ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Он же. Собр. соч. в 10 тт. М., 1957. Т. 5. С. 267 и сл.

⁵ Там же. С. 271.

⁶ Здесь и далее выделения автора.

⁷ Там же. С. 270.

⁸ Там же. С. 284.

⁹ Böll. Dostojewskij – heute? P.182.

тах античности (Спарта, Цезарь, Стоя), а впоследствии на теориях и философии Макиавелли, Ницше и Гитлера¹⁰.

В качестве развития идеи о вседозволенности избранных, вождей в творчестве обоих писателей поднимается тема убийства и морального преступления, когда человек, слепо повинувшись поставленной перед ним цели, снимает с себя ответственность за свои действия, воспринимая себя как часть общественной машины, и уже не в состоянии критически осмысливать моральную сторону своих поступков. В романе «Бесы» Петр Верховенский в разговоре с Николаем Ставрогиним описывает фундамент, на котором держится его «кружок социалистов» следующим образом: «Я вас посмешу: первое, что ужасно действует, – это мундир. Нет ничего сильнее мундира. Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, председатели, регистраторы, их товарищи – очень нравятся и отлично принялось... Ну и, наконец, самая главная сила – цемент, все связующий, – это стыд собственного мнения»¹¹. Герои Белля, выступающие представителями «антиидеи», не могут смириться с равнодушием соотечественников и отсутствием критического осмысления военного опыта и целей, которые стояли за Второй Мировой войной. Так, например, главный герой романа «Глазами клоуна» Ганс Шнир признается: «Ужасно боюсь разговаривать с полупьяными немцами определенного возраста, они всегда заводят речь о войне, считают, что все это было здорово, а когда напьются окончательно, выясняется, что они – убийцы и ничего "особенно плохого" в этом не видят»¹².

Идея об «обыкновенных» людях, как человеческом материале, получила развитие и в романе Белля «Не сказав ни единого слова». Действие романа разворачивается в городе послевоенного времени, жители которого пытаются стереть из памяти недавние события военного времени, но главный герой Фред Богнер все равно не может избавиться от мучительных воспоминаний и ужаса войны, когда человеческая жизнь не значила абсолютно ничего: «Если умирало мало людей, высшие офицерские чины считали, что предприятие было проведено плохо. Не зря величину битвы оценивают по количеству мертвых»¹³. Сам Белль, непосредственно принимавший участие в боевых действиях Второй Мировой войны в «Письме моим сыновьям» писал: «Мне не удалось разыскать приказ Гиммлера, который гласил, что каждый солдат может застрелить любого солдата, которого он встретит там, где не слышно "боевой тревоги" или "шума битвы"»¹⁴.

Модель дисгармоничного мира, в котором царствует насилие, художественно воссоздается в послевоенных романах и рассказах Г. Белля, где война, смерть осмысливаются как насилие, учиняемое над человеком: «... в сущности, человека ни к чему не принудишь, человека можно лишь уничтожить, смерть – вот

¹⁰ Weber A. Wanderer, kommst du nach Spa... // Interpretationen zu Heinrich Böll / Ed. R. Hirschenauer, A. Weber. München, 1974. P. 62.

¹¹ Достоевский Ф.М. Бесы // Он же. Собр. соч. в 10 тт. М., 1957. Т. 7. С. 403 и сл.

¹² Белль Г. Глазами клоуна // Он же. Произведения. М., 2004. С. 495-689, здесь С. 586.

¹³ Böll H. Und er sagte kein einziges Wort. München, 1998. P. 150.

¹⁴ Белль Г. Письмо моим сыновьям // Он же. Произведения. М., 2004. С. 689-713, здесь С. 699.

единственное насилие, которое можно по-настоящему над ним учинить. Человека не принудишь остаться в живых, не заставишь любить; по-настоящему властна над ним одна только смерть»¹⁵.

Картина дисгармоничного мира продуцирует и мировосприятие человека, которому «все опротивело», «все мерзко»: «Какая гадость все это – и баба, и грязный еврей, и даже качели. Правда, качели были еще ничего, но все равно гадость. Все, все мерзко – и абрикосы, и хозяин, и солдаты у стойки»¹⁶. Мир обретает обозначения «чужой» и «уродливый». По словам героини романа «Где ты был, Адам», Илоны «чужой и уродливый предстал перед нею мир»¹⁷.

Все без исключения персонажи вовлечены в войну. И типология героев выстраивается по их отношению к войне, как и типология героев Достоевского – по тому или иному отношению к идее насилия.

У Белля выделяется тип персонажей, которые в независимости от военного чина или рода фронтовой службы, испытывают непомерную усталость и отвращение. Нередко, как и Достоевский, Белль передает это с помощью деталей ситуативного портрета, которые, благодаря многократному упоминанию в структуре образов, приобретают функции характерных и характерологических. Как и Достоевский, Белль использует прием многократного портретирования, однако, в отличие от своего предшественника, не прибегает к развернутым, стилистически завершенным портретным описаниям, делая акцент на повторении портретных штрихов. Например: «...лицо генерала – усталое, желтое, скорбное лицо с крупными чертами...»¹⁸, «...генерал выглядел усталым»,¹⁹ «...рядом с ним всплыло лицо генерала – желтое, скорбное лицо с крупными чертами»²⁰. На лице оберлейтенанта проглядывало «глубочайшее отвращение ко всему»²¹, «лицо у офицера было усталое и грустное»²². Смертельная усталость и безразличие отпечатываются на лицах солдат, испытывавших «смесь... тоски, страха и затаенного гнева. Гнев вызывала эта война»²³.

Условно выделяются персонажи, которые, как, например, Файнхальс, Грэк, Берхем (и многие другие), ненавидели войну, а следовательно, и смерть, которую она несет: «... все это дерьмо. Все! Вся эта война!.. Она препохабная!»²⁴

Однако выделяется и иной тип персонажей – «хозяев смерти», «повелевающих смертью»: «Эти люди в касках повелевали смертью, она таилась в дулах их пистолетов, смотрела их тяжелым взглядом. Если они сами не захотят тут же спустить ее с цепи, то за их спиной тысячи других таких же хозяев смерти с висели-

¹⁵ Белль. Где ты был, Адам? С. 92.

¹⁶ Там же. С. 75.

¹⁷ Там же. С. 123.

¹⁸ Там же. С. 21.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 31.

²¹ Там же. С. 24.

²² Там же. С. 25.

²³ Там же. С. 21.

²⁴ Там же. С. 103.

цами, автоматами, которые только того и ждут, чтобы дать ей работу»²⁵. Эту группу структурируют как обобщенно-избирательные образы (комендантский патруль), так и индивидуализированные (Фильскайт). На лицах этих людей также лежит «печать усталости», но делают они свое дело «с безразличием машины»: «На лице его лежала печать усталости, и он делал свое дело с безразличием машины. Должно быть, все это не доставляло ему особого удовольствия. Но он исправно нес службу и никому не давал поблажки»²⁶. В облике хозяев смерти часто проскальзывает выражение равнодушия, безразличия, холодной жестокости. Для «повелителя смерти» Фильскайта война – это осуществление карьерных амбиций.

Главные герои произведений

По мнению Т. Мотылевой, в изображении внутренних конфликтов протагонистов своих произведений, в творчестве Белля присутствуют и прямые переключки с Достоевским. Исследовательница приводит в качестве примера «Записки из Мертвого дома», в частности, размышления о природе подневольного труда. Напомним: «Каторжная работа выносима, когда в ней есть смысл и цель, когда арестант видит полезность того, что он делает. Но если заставить его, например, переносить воду из одного ушата в другой, а из другого в первый, толочь песок, перетаскивать кучу земли с одного места на другое и обратно, – я думаю, арестант удавился бы через несколько дней и наделал бы тысячу преступлений, чтоб хоть умереть, да выйти из такого унижения, стыда и муки»²⁷. Подобный конфликт, указывает Мотылева, лежит в основе повести Белля «Чем закончилась одна командировка», в которой «молодой столяр Груль, проходящий военную службу, вместе с отцом сжег автомашину вермахта, и суд доискивается постепенно – чем вызван такой странный поступок. Оказывается, военное начальство заставляло Груля в качестве водителя машины "накручивать километраж", делать порожние, заведомо бессмысленные пробеги – это и довело юношу до крайнего возмущения, которое вылилось в стихийном и причудливом акте протеста»²⁸.

В то же время исследователи В.Г. Базанов, Д.Д. Благой и А.Н. Дубовиков отмечают и существенное отличие в выборе Беллем главных героев своих произведений: «... Белль никогда не пытался быть аналитиком изуродованных и порочных натур. Фигуры современных Ставрогиных и Верховенских не являются главными фигурами его произведений. Герои Белля – от Вальтера Фендриха

²⁵ Там же. С. 95

²⁶ Там же.

²⁷ Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома // Он же. Собр. соч. в 10 тт. М., 1957. Т. 3. С. 389-702, здесь С. 410.

²⁸ Мотылева Т. Достояние современного реализма. Исследования и наблюдения. М., 1973. С. 281.

(«Хлеб ранних лет»), бюргерского сына клоуна Ганса Шнира, "самовольно отлучившегося" из рядов гитлеровской армии, до столяров Грулей, которые сожгли автомашину, принадлежавшую вермахту – страдают от жестокости окружающей их действительности, чутки даже к самым будничным, казалось бы примелькавшимся проявлениям неправды и пытаются восставать против них на свой особый, чудаческий, очень наивный лад»²⁹.

Сближает Белля с Достоевским тип героев-чудаков³⁰. В отличие от «Преступления и наказания», в романе Достоевского «Идиот» Белля поразили именно художественный образ главного протагониста – князя Мышкина своим умением страдать и *со-страдать*³¹. К типу героев-чудаков можно отнести Ганса Шнира из романа «Глазами клоуна» Белля. Уже сама профессия главного героя – клоун выделяет его среди окружающих его людей, отнюдь не людей искусства, а скорее обывателей, мелких буржуа послевоенного времени. Они воспринимают Ганса Шнира как клоуна не только в силу его профессии, но и с позиции общественной морали, поскольку тот ничуть не стесняется отличаться от других, проявлять искреннюю доброту, искреннюю заинтересованность и т.д. Как и излюбленные герои Достоевского, в чертах которых просматривается «детскость» – чистота и непосредственность, главный герой Белля также напоминает ребенка. Личность главного героя романа Шнира находит отражение в благоговейном и открытом мальчишке, которого замечает в романе только Шнир, другие же герои равнодушны к нему и не обращают на ребенка никакого внимания. «Он промок до костей и под проливным дождем держал перед собой раскрытый школьный портфельчик. Крышку он отвернул и нес его перед собой с таким выражением, какое я видел только на картинках, где изображены волхвы, несущие в дар младенцу Христу золото, ладан и смирну»³². Этим автор подчеркивает контраст между бесхитрым и безгрешным детским взглядом на мир и испорченным взрослением обществом.

Дети в романах Достоевского и Белля

В этой связи нельзя не отметить, что тема детства – одна из ключевых в романстике Белля. Немецкий исследователь Генри Плард указывает на сближающий произведения Белля и Достоевского мотив несчастного детства. «Достоевский видел в страданиях детей метафизический скандал в самой его крайней форме; в романах Белля полным-полно детей, которые страдают и умирают вследствие

²⁹ Литературное наследство. Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования / Под ред. В.Г. Базанова, Д.Д. Благого, А.Н. Дубовикова и др. М., 1973. Т. 62. С.278 и сл.

³⁰ Мотылева. Достоевские современные реализма. С. 282.

³¹ Интервью Белля с Манесом Шпербером в *Debatte* от 12 ноября 1971, цит. по: Böll. *Dostojewskij – heute?*. P. 183f., здесь P. 183. Выделение автора статьи (Е.С.).

³² Белль. Глазами клоуна. С. 584.

войны, сами не понимая отчего»³³. В романе «Не сказав ни единого слова», как и во многих других романах Белля, дети являются главным источником переживаний и надежд главных героев. В этом же романе дети Кэти и Фреда являются невинными жертвами войны. Их серьезность, понимание и всепрощение, слабые проблески улыбок на их лицах – все это следствие украденного детства. В романе «Где ты был, Адам» есть сцена из жизни семьи во время войны: «Файнхальс посмотрел на ребенка. Тонкими, белыми пальцами мальчик все так же неторопливо водил по краю выбоины в полу свой грузовик. Он был тоненький и хрупкий, и движения у него были такие же усталые, как у матери, которая опять сидела возле стола, уткнув лицо в носовой платок»³⁴.

У Достоевского также не по-детски серьезные лица детей являются отражением окружающей их дисгармонии действительности. По мнению Ю. Кудрявцева: «У Достоевского нет счастливых детей. Дети в его произведениях не розовощекие, неумолкаемые, смеющиеся дети. Они, как и взрослые, вечно в задумчивости. Противоестественно, но так. Они видят много бед. Они видят смерть своих братьев и сестер»³⁵. Дети многого не понимают, но очень тонко чувствуют и ощущают окружающий мир. Достоевский был убежден, что «в детской душе большая глубина, свой мир, особый от других, взрослых, и такая иной раз трагедия, что в ней и гению не разобраться»³⁶.

В романе «Глазами клоуна» Ганс Шнир объясняет, почему ему особенно удаются номера, изображающие детский быт: «... в жизни ребенка все обыденное, банальное разрастается до огромных размеров, кажется чуждым, беспорядочным, всегда трагичным. И настоящего отдыха у ребенка тоже не бывает: только когда в его жизнь входят "высшие моральные принципы", появляется отдых, свободное время»³⁷. В качестве яркого примера изображения картины дисгармоничного мира глазами детей, по утверждению Мотылевой, конечно же, можно назвать и главных героев романа «Дом без хозяина», где Генрих Брилах «познает унижения и бедность на собственном тяжком опыте, стыдится и тревожится за непутевую мать (как Илюшечка Снегирев – за опустившегося и униженного отца), а другой, Мартин Бах, присматриваясь к жизни школьного товарища вместе с ним размышляет над порядком, при котором одни объедаются, а другие недоедают»³⁸.

Философские и нравственные проблемы современности, а также отдельные принципы и приемы моделирования картины мира в романистике Генриха Белля и Ф.М. Достоевского во многом сближаются. Отличаясь глубиной психологиче-

³³ Plard H. Mut und Bescheidenheit, Krieg und Nachkrieg im Werk Heinrich Bölls // Geschichte der deutschen Literatur aus Methoden. Westdeutsche Literatur von 1945–71 / Ed. H.L. Arnold. Frankfurt am Main, 1973. Vol. I. P. 251-271, здесь P. 264.

³⁴ Белль. Где ты был, Адам. С. 150.

³⁵ Кудрявцев Ю. Три круга Достоевского. Событийное. Временное. Вечное. М., 1991. С. 31.

³⁶ Опочинин Е. Из беседы с Достоевским 23 декабря 1879, цит. по: Мотылева. Достояние современного реализма. С. 282.

³⁷ Белль. Глазами клоуна. С. 570.

³⁸ Мотылева. Достояние современного реализма. С. 280.

ского рисунка, главные герои Достоевского и Белля, как правило, редко счастливы и довольны жизнью. Нельзя не согласиться с Ю. Кудрявцевым: «Там, где счастье, Достоевскому делать нечего. Человек одинок, изолирован от других, взаимопомощь отсутствует. Равнодушие развито до предела»³⁹.

Сам Белль, подчеркивая гуманизм и человеколюбие Достоевского, выделяет в качестве важнейшего стержня его творчества именно то, что центром пристального внимания русского писателя всегда является «страдающий человек», противопоставляя этот художественный образ идеалу гитлеровской Германии. Цитирую интервью Белля журналу *Дебаты*: «Я прочитал роман "Идиот" в то время, когда в Германии пропагандировалась политическая идеология здоровья во всех ее вариациях. С тех пор "здоровый человек", человек, который не страдает, казался мне ужаснейшим из чудовищ»⁴⁰.

³⁹ Кудрявцев. Три круга Достоевского С. 77.

⁴⁰ Интервью Белля с Манесом Шпербером в: *Debatte*. 12.11.1971. P. 183.

VIII. Эссе

Андреас Умланд

Как Путину удалось перехитрить Запад и заставить его признать российскую аннексию Крыма¹

Благодаря сочетанию умелого дипломатического покера, широкомасштабных манипуляций СМИ и обычной политической наглости, президент России Владимир Путин достиг того, что Европейский Союз и США в письменной форме де-факто приняли российское верховенство над Крымом. Совместная Женевская декларация ЕС, США, Украины и России, принятая 17 апреля этого года, предусматривает, в частности, что «все незаконно захваченные улицы, площади и другие публичные места в украинских городах и поселках должны быть освобождены».

Но это предложение должно было бы в первую очередь относиться к российским войскам, которые сначала инкогнито «незаконно захватили» «публичные места» в Автономной Республике Крым еще до псевдо-референдума от 16 марта 2014 г., а в настоящее время оккупируют их открыто. Единственной частью Крыма, в которой российские войска имеют право легально оставаться до 2017 г., является российская военно-морская база в Севастополе, за размещение которой Россия должна платить Украине арендную плату. Согласно решениям Женевской декларации, однако, кажется – Запад удовлетворится тем, что всего лишь подстрекаемое Россией сепаратистское движение в Восточной Украине разойдется. Таким образом, Женевская декларация 2014 г. находится в прямом противоречии с Будапештским меморандумом от 1994 г., в котором США, Великобритания и Россия гарантировали Украине ее государственный суверенитет при ее отказе от третьего по величине арсенала ядерного оружия в мире. Территория Украины на тот момент включала и до сих пор включает, как признано несколькими международными договорами, крымский полуостров.

Более того: Россия уже использует Женевскую декларацию для того, чтобы, опираясь на ее решения, обвинять пост-революционное правительство Украины в том, что оставшиеся отряды самообороны Евромайдана, в частности, Правового Сектора, не полностью распущены или не контролируются властями. У пропагандистской машины Москвы появился новый опорный пункт, который она бу-

¹ Ранее опубликовано на украинском сайте «Обозреватель».

дет широко эксплуатировать. Запад предоставил Кремлю инструмент для того, чтобы в еще большей степени сделать молодую киевскую демократию заложницей общественной неустроенности и политической нестабильности, которые с исторической перспективы не удивительны после такой глубокой и, не по воле революционеров, кровавой смены режима, которая имела место в Украине. Кремль все сделает для того, чтобы Женевская декларация была воспринята российскими избирателями и иностранными симпатизирующими кремлевскому курсу как знак принятия Западом аннексии Крыма как политически реальной и исторически легитимной. Текст Женевской декларации даже может быть истолкован так, что Запад признает международно-правовую допустимость российской аннексии черноморского полуострова.

Многие на Западе и особенно пацифисты Европы – не в последнюю очередь в Германии – будут, как и после российско-грузинской войны в 2008 г., рады тому, что мир в Европе, кажется, спасен. Как и в случае Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии потеря такого, с точки зрения нормального европейского гражданина, в конечном счете, малозначимого участка земли, как Крым, – это невысокая цена за предотвращение войны или даже ядерной войны с Россией. Российское нарушение суверенитета постсоветских государств стало своего рода обычным правом Москвы.

Россия ведь уже в течение многих лет нарушает статью 19 Декларации Стамбульского саммита ОБСЕ от 1999 г., в которой был обозначен срок вывода российских войск из приднестровской части Молдовы до 2002 г. Уже более пяти лет Москва также упорно игнорирует решающий пункт 5 так называемого Плана Саркози, который положил конец российско-грузинской войне в августе 2008 г. и которым предусматривается вывод российских войск из Грузии на их исходные позиции на территории России.

Станным образом Германия даже «наградила» политику Москвы в отношении Молдовы и Грузии. В 2001 г., когда уже становилось ясно, что российские войска так и останутся в Приднестровье, Путин получил возможность произнести с восторгом принятую речь в немецком Бундестаге. Всего лишь через несколько недель после московского нарушения Плана Саркози и превращения Абхазии и Южной Осетии в российские протектораты, на 8-м заседании Петербургского диалога осенью 2008 г. было официально объявлено о российско-немецком т.н. Партнерстве для модернизации. Женевская декларация, в свою очередь, де-факто признает, что Крым больше не принадлежит Украине. Она является еще одной опосредованной авторизацией Западом российских нарушений норм международного права на постсоветском пространстве.

Декларация также обеспечивает беспрепятственное продолжение многочисленных текущих мелких и крупных торговых соглашений, инвестиционных проектов и совместных предприятий между ЕС и Россией. Страны ЕС и впредь – по крайней мере, в ближайшем будущем – будут каждый месяц заполнять российский госбюджет нефтяными, газовыми и угольными евро. Кремль зависит от это-

го огромного финансового потока из Европы. Эти деньги ему нужны не в последнюю очередь для вознаграждения своих солдат, агентов, коллаборационистов, пропагандистов, хакеров и т.д. в Молдове, Грузии, Украине и других странах.

Сейчас статус-кво восстановлен. Европейская архитектура безопасности после окончания «холодной войны» является или, по крайней мере, кажется снова целой и невредимой. Граждане ЕС могут снова спать спокойно – часто в поставляемом «Газпромом» тепле. Ассоциируемые с Брюсселем в ближайшем будущем крупными соглашениями и официальными странами-партнерами ЕС – Молдова, Грузия и Украина – остаются на периферии внимания Брюсселя.

Фабиан Буркхардт

Освещение кризиса в Украине в немецких ток-шоу

Введение

«В этой связи нам приходит на ум определение нынешних новостей и комментариев германских СМИ только на английском языке: disgusting». Так в своем открытом письме президенту России Владимиру Путину, опубликованному в газете *Neue Rheinische Zeitung* и подписанному, по меньшей мере, десятком более или менее известных граждан Германии, рассуждает Фолькер Бройтигам¹. Далее в тексте осуждаются «односторонние враждебные России высказывания многих наших СМИ и политиков, а также эскалация демаршей Берлина», которые не отражают «настроений населения Германии и его все увеличивающейся воздержанности от милитаристской политики Европейского Союза и НАТО». Насколько мало люди, подписавшие письмо, могут претендовать на репрезентативность, настолько часто немецкие СМИ обвиняются в предвзятости, враждебности по отношению к России, русофобии и прочем. Вероятно, это можно воспринимать в качестве побочного эффекта конфликта на территории Украины с его информационной поддержкой. Но к этим обвинениям следует отнестись внимательно, ведь речь идет об одном из самых значительных противостояний в Европе со времен распада Советского Союза.

Украина также начинает выражать свое недовольство тем, как ее представляют немецкие СМИ. Дело дошло до того, что в письме к ведущим ток-шоу Мэйбриг Иллнер, Райнхольду Бекманну, Маркусу Ланц, Анне Вилль и Гюнтеру Яух украинское посольство выступило с предложением приглашать на шоу, посвященные событиям в Украине, своего посла.

Возникает вопрос – кто прав? Проблема с обвинениями в необъективном освещении событий состоит в следующем: часто за основу берутся субъективные оценки и сомнительные показания, которые хоть и бывают широко распространены, но не обладают достаточным уровнем репрезентативности. При всей многочисленности транслируемых СМИ новостей можно привести достаточно много примеров такого освещения событий.

Взяв за основу обвинение, выдвинутое украинским посольством, мы рассмотрим наиболее важные немецкие ток-шоу на предмет их освещения событий в Украине. Следует признать, что это не решит проблему освещения событий СМИ в

¹ Offener Brief an Putin // *Neue Rheinische Zeitung*. <http://www.nrhz.de/flyer/beitrag.php?id=20163>. Последнее посещение 20 июня 2014.

целом, но, по меньшей мере, позволит сделать достоверные выводы о тех ток-шоу, которые, согласно их популярности у телезрителей, имеют достаточно широкую аудиторию.

Предмет исследования и постановка вопроса

В качестве материала для исследования были выбраны самые важные общественные телеканалы ARD, ZDF и Phoenix, которые в период с ноября 2013 по апрель 2014 года посвятили свои передачи событиям в Украине. Речь пойдет о восьми² ток-шоу (всего 30 программ). Первым с этой темой 12 декабря 2013 выступил в своей программе Райнхольд Бекманн, Анна Виль в обозначенном временном промежутке выступала последней 30 апреля 2014.

Мы должны ответить на 2 вопроса:

Являются ли освещение событий и комментарии к ним антироссийскими?

Есть ли у Украины свой «голос» на ток-шоу?

Основываясь на имеющихся оценках комментаторов, по отношению к пунктам 1 и 2 можно выдвинуть следующие альтернативные гипотезы:

1а) Как уже было сказано во вступлении, обвинение Германии в русофобии распространено достаточно широко. В качестве подтверждения этого мнения можно привести цитату посла Российской Федерации в Германии Владимира Гринина из его интервью газете *Bild am Sonntag*: «Благодаря беспрецедентной пропагандисткой кампании, проводимой СМИ, мир вводят в заблуждение. Иногда это выглядит настолько грубо, что сложно отличить это от базарной ругани. На протяжении всей истории моего 40-летнего знакомства с Западом мне не приходилось сталкиваться с чего-то подобным. Но, Слава Богу, есть еще люди, не попавшие под влияние этой пропаганды»³.

1б) В противопоставление этому в своем тщательно проведенном анализе российско-немецких отношений Ханнес Адомейт пишет:

«... сторонники Путина – это любимчики немецких ток-шоу. Они ценятся потому, что представляют альтернативную точку зрения, и именно поэтому их так часто приглашают на шоу»⁴. Что конкретно имеется в виду под сторонниками Путина в этом тексте, будет объяснено ниже.

2а) Дихотомическое мышление распространено широко. На это в своей статье жалуется Якоб Аугштайн: часто комментаторы встают на сторону Украины в

² Полный список передач, гостей и даты выхода в эфир можно найти по ссылке: <https://lmu-munich.academia.edu/FabianBurkhardt>.

³ Интервью Владимира Гринина для газеты *Bild am Sonntag* // Официальный сайт посольства Российской Федерации в Федеративной Республике Германия. <http://russische-botschaft.de/aktuelles/einzelansicht-news/eintrag/834.html>. Последнее посещение 20 июня 2014.

⁴ Transatlantic perspectives // AICGS. <http://www.aicgs.org/publication/germanys-russia-policy-comparative-perspectives-and-consequences-for-transatlantic-relations/3/>. Последнее посещение 20 июня 2014.

ущерб России, несмотря на то, что такая точка зрения поддерживается далеко не всем населением Германии:

«СМИ и политики хотят воскресить старую картину злых русских. [...] Однако согласно результатам опросов, общественность не так просто поддается на это. Более половины немцев согласны с тем, что Путин рассматривает Украину как зону российского влияния»⁵.

2б) Другая точка зрения, которая мало в чем расходится с официальной позицией украинского посольства, представлена Клаудией фон Зальцен и историком Карлом Шлэгелем, которые заметили, что об Украине много говорят, но очень редко дают ей право голоса.

«Еще не прозвучал голос тех, о ком идет речь и кого это касается, то есть самих украинцев»⁶.

Чтобы проверить перечисленные гипотезы, было проведено исследование существующей практики приглашения участников на данные 8 шоу и определение гостей по их «идеологической» внешнеполитической принадлежности.

Результаты исследования

Название шоу

Если посмотреть на названия шоу, то на первый взгляд кажется, что определенная антироссийская направленность в них присутствует. Учитывая специфику ток-шоу, можно говорить о том, что громкие названия служат для того, чтобы придать содержимому большую эмоциональность и представить Россию в качестве возможной опасности⁷. Это стало очевидным после того, как мы собрали в одно «облако»⁸ 30 заголовков.

⁵ Jakob Augstein S.P.O.N. – Im Zweifel links: Das falsche Feindbild // Spiegel. <http://www.spiegel.de/politik/ausland/augstein-kolumne-putin-und-der-westen-in-der-krim-krise-a-960354.html>.

Последнее посещение 20 июня 2014.

⁶ См. von Salzen Claudia. Plasberg talkt ohne Ukrainer // Tagesspiegel. 18.3.2014. www.tagesspiegel.de/medien/hart-aber-fair-zur-krim-krise-plasberg-talkt-ohne-ukrainer/9632038.html) и интервью с Карлом Шлэгелем «Речь идет не о русских»: Es handelt sich nicht um „Russen“! // Berliner Zeitung. 1.5.2014. www.berliner-zeitung.de/kultur/historiker-karl-schloegel-es-handelt-sich-nicht-um-russen--,10809150,27001136.html. Последнее посещение 20 июня 2014.

⁷ Все названия программ можно найти по ссылке: <https://lmu-munich.academia.edu/FabianBurkhardt>.

⁸ Облако было создано с помощью портала <http://www.wordle.net/>.

Данные о гостях

Всего на 30 шоу был приглашен 81 гость, однако некоторые из них выступали до 4-х раз.

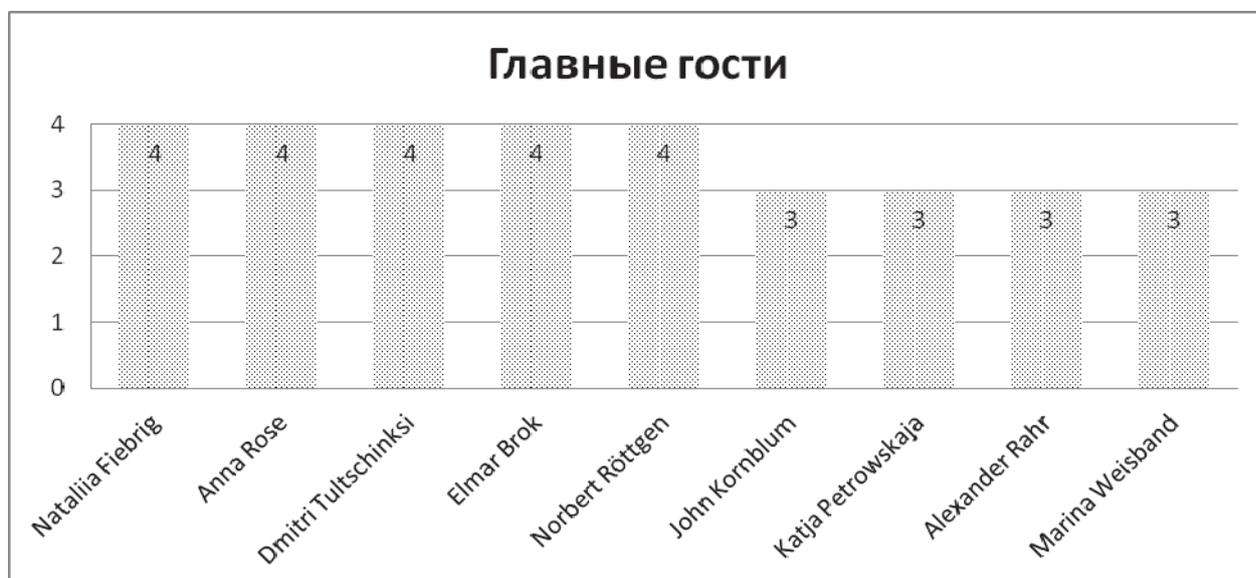

Рис. 2: Наиболее часто приглашаемые гости

Бросается в глаза то, что среди девяти гостей, которые участвовали в шоу три или четыре раза, были три украинки и двое русских. Причина кроется в соединении двух факторов: с одной стороны, как минимум с точки зрения редакторов, гости, которых можно пригласить для выступления по телевидению, являются большой редкостью, а с другой стороны, шоу нужны узнаваемые лица, чего в какой-то степени можно добиться многократными выступлениями.

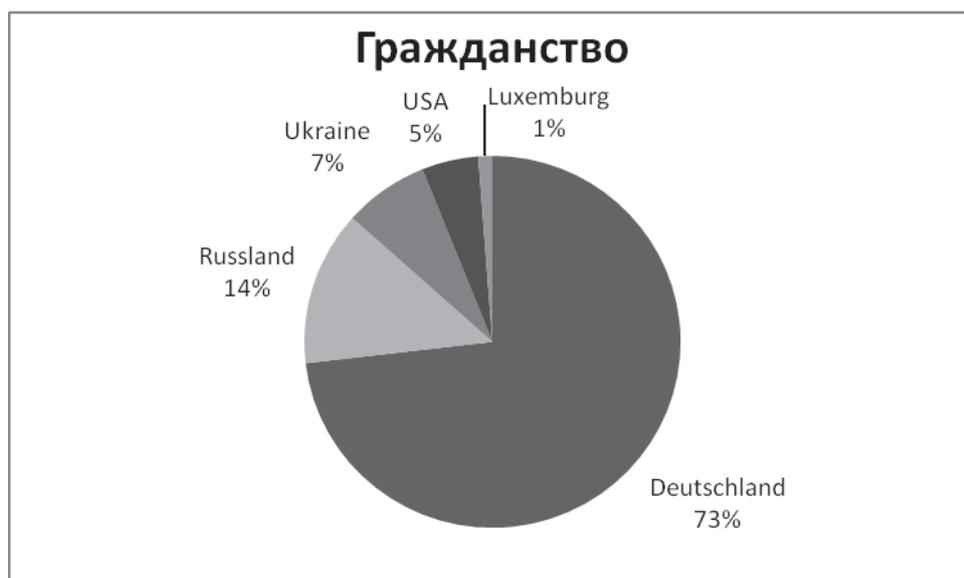

Рис. 3: Государственная принадлежность гостей.

Неудивительно, что статистика по государственной принадлежности гостей говорит в пользу Германии. Следует отметить, что число российских участников в два раза превышает число украинских, и это является первым указателем на то, что украинцам, в отличие от русских, значительно реже дают право голоса. Участие в шоу пяти процентов американцев объясняется необходимостью присутствия экспертов по трансатлантическим отношениям для пояснения позиций США.

Показательной является статистика по профессиональной принадлежности гостей:

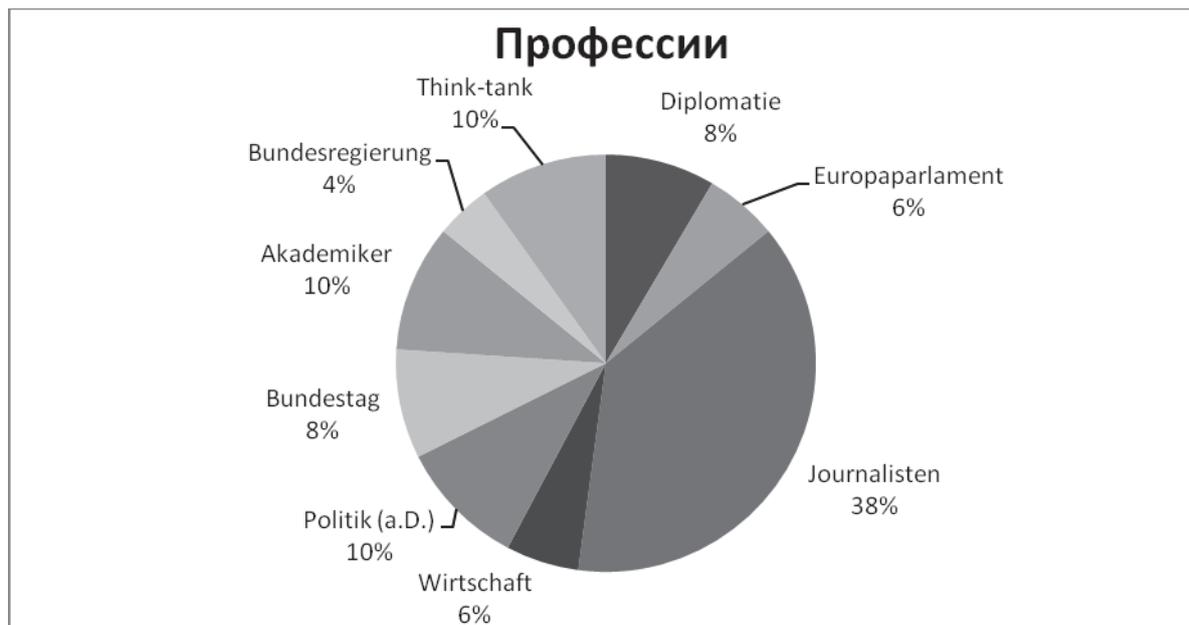

Рис 4: Профессии гостей.

Чаще всего в качестве гостей приглашают журналистов⁹. Бросается в глаза следующий факт: среди 27 журналистов непропорционально много русских (8), из них 5 принадлежат государственному и подконтрольному государству СМИ. Среди 6 дипломатов было два представителя российского посольства, в то время как от Украины не было представлено ни одного. Эксперты и представители науки составили по 10% соответственно, однако двое из семи экспертов были специалистами по России. Из четырех представителей деловых кругов были все, из семи политиков («elder statesmen») шесть принадлежало скорее к сторонникам политики разрядки международной напряженности.

Партийная принадлежность гостей¹⁰ представляет собой удивительно сбалансированную картину, в которой, при том, что ведущие восьми шоу вряд ли могли договориться друг с другом, партии оказались распределены практически пропорционально количеству их мест в Бундестаге¹¹, а также количеству «вторых»

⁹ Под словом журналист в данной статье понимаются журналисты, публицисты, авторы и т.п.

¹⁰ Для круговой диаграммы были взяты немецкие политики, федеральное правительство и Европарламент.

¹¹ Зеленые – 9,98%, Левые – 10%, СПД – 30,38% и ХДС – 49,28%.

голосов на выборах в Бундестаг в 2013 году¹². За счет выступления Ханса-Дитриха Геншера, Марии Вайсбанд, которая вообще-то больше является немецким политиком, но по факту рождения и журналистской деятельности представляемая как украинка, а также активной позиции партии Зеленых в вопросах по Украине, можно оценить Свободную Демократическую Партию, Пиратов и Зеленых как минимальных победителей. Политиков из Христианского Демократического Союза, самой сильной правящей партии, можно наиболее часто встретить в программах. Эта статистика в среднем равна количеству «вторых» голосов, но находится значительно ниже распределения мест в Бундестаге.

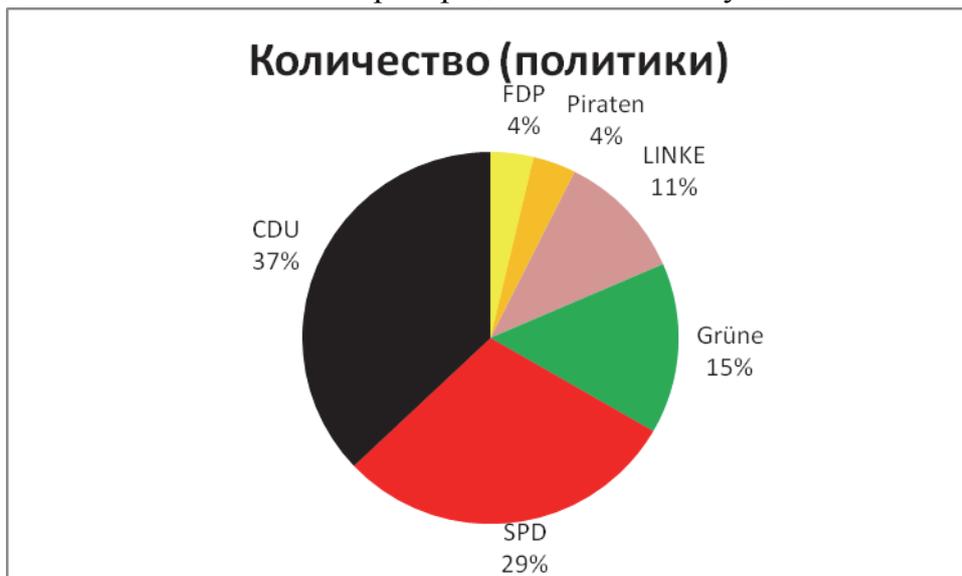

Рис. 5: Репрезентативность партий по числу политиков.

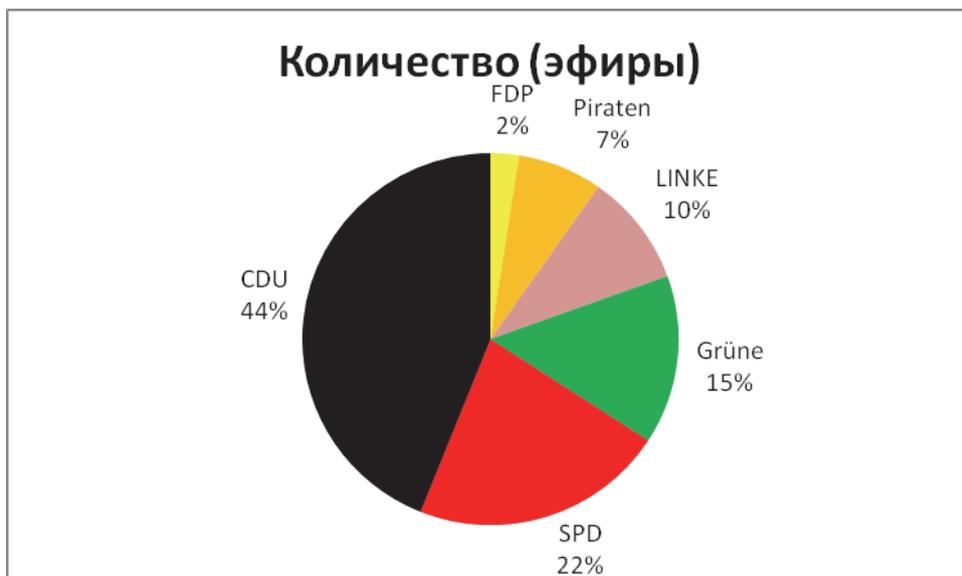

Рис. 5: Репрезентативность партий по количеству эфиров.

¹² Пираты – 2,2%, СДП – 4,8%, Зеленые – 8,4%, Левые – 8,6%, СДПГ – 25,7% и ХДС – 41,5%.

Гости – распределение по категориям

Для того чтобы ответить на вопросы исследования, участники ток-шоу были распределены на категории, с помощью которых стало возможным классифицировать гостей и создать четкое деление по принципу мировоззрения, несмотря на то, что в некоторых категориях широта этого понятия значительно различается.

Ниже будет дано краткое пояснение категорий, один гость может быть отнесен к нескольким категориям.

Категория	Атрибуты и пояснения
Разрядка международной напряженности	Продолжить диалог с Россией; нужно говорить с Россией; нельзя без России; изменения за счет сближения; сопереживание (прежде всего, нужно попробовать поставить себя на место другого [России]); продолжать торговлю; терпение в отношении России оправдано; использовать существующие дипломатические каналы. Охватывает весь спектр от апологетов (Рар, Кроне-Шмальц) вплоть до тех, кто остро критикует действия России, но делает ставку на дипломатические средства (Ишингер).
Политика сдерживания	Наиболее часто выступает за санкции по отношению к России; усиление НАТО в Центральной и Восточной Европе; усиленная поддержка Украины.
Russia first	Классическая великодержавная политика без принятия во внимание государств центральной Европы; Россия как стратегический партнер; архитектура безопасности и экономическая архитектура от Лиссабона до Владивостока
Центральная Европа	Категория, противоположная Russia first; четко направлена на поддержку, понимание интересов стран Центральной и Восточной Европы; за быстрое политическое, экономическое включение Украины в западные институты, тесное сотрудничество с Украиной в области безопасности.
Эксперты по России	Нейтральная категория; долго изучали страну, могут хорошо объяснить это широкой публике.
Запад тоже виноват	Критика ЕС/США/НАТО/освещения со-

	<p>бытий СМИ, каждый из которых более или менее виновен в кризисе;</p> <p>Здесь тоже широкий спектр от сдержанного Нольте (что дает повод задуматься, на сколько можно было совместить соглашение об ассоциации с таможенным союзом) до Грегора Гизи.</p>
Бликий к экономике	Представители экономики (предприниматели, отраслевые объединения, лоббисты, консультанты).
Трансатлантика	Эксперты по США; как правило, выступают за сильный экономический и политический союз с США, а также сотрудничество в области безопасности.
Россия (официально)	Граждане России, которые представляют официальную точку зрения России: послы, российские СМИ (Голос России, РИА Новости, Российская газета, Russia Today, Ruptly); подконтрольные государству СМИ (НТВ); РАН (Белов).
Россия (альтернативно)	Граждане России, которые поясняют поведение России, но не занимают какой-либо определенной позиции (напр., журналисты Немецкой Волны).
Украина (про-Майдан)	Граждане Украины, защищающие Майдан
Украина (пророссийский)	Граждане Украины, занимающие пророссийскую позицию
Украина (альтернативно)	Граждане Украины, не занимающие никакой определенной позиции, но объясняющие события в стране.

Таблица 1: Категории и атрибуты

Рис. 6: Идеологическая карта ток-шоу с гостями

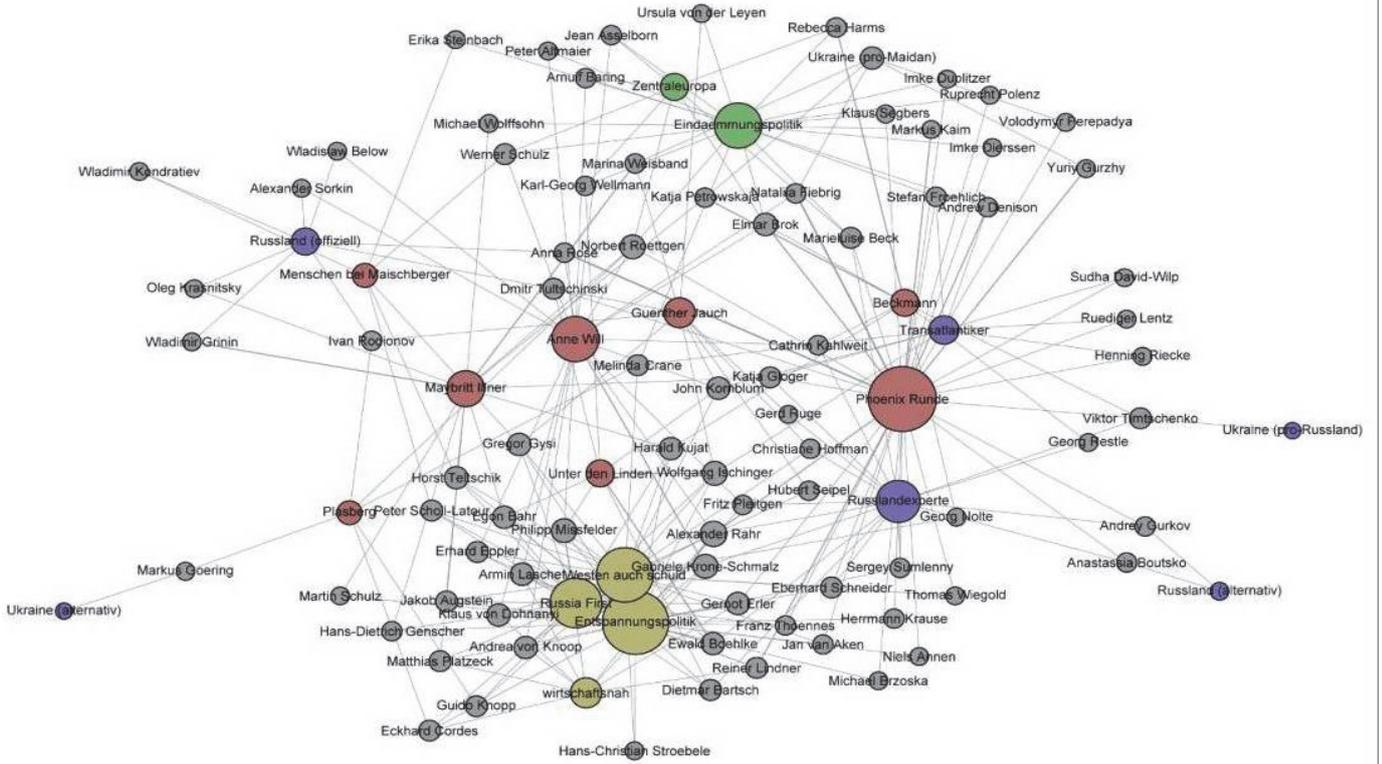
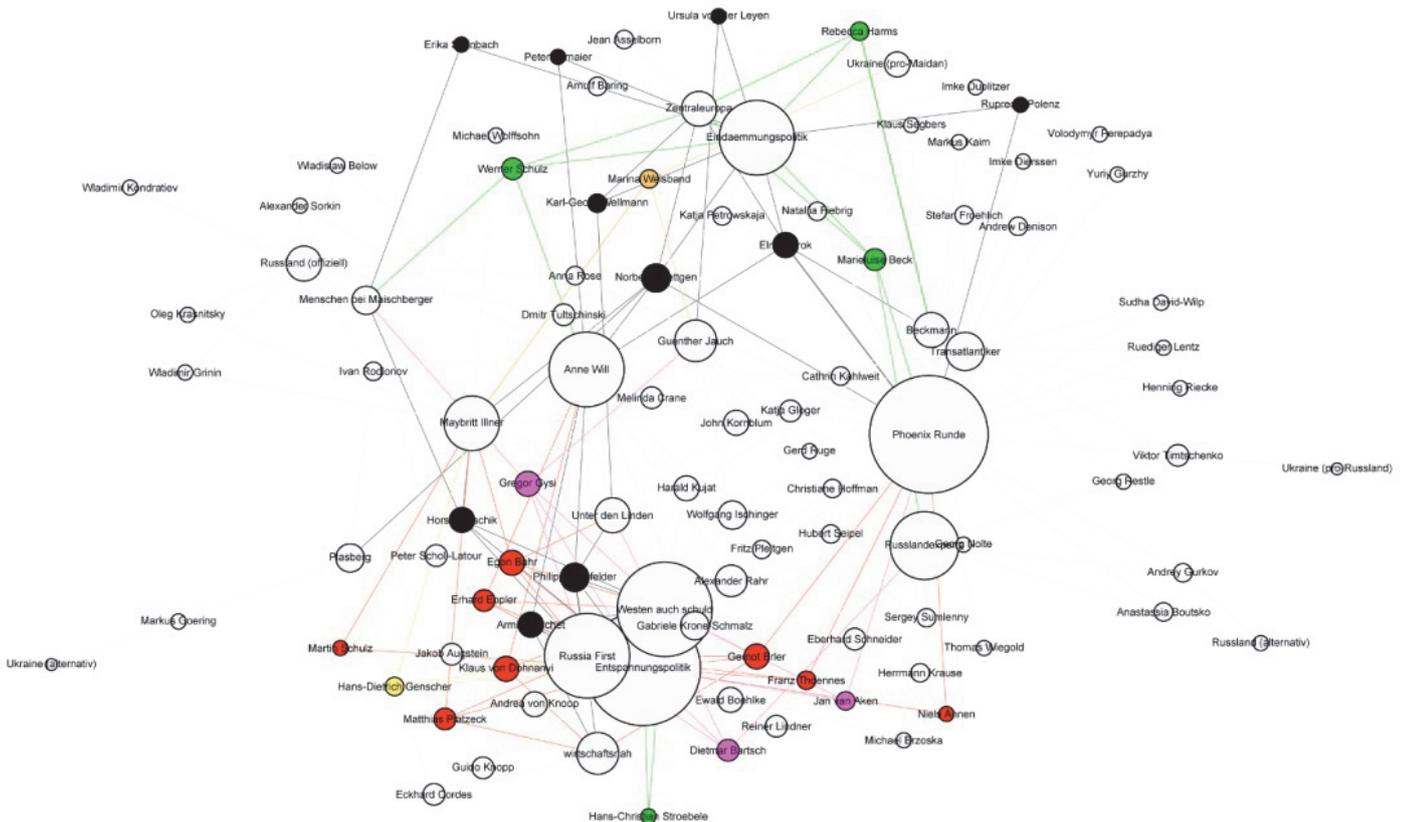

Рис 7: Идеологическая карта ток-шоу и гости: политические партии

Схема¹³ на рисунке 7 в определенной степени изображает идеологическую карту немецких ток-шоу, посвященных теме конфликта в Украине. Окружности представляют собой программы, категории и гостей, линии – связи между ними. Величина окружности дает представление о количестве эфиров, о том, как часто приглашали на шоу определенных лиц и как много из них можно отнести, например, к категории «разрядка международной напряженности». Ток-шоу выделены красным, категории – зеленым и фиолетовым. Особенный интерес представляют горизонтальные и вертикальные оси. На вертикальной оси представлены противоположные полюсы дебатов. На «севере» один полюс образуют «политика сдерживания», «Центральная Европа» и «Украина (про-Майдан)», в то время как на «юге» другой важный кластер создают категории «разрядка международной напряженности», «Russia first», «Запад тоже виноват» и «близкие к экономике». Приближенность к определенным окружностям-категориям передает также и «идеологическую» близость (принадлежность). Александр Рар два раза выступал в шоу Анне Виль и один раз на «Феникс Рунде» и был охарактеризован по таким критериям, как «разрядка международной напряженности», «эксперт по России», «близкий к экономике», «Запад тоже виноват» и «Russia First», исходя из чего (в совокупности с остальными гостями) стало возможным определить его точку на «карте». Ельмар Брок, напротив, принял участие в шоу Анны Виль, Бекманна и «Феникс Рунде» (два раза) и был классифицирован в категории «политика сдерживания» и «Центральная Европа». Гости, расположенные на карте рядом, соответственно защищают схожую позицию. В плане цифр перевес политиков, являющихся сторонниками политики по разрядке международной напряженности, объясняется двумя факторами: во-первых, degree¹⁴ политики по разрядке международной напряженности (32) значительно выше, чем у политики сдерживания (20). Уровень центральности собственного вектора¹⁵ у политики по разрядке международной напряженности с фактором 1 в четыре раза больше, чем у политики сдерживания с фактором 0,232.

Существует много вариантов визуализации данной карты, на рисунке 7 особо выделен аспект партийной принадлежности. Можно сказать, что репрезентативность в течение 30 эфиров является пропорциональной, при этом можно выделить различные «идеологические» позиции внутри партий. В то время, как Христианский Демократический Союз и Зеленые находятся на «севере», Социал-демократическую партию, Свободную Демократическую Партию и Левых можно отнести исключительно к «югу». Кроме того, важно не только то, к какой партии принадлежит гость, но и к какому из многочисленных лагерей он относится.

¹³ Схема создана с помощью приложения Gephi: <https://gephi.org/>.

¹⁴ Degree обозначает количество связей с соседними точками.

¹⁵ Уровень центральности собственного вектора определяет узловой пункт всей схемы.

Чтобы разобраться в вопросах 1 и 2, был составлен график 1 по рейтингу телепередач¹⁶. Это было сделано с целью проверить, имеется ли взаимосвязь между квотой и количеством гостей, представляющих определенную позицию. Кроме того, были рассчитаны «русский» и «украинский» фактор.

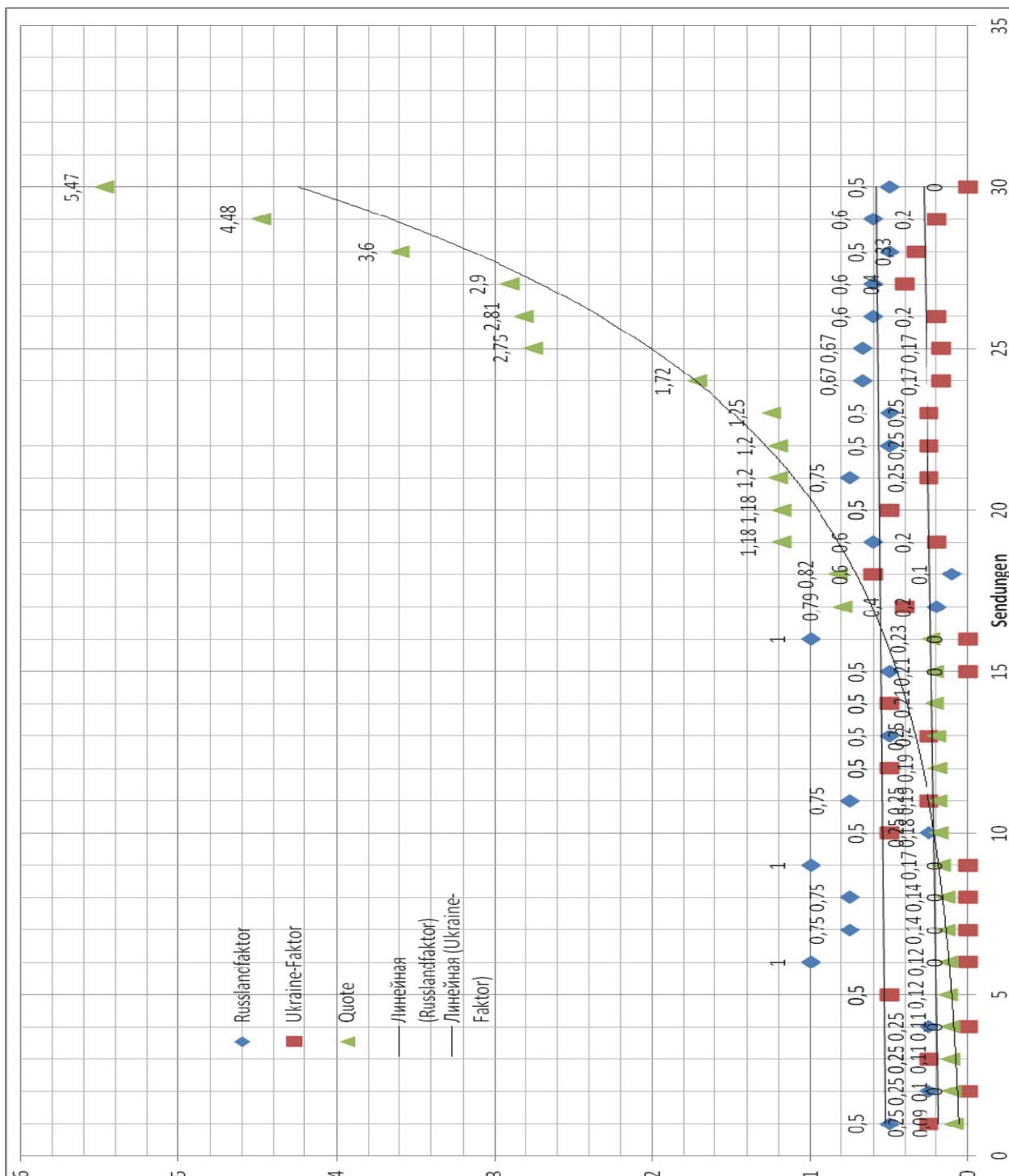

График 1: Рейтинг телепередач и российский/украинский фактор

¹⁶ Рейтинг передачи «Феникс Рунде» был предоставлен отделом по связям с общественностью компании «Феникс». Редакция шоу Анны Вилль, к сожалению, не ответила на запрос, поэтому рейтинг для передач AW2 и AW5 был установлен на отметке 1,2. Другие рейтинги были взяты с сайта www.quotenmeter.de.

Российский и украинский факторы были рассчитаны по одному и тому же принципу: общее число гостей было принято за 1, а сам фактор представляет собой число гостей, охарактеризованных по критерию «Россия (официально)» или «разрядка международной напряженности» (для российского фактора) и «Украина» (про-Майдан, пророссийский, альтернативно) или «Центральная Европа» (для украинского фактора). Например, российский фактор 0,75% на втором шоу Анны Вилль говорит о том, что три из четырех гостя (Кроне-Шмальц, Миссфельдер, Донаньи) были определены в категорию «разрядка международной напряженности». Соответственно, в данном случае украинский фактор составил 0,25% (Фибриг).

В целом можно говорить о том, что прямой связи между рейтингом телепередач и российским/украинским факторами нет. Поэтому нельзя утверждать, что чем больше людей смотрят шоу, тем больше становится желание пригласить на него русофобов либо защитников России. Это также ничего не говорит о профессионализме гостей, лучшие рейтинги означают лишь то, что были приглашены более известные эксперты.

Тем не менее, практически повсеместно российский фактор превалирует над украинским. Исключением являются два шоу Бекманна (B1, B2) и «Феникс Рунде» (PR8). Что является причиной возникновения исключений, лежит за пределами проводимого исследования. Тем не менее, этот феномен подтверждает установившуюся тенденцию: о русофобии в немецких ток-шоу не может быть и речи.

Вывод

Взяв за исходную точку обвинения немецких СМИ в развязывании войны и враждебном отношении к России и исследовав тридцать немецких ток-шоу, посвященных украинской проблематике, мы попытались ответить на 2 вопроса:

Являются ли освещение событий и комментарии к ним антироссийскими?

Есть ли у Украины свой «голос» на ток-шоу?

На первый вопрос можно однозначно ответить нет, хотя на первый взгляд названия программ заставляют думать по-другому. Практика приглашения гостей показывает, что в количественном соотношении перевес идет в сторону сторонников разрядки международной напряженности, и в целом российский фактор, за исключением трех случаев, значительно превалирует над украинским. То, что у Украины нет своего голоса на ток-шоу, оказалось подтвердить не так просто. И, тем не менее, в 8 из 30 программ украинский фактор составил 0%. Вызывает опасения следующая тенденция: ограничение принципов медийного плюрализма в России передается немецкими СМИ, в результате чего они преподносят информацию о России так же выборочно, как это делается в России. Как показано на примере профессиональной принадлежности гостей, редакторы охотнее пригла-

шают на шоу своих коллег-журналистов (38%). Как следствие искажения принципов медийной конкуренции наблюдается следующая ситуация: в России только у государственных или подконтрольных государству СМИ есть возможность содержать иностранных корреспондентов в Берлине. Именно они чаще всего и становятся гостями передач, но бывают и исключения – однажды на шоу с самым низким рейтингом «Феникс Рунде» выступали журналисты Немецкой Волны. Украина с ее намного более разнонаправленными СМИ, финансовые возможности которых сильно ограничены, однозначно была в проигрыше. Кроме Натальи Фибриг практически ни один другой украинский журналист не соответствовал критериям ток-шоу, в то же время в качестве экспертов были приглашены уже долгое время проживающий на территории Германии украинец Юрий Гуржий или Марина Вайсбанд. Можно сказать, что в целом на таких шоу украинцы были экзотикой, их голос выражали то украинский журналист, то музыкант или писатель, но чаще всего на ее защиту вставали Зеленые и представители Европарламента. Позицию России защищали российские дипломаты и государственные СМИ, а со стороны Германии – *elder statesmen*, представители экономики и социал-демократы, левые и частично сторонники Христианского Демократического Союза. Те, кто «понимают Путина», часто становятся любимцами немецких ток-шоу. Анализ современных немецких политических ток-шоу показал, что обвинение немецких СМИ в русофобии или тем более антироссийской пропаганде не имеет под собой никаких оснований.

Коротко об авторах

Константин Антонов, философ, профессор ПСТГУ, Москва

Фабиан Буркхардт, политолог, Мюнхенский университет им. Людвига Максимилиана, Бавария

Максим Гацков, социолог, Регенсбург

Роджер Гриффин, историк, Университет им. Брукса в Оксфорде, Великобритания

Владимир Кантор, философ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Дмитрий Ковпак, историк, Петербургский институт иудаики

Нурия Кутнаева, политолог, Бишкек

Ольга Кучеренко, историк, Колледж Святого Иоанна (Джона), Кембридж, Великобритания

Леонид Люкс, историк, Католический университет г. Айхштетт, Бавария

Дарья Малютина, географ и социолог, Лондон

Андрей Макарычев, политолог, Тартуский университет, Эстония

Юрий Мациевский, политолог, Национальный университет «Острожская академия», Украина

Доннака О'Бахойн, политолог, Городской университет Дублина, Ирландия

Абель Полесе, социолог, Таллинский университет, Эстония

Елена Сивуда, литературовед, Айхштетт, Бавария

Анатолий Сметанников, историк, Институт ПТМ, Иерусалим

Анастасия Степанович, политолог, Франкфурт на Одере, Германия

Андреас Умланд, политолог, Институт евро-атлантического сотрудничества, Киев

Борис Хавкин, историк, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Ольга Чупыра, историк, Айхштетт

Алексей Шестаковский, социолог, Институт экономики и прогнозирования
НАНУ, Украина

Антон Шеховцов, филолог и политолог, Университетский колледж Лондона

Ханс-Иоахим Шпангер, политолог, Гессенский фонд исследований проблем
мира и конфликтов, Франкфурт на Майне, Германия

Глеб Ципурский, историк, Университет штата Огайо, США

Максим Яковлев, политолог, Национальный университет «Киево-Могилянская
академия»